

**ГЕНРИ
КАТТЕР**

фантастические романы
рассказы



ЯРОСТЬ







ГЕНРИ КАТТНЕР

ЯРОСТЬ

фантастические романы
рассказы



Москва
Центрполиграф
1992

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Художник А. В. Вальдман

Каттнер Г.

К29 Ярость. Источник миров. Темный мир. Жил-был гном.—
Фантастические романы, рассказы.— Пер. с англ.— «Оси-
рис».— М.: Центрполиграф, 1992.— 490 с.

Впервые рассказы Генри Каттнера (1915—1958) появились в русских переводах к концу шестидесятых годов и произвели сенсацию среди любителей фантастики (кто не помнит потрясающий цикл о Хогбенах!). Однако впоследствии выяснилось, что тогдашние издатели аккуратно обходили самые, может быть, главные произведения писателя — рассказы и романы, которые к научной фантастике отнести нельзя никак, — речь в них идет о колдовстве, о переселении душ, о могучих темных силах, стремящихся захватить власть над миром... Пожалуй, только сейчас пришла пора познакомить с ними наших читателей. В американской энциклопедии фантастики о Генри Каттнере сказано: «Есть веские основания полагать, что лучшие его произведения будут читаться столько, сколько будет существовать фантастическая литература».

Сборник, который Вы держите в руках, — лишнее тому доказательство.

ББК 84.4 (США)

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
«Центрполиграф», 1992

ISBN 5—7001—0001—0

ЯРОСТЬ

РОМАН



Была белая ночь на Земле и сумеречный рассвет на Венере...

Все люди знали о сияющей тьме, что превратила Землю в звезду на облачном небе. Но мало кто помнил, что венерианский рассвет незаметно сменяется тьмой. Подводные огни горели все ярче и ярче, превращая огненные башни в зачарованные крепости под поверхностью мелкого моря.

Семьсот лет назад эти огни горели еще ярче. Шестьсот лет прошло с момента гибели Земли. Шло двадцать седьмое столетие.

Время замедлилось. Вначале оно двигалось гораздо быстрее. Многое предстояло сделать. Венера оказалась непригодной для жизни, но люди были вынуждены жить на Венере.

На Земле юрский период миновал до того, как человечество превратилось в разумную расу. Человек одновременно прочен и хрупок. Насколько хрупок, он сознает лишь при извержении вулкана или при землетрясении. Насколько прочен, можно понять, если учесть, что колонии существовали не менее двух месяцев на континентах Венеры.

Человек никогда не знал ярости юрского периода – на Земле. На Венере он был гораздо хуже. У человека не было оружия для завоевания поверхности Венеры. Его оружие было либо слишком мощным, либо слишком слабым. Он мог либо полностью уничтожить, либо легко ранить, но не мог жить на поверхности Венеры. Он встретился с противником, которого раньше не встречал.

Он встретился с яростью... И бежал.

Безопасность ждала его под водой. Наука усовершенствовала межпланетные путешествия и уничтожила Землю; наука смогла создать искусственную среду на дне океана. Были построены купола из империума; под ними поднимались города.

Города были завершены... И как только это случилось, расцвет на Венере сменился сумерками. Человек вернулся в море, из которого когда-то вышел.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Забудь проклятья.

Пусть дьявол, чьим слугой ты был доныне,
Тебе шепнет, что вырезан до срока
Ножом из чрева матери Макдуф.

(Шекспир)

Рождение Сэма Харкера было двойным пророчеством. Оно показывало, что происходит в огромных башнях, где все еще горели огни цивилизации, и предсказывало жизнь Сэма в этих крепостях под водой и вне их. Его мать Бесси была хорошенькой хрупкой женщиной, которой не следовало иметь детей. У нее были узкие бедра, и она умерла при кесаревом сечении, выпустив Сэма в мир, который он должен был сокрушить, чтобы тот не сокрушил его самого.

Именно поэтому Блейз Харкер ненавидел своего сына такой слепой злобой и ненавистью. Блейз никогда не мог подумать о мальчишке, не вспомнив происшедшего той ночью. Он не мог слышать голоса сына, не вспоминая жалобных испуганных стонов Бесси. Местная анестезия не могла помочь, поскольку Бесси и психологически, а не только физически не годилась для материнства.

Блейз и Бесси – это была история Ромео и Джульетты, только со счастливым концом. Они были беззаботными гедонистами. В башнях приходилось выбирать: либо вы находили в себе склонность быть техником или художником, либо вы могли оставаться пассивными. Технология предоставляла широкие возможности от телассополитики до строго ограниченной ядерной физики. Но быть пассивным так легко, если вы можете это выдержать. Даже если не можете, лотос дешев в башнях. В таком случае вы просто не предаетесь дорогим развлечениям, таким, как олимпийские залы или арены.

Но Блейз и Бесси могли позволить себе самое лучшее. Их идиллия могла превратиться в сагу гедонизма. Казалось, у нее будет счастливый конец, потому что в башнях платят не индвидуумы. Платит вся раса.

После смерти Бесси у Блейза не осталось ничего, кроме ненависти.

Существовали поколения Харкеров: Джефффри родил Рауля,

Рауль родил Захарию, Захария родил Блейза, Блейз родил Сэма.

Блейз, раскинувшись на удобном диване, смотрел на своего прадеда.

– Можете убираться к дьяволу! – сказал он. – Вы все!

Джеффри был высоким мускулистым светловолосым человеком с удивительно большими ушами и ногами. Он сказал:

– Ты говоришь так потому, что молод, вот и все. Сколько тебе лет? Ведь не двадцать!

– Это мое дело, – сказал Блейз.

– Через двадцать лет мне исполнится все двести, – сказал Джеффри. – У меня хватило ума подождать до пятидесяти, прежде чем заводить сына. И у меня хватило ума не использовать для этого законную жену. Чем виноват ребенок?

Блейз упрямо смотрел на свои пальцы.

Его отец Захария, который до этого смотрел молча, вскочил на ноги и заговорил:

– Он – психбольной! Его место в сумасшедшем доме. Там у него вытянут правду.

Блейз улыбнулся.

– Я принял меры предосторожности, отец, – заметил он спокойно. – Прежде чем прийти сюда сегодня, я прошел через множество тестов и испытаний. Администрация подтвердила мой коэффициент интеллектуальности и душевное здоровье. Я вполне здоров. И по закону тоже. Вы ничего не можете сделать, и вы это знаете.

– Даже двухлетний ребенок обладает гражданскими правами, – сказал Рауль, худой, смуглый человек, элегантно одетый в целофлекс. Он, казалось, забавлялся этой сценой.

– Ты был очень осторожен, Блейз?

– Очень.

Джеффри свел бычьи плечи, встретил взгляд Блейза собственным холодным взглядом голубых глаз и спросил:

– Где мальчик?

– Не знаю.

Захария яростно сказал:

– Мой внук!.. Мы найдем его! Будь уверен! Если он в башне Делавэр, мы найдем его. Если только он вообще на Венере.

– Точно, – согласился Рауль. – У Харкеров большая власть, Блейз. Ты должен знать это. Именно поэтому всю жизнь тебе позволялось делать все что угодно. Но теперь это кончится.

– Не думаю, – сказал Блейз. – У меня хватит собственных денег. А что касается поисков... гм, вы не думаете, что это для вас будет трудновато?

– Мы – могущественная семья, – сказал Джеффри.

– Конечно, – согласился Блейз. – Но как вы узнаете мальчика, когда найдете его?

Он улыбнулся.

Вначале ему дали средство, уничтожающее волосы. Блейз не мог вынести того, что у мальчика, возможно, будут рыжие волосы. Редкий пушок на его голове исчез. И никогда не отрастет снова.

Культура, склонная к гедонизму, имеет свою извращенную науку. А Блейз мог хорошо заплатить. Не один техник был сломлен стремлением к удовольствиям. Такие люди, когда они трезвы, способны на многое. И Блейз отыскал женщину, которая была на многое способна, но не жила. А жила она лишь тогда, когда носила "плащ счастья". Она не проживет долго – приверженцы "плаща счастья" в среднем выдерживают два года. Этот "плащ" представляет собой биологическую адаптацию организма, найденного в венерианских морях. После того как были обнаружены его потенциальные возможности, их стали нелегально развивать. В диком состоянии он ловил добычу, прикасаясь к ней. После того как устанавливался псевдо-контакт, добыча была вполне довольна тем, что ее пожирают.

Это было прекрасное одеяние, белоснежное, мягкое, светящееся переливами света, движущееся ужасными экзотическими движениями, когда устанавливался смертоносный симбиоз. Оно было прекрасно на женщине-технике, когда она двигалась по ярко освещенной тихой комнате в гипнотической сосредоточенности, выполняя задание, за которое ей заплатят достаточно, чтобы она могла в течение двух лет организовать собственную смерть. Она была очень способной. Когда она покончила с заданием, Сэм Харкер навсегда потерял свое наследие. Была установлена новая матрица, точнее, изменен ее оригинальный рисунок.

Мозжечок, щитовидная железа, шишковидный отросток – крошечные комки ткани, некоторые уже действующие, другие ждут, пока их не приведет в действие приближающаяся зрелость. Сам ребенок представлял собой несколько большой бесформенный комок ткани с хрящом вместо костей, на его мягком черепе отчетливо виднелись швы.

– Не чудовище, – сказал Блейз, все время думая о Бесси, – ничего особенного. Короткое, мясистое, толстое!

Забинтованный кусок ткани все еще лежал на операционном столе. Бактерицидные лампы освещали его.

Женщина, плывя в восхитительном экстазе, дотронулась до кнопки вызова. Затем спокойно легла на пол, белоснежное сияние ласкало ее. Ее затуманенные глаза смотрели вверх,

пустые и гладкие как зеркало. Вошедший мужчина отвел ее на койку. И начал послеоперационные действия.

Старшие Харкеры следили за Блейзом, надеясь отыскать ребенка через отца. Но Блейз разработал свой план слишком тщательно, чтобы не учесть такой возможности. В тайнике он хранил отпечатки пальцев и снимок глазного дна Сэма и знал, что по ним он в любое время отыщет сына. Он не торопился. Случится то, что должно случиться. Это неизбежно – сейчас. Нужно задать основные параметры – и для Сэма Харкера не останется никакой надежды.

Блейз мог бы установить в своем мозгу тревожный сигнал – сигнал, который будет молчать много лет. Тем временем, впервые столкнувшись в жизни с реальностью, он делал все возможное, чтобы забыть ее. Он не мог забыть Бесси, хотя и пытался.

И он снова погрузился в яркий эйфористический водоворот гедонизма в башнях.

Ранние годы погружены в несохраняющее воспоминания прошлое. Время тогда двигалось для Сэма очень медленно. Тянулись часы и дни. Мужчина и женщина, которых он считал своими родителями, даже тогда не имели с ним ничего общего. Ведь операция не изменила его мозг – свой интеллект он унаследовал от мутированных предков. Хотя эта мутация привела в основном лишь к изменению жизни, она позволила Харкерам господствовать на Венере. Они не были единственными долгожителями: существовало несколько сот людей, которые – в зависимости от различных факторов – могли надеяться прожить от двухсот до семисот лет. Но наследственные черты в них были отличимы.

Он помнил, как однажды был карнавальным сезон, и его неуклюжие родители надели пышные наряды и смешались с остальными. Он уже тогда был достаточно большой, чтобы кое-что помнить.

Карнавал был уважаемым обычаем. Вся башня Делавэр сияла. Цветастые дымы висели как туман над движущимися Путиами, привязывались к проходившим смельчакам и весельчакам. Это было время смешения всех классов.

Технически никаких низших классов не было. В действительности...

Он увидел женщину – прекраснейшую женщину. Платье у нее было голубое. Это слово вовсе не передает цвет. Он был глубоким, разнообразно-голубым, таким бархатистым и гладким, что мальчику до боли захотелось прикоснуться к нему. Он был слишком мал, чтобы понять утонченность покроя платья,

его чистые линии, его соответствие лицу женщины и ее пшенично-желтым волосам. Он увидел ее на расстоянии и был полон неистового желания узнать о ней как можно больше.

Приемная мать не могла рассказать того, что ему было нужно.

– Это Кедр Уолтон. Ей сейчас, должно быть, двести-триста лет.

– Да, – годы для него ничего не значили. – Но кто она?

– О... она ведаёт очень многим!

– Это – прощальная встреча, дорогой, – сказала она.

– Так быстро?

– Шестнадцать лет, разве это мало?

– Кедр, Кедр, иногда я хочу, чтобы наша жизнь не была такой длинной.

Она улыбнулась ему.

– Тогда мы никогда бы не встретились. Мы, бессмертные, тяготеем к одному уровню. Поэтому мы и встретились.

Захария Харкер взял ее за руку. Под их террасой башня сверкала цветами карнавала.

– Всегда все по-новому? – сказал он.

– Так не будет, если мы подолгу будем оставаться вместе. Только представь себе – быть неразрывно связанными сотни лет!

Захария бросил на нее пронизательный взгляд.

– Суть, вероятно, в соотношениях, – сказал он. – Бессмертные не должны жить в башнях. Ограничения... чем старше становишься, тем больше хочется расшириться.

– Что ж... я расширяюсь.

– Башни нас ограничивают. Юноши и короткоживущие не видят окружающих их стен. Но мы, прожившие долго, видим. Нам нужно больше простора. Кедр, я начинаю бояться. Мы достигли своих пределов.

– Неужели?

– Во всяком случае, подошли к ним близко. Мы – бессмертные. Я боюсь интеллектуальной смерти. Что пользы в долгой жизни, если не иметь возможности применять приобретенные знания и власть? Мы начинаем топтаться на месте.

– Что ж тогда? Другие планеты?

– Возможно, форпосты. Но на Марсе нам тоже понадобятся башни. И на больших других планетах. Я думаю о межзвездных перелетах.

– Это невозможно.

– Это было невозможно, когда человек пришел на Венеру. Теперь это теоретически возможно, Кедр. Но пока еще не

практически. Нет... стартовой платформы. Межзвездный корабль может быть построен и испытан в подводной башне. Я говорю о символичности.

– Дорогой, – сказала она, – перед нами все время мираж. Мы поговорим об этом снова... через пятьдесят лет.

– И до этого времени я тебя не увижу?

– Конечно, ты увидишь меня, Захария. Но не больше. Это время – наш отпуск. Зато потом, когда мы снова встретимся...

Она встала. Они поцеловались. Это тоже был символический жест. Оба знали, что пыл способен превратиться в серый пепел. И хотя они любили друг друга, они были достаточно мудры и терпеливы, чтобы подождать, пока огонь снова сможет разгореться.

Через пятьдесят лет они снова станут любовниками.

Сэм Харкер смотрел на худого серолицего человека, целеустремленно двигавшегося через толпу. На нем тоже был пестрый целофлекс. Некогда он так сильно загорел, что столетия под водой не смогли бы смыть этого загара. Рот его был искривлен в презрительной усмешке.

– Кто это?

– Что? Где? Не знаю... не мешай.

Он ненавидел компромисс, заставивший его надеть целофлекс. Но старый мундир привлекал слишком много внимания. Холодный, с жестким ртом, страдающий, он позволил пути нести его мимо огромного шара Земли, закрытого черным пластиковым пологом, который в каждой башне служил напоминанием о величайшем достижении человечества. Он прошел в окруженный стеной сад и протянул в зарешеченное окно идентифицирующий диск. Вскоре его впустили в храм.

Вот он, храм Истины!

Впечатляюще. Он почувствовал уважение к технике – нет, к логистам, окружавшим его теперь. Жрец ввел его во внутреннее помещение и указал на стул.

– Вы Робин Хейл?

– Да.

– Что ж... вы собрали и сообщили нам все необходимые данные. Но нужно задать еще несколько проясняющих вопросов. Их задаст сам Логист.

Жрец ушел. Внизу, в гидропоническом саду, беззаботно бродил между растениями высокий худой человек.

– Нужен Логист. Ждет Робин Хейл.

– Черт возьми, – сказал тощий человек, отставив лейку и почесывая нижнюю челюсть. – Мне нечего сказать бедному малому. Он конченный человек.

– Сэр!

– Я поговорю с ним. Идите и успокойтесь. Его бумаги готовы?

– Да, сэр.

– Хорошо. Я скоро буду. Не торопите меня.

Что-то бормоча, Логист двинулся к лифту. Вскоре он уже находился в контрольной комнате и через визор взглянул на истощенного загорелого человека, неудобно сидевшего в кресле.

– Робин Хейл? – сказал он новым глубоким голосом.

Хейл невольно напрягся.

– Да.

– Вы – бессмертный. Это значит, что вы можете прожить не менее семисот лет. Но у вас нет занятия, верно?

– Верно.

– Что случилось с вашей работой?

– А что случилось с Вольным Товариществом? Оно умерло. Оно исчезло, когда башни объединились под одним правительством и прекратились войны между ними. В прежние времена Вольные товарищи были воинами и наемниками. Им платили за то, чтобы они вели войны, которые башни не осмеливались вести сами.

Логист сказал:

– Среди Вольных товарищей было мало бессмертных. Прошло много времени после гибели Вольного Товарищества. Вы пережили свое дело, Хейл. Хотите, чтобы я нашел вам занятие?

– Вы не сможете, – горько сказал Хейл. – А я не смогу выдержать перспективу сотни лет бездельничанья. Предаваться удовольствиям? Я не гедонист.

– Я могу подсказать вам легкий выход, – сказал Логист. – Умрите.

Наступило молчание.

– Не могу сказать вам, как лучше умереть, – продолжал Логист. – Вы – борец. Вы захотите умереть, борясь за жизнь. И лучше всего – борясь за что-то, во что вы верите. – Он помолчал. Когда он заговорил снова, голос его изменился. – Подождите минуту. Я выйду отсюда. Отключитесь.

Мгновение спустя высокая фигура показалась из-за занавеса у стены. Хейл вскочил на ноги, глядя на похожую на пугало фигуру. Логист жестом попросил его снова сесть.

– К счастью, я здесь хозяин, – сказал он. – Эти жрецы не позволили бы мне, если бы смогли. Но что они могут без меня? Я – Логист. Садитесь. – Он придвинул другой стул, достал из кармана странный предмет, это была старая трубка, и набил ее табаком.

– Выращиваю и готовлю сам, – сказал он. – Послушайте, Хейл, эти фальшивые разговоры для башен, но зачем они вам?

Хейл изумленно посмотрел на него.

– Но замок... это ведь замок Истины? Вы хотите сказать, что все...

– Фальшь? Нет. Только на одном уровне. Беда в том, что правда не всегда выглядит достойно. Эта старая статуя истины – она ведь нагая. Посмотрите на меня. Было время, когда мы действовали прямо. Ничего не выходило. Люди считали, что я просто высказываю свое мнение. Я похож на обычного человека. Но это не так. Я мутант. Я прошел полный круг. Начал с Платона, Аристотеля, Бэкона, Коржибского и до компьютера – у меня лучший способ использовать логику для решения человеческих проблем. Я знаю ответы. Верные ответы.

Хейлу трудно было понять.

– Но... вы не можете быть непогрешимы. Вы используете какую-нибудь систему?

– Перебрал все системы, – сказал Логист Хейлу. – Много слов. Все сводится к одному: здравый смысл.

Хейл мигнул.

Логист разжег трубку.

– Мне тысяча лет, – сказал он. – Трудно в это поверить, сынок, я знаю. Говорю вам, я особый мутант. Я родился на Земле. Я помню атомные войны. Не самую первую – тогда-то я и родился, и мои родители попали под вторичную радиацию. Я ближе всех к истинному бессмертию. Но мой главный талант – вы читали о Веке-пророке? Нет? Ну, он был одним из множества пророков в те дни. Многие догадывались о том, что ждет их. Для этого не нужно было логики. Так вот, я и был Веком-пророком. К счастью, некоторые послушались меня и начали колонизацию Венеры. Ко времени взрыва Земли я был уже здесь. Некоторые специалисты изучали мой мозг и нашли его необычным. В нем есть какое-то новое чувство – инстинг – никто не знает точно, что это такое. Но я даю правильные ответы.

– Вам тысяча лет? – спросил Хейл, уцепившись за этот единственный пункт.

– Почти. Я видел, как они приходят и уходят. Мне легко было бы управлять всем насестом, если бы я захотел. Но избавьте меня от этого! Я вижу все последствия, и они мне не нравятся. Я просто сижу здесь, в замке Истины, и отвечаю на вопросы.

Хейл потрясенно сказал:

– Но мы всегда считали... здесь машина...

– Конечно, я знаю. Люди скорее поверят машине, чем похожему на них человеку. Послушайте, сынок, как бы ни воспринимали это, я знаю ответы. Я рассматриваю информацию и тут же вижу ответ. Простой здравый смысл. Единственное требование – я должен знать все о вас и о вашей проблеме.

– Значит, вы знаете будущее?

– Слишком много вариантов, – сказал Логист. – Кстати, я гадею, вы не раскроете моего секрета. Каждый раз, когда я показываюсь какому-нибудь клиенту и схожу со своего пьедестала, они поднимают шум. Впрочем, можете говорить, если хотите, никто не поверит, что непогрешимый оракул – не сверхмашина. – Он улыбнулся. – Главное, у меня есть идея. Я говорил вам, что знаю ответ. Но иногда у меня бывает не один ответ. Почему бы вам не отправиться на поверхность?

– Что?

– Почему бы и нет? Вы сильны. Возможно, вы будете убиты. Возможно, говорю я. Но вы погибнете в борьбе. Здесь, в башнях, вам не за что бороться. Есть люди, разделяющие ваши мысли. Вольные товарищи – и среди них бессмертные. Отыщите их. Отправляйтесь на поверхность.

– Это невозможно, – сказал Хейл.

– В Товариществе были крепости, верно?

– Потребовались целые отряды техников, чтобы отогнать джунгли. И звери. Мы там вели постоянную войну. К тому же крепости – их не так много осталось.

– Возьмите одну и восстановите ее.

– Но... что потом?

– Может, вы станете диктатором, – спокойно сказал Логист. – Диктатором Венеры.

Наступило молчание. Лицо Хейла изменилось.

– Достаточно, – констатировал Логист, вставая. Он протянул руку. – Кстати, меня зовут Бен Кроувелл. Приходите ко мне, когда встретитесь с затруднениями, а может, я сам приду к вам. Но в этом случае не надейтесь на мой мозг.

Он подмигнул и зашагал прочь, посасывая свою трубку.

Жизнь в башнях очень походила на игру в шахматы. В амбарах, среди кур, социальное превосходство измеряется длиной срока аренды. Протяжение во времени есть богатство. У пешек короткий срок жизни, у коней, слонов и людей она больше. Социально существовала трехмерная демократия, но автократия имела лишь четверть измерения во времени. Почему библейские патриархии достигли власти? Потому что они могли ее удерживать.

В башнях бессмертные просто знали больше, чем короткоживущие. Психологически стало любопытным смещение. В эти практичные дни бессмертных не обожествляли, но определенное смещение все же произошло. У родителей всегда есть преимущество перед ребенком – зрелость. Плюс опыт. Возраст.

Таким было смещение. Подсознательно короткоживущие

жители башен начали смотреть на бессмертных с завистью. Потому что те больше знали. И были старше.

К тому же у человека есть печальная привычка – перекладывать на других неприятную ответственность. В течение столетий тенденция уводила от индивидуализма. Социальная ответственность достигла такой точки, когда всякий отвечал за соседа.

Постепенно образовался огромный круг, в котором все зависели друг от друга. Бессмертные, знавшие, какие долгие пустые столетия ждут их впереди, позаботились, чтобы эти столетия не были пустыми. Они учились. У них было много времени.

Приобретая знания и опыт, они стали принимать на себя ответственность, с такой легкостью передаваемую большинством.

Это была достаточно стабильная культура – для умирающей расы.

Он часто попадал в трудное положение. Все новое очаровывало его. Об этом позаботились хромосомы Харкеров. Впрочем, его звали Сэм Рид.

Он сражался с невидимыми преградами, которые – он знал – держали его в заключении. Их было девяносто. Где-то глубоко в его мозгу – нелогично и унаследованно – восставала мысль: что можно сделать за девяносто лет?

Однажды он попытался найти работу в большом гидропоническом саду. Его тупое и грубое лицо, лысая голова, его рано развившийся ум – все это давало ему возможность убедительно лгать, говоря о своем возрасте. Он работал некоторое время, пока любопытство не взяло верх, и тогда он начал экспериментировать с ботаническими культурами. Поскольку знаний у него не было, он загубил большой урожай.

Перед этим он, однако, обнаружил в одном из бассейнов голубой цветок, который напоминал ему о женщине, виденной на карнавале. Ее платье было точно такого же цвета. Он спросил одного из служащих о цветке.

– Проклятый сорняк, – ответил тот. – Никак не можем убрать их из бассейна. Сотни лет, а они все живут. Впрочем, с этим не так уж много хлопот. Крабья трава гораздо хуже. – Он вырвал цветок и отбросил его в сторону. Сэм сохранил его и позже расспросил еще. Он узнал, что это фиалка. Скромное красивое маленькое растение было непохоже на великолепные гибридные цветы, выращиваемые в секции гидропоники. Он хранил цветок, пока тот не рассыпался в прах. Но и после этого Сэм помнил о нем, как помнил о женщине в фиолетовом платье.

Однажды он отправился в башню Канада, далеко в Мелком море. Раньше он никогда не выходил за пределы своей башни и был зачарован, когда большой прозрачный шар стал подниматься в пузырящейся воде. Он отправился с нанятым им человеком, нанятым за краденые деньги, который должен был выдавать себя за его отца. После того как они добрались до башни Канада, он больше его никогда не встречал.

Он был изворотлив для своих двенадцати лет. Перепробовал множество работ. Но ни одна из них его не удовлетворяла. Все были слишком скучные. Блейз Харкер знал, что делал, когда оставил нетронутым мозг в чашке деформированном теле.

Впрочем, оно было чахлам только по стандартам того времени. Длинноногие высокие бессмертные установили свои стандарты красоты. Безобразными считались приземистые, коренастые и ширококостные короткоживущие.

В Сэме засело и росло яростное семя неудовлетворенности. Оно не могло развиваться нормально, потому что это было семя бессмертного, а он, по-видимому, не был бессмертным. Он просто не мог претендовать на работу, которая требовала столетней подготовки. Даже шестидесятилетней...

Он шел своим трудным, но неизбежным путем. И нашел учителя, своего Хирона, когда встретил Слайдера.

Слайдер был толстым злобным стариком. У него были кустистые седые волосы, прыщавый красный нос и собственная философия. Сам он никогда не предлагал советов, но отвечал, если его спрашивали.

– Людям нужны развлечения, – говорил он мальчику. – Большинству из них. И они не хотят смотреть на то, что им неприятно. Думай, парень. Воровством многого не добьешься. Лучше быть полезным людям, обладающим властью. Возьмем банду Джима Шеффилда. Джим обслуживает тех, кого надо. Не задавай вопросов, делай то, что тебе говорят, но в начале установи нужные связи.

Он чихнул и замигал водянистыми глазами.

– Я говорил о тебе с Джимом. Повидайся с ним. Я не стал бы этого делать, если бы не разглядел в тебе кое-что.

Он оставил Сэма у двери и дал ему пластиковый диск.

– Ты далеко пойдешь. Ты ведь не забудешь старого Слайдера? Некоторые забывали. Но я могу причинять неприятности так же легко, как и делаю одолжения.

Сэм вышел, а толстый злоеющий старик продолжал чихать и хихикать.

Он повидался с Джимом Шеффилдом. Тогда ему было четырнадцать лет, и он был силен, невысок и сердит. Шеффилд

оказался сильнее и старше. Ему было семнадцать, этому выпускнику школы Слайдера, независимому и хитрому бизнесмену, чья банда уже приобрела известность. Человеческий фактор всегда был важен в интригах башен. Это была не просто политика, нравы этой эпохи были также пунктуальны и сложны, как и во времена макиавеллиевой Италии. Простая правда не только была неприемлема, но и отдавала дурным вкусом. Главное – интриги. В постоянно изменяющемся балансе власти человек должен был перехитрить противника, запутать его в собственной паутине, заставить уничтожить самого себя – вот в чем заключалась игра.

Банда Шеффилда работала по найму. Первым заданием Сэма Рида было отправиться под воду вместе с более опытным товарищем и собрать образцы синеватой водоросли, запрещенной в башне. Когда он вернулся через тайный ход, то с удивлением увидел ожидающего их Слайдера. Тот держал наготове портативный лучевой аппарат. Маленькое помещение было герметически закупорено. На Слайдере была защитная одежда. Голос его доносился через диафрагму.

– Стойте на месте, парни. Держи, – он бросил лучевой механизм Сэму. – Облучи этот пластиковый мешок. Он закрыт? Хорошо. Облучи его сверху. Так. Теперь поворачивай. Не спеши! Спутник Сэма попытался ему что-то возразить.

Слайдер фыркнул:

– Делай, что говорят, или я сверну твою тощую шею. Поднимай руки. Поворачивайтесь медленно, пока я вас облучаю. Вот так.

Потом они втроем встретились с Джимом Шеффилдом. Джим был послушен, но сердит. Он попытался спорить со Слайдером.

Слайдер фыркнул и потерял свою седую голову.

– Заткнись, – сказал он. – Ты слишком вырос из своих башмаков. Если, затевая что-нибудь новое, не позабудешь спросить меня, то уберешься от многих неприятностей. – Он хлопнул по пластиковому мешку, который Сэм положил на стол. – Знаешь, почему эта водоросль запрещена в башне? Твой патрон не предупреждал тебя, что с ней нужно обращаться осторожно?

Широкий рот Шеффилда изогнулся:

– Я был осторожен.

– С ней безопасно обращаться только в лабораторных условиях, – сказал Слайдер. – Только так. Это пожиратель металла, она разлагает металл. Когда с нею правильно обращаются, она безвредна. Но в сыром состоянии может высвободиться и наделает много бед. И ты кончишь в терапии. Ясно? Если бы сразу пришел ко мне, я сказал бы, что сначала нужно взять ультра-

фиолетовую установку и облучить водоросль. Она могла прилипнуть к костюмам парней. В следующий раз ты так легко не отделаешься.

Шеффилд потупил взгляд. Он послушно встал, подобрал мешок и вышел, поманив за собой ребят. Они на мгновение задержались. Слайдер подмигнул Сэму.

— Ты делаешь массу ошибок, парень, когда не слушаешься советов старших, — сказал он.

Это был лишь один из многих эпизодов его внешней жизни. Внутренне он был рано развившимся, аморальным, мятежным. Он восставал против краткости жизни, которая делала всякое обучение тщетным, когда он думал о бессмертных. Он восставал против собственного тела, толстого, приземистого, плебейского. Восставал скрыто, не зная причины, против того, что непоправимо, невозвратно вошло за первые недели в его жизнь.

В мире всегда существовали разгневанные люди. Такой гнев, как у Ильи, — это огонь Господен, человек остается в истории как святой, а его гнев сдвигает горы, чтобы улучшить человечество. Иногда гнев разрушителен, великие полководцы уничтожают целые нации. Такой гнев находит свое внешнее выражение и не должен скрывать своего хозяина.

Но гнев Сэма Рида был направлен против таких вечных категорий, как время и судьба, и единственной целью, которую мог найти этот гнев, был сам Сэм Рид. Разумеется, такой гнев противоестествен в человеке. Но Сэм Рид и не был нормален. И отец его не был нормален, иначе он не стал бы так, несоответственно вине, мстить сыну. Порок, скрывавшийся в крови Харкеров, ответствен за этот гнев, в котором жили отец и сын, разделенные, гневающиеся по разным поводам, восставшие против всего, и прежде всего против собственной жизни. Сэм прошел через много внутренних фаз, которые поразили бы Слайдера, Джима Шеффилда и остальных, с кем он тогда работал. Его мозг был сложнее, чем у остальных, он был способен жить на многих уровнях и скрывать это. С тех пор как он открыл большие библиотеки башен, он стал страстным читателем. Он никогда не был только интеллектуальным человеком, и внутреннее беспокойство мешало ему овладеть каким-либо полем знания и тем самым подняться над собственным положением благодаря единственному преимуществу, которым он обладал, — благодаря своему мозгу.

Но он пожирал книги, как огонь пожирает топливо, как собственная неудовлетворенность пожирает его самого. Он пожирал толстые фолианты, касающиеся любого вопроса, встречавшегося ему, и отягощался знаниями, бесполезно копивши-

мися в его мозгу. Иногда эти знания помогали ему совершить мошенничество или скрыть убийство. Часто же они просто лежали, неостребованные, в мозгу, запрограммированном на тысячелетие, но обреченном исчезнуть меньше, чем через сто лет.

Хуже всего было то, что Сэм Рид в сущности не знал, что его беспокоит. Он боролся с собственным сознанием, пытаясь избавиться от подсознательного знания о собственном наследии. Некоторое время он надеялся найти ответ в книгах.

В те ранние дни он видел в книгах отсрочку от эскапизма, который позже он испытал во многих формах, пока не набрел в конце концов на одну великую, невероятную и невыполнимую задачу, решить которую было предназначено ему судьбой.

В следующие пятнадцать лет он читал – быстро и спокойно – в библиотеках всех башен, где ему случалось бывать, и это служило противовесом тем незаконным делам, в которые он все время впутывался. Глубокое презрение к людям, которых он обманывал, прямо или косвенно, сочеталось с презрением к своим товарищам. Сэм Рид ни в каком отношении не был приятным человеком.

Даже для самого себя он был непредсказуем. Он был жертвой ненависти к самому себе, его месть людям иногда принимала очень резкие формы. Он стал пользоваться дурной репутацией. Никто не доверял ему – да и как можно было ему доверять, если он не доверял сам себе? Но мозг и руки его были настолько искусны, что его услуги пользовались большим спросом, хотя и могли привести к кровавым убийствам, если Сэм Рид давал волю своему гневу.

Сэм Рид воспринимал Вольных товарищей, как исчезнувших динозавров старой Земли, и почти по тем же причинам – как воплощение великолепной романтики. Он понимал причины такого восприятия и в глубине души насмехался над собой. Не Вольные товарищи, а связанное с ними представление о свободе – вот что в конечном итоге очаровывало всех, включая и Сэма.

Сэм читал о пионерских днях Венеры со свирепой жадностью. Человек может всего себя отдать борьбе с таким соперником, как дикая планета, с которой борются поселенцы. Он с горячей ностальгией читал о старой Земле, о ее широких горизонтах. Он напевал про себя старые песни и старался представить себе вольное небо.

Беда его заключалась в том, что его собственный мир был прост, усложненный лишь искусственно, но так, чтобы никто не мог поранить себя об искусственные барьеры: эти барьеры падали от легкого прикосновения. Когда колотишь их одной рукой, другой можно поддерживать.

Единственный достойный противник, найденный Сэмом, было время – длинная и сложная протяженность столетий, которых – он знал это – ему не прожить. Поэтому он ненавидел мужчин, женщин, весь мир, самого себя. За отсутствием достойного противника он сражался со всеми сразу.

Все это время оставалось справедливым одно обстоятельство, которое он осознал смутно и без особого интереса. Голубой цвет трогал его так, как не могло тронуть ничто другое. Он объяснял это частично рассказами о старой Земле, о ее невообразимо голубом небе.

Здесь же все было пропитано водой. Воздух на поверхности был тяжел от влаги, облака провисали от воды, и серые моря, одеялом покрывавшие башни, вряд ли были более влажными, чем облака и воздух. Поэтому голубизна утраченного неба прочно связывалась в сознании Сэма со свободой.

Первая девушка, с которой он вступил в брак, была маленькая танцовщица из кафе на одном из Путей. Она носила костюм из голубых перьев цвета забытого неба Земли. Сэм снял небольшую квартиру на одной из отдаленных улиц башни Монтана, и в течение шести месяцев они ссорились здесь не больше, чем другие пары.

Однажды утром он вернулся туда после ночной работы с бандой Шеффилда и, распахнув дверь, ощутил какой-то странный запах. Тяжелая сладость висела в воздухе и острая, густая, чем-то знакомая кислота, которую не многие в башнях могли бы опознать в эти упадочные дни.

Маленькая танцовщица, сжавшись в комок, лежала у стены. Лицо ее было закрыто бледно окрашенным цветком, чьи лепестки сжимались как пальцы, крепко прижимая цветок к ее черепу. Цветок был желтый, но прожилки лепестков теперь стали красными, и красная жидкость текла из-под цветка на голубое платье девушки. Рядом на полу лежал цветочный горшок и зеленая обертка, в которой кто-то послал ей цветок.

Сэм никогда не узнал, кто это сделал. Возможно, кто-то из врагов отомстил ему за старые обиды; возможно, один из друзей, некоторое время он подозревал Слайдера, боявшегося, что девушка возьмет над ним слишком большую власть и отвлечет от темного, но выгодного бизнеса. А может, это была соперница-танцовщица, потому что среди людей этой профессии шла непрекращающаяся борьба из-за возможности работать в башне Монтана.

Сэм произвел расследование, узнал, что ему было нужно, и вынес беспристрастный приговор. Впрочем, Сэма это не слишком занимало. Девушка была не менее неприятной особой, чем

он сам. Просто она была удобна, и у нее были голубые глаза. Когда Сэм занимался делом об ее убийстве, он заботился не о ней, а о своей репутации.

После нее приходили и уходили другие девушки. Сэм снял квартиру получше в соседнем квартале. Затем он закончил одну чрезвычайно выгодную работу и оставил очередную девушку и квартиру ради элегантной многокомнатной квартиры в центре башни Монтана над главным Путем. От отыскал хорошенькую синеглазую певичку, чтобы делить с ней эти апартаменты.

К началу этого рассказа у него были три разные квартиры в разных башнях: одна исключительно дорогая, одна средняя и одна тщательно подобранная квартира в портовом районе, в самом темном углу башни Виргиния. Жители соответствовали этим квартирам. Сэм был своего рода эпикурейцем. Теперь он мог себе это позволить.

В дорогой квартире у него было три комнаты, куда никто не смел входить. В них находилась растущая библиотека и коллекция музыкальных записей, а также тщательно подобранный набор напитков и наркотиков. Об этом его коллеги по бизнесу не знали. Он приходил сюда под другим именем, и все соседи принимали его за богатого коммерсанта из отдаленной башни. Сэм Рид наиболее приблизился к той жизни, которую Сэм Харкер вел бы по праву...

Королева Воздуха и Тьмы
Начинает плакать и кричать:
"О юноша, о мой убийца,
Завтра ты должен умереть..."

В первый день ежегодного карнавала Сэм Рид сидел за маленьким столиком и разговаривал о любви и деньгах с девушкой в розовом бархате. Было, вероятно, около полудня, потому что тусклый свет пробивался сквозь мелкое море и заполнял огромный купол башни. Но все часы во время трехдневного карнавала останавливались, чтобы никто никуда не спешил.

У того, кто не привык с детства к поворачивающемуся кафе, движение города вокруг вызывало бы болезненное ощущение. Вся комната медленно поворачивалась под негромкую музыку внутри прозрачной круговой стены. Столы тоже поворачивались вокруг своей оси вместе со стульями. За мягкими облаками волос девушки Сэм мог видеть всю башню, распростертую под ними и проходящую в торжественном наряде под их наблюдательным пунктом.

Облачко цветного душистого дыма проплыло мимо них

длинной воздушной лентой. Сэм ощутил на лице крошечные капли благоухающей жидкости. Он отогнал туман нетерпеливым движением руки и посмотрел на девушку.

— Ну? — сказал он.

Девушка улыбнулась и склонилась к узкой двурогой лире, украшенной цветными лентами. У девушки были нежные голубые глаза, затененные такими густыми и длинными ресницами, что глаза у нее иногда казались черными.

— У меня через минуту выступление, — сказала она. — Я отвечу вам позже.

— Отвечайте сейчас, — сказал Сэм не грубо, как он обычно разговаривал с женщинами, но категорично. Дорогая квартира в верхней части респектабельной башни пустовала, и Сэм считал, что девушка может стать там очередной жиличкой. И, возможно, постоянной. Что-то беспокоило его, когда он думал о Розате. Ему не нравилось то, что женщина может так глубоко затронуть его.

Розата улыбнулась ему. У нее был маленький рот и облако темных волос, коротко подстриженных и окружавших ее голову темной дымкой. Иногда на ее лице мелькала неожиданная улыбка, в глазах ее скрывался недюжинный интеллект. Ее голос приятной дрожью щекотал нервы.

Сэм побаивался ее. Но он не был бы Сэмом Ридом, если бы не устремился в эту западню. Он привык встречать опасность лицом к лицу, и если невозможно изгнать из мыслей это бархатное создание, то лучше попытаться пресытиться им. Он собирался сделать это как можно скорее.

Розата задумчиво тронула струны лиры. Она сказала:

— Я услышала сегодня утром кое-что интересное. Джим Шеффилд больше вас не любит. Это правда, Сэм?

Сэм бесстрастно сказал:

— Я задал вам вопрос.

— Я тоже.

— Хорошо. Это правда. Я оставлю вам в завещании годовой доход, если Джим доберется до меня первым. Вас это беспокоило?

Она вспыхнула и так дернула струну, что та исчезла в яростной вибрации.

— Я отшлепаю вас, Сэм Рид! Вы знаете, что я сама могу зарабатывать.

Он вздохнул. Могла, и это делало разговор особенно трудным. Розата была популярной певицей. Если она придет к нему, то не из-за денег. И это тоже делало ее опасной для его душевного спокойствия.

Медленная музыка соответствовала медленным поворотам

комнаты. Сейчас она прекратилась. Мелодичный звук раздался в воздухе, цветные облака зашевелились. Розата встала, прижав к бедру узкую высокую лиру.

– Это меня, – сказала она. – Я подумаю, Сэм. Дайте мне несколько дней... Я могу для вас быть очень плоха.

– Я знаю это. Идите, пойте свою песню. Увидимся после карнавала, но не ради ответа. Я знаю ответ.

Она рассмеялась и отошла от него, на ходу трогая струны и напевая. Сэм видел, как вслед ей оборачивались восхищенные лица.

Прежде чем ее песня кончилась, он встал и вышел из вращающейся комнаты, слыша за собой бархатистый голос, певший жалобу сказочной Женеьевы. Ни одной фальшивой ноты. Она блестяще преодолевала трудные бемоли, которые придавали старой песне минорную плаксивость.

”О Женеьева, милая Женеьева, дни проходят, дни уходят...” – плакала Розата, глядя на уходящего Сэма. Кончив петь, она быстро прошла в свою уборную и набрала на коммутаторе номер Шеффилда.

– Слушай, Джим, – быстро заговорила она, когда на экране появилось его смутное хмурое лицо. – Я только что разговаривала с Сэмом и...

Если бы Сэм слышал это, он, вероятно, тут же убил бы ее. Но он, разумеется, не слышал. В момент этого разговора он столкнулся со случайностью, которая стала поворотным пунктом в его жизни.

Этой случайностью была женщина в голубом. Прогуливаясь по движущемуся Пути, она подняла руку и набросила угол своего тонкого, как паутинка, платья на голову, наподобие вуали. Глаза Сэма уловили движение и цвет. Он остановился так внезапно, что с обеих сторон люди столкнулись с ним, и один из них повернулся к нему, готовый затеять ссору. Но тут он увидел длинное лицо с гранитным подбородком, напряженными складками, шедшими от носа ко рту, и без видимой причины отвернулся, отказавшись от своего намерения.

Поскольку образ Розаты был по-прежнему ярок в его сознании, Сэм смотрел на женщину с меньшим энтузиазмом, чем сделал бы это несколькими днями раньше. Глубоко в его сознании ожило смутное воспоминание, и он стоял неподвижно, глядя на женщину. Ветерок от движения Пути шевелил вуаль вокруг ее лица, в ее глазах двигались тени, голубые тени от голубой вуали в густо затененных голубых глазах. Она была прекрасна.

Поколебавшись, что было ему совсем непристало, Сэм решительным жестом подтянул свой пояс и пошел вперед широким

шагом, ступая мягко и неслышно. Он не знал, почему лицо женщины, ее бархатистое голубое платье так беспокоили его. Он забыл тот давно прошедший карнавал, на котором впервые увидел ее.

Во время карнавала не существует социальных барьеров – по крайней мере теоретически. Сэм подошел к ней по движущейся ленте и без улыбки посмотрел ей в лицо. На одном из уровней она оказалась выше, чем он. Она была очень стройной, очень элегантной, с налетом грациозной усталости, которая культивировалась в башнях. Сэм не знал, соблюдала ли она моду, или эти усталость и грациозность были для нее естественными.

Голубое платье было туго натянуто на футляр из золотой фольги, которая просвечивала сквозь прозрачную голубизну. Волосы ее – экстравагантный каскад черно-сизых локонов – обрамляли лицо и собирались широким золотым кольцом в корону на голове, спадая оттуда волной до самой талии.

Уши ее были проколоты с обдуманым варварством, и в каждой мочке висел золотой колокольчик. Это было проявлением общей моды на варварство. Следующий сезон мог предложить золотое кольцо в носу, и эта женщина будет носить его с той же пренебрежительной элегантностью, с которой она теперь повернулась к Сэму Риду.

Не обратив на это внимания, он сказал спокойным и уверенным голосом, каким произносят приказы: "Пойдемте со мной", – и предложил ей руку.

Она слегка отвела голову назад и посмотрела на него. Возможно, она улыбалась. Определить это было трудно, так как у нее был изогнутый рот, какой изображали на египетских портретах. Если она и улыбалась, то ее улыбка была надменной. Тяжелый водопад локонов, казалось, еще больше оттягивал ее голову назад.

Несколько мгновений она стояла так, глядя на него, и колокольчики ни разу не звякнули в ее ушах.

В Сэме, обычном на первый взгляд плембе, внимательный взгляд открывал много кричащих противоречий. Он прожил уже около сорока лет со своим всепоглощающим гневом. Следы ярости были на его лице, и даже в состоянии покоя он выглядел как человек, напряженно борющийся с чем-то. Это напряжение придавало особую выразительность чертам его лица, сглаживая их топорность.

Другое любопытное обстоятельство – он был напрочь лишен волос. Плешивость – довольно обычное явление, но человек, совершенно лишенный волос, не может считаться лысым. Его голый череп имел классическую форму, и волосы казались бы анахронизмом на этой безупречной голове. Сорок лет назад ре-

бенка изуродовали, но сделали это торопливо, наспех, в результате чего остались прекрасного рисунка уши, плотно прижатые к благородному черепу, изящные скулы и подбородок – фамильные черты Харкеров.

Толстая шея, закрытая кричаще алым костюмом, была не харкеровской. Ни один из Харкеров не оделся бы в алый бархат, даже на карнавал, – он надел бы золоченый пояс с золочеными ножнами. Но если все-таки предположить, что Харкер когда-нибудь надел бы алый бархатный костюм, он должен был выглядеть именно так.

Несмотря на приземистую фигуру, толстую шею и бочкообразную грудь, несмотря на нелепую раскачивающуюся походку, кровь Харкеров сказывалась в Сэме Риде – он носил одежду и двигался с уверенностью и непостижимой элегантностью.

Он стоял неподвижно, согнув руку, и глядел на женщину сузившимися глазами – стальными глазами на румянном лице.

Спустя мгновение, повинаясь импульсу, который она не могла бы определить, женщина улыбнулась ему снисходительной улыбкой. Движением плеча она отбросила рукав и вытянула стройную руку с толстыми золотыми кольцами, унизывающими все пальцы. Очень нежно она положила ладонь на руку Сэма Риды и сделала шаг к нему. На его толстой руке, поросшей рыжими волосами, где переплетались тугие мускулы, ее рука казалась восковой и нереальной. Она чувствовала, как при ее прикосновении напряглись его мышцы, и ее улыбка стала еще снисходительнее.

Сэм сказал:

– Когда я в последний раз видел вас на карнавале, ваши волосы не были черными.

Она искоса взглянула на него, не давая себе труда заговорить. Сэм смотрел на нее, без улыбки разглядывая черту за чертой, как будто это был портрет, а не живая женщина, оказавшаяся здесь лишь по капризу случая.

– Они были желтыми, – сказал он. Теперь воспоминание прояснилось, вырванное из прошлого, в мельчайших деталях, и он понял, как сильно был поражен тогда, в детстве. – Это было... тридцать лет назад. В тот день вы тоже были в голубом – я хорошо это помню.

Женщина отвернулась от него, как будто разговаривая с кем-то другим:

– Вероятно, это была дочь моей дочери, – сказала она безразлично.

Это потрясло Сэма. Конечно, он хорошо знал о долгоживущей аристократии. Но ни с кем из них ему не случалось встречаться непосредственно. Для человека, который считает

свою жизнь и жизнь всех других десятилетиями, встреча с теми, кто считает жизнь столетиями, производит ошеломляющее впечатление.

Он рассмеялся – резким коротким смехом. Женщина посмотрела на него со слабым интересом: она никогда не слышала такого смеха у представителей низших классов – смеха самоуверенного, равнодушного человека, довольного собой и не заботящегося о своих манерах.

Многие до Кедры Уолтон находили внешность Сэма притягательной, но мало кто понимал почему. Кедр Уолтон поняла. Это было то самое качество, в поисках которого она и ее современники навешивали варварские украшения, протыкали уши и распевали воющие кровожадные баллады. Это была жизнеспособность, жизнестойкость, мужество – качества, утраченные людьми в этом мире.

Она презрительно взглянула на него, слегка повернув голову, так что каскад черных локонов скользнул по плечам, и холодно спросила:

– Ваше имя?

Его рыжие брови сошлись у переносицы.

– Вам незачем знать, – сказал он с намеренной грубостью.

На мгновение она застыла. Будто горячая волна прокатилась по ее телу, по мышцам, нервам, расслабляя тело, растопляя холодок отчужденности. Она глубоко вздохнула, ее украшенные кольцами пальцы скользнули по рыжим волосам на его руке.

Не глядя на него, она сказала:

– Можете рассказывать мне о себе – пока не наскучите.

– Вам легко наскучить?

– Очень.

Он оглядел ее сверху донизу. То, что он увидел, ему понравилось, и он подумал, что понимает ее. За сорок лет жизни Сэм Рид накопил немалые знания о жизни башен, не только об обычной жизни, которая видна всем, но и о тех скрытых тайных методах, которые использует раса, чтобы подхлестнуть гаснущий интерес к жизни. Он решил, что сможет удержать ее интерес.

– Идемте! – сказал он.

Это был первый день карнавала. На третий и последний день она впервые намекнула ему, что эта случайная связь может не прерваться с концом карнавала. Он был удивлен, но не обрадовался. Во-первых, существовала Розата. А во-вторых, Сэм Рид был заключен теперь в тюрьму, из которой никогда не сможет вырваться. Он не согласен носить кандалы и жить в плену.

Повиснув в невесомости пустой тьмы, они следили за трех-

мерным изображением. Это было чрезвычайно дорогое удовольствие. Оно требовало искусных операторов и по крайней мере один управляемый роботом специальный самолет, снабженный специальными длиннофокусными объективами и телевизором. Где-то далеко, над континентом Венеры, висел самолет, сфокусировав внимание на происходящем внизу, на сцене.

Зверь боролся с растением.

Он был огромен, этот зверь, и великолепно вооружен для борьбы. Но его огромное и влажное тело было покрыто кровью, струившейся из ран, нанесенных ветвями с саблеобразными шипами. Ветви хлестали с рассчитанной точностью, разбрызгивая капли яда, который блистал во влажном сером воздухе. Звучала музыка, импровизированная таким образом, чтобы соответствовать ритму схватки.

Кедра коснулась кнопки. Музыка стихла. Самолет парил где-то над битвой, а импровизатор неслышно перебирал клавиши. Кедра в темноте повернула голову и сказала:

– Я ошиблась.

Сэм хотел досмотреть конец схватки. Он нетерпеливо и резко сказала:

– В чем?

– В вас. – В темноте его щеки едва коснулся палец. – Я вас недооценила, Сэм. Или переоценила. Или то, или другое.

Он наклонил голову, чтобы избежать прикосновения пальца. Протянул в темноте руку, провел по гладкой округлой щеке и углубился в черные волосы. Он ухватился за золотое кольцо, сжимавшее ее волосы, и грубо потряс из стороны в сторону. Волосы мягко касались его руки.

– Хватит! – сказал он. – Я вам не любимый щенок. Скажите, что вы имели в виду?

Она рассмеялась.

– Если бы вы не были так молоды! – с оскорбительным выражением сказала она.

Он так резко отпустил ее, что она покачнулась и, чтобы восстановить равновесие, ухватила за его плечо. Он молчал. Потом негромко спросил:

– Сколько же вам лет?

– Двести двадцать.

– Я вам наскучил. Я ребенок.

– Не ребенок, Сэм, вовсе не ребенок! Но наши взгляды так разнятся. Нет, вы не наскучили мне. Это-то и беспокоит меня. Я хотела бы, чтобы наскучили. Тогда я могла бы оставить вас сегодня и забыть обо всем случившемся. Но что-то в вас есть, Сэм, не знаю.

Голос ее стал задумчив. Музыка поднялась в кричащем крещендо и стихла. Далеко в болотах один из соперников торжествовал победу.

– Если бы только вы были таким человеком, каким кажетесь, – говорила Кедр Уолтон. – У вас отличный мозг. Как жаль, что вы так долго не сможете использовать его. Я хотела бы, чтобы вы не были одним из многих. Я вышла бы за вас замуж – на время. Простите, если это звучит покровительственно. Вы заслуживаете большего.

– Каково чувствовать себя богом? – угрюмо спросил ее Сэм.

– Каково чувствовать? Мы бессмертные, и с этим ничего нельзя сделать. Это хорошо... и страшно ответственно. Мы не только играем, знаете ли. Первые сто лет я училась, путешествовала, изучала людей и мир. Потом сто лет увлекалась интригами. Училась, как дергать за ниточки, чтобы Совет принял нужное решение. Нечто вроде джиу-джитсу для мозга. Затронуть самолюбие человека и заставить его реагировать так, как мне нужно. Я думаю, вы сами хорошо знаете эти штуки – но вы никогда не сможете овладеть этим искусством так, как я. Жаль. Что-то в вас есть... Я... Ну, неважно.

– Не говорите мне о браке. Я не женюсь на вас.

– О, женитесь! Я могу попытаться даже и сейчас. Я могу...

Сэм перегнулся через ее колени и нажал выключатель. Послышался щелчок, и в маленькой комнате со множеством подушек вспыхнул свет. Кедр замигала своими прекрасными, лишенными возраста глазами и засмеялась, то ли протестуя, то ли удивляясь.

– Сэм! Я ослепла. Не нужно. – Она потянулась, чтобы выключить свет. Сэм схватил ее за руку и сжал пальцы с тяжелыми золотыми кольцами.

– Слушайте. Я оставлю вас немедленно и никогда не захочу увидеть снова. Поняли? У вас нет ничего, что бы я захотел.

Он резко встал.

Что-то змеиное было в том, как она точным быстрым движением поднялась на ноги, звеня многочисленными золотыми блестками на платье.

– Подождите! Нет, подождите! Забудьте обо всем, Сэм. Я хочу кое-что показать вам. Это были только слова. Сэм, я хочу, чтобы вы вместе со мной отправились на Небо. У меня есть для вас дело.

Он холодно смотрел на нее. Глаза его были стальными щелками под ржыми ресницами и грубыми кустистыми бровями. Он назвал сумму, в которую ей это обойдется. И она, улыбнувшись, сказала, что заплатит. Легкая египетская улыбка застыла в уголках ее рта. Он вышел вслед за ней.

Небо почти соответствовало полузабытому месту рождения человечества. Это была Земля, но Земля, окруженная романтическим ореолом. Небо представляло собой гигантский полукупол, стены которого были усеяны множеством небольших комнаток, нависавших над гигантским помещением внизу. Каждая комнатка могла быть изолирована от остальных. Особое устройство из перекрещивающихся лучей могло создать впечатление пребывания в гуще толпы. Можно было также в соответствии с оригинальным замыслом архитектора наслаждаться иллюзией земного окружения.

Правда, пальмы и сосны росли из одного и того же суррогата. Виноград, розы и цветущие деревья заслоняли друг друга, но это никого не смущало. Только ученый понял бы, в чем тут дело: времена года давно стали экзотической частью истории.

Это было странное и великолепное зрелище – цвет земной поверхности менялся от зеленого к коричневому, а потом – к сверкающему голубовато-зеленому, а потом снова появлялись пронзительно-зеленые копыя ростков, набухали почки, и все это, естественно, совсем не похоже на контролируемый рост гидропонники.

Кедра Уолтон и Сэм Рид пришли на Небо. От входа они увидели огромную сияющую полусферу, усеянную сверкающими ячейками, как обрывками яркого разорванного сна, двигающимися и плывущими, поднимающимися и опускающимися в сложном переплетении лучей. Далеко внизу, очень далеко, виднелся бар – змеинообразная черная лента. Ноги многочисленных мужчин и женщин делали его похожим на многоножку.

Кедра заговорила в микрофон. Одна из крутящихся ячеек сошла со своей орбиты и мягко опустилась перед ними. Они вошли, и ощущение падения подсказало Сэму, что они снова плывут в воздухе.

У низенького столика на подушечках сидели мужчина и женщина. Сэм сразу узнал мужчину. Это был Захария Харкер, глава самой большой семьи бессмертных.

Это был высокий человек с красивым лицом, носившим на себе следы – нет, не возраста – опыта, зрелости, и этот отпечаток контрастировал с юными, лишенными возраста свежими чертами. Его ровное спокойствие происходило изнутри – спокойная уверенность, спокойная вежливость, спокойная мудрость.

– Сари, моя дорогая, – сказала Кедра, – я привела гостя. Сари – моя внучка. Захария, это... я не знаю его фамилии. Он не говорил мне.

У Сари Уолтон было тонкое надменное лицо – очевидно,

семейная черта, волосы невероятного зелено-золотистого цвета в тщательно продуманном беспорядке падали на обнаженные плечи. На ней было облегающее платье из прекрасной шерсти животного с поверхности, украшенное полосками наподобие тигриной шкуры. Тонкое и эластичное, оно опускалось до колен и широкими складками развевалось вокруг лодыжек.

Двое бессмертных подняли головы, на их лицах отразилось удивление. Сэм почувствовал, что они подавили внезапный порыв негодования. Сознавая свою неуклюжесть и незрелость, Сэм почувствовал, каким непривлекательным он должен был выглядеть в их глазах. Как ребенок, восставший против взрослых, Сэм восставал против высшего знания, светившегося на этих прекрасных лицах.

– Садитесь, – Кедр указала на подушечки, и Сэм неуклюже опустился, принял напиток и посмотрел на лица хозяев с горячей неприязнью, которую и не пытался скрыть. Да и зачем скрывать?

Кедр сказала:

– Я думала о Вольных товарищах, когда привела его сюда. Он... как ваша фамилия?

Сэм угрюмо назвал свое имя. Она откинулась на подушках, золотые кольца мягко сверкнули на полных пальцах, принявших напиток. Она казалась абсолютно безмятежной, но Сэм ощущал в ней скрытое напряжение. "Интересно, чувствуют ли это и другие", – подумал он.

– Мне лучше объяснить вам сначала, Сэм Рид, – сказала она, – что последние двадцать лет я провела в созерцании.

Он знал, что это означает, – нечто вроде интеллектуального женского монастыря, высшая религия разума; там слушатели отрекались от мира и стремились найти – как можно это определить? – Нирвану? Душевный мир? Гармонию?

Он знал о бессмертных больше, вероятно, чем они подозревали. Он осознавал, как совершенна жизнь, которая будет продолжаться тысячу лет. Их жизнь становилась частью огромной, но единой мозаики, составленной, впрочем, из тех же элементов, что и обычная жизнь. Вы можете прожить тысячу лет, но секунда всегда останется секундой, и периоды созерцания необходимы, чтобы сохранять душевное равновесие.

– Ну и что же с Вольными товарищами? – хрипло спросил Сэм. Он знал, что общественный интерес сейчас сосредоточился на Робине Хейле – последнем воине. Глубокая неудовлетворенность, вызывавшая стремление ко всему примитивному, привела к тому, что Вольный товарищ, затянутый в синтетическое величие, овладел всеми умами. Все готовы были принять его проект колонизации поверхности.

Или, вернее, думали, что готовы. Пока весь проект оставался на бумаге. Когда дело дойдет до настоящей борьбы с дикой, яростной природой континентальной Венеры, дело может обернуться, как полагали реалисты, совсем по-другому. Но сейчас крестовый колонизационный поход Робина Хейла был принят с неразумной радостью.

– Что с ними? – повторил Захария Харкер. – Проект не срывается. Как вы думаете, Сэм Рид?

Сэм нахмурился. Он фыркнул и покачал головой, не заботясь о словах. В нем росло желание вызвать несогласие среди этих цивилизованных бессмертных.

– Выйдя из созерцания, – сказала Кедрa, – я обнаружила, что проект Вольного Товарищества – самое интересное из случившегося. И самое опасное. По многим причинам мы считаем, что сейчас попытка колонизации будет губительной.

– Почему?

Захария Харкер наклонился над столиком, чтобы поставить напиток.

– Мы еще не готовы, – спокойно сказал он. – Требуется тщательная подготовка – технологическая и психологическая. А мы – гибнущая раса, Сэм. Мы не можем позволить себе ошибку. Этот проект Вольного Товарищества обречен на неудачу. Его нельзя допустить. – Он поднял брови и задумчиво посмотрел на Сэма.

Сэм сощурился. У него появилось неприятное чувство, будто этот глубокий спокойный взгляд может прочесть в его лице больше, чем он хотел. Ничего нельзя сказать об этих людях с уверенностью. Они слишком долго живут. Возможно, они слишком много знают.

Он грубо сказал:

– Вы хотите, чтобы я убил его?

В маленьком помещении на мгновение повисло молчание. У Сэма появилось ощущение, что его слова были для них неожиданностью – они не собирались заходить так далеко. Ему показалось, как будто бессмертные молча разговаривают друг с другом. Люди, прожившие так долго, несомненно выработали способность читать мысли, хотя бы по работе лицевой мускулатуры. Казалось, молчащие бессмертные обмениваются мыслями.

Потом Кедрa сказала:

– Да. Убейте его, если сможете.

– Это было бы лучшим решением, – медленно проговорил Захария. – Сделайте это сейчас, сегодня. Не позже, чем через сорок восемь часов. События развиваются слишком быстро. Если мы убьем его сейчас, некому будет занять его место – место

лидера. Завтра, возможно, кто-нибудь сможет. Вы справитесь с этим, Сэм Рид?

Сэм презрительно сказал:

– Неужели вы все глупцы? Или знаете обо мне больше, чем я думаю?

Кедра рассмеялась:

– Мы знаем. Ведь прошло три дня, дорогой. Неужели вы думаете, что я позволила бы вовлечь себя в это с человеком, о котором ничего не знаю? В тот же вечер я знала вашу фамилию. К утру у меня были уже подробности. И я знаю, что вам можно поручить такое задание. Вы справитесь, если вам заплатят.

Сэм вспыхнул. Теперь он ненавидел ее сознательно. Ни один человек не смеет так дурачить его.

– Вам это обойдется вдвое дороже, чем кому-либо в башне, – и он назвал очень высокую цену.

Захария сказал:

– Нет. За это мы можем...

– Прошу тебя, Захария, – Кедра протестующе подняла руку. – Я заплачу. У меня есть причины.

Захария с беспокойством взглянул на нее. Ее лицо сказало ему больше, чем она того хотела. Он надеялся, что их свободный брак, который прервался, когда она погрузилась в созерцание, вскоре может возобновиться. Видя, как она смотрит на Сэма, он понял, что это будет не скоро.

Сари наклонилась вперед и положила свою бледную руку на его ладонь.

– Захария, – сказала она, и в голосе ее было предупреждение и самообладание. – Пусть она поступает по-своему, дорогой. У нас достаточно времени для всего.

Бабушка и внучка – почти зеркальное отражение друг друга – обменялись взглядами, в которых Сэм, ничего не пропускавший, прочел и соперничество, и понимание.

– Взгляните туда, – сказал Захария. Он сделал легкое движение рукой, и стена ячейки стала прозрачной. Они проплывали мимо небольшого углубления в раковине, где сидел человек.

– Он здесь уже два часа, – добавил Захария.

Ячейка подплыла еще ближе. Человек был высоким, худым и смуглым. На нем был тусклый коричневый костюм.

– Я знаю его, – сказал Сэм и встал. Пол слегка качнулся под ним. – Спустите меня, я займусь им.

У длинного прилавка он нашел свободное место и заказал выпивку. Это было место свидания бессмертных и предстажителей высшего класса. Нечасто здесь можно было увидеть че-

ловека такой плебейской внешности. Но что-то в хмуром выражении лица и повелительном тоне Сэма было такое, от чего бармен пробормотал: "Да, сэр", – и принес заказанное.

Сэм сидел долго. Он еще два раза заказал выпивку. Огромная раковина гудела и поворачивалась над ним. Он следил, как ячейка с коричневой фигурой бесцельно плыла по широкому кругу. Он ждал, когда бессмертный спустится, и лихорадочно соображал.

Опасно вмешиваться в дела бессмертных, даже просто политически. А уж вмешиваться эмоционально – чистое самоубийство. У Сэма не было никаких иллюзий относительно своих шансов выжить после того, как он будет ненужен. Он видел, с каким задумчивым выражением рассматривал его Захария Харкер.

Когда ячейка Вольного товарища опустилась, Сэм Рид уже был готов встретить ее. Он не стал тратить слов зря.

– Только что меня наняли, чтобы убить вас, Хейл, – сказал он.

Спустя час, когда банда Шеффилда вышла на след Сэма, они вдвоем покидали Небо.

Сэм Рид никогда не продвинулся бы так далеко в своей карьере, если бы не был умелым и убедительным оратором. Робин Хейл очень часто становился мишенью убедительных ораторов с тех пор, как объявил о своем проекте. Он умел с ними справляться. Но здесь заговорила кровь Харкеров. Хотя Сэм строил свой успех на красноречии, на самом деле подействовала глубокая убежденность речи, унаследованная им от бессмертных предков. Именно это убедило Вольного товарища.

Сэм говорил очень быстро – и в то же время спокойно. Он знал, что отныне его жизнь и жизнь Хейла тесно связаны друг с другом, связаны короткой ниткой – длиной в сорок восемь часов. В этих пределах они оба в безопасности. По истечении этого времени оба должны умереть. Голос Сэма, когда он объяснял это Хейлу, был полон искренней убежденности.

В этот момент их и нашли парни Шеффилда. Двое вышли из портала Неба и ступили на медленную ленту движущегося Пути. Здесь толпа на мгновение разделила их, и Сэм, пробиваясь назад, слишком поздно увидел поднесенную к его лицу черную грушу и вдохнул острый аромат невидимого порошка, не успев задержать дыхание. Кто-то схватил его за руку. Все вокруг замедлилось и остановилось.

Его повели по Пути. Шары и лампы отбрасывали пятна света на улицу, пока она не повернула. И здесь они превратились в пятна гипнотического света. Путь плавно скользил, и над ними висели ровно сияющие ароматные дымы. Но Сэм все это видел

как бы остановившимся. Смутно он осознавал, что это его собственная ошибка. Он позволил Кедре отвлечь себя. Он позволил себе заняться новой работой, не закончив старую, а она требовала всего внимания. И за это он сейчас расплачивается.

Потом что-то похожее на медленный водоворот нарушило ровное движение Пути. Сэм смутно воспринимал толчки, крики, удары кулаков, и все время на другие, смутно знакомые лица накладывалось лицо Вольного товарища.

Как во сне он видел, что все остальные отступили к краю Пути. Робин Хейл схватил его за руку. Сэм позволил увести себя. Он двигался и в то же время не двигался. Мозг его почти перестал функционировать. Он смутно сознавал, что они поднялись в одно из гидропонических сооружений, где Хейл отсчитывал монеты дежурному. И вот они стоят перед резервуаром, в котором теснится тяжелая и серо-зеленая листва.

Откуда-то издалека доносится голос Хейла:

– Обычно он растет на этом кустарнике. Будем надеяться, что они не успели дать слишком большую дозу. Тогда уже ничего не поможет. Вот! – Хейл растер в руках какой-то голубоватый лишайник, бросив его Сэму в лицо.

Внезапно все бешено ускорилось. Сэм начал чихать. Жалкая боль усилилась, охватила его мышцы и переселилась в мозг. Здесь она поднялась до крещендо, взорвалась и упала.

Потая и дрожа, он обнаружил, что снова может говорить. Время и пространство пришли в норму, и он, моргая, посмотрел на Хейла.

– Все в порядке? – спросил Вольный товарищ.

– Я... да, – Сэм вытер глаза.

– Как это вышло? – без интереса спросил Хейл.

– Я сам виноват, – коротко ответил Сэм. – Личное дело. Займусь им позже. Если выживу.

Хейл рассмеялся.

– Идемте ко мне. Я хочу с вами поговорить.

Хейл изложил Сэму свой проект колонизации.

– Они не понимают, что их ждет, – пожаловался Вольный товарищ. – Никого не могу убедить. Все они представляют себе романтический крестовый поход, и никто из них никогда не ставил ногу на сухую землю.

– Убедите меня, – предложил Сэм.

– Я виделся с Логистом, – начал Хейл. – Крестовый поход – это его идея. Мне нужно было... что-нибудь. Я нашел его, но вот теперь начинаю бояться. Почва уходит у меня из-под ног. Люди слишком эмоциональны. Они цепляются за меня в поисках романтики. Все, что я могу им предложить, – это личные лишения,

каких они и представить себе не могут, и надежду на успех для следующих поколений. Но такой дух исчез у нашей расы, когда она поселилась в башнях. Может быть, подводные горизонты слишком узки. Люди не видят дальше стен или собственного носа, – он улыбался. – Я предлагаю не мир, но меч. И мне никто не верит.

– Я сам никогда не был наверху, – сказал Сэм. – На что это похоже?

Вы видели поверхность из самолетов над джунглями. И большинство людей тоже. Но это ошибка – смотреть сверху. Сверху джунгли выглядят неплохо. Я хотел бы поместить передатчик вниз, в тину, чтобы стали видны и грязевые волки, поедающие все вокруг, и хлещущие ядом ветви. Но если бы я так сделал, мой крестовый поход и вся колонизация тут же рухнули бы. – Он пожал плечами.

– Вы знаете, я уже начинал в старом форте, – продолжал он. – Сейчас форт захвачен джунглями. Старые стены и укрепления деактивированы и бесполезны. Вся гигантская техника теперь мертва. Все внутри заполнено растительностью, кишачей червями и змеями. Мы расчистили место, но удерживать его выше наших сил. Одни лишайники способны проесть насквозь дерево, стекло, сталь и плоть! Мы мало что знаем о джунглях. В экологии Венеры нет земных параллелей. Да и просто удерживать форт недостаточно – он должен содержать себя.

– Потребуются деньги и поддержка, – напомнил ему Сэм. – Семьи против колонизации.

– Я знаю. Думаю, что они ошибаются. Логист тоже так думает.

– Вы занимаетесь этим в одиночку?

Хейл кивнул:

– Пока да.

– Почему? Энергичный человек может вам помочь.

– Такого человека нет. Для всякого другого это – обман. Сам я верю в это, Рид. Для меня это – крестовый поход. Но другому человеку я бы не поверил.

Блестящий авантюрный план начал формироваться в голове Сэма. Он спросил:

– Мне вы поверите?

– Почему я должен вам верить?

Не много ли он сказал Хейлу? Пожалуй, нет. Можно продолжать.

– Потому что я рисковал своей головой, чтобы вас предупредить, – сказал он. – Если бы я выполнил задание Харкоров, уже сейчас я бы немало заработал. Но я не выполнил. Я еще не говорил вам, почему. Я хочу принять участие в осуществлении

вашего плана колонизации. Не стану отрицать, что я рассчитываю кое-что заработать.

– Я только что сказал вам, что мой план может не удался, – возразил Хейл. Но глаза его блеснули.

“Пойман!” – подумал Сэм, а вслух сказал:

– Может быть, и нет. Нам нужна мощная поддержка. Думаю, я смогу обеспечить ее. Мы дадим участникам крестового похода другую цель. Заменим ею настоящую, дадим им что-то такое, чего они смогут достичь в течение своей жизни. И это не обман. Могу я попробовать?

Хейл задумчиво пощипывал подбородок. Наконец он сказал:

– Идемте к Логисту.

Сэм боялся Логиста. Его собственные мотивы были не таковы, чтобы выдержать свет чистого разума. Но за Хейлом было несколько столетий опыта. Они спорили примерно час.

Затем Сэм отправился с ним на свидание с Логистом.

Шар заговорил с ними – сияющий белый шар на металлическом пьедестале. Он сказал:

– Я говорю вам, что не могу предсказать будущее, Хейл.

– Но вы знаете верные ответы.

– Верный для многих ответ может оказаться неверным для Сэма Рида.

Сэм беспечно заерзал.

– Значит, получается два ответа, – сказал он. Он считал, что разговаривает с машиной и потому слегка ослабил бдительность: ведь машины не люди. Волей-неволей ему пришлось сообщить необходимые данные. Теперь он беспечно ждал, чувствуя, как идут часы, оставшиеся до назначенного срока, а Кедр и Захария Харкер ждут сообщения о смерти Вольного товарища.

В серебряном шаре плавали тени, разорванные отражения сардонического лица Логиста. Робин Хейл улавливал сходство, но знал, что для человека, не знающего секрета бессмертия, эти тени бессмысленны.

– Люди башен – не пионеры, – сказал Логист через некоторое время. – Вам понадобятся заключенные.

– Нам понадобятся хорошие люди, – сказал Хейл.

– Большинство преступников – хорошие люди. Они просто оказались здесь – не в своей социальной группе или не в своем времени. Любой асоциальный индивидуум может стать про-социальным в правильном окружении. Недовольные и преступники станут нашими лучшими людьми. Вам понадобятся геологи, натуралисты, биологи.

– Нам придется платить огромные суммы, чтобы заполучить даже второсортных специалистов, – возразил Сэм.

– Не придется. Вы удивитесь, как много недовольных даже среди лучших специалистов. Башни слишком благоустроены. Какой настоящий специалист не будет рад случаю использовать свои возможности?

– Значит, вы думаете, мы можем действовать? – спросил Хейл.

– Если вы с Ридом избежите текущей опасности, спросите меня снова.

– Хейл сказал мне, – вмешался Сэм, – что Логист не согласен с семьями насчет колонизации. Почему бы тогда вам не помочь нам против них?

Тени зашевелились в шаре – Логист качал головой.

– Я не всемогущ. Семьи действуют уверенно. У них есть возможность заглядывать далеко. Интригами и влиянием они определяют решения Совета, хотя Совет и свободен в своих решениях, но за ним стоят семьи и определяют политику, а потом следят, чтобы их решения выполнялись. Номинально Советы и губернаторы правят башнями. В действительности же ими правят бессмертные. У них хорошее социальное сознание, но они безжалостны. Законы, которые они проводят, могут показаться жестокими, но внуки жертв этих законов могут поблагодарить бессмертных за эту их жестокость. С точки зрения семей, благо охватывает долгий промежуток времени. Но в этом случае, я думаю, они ошибаются.

Раса быстро идет к упадку. Семьи считают, что мы не выдержим еще одной попытки колонизации. Следующей попытки больше не будет. У нас для этого не будет ни материалов, ни желания. Нужно ждать, пока они решат, что неудача исключена. Я считаю, что они ошибаются. Я говорю, что раса приходит в упадок быстрее, чем они думают. Если мы будем ждать их согласия, мы будем ждать слишком долго...

Но этой планетой правят семьи. Не Логист. Я слишком часто противоречил их мнениям в других вопросах, и теперь они не верят мне. Они считают, что я во всем против них.

Робину Хейлу это было знакомо. Когда голос замолчал, он нетерпеливо спросил:

– Вы можете дать нам прогноз, Логист? Есть у нас шансы на успех?

Некоторое время Логист ничего не говорил. Затем из шара донеслось хихиканье, перешедшее в хохот. Это удивило Хейла и совершенно изумило Сэма Рида. Невероятно, что машина может смеяться.

– Поверхность должна быть колонизирована, – сказал Ло-

гист, все еще смеясь. – И у вас есть шанс. Хороший шанс. И очень хороший, если с вами Рид. Это все, что я могу сказать, Хейл. Думаю, этого достаточно.

Сэм замер, глядя на тени, плывущие в шаре. Все, что он представлял себе заранее, перевернулось в его голове. Неужели Логист все-таки обманщик? Неужели он предлагал им лишь догадки? Если он ошибался относительно Сэма, значит, он ошибался и во всем другом.

– Спасибо, Логист, – проговорил Вольный товарищ. Сэм удивленно взглянул на Робина Хейла. Почему он благодарит машину, особенно такую, которая только что доказала свою несостоятельность?

Хихиканье продолжало доноситься из шара, когда они повернулись, чтобы уходить. Оно перешло в хохот, который сопровождал их по всему залу. В хохоте звучала одновременно симпатия и ирония.

Логист из глубины своего тысячелетнего опыта хохотал над будущим Сэма Рида.

– "Если вы избежите текущей опасности..." – процитировал Рид слова Логиста. Они сидели за пыльным прозрачным столом из пластика в тусклой потайной комнате Слайдера. Пока они находились здесь, им не угрожала опасность, но ведь нельзя было находиться тут вечно. Сэм соображал, сколько наемников семей следят за передвижением его и Хейла.

– Есть идея? – спросил Хейл.

– В чем дело? Вы мне не верите?

– Верю. Я согласен, что не смог бы поверить первому встречному, который подошел бы ко мне в толпе и сказал, что нанят с целью убить меня. Легко так сказать, если ждешь от этого какой-то выгоды. Но я ожидал решительных ходов со стороны семей и... я верю Логисту. Итак, есть ли у вас идеи?

Сэм посмотрел на него из-под нахмуренных красных бровей. Он начинал ненавидеть Хейла за легкость его согласия. Он хотел этого и нуждался в этом, но ему не нравились мотивы Хейла. Хейл не мог столь легко поставить успех или неуспех своего крестового похода в зависимость от авантюриста, чью роль играл Сэм. Даже если Логист вынес благоприятное суждение и Хейл безоговорочно поверил Логисту, был еще другой мотив.

Робин Хейл был бессмертным.

То, что Сэм ощущал и ненавидел в Уолтонах и Харкерах, он ощутил и возненавидел в Хейле. Крайнюю самоуверенность. Они не были рабами времени, время служило им. Человек мог накапливать опыт, сталкиваясь с разными обстоятельствами, с которыми была вероятность столкнуться. У него было время

экспериментировать, было время подумать и испытать ответные реакции, пока он не изберет наилучший способ действия в данных обстоятельствах.

Проблемы, которые короткоживущие не в состоянии разрешить, не смущают бессмертных, обладающих почти безграничными ресурсами времени. Там, где обычные люди должны принимать болезненные решения, бессмертные могут подождать. Недаром бессмертные любили повторять: "И это пройдет..."

Сэм глубоко вздохнул и уклончиво ответил:

– Семьи – я имею в виду Уолтеров и Харкеров – не ударят открыто. Они не захотят быть замешанными в вашей смерти. Они не боятся масс, потому что для революции никогда не было причин. Семьи беспристрастны. Только в связи с такими делами, как этот колонизационный крестовый поход, может возникнуть опасность для них. Потому что впервые массы будут организованы. – Он искоса взглянул на Хейла. – У меня есть идея, как использовать это, но... – Сэм взглянул на пыльный экран телевизора в стене, – пока я не могу сказать вам об этом.

Хейл слушал спокойно. Это вполне нормально, сказал себе Сэм, с внезапно убыстряющимся пульсом, впервые осознавая, что для этого человека война – великолепная вещь из прошлого – была семейной историей. Он близко видел убийства и сам убивал. Угроза смерти хорошо знакома ему, он смотрит ей в лицо спокойно. Сэм снова ощутил к нему чувство ненависти.

– Между тем, – он заставил себя говорить спокойно, – я собираюсь продать себя за идею крестового похода. Могу я говорить?

Хейл улыбнулся и кивнул.

– Перед нами стоит проблема завоевания новообращенных. Нам нужна рабочая сила. Первые дороги... Вторая очередь дорожного строительства... Вы сможете защитить своих помощников?

– От любой опасности. Но не от скуки. И не от некоторых других вещей, например, лишайников – они могут пробраться в вентилятор и съесть человека живьем. Некоторые клетки мутируют под влиянием ультрафиолетового излучения. О, это не просто приключение!

– Значит, нам понадобится защита. Понадобятся люди. Неудовлетворенные. Преуспевающие в технике и неудачники в личных делах.

– Что же вы предлагаете? – лаконичный голос наполнял Сэма возмущением. У него было подозрение, что этот человек знает большинство ответов, что он ведет Сэма за собой, отчасти чтобы

испытать его, а отчасти за свежие идеи, которые он потом сможет использовать для себя. И все же под уверенностью, под огромным опытом проявлялась иногда и такая наивность, что Сэм не терял надежды. В своей основе Хейл был крестоносцем, самоотверженным мечтателем. И даже миллион лет опыта не дали бы ему того, что Сэм получил от рождения. Да, попытаться стоило.

– Конечно, нам нужны не только неудачники, – продолжал он. – Нужно выяснить, почему они недовольны. У вас были техники в старые дни, когда велись войны?

Хейл кивнул.

– Да, но за ними стояли традиции Вольных товарищей.

– Мы начнем новую традицию. Не знаю, какую. "Пер аспера ад астра"* , может быть. – Сэм задумался. – Можете ли вы посмотреть психозаписи и личные дела этих старых техников?

– Некоторые из них, должно быть, сохранились. Думаю, что смогу, но зачем это вам?

– Это понадобится позже. Но я думаю, в этом ответ. Найдите факторы, способствующие их успеху. Используйте большие интеграторы. Это даст вам возможность правильно решить уравнение. Потом определите факторы, которые создают неудовлетворенность современных техников. Неизвестное в успехе техников периода войны плюс эквивалент старой традиции. Отыщите тех, у которых сегодня есть этот икс, и дайте им новую традицию.

Я займусь пропагандой и семантическими комментариями. Сейчас нам нужно правильно ориентировать общественное мнение. Ключевое слово, знамя. У современных крестоносцев должны быть прекрасная пропаганда и реклама. А теперь относительно рабочей силы и финансовой поддержки. – Сэм взглянул на спокойное лицо бессмертного и отвел взгляд. – Придется тщательно подбирать добровольцев. Не так уж много сильных людей осталось у человеческой расы. Но они не дрогнут при виде опасности. Мы заставим каждого потенциального колониста пройти серию очень строгих тестов. Обманем их, если надо. Одна серия – ответы для публики, другая – для нас. Нельзя открыто отвергать человека из-за потенциальной трусости: иначе остальные откажутся проходить тест. Но мы должны знать наверное.

– Ну что же, неплохо, – сказал Хейл. – А деньги?

– Сколько у вас есть?

Хейл пожал плечами.

* "Пер аспера ад астра" – "через тернии к звездам" (лат.).

– Ерунда. У нас есть плацдарм, мы расчистили башню Цун. Но потребуются немалые деньги, чтобы удержать ее.

– Создайте компанию и продавайте акции. Людям нравится игра. Особенно, если они получают дивиденды. А дивиденды – это не только деньги. Слова. Возбуждение. Романтика, по которой они тоскуют.

– Смогут ли отвергнутые добровольцы получить компенсацию?

Сэм рассмеялся:

– Я нашел выход. Каждый пакет акций будет приносить дивиденды в виде возбуждения и сенсаций. Каждый шаг колонистов будет показан по телевизору – с прямым лучом к приемнику каждого владельца акций.

Хейл бросил на него взгляд, в котором смешивались гнев и восхищение. Сэму показалось, что он уловил даже нечто вроде одобрения. Но ответ Хейла разочаровал его:

– Нет. Это обман. Колонизация – не развлечение для любителей острых ощущений. Я говорю вам: это тяжелая работа, а не романтика, не развлечение.

– Но она может быть и увлекательной, – уверял его Сэм. – И должна быть. Придется идти на компромиссы. Люди охотно платят за сенсации. На них можно основать колонию.

Хейл неодобрительно передернул плечами:

– Мне это не нравится.

– Я понимаю. Но это необходимо. Чисто теоретический вопрос – можно ли использовать что-нибудь из происходящего сейчас на поверхности?

После паузы Хейл сказал:

– У нас были неприятности из-за ходячего термотропного растения. Его привлекает температура тела. Конечно, рефрижераторные установки в наших джунглях остановили его. Но его легко уничтожить, бросив термит или что-нибудь горячее. Оно тянется к теплу и сгорает в пепел.

– На что оно похоже?

Хейл перешел к подробностям. Сэм слушал, довольный.

– Это то, что нужно. Совершенно безопасно, но отвратительно, как сам дьявол. Это поможет нам не отпугнуть добровольцев с самого начала. Пусть ваши люди включают рефрижераторы и начинают сражение с растениями, а в это время кто-нибудь должен стоять наготове с термитом, но не в поле зрения камеры. Мы сообщим, что растения прорвались, покажем все по телевизору...

– Нет, – сказал Хейл.

– Крестовый поход начнется с сенсации! – заметил Сэм, но не стал настаивать. Наоборот, он напомнил о том, что они оба

будут мертвы через шесть часов, если ничего не придумают. Он видел мерцание настенного экрана. Пора было переходить к следующему вопросу повестки дня.

– Семьи найдут возможность избавиться от нас без своего видимого вмешательства, используют микробы, например. Они покончат с нами, если мы не предпримем решительных шагов. Моя мысль заключается в том, чтобы использовать столь оскорбительный намек, чтобы они растерялись. Пусть они будут вынуждены защищаться от нас.

– Что вы имеете в виду?

– Семьи очень заботятся о своем престиже. Их реальная сила в долгой жизни. Но публика верит в их непогрешимость и поэтому вознесла их на вершину. Нападем на эту веру.

– Но как?

– Вы – любимец публики. Харкер дал мне лишь сорок восемь часов, потому что боится: кто-нибудь из ваших сторонников может занять ваше место. Этот преемник – я, мне придется им стать, чтобы спасти свою шкуру. Но это и для вас выход. Мы разделим опасность пополам, если взаимозаменяемы. Если одного из нас убьют, крестовый поход все равно не сорвется.

– Но как, ради дьявола, собираетесь вы стать в несколько часов таким важным в глазах публики? – Хейл не на шутку был заинтересован.

Сэм довольно улыбнулся. Потом ударил по ножке своего стула. В стене открылось отверстие, и вошел Слайдер.

Он опустил свое громоздкое тело на стул и с любопытством взглянул на Хейла. Сэм сказал:

– Первое: за мной идет банда Шеффилда. Я не могу немедленно начать борьбу с ними. У меня другое дело – поважнее. Можете отвлечь их?

– Попробую, – ответил Слайдер. Это была гарантия. Старик по-прежнему представлял главную опасность в подпольном мире башен.

– Спасибо, – Сэм повернул кресло и посмотрел Слайдеру в лицо. – Теперь самое важное. Мне нужно быстро подделать звуковую дорожку.

– Это нетрудно, – уверил его Слайдер и чихнул.

– И чтобы лица соответствовали.

– Это труднее. Чьи лица?

– Во-первых, Захарии Харкера. Ну и любого из Харкеров или Уолтонов, но Захарии обязательно.

Слайдер пристально взглянул на него, забыв даже чихнуть.

– Харкер? – переспросил он. И неожиданно чихнул. – Что ж, сделаю. Но обойдется недешево. Когда должна быть сделана работа?

Сэм сказал.

Подделка звукозаписи – невероятно старый трюк, почти такой же старый, как сама звукозапись. Требуется сравнительно небольшой навык, чтобы вырезать слова и расставить их в новой последовательности. Но лишь недавно была разработана техника, позволяющая подделывать речь целиком. Требовался очень искусный и опытный оператор, чтобы расчленил звучащую речь на ее составляющие и затем по этим составляющим соорудить совершенно новый отрезок речи. Причем перевести с одного языка на другой было невозможно из-за различия в артикуляции, но на одном языке из отрезков речи достаточной длины можно было извлечь все необходимые данные, чтобы конструировать любое предложение.

Отсюда, конечно, далеко до подделки изображения говорящего. Губы, выговаривающие каждый звук, останавливались, выделялись фрагменты их движения, затем воссозданное изображение заново синхронизировали со звуком. Результат был поразителен – как для уха, так и для глаза.

Слайдер знал специалиста, владеющего этим искусством с виртуозностью. В хранилище имелось достаточное количество записей выступлений Харкеров и Уолтонов. Сэм знал, что это опасный ход, но выбора у него не было.

Потребовалось пять часов, чтобы склонить Хейла на обман. Вначале Сэм убедил его в опасности для него лично – в здание, где они скрывались, уже ломились агенты семей. Затем его нужно было убедить в том, что Сэму можно доверять. Сэм использовал запись микрореакций, проверяющую соответствие высказываний истине. Потребовались немалые семантические хитрости, потому что Сэму было что скрывать.

– Мы с вами почти мертвы, – говорил он Хейлу, а стрелки прибора показывали, что он говорит то, что думает. – Разумеется, этот трюк опасен. Но если мне предстоит умереть, то я хочу испытать все шансы. А это наш единственный шанс, если, конечно, вы не придумаете что-нибудь получше. Придумаете?

Бессмертный ничего не мог придумать.

И вот вечером по телевидению объявили, что Робин Хейл сделает важное заявление относительно колонии. Повсюду в башнях включались телеприемники. Все не подозревали о том, что на самом деле им предстояло увидеть фальсифицированную запись выступления Харкеров и Уолтонов.

Частная жизнь бессмертных в полной мере никогда не была частной, и у Слайдера была сеть агентов, действовавших весьма эффективно. Известие о том, что будет выступать Хейл, привлекло всеобщее внимание.

И вот на больших общественных и на бесчисленных частных экранах появилось лицо Робина Хейла. Он был одет для поверхности, говорил неохотно и торопливо, и это придавало его словам особую убедительность.

Он сказал, что собирается подробно рассказать им о великолепной идее его друга Сэма Рида, благодаря которой можно без всяких проволок начать колонизацию. Но на поверхности произошли непредвиденные события, и теперь его вызывают наверх. Люди, глядящие в лицо новой смертельной опасности, хотят воспользоваться опытом старого Вольного товарища. Тут он отдал всем честь, и его лицо исчезло с экранов.

Лицо Хейла сменилось лицом Захарии Харкера. Потребовался бы сверхопытный глаз эксперта, чтобы уловить мельчайшие несоответствия, выдававшие тот факт, что это был синтез звуковых и световых волн. Даже Захария, глядевший на экран, не мог отрицать, что говорит он: каждый слышимый им звук и каждое движение были естественными.

Синтетическая речь была триумфом семантики. Для Сэма было типично, что он, пускаясь в опасную авантюру, не только очищал себя и Хейла, но и заботился о далеко идущих планах колонизации. Харкер представил Сэма Рида – тот появился на экране и скромно встал за продолжавшим речь бессмертным оратором – как общественного деятеля и филантропа, который делает возможным колониационный крестовый поход.

Сэм Рид, человек из народа, короткоживущий, но далеко видящий, поведет своих товарищей к успеху за Робинсом Хейлом в великом крестовом походе. Будущее расы – на поверхности Венеры. Даже Харкеры, сказал Захария, в конце концов были убеждены, видя решимость Сэма и Хейла. Впереди – великое начинание. Скоро начнутся испытания и отбор добровольцев. Пер аспера ад астра!

Он говорил об опасностях. Вдавался в подробности, тщательно подбирал каждое слово. Он говорил о загнивании в башнях, о растущей расовой неполноценности, об уязвимости перед болезнями. И что самое важное – люди перестали расти. Будущее человечества – не в башнях. Великая цивилизация Земли не должна найти свой конец под морями плодородной планеты. Ад астра!

Лицо Захарии исчезло с экрана, и вперед выступил Сэм, чтобы закончить дело. Нервный и глубоко обеспокоенный под внешним спокойствием. Сделав решающий шаг, он мучался сомнениями. Что сделают Харкеры, когда обнаружат, как фантастически их обманули? Как явно их глубочайшее убеждение было извращено и обращено против них перед всеми башнями и в их же собственных словах! Они уже, должно быть, действуют:

семьи умеют действовать быстро, когда это необходимо. Но что они сделают, Сэм не мог догадаться. С экрана он говорил со спокойной убежденностью. Он подчеркнул, что все имеют возможность присоединиться к крестовому походу, если не физически, то материально. Он красочно описал все трудности, все опасности, подчеркнув, что в добровольцы должны идти лишь самые храбрые. Под конец он сделал эффектное заявление:

– Смотрите!

На экране появилось туманное изображение джунглей, с захватывающей быстротой поднимавшихся к зрителю. Кольцо бархатно-черной грязи усеивало лоскутное одеяло древесных вершин. Одно из колец приблизилось, и стала видна радужная змея, скользящая по черноте. Грязь расступилась, и челюсти грязевого волка сомкнулись за змеей. Взбалтывая грязь и крича, сражающиеся исчезли из поля зрения, и бархатный бассейн снова застыл, только круги пробегали по нему, да розовые пузыри время от времени поднимались к поверхности и глухо лопались, и этот глухой звук был слышен во всех башнях.

Сэм поблагодарил аудиторию. Он попросил слушателей потерпеть еще несколько дней, пока будет сформирована первая отборочная комиссия. Он заметил с высокомерной скромностью, что надеется заслужить их доверие служением им и Вольным товарищам, которые передали ему все дела, а сами сражаются на поверхности, в джунглях. Мы все, закончил Сэм, станем скоро свидетелями этой борьбы, и люди, а не чудовища заслужат наши симпатии в смелой попытке завоевать Венеру, как наши предки некогда завоевали Старую Землю.

Семьи ничего не предпринимали.

Это беспокоило Сэма больше, чем любые возможные действия. Потому что ему не с чем было бороться. В глубине души он не доверял тишине. Все попытки проинтервьюировать кого-нибудь из бессмертных по этому вопросу, занимавшему умы, ни к чему не привели. Они улыбались, кивали, но отказывались давать интервью — пока.

В конце концов, говорил Сэм, что могут сделать Харкеры? Заявить во всеуслышание, что великолепная новая игрушка может оказаться опасной? Что нельзя дать ребенку погремушку, а потом отобрать ее, не вызвав при этом громкий рев? Люди башни были опаснее детей, и они привыкли опираться на уверенные руки. Уберите опору — и можно ждать неприятностей.

Он знал, что выиграл лишь гамбит, но не всю игру. Однако у него было слишком много дел, чтобы беспокоиться о будущем. Сейчас важно осуществить эту аферу, а там посмотрим.

Как это ни парадоксально, Сэм полагался на опыт Харкеро-

Они утверждали, что его план потерпит крах. Сэм был уверен, что они правы. Логист, правда, считает, что колонизация удастся, а Логист, как правило, не ошибается. Разве может ошибаться машина? Сэм знал, однако, что она ошиблась — и очень грубо — в его собственной оценке. Поэтому он и не доверял прогнозу.

Единственное, что ему оставалось, — это застраховаться от неудачи. Сэм охотился за большими деньгами. Публика хотела покупать, и он продавал, продавал...

Он продал триста процентов акций.

После этого он должен был потерпеть крушение. Если он вложит деньги в развитие поверхности, ничего не останется ему. Да и как мог он выплачивать доходы по тремстам процентам акций?

Но на бумаге все выглядело прекрасно. В поисках новых источников растущая культура поднималась из-под поверхностей морей, стряхивала воду с гигантских плеч, большими шагами устремлялась на сушу. А следующая цель — межпланетные и межзвездные путешествия. Ад астра — великолепный сон, и Сэм выкачивал из него все, что можно.

Прошло два месяца. Розата, как и прочие плоды успеха, упала ему в руки. Сэм закрыл все три своих квартиры и вместе с Розатой нашел новое место, полное неслыханной роскоши. Его окна открывались на гидропонический сад, цветущий так же щедро, хотя и не так опасно, как джунгли над головой. Из этих окон он мог видеть огни башен, где под его дудку танцевал каждый человек. Это мегаломаниакальное великолепие, полное параноидного блеска, было подобно сну.

Сэм еще не осознавал этого, не оглядывался назад. Он вертелся все быстрее и быстрее, следуя за событиями, выходящими из-под его контроля. Если бы у него было время остановиться, подумать и подвести итоги... Но времени у него не было.

Розата сидела у его ног на низкой скамеечке, наигрывая на арфе, когда наступил момент прозрения. Складки ее сине-фиолетового платья веером лежали на полу, нежная голова склонилась над лирой.

“О медленно, медленно встала она и медленно подошла к нему...” — сладко выпевал ее льющийся голос строки старой баллады. Внезапно пение Розаты было прервано сигналом телевизора. Сэм неохотно встал.

Розата не подняла головы. Она сидела совершенно неподвижно, как будто звук вызова заморозил ее. Затем, не поднимая

глаз, она тронула струны лакированными ногтями и пропела последнюю строчку: “Юноша, я думаю, ты умрешь...”

Экран телевизора прояснился, когда Сэм нажал кнопку, и лицо, появившееся на нем, чуть не заставило его отшатнуться. Это было разгневанное лицо Кедры Уолтон. Черные локоны развевались, как волосы Медузы, когда она придвинулась к экрану. Она, должно быть, разговаривала с кем-то в глубине, ожидая, когда Сэм ответит на ее вызов. Гнев ее был направлен не против Сэма, он это понял по интонациям ее голоса.

— Сэм Рид, ты болван! — без всякого вступления заявила она. Египетское спокойствие исчезло с ее тонкого и презрительного лица. — Неужели вы в самом деле думали, что вам это удастся?

— Обязательно удастся, — заверил ее Сэм, как всегда уверенный в себе.

— Бедный глупец! Вы никогда раньше не имели дела с бессмертными. Наши планы действуют медленно, мы можем себе это позволить! Но вы, конечно, не думали, что Харкер позволит вам остаться в живых после того, что вы сделали? Он...

Голос за ней произнес:

— Позвольте мне говорить самому, Кедр, дорогая, — с экран на Сэма взглянуло гладкое, лишенное возраста лицо Захарии. Глаза его были задумчивы. — В чем-то я вам должен быть благодарен, Рид, — продолжал голос бессмертного. — Вы были умны. У вас оказалось больше ресурсов, чем я ожидал. Вы заставили меня поднапрячься, а это большое удовольствие. К тому же вы сделали уязвимым Хейла и весь его честолюбивый проект. За что я и хочу вас отблагодарить. Я люблю воздавать должное.

Сэм ощутил холодную дрожь. В глазах Харкера была такая отдаленность во времени и пространстве, как будто Сэма здесь вообще не было. Как будто Харкер смотрел на что-то безликое или на мертвеца.

И в этот момент глубочайшего прозрения, потрясшего все его существо, Сэм понял, что Харкер с самого начала знал, что Сэм обманет его в истории с Хейлом, перехитрит также и самого Хейла. Сэм был слабым звеном в крестовом походе Хейла, единственным слабым звеном, которое приведет к крушению всего проекта. До сих пор Сэм думал, что никто не заподозрит этого. Но Захария Харкер знал.

— Прощайте, Рид, — сказал ровный голос. — Кедр, дорогая...

На экране снова появилось лицо Кедры. Она по-прежнему сердилась, но гнев ее был поглощен другим чувством, когда ее глаза встретились с глазами Сэма Рида. Длинные ресницы полускрывали их, на ресницах виднелись слезы.

— Прощай, Сэм, — сказала она. — Прощай! — Взгляд ее голубых глаз устремился куда-то мимо него.

Сэму хватило времени, чтобы повернуться и заметить угрозу, но не хватило, чтобы ее остановить.

Розата тоже стояла рядом и смотрела на экран. И когда он повернулся, ее пальцы оторвались от струн арфы, неся ему забвение.

Он ощутил сладкий запах порошка, ударивший ему в нос. Тщетно пытаясь схватить ее и сломать ей шею, он вытянул руки. Но она увернулась от него, и вся комната закружилась и поплыла. И вот уже Розата стоит и смотрит на него откуда-то сверху, и в глазах ее блестят слезы.

Последнее, что он видел, — две женщины, глядевшие на него со слезами в глазах. Они любили его, должно быть, раз плакали, но они принесли ему гибель...

Он проснулся. Запах смертоносного порошка больше не ощущался. Было темно. Он почувствовал, что плечи упираются во что-то, и неуклюже встал. Чуть посветлело. Конец переулка, тупик, подумал он. Где-то в полутьме проходили люди. Его натруженные подошвы болели. Осмотрев себя, Сэм обнаружил, что он в лохмотьях и босой.

Он заковылял к выходу из тупика. Какой-то человек взглянул на него с любопытством и отвращением. Сэм схватил его за одежду.

— Колония, — прохрипел он. — Ее открыли?

Прохожий отбросил его руку.

— Какая колония? — нетерпеливо переспросил он.

— Колония! Колония на поверхности!

— Ах это! — он рассмеялся. — Вы малость опоздали. — Очевидно, он решил, что Сэм пьян. — Ее открыли уже давно.

— Когда?

— Сорок лет назад.

— Сорок лет! — На него смотрело лишенное возраста лицо: красные брови, твердый подбородок и ни единой морщины на лбу.

Сэм вцепился в поручень торгового автомата у выхода из тупика. Колени у него подогнулись, и ему пришлось почти повиснуть на руках.

Он поймал свое отражение в запыленном стекле автомата и посмотрел в собственные глаза.

И действительно будет время,
Когда желтый дымок заскользит по
улицам
И будет тереться о стекла окон;
Будет время, будет время
Подготовиться к встрече тех,
кого вы встретите;
Будет время убивать и созидать;
Будет время для всех работ
И для ответов на все вопросы.

(Т.С.Эллиот)

Город двигался мимо него медленно опускающейся спиралью. Сэм Харкер тупо смотрел на него, не воспринимая отдельных деталей. Мозг его был слишком полон и в то же время слишком пуст. Он еще не мог думать как следует. И никаких воспоминаний не сохранилось у него между тем мгновением, когда он впервые увидел свое невозможно юное лицо, и настоящим моментом. Разбитыми ступнями он ощущал слабую вибрацию Пути, и город, медленно двигавшийся, открывавший одну улицу за другой по мере того, как спираль уходила дальше, — этот город был ему знаком. И не на чем было остановиться, сосредоточить несущийся вскачь разум.

— Мне нужна выпивка, — сказал он себе, и даже эта мысль рождалась неуклюже: как бы пробираясь по мозговым каналам, не использовавшимся сорок лет. Но, ощупав рваные карманы, он убедился, что они пусты. Ни денег, ни памяти. Ни даже прошлого.

— Ничего? — туманно подумал он. — Ничего? — И тут он впервые понял, что видел в зеркале. — ... Я бессмертный.

Это не могло быть правдой. Это часть фантазий, навеянных сонным порошком. Но ощущение собственных гладких щек и твердых мышц шеи под дрожащими пальцами — это не фантазия. Это реально. Значит, не реальностью должны быть прошедшие сорок лет. И человек там в переулке солгал. Сэм припомнил, что этот человек глядел на него как-то странно, с необычным интересом. Вначале ему казалось, что это случайный прохожий, но теперь, напрягая свои заржавевшие извилины, он решил, что этот человек ждал его пробуждения, готовый уйти или остаться в соответствии с действиями Сэма.

Он попытался припомнить лицо этого человека и не смог. Расплывчатое пятно, смотревшее на него и говорившее с ним. Но глядевшее с клиническим интересом, говорившее с целью и

намерением, которые не могли быть случайными. Это была первая сознательная мысль, сформировавшаяся в затуманенном мозгу Сэма, и воздействие ее было очень сильным. Человек должен был находиться там по какой-то причине. И причина эта была связана с Сэмом.

— Сорок лет, — пробормотал Сэм. — Во всяком случае, я могу в это поверить.

Город совсем не изменился. Но это не критерий. Башни никогда не менялись. Далеко впереди он увидел возвышающийся над зданиями большой шар — модель мертвой Земли в черном пластиковом чехле. Он смог сориентироваться, и все улицы и здания заняли привычные места. Он знал город. Он знал, где находится, где его роскошные апартаменты, смотревшие сверху вниз на сверкающие Пути. Он вспомнил девушку с голубыми глазами, бросившую ему в лицо порошок.

Перед ним всплыло лицо Кедры на экране, слезы в ее глазах, повелительный взгляд, несущий ему гибель. Кедрa и Розата. Он знал, что на самом деле не Кедрa стояла за этим и не Розата. Захария Харкер — вот кто отдал приказ. И он заплатит за это. И Кедрa тоже. А что касается Розаты... Сэм сжал кулаки. Он верил Розате. Ее преступление было тягчайшим предательством. Лучше бы ей умереть!

Но погоди! Сорок лет? Может, время уже выполнило его задачу? Перво-наперво ему нужно узнать дату своего пробуждения. Движущиеся Пути проходили мимо большого общественного экрана. Здесь он мог попытаться узнать эту дату. Впрочем, подумал он, это и не нужно... У него было ощущение времени. Город не изменился, но люди изменились, хотя и не слишком. Некоторые мужчины носили бороды, это было для него ново. У одежды был более смелый покрой. Мода меняется в ритме, соответствующем изменениям социального порядка, по своим определенным законам. Только по одному этому он смог бы определить протекший срок, если бы у него четче работал мозг и не было другой возможности узнать это.

Путь медленно повернул, так что стал виден угол экрана и Сэм заметил, как мало лиц обращено к нему. Он помнил время, когда все шеи изгибались, и люди толкали друг друга, стремясь быстрее узнать новости на экране. Теперь все было не так. Апатия в прямом и легко объяснимом контрасте с новым смелым стилем одежды заметна на каждом лице. Сэм был единственным, смотревшим на экран. Да, прошло сорок лет...

Что-то подобно яркому взрыву вспыхнуло в его мозгу. Бессмертие! Бессмертие! Все возможности, все опасности, вся слава — все, лежащее перед ним, вспыхнуло ослепительным светом. Но вот сияние ослабло, и он на мгновение испугался зре-

лости, которая превосходила все, о чем он мог мечтать. Тут его снова охватили сомнения, и он яростно начал вспоминать, есть ли наркотик, какое-нибудь средство, способное вызвать такую каталепсию, задержать старение организма? Ничего подобного он не знал. Нет. Это реальность. Этого не может быть, и все же это правда.

Сэм сухо рассмеялся про себя. Все это может подождать. Есть более необходимые вопросы, над которыми следует подумать. Что-то необыкновенное произошло с ним, и вот результат: сорок лет сна — и затем бессмертие. Но что же это могло быть?

Сонный порошок. Памятный запах, все еще держащийся в его ноздрях. Горло пересохло... начиналась жажда, которую не мог утолить ни один напиток.

Ему нужно вылечиться. Прежде всего нужно вылечиться!

Он знал этот сонный порошок. Действие его можно было излечить, но он легко входил в привычку. Хуже всего было то, что, оказавшись под влиянием этого смертоносного вещества, вы не выходили из-под его контроля. Не было определенного периода, когда можно было бы обратиться за помощью. Нужно было, чтобы организм выработал антитела, а на это требовалась почти вся жизнь. Но даже в этом случае вирус сонного порошка быстро мутировал, и вы снова погружались в сон, а потом умирали.

Паника охватила Сэма. Как долго продлится этот период бодрствования? В любой момент вирус ударит снова, и его заново обретенное сознание уйдет. Бессмертие бесполезно, если будешь все время спать.

Он должен вылечиться. Теперь, когда он понял, что означает его жажда, она страшно усилилась. Лечение требует денег. Несколько тысяч. А у него нет ничего. Если бессмертие действительно таково, как он думал, он по счастливой случайности богаче самых богатых, но это богатство он может потерять из-за отсутствия денег, материального богатства. Парадокс. Ему принадлежали будущие столетия, но из-за нехватки нескольких часов он может лишиться будущего.

Паника опасна. Он знал это. Он заставил себя успокоиться и подумать. Что делать? Что узнать? Прежде всего два обстоятельства — бессмертие и влияние наркотика.

Деньги... — их нет.

Бессмертие... Это ценное многообещающее преимущество, но как обращаться с ним сейчас, он не знает. Поэтому — пока держать в тайне.

Как?

Маскировка.

Под кого?

Под самого себя, разумеется. Под Сэма Рида, но не под Сэма Рида бессмертного. В Сэма Рида, каким он выглядел бы в семидесятилетием возрасте. Это опять-таки приводило к проблеме денег. Единственный способ раздобыть деньги — вернуться к своей прежней практике. И не раскрывать своей тайны. У него в голове зашевелились мысли, как использовать эту удивительную тайну. Но это позже. Потом времени будет достаточно, если его хватит сейчас.

Но сначала немного денег, немного знаний. Знания получить легче и безопаснее. Он должен немедленно узнать, что произошло за последние четыре десятилетия, что случилось с ним самим, когда он исчез из внимания публики, и почему. Ясно, что он больше не был общественной фигурой. Но где же он находился эти сорок лет?

Он перешел на перекрестный Путь и направился к ближайшей библиотеке. По пути он обдумывал проблему денег. Когда Розата бросила ему в лицо сонный порошок, он был очень богат. Некоторые вклады были сделаны на его имя, но четыре крупные суммы — на предъявителя. Возможно, принадлежность хотя бы одной из них ему оставалась тайной. Сможет ли он получить эти деньги? Впрочем, если деньги ждали сорок лет, то подождут еще несколько часов.

Пока же у него не было даже нескольких монет, чтобы взять отдельный кабинет в библиотеке. Поэтому он присел к длинному столу, пряча лицо за поглощающими звук перегородками, отделявшими его от соседей. Опустив глаза, он нажал кнопку.

На экране перед ним разворачивался общий обзор новостей сорокалетней давности. Это был еженедельный обзор, посвященный последним семи дням, которые он помнил...

Рин ван Винкл мог сориентироваться, читая газеты двадцатилетней давности. Они рассказали ему, что произошло за двадцать лет, но они не убедили бы его в прочности мира. Во всей башне, на всей планете только старый обзор мог дать надежную почву ногам Сэма Рида. За пределами библиотеки его повсюду ждали опасности и неожиданности, — так сильно изменились обычаи и действия.

Больше всего изменились мода, обычаи и сленг. Но их и заметить легче.

Перед Сэмом так ярко разворачивалось прошлое, что он чуть ли не заново ощущал запах сонного порошка. При этой мысли сухость в горле вновь поразила его, он снова подумал, что нужно торопиться. Нажал кнопку — события стали проходить быстрее.

СЭМ РИД УСЫПЛЕН СОННЫМ ПОРОШКОМ! Голос из прошлого звучал в его ушах, а трехмерные изображения быстро проносились по экрану.

СЕГОДНЯ КОНЧИЛАСЬ КАРЬЕРА СЭМА РИДА, ИЗВЕСТНОГО ДЕЯТЕЛЯ НАЗЕМНОЙ КОЛОНИИ. К УДИВЛЕНИЮ ВСЕХ, ЗНАВШИХ ЕГО, ОН НАЙДЕН УСНУВШИМ ПОД ВЛИЯНИЕМ СОННОГО ПОРОШКА...

Здесь было все. Расследование, последовавшее за его очевидным самоубийством. Скандал, когда обнаружился обман. Через четыре дня после конца Сэма Риды мыльный пузырь колоний лопнул.

Робин Хейл, Вольный товарищ, молчал. Да и что он мог сказать? Было продано триста процентов акций, и этот факт яснее всего говорил о том, что Сэм сам не верил в успех колонии. Хейл сделал единственно возможное — попытался успокоить бурю, как ему уже приходилось делать в его долгой жизни — выдерживать бури, поднятые людьми, и природные бури на поверхности... Конечно, это было невозможно. Слишком накалилась атмосфера. Слишком много людей поверило в успех.

Мало что осталось после катастрофы. Главный позор приняло на себя имя Сэма Риды. Он был не просто обманщик — он трусливо бежал, скрывшись в самоубийственном сне. Никто не удивился его поступку.

Публике некогда было задуматься над тем, что его поступок был нелогичен: если колония обречена на неудачу, то Сэму можно было скрыться и спокойно дожидаться своих трехсот процентов прибыли. Но над этим никто не задумался. Все решили, что, опасаясь разоблачения, он избрал самый быстрый выход. Хотя при этих обстоятельствах он должен был, наоборот, опасаться успеха предприятия.

Расследование обнаружило скрытые им вклады. Оказывается, он спрятал их недостаточно тщательно. Все четыре тайника были найдены и опустошены. Старый обзор новостей сообщал подробности.

Сэм откинулся назад и застыл в позе отчаяния. Итак, он разорен.

Он видел за событиями сорокалетней давности руку Харкеров. Лицо Захарии встало перед ним, будто только что увиденное, гладкое, улыбающееся с экрана, бесстрастное лицо бога, следящее за эфемерным успехом смертного. Захария знал, что делал. Но это только начало игры, где Сэм должен был послужить пешкой, отброшенной за ненадобностью. Он повернулся к экрану, чтобы узнать следующие ходы.

Он был удивлен, узнав, что Робин Хейл продолжил их дело и основал наземную колонию — почти безо всякой поддержки, при активном противодействии врагов.

Да, колония была основана, но удивительно мало новостей сообщалось о ней. В башне Делавэр произошло сенсационное

убийство, и сообщение о нем вытеснило все новости о колонии. Сэм просматривал неделю за неделей и находил лишь краткие сообщения о колонии.

Конечно, это было не случайно: Харкеры знали, что делают.

Сэм выключил экран и задумался. Придется изменить первоначальный план, хотя и ненамного. Он по-прежнему нуждается в деньгах, и они нужны немедленно. Он судорожно глотнул, вновь ощутив сухость горла. Его сбережения пропали. Что же осталось? Только он сам, его опыт, его бесценная тайна, которую он пока не может открыть. Что еще? Документы на землю, оформленные на его имя сорок лет назад, были еще действительны, они не подлежали отмене. Но под своим именем он не может затребовать их, а все другие требования будут незаконными. Этим он займется позже.

А сейчас — деньги. Губы Сэма упрямо сжались. Он встал и вышел из библиотеки. Он шел искать оружие и жертву. Грабежом не добудешь нескольких тысяч кредитов без сложной подготовки, но он мог отобрать у кого-нибудь в темном переулке двадцать-тридцать кредитов, если ему повезет.

Ему повезло. И тому человеку, которого он оглушил, тоже, потому что его череп не раскололся от удара носка, набитого булыжниками. Сэм был удивлен, обнаружив, что физически находится в гораздо лучшей форме, чем ожидал. Большинство жертв сонного порошка ко времени смерти становятся мумиями, мешком с костями.

Это еще одна загадка — как он провел эти сорок лет?

Снова вернулось воспоминание о человеке в тупике. Если бы только у него тогда была ясная голова, он схватил бы этого наблюдателя за горло и вытряс бы из него информацию. Ну ладно, на это еще будет время.

С сорока тремя кредитами в кармане он направился в заведение, которое знал сорок лет назад. Служители здесь держали рот на замке и дело свое знали. Сэм надеялся, что заведение сохранилось — в башнях не происходит быстрых изменений.

По дороге он миновал несколько новых салонов, где мужчин и женщин украшали до степени совершенства. Очевидно, запросы повысились. В башне стало заметно больше щегольства. Повсюду встречались мужчины с тщательно завитыми бородами и локонами. Сэму были необходимы скромность и благоразумие. Но он удивился, увидев, что полуправильное заведение еще действует.

Нервы его напряглись, когда он остановился у входа. Но, очевидно, на Пути его никто не узнал. Сорок лет назад его лицо было знакомо всем в башнях, но не теперь.

Если на него посмотрят и увидят нечто знакомое, то автоматически решат, что это случайное сходство, не больше. Подсознательное всегда толкает сознание к наиболее логичному заключению. Иногда происходят удивительные совпадения, это естественно. Но совершенно неестественно увидеть Сэма Рида на Путиях таким же, каким он был сорок лет назад. Многие из тех, мимо которых он проходил на Путиях, родились после фиаско Колонии и смотрели на Сэма равнодушными глазами детства. Те же, кто помнил, были теперь стары, зрение их ослабло, да и множество новых лиц наложились на тусклое воспоминание.

Нет, он в безопасности, если не считать непредвиденных случаев. Он вошел в стеклянную дверь и обратился к служителю с обычным заказом.

— Постоянно или временно?

— Временно, — ответил Сэм после короткой паузы.

— Быстрая смена? — так называлось быстрое изменение наружности, часто необходимое клиентам этого заведения.

— Да.

Художник принялся за работу. Он был специалистом по маскировке. Голову Сэма он оставил лысой, красные веки и брови отбелил. Для бороды они выбрали грязно-серый цвет.

Он переделал нос и уши Сэма так, как их переделало бы время. Искусственными наращиваниями он проложил несколько морщин в нужных местах. Борода не скрывала лица Сэма, но когда художник кончил, с лица Сэма глядели сорок лишних тяжелых лет.

— Для быстрого изменения, — сказал мастер, — снимите бороду и измените выражение лица. Убрать морщины быстро невозможно, но можно разгладить правильным выражением лица. Попробуйте, пожалуйста, — он повернул кресло Сэма к зеркалу и заставил его попрактиковаться, пока они не были удовлетворены.

— Хорошо, — сказал наконец Сэм. — Еще мне нужен костюм. — Они выбрали три вещи — шляпу, плащ и башмаки. Простота и быстрота — вот факторы, определявшие выбор. Каждый предмет обладал особыми свойствами: шляпа легко меняла форму, плащ был сделан из такой тонкой ткани, что помещался в кармане. Под большими пряжками башмаков скрывались пышные голубые банты.

Сэм вышел через задний ход, ступая тяжело, как восьмидесятилетний старик. Он вернулся в библиотеку.

Теперь его интересовала хроника криминальных происшествий. В некотором смысле преступные группы похожи на крестьянских пастухов. В поисках сочного корма для скота они передвигаются с одного пастбища на другое. Глядя на экран,

Сэм убедился, что характер преступлений не слишком изменился — порок менялся медленнее, чем добродетель.

Сэм облюбовал себе свежее зеленое поле. Он купил бутылочку с красной жидкостью и мощную дымовую шашку. Инstrukция объясняла, как нужно применять ее против вредителей в гидропонических садах. Сэм не стал читать — ему уже приходилось пользоваться такой штукой раньше.

Теперь оставалось выбрать место для ловушки. Ему нужны были два переулка, находящиеся поблизости и выходящие на не слишком оживленный Путь. В одном из переулков, как помнил Сэм, находился подвал. Сейчас, как и раньше, он пустовал. Подобрал у входа несколько кусков металла размером с кулак, Сэм спрятал в подвале дымовую шашку.

Он не разрешал себе думать о том, сколько ему еще предстоит сделать. Но при мысли о том, что теперь у него так много времени, им овладела безудержная пьянящая радость, и он не без усилия возвращал себя к насущным делам.

Он отправился на современное зеленое пастбище и пил самое дешевое виски, ни на минуту не забывая, что он очень стар. Он не позволял себе полностью заполнить легкие перед тем, как говорить — у стариков не хватает дыхания, а голос у них тусклый. Результат был убедителен. К тому же он двигался медленно и осторожно, заставляя себя предварительно обдумывать каждое движение. Старики вынуждены двигаться медленно, чтобы успеть обдумать, смогут ли неловкие руки и ноги преодолеть препятствие. Мир столь же опасен для старых людей, как и для малышей. Но дети не знают коварства земного тяготения.

“Джим-о-Венус” было колоритное заведение, какие, наверное, во множестве встречались в старом Риме. Здесь смешивались костюмы и обычаи, попадавшие сюда с более высоких социальных уровней. Глаз наблюдателя мог выхватить в толпе блеск золоченого пояса, кровавый цвет украшенной перьями шляпы, живописные складки красочного плаща.

В “Джим-о-Венус” приходили ради выпивки и азартных игр, тогда как посещавшая более солидные заведения знать предпочитала усовершенствованные игры древности, типа рулетки. Здесь были и механические игры, но все же преобладали кости и карты.

Лица не были знакомы Сэму, но типы людей он знал хорошо. Одним было все равно, где сидеть, другие садились только лицом к двери. Именно эти последние в первую очередь интересовали Сэма.

Он был удивлен, какое большое распространение получили карты, сорок лет назад еще только входившие в моду. Сами

карты стали больше форматом и были украшены разными экзотическими рисунками.

Игроки были слишком пьяны, чтобы соблюдать осторожность. Сэм начал давать им советы, потом вступил в игру.

Он расчетливо подобрал партнеров, чтобы выигрывать не слишком заметно. Но он и не рассчитывал здесь на поживу. Карты слишком ненадежная штука. Ему нужно было лишь создать впечатление, что у него водятся деньжата.

Скоро он прервал игру, возмущившись плутнями. Его громкий старческий тенорок выдавал заметное опьянение. Он вышел из ресторана и остановился, слегка покачиваясь. Следом за ним вышел какой-то человек.

— Послушай, дед, хочешь сыграть еще? — спросил тот.

Сэм кинул на него подозрительный взгляд.

— Сезонник?

— Нет!

Сэм позволил втянуть себя в разговор, но держался настороже, пока не убедился, что его зовут не в темный переулок, а в третьеразрядный игорный дом, который он помнил еще ресторанчиком.

На этот раз игра шла более привычными картами. Играя с трезвыми партнерами, Сэм не мошенничал. В результате он утратил все, что имел, и вдобавок влез в долги.

Его отвели к “доку Малларду”. Так называл себя низкорослый, лишенный шеи человек с красивыми курчавыми волосами и лицом, смазанным коричневым маслом. Маллард холодно взглянул на Сэма.

— В чем дело? Мне не нужны расписки.

Сэм вдруг осознал, что сорок лет назад этот человек был молокососом, изучавшим то, что Сэму уже давно было известно. Все на мгновение уменьшилось перед ним, как будто он смотрел на Малларда с огромной высоты. Он б е с с м е р т е н...

Но уязвим. Он убрал из голоса пьяные интонации и сказал:

— Поговорим наедине.

Маллард взглянул на него проницательным взором. Сэм едва удержался от улыбки. Когда они остались одни, Сэм сказал:

— Слыхали ли вы когда-нибудь о Сэме Риде?

— Рид? Рид? А, этот парень из колонии... Конечно, сонный порошок, так?

— Не совсем. Не очень долгий срок. Я — Сэм Рид.

В первый момент Маллард не отреагировал. Очевидно, он рылся в памяти в поисках подробностей давно забытого скандала времен своего детства. Но поскольку афера с колонией была уникальной в истории башни, он, спустя некоторое время, вспомнил...

— Рид мертв, — заявил он. — Все знают...

— Я — Сэм Рид. Я не мертв. Я спал под воздействием порошка, но это можно излечить. Я долго находился на поверхности. И теперь вернулся.

— Ну и что?

— Ничего особенного. Я упомянул об этом, чтобы доказать, что мои расписки имеют обеспечение.

Маллард фыркнул.

— Вы ничего не доказали. Никто не возвращается с поверхности богачом.

— Я оставил здесь деньги перед уходом.

— Я помню эту историю. Правительство отыскиало все ваши тайники. У вас не осталось ни пенни, — раздраженно сказал Маллард.

— По-вашему, семь тысяч — ничего! — воскликнул Сэм запальчивым старческим тенорком.

Маллард улыбнулся легкости, с которой он поймал старого дурака.

— Откуда я знаю, что вы Сэм Рид? Как вы можете это доказать?

— Отпечатки пальцев...

— Слишком легко подделать. Впрочем, сетчатка глаза. — Маллард колебался. По-видимому, он не мог принять решение. Через секунду он повернулся и заговорил в микрофон. Раскрылась дверь, и вошел человек с громоздким фотоаппаратом. По его требованию Сэм посмотрел в объектив и чуть не ослеп от вспышки. Потом они долго ждали в молчании.

Настольный передатчик зажужжал перед Маллардом. Тонкий голос произнес:

— О'кей, доктор. Снимок сверен с материалами картотеки. Это тот человек.

Маллард щелкнул переключателем и сказал:

— Ладно, парни, заходите.

Двери открылись, и вошли четверо. Маллард им бросил через плечо:

— Это Сэм Рид, ребята. Он хочет отдать нам семь тысяч кредитов. Потолкните-ка с ним об этом.

Четверо придвинулись к Сэму Риду. Методы допроса не изменились. Здесь, на Скид Роуд, они основывались, главным образом, на физической боли. Сэм Рид держался стойко, сколько может старик, а потом заговорил.

Был момент, когда он испугался, что его выдаст борода. Но художник из салона знал свое дело: суррогатная ткань держалась прочно, пока Сэм не глотнул из бутылки, которую держал в кармане.

Дыша коротко и тяжело, он отвечал на вопросы дока Малларда.

— У меня есть тайник... Открывается он кориумным ключом...

— Сколько кориума?

— Фунт и три четверти...

— Почему вы до сих пор не взяли эти деньги?

— Я только недавно с поверхности. Все остальные тайники... нашли... но не этот. Я не могу открыть его без кориумного ключа. Где мне взять столько кориума? Я вне игры.

Маллард почесал за ухом.

— Порядочно кориума, — заметил он. — Но, впрочем, это самый надежный замок в мире.

Сэм кивнул со стариковской гордостью.

— Его не открыть без точного количества радиоактивности, сфокусированной на замке. Я был хитер в старые дни. Вы должны знать точное количество...

— Фунт и три четверти, — прервал его Маллард. — Выясните, сколько это стоит, — сказал он одному из своих людей.

Сэм откинулся на спинку стула, пряча улыбку в бороде. Это была холодная улыбка. Ему не нравился Маллард и его методы. Хорошее знакомое чувство возвращалось к нему — неукротимое желание уничтожить все, что стоит на его пути. Теперь Маллард... Сэм сжал пальцы в кулак, думая о том, как приятно было бы сжать ими смазанную маслом шею Малларда.

И вдруг ему в голову пришла новая мысль. Разве бессмертный должен довольствоваться убийством? Теперь перед ним открывались новые возможности для мщениия. Он мог подождать и наблюдать, как будет медленно умирать его враг, мог позволить ему состариться.

Его позабавила эта мысль. Время... как много его впереди и как мало! Но он должен сделать все, чтобы использовать свое бессмертие.

Первый шаг — это тайник, куда он пойдет вместе с бандой. Один неуловимый шаг восьмидесятилетнего...

В подвале Сэм нехотя показал доску, куда поместить кориумный ключ. Кориум — активированный уран 233 — явно не был игрушкой. Он находился в специально изолированном контейнере, слишком большом, чтобы поместиться в кармане. Вместе с ним док принес и сложный щит — приспособление для защиты от излучения. Он поставил ящик в указанное Сэмом место.

В подвале кроме Сэма находилось четверо: док Маллард и трое его подчиненных. Все они были вооружены. Сэм — нет. Снаружи, в переулке, находился еще один человек. Единствен-

ное приготовление, которое успел сделать Сэм, заключалось в том, что он налил отклеивающую жидкость в бороду. Теперь она легко снималась.

Сэм начал глубоко дышать, накапливая запасы кислорода: он скоро ему понадобится. Он следил за тем, как Маллард тщательно прилаживал щит и контейнер с кориумом. Ящик очень походил на фотоаппарат — имел спусковой механизм и устройство типа диафрагмы.

— Здесь? — спросил Маллард, тыча пальцем в стену.

Сэм кивнул.

Маллард нажал кнопку и отступил за щит. Щелк!

— Тайник чуть выше, — поспешно сказал Сэм.

Он, спотыкаясь, двинулся вперед, но один из сопровождающих схватил его за плечо.

— Ты нам только покажи, — сказал он. — Кто тебя знает, может, вместе с деньгами лежит и пистолет.

Сэм показал. Маллард ощупал кирпич и довольно хмыкнул.

— Я думаю, — начал он и потянул на себя кирпич...

Сэм сделал глубокий вздох и держал глаза открытыми, пока не увидел, как облако дыма начало выходить из тайника. Ни на секунду он не терял из виду ящик с кориумом. Затем он начал действовать.

Он слышал удивленные голоса, затем звук выстрела. Луч не тронул его. Он ощутил острые углы ящика с кориумом и, наклонившись, свободной рукой подобрал другой кирпич у стены. Кориум исчез в углублении стены, и кирпич ловко закрыл вход в тайник.

— Не стреляйте! — крикнул Маллард. — Всем к выходу. Поллард! Не входи сюда! Задержите Рида.

Сэм был уже у двери. Открыв глаза, он ничего не увидел в густом облаке дыма, но услышал чей-то возглас:

— Поллард!

Он согнулся, нащупывая кусок металла, который припас. Его пальцы любовно сжали холодный металл. Сквозь дым он увидел, как Поллард наставил на него пистолет. Сэм спросил:

— Где Рид?

Этого было достаточно. Пальцы Полларда на мгновение отпустили курок, он пытался рассмотреть, что за фигура появилась перед ним в дыму. Оружие Сэма было наготове. Он ударил им Полларда в лицо. Прежде чем он упал, Сэм перепрыгнул через его тело и побежал. Отсчитав четырнадцать футов, он завернул за угол и мгновенно сбросил плащ и бороду. Они отправились в карманы, не образовав заметных утолщений. Затем он сорвал с головы шляпу, искусно изменил ее форму и снова надел. Быстрым движением сменил пряжки на башмаках,

так что открылись яркие банты. Надобности в красной краске не было: руки у него и так были в крови. Он обмазал чужой кровью себе лицо.

Потом посмотрел назад и услышал топот.

Док Маллард и один из бандитов выбежали из-за угла. Они остановились и, увидев Сэма, бросились к нему. Еще один выбежал в переулок и направился к Малларду, размахивая пистолетом.

Сэм удивленно помигал и сделал неуверенный жест.

— Что случилось? — спросил он своим обычным голосом.

В переулок выбежал четвертый бандит.

— Поллард мертв! — крикнул он.

— Заткнись! — сказал Маллард, скривив рот, и посмотрел на Сэма. — Куда он пошел? Старик?

— Туда... — сказал Сэм. — Он налетел на меня из-за угла. Я... у меня кровь идет из носа. — Он посмотрел на свои окровавленные пальцы.

Маллард не стал ждать. Окликнув своих людей, он вместе с ними кинулся в указанном направлении. Сэм осмотрелся. На Пути народу не было, но один из прохожих направлялся к Сэму.

Сэм встал и знаком попросил доброго самаритянина продолжать свой путь.

— Все в порядке. Я не ранен.

Вытерев кровь с лица, Сэм не спеша завернул в тот переулок, откуда появился. Особой необходимости торопиться не было. Маллард гонится за стариком, уверенный, что тот никуда не денется. Он надул дока Малларда на несколько тысяч кредитов.

Сэм решил, что он вернется в подвал и немедленно.

Дым все еще валил из двери. Сэм споткнулся о тело Полларда и благодаря этому определил, где дверь. Он сориентировался в темноте и отыскал незакрепленный кирпич. Достав ящик с кориумом, он положил кирпич на место. Тридцать секунд спустя самый быстрый Путь уносил его от дока Малларда и его компании.

Кориум можно было продать. Там, где не будут задавать вопросов. Ему придется реализовывать добычу нелегальными путями. В Сэме больше нельзя было узнать старика, одурачившего Малларда. Тем не менее опасно было заниматься этой сделкой до того, как он укрепит свои позиции. Маллард теперь будет следить за подпольной торговлей кориумом.

Какие каналы сбыта могли остаться неизменными спустя сорок лет?

Те же, но руководимые другими людьми. Не удивительно. В подобных сделках нужно хорошо знать людей, с кем имеешь дело. Лучше всего иметь дело с теми, кто сейчас на вершине и

был на ней сорок лет назад. Только не Харкеры, конечно. Сэм улыбнулся и облизнул губы, снова осознав, как сухо у него в горле.

Кто же?

Он три часа разъезжал по Путям.

Рос голод и росла жажда. У него совсем не было денег — он потерял все у игорного стола. Унизительно отвлекаться из-за такого чувства, как голод. Он ведь бессмертный!

Тем не менее и бессмертный может умереть с голоду.

Какая насмешка судьбы! Перед ним бесконечная дорога, он так много должен сделать — и не может, пока не излечится от влияния сонного порошка.

Тут он вспомнил о человеке, который заменил ему отца много лет назад.

Его не удивило, что Слайдер жил все в том же тусклом углу башни. Удивительно было то, что он был все еще жив.

Сэм не ожидал этого. Не ожидал настолько, что не замаскировался снова.

Слайдер лежал в постели, его чудовищно дородное тело вдавилось в матрац, опухшее лицо посинело. Он беспрестанно чихал.

Маленькие злобные глазки оглядели Сэма.

— Входи, сынок, — пригласил он.

В комнате было грязно. Старик, кряхтя и чертыхаясь, попытался сесть в постели, но это ему не удалось, и он снова лег, глядя на Сэма часто-часто мигающими глазами.

— Налей мне выпить, — сказал он.

Сэм нашел на столе бутылку и откупорил ее. Инвалид выпил с жадностью. На обвисших щеках появился румянец.

— Женщина никогда не делает, как я велю, — пробормотал он. — Что тебе нужно?

Сэм удивленно рассматривал его. Чудовищное существо казалось таким же бессмертным, как и сами бессмертные. Но это был особый тип бессмертия, которого не пожелает ни один здравомыслящий человек. Сэм с уважением подумал, что старику должно быть уже более ста лет.

Он подошел и отнял у Слайдера бутылку.

— Сначала ответьте на мои вопросы.

— Дай сюда!

— Когда скажете то, что мне нужно.

Слайдер пошарил руками в грязной постели. В его руке появился игольчатый пистолет. Ствол нацелен на Сэма.

— Дай мне бутылку, сынок, — негромко повторил Слайдер.

Сэм пожал плечами и отдал бутылку. Старик не потерял своей хватки.

— Слайдер, вы знаете, как давно мы с вами не виделись?

— Очень долго, сынок. Долго. Тридцать... Нет, почти сорок лет.

— Но... вы узнали меня. Я не изменился. Я не постарел. А вы даже не удивились. Вы, должно быть, что-то знаете обо мне, Слайдер. Где я был?

Утробный смех потряс громоздкое тело. Кровать закричала.

— Ты думаешь, ты реален? — спросил Слайдер. — Не будь дураком, я сплю. — Он протянул руку и коснулся разноцветного шара размером с мужской кулак. — Вот он, сынок. Зачем испытывать боль, когда есть Оранжевый Дьявол?

Сэм подошел поближе, разглядывая оранжевый порошок в шаре.

— Ана, — сказал он.

Слайдер посмотрел на него своими маленькими пронзительными глазками. Наконец они несколько прояснились.

— Ты, должно быть, реален, — пробормотал он, — я удивлен.

Сэм смотрел на оранжевый порошок. Он знал, что это такое. Сильный наркотик, ослабляющий связи между объективным и субъективным, так что образы, созданные воображением, становились почти осязаемыми. Надежда, на мгновение появившаяся у Сэма, исчезла.

Нет, он ничего не сможет узнать у Слайдера.

— Что с тобой случилось, Сэм? — спросил Слайдер. — Ты давно должен быть мертв.

— Последнее мое воспоминание — сонный порошок, брошенный мне в лицо. Это было сорок лет назад. Но я не изменился.

— Сонный порошок не сохраняет молодость.

— А что сохраняет? Что это было, что могло меня сохранять вот так?

Старик снова зашелся в припадке смеха.

— Родись от правильных родителей — проживешь тысячу лет!

— Что? — неожиданно Сэм ощутил дрожь. До сих пор у него не было возможности подумать как следует. Он проснулся, он молод, в то время как он должен быть стар — следовательно, он бессмертен. Но как и... почему, он еще не успел подумать. Из какого-то подсознательного источника он черпал уверенность, что ему, подобно длинноногим и длинноруким бессмертным, принадлежат тысячелетия. Но до сих пор все бессмертные были стройны, высоки, красивы...

— Ты всегда был лыс? — неожиданно спросил Слайдер. В ответ на утвердительный кивок Сэма он продолжал: — Должно быть, детская болезнь. А может, и нет. Когда я тебя впервые

увидел, у тебя было несколько маленьких шпрамиков — здесь и здесь. Теперь вижу, они почти исчезли. Но Слайдер не дурак, сынок. Я слышал кое-какие разговоры когда-то и не связывал их с тобой. Была женщина — медик, она сделала операцию ребенку и в награду получила “плащ счастья”.

— Что за операция?

— Главным образом железы. Это дает тебе что-то?

— Да, — сказал Сэм. Голос у него стал хриплым, горло пересохло, кровь толчками стучала в висках и в шее. Он сделал два шага вперед, подобрал пластиковый стул и ударил им о колено. Прочный пластик разрезал ему руки, оставив синяк на колене, и Сэму стало немного легче. Сэм осторожно поставил стул и посмотрел Слайдеру в лицо.

— Так вот оно что! — сказал он с едва сдерживаемой яростью. — Я родился в семье бессмертных. Я вырос бы таким, как они, если бы кто-то не пустил в ход медицину. Кто нанял ту женщину?

Мощный сейсмографический толчок потряс кровать старика.

— Откуда мне знать? — взревел Слайдер. — Дай мне выпить!

— Вы уже осушили целую бутылку, — возразил Сэм. — Ладно, бог с ними, с бессмертными. Я к вам по другому делу, Слайдер. Скажите, у вас сохранились старые связи? — Он показал ему ящик с кориумом. — Мне нужно две тысячи кредитов. Все, что сверху, — вам. Можете продать его так, чтобы не пошли лишние толки?

— Если это грабеж, то назови мне имя, чтобы я мог лучше сориентироваться.

— Док Маллард.

— Ладно, сынок, устрой, — усмехнулся Слайдер. — Включи визор.

— Я тороплюсь.

— Возвращайся через час.

— И еще одно. Вы один знаете мой возраст. — Сэм достал из кармана бороду и нацепил ее.

— Можешь не продолжать. Слайдер не подведет.

— До встречи.

Сэм вышел.

Что, если в больнице ему придется назвать свое имя? Неужели в нем узнают деятеля колонии прежних лет? Рисунок его глазного дна, а может, и другие данные сохранились в архиве. Средний человек, увидев Сэма и заметив в нем что-то знакомое, может отнести это за счет случайного совпадения. Но в больнице он будет находиться под более тщательным наблюдением.

Слишком тщательным, чтобы попытаться сохранить внешность восьмидесятилетнего старика. Это ясно.

Неожиданно Сэму пришло в голову, что может существовать человек, очень похожий на него и в то же время соответствующий по возрасту. Это его собственный сын.

Правда, у него нет сыновей. Но он мог бы их иметь. Все знают, что приземистый плебей не может быть бессмертен. Так объясняется и его молодой вид. Он может сохранить свою драгоценную тайну и с минимальной маскировкой выдать себя за сына Сэма Рида.

Имя? Из глубины своего всепоглощающего чтения, занявшего в свое время годы, теперь казавшиеся ему часом, он извлек воспоминание о пророке Самуиле, старшего сына, которого звали Джозель.

Хорошее имя. Ничем не хуже других. Итак, он Джозель Рид.

Тридцать пять минут спустя он стоял в приемной больницы, окаменевший от удивления, способный только смотреть, в мозгу его шла напряженная работа. Неожиданность была слишком велика. Он мог лишь стоять, тупо повторяя:

— Что? Как вы сказали?

Молодой человек за столом нетерпеливо повторил:

— Мы выписали вас сегодня утром, как вылечившегося.

Сэм открыл рот и снова закрыл. Ни звука не вырвалось отсюда. Молодой человек задумчиво рассматривал его.

— Амнезия? — предположил он. — Бряд ли, но... хотите повидаться с врачами?

Сэм кивнул.

— Шесть недель назад, — спокойно объяснили ему, — вас доставили сюда. Человек, доставивший вас, назвался Эвансом, он не оставил своего адреса, сказав, что он приезжий и остановился в одном из отелей. Можете попытаться отыскать его. Плата за лечение была перечислена до вашего появления анонимно. В момент поступления к нам вы находились в хорошем физическом состоянии. — Врач посмотрел лежавшие перед ним записи. — По-видимому, к вам уже применяли соответствующее лечение в период вашего сна. Сегодня утром вас выписали в нормальном состоянии. За вами явился другой человек, но назвался он тем же именем — Эванс. Вот адрес. Вот и все, что я могу сказать вам, мистер Рид.

— Но, — Сэм задумчиво потер лоб, — как я мог забыть? Что это значит? Я...

— К несчастью, на подпольном рынке существует немало средств, вызывающих амнезию, — сказал врач. — Но вы вышли отсюда в хорошем костюме, с сотней кредитов в кармане. Они были при вас, когда вы очнулись?

- Нет...
- Вероятно, вас ограбили.
- Конечно, так оно и было.

Сэм думал о том, как много существует возможностей, чтобы лишить человека сознания, — горсть пыли в лицо в каком-нибудь переулке, удар по голове. Грабители редко заботятся перекладывать жертву в собственные лохмотья, но за исключением этого, вся история была довольно правдоподобна.

Если не считать, что был человек, который ждал его пробуждения.

Он встал и вышел, все еще ошеломленный.

Он стоял на узкой ленте Пути, уносящего его из больницы. Адрес никуда не приведет — он знал это. Тот, кто организовал всю эту цепь чудес, должен был тщательно замести свои следы.

Кто-то кормил его сорок лет, пока он находился под действием сонного порошка. Захария Харкер знал многое. Сигнал к усыплению подавала Кедр Уолтон, но за ней стоял Захария. Голос Иакова, но рука Исаака.

Неужели Харкер следил за ним все эти сорок лет? Или Кедр?

Кто-то, по словам доктора, выполнил это дело хорошо. Кто-то заплатил за его окончательное излечение и — ограбил, раздел. Так что, очнувшись, он имеет столько же, сколько имел, когда появился на свет.

Даже меньше — тогда у него было наследство. Впрочем, этого права его окончательно не лишили. Сэм с неожиданным приливом гордости осознал, что, если бы существовал Джозель Рид, он стоял бы около отца на длинных стройных ногах, красивый и элегантный, как сам Захария — бессмертный не только по праву рождения, но и по внешности.

Он испытывал почти болезненное ощущение, думая о раскинувшихся перед ним годах. Но, вспомнив о Слайдере, он подумал о нем в новой временной перспективе, которая казалась почти пугающей. Подобное отношение он мог испытывать к кошке или собаке. Отныне у него всегда будет сознание кратковременности жизни обычного человека.

Неудивительно, что семьи образовывали тесный союз. К кому можно испытывать чувство дружбы и любви без примеси жалости? Только к равному. Это древняя пропасть между богами и людьми.

Впрочем, текущих проблем это не решало. Его здесь терпят, благодаря кому-то. Но кому? Если бы только он мог схватить за горло человека, ждавшего его пробуждения. Кто-то намеренно излечил его, вырвал из забвения и выпустил в лохмотьях, без единого пенни. Зачем? Чтобы проследить за тем, что он будет делать? Так мог бы поступить бог. Захария? Он беспомощно

огляделся на толпы людей, заполняющих Пути. Может, за безразличием одного из них скрывается интерес к его поведению? Или неизвестный согладатай устал и отпустил его на свободу?

Что ж, со временем он узнает и это. Или не узнает никогда. Один из великолепных результатов последних нескольких часов считай у него в кармане — две тысячи кредитов. Первый шаг сделан. Теперь нужно решить несколько загадок, выяснить ряд деталей... Бессмертие!

Он запретил себе думать об этом. Мозг его отшатывался от бесконечной сложности, от фантастических перспектив его новой удлинившейся жизни. Он сосредоточился на двух людях: доставившем его в больницу и забравшем его оттуда, назвавшихся одним и тем же именем. Надо попросить Слайдера организовать расследование. Здесь Слайдер тоже будет полезен. Остальное придется делать самому.

В горле у него сухо. Он рассмеялся. Это не псевдожажда, вызываемая сонным порошком. Ему все еще трудно было поверить в то, что вода в любой момент утолит его жажду. Сойдя с Пути, он направился к ближайшему центру помощи и вдоволь напился холодной свежей воды.

Он смотрел на сверкающие Пути, на громоздящиеся над ними здания, мерцающие огнями, и что-то внутри него начало расширяться, расти и расти, — целая высокая башня, казалось, не сможет вместить этой огромной обширности. Он посмотрел на купол из империума, представил над ним мелкое море, облака и свод неба, который он никогда не видел. Так много нужно сделать. И не нужно торопиться. У него есть время. Все время в мире — целая вечность.

Время убивать.

Кости его были полны греха его юности, который будет лежать с ним в пыли. Злоба сладка для его рта...

Иов.

Оторванный от созерцания города, он оказался в руках двух человек в мундирах, сошедших за ним с платформы Пути. Мундир не изменился — это была особая правительственная полиция, и Сэм раньше, чем было произнесено хоть слово, знал, что спорить бесполезно.

Сэм был даже доволен, когда один из этих двоих показал ему значок и сказал:

— Пойдем с нами.

Наконец-то сделан хоть один осязаемый шаг. Возможно, сейчас он получит ответы на некоторые из мучивших его вопросов.

По самой быстрой ленте Пути они направились к центру

башни. На них с любопытством оглядывались. Сэм держался за перила, чтобы сохранить равновесие. Он смотрел вперед — туда, куда они направлялись.

Бессмертные жили в высоких разноцветных зданиях, построенных в центре города и окруженных кольцом стен и садов. Полиция привела Сэма прямо к помещению семьи Харкеров. Сэм не удивился. Казалось невероятным, чтобы Захария, приказавший убить его сорок лет назад, позволил бы ему находиться без присмотра в следующие сорок лет. С другой стороны, казалось невероятным, чтобы Захария вообще позволил ему жить. Сэм пожал плечами. Скоро он узнает правду.

Его провели через маленькую дверь задней стены самой высокой башни по прозрачной пластиковой лестнице, под которой к находившимся внизу садам стремился поток серой воды. В воде плавали красные и золотистые рыбы, тянулись нити водорослей.

У основания лестницы ждал маленький позолоченный лифт. Полицейские впустили его внутрь и, ни слова не говоря, закрыли за ним дверь. Сквозь стеклянную дверь он увидел, как скользнули вниз их бесстрастные лица, и он остался один в слегка покачивающейся кабине, поднимавшейся к верхним этажам башни Харкеров.

Стены лифта были покрыты зеркалами. Сэм привыкал к роли Джозеля Рида, чувствуя себя глуповато и раздумывая, знает ли тот, кто ждет его наверху, что он — Сэм Рид? Маскировка хороша. Он не выглядит точно так же, как его предполагаемый отец, но естественное сходство очень велико.

Давление на подошвы Сэма увеличилось: лифт замедлил движение. Дверь открылась, и Сэм оказался в длинном зале, стены и потолки которого представляли собой сплошной ковер из веток и листьев. Зал освещался искусственным дневным светом из гидропонических бассейнов, проходящие под полом стволы тянулись кверху, образуя непрекращающийся туннель над головой. От легкого ветерка раскачивались цветы и плоды. Для выросшего в башне человека все это было экзотично сверх всякой меры.

Сэм осторожно пошел по молчаливому залу, уклоняясь от листьев, задевавших его по лицу. Как и все жители Венеры, он боялся опасной жизни ее поверхности и не доверял ей.

С противоположного конца зала доносилось журчание и плеск падающей воды. На пороге другой комнаты, у решетки, Сэм остановился в изумлении.

Комната была необычна. Растительные стены были сплошь покрыты цветами, от которых исходил тяжелый аромат. Пол комнаты был покрыт слоем голубоватой воды глубиной при-

мерно в один фут. В ее поверхности отражались цветы. Крошечные рыбки мелькали среди плавающих листьев. В голубой воде неподвижно висели медузы, угрожающе раскачивая свою бахрому.

Филигранный стеклянный мостик, необыкновенно хрупкий на вид, шел через бассейн. Один его конец находился у ног Сэма, другой оканчивался у низкой платформы, покрытой подушками. Среди подушек полулежала женщина, опершись на руку, тогда как другая ее рука была опущена в воду. Ее бледно-зеленые волосы с золотистым отливом завивались на концах.

Сэм узнал ее, хотя лицо женщины и было закрыто ниспадавшими на него волосами. Он не мог не узнать удлинненные пропорции Кедры Уолтон, ее ленивую позу, форму головы и рук. Почему она здесь, в башне Харкеров, и зачем вызвала его?

— Кедра! — позвал он.

Она подняла голову, и у Сэма в мозгу все смешалось. Перед ним была Кедра — и не Кедра! То же узкое и длинное, высокомерное лицо с затененными глазами и надменным египетским ртом... И вместе с тем на него смотрела другая женщина, злобная и неуравновешенная, со странным блеском в глазах.

— Я — Сари Уолтон, — ответила бледноволосая женщина, улыбаясь своей зловещей улыбкой. — Кедра — моя бабушка, помните?

Он помнил Сари Уолтон, прижимавшуюся к плечу Захарии Харкера когда-то давно, когда Захария говорил с ним об убийстве Робина Хейла. Сэм тогда едва заметил ее. Он быстро поплылся в памяти — первое, что ему бросилось тогда в глаза, — антагонизм. Антагонизм между Сари и Кедрой, скрытый, но мощный. Вот что он понял, когда две прекрасные женщины посмотрели друг на друга.

— Что это значит? — сказал он. Он хорошо знал это. Джоэль Рид не мог помнить сцену, в которой участвовал Сэм Рид. Значит, она знает, кто он. Значит, знает и то, что он бессмертный.

— Идите сюда, — сказала Сари, подзывая его жестом белой руки, с которой капала вода. Она села среди подушек, подогнув ноги; Сэм с сомнением посмотрел на стеклянный мостик. — Он вас выдержит. Идите. — Голос ее звучал насмешливо.

Мостик выдержал, хотя отвечал слабым звоном на каждый его шаг. По знаку Сари Сэм сел рядом с ней на подушку, держась напряженно, всем своим видом отвергая эту экзотическую обстановку.

— Как вы меня нашли?

Она рассмеялась, склонив набок голову, так что зелено-зо-

лотистые волосы как вуаль занавесили лицо. Что-то в ее смехе ему совсем не понравилось.

— Кедр следила за вами все эти сорок лет, — сказала она. — Думаю, вас обнаружили по запросу в архив. Кто-то требовал снимок вашей сетчатки. Во всяком случае, вас нашли.

— Почему здесь нет Кедры?

Она снова рассмеялась.

— Она не знает. Вот почему! Никто не знает, кроме меня.

Сэм задумчиво рассматривал ее. В глазах ее был вызов, в поведении непредсказуемая капризность. В прежние дни он знал одно решение таких проблем. Быстрым движением он схватил ее за руку и рванул так, что она утратила равновесие и упала на колени, гибкая как змея. Она рассмеялась.

Какая-то мужская агрессивность и уверенность были в том, как она взяла его голову в руки. Он позволил ей сделать это, но поцеловал свирепо, а затем оттолкнул и посмотрел на нее в упор.

Она снова рассмеялась.

— Кедр вообще не так глупа, — сказала она, проводя пальцем по губам.

Сэм вскочил, пнул ногой подушку. Ни слова не говоря, он ступил на звенящий мостик и направился к выходу. Краем глаза он видел змеиное движение поднявшейся Сари Уолтон.

— Вернитесь, — сказала она. Он не оборачивался. Раздался слабый свист, и Сэм почувствовал волну жара от выстрела игольчатого пистолета. Он мгновенно остановился, не решаясь шевельнуться. Второй выстрел ожег ему ухо. Слишком хороший выстрел, подумал Сэм. Не поворачивая головы, он сказал:

— Ладно, я возвращаюсь. Бросьте оружие.

Послышался тупой стук о подушку. Сари негромко рассмеялась. Сэм повернулся и пошел к ней.

Подойдя, он наклонил голову и взглянул ей в глаза. Она ему не нравилась. Ему ничего в ней не нравилось, и меньше всего — самоуверенная агрессивность, испокон веков скорее присущая мужчине, чем женщине. Она выглядела такой женственной, такой хрупкой, как стеклянный мостик, но она была бессмертной, и мир принадлежал ей и ее племени. Многие годы жизни позволили ей утвердиться в самоуверенности и злобности.

Или... возможно ли? Сэм прищурился. У него начала формироваться мысль, на мгновение вытеснившая все остальные. В противоположность Кедре это прекрасное хрупкое создание казалось удивительно незрелым. Вот оно — незрелость. Вот объяснение ее капризности, ее злобности, которую Сэм сразу ощутил. И понял, что у бессмертных зрелость достигается в очень позднем возрасте. Вероятно, он и сам далек от зрелости,

но ранние испытания закалили его и придали черты взрослого.

Но Сари — защищенная, имеющая доступ к любым удовольствиям, обладающая почти неограниченной властью — не удивительно ли, что она кажется непостоянной, неуравновешенной? Вероятно, она никогда не станет уравновешенной, подумал Сэм. Ей никогда нельзя будет доверять. Но она уязвима, и уязвима больше, чем думает. И тут же в мозгу Сэма начал оформляться план, как использовать слабость противника.

— Садитесь, — сказал ей Сэм.

Она подняла руки над головой и сорвала плод, похожий на виноградную гроздь. Ягоды были почти прозрачны, в крошечных шариках виднелись голубоватые семена. Сари улыбнулась и опустилась на колени с гибкостью кошки, как будто у нее совсем не было костей.

Сэм смотрел на нее сверху вниз.

— Ладно, — сказал он. — Почему именно вы вызвали меня сюда? Почему не Кедр?

Сари положила в рот бледный прозрачный шарик и, раскусив его, выплюнула синие семечки.

— Кедр не знает. Я уже говорила вам. — Она посмотрела на него из-под густых ресниц. Глаза у нее были несколько светлей, чем у Кедр. — Эту неделю она проводит в башне Невада.

— Вы известили ее?

Сари покачала головой, и ее невероятно роскошные волосы зашевелились.

— Никто не знает, кроме меня. Я хотела вас видеть. Если бы Захария знал, он пришел бы в ярость. Он...

— Захария приказал усыпить меня сонным порошком, — нетерпеливо прервал ее Сэм, желая прояснить историю. — Была ли Кедр с ним заодно?

— Захария приказал отравить вас, — поправила Сари с улыбкой. — Он думал, что вы умрете. Кедр возражала. У них из-за этого была ужасная ссора. — Казалось, она наслаждается этим воспоминанием. — Кедр настояла на сонном порошке. Никто не понял, почему она это сделала. От вас для нее не было пользы, ни от живого, ни от мертвого, ни от молодого, ни от старого.

Голос ее затих, она сидела, сжимая в руке прозрачный плод, и не шевелилась.

У Сэма возникло подозрение. Он опустился перед ней на колени, поднял ей голову и заглянул в глаза.

— Наркотик! — негромко сказал он. — Будь я проклят! Наркотик!

Сари захлебнулась смехом, потерлась о его плечо лбом, в

глазах ее появился странный блеск, безошибочно указывавший на ее порок.

Это объясняло многое: ее неуравновешенность, странное равнодушие, а также то, что она не осознала еще молодости Сэма. Как странно, подумал он, и как знаменательно: оба человека, которые помнили его, жили во власти наркотических иллюзий.

Сари оттолкнула его, положила ягоду в рот, выплюнула семечки и улыбнулась злорадной усмешкой, за которой ничего не скрывалось. Да, его необъяснимая молодость не удивляла ее. Она привыкла видеть вокруг себя десятилетиями неизменяющиеся лица. И, одурманенная наркотиками, принимала все окружающее без вопросов. Но в любой момент ее голова могла проясниться. А Сэму еще нужно было узнать очень многое.

— Кедр заменила яд сонным порошком, — сказал он. — Приказала ли она следить кому-либо за мной после этого?

— Она хотела, и Захария приказал. Но когда ее люди отправились по следу, вы исчезли. С тех пор о вас ничего не было известно. Где вы были, Сэм Рид? Вы мне нравитесь, Сэм. Мне кажется, я понимаю, почему Кедр хотела отыскать вас и вылечить. Я...

— Что вы делаете здесь, в доме Харкера?

— Я здесь живу, — рассмеялась Сари. В смехе ее звучала какая-то неприятная нотка. Она неожиданно сжала гроздь плодов в своей узкой руке. — Я живу с Захарией. Но он хочет Кедру. А когда не может ее иметь, довольствуется мною. Мне кажется, я когда-нибудь убью Захарию. — Она вновь улыбнулась, и Сэм подумал, а знает ли Захария о ее чувствах и о том, что она наркоманка? Эта комбинация взрывоопасна.

Он начал осознать, какая возможность открывается перед ним, но тут прежние сомнения охватили его... В конце концов, какие это возможности? Что скрывается за событиями, происшедшими с ним после пробуждения? Есть ли разумное объяснение появлению наблюдателя в переулке? Тот человек знал, что происходит.

— Почему вы послали за мной? — спросил у женщины Сэм.

Сари опустила руку в воду, чтобы смыть сок. Он дважды задал свой вопрос, прежде чем она его услышала. Посмотрев на него, она улыбнулась своей отсутствующей улыбкой.

— Я любопытна. Все время слежу за частным визором Кедры. Она об этом не знает. Когда я услышала, что они обнаружили вас, я подумала, что смогу вас использовать. Против Кедры или против Захарии. Я пока еще не решила. Потом подумаю. Не сейчас. Сейчас я думаю о Захарии. И о Харкерах. Я ненавижу

Харкеров, Сэм. Всех Харкеров. Даже себя ненавижу, потому что я наполовину Харкер. Думаю, я использую вас против Захарии. Она наклонилась вперед, задев зелено-золотистыми волосами лицо Сэма, и сказала, глядя ему в глаза из-за густых ресниц:

— Вы ведь тоже ненавидите Захарию, Сэм. Должны ненавидеть. Он хотел вас отравить. Как вы думаете, что больше всего ранит его? Теперь, когда Кедр знает, что вы живы и молоды... Молоды? — в кратковременном раздумье ее брови сдвинулись. Но эта тема требовала умственных усилий, а она не была способна на них. Мозг ее сейчас мог работать лишь на самом примитивном уровне, автоматически, без сознательных усилий.

Неожиданно она откинула голову и рассмеялась.

— Как замечательно! Я накажу их обоих! Теперь, когда вы снова живы, Захария будет ждать, пока вы не наскучите Кедре. А Кедр не сможет получить вас — она не знает, где вы. Вы можете спрятаться, Сэм? Куда-нибудь, где вас не найдут люди Кедров? О, пожалуйста, Сэм, спрячьтесь! Ради Сари. Сари будет так счастлива.

Сэм встал. Мостик музыкально звенел под его ногами, ему вторил смех Сари. В лицо ему дул ароматный ветерок, когда он шел по решетчатому залу. Лифт ждал там, где он его оставил. Когда он вышел из лифта, внизу никого не было. Он прошел над потоком и вышел на улицу.

Как в тумане вступил он на ближайший Путь. Происшествие имело все признаки сна, и ему пришлось убеждать себя в его реальности. Его не оставляло сознание счастливой возможности.

У Харкеров есть уязвимое место, о котором они даже не подозревают, — Сари. А за этим скрывается еще большая слабость, если Сари действительно Харкер. Она явно ненормальна. Наркомания и незрелость лишь частично объясняют неуравновешенность, которая составляет самую суть ее естества. Это открывало новые возможности для Сэма. Значит, даже бессмертные уязвимы, даже в их наследственности есть слабые места.

Есть два возможных пути, на которых он сможет подстеречь Харкеров. Оба они требуют дополнительного изучения. Этим можно заняться позже.

Самое важное сейчас — скрыться. И чем больше Сэм размышлял, тем больше он склонялся к тому, чтобы посетить колонию, где правит Робин Хейл.

Джозель Рид? Никто не знает о Сэме, кроме Сари. Надо действовать быстрее.

Так он и поступил.

Самое удивительное в колонии заключалось в том, что она находилась не на морском дне. Ни разу после отъезда из башни

над головой Сэма не было открытого неба. Вначале империмный купол башни и миля воды над ним. Затем самолет с его стенами из металла и пластика. Затем большие шлюзы колоний с приспособлениями для борьбы с инфекцией — ультрафиолетовым излучением, распылителями кислоты и т. д. И вот он стоит на почве Венеры, над головой его прозрачный империмный купол отбрасывает радужные отражения, когда его освещает выходящее из-под толстого слоя облаков солнце. Воздух был тот же самый. В атмосфере Венеры мало кислорода и много двуокиси углерода, она пригодна для дыхания, но не очень приятна. Здесь, под куполом, ингредиенты атмосферы тщательно сбалансированы. Конечно, это необходимо, как необходимо и купол для защиты от плодового безумия, заполнявшего поверхность Венеры, — флора и фауна тянулись к свету, убийственно пуская корни, рассеивая семена, производя детенышей в окружающей среде, настолько плодородной, что она сама себя выводила из равновесия. На берегу стоял старый форт — крепость Вольного Товарищества Думпен. Она была переоборудована. И тоже была покрыта империмом — большим куполом в четверть мили в диаметре. Тут и там располагались небольшие домики без всяких попыток планировки. Дома были всех форм, размеров и цветов. Не было излишеств. На всей колонии лежал чуть заметный отпечаток изношенности.

Открытой земли под куполом не было видно. Вся поверхность была покрыта пластиком. Защита от растительности? Возможно. В больших гидропонических бассейнах росли сады, несколько резервуаров содержали стерилизованную воду и почву. Люди неторопливо работали. Похоже на систему.

Сэм пошел по дороге, следуя указателю “Администрация”. Всю жизнь он провел под прозрачным куполом, зная о лежащей сверху толще воды. Теперь сквозь прозрачный купол пробивались лучи солнца, и это освещение не было искусственным, хотя казалось плохой имитацией ламп дневного света в башнях.

Мозг Сэма напряженно работал. Он тщательно рассматривал все увиденное, оценивая и классифицируя факты и впечатления в ожидании момента, когда все это понадобится. На время он отодвинул в сторону Сари и Харкеров. Пусть эти идеи созревают. Самый важный вопрос теперь — кто предстанет перед Робином Хейлом? Сэм Рид или его сын? Он не считал, что чем-то обязан Хейлу. Сэм никогда не мыслил такими категориями. Единственное, что его занимало, — выгодно ли это Сэму Риду. Колония все еще казалась многообещающей.

Девушка в розовом халате, склонившаяся к резервуару с растениями, взглянула на него, когда он проходил мимо. Лю-

бопытно было видеть, какое воздействие производит даже рассеянный солнечный свет на жителей поверхности. Кожа ее была смуглой, а не молочно-белой, как у Сари. У девушки были короткие каштановые волосы, глаза карие, отличающиеся от глаз жителей башни. Империи купол тоже закрывал ее всю жизнь, но через него пробивался свет солнца, а к воротам рвали джунгли — голодные живые джунгли, а не мертвая толща морской воды. По ее глазам было видно, что она сознает это.

Сэм слегка замедлил шаг.

— Где тут администрация? — спросил он.

— Вам сюда, — у нее был приятный голос.

— Вам здесь нравится?

Она пожала плечами.

— Я здесь родилась. В башнях, должно быть, удивительно.

Но я там никогда не была.

— Вы бы даже не заметили разницы — ее нет, — заверил ее Сэм и пошел дальше с беспокойными мыслями в голове. Она родилась здесь. Ей больше двадцати лет. Хорошенькая, но не совсем в его вкусе. И тут в голову ему пришла мысль, что, если в ней есть хотя бы часть качеств, которые ему нравятся в женщинах, он может подождать ее дочери или внучки — надо только тщательно выбирать родителей. Бессмертный может выращивать людей, как смертный выращивает породу эlegantных кошек или породистых лошадей. Можно создать себе целый гарем не только в пространстве, но и во времени. Должно быть, это прекрасно.

Губернатор колонии должен был быть занят. Однако не был. Через минуту после того, как Сэм сообщил свое вымышленное имя, дверь открылась, и он вошел в кабинет Робина Хейла.

— Джозель Рид? — медленно произнес Хейл. Взгляд у него был пронизательный, и Сэму потребовалась вся сила воли, чтобы встретить его уверенно.

— Да, Сэм Рид был моим отцом.

— Садитесь.

Сэм смотрел на Хейла. Будто они виделись только вчера. Хейл изменился, но очень мало, почти незаметно для глаз. По-прежнему худой, загорелый, спокойный человек, привыкший к терпению, за годы, оставшиеся позади, предвидя столетия, лежащие впереди.

Изменение тем не менее было реальным. Не было спокойного энтузиазма в голосе и манерах, которые помнил Сэм. То, к чему он стремился с такой надеждой, когда они расстались, теперь осуществилось, но окончилось не совсем так, как он хотел. Впрочем, это лишь кратковременный эпизод в жизни Хейла.

Робин Хейл помнил дни Вольного Товарищества, долгие во-

енные годы, минувшие поколения, когда последние остатки человечества были вольны заселять моря и смотреть в лицо опасности. Тогда это было делом, а не разбойничьей романтикой. Вольные товарищи начали кочевую жизнь, и они были последними кочевниками перед тем, как человечество ушло под защиту башен, в подводную оцепенелость. Башни стали могиллой или маткой, или и тем и другим для людей Венеры, которые начали свою жизнь как дикие кочевники на Земле.

— Ты доброволец? — спросил Робин Хейл.

Сэм пришел в себя:

— Нет.

— Я не знал, что у Сэма был сын. — Хейл по-прежнему смотрел на него спокойным задумчивым взглядом, который Сэму было трудно выдержать. Неужели бессмертный сумеет увидеть правду, несмотря на маскировку? Возможно. Но к нему это не относится. Он еще не стал бессмертным в том смысле, как бессмертны эти люди. Он не усвоил еще их взгляды на вещи, не узнал еще жизнь так, как знают они.

— Я сам до последнего времени не знал, — сказал он. — После скандала с колонией моя мать сменила фамилию.

— Понятно, — голос Хейла звучал уклончиво.

— Знаете ли вы, что случилось с моим отцом? — Это был опасный поворот. Если Хейл скажет: “Да, вы Сэм Рид”, то по крайней мере исчезнет неопределенность. Но Хейл не сказал этого. Впрочем, это не означало, что он не узнал Сэма Рида.

Вольный товарищ покачал головой.

— Он усыплен сонным порошком. Думаю, сейчас он мертв. У него было много врагов, особенно после скандала. Вы... вы должны быть одним из них.

Сэм не собирался открывать свои карты. У олимпийцев есть божественная прерогатива — быть непредсказуемыми. Зевс бросал свои молнии, повинуюсь случайным порывам.

Хейл снова покачал головой, слегка улыбнувшись. Невозможно ни любить, ни ненавидеть этих эфемерных короткоживущих. Их разделяет временной барьер — и только.

— Это не была вина Сэма Рида, — сказал Хейл. — Он не мог ни стать мошенником. Это у него врожденное. И во всяком случае, он был только орудием. Я не имею ничего против него.

Сэм глотнул. Что ж, он сам напросился на это. Он решительно перешел к следующему пункту.

— Мне нужен ваш совет, губернатор Хейл. Я лишь недавно узнал, что мой отец был мошенником и банкротом, но правительство отыскало его следы и оплатило все его долги — верно?

— Верно.

— Он ничего не оставил мне — даже доброго имени. Но я произвел расследование. Существует ценное имущество, которым обладал мой отец перед тем, как уснул, и которое не конфисковано у него. Документы на землю. Сорок лет назад правительство выдало ему патент на центральные области Венеры, и этот патент до сих пор сохраняет силу. Я хочу знать, значит ли он сейчас хоть что-нибудь?

Хейл постучал пальцами по столу:

— Почему вы пришли ко мне?

— Отец был с вами, когда начиналась колония. Я считал, что вы знаете. Вы помните, вы ведь бессмертный.

Хейл сказал:

— Я, конечно, знал об этом патенте. И пытался перехватить его. Но он был на имя вашего отца. А такие патенты не подлежат отмене. У правительства есть для этого причины. Колонии на Венере полностью зависят от башен, и в случае необходимости их легко отрезать от источников снабжения. Значит, вы унаследовали этот патент...

— Он чего-нибудь стоит?

— Да. Харкеры немало заплатят Вам за сокрытие этой информации.

— Харкеры? Почему?

— Чтобы я не смог основать новую колонию, — сказал Хейл, и руки его, лежавшие на столе, медленно раскрылись. — Вот почему. Я основал эту колонию после того, как ваш отец... после того, как он исчез. Начинали мы с маленькой группой тех, кто верил в меня. Их мало осталось в живых. Жизнь тут вначале была нелегкой.

— Сейчас она такой не кажется, — заметил Сэм.

— Видите ли... Харкеры пытались мне помешать основать колонию и не смогли. А после того как колония появилась, они не посмели дать ей погибнуть. Они ведь тоже хотят со временем колонизировать Венеру и не желают, чтобы психологический эффект от гибели нашей колонии помешал им. Они не хотят, чтобы мы погибли, но и не дают нам двигаться вперед. Мы тяжело трудились в первые годы. Мы не потеснили джунгли, но начали. Мы расчистили место и построили колонию. Мы сражались за каждый шаг, а джунгли пытались отбросить нас назад. Мы продолжали идти вперед. И когда мы были готовы основать новую колонию, Харкеры помешали нам. Они лишили нас снабжения. Они лишили нас добровольцев.

В соответствии с договором, мы должны давать ежегодную прибыль. Иначе правительство имеет право взять управление на себя. Они не смогли отстранить меня, но зато смогли сделать так, чтобы колония не давала прибыли. Последние тридцать

четыре года правительство распоряжается здесь, поддерживая статус-кво.

Они дают нам столько припасов, чтобы мы не погибли с голоду. Но этого недостаточно, чтобы мы могли развиваться. Они не хотят, чтобы мы шли вперед. Они хотят подождать, пока не будет никакого риска. А это время не наступит никогда.

Хейл смотрел на Сэма, и его глаза кипели гневом. Кого он видел перед собой, Джозля или Сэма? Ясно было одно: он сказал много больше того, что сказал бы случайному посетителю.

— У меня связаны руки, — продолжал Хейл. — Номинально я губернатор. Но все здесь остановилось. Если бы я мог основать другую колонию... — Он замолчал, глядя на Сэма из-под сдвинутых бровей. — Но мне не дадут патента. Понимаете теперь, как важен ваш патент. Харкеры немало заплатят вам за него.

Так вот почему он так много сказал. Хейл кончил, но не смотрел на Сэма. Он неподвижно сидел за своим столом и ждал. Не убеждал и не просил — просто ждал. Что он мог предложить стоящему перед ним человеку? Деньги? Но Харкеры дадут больше. Участие в колонии? Но к тому времени, когда она начнет приносить прибыль, любой короткоживущий будет давно мертв.

Неожиданно Сэм спросил:

— Что вы сделаете с патентом, губернатор?

— Начну заново. Я не могу вам много заплатить, могу взять патент взаймы, но прибыли придется ждать долго. Вначале потребуется очень много денег. На Венере колонии должны расширяться. Это единственный путь. Теперь я знаю.

— А если вы потерпите поражение? Ведь правительство снова придет к руководству, и все придется начинать сначала.

Хейл молчал.

— Вам понадобятся большие средства, чтобы начать новую колонию. Вы...

— Не спорю, — сказал Хейл. — Я уже сказал, что Харкеры дадут вам больше.

Теперь замолчал Сэм. Десятки возможностей возникали в его мозгу — десятки возможностей раздобыть деньги, перехитрить Харкеров, развернуть пропаганду и сделать следующую колонию успешной, несмотря на противодействие. Он сумеет сделать это. Перед ним теперь все время мира.

Хейл следил за ним, и через неимоверное напряжение, написанное на его лице, начала проступать надежда. И снова Сэм удивился этому человеку. Этот долгоживущий, со всей своей зрелостью и жизненным опытом, однажды уже обращался к Сэму и готов был обратиться вновь. А ведь Сэм Рид всего лишь короткоживущий, почти ребенок с точки зрения бессмертного.

Хейл признался, что если этот короткоживущий с интеллектом котенок не поможет ему, то его любимые детища окажутся под угрозой.

Смутная параллель с социальной историей Старой Земли пришла в голову Сэму. Когда-то Сэм читал о том, что в давние времена на Земле монгольские орды были настолько обесилены своим быстрым расширением, что уже не могли играть активную роль в истории. Со всеми ресурсами, которыми располагает их территория, народ сам по себе не в силах что-либо сделать, если не появятся люди с инициативой.

Возможно, то же самое произошло и с Робинотом Хейлом. Он был единственным живым человеком, который сражался вместе с Вольными товарищами. Не растратил ли он в эти суровые годы свою инициативность?.. Он располагал столетиями опыта, знаний, аккумулированной зрелости, но у него не было единственного качества, которое бы позволило пустить все это в ход.

Этим качеством в изобилии обладал Сэм. А вдруг он единственный, кто им обладает? У Хейла за плечами долгая жизнь, но нет воли.

У остальных бессмертных достаточно инициативы, но...

— Если мы будем ждать, когда начнут семьи, время действий не наступит никогда, — сказал вслух Сэм, удивляясь, что эта мысль не приходила ему в голову раньше.

— Конечно нет! — Хейл был спокоен. — Возможно, и сейчас уже слишком поздно.

Сэм едва слышал его.

— Они думают, что правы, — продолжал он развивать свою мысль. — Но они не хотят перемен. Они будут ждать до тех пор, пока не поймут, что ждали слишком долго, и тогда, может быть, они будут даже отчасти рады этому. Они консервативны. Люди у власти всегда консервативны. Они считают, что все изменится к худшему.

— Это относится ко всему населению башен, — сказал Хейл. — Что мы можем предложить ему такого, что сравнилось бы с тем, что оно имеет. Комфорт, безопасность, цивилизованная жизнь. А у нас опасности, тяжелая работа и надежда создать через столетия такие условия, в каких они живут уже сейчас. Никто из них не увидит плодов своего труда, даже если они поймут необходимость перемен.

— Однажды они отозвались, — задумчиво напомнил Сэм. — Когда мой отец предложил первый план колонии.

— О да, есть множество недовольных. Но одно дело говорить о романтике, о приключениях и совсем другое — испытывать опасности и тяжесть работы. Этим людям не хватает толчка.

Пионеры становятся пионерами тогда, когда условия дома невыносимы или когда условия в другом месте выглядят более обещающими или... если появляется Грааль, Святая Земля или что-нибудь в этом роде. Здесь дело идет о спасении человеческой расы, а не о ясной и видимой цели.

Сэм поднял красные брови.

— Спасение человеческой расы? — переспросил он.

— Если колонизация не начнется теперь или в ближайшие годы, она никогда не начнется. Наши запасы кориума станут слишком незначительными, чтобы поддерживать ее. Я говорил это снова и снова, пока эти слова автоматически не стали вылетать, как только я открываю рот. Через несколько столетий человеческая раса придет к своему концу в своих безопасных матках-башнях. Истощатся ресурсы, истощится воля к жизни. Но семьи сопротивляются каждому моему ходу и будут сопротивляться, пока не станет поздно. — Хейл пожал плечами. — Старая история. Мне говорят, что в башнях даже и думать не хотят об этом.

Сэм искоса посмотрел на него. В голосе бессмертного звучала уверенность. Он верил Хейлу. И хотя судьба человеческой расы не слишком беспокоила Сэма, увеличение продолжительности жизни сделало для него жизненно важным следующие несколько столетий. К тому же у него были свои счеты с Харкерами. А в проекте колонизации поверхности тайлились неисчислимые возможности, если им будет руководить такой человек, как Сэм Рид. У него начали формироваться блестящие идеи.

— Патент ваш, — отрывисто сказал он. — Теперь слушайте...

Робин Хейл закрыл за собой обшарпанную дверь административного здания и медленно пошел по пластиковой тропе. Лучезарность венерианского дня на короткое мгновение освещалась вспышками синего неба и солнца, проходившими сквозь прозрачный империумный купол. Хейл поднял голову и слегка сморщил лицо от яркого света. Он вспоминал старые дни.

Впереди него человек в коричневом комбинезоне неторопливо орудовал мотыгой на грядке из сверхплодородной почвы Венеры. Он двигался спокойно, даже, пожалуй, степенно, но было видно, что работа ему нравится. Он поднял худое длинное лицо, когда Хейл задержался у плоского бассейна.

— Есть у вас для меня минута? — спросил Хейл.

Человек улыбнулся.

— Сколько угодно, — сказал он. — Что вас беспокоит?

Хейл поставил ногу на край бассейна и скрестил руки на колене. Старик удобно облокотился на мотыгу. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и слабая улыбка на их

лицах говорила о чем-то общем. Только они одни из всех живущих помнили жизнь под открытым небом, смену дня и ночи, солнца и луны, естественный ритм мира, не руководимого человеком.

Только Логист помнил дни, когда почва под открытым небом не была смертельным врагом человека. Только он мог спокойно ковырять почву мотыгой, зная, что она не враг ему. Для всех остальных самый вид почвы представлял опасность, видимую и невидимую, известную и неизвестную, — ядовитые грибы, бактерии с неизвестными свойствами, удивительные насекомые и крошечные зверьки, которые могут появиться со следующим ударом мотыги. Конечно, эта почва была обеззаражена, но стереотипы умирают с трудом. Никто, кроме Логиста, не любил эти грядки с открытой почвой.

Хейл не очень удивился, когда узнал эту тощую фигуру с мотыгой. Было это несколько недель назад. Он остановился у грядки, отослав своих подчиненных, а старик выпрямился и бросил на Хейла острый иронический взгляд.

— Вы не... — неуверенно начал Хейл.

— Конечно, — Логист улыбнулся. — Мне давно хотелось подняться на поверхность, но нужно было закончить работу. Здравствуйте, Хейл. Как поживаете?

Хейл сказал крепкое словцо.

Логист засмеялся.

— Я привык к фермерской работе на Земле, — объяснил он. — Все время хотелось поработать. Сейчас я доброволец, под собственным именем. Вы не заметили.

Хейл не заметил. Многое произошло с тех пор, как он побывал в Храме Истины и слушал голос, доносившийся из шара-оракула. Глаз его не остановился на имени Бена Кроувелла, хотя списки добровольцев настолько поредели в последние дни, что он мог процитировать их по памяти.

— Почему-то я не очень удивлен, — сказал он.

— И не должны. Мы с вами, Хейл, единственные, оставшиеся в живых, кто еще помнит открытый воздух. — Он принялся и неодобрительно взглянул на империумный купол. — Мы единственные, кто знает, что это такое. Вам встречались другие Вольные товарищи?

Хейл покачал головой.

— Я последний.

Кроувелл ударил мотыгой по случайному ростку.

— Я в любом случае должен был оказаться здесь. Но неофициально. На вопросы не отвечаю.

— Вы не отвечали и в замке, — с обидой напомнил Хейл. — За последние сорок лет я был у вас не менее десятка раз. Вы не

дали мне ни одной аудиенции. — Он посмотрел на Логиста, и внезапная надежда зазвучала в его голосе. — Что заставило вас явиться сюда сейчас? Что-то должно случиться?

— Может быть. Может быть... — Кроувелл вернулся к мотыге. — Всегда что-нибудь случается — раньше или позже. Если ждать достаточно долго.

Это было все, что Хейл смог от него добиться.

Сейчас, рассказывая Логисту о случившемся, Хейл вспомнил этот разговор.

— Поэтому вы явились сюда? — спросил он, закончив рассказ. — Вы знали?

— Я не могу ответить на ваш вопрос.

— Вы знали?

— Ничего не выйдет. Вы забываете: каждое достоинство имеет свои отрицательные стороны. Я обладаю не непогрешимостью, а предвидением — но и оно подвержено ошибкам, — Кроувелл казался слегка раздраженным. — Я не бог. Перестаньте думать, как жители башен. Они готовы снять с себя всякую ответственность. Это самое неприятное в сегодняшней жизни Венеры. Предоставьте это Дрорджу. А Дрордж не бог. Да и сам бог не может менять будущее и знать, что из этого выйдет. В то мгновение, как он вмешивается, он вводит в уравнение новый фактор, а фактор этот случайный.

— Но...

— Я вмешивался один или два раза, — сказал Логист. — Даже убил однажды человека, потому что знал: если он останется в живых, то натворит бед. И я был прав — в том случае. Но я не вмешиваюсь, если я могу помочь. Когда я вмешиваюсь, я сам становлюсь случайным фактором, и, поскольку сам включаюсь в уравнение, мне уже невозможно представить его себе целиком и со стороны. Я не могу предсказывать свои реакции — понимаете?

— Более или менее, — задумчиво сказал Хейл. — Но вы говорите, что вмешиваетесь, когда должны это сделать.

— Только в случае необходимости. Надо стараться, чтобы события развивались естественно. Главное — сохранить равновесие. Если я делаю шаг вправо, равновесие сдвигается в этом же направлении. Поэтому я тут же стараюсь сделать следующий шаг в противоположном направлении — и икс остается равным иксу. Если я добавлю игрек с одной стороны, то стараюсь вычесть игрек с другой. Я согласен, что с того места, где вы сидите, это не кажется очень разумным, но с моего насеста — другое дело. Еще раз скажу — я не бог.

Он помолчал, вздохнул и посмотрел на империумный купол, где виднелась полоска голубого неба, освещенного солнцем.

— Чего хочет Рид? — спросил он. — У него есть какие-то замыслы? Какие?

— Не знаю, — раздраженно возразил Хейл. — Вы, вероятно, знаете об этом больше меня.

Логист слегка ударил кулаком по рукоятке своей мотыги.

— Я не могу сказать вам того, что знаю, по очень важным причинам. Когда-нибудь я вам объясню. А сейчас мне бы очень хотелось знать, чего хочет молодой Рид.

— Мы посмотрели карты. Его патент охватывает территорию почти в триста миль, около ста миль приходится на морской берег. Я прежде всего проверил это, потому что там, на берегу, стоит один из фортов Вольного Товарищества. Это прекрасная база. Я помню, что это место выбрали из-за гавани. Цепь островов прикрывает ее петлей, изгибаясь к западу.

Несмотря на самообладание, Хейл заговорил быстрее.

— Там не будет империиумного купола над колонией. При колонизации будем адаптироваться. Невозможно иметь сбалансированную экологию, когда внутри одна атмосфера, а снаружи — другая. Но нам, конечно, будет нужна защита от поверхностной жизни. Я думаю, лучше всего нас защитит вода. Острова представляют собой естественные каменные ступени. Мы будем брать их под контроль один за другим и переходить к следующему.

— Гм... — Логист задумчиво сморщил длинный нос. — Ну, а что удержит семьи от тех же фокусов, при помощи которых они убили первую колонию?

Хейл закашлялся.

— Посмотрим, — сказал он.

Даже наступление ночи имеет странное экзотическое очарование для выросшего в башне человека... Сэм сжимал ручки сиденья в самолете, несущем его обратно в башню Делавэр, и очарованно смотрел на сгустившуюся над морем тьму. Атмосфера Венеры изменчива и коварна, самолеты летают только по необходимости, да и то на короткие расстояния. Поле зрения Сэма было ограничено. Но он видел в надвигающейся тьме далекое сияние подводной башни. Этот свет пробивался из-под воды. Сэм ощутил необычное эмоциональное притяжение. Этот свет внизу был домом — безопасностью, удобством, музыкой, смехом. Колония, оставшаяся позади, казалась по контрасту безжизненной обителью опасностей и поражений.

— Так нельзя, — подумал Сэм. — Нужно подумать о чем-нибудь хорошем, чтобы противостоять унаследованным эмоциям, воспитанным жизнью в башнях. Пионеры должны окружать плохие условия, а впереди должна маячить чаша Грааля или Золотой Город. Толчок плюс тяга, кнут и пряник.

Успех потребует кориума, добровольцев, энтузиастов и согласия Харкеров, даже их поддержки. Пока ничего этого нет, а действовать нужно быстрее. В любой момент к нему может явиться частная полиция, из тьмы небытия явится вдруг Сэм Харкер. У него мало денег, нет друзей, кроме старика, умирающего от наркотиков, и даже его дружбу ему надо покупать.

Сэм тихонько засмеялся. Он вдруг почувствовал удивительную легкость и уверенность. Он верил в успех, несмотря ни на что.

— Первое, что я должен сделать, — сказал он Слайдеру, — это появиться перед публикой. Быстро. Так быстро, чтобы семьи не успели схватить меня. После этого станет ясно, что если исчезну, то они понесут за это ответственность.

Слайдер кричал и чихал. В маленькой комнатке было душно, но сравнительно безопасно. Пока Сэм остается здесь, в хорошо известном ему подпольном мире, ему не грозит опасность оказаться в крепости Харкеров. Но на этот раз мотивы его выступления должны быть совершенно другими.

— Дай мне выпить, — сказал Слайдер.

— У меня есть две тысячи кредитов, — заметил Сэм, подвигая ему бутылку. — И Хейл, возможно, наберет две тысячи. Вот с этого и начнем. Подскажите, как их лучше истратить. Мне понадобится телевизионное время и хороший специалист по семантике. Когда начнем, деньги к нам сами пойдут. На этот раз я не собираюсь прятать их в какой-нибудь крысиной норе. Я вложу их туда, где они принесут максимальную прибыль.

— Куда? — спросил Слайдер, протягивая руку к бутылке.

— Во флот, — угрюмо ответил Сэм. — Новая колония будет островной. Нам нужна мобильность. Придется сражаться с морскими животными, укреплять и заселять острова. Потребуются хорошо оборудованные корабли с мощным вооружением. Вот на что пойдут деньги.

Слайдер занялся бутылкой и ничего не сказал.

Сэм не стал ждать, пока сработает реклама. Он предпочел бы начинать постепенно и осторожно: искусно созданные песни, восхваляющие славу наземной жизни, открытое небо, звезды, смену дня и ночи; модная пьеса и новая книга умело подчеркнутыми мотивами облегчили бы дело. Но на это не было ни времени, ни денег.

Робин Хейл в выступлении по телевидению объявил о создании новой колонии на основе частного патента. И смело, открыто, потому что не было возможности скрыть что-либо, было объявлено о связи с этим планом Джозеля Рида. Джозель с экрана открыто рассказал о мошенничестве отца:

— Я никогда не знал его, — сказал он, вкладывая в свои слова

всю присущую ему убедительность. — Вероятно, многие из вас не поверят мне из-за моего имени. Я не хочу скрывать его. Я верю в свою колонию и не допускаю ее поражения. Думаю, большинство из вас поймет меня. Я не посмел бы явиться сюда под своим опозоренным именем, если бы не верил в успех. Ни один человек по имени Рид не посмел бы испытать одно и то же дважды. Если колония потерпит поражение, это будет означать и мое собственное крушение, но я верю, что попытка будет успешной.

В его голосе звучало спокойное убеждение, его энтузиазм передавался слушателям. Он назвал свое подлинное имя. Многие поверили ему. Поверило достаточно для его целей число слушателей.

Жителями башен руководили те же побудительные мотивы, что и раньше. Люди чувствовали, как давят на них башни. Многие стремились вернуть себе утраченное наследие, и это принесло Хейлу довольно много средств. Остальные выжидали. Сэм делал все, чтобы их убедить.

Не дремали и Харкеры. Оправившись после первого изумления, они начали действовать и очень оперативно. Преимущество, однако, было не на их стороне. Считалось, что они за колонизацию, поэтому им нельзя было выступать против нее открыто. Они развернули контрпропаганду. Распространились слухи о мутировавшей на поверхности вирусной чуме. Самолет, управляемый роботом, потерпел крушение на виду у телезрителей, разорванный на куски мощными потоками атмосферы. Изо всех сил создавалось впечатление, что на поверхности жить слишком опасно.

И тогда Сэм сделал ответный смелый ход. Он открыто напал на Харкеров, обвинив их в неудачах первой колонии.

— Известные влиятельные круги, — заявил Сэм, — хотят предотвратить колонизацию поверхности. Вы сами поймете, почему. Поставьте себя на место влиятельного человека, на место влиятельной группы. Если вы правите башней, разве вы не захотите, чтобы такое положение сохранилось? Неужели вы захотите изменений? Разве вы не будете предпринимать все, чтобы помешать людям, которые, подобно нам, предлагают освоение новых земель? — Сэм наклонился с экрана, устремив на зрителей напряженный взгляд. — Разве вы не попытаетесь выбить из рук человека любой шанс? — спросил он, ожидая, что его отключат, не дав договорить.

Но ничего такого не случилось. Возможно, операторы были слишком ошеломлены, а может, даже Харкеры не решились бросить вызов общественному мнению. Сэм продолжал:

— Я надеюсь продолжить работу для блага колонии. Я ра-

ботаю для себя и для всех вас, кроме тех, кто правит башнями. Пока я жив, я буду работать. Если завтра вы не услышите моего сообщения о наших планах, то вы поймете, почему...

Когда Сэм отключился, сказав последние слова, на улицах башни Делавэр началось глухое гудение. Впервые за много десятилетий толпы людей стали собираться у больших общественных экранов, и впервые в человеческой истории Венеры послышался гул толпы с башенных Путей, слабый, благоговеющий гул, несущий в себе скорее удивление, чем угрозу. Но игнорировать его было уже нельзя. Харкеры слышали его — и ждали. Они могли ждать.

В результате Сэм оказался, хотя бы временно, недостижимым для частной полиции. Он делал шаги для укрепления своего положения. Он искал более основательную поддержку против Харкеров, чем непредсказуемое поведение толпы. Его козырной картой была Сари. Сари Уолтон, наполовину Харкер по крови, психически ненормальная. Как это может ему помочь, он пока не знал.

В архивах было очень мало материалов о бессмертных — только статистические данные, имена и краткие биографии. Конечно, благодаря своей жизни бессмертные избегали множества стрессов, которые приводили короткоживущих к неврозам. Но что, если их длительная жизнь вызывает новые стрессы, которые не может себе представить нормальный человек?

Сэм искал и думал, думал и искал. Он испробовал множество путей, но все они вели в тупик. Наконец, он обнаружил мало-заметный фактор, который выглядел многообещающим. Он не был окончательным, он лишь указывал на нечто любопытное.

Цикл воспроизводства бессмертных был очень любопытен. У них были периоды плодовитости, обычно разделенные интервалом от пятидесяти до семидесяти пяти лет и охватывающие короткое время. Ребенок двух бессмертных всегда оказывался бессмертным. Но дети эти были очень слабыми. У них был очень высокий уровень смертности, и большинство из них почти всегда росло под стеклом.

Сэм обнаружил, что в год рождения Сари Уолтон в семье Харкеров родился мальчик по имени Блейз. Эти два ребенка были единственными выжившими потомками бессмертных из башни Делавэр за этот период.

И Блейз Харкер со временем исчез.

Со все возрастающим интересом Сэм изучал записи, отыскивая объяснения того, что могло с ним случиться. Даты смерти не было. Обычные записи об образовании, должностях и предприятиях неожиданно обрывались примерно семьдесят лет назад. После этого ничего не было.

— Вот что нужно сделать, — сказал Вольный товарищ, отступая на шаг от прибора. — Вот, смотрите.

Сэм неуверенно пересек падающую палубу и склонился к окуляру. Он чувствовал себя полупьяным в необычной атмосфере движущегося корабля, ощущая на лице влажный ветер. Так много открытого пространства вокруг! У выросшего в башне даже легкий ветерок вызывал тревогу, не то, что свежий ветер на поверхности.

Молочно-белая вода расстилалась вокруг них под молочным небом. На берегу большой корпус разрушенного форта, казалось, пошатнулся под натиском овладевших им джунглей. Из-за зарослей доносился постоянный гул, в котором различались отдельные крики, визг, рев невидимых животных. Море шумно льнуло к бортам корабля. Ветер свистел в ушах. Для рожденного в башне поверхность — труднопереносимое место.

Все прошло. Джунгли поглотили большие флоты и форты, морские гиганты затонули у своих причалов. Но они не раскололись, теперь это стало ясно. Они просто заросли водорослями, к бортам их прилипали ракушки, но прочный металл оставался невредимым.

Хейл и Сэм осматривали берега Венеры, где находились форты. Хейл знал эти форты, когда они еще жили. Он знал гавани, он и сейчас мог перечислить порты и суда враждебной стороны. Два первых корабля, поднятые ими, были вполне пригодны для плавания. В голосе и в глазах Хейла появился энтузиазм.

— На этот раз нас не загонят под империум, — говорил он Сэму, хватаясь за перила и морщась, когда брызги ударяли ему в лицо. — На этот раз мы будем вертеться, чего бы нам это ни стоило.

— Дорого обойдется, — напомнил ему Сэм. — Больше, чем у вас есть. Больше, чем мы сможем получить, если только не предпримем что-нибудь смелое.

— Что именно?

Сэм задумчиво посмотрел на него, размышляя, пришло ли время открывать свои замыслы. Он уже несколько недель скрытно действовал, шаг за шагом ведя Хейла к решению, которое тот немедленно отверг бы при первом ознакомлении.

Сэм применял к текущим проблемам точно такие же методы, которые он применял почти инстинктивно, когда очнулся в переелке, ощущая запах сонного порошка. За эти несколько недель он прошел школу, не меньшую, чем за всю свою предыдущую жизнь.

Вспоминая метод, примененный к доку Малларду, Сэм тщетно пытался найти какую-нибудь хитрость, годную для Харкеров. Существовала параллель между оружием, которое находилось

в руках Сэма, и тем, которое люди могли использовать против поверхности Венеры. В обоих случаях единственно пригодное оружие было слишком слабым, либо слишком сильным. Полное уничтожение не годилось, но единственная альтернатива оставляла соперника, по существу, не задетым.

Сэм знал, что он должен либо отказаться от своих замыслов, либо предпринять решительный шаг, который будет означать полный успех или полное поражение.

— Хейл, — резко сказал он, — если мы хотим получить достаточное количество кориума для колонизации поверхности, мы должны сделать что-нибудь такое, что никогда не делалось. Мы должны сбросить бомбы на башни.

Хейл взглянул на него и рассмеялся.

— Вы шутите!..

— Может быть, — Сэм пожал плечами. — Вы знаете что-нибудь получше?

— Я не знаю ничего хуже, — голос Хейла звучал резко. — Я не убийца, Рид.

— Вы были Вольным товарищем.

— Это совсем другое дело.

— Вы сражались по приказу башен. Проигрывая, башни откупались кориумом от угрозы бомбардировки. Вероятно, бомбардировка была блефом. Ни одна башня в действительности ей не подверглась. Я тоже предлагаю блеф. Семьи будут знать это. Мы будем знать, но мы перехитрим.

— Каким образом?

— Что мы теряем? Преимущество на нашей стороне: они могут потерять все, мы можем все выиграть.

— Но они знают, что мы не осмелимся на это. Население даже не воспримет нашу угрозу серьезно. Вы знаете жителей башен. Они инертны. Их невозможно убедить, что мы собираемся бомбить. Они просто посмеются над нами. Раса изжила страх перед опасностью. Мы должны будем разбомбить одну башню и убить тысячи людей, прежде чем сумеем их убедить, что говорим серьезно.

— Я не уверен в этом, — прервал его Сэм. — Мы все еще человеческие существа. Правда, уже много поколений не было ни войны, ни ее угрозы, но люди по-прежнему просыпаются в страхе перед нападением, как первая обезьяна, решившаяся оторваться от ветки дерева. И ноздри людей по-прежнему раздуваются в гневе, потому что раньше им нужно было дышать, когда рот их был полон вражьей плоти. Не думаю, что мы совершенно изжили свои страхи.

— Я не сделаю этого, — коротко сказал Хейл. — Это уже слишком. Тут нет вопроса...

Угроза, впервые прозвучавшая с экрана, была не менее поразительна, чем сама бомба. На всех башнях на мгновение наступила мертвая тишина. Потом ропот. Потом смех.

Хейл был частично прав. Никто не поверил в угрозу возобновления флота. Само существование колоний зависело от поддержки башен. Кто же осмелится бомбардировать свой источник снабжения? И даже если они окажутся такими безумцами, в первые минуты каждый житель решил, что угрозе подвергнется какая-нибудь другая башня, но не его собственная.

И тогда Сэм с общественных экранов назвал башню — Делавэр. Назвал время — сейчас. И цену — кориум.

Борьба началась.

У Сэма было оружие, которое он запас до начала своего блефа и которое придавало ему уверенность. Это было не очень сильное оружие, но это только означало, что он должен был искусно использовать его. Оно должно было принести успех. Это был пункт, после которого поворот назад становился невозможен.

Он отыскал Блейза Харкера.

В конечном счете борьба сводилась к конфликту двух человек — Захарии и Сэма. Семьи бессмертных правили башнями. Харкеры давали пример всем семьям, Захария был главой клана Харкеров.

Захария мог отдавать, а мог и не отдавать себе отчет, где находится центр напряжения, но Сэм знал это. Он поставил на карту все, и тщательно разработал свои планы. Он перехитрил Захарию.

Он сознавал, что семьи, вероятно, составляют свой план. В прошлый раз они действовали до самого последнего момента, и в результате Сэм был сметен, как щепка. На этот раз все будет по-другому.

Блейза отыскал Слайдер.

Получив это сообщение, Сэм быстро добрался до маленькой, дурно пахнущей берлоги. Когда он вошел, Слайдер покоился в объятиях сна рыжего дьявола. В течение нескольких минут он обращался к Сэму, называя его Кланом, и говорил о старых преступлениях, о которых ни малейшего понятия Сэм не имел.

Сэм дал Слайдеру выпить. Наркотический туман рассеялся, и огромное тело приподнялось на постели, хихикая и фыркая.

— Сынок, — сказал он, отдавая Сэму бумажку, — я достал тебе адрес.

Сэм устремился к двери.

— Подожди! Куда это ты направился?

— К Блейзу.

— Ты не попадешь к нему. Место охраняется.

— Прoberусь!

— Тебе понадобится для этого несколько недель. Надо найти кого-нибудь, кто берет взятки. Только тогда ты сможешь проникнуть в этот квартал. Тебе понадобятся первоклассные помощники. И нужно будет подумать об отступлении. И...

— Ты можешь мне помочь?

— Попытаюсь.

— Сколько времени тебе потребуется? Я не могу ждать шесть недель. Уложишься в три? — Он замолчал, прерванный громовым хохотом. Огромное туловище ходуном ходило под одеялом.

— Забудь это, малыш. Дело сделано.

Сэм удивленно посмотрел на него. Слайдер захлебнулся собственным смехом.

— Старые руки еще помнят дело, сынок. Не думай, что работа была легкой, но она сделана. Закрой ставни и выключи свет. Теперь жди.

Тусклый освещенный квадрат появился на дальней стене. По нему двигались тени, искаженные неровностями стены. Они смотрели фильм, снятый скрытой камерой, очевидно, укрепленной на уровне пояса человека, двигавшегося с непостоянной скоростью.

В первые секунды камера, очевидно, смотрела на железную решетку, очень близкую к объективу. Появились ноги в белых брюках, решетка открылась, и развернулся вид сада с многочисленными фонтанами. Очевидно, одна из крепостей бесмертных.

Вдруг скорость неожиданно увеличилась — человек побежал. Остановка еще перед одной решеткой. Прутья решетки увеличились, стали туманными, расстаяли, объектив прижался к двери и сквозь решетку смотрел внутрь. За ней человек. К нему склонились двое. Человек боролся с этими двумя.

Неожиданно картина резко покачнулась, все предметы на ней размазались. Быстрый взгляд вперед, вдоль стен, мелькнул потолок, нахмуренное лицо приблизилось к объективу. Поднялась рука, в которой что-то сверкнуло...

Изображение исчезло. Объектив вновь приближался к расплывающимся прутьям решетки, на этот раз очень медленно. В фокусе возникла комната. Все в комнате было мягким. Ковер глубоко проседал под ногами троих людей, которые старались надеть на молотящие руки человека смирительную рубашку.

Мало-помалу они побеждали. Все происходило с замедленными движениями, что создавало впечатление ритмичности странного балета, заранее отрепетированной сцены. Высокий человек связанными руками бил себя по бокам, откидывал голову, дико и беззвучно хохотал.

— Это был Блейз Харкер, — произнес в наступившем молчании Слайдер. — Дай-ка мне выпить, сынок. Ты тоже выпей, тебе это нужно сейчас.

— Вопрос стоит так, — говорил Сэм тысяче слушателей. — Дайте нам корнум, на который мы имеем право, или я снимаю с себя ответственность за последствия!

Под всеми морями, под всеми империумными куполами толпы людей, затаив дыхание, смотрели на лицо Сэма, размноженное телевидением.

Башня Делавэр. Здесь на улицах не слышалось ни звука, и, может быть, впервые с момента сооружения башен стало слышно глухое гудение Путей.

— Рид, ты глупец, — голос Захарии звучал спокойно и замедленно. — Мы все знаем, что это трюк.

— Я ожидал этого ответа. Вероятно, вы и сами не верите в свои слова. Времени у нас мало — смотрите.

Картина сверкающего моря. Корабли небольшие, но построенные со знанием дела. Выглядели корабли мрачно. Ни один человек не показывался на палубах. Это были машины для разрушения, движущиеся вперед, чтобы выполнять свое назначение.

От заднего корабля отделился темный цилиндрический предмет. Корпус бомбы был в фокусе телекамеры. Бомба медленно и бесшумно скользнула в глубины венерианского моря. Бомба ударилась о дно, тут же фокусировка изображения изменилась, чтобы можно было видеть взрыв.

Далеко наверху, на флагманском корабле, Сэм установил звукопоглощающие панели и повернулся к вспомогательному экрану.

— Кедра Уолтон выбыла из башни Монтана час назад. Она направляется в башню Делавэр.

Сэм инстинктивно посмотрел вниз.

— Она знает, что происходит?

— Вряд ли. Она узнает из общественных экранов в Делавэре.

— Получила ли Сари снадобье?

— Как только стало известно об отъезде Кедры из Монтаны. Сейчас она его принимает.

Сейчас Сари держит в руках наркотик, который в подходящий момент подсунул ей Сэм через своих подручных. К этому порошку было примешано еще одно снадобье...

Нервы Сари испытывали удар за ударом. Те узы, которые еще сдерживали ее мозг в рамках нормы, порваны. Она готова к взрыву и ждет его как неизбежности, предопределенной условиями и окружением.

— Рид, — спокойно сказал Захария, — нас невозможно обмануть. Вы не разрушите Делавэр.

— Это была первая бомба, — сказал Сэм, — мы направляемся к Делавэру. Каждые пять минут мы будем сбрасывать по бомбе, пока не остановимся над вами, но и тогда мы не прекратим сбрасывать бомбы.

— Вы подумали о последствиях?

— Да, — сказал Сэм. — У нас есть радар и средства противовоздушной обороны.

Теперь Кедра должна направляться к крепости Харкеров. Она уже знает, что случилось. Она торопится помочь Захарии, которого она любила в течение столетий, и в этом кризисе она захочет быть рядом с ним.

— Еще бомбу, — сказал Сэм...

Снова послышался гул толпы.

— Сдавайтесь, — сказал Сэм. — Семьи боятся отпустить короткоживущих на поверхность, боятся, что там им будет труднее ими управлять.

— Любой человек, пожелавший отправиться в вашу колонию, волен сделать это, — сказал Захария. — Любой человек в башнях свободен.

— Время отвлеченных споров миновало, — сказал Сэм, зная, что его голос звучит во всех башнях Венеры. — Слушайте! Дайте нужный нам кориум, или мы разбомбим башню Делавэр!!!

— Вы не сделаете этого, погибнет полмиллиона людей.

— Для вас это дешевая цена, чтобы помешать колонии, не так ли? Возможно, вы предпочтете погибнуть вместе с башней Делавэр, но как остальные бессмертные Делавэра?

На экране появились другие комнаты Совета — святыни больших семей башни Делавэр. Сэм поискал глазами Сари и увидел ее. Он хотел бы рассмотреть ее повнимательнее. Приняла ли она наркотик?

Она сидела неподвижно, но неожиданно ее руки, лежавшие на столе, яростно сжались, Сэм узнал то, что хотел.

— Ваш обман не подействует, — сказал Захария. — Ни один бессмертный не покинул башню.

— Значит, вы согласны скорее умереть, чем отдать немного кориума? — сказал Сэм. — Это ваше дело, оно касается лишь ваших семей, ваших жизней.

В комнате Совета появилась Кедра Уолтон. Краем глаза Сэм уловил всплеск зеленовато-золотистых волос, когда Сари подняла голову, увидел, как напряглись ее плечи под сверкающим ливнем. Глаза его были устремлены на Кедру.

Он был уверен, что так и произойдет. Между Кедрой и За-

харией было слишком много десятилетий близости в прошлом, чтобы она не появилась сейчас здесь.

Сэм перевел взгляд на Сари. Захария тоже — но слишком поздно. Он слишком поздно понял, что произойдет, и не смог помешать этому. Расчет оказался верным. Действия Сари были предопределены. Она ненавидела Захарию и Кедрю. Наступило мгновение критической массы.

В следующую секунду собрание бессмертных стало свидетелем безумной схватки и тщетных попыток оторвать Сари от горла Кедры.

Сэм нажал кнопку. Его лицо появилось на экранах общественных телевизоров далеко внизу, в башнях.

Сэм крикнул:

— Харкер! Харкер! Я не могу связаться с вами! Включитесь! Отвечай, бессмертный! Отвечайте! Вы покинули башню?

Взорвалась еще одна глубинная бомба.

— Харкер, где вы? Если Харкеры бежали, кто остался у власти? Ответьте мне!

Внезапно на экране появилось лицо Захарии. Он тяжело дышал, из длинной царапины на щеке текла кровь. Но лицо его было бесстрастно.

Он сказал:

— Мы не бежали. Мы... — его голос потонул в реве толпы.

Купол над ними дрожал от ударов бомб, и даже невозмутимые бессмертные казались испуганными.

Ужасзаставил толпу взреветь. Люди требовали капитуляции.

И тут Сэм допустил ошибку.

Он должен был отступить и предоставить событиям идти своим путем. Но вид Захарии, даже в такую минуту сохранявшего ледяное спокойствие, вывел Сэма из равновесия — ему захотелось разбить это гладкое, лишенное возраста лицо кулаком, вырвать признание поражения у этого нестигаемого бессмертного.

— Сдавайтесь немедленно! — ревел с экрана Сэм. — Ни один Харкер не должен остаться у власти. Дайте нам то, что мы просим, или покажите, что происходит в комнате Совета.

Показался Захария. Он наклонился вперед, глядя на охваченную паникой толпу.

— У меня есть для вас новости, люди башен, — спокойно сказал он. — Вы в безопасности. Ни одна бомба не упала на башни и не упадет. Джозль Рид сказал, что никогда не видел своего отца. Он поклялся смыть позор со своего имени и дать вам еще одну возможность колонизировать поверхность, возможность, которой вас лишил Сэм Рид. Так вот, этот человек — Сэм Рид!

У нас есть неоспоримые доказательства: отпечатки пальцев

и снимки сетчатки глаза. Наши следователи не ошиблись. Сэм Рид, говорите с людьми, которых вы обманули.

Снова на экране появилось лицо Сэма Рида. Он должен ответить. Он лихорадочно искал ответ.

И тут до него дошло, что Захария сделал фатальную ошибку. Харкеры не привыкли к быстрому мышлению. Много столетий им не приходилось сталкиваться с опасностью лицом к лицу, когда надо мгновенно оценить ее и тут же инстинктивно выбрать наиболее безопасный путь. Захария был бессмертным. Он не умел думать, как короткоживущий.

Сэм рассмеялся:

— Я не стану отрицать этого. Я сам приведу доказательства. Харкер прав, я б е с с м е р т н ы й !

Сэм подождал, пока все усвоили сказанное.

— Мне было сорок лет, когда мне в лицо бросили сонный порошок, — продолжал он. — В течение сорока лет я отсутствовал. Похож я на восьмидесятилетнего? А ведь мне восемьдесят лет!

Посмотрите на меня, — сказал Сэм. — Я такой же человек, как и все вы. Ни у одного бессмертного нет такого телосложения как у меня. Но я прожил восемьдесят лет, — он помолчал, обратив на них горящий взгляд. — Я был человеком, подобным вам. Но я жил на поверхности, и я совершил великое открытие. Я узнал, почему бессмертные не хотят колонизации поверхности. Вы все знаете, как они старались помешать нам. Теперь я вам скажу, почему. Они не хотят, чтобы люди стали бессмертными!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Израиль вышел
из Египта,
Безопасно прошел он
по дну моря;
Днем под облаками,
ночью в огне...
...а перед ним шел
Господь...
Я вижу далекую страну,
где я никогда не буду.
Сердце стремится туда,
где не ступит нога, —
В обетованную Землю.

(Хаусман, прибл. 1900 г.)

Стена была раскрашена фресками, где фантастически зеленые моря смывали подошвы бархатисто-коричневых холмов. Давным-давно в раскаленном мире существовали такие берега.

Художник, расписывавший стены, никогда не видел обнаженных холмов или разноцветных морей. Вымысленность рисунка становилась особенно ясной при взгляде на центр фрески, где виднелся квадрат настоящего моря и настоящего берега, поглощавшегося джунглями. По морю плыл корабль, от которого расходились У-образные лучи.

Два человека сидели в раскрашенной комнате и смотрели на экран, отражавший события, происходящие далеко наверху. Кедр Уолтон, полулежа в своем глубоком кресле, играла большим бриллиантом и не отрывала глаз от плывущего корабля.

Захария держал в руке курильницу с тлеющей лозой и изредка водил ею перед носом. Лоза, растущая на поверхности, источала смертельный яд на всякое проходящее под ней существо. Высушенная и сожженная, она издавала слабый наркотический запах, который смягчал чувства и успокаивал мозг. Захария глубоко вдохнул дым и выпустил его на экран.

— На этот раз, — сказал он, — Сэм Рид откусил больше, чем сможет проглотить.

— Это вульгарно, — пробормотала Кедр, сверкнув улыбкой. Она по-прежнему следила за модой. Ее тяжелые черные локоны были раззолочены, каждый волосок был покрыт тонким слоем золота и уложен в большую корону, которая, подобно шлему, возвышалась над ее узким египетским лицом. Даже брови ее представляли тонкие нити золота, и капелька золота свисала с каждой реснички.

— Вы выглядите отвратительно, — заверил ее Захария.

— Конечно, отвратительно, но я должна была проверить, как далеко я могу зайти. Каждая женщина...

— Смотрите, — Захария неожиданно выпрямился в кресле, глядя на экран. Кедр обернулась. На низком столике были расстелены карты, она придерживала их. Они сидели неподвижно, глядя на стену. Картина на экране казалась нереальной.

Корабль поворачивал к причалу внутри длинной дуги волнореза, белой линией выдававшегося в бледное море. На корабле было десять пассажиров, десять молодых мужчин и женщин, стремившихся к обещанному им бессмертию. Они быстрыми нервными движениями поворачивали головы, рассматривая странный верхний мир, который для жителей башен всегда означал опасность и романтику. Подобно юношам и девушкам, приносимым в жертву Минерве, они с возбуждением и восхищением смотрели на могучую стену джунглей, подходящую все ближе и ближе, и на низкие полированные белые стены колонии Плимут, окружавшей первый, намеченный к покорению остров.

Из воды перед ним поднялся Минотавр, но на этот раз он

должен был быть принесен в жертву. В морях жило множество чудовищных ящеров. Немногие из них имели названия, а тот, что поднялся из молочной воды перед кораблем, не был знаком ни одному из пассажиров. С огромной скоростью из воды на двадцать футов взметнулась темная блестящая шея. Вода, как рваный шелк, скатывалась с боков грандиозной арки. Чудовище раскрыло пасть, способную вместить человека, и засвистело. Пасть была усеяна рядами клыков, они торчали по бокам, сверху и с краев пасти.

Над водой поднялся хор криков и воплей. Корабль накрепился, а испуганные пассажиры устремились к заднему борту. Голова чудовища кинулась за ними, шея увилась за ней, как длинная веревка. Длинное гибкое тело было невероятно грациозно. Животное, по-видимому, выбрало в качестве жертвы девушку, стоявшую у борта, у девушки были желтые волосы, ее красно-розовое платье ярким пятном выделилось на фоне бледного моря.

На мгновение на маленьком корабле воцарился настоящий ад. Тогда рулевой с небрежной и презрительной точностью наклонился и нажал кнопку. С обеих сторон корабля поднялся прозрачный империумный купол. Его половинки сошлись наверху со звоном, надежно защитив пассажиров и экипаж.

Ныряющая голова тяжело ударилась о купол. Корабль накрепился, глубоко погрузил империумную защиту в воду, люди покатались по палубе, сцепившись в клубок.

Острые у киля сверкнуло в дневном свете, и шея чудовища ударилась о него.

Пронзительный рев пронесся над водой, и усаженная зубами пасть чудовища повернулась к облакам. Его изогнутая шея резко распрямилась, и из горла фонтаном хлынула ярко-красная кровь, такая же по цвету, как и платье девушки.

Крик повторился. Темная шея дважды ударилась о поверхность воды и погрузилась. На месте ее погружения остался круг алой воды.

Корабль выпрямился и направился к пирсу.

Кедра рассмеялась, расправляя карты.

— Это пилот! — сказала она. — Как все это ему наскучило! Я не удивилась бы, узнав, что Сэм Рид нарочно пригнал его сюда, чтобы поразить своих новых добровольцев. У них теперь будет о чем рассказывать.

— Не следует недооценивать Сэма Рида, моя дорогая, — сказал Захария, снова поднося к носу кадильницу. — Он так и сделает, если увидит в этом выгоду. Он очень опасен, Кедр... и не из-за этой своей изобретательности, а из-за безответственности.

Кедра сверкнула своими яркими золотистыми волосами.

— Вы правы, конечно. В сущности нам не до смеха. Кто мог подумать, что он зайдет так далеко? Я думаю, что если что-нибудь помешает ему и он не найдет законного выхода, то пойдет на любое беззаконие. Перед нами сложная проблема, Захария.

— Значит, ваше отношение к нему изменилось, дорогая?

Она не подняла головы, услышав его вопрос. Наоборот, она смешала карты и отыскивала в них повешенного человека. Эта карта, как и все остальные, была прекрасно сделана. Повешенный человек свисал с Т-образного дерева на фоне расшитого занавеса. Золотой нимб окружал его голову с рыжими волосами и строгим лицом. Кедра подняла карту и задумчиво посмотрела на рисунок.

— Не спрашивайте меня об этом, Захария.

— Но нам придется искать ответ, моя хорошая. А сейчас это уже не мимолетный каприз. Этот человек — бессмертный.

— Я знаю.

— Вы знаете, кто он?

Она быстро подняла голову:

— А вы?

Захария кивнул, вдохнул дым и развеял облачко дыма перед лицом. Потом он сказал:

— Он Харкер, Кедра. Вы знаете историю Блейза?

— Теперь — да. Вероятно, все знают. Сэм оставил не слишком много места для воображения, когда решил уничтожить престиж Харкеров. А он сам знает об этом, Захария?

Бессмертный негромко рассмеялся.

— Чудный парадокс. Нет, он не знает. Он вкладывает огромную энергию, стараясь дискредитировать нас так, чтобы никто больше не верил Харкерам. Хотел бы я видеть его лицо, когда он поймет, что его собственное имя уничтожено.

— Уничтожено?

— Не так категорично. Мы можем снова завоевать авторитет. Согласен, у нас могут быть ошибки — я начинаю думать, что такой ошибкой было сопротивление колонизации, например, но наши долговременные мотивы всегда остаются надежными, и я думаю, все сознают это. Пока я склонен просто смотреть и ждать. Сейчас колонии будут иметь успех. Хотя мне и не нравится эта мысль, но сейчас нам придется действовать заодно с Ридом.

Кедра хотела положить карту на место, но потом остановилась, посмотрела на нее с легкой улыбкой. Продолжая разглядывать рисунок, она сказала:

— На некоторое время — да. Он плохой человек, Захария. Но пока он не достиг вершины, он будет идти своим путем. И они

сделают свое дело лучше, чем кто-либо из нас. Руководствуясь самыми хорошими мотивами, он совершит героические поступки, чтобы основать под собой прочную пирамиду, что-то такое, что он смог бы использовать, как базу для своей власти. Он создает основание для хорошо действующей социальной системы. Но только основание. Дальше он идти не может, у него нет созидательной концепции. Нам придется остановить его.

— Да, но как это сделать?

— Придется использовать его методы. Воспользоваться его слабостью, обратив сильные стороны против него самого. Искушать его чем-то, раздражать, а затем... — она улыбнулась и щелкнула по карте длинным изящным ногтем.

Захария ждал.

— У меня еще нет четкого плана, — сказала Кедра, — он еще только зародился. Надо подождать, подумать... Возможно, использовать оружие, против которого он беззащитен.

— Что же это за оружие?

Она подняла золоченую бровь и взглянула на него сквозь золотую завесу ресниц, улыбаясь своей загадочной египетской улыбкой, больше похожей на гримасу боли. Золотые брови придавали ее лицу сходство с маской. Она снова щелкнула по карте. Даже хорошо знавший ее Захария не мог вообразить, какие картины проходят сейчас перед ее полузакрытыми глазами, — он никогда еще не видел у нее такого выражения.

Он молча взглянул на карту, на этот раз — десятку мечей. На ней был изображен серый невыразительный берег и темное закатное небо, на фоне которого четко вырисовывались рукоятки десяти мечей, насквозь пронзавших мертвое человеческое тело.

Наступил день, когда колония Плимут получила полный набор добровольцев. Сэм ждал этого дня с нетерпением. Он предпочитал сразу браться за решение задачи, в прошлом его враги слишком часто оказывались изворотливыми. Ему придется произнести речь, и он должен сказать то, чего от него с нетерпением ждут тысячи искателей бессмертия.

— Вы — специально подобранная группа. Все вы тщательно изучены, все прошли основные тесты. А они были тяжелыми. Нам нужны самые здоровые, умные, сильные жители башен, достойные бессмертия.

Он помолчал, переводя взгляд с экрана на экран.

— Не каждый может получить бессмертие...

После определенного срока биологической жизни начинается старение — у одних раньше, у других позже. Мы еще не знаем, что вызывает старение, хотя уже знаем, как остановить

его. Может быть, старость — это просто вирус. Рано или поздно мы узнаем такие средства, которые останавливают старение. Но они редко действуют после сорока лет, когда равновесие уже сильно нарушено в сторону старости.

Он снова оглядел экраны. Эти ожидавшие тысячи людей представляли скрытую опасность. Он держал в руках гранату, и ее придется держать до последней возможности.

— Вы все проверены на физическую и психологическую выносливость. Вы — цвет башен. Вы первыми получите бессмертие. Позже его получают и остальные, но вы — авангард. Вы сделаете бессмертие возможным для остальных, и они получают его, а вы будете наслаждаться плодами своего труда. Но труд предстоит тяжелый. Вам придется прожить на поверхности несколько лет.

Пять лет, подумал он. Может быть, и больше. Но пять лет — это максимум, который он может позволить себе.

Проверка тысяч — позже это будут миллионы — представляет собой тяжелую работу, если только на помощь Сэму не придет техника. Бюро жизненной статистики хранили разнообразные данные о населении, включающие информацию по психологии, наследственности, вероятной продолжительности жизни — очень важные данные — и о патологических наклонностях. Сэму нужны были крепкие и сообразительные мужчины и женщины. Но был один, самый важный, фактор. И от него зависел успех всего плана.

Ему нужна была молодежь, достигшая зрелого возраста. Именно в этом возрасте старческие изменения, происшедшие за пять лет, не так заметны.

Он сказал:

— Вы должны жить на поверхности. Помните, я прожил здесь почти сорок лет. Среднему взрослому человеку требуется шесть факторов, несущих бессмертие. Поскольку, возможно, что старость вызывается вирусами, чем старше человек, тем больше времени требуется, чтобы уничтожить вирус...

В новорожденных его нет. Если исключить заражение, ребенок растет, достигает зрелого возраста и останавливается. Прожив сотни лет, он не стареет.

Отныне дети, родившиеся в башнях, получают такую возможность. Со взрослыми же дело обстоит по-другому. У вас тоже есть возможность, но вам предстоит бороться за нее. Вы должны постоянно бороться за нее. Вы должны постоянно подвергаться действию радиации в течение шести или семи лет, а в башнях это невозможно.

Мы пока еще мало что знаем об этой радиации. Радиоактивные элементы присутствуют в почве и в атмосфере Венеры,

но в микроскопических количествах. По неясным пока причинам радиацию несут солнце и космические лучи. Пока я знаю только одно: мы можем получать бессмертие, но для этого нужно находиться на поверхности все эти годы, чтобы действие радиации было кумулятивным.

Процесс этот слишком сложен, чтобы я мог касаться подробностей.

Радиация действует лишь на людей — это мы твердо знаем. Подобно древней бацилле проказы, она воздействует на людей, но не животных. Морских свинок невозможно заразить проказой. Именно поэтому медики так долго не могли найти средство против этой болезни.

Бессмертие для людей башен — достижимая вещь. Всякий, кто не слишком стар, может получить бессмертие. Но для этого нужно жить на поверхности. В колонии Плимут вам не место.

Вы должны создать новые колонии.

Это единственный выход. Мы думали о смене групп населения через семилетний интервал. В этом случае можно было бы брать и более старых. Но для них потребуется больше времени, а молодые в это время будут стареть. Мы предпочитаем людей в расцвете сил, чтобы они сохранили свои возможности на сотни лет. К тому же остальным не нужно будет ждать своей очереди семь или четырнадцать лет. Как только вы закалитесь в своей колонии, из башен прибудет следующая партия и продолжит колонию дальше. Так все получают равные возможности.

Сэм изучал экраны. Проглотят. Может, через пять лет и будут неприятности, но до тех пор изменений в их внешности не наступит, а если они будут, то их можно объяснить влиянием другого окружения: поверхность Венеры, разумеется, должна изменить внешность человека.

— Вы должны заслужить бессмертие, — говорил Сэм, обращаясь к слушателям. — Возможно, вначале вас смутит переход от обычной жизни башен. Мы постараемся помочь вам приспособиться. Но помните, что вы должны прожить на поверхности шесть и больше лет. Только соблюдая традиции колонии, вы сможете это сделать.

У нас есть свои законы — иные, чем в башнях. Это — поверхность! Поверхность будет стараться убить вас каждую минуту дня и ночи. Теперь вы — колонисты, а не жители башен, и вы должны подчиняться законам колонии. В соответствии с подписанным вами контрактом вы не можете вернуться в башню без согласия властей колонии: это согласие вы получите, когда станете бессмертными.

Вообще-то приспособиться не так уж трудно. Узнайте свои обязанности. Будьте готовы заменить работающего рядом.

Изучайте обязанности своего начальника. В колонии продвигаются быстро, будьте готовы к этому.

Бессмертие нужно заслужить. Последующие шесть-семь лет будут для вас всех трудными. Не существует такой работы, которую человек не вынес бы в течение месяца. Вы отдадите этим трудностям не десятую часть жизни, а менее, чем сотую. Помните об этом. Семь лет в колонии эквивалентны месяцу бессмертного.

Помните об этом!!!

Каждый раз, почувствовав разочарование, вспомните об этом! Вы будете бессмертными!

Сэм выключил передатчик. Он был один в комнате. Секунду или две он сидел молча, следя за толпами, которые больше не могли ни видеть, ни слышать его. Затем негромко сказал:

— Позолоченная пилюля подействует.

Толпы продолжали смотреть на экраны, получив приказание от своих непосредственных начальников — переселенцев колонии Плимут, крепких, тренированных людей, давно работающих с Хейлом и Сэмом. Они выстроились в ряд — буквальном и переносном смысле слова.

Как малина размножается корнями и отростками, так же будет расширяться и колония. На это уйдет не пять лет, а гораздо больше. Все новые и новые поселения будут возникать вдоль берега, поддерживаемые колонией Плимут, пока не смогут перейти на самообеспечение. Они должны стать неуязвимыми, иначе ярость поверхности сомнет и захлестнет их. А Плимут должен оставаться единым и неприступным, по-настоящему неуязвимым. У Рида есть по меньшей мере пять лет, прежде чем толпа набросится на него.

Звено за звеном ковали они цепочку из островов, не зная ни минуты отдыха...

— Где губернатор? — сердито спросил Сэм, найдя кабинет Вольного товарища пустым. В последнее время Хейл явно избегал его.

— Руководит операцией по расчистке на шестом острове.

Сэм нажал кнопку связи:

— Соедините меня с Хейлом!

Экран потемнел. Похоже, там не было телепередатчика. Понимался голос губернатора:

— Робин Хейл слушает!

— Это Сэм Рид. Вы что, забыли, что у нас назначена встреча?

— Ох, простите, — голос Хейла сделался менее официальным. — Мы получили новое оборудование, надо было его опробовать. Увидимся после.

Сэм хмыкнул и отключился. Теперь сомнений не оставалось — Хейл избегает встречи. Сэм вызвал вертолет.

Пилот был одним из первых колонистов Плимута. Он коротко отсалютовал Сэму и направил машину к морю. Они сделали быстрый полукруг и повернули к острову Шесть. Острова, мимо которых они пролетали, были уже колонизированы. Чудовищные леса исчезли, внизу росли культурные растения. Тут и там виднелись дома. Причалы, охраняемые частоколами, протянулись через равные промежутки.

Пять островов, только пять, противостояли огромным континентам Венеры, кишевшим свирепой жизнью. Но они были только началом. Шаг за шагом наступление будет продолжаться.

Сэм изучал лицо пилота. И ничего не мог прочесть на нем. Если и придет опасность, то только не со стороны первых поселенцев Плимута. Недовольными будут поздние переселенцы из башен. Но это время еще не пришло. И не придет, надеялся Сэм, в ближайшие годы. А к тому времени он установит надежный контроль.

А Хейл?

На чью сторону станет Хейл? С кем будет он через пять лет? Это начинало основательно беспокоить Сэма. С семьями башен он справится: они открытые враги. Но в Робине Хейле были не только возможности бессмертного, но и позиции, которые становились крайне опасными для Сэма. Внешне они действовали, как товарищи, бок о бок. Но истинную позицию Хейла Сэм определить не мог. В этом и заключалась главная трудность.

Что знает и о чем догадывается Вольный товарищ? Знал ли Хейл с самого начала, что Джозель Рид и есть Сэм Рид? Догадывался ли Хейл, что обещание бессмертия — обман?

Сэм мог говорить и правду. Если дети бессмертных сразу после рождения подвергались действию радиации, никто из них не мог помнить этого. Но Вольный товарищ не был легковверным. Даже его готовность идти за Сэмом казалась подозрительной. Пассивность Хейла, конечно, могла быть следствием усталости от предыдущих тяжелых лет. Но даже в этом случае Сэма настораживала параллель: металл устает, он не может восстанавливаться. А меч сделан из металла.

Металл, металл... Новая мысль появилась у Сэма. Добровольцы из башен, крепкие, сильные, но такие податливые в его руках, пока им придется пройти через жестокие битвы с поверхностью. Когда металл закаляется...

Опять меч...

“Моя спина тоже должна быть защищена”, — подумал Сэм.

Вертолет направился к Шестому острову. Его покрывали джунгли, за исключением высокого холма в одном его конце. На вершине стоял вертолет, и на фоне бледного неба вырисовывалась фигура человека. У временных причалов на берегу двигались барки и легкие суда. Сэм указал на него пилоту, и вертолет повернул в сторону холма, пробираясь почти на уровне кораблей. Брызги воды покрыли защитный колпак кабины.

Сегодня дождя не будет, подумал Сэм, взглянув на облачное одеяло. Это хорошо. Условия на поверхности и так достаточно плохие, без яростных проливных дождей. Всю работу пришлось планировать в соответствии с показаниями метеорологов. А для того, чтобы основать базу на Шестом острове, нужно несколько ясных дней. Позже будет построен мост к Пятому острову, и цепь вытянется еще на одно звено.

Сэм встал, когда вертолет опустился у причала. Он легко спрыгнул на помост, оказавшись в самом центре торопливой, не слишком хорошо организованной деятельности. С баржи на гусеницах съехала огромная дробилка, и берег, казалось, прогнулся под ее чудовищной тяжестью. За ней последовали различные легкие машины на высоких колесах. Люди ходили в легких защитных костюмах и респираторах. Тяжелое снаряжение на берегу — помеха.

Фигура в маске тронула Сэма за руку и протянула ему сверток.

— Лучше наденьте это, сэр. Могут еще встретиться насекомые, а ядовитые растения на берегу очень живучи.

Сэм надел костюм и респиратор.

— Мне нужен губернатор. Это он там, на холме?

— Да, сэр. Туда еще нет дороги. Он добрался на вертолете.

Спустя четыре минуты Сэм спрыгнул на вершину холма с зависшего вертолета и махнул пилоту, чтобы тот улетал.

На Хейле не было ни защитного костюма, ни респиратора, Сэм тоже снял их. Здесь, высоко над джунглями, опасность инфекции была меньше. К тому же за последние месяцы Хейл и Сэм приобрели немалый иммунитет.

Хейл кивнул Сэму. Он держал бинокль и портативный микрофон, провод от которого уходил в сторону вертолета. Другого оборудования у него не было, только на походном столе была расстелена карта.

— Как дела? — спросил Сэм.

— Нормально, — ответил Хейл. — Опрыскивание уничтожило большинство насекомых, хотя и не полностью.

Все, что находилось под ногами, классифицировалось как насекомые. Помимо их существовала фауна — животные и флора — зеленая растительность. Опрыскивание не давало

большого эффекта, так как звери были огромны, а растительность крайне агрессивна. Но все же опрыскивание очень помогло. Люди многому научились при колонизации пяти островов. Первый шаг — опрыскивание всего острова растворами, которые очень не любят насекомые. Один из этих растворов поражал лишайники, другой приносил значительный ущерб флоре. Животные в лучшем случае заболели. Они набрасывались на людей, но их можно было подстрелить, если действовать быстро. Зато у них не было неприятной привычки проникать в легкие, быстро прорасти там комковатой массой, которая парализует дыхательный аппарат.

Шестой остров не выглядел колонизованным. Он выглядел большим.

Джунгли больше не были сверкающей зеленой массой. Они обвисли. Изредка по ним проходило медленное летаргическое движение. Сэм хотел лучше разглядеть их.

— В кабине есть еще один бинокль, — продолжал Хейл.

Сэм взял бинокль. Он изучил остров и рассматривал людей. Что-то в их движениях заинтересовало его — живость, необычная в первой колонии и определенно не известная в башнях. Интерес Сэма к джунглям был поверхностным и побочным. Единственное, что его интересовало всерьез, — это люди, и он проводил много времени, размышляя над мотивами их поступков и отыскивая в их действиях то, что может пригодиться ему, Сэму Риду.

Эти люди были счастливы своей работой. Это было нечто новое для Вены. Сэм знал, что мышцы их должны болеть от непривычной работы, что пот покрывает их тела под защитными костюмами. Каждый их вдох и каждое движение несли опасность. Но они были счастливы. Работа была новой и всепоглощающей. Они могли увидеть свое продвижение, просто оглянувшись назад. Это было достойное занятие для человеческой жизни — вносить порядок в хаос в поте лица своего. Человечество слишком долго было лишено радости физического труда. “Что будет, когда работать им надоест”, — подумал Сэм.

Он искоса взглянул на Хейла, который держал бинокль у глаз, чтобы скрыть, что рассматривает своего партнера.

Сэм резко сказал:

— Что мы будем делать с Харкерами?

Хейл сказал несколько слов в микрофон, сделал жест в сторону невидимой дробилки и лишь потом неторопливо повернулся к Сэму.

— А что вы хотите сделать? — подчеркнуто спокойно спросил он.

— Они дали нам выиграть, может быть, слишком легко. В

прошлый раз они тоже заставили нас поверить в нашу победу, а сами готовили удар. Это была моя ошибка. Тогда я был моложе. На этот раз я на уровне — я знаю, что нужно делать. И я по-прежнему не доверяю Харкерам.

Хейл посмотрел на него со спокойной, ничего не говорящей улыбкой.

— Может быть, — неопределенно сказал он. — Вы что-нибудь планируете?

Наступила очередь Сэма уклониться от ответа.

— Что вы имеете в виду?

— Через несколько лет — пять или шесть — у нас будут неприятности. Вы это предусмотрели?

Сэм вздохнул с облегчением: теперь поставлены все точки над “i”. Со времени своего триумфа, когда он вырвал победу у бессмертных, обещав толпам бессмертие, они не разговаривали с Хейлом открыто.

Виноват в этом был Хейл. Он заботился, чтобы при их встречах всегда присутствовали другие. Для Сэма сделалось невозможным открыто спросить его, знает ли он, кто такой Джозель Рид. Сэм распознал определенное психологическое давление, и оно ему не нравилось. В Хейле оказалось больше скрытой мощи, чем можно было думать.

Но сейчас по крайней мере прояснилось одно — вопрос о бессмертии. Хейл знал правду. И пока молчаливо соглашался с обманом. Использовал добровольцев, которых другими путями нельзя было залучить. Он связал свое имя с обманом, по сравнению с которым первое мошенничество Сэма было сущей безделицей.

Осознав это, Сэм почувствовал себя увереннее.

— Да, я предусмотрел это, — сказал он. — Мне не хотелось бы так поступать, но... цель оправдывает средства. В противном случае мы не добьемся ничего.

Услышав местоимение “мы”, Хейл вскинул брови. Но возразить ему было нечего. Он уже пошел на выгодный для него обман и теперь не мог увильнуть от ответственности.

— Это верно, — согласился он. — Будущее покажет, насколько оправданы наши действия. И какие же меры вы собираетесь предпринять?

Сэм чутко уловил предупреждение, прозвучавшее в тоне собеседника. Значит, Хейл пойдет с ним не до конца... Ну, что же! Тогда не до конца он узнает и планы Сэма.

— У меня есть несколько вариантов, — уклончиво ответил Сэм. — Обсудим их позже, когда будет больше времени.

Как бы не так, подумал он про себя. Будет лишь один вариант, а Хейл, глупец, не понимает этого. Когда вскрыется об-

ман, негодование обрушится на обоих — ведь обещания раздавали оба. Произойдет вспышка насилия. Сэм подготовился к этому, а Хейл... Он останется один на один с последствиями. Пусть только Хейл попробует помешать его планам!

Сэм вдруг показалось, что Хейл может оказаться твердым орешком. Благоразумнее сменить тему. Сэм узнал то, что хотел узнать, цель его приезда была достигнута.

— Относительно Харкеров, — сказал он, — на этот раз, я думаю, будет лучше поддерживать с ними связь. В таком случае у нас будет больше возможностей следить за ними. Как раз сейчас они, по моим расчетам, не могут противостоять нам. Они знают, что если нам будет сопутствовать успех, то именно здесь, в колонии Плимут. Если же нас постигнет неудача, то другой попытки не будет.

— Вы правы. Я верю, что все бессмертные теперь понимают это.

— Тогда они должны будут действовать с нами вместе. И мне кажется, первый шаг навстречу должны сделать мы.

— Кто это “мы”?

Сэм колебался.

— Я сам не могу этого сделать, — сказал он с внезапной откровенностью. — Захария Харкер и я... мы не выносим друг друга. Когда я вижу его, мне хочется его ударить. Вы лучший дипломат, чем я. Вы — бессмертный. Вы давно знаете их всех. Сделайте это, а, Хейл?

Хейл уклончиво сказал:

— Вы тоже бессмертный, Рид.

— Может быть. Я предполагаю, что да. Но не в том смысле. Когда у меня будет время для расследования, я займусь этим. Сейчас это неважно. Вы пойдете?

Хейл молчал, обдумывая ответ, и в это время передатчик в его руках зажужжал. Он вложил прибор в ухо, обрадовавшись помехе.

Некоторое время он слушал, глядя на отдаленные джунгли, где там и тут были видны раскачивающиеся верхушки деревьев — действовала невидимая дробилка.

— Возьмите бинокль, — сказал он Сэму. — Смотрите влево. Там есть просека, они наткнулись на паутину сирены.

Заинтересованный Сэм повиновался.

Бинокль, казалось, подбросил джунгли вверх и вперед. Дробилка разделила остров на четыре части, прорубив четыре широкие полосы, между которыми по-прежнему стояли клинообразные участки джунглей, брызгая ядовитым соком, как брильянтовой росой. Ближайший участок джунглей был почти

уничтожен, и Сэм сквозь него видел отдельный клин, где дробилка методично продвигалась вперед, круша деревья.

Это была чудовищная машина, покрытая тяжелой броней, ровно и неумолимо двигавшаяся на гусеницах, такая неуместная в диких джунглях. Гигантские ящеры венерианской поверхности двигались так же быстро и хищно, пробираясь меж деревьев, не менее могущественных, чем это чудовище, явившееся уничтожить их.

Лианы цеплялись за машину, петлями и узлами свисали с ее боков. Некоторые все еще слабо извивались, пытаясь всадить в металл свои похожие на клыки шипы.

Сэм слышал отдаленный гул и грохот дробилки, пробивавшей себе дорогу. Треск ломающихся деревьев стоял в воздухе. Слышались крики людей, в них чувствовалось возбуждение.

Затем глаза Сэма уловили разноцветный всплеск перед дробилкой, и на мгновение ему показалось, что все его чувства перестали действовать. Он не слышал звуков далекой сцены внизу, не чувствовал бинокля, прижатого к лицу, не ощущал тяжелого неприятного запаха атмосферы, к которой никак не мог привыкнуть. Осталось только ощущение цветного пятна, сверкавшего прямо перед лицом, потом оно поблекло и вспыхнуло другим цветом, более изысканным, чем первый.

Сэм стоял неподвижно, наблюдая, как эти два цвета сливались вместе и составляли новый цвет — третий, тот закрывал окружающее пространство бледными полосами, и полосы эти медленно, гипнотически передвигались. При виде этого Сэм ощутил почти физическую боль. Он резко опустил бинокль и вопросительно взглянул на Хейла. Вольный товарищ растерянно улыбался, на его лице был написан экстатический восторг.

— Вы сильный человек, — сказал он, с трудом приходя в себя.

— Впервые вижу, чтобы кто-то так быстро вырвался из заволаживающего плена сирены. Вы — плохой объект для гипноза.

— Да, — мрачно сказал Сэм. — Уже пробовал. Но что это за штука там, внизу?

— Отдаленный родич “плаща счастья”. Как вам известно, “плащ счастья” — это подводное существо, которое может вступать в невроконтакт с жертвой и поедать ее живьем. При этом жертва не стремится избежать своей участи, она разделяет удовольствие с плащом. Сирена действует также, это наземный вариант. Смотрите!

Сэм стал смотреть снова. На этот раз он тщательно подкрутил окуляры и увидел сирену совсем близко. Он снова испытал оцепенение и сначала не мог разобрать ничего, кроме цвета.

Но вот он напряг волю, высвобождаясь из-под власти ги-

пноза, и взглянул на сирену как бы со стороны. Он увидел гигантскую паутину, какую только можно было представить себе в условиях джунглей. Паутина протянулась между двумя деревьями на небольшой поляне, прикрепившись прочными нитями к ветвям. В центре ее находилось туловище, чуть вибрировавшее, посылавшее волны цвета, вызывавшие нервную дрожь.

Слабый звенящий звук донесся до ушей Сэма. Звуки запаздывали по сравнению с движением сети. Каждая вибрация паутины спустя несколько секунд сопровождалась звоном. Звуки эти не были музыкальными, но в них заключался какой-то особый ритм, они затрагивали нервы, заставляя их дрожать.

Сирена напрягла всю свою гипнотическую силу, чтобы действовать на дробилку. Она все более возбужденно вспыхивала перед тупой мордой машины, пытаясь проникнуть в проволочные нервы и парализовать металлического гиганта.

На мгновение показалось возможным, что даже создание из стали и империума не сможет противостоять этому гиганту. Если это случится, тогда люди, бегущие за ней, погибнут. Сэм улавливал лишь отдельные звуки, но и его мозг работал с перерывами, когда вспышка света почти парализовала его сознание. Он знал, что если бы оказался вместе с этими людьми за дробилкой, то слепо бежал бы навстречу зловещим объятиям сирены.

Так случилось и раньше, смутно припомнил он. Давным-давно в Греции об этом рассказывал Гомер...

Все происшедшее заняло несколько секунд. В последний раз сирена вспыхнула, со стоном раскинув сеть. Нос дробилки придвинулся вплотную к центру сети.

Мембрана мгновенно напряглась, прыгнула вперед, смыкаясь вокруг носа машины. Нити паутины натянулись и задрожали в последней вибрации торжества. Вероятно, это был электрический импульс, долженствующий парализовать добычу. Даже дробилка, казалось, заколебалась, когда сверкающие нити опутали ее корпус. Казалось, что даже панели машины задрожали в нервном экстазе от соприкосновения с сиреной...

Нити паутины, натягиваясь, делались все тоньше и тоньше. По мере увеличения натяжения цвет их менялся, становясь все бледнее. Казалось, ухо уже не в состоянии воспринимать эти высокие, душераздирающие звуки, но нервы отзывались на них мучительной дрожью.

Нити лопнули. Паутина конвульсивно сжалась в последней попытке уничтожить металлического врага, цвета вспыхнули в невысказанном беспорядке. Затем паутина ослабла и вяло поникла, скользя по бронированной морде. Движущиеся гусеницы подхватили ее, безжалостно разрывая на части, прижимая к

земле. Могущественная чаровница-сирена превратилась в мерзкий губчатый серый комок, дергающийся в смертельных конвульсиях.

Сэм перевел дух и опустил бинокль.

— Так как же насчет вашего свидания с Харкерами? — спросил он, еще раз доказывая, что он не подвластен гипнозу.

— Я не могу, — еле слышно отозвался Хейл.

Сэм нахмурился.

— Но это крайне важно, кроме вас некому. Я бы хотел, чтобы именно вы занялись этим, Хейл.

— Есть только одно место, где я действительно необходим, — это здесь, Рид. Никто лучше меня не знает поверхность. Я не дипломат. Контакты — это по вашей части, так что извините.

В его словах было нечто большее, чем отказ. Сэм был уверен, что Хейл решительно обособляется от него, не желая принимать участие в обмане. Он хотел получить лишь результат обмана — выгоду, власть над людьми. Остальное предоставлял Сэму. И Сэм ничего не мог с этим поделать.

До этого он считал себя движущей силой колонизации. Он натягивал ниточки и приводил в движение марионетку — Робина Хейла. Теперь марионетка вышла из повиновения.

Он пожал плечами.

— Хорошо. Я сделаю это. Но не обижайтесь, если будут неприятности.

— Не будут.

Сэм стиснул зубы. Спор еще не окончен. Он теперь знал, где его истинный соперник и что конфликт только начинается. Еще неизвестно, кто кукольник, а кто марионетка.

Свет был холодным и чистым, как хрусталь. Это была комната для работы, для размышления, для планирования. Она была создана бессмертными и для бессмертных. Все детали ее были функциональные, но не навязчивые: они плавно переходили друг в друга и движущиеся картины на стенах были частью общего спокойного рисунка. Здесь ни на чем нельзя было задерживать глаз дольше, чем на одну-две секунды.

В этом холодно спокойном месте, залитом ярким светом из невидимых источников, за длинным столом сидели Захария и Кебра. Кебра своими тонкими пальцами с позолоченными ногтями перелистывала лежавшее перед ней досье.

— Вам лучше увидеться с Ридом, — сказал Захария.

Кебра слегка пожалала плечами.

— На поверхности? — спросила она. — О, только не это!

— Разве не вам лучше всего вступить с ним в переговоры?

— А нужно ли вообще иметь с ним дело?

Захария кивком указал на стол.

— У вас есть план, но Рид не дурак. Он сам не раз использовал такие трюки. У вас должно быть два варианта: один — истинный, а другой — для отвлечения внимания Рида.

— Вы не знаете, что я имею в виду.

— Представляю себе. Вы основываетесь на положении, что сейчас Рид нам необходим, но позже будет опасен.

Она кивнула.

Захария взял ее за руку и легонько провел по позолоченным ногтям.

— Когда наступит это время, мы не знаем. А пока Сэм будет все время укреплять свои позиции и со временем станет неуязвим. Однако сейчас мы не можем нанести удар, если мы хотим, чтобы поверхность Венеры была освоена.

— Хейл прав, и вы это знаете, — сказала Кедра своим музыкальным голосом. — Мы слишком долго медлили с этим.

— Ну, не совсем так... Впрочем, одна ошибка еще не означает поражения. Вопрос в том, кто пешка, а кто игрок. Рид думает, что игрок он. Пусть думает так, пока...

— Пока?

Захария посмотрел на хрустальное растение на стене и подождал ответом, пока растение не выпустило бутон и не расцвело.

— Пока он работает на безопасность поверхности. Точное время назвать невозможно. Нам нужна бомба. Заложить ее нужно сейчас, а когда нам потребуется, она взорвется.

— В этом и состоит мой план! — оживилась Кедра. — Бомба замедленного действия, единственная из всех, какие бессмертный может использовать против бессмертного...

— Что же это?

— То, что всегда будет рядом с ним в течение по крайней мере двадцати лет, постоянно угрожая взрывом. Сэм должен хотеть, чтобы оно было рядом, нуждаться в нем. Это должно быть нечто привычное, отвечающее его потребностям. И главное, сам он ничего не должен подозревать. Бомба должна выглядеть совершенно безобидной, должна пройти все проверки. Пусть он сам проследит за ее созданием...

— Созданием? — усмехнулся Захария.

— Рождением!..

— Конечно! Живая бомба замедленного действия — единственное оружие, которое бессмертный может, как вы уже сказали, применить в данных обстоятельствах.

— Так за чем же дело?

— Мне нужна ваша помощь, Захария. Мы должны начать до рождения. Мы должны вырастить бомбу, начиная с гена, пре-

дусмотреть каждый шаг и тщательно скрыть следы. Мне кажется, что я знаю, как это сделать. Но вначале... вначале дедукция, затем индукция. Вот резюме информации о Сэме Риде.

— Не из общественных...

— Я использовала и наши данные. Мы знаем о Сэме Риде больше, чем он подозревает. Психологически он нами вполне изучен.

— Он изменится через пять лет. Или через пятьдесят.

— Мы можем построить предсказывающие графики. Основные элементы не меняются. Я знаю, что он всегда будет испытывать слабость к голубому цвету. У нашей бомбы будут голубые глаза.

Захария засмеялся, но Кедр не смеялась. Она сделала раздраженный жест и взяла в руки фотографию. Захария посерьезнел.

— Интересно, какими методами вы руководствуетесь, Кедр? Знаете ли вы это сами? — спросил он.

Она спокойно ответила:

— Я выделила множество факторов о Сэме Риде и составила описание человека, которого Сэм захотел бы иметь рядом с собой, скажем, через восемнадцать лет. В своем предсказании я, естественно, исхожу из успеха колонизации. В этом мы с Сэмом должны работать вместе. Наша бомба должна быть специально подготовлена, чтобы ее таланты и способности оказались необходимы ему. Внешность и другие физические данные тоже очень важны. Сэм предпочитает определенные типы голосов и лиц и не любит другие. Я подготовила изображение человека, какой нам нужен.

Она перебирала фотографии.

— Затем я исследовала статистику в поисках необходимых женщины и мужчины. Я все проверила — наследственность, все абсолютно! Могу точно предсказать, каким будет их ребенок, особенно если он родится в определенных условиях, которые мы создадим, — нелегально, конечно.

Харкер взял фотографии юноши и девушки.

— Они знают друг друга?

— Еще нет. Но узнают. Мужчина болеет. Я организовала это. Он хотел уехать в колонию. Мы удержим его здесь и устроим встречу с девушкой. Но наше участие должно оставаться в строжайшей тайне.

Захария наклонился, рассматривая многочисленные таблицы.

— Чем он занимается? А... вижу. Ему нужно дать что-нибудь интересное. И надо быть уверенным, что он останется в Делавэре. Думаю, что мы сможем потянуть за нужные ниточки, я

уверен в этом. Мы можем организовать их встречу и брак. Но ребенок?

— Очень просто. Нам хорошо известен период ее плодородия.

— Я имею в виду, если будет не мальчик, а девочка?

— Она будет еще привлекательнее для Сэма Рида, — сказала Кедрa и умолкла. Неожиданно она отбросила фотографии девушек в сторону.

— Психодинамика — вот ответы на все вопросы, — резко сказала она. — Ребенок — мальчик это или девочка, с самого рождения подвергнется психодинамической обработке. Втайне, разумеется. Даже родители не будут знать. После каждого сеанса воспоминание о нем будет стираться, и ребенок будет находиться под постоянным гипнозом. К восемнадцати годам в его сознании укрепятся импульсы, которым он не сможет сопротивляться.

— Убийство?

Кедра пожала плечами.

— Разрушение личности. Пока невозможно сказать, что будет эффективнее. Конечно, под гипнозом невозможно заставить человека совершить действие, которое он не может совершить сознательно. Ребенка нужно подготовить так, чтобы у него не было угрызений совести. Должен быть некий спусковой крючок — мы ведем его гипнотически. Этот спусковой механизм должен действовать лишь тогда, когда нам понадобится.

Захария задумчиво кивнул.

— Хорошо. Немного сложно, конечно. А вы уверены, что мы не переоценим этот фактор!

— Я знаю Сэма Рида. Не забудьте о его прошлом. В годы, когда формируется личность, он считал себя короткоживущим. А жизнь в башнях выработала у него чрезвычайно сильный инстинкт самосохранения. Он, подобно дикому животному, всегда настороже. Вероятно, вы могли бы убить его сейчас, но он нам нужен. Вся наша цивилизация нуждается в нем. Позже, когда он станет слишком опасен, мы захотим уничтожить его. Вот тогда...

Захария, следя за медленно распускавшимся каменным цветком, сказал:

— Да, таков общий замысел. Каждый автократ знает, как опасно его положение. Мы лучше бы правили башнями, если б всегда помнили об этом. А Сэм, чтобы выжить, должен стать автократом.

— Даже сейчас было бы трудно бороться с ним, — сказала Кедрa. — А через девять-двенадцать лет... двадцать... пятьдесят... он станет и вовсе неуязвим. Каждый год и каждый час этого

времени он будет сражаться. Сражаться с Венерой, с нами, с собственными людьми, со всем окружением. Он не станет жить в колонии Плимут. Здесь, в башнях, ничего не меняется. Нам трудно приспособиться к постоянным изменениям, происходящим на поверхности. Наша собственная технология сделает его неуловимым — защитные средства, психологические барьеры, экраны... да, я думаю, нам без такой бомбы не обойтись.

— Путь сложный и в то же время простой. Сэм будет готовиться к чему-нибудь сложному. Ему и в голову не придет, что наше оружие — пистолет в руках мальчишки.

— Может потребоваться пятьдесят лет, — сказала Кебра. — В первый раз, может, и не удастся. И во второй раз тоже. План, возможно, придется изменить, но начинать нужно сейчас.

— А вы отправитесь на поверхность, чтобы повидаться с ним? Она покачала головой.

— Я не хочу на поверхность, Захария. Почему вы настаиваете?

— Он гадает, что мы предпримем. Что ж, дадим ему ответ. Не совсем верный. Сэм не дурак. Но если мы вынудим его подозревать на своих второстепенных делах, он усомнится и в главном.

— Отправляйтесь вы.

Захария улыбнулся.

— У меня тоже есть личные причины, дорогая. Я хочу, чтобы вы увиделись с Сэмом Ридом. Он больше не побежденная сторона. Он начал изменяться. Я хочу, чтобы вы общались с Сэмом Ридом как с бессмертным.

Она бросила на него быстрый взгляд из-под золотых ресниц.

— Хорошо, — сказала она. — Я поеду, но, возможно, вы об этом пожалеете.

Хейл рассматривал центр Шестого острова, расчищенное место, где вскоре поднимется здание местной администрации. Работа прогрессировала. В отдаленных джунглях, ближе к берегу, все еще слышался рокот дробилок, но здесь царила безмятежная активность, созидательная, а не разрушительная. На площади в четыре акра древесные стволы были убраны, земля вспахана. Напряженно трудились топографы.

Невдалеке работал старик. Узнав Логиста, Хейл направился к нему. Бен Кроувелл распрямылся, его морщинистое лицо было задумчиво.

— Привет, губернатор! — сказал он. — Тут как будто добрая почва, — и он растер комок своими загрубевшими пальцами.

— Вам не следует здесь находиться, — заметил Хейл. —

Впрочем, по-видимому, вам бесполезно приказывать.

Кроувелл улыбнулся.

— Не стоит. Я всегда знаю, насколько далеко могу зайти. — Он вновь принялся рассматривать растертый комок. — Сейчас он отравлен, но это пройдет. Когда начнут работать анаэробные бактерии...

— Вначале мы обработали почву бактериофагами, — сказал Хейл.

Отряд землекопов и топографов находился на расстоянии, и они могли говорить не боясь, что их подслушивают. Хейл добавил:

— В почве еще слишком много опасных насекомых.

— И все же она хороша. К западу, правда, несколько кислотата, понадобится известкование. На этом острове можно выращивать добрый урожай.

Человек с бачком на спине, снабженный рукавом и приспособлением, похожим на огромный шприц для подкожных инъекций, подошел к разровненной площадке и начал втыкать телескопическую иглу шприца в землю.

— Что это? — спросил Кроувелл.

— Корни растений достигают двадцати футов в длину и уходят на глубину десяти футов. Единственный способ уничтожить их — накачать ядом.

— Что-то подобное было и на Земле. Мы использовали керосин, чтобы убить... как его? Я забыл название.

— Растения на Земле никогда не росли так быстро, как на Венере. Сейчас это плохо, но когда мы посадим культуры полезные, это станет преимуществом. Можно получать урожай за двадцать дней. — Он покачал головой, довольно посмеиваясь.

— Если сумеем уничтожить дикие растения.

— Есть лишь один путь — выдергивать их. Хотя можно попробовать сажать дику яблоню. Дикая яблоня устоит даже против венерианской растительности. Послушайте, почему бы вместо того, чтобы пичкать почву ядами, не испытать дику яблоню.

— Проверю, — Хейл пожал плечами. — Спасибо. Нет ли еще идей? Или это против ваших правил?

Логист рассмеялся.

— Чепуха, я могу делать такие предположения. Они не изменят будущего — кто-нибудь все равно догадается использовать дику яблоню раньше или позже. Я не должен вмешиваться лишь в большие проблемы. Они могут в данный момент казаться незначительными, но я-то знаю. — Он посмотрел через груды сваленных стволов в сторону берега.

Далеко за заливом находился материк, где стоял похожий на

уtes старый форт Думпен. Сейчас на его изъеденных, одетых лишайником стенах была заметна активность. От материка к острову, туда и обратно спешили многочисленные корабли.

— Что происходит? — спросил Кроуелл. — Восстанавливаете флот?

— Идея Сэма, — ответил Хейл. — Думаю, он боится, что я начинаю перехватывать инициативу. Я начал работы на островах без предварительного обсуждения с ним. И он сделал то же самое.

— Да? И что же он делает? — задумчиво спросил Кроуелл.

— Начал расчищать старый форт. Мы еще не готовы браться за второй материк. Впрочем, я думаю, что все в порядке. Думпен построен прочно. Я помню... — он тоже посмотрел на берег, по лицу его пробежала легкая тень. — Там находится дежурный гарнизон. Джунгли всегда готовы поглотить нас, если представится случай. Растения... и животные. Но тогда башни снабжали нас оборудованием: ультрафиолетовые батареи, тепловые лучи, кислота. Вольные товарищи всегда вели войну на два фронта: с другими компаниями и с джунглями.

— Может, Сэм откусил слишком большой кусок и не может его проглотить? — спросил Логист.

— У него есть оборудование и люди. Очистив форт, он сможет двинуться дальше, вглубь материка. Пока он этого не хочет. Он говорит, что использует форт как вспомогательную базу и движется к архипелагу навстречу мне. Это сэкономит время — работа с обоих концов островной цепи. Неплохая идея!

— У него достаточно людей?

— Достаточно... но не очень много. У нас здесь пять тысяч, но нам надо держать резерв на всякий непредвиденный случай: джунгли есть джунгли. Мы ожидаем пополнение, но пока нам еще негде его разместить.

— Спор еще нет? — спросил Кроуелл.

Хейл пристально взглянул на него.

— Ожидаете неприятностей?

— Не думайте, что это мое предсказание, сынок. Пять тысяч людей, занимающихся тяжелой работой, и все ждут обещанного бессмертия. Их нельзя вечно держать в ожидании. Может начаться ад.

— Что вы знаете об этом деле с бессмертием? — спросил Хейл, оглядываясь.

Логист только улыбнулся.

Хейл смотрел на берег, где яркие вспышки пламени очищали стены старого форта. Он сказал:

— Сэм утверждает, что можно получить бессмертие, подвергаясь радиации на Венере. Мы же родились на Земле.

— О, на Земле было немало радиации как раз перед взрывом, — сказал Кроувелл.

— Будут неприятности. Это может случиться и здесь. Люди в тот раз оставили Землю и прилетели на Венеру. Если это случится снова...

— Похоже на рака-отшельника. Когда он перерастает свою раковину, то выползает из нее и находит другую. Многое может сделать раковину тесной. Например, быстрый рост населения — так и случилось на Земле. Эти люди... — Кроувелл нахмурился и махнул рукой в сторону рабочих. — Возможно, они и переросли башни, хотя и не знают этого. Человеку многое нужно.

— Вы останетесь в колонии? — спросил его Хейл.

— Да, на время. В глубине души я все же фермер. А что?

— Вы бессмертный. И я тоже. Короткоживущие... нельзя близко сойтись с ними, если вы бессмертный. Семьи башен... Сэм... Вы единственный близкий мне человек на Венере.

— Мы оба провели лучшую часть своей жизни под открытым небом, сынок, — сказал Кроувелл. — И ноги наши ходят по доброй коричневой почве. Не самую долгую, но лучшую часть жизни. У меня была Земля, у вас — Венера, но это одно и то же. Я знаю, что вы имеете в виду. Я хорошо чувствую себя рядом с вами, хотя вы иногда и поступаете по-дурачки.

Они снова посмотрели на рабочих. Потом, следуя своей мысли, Хейл сказал:

— Нам придется милитаризоваться. Это предложил Сэм, но я и сам подумывал об этом.

— Они не выглядят слишком опасными, — ответил Кроувелл, рассматривая ближайших людей.

— Дело не только в них. Нам вообще нужна военная организация, военная дисциплина. Как в строгих компаниях, хотя и на иной лад. Нужна военная форма и все прочее.

— Вы так думаете?

— А как же иначе? Если отобрать у человека свободу, нужно дать ему что-то взамен, пусть это даже будет похоже на подкуп. Если он не может носить непрактичный целофлекс — здесь это невозможно — так дайте ему хотя бы красивый мундир, знаки отличия, организуйте его отдых — спортивные сооружения и прочее. Этого, разумеется, недостаточно, но все вместе, вкупе с обещаниями бессмертия, это отдалит взрыв. С Вольным Товариществом было по-другому: мы знали, зачем объединялись, и не ждали вознаграждения, потому что эти цели и такой образ жизни были нам по душе. А нынешние добровольцы — совсем другое дело. Милитаризация может дать сильный психологический эффект. — Хейл внимательно посмотрел на Логиста. —

Я думаю, именно поэтому Сэм предложил эту идею. Хотя... хотелось бы знать его истинные мотивы, его планы на будущее.

— Еще узнаете... — засмеялся Кроувелл.

Хейл поддел ногой хрупкое, длиной в фут тело жука и проследил, как оно полетело к груде других дохлых жуков, подготовленной к уничтожению. Одним из первых результатов опыскивания острова был шуршащий дождь жуков, подобно радужному граду, падавших с неба, с листья. Некоторые из крупных жуков были способны оглушить человека.

— Вы должны мне сказать, — настаивал Хейл. — От этого зависит слишком многое.

— Ошибаетесь, сынок. — Голос Кроувелла внезапно стал резким. — Помнится, я уже говорил, что предвидение будущего не означает способности его изменять. Позвольте прочесть вам небольшую лекцию о предвидении.

Кроувелл подтянул пояс и воткнул мотыгу в дерн, рассекая плодородную темную почву. Он оставил свой шуточный тон.

— Правда заключается в том, что поверхностное течение событий ничего не значит. Вспомни большие приливы, но их можно заметить лишь после отлива и они слишком велики, чтобы их можно было изменить. Стена в море не остановит прилива: то, что его производит, будет продолжать действовать.

В XX веке на Земле многие понимали, что происходит. Они говорили об этом, говорили громко и часто. Это были люди, заслуживающие уважение общества. Им верили. Но этого оказалось недостаточно. Люди продолжали действовать в прежнем направлении. Так мы потеряли Землю.

Если вы предвидите будущее, вы должны остаться свидетелем, и не больше. Помните Кассандру? Она знала будущее, но заплатила за это дорогой ценой, никто не поверил. Предвидение автоматически снимает возможность нашего участия. Вы видите определенное уравнение... Добавьте еще один фактор — ваше участие, и уравнение изменится. А этот фактор не поддается учету.

Знаете, почему оракулы говорили загадками? Многие мудрецы прошлого умели предсказывать, но часто их предсказания не сбывались.

Допустим, перед вами две возможности. Вы можете завтра отправиться в башню Невада и заключить там сделку, которая принесет вам миллион кредитов. Вы приходите ко мне и спрашиваете, как поступить: ехать или оставаться. Я знаю об этих двух возможностях, но руки мои связаны, потому что оба результата зависят исключительно от ваших личных мотивов и реакций. В ситуации "А" вы отправляетесь в башню Невада, не посоветовавшись со мной, отправляетесь в определенном на-

строении, с определенными реакциями, зафиксированными в вашем мозгу. Действуя в соответствии с ними, вы получаете миллион кредитов. Но вы советовались со мной. Я сказал вам, допустим, поезжайте в Неваду.

И вы поехали, но уже с иным психологическим настроем, ожидая, что вас ждет что-то приятное, и ведете себя пассивно в ожидании мешка с золотом, в то время как возможность получить миллион кредитов зависит от вашей активности. Понятно?

Возьмем другую возможность. Вам не хочется ехать. Вы обдумываете мой совет, и он кажется вам ложным. Вы остаетесь, и вас убивают.

Поэтому моя задача — сохранить вас неизменным, не пришеивая дополнительный фактор — мое предсказание. Я должен учитывать вашу психологию. А это сложно: у меня, ведь, очень ограниченная информация. Предсказания, главным образом, основываются на законах логики. Это не колдовство. Зная вас, я так должен оформить свое предсказание, чтобы оно повлияло на ваше решение без изменения первоначального эмоционального состояния. Ибо это состояние является одним из тех факторов, на которых основывается предсказание.

Поэтому я не могу сказать: "Отправляйтесь в башню Невада!" Это будет означать, что вы отправитесь пассивно. Я должен облечь мой совет в загадочную форму. Зная то, что я знаю о вас, я мог бы сказать: "У дерева Кефт голубые листья". Это напомнит вам некоторые события, причем воспоминание будет совершенно естественным, а это, в свою очередь, вызовет у вас желание на некоторое время уехать из дома. Так я окольным путем — в этом я достаточно искусен — ввожу новый элемент в ваше эмоциональное состояние. Вы отправляетесь в башню Невада, но в то же время вы готовы действовать в соответствии с первоначальным состоянием. Вы получите свой миллион кредитов.

Теперь вы знаете, почему оракулы говорят загадками. Будущее зависит от многого, не поддающемуся учету, поэтому оно может легко быть изменено словом. В МОМЕНТ УЧАСТИЯ ПРЕДСКАЗАТЕЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ СТАНОВИТСЯ ОШИБОЧНЫМ.

Логист затоптал вывернутый дерн. Затем посмотрел вверх и скупо улыбнулся.

— К тому же, — сказал он, — с точки зрения больших промежутков времени вполне может быть, что для вас лучше было бы остаться дома и быть убитым.

Хейл посмотрел на пламя, освещавшее стены форта Думпен. Некоторое время он молчал.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он

наконец. — Только... обидно находиться так близко к ответам и не получить их.

— Я мог бы выдать ответы и записать их в маленькую книжечку, — сказал Логист. — Вы смогли бы отыскать страницу и прочесть ответ. Но что это даст? Я предсказываю только в определенных пределах. Я не могу дать ответы на все вопросы — только на те, по которым имею полную информацию. Если существует какой-то неизвестный фактор — фактор икс, я не могу дать точное предсказание. А такой фактор икс есть. Я не знаю, каков он. И никогда не узнаю.

Будущее — это разум Человека. Не атомная энергия, уничтожившая Землю, а разум.

Изгиб за большим белым изгибом — жемчужные стены форта Думпен возвышались над джунглями. Сэму, довольно глядевшему на них с расчищенной площадки в центре двора, они казались невероятно мощными.

Гладкие стены поднимались на высоту в три этажа. В форте кипела жизнь. В глубине двора стояли бараки и склады. В высоких просторных зданиях размещался госпиталь, лаборатории и квартиры офицеров.

Вдруг Сэм заметил, что на пристани началась суматоха. Мужчины и женщины прекращали работу и откровенно глазеи, проявляя унаследованный от прошлых поколений интерес к бессмертным.

Кедра безмятежно спускалась во двор, окликая кого-то по имени. Ее способности были феноменальными. В наряде, принятом в башнях, она выглядела бы здесь нелепо, но она была слишком умна, чтобы не понимать этого.

Она спокойно сказала:

— Привет, Сэм.

Он сжал перед собой руки и слегка наклонил голову в полупоклоне, который здесь давно уже был заменен рукопожатием. Впервые он приветствовал ее как равный.

Она засмеялась и положила свою узкую руку на его ладонь.

— Я представляю всех наших внизу, — сказала она. — Мы надеемся, что отныне мы будем мирно работать вместе. Я... боже, Сэм, как вы можете дышать этим воздухом?

Наступила очередь Сэма рассмеяться. Он свистнул, и юноша, следовавший за ними с блокнотом и авторучкой на почтительном расстоянии, подошел ближе.

— Принесите ароматический шарик, — сказал Сэм.

Юноша вернулся бегом, и Сэм вложил в руки Кедры шар с отверстиями. Он был наполнен свежими лепестками цветов, и

теплота ее ладоней высвободила густой аромат, который сделал воздух более пригодным для дыхания.

— Привыкнете, — заверил ее Сэм, приветливо улыбаясь. — Мы все привыкли. Я не ожидал такой чести. Думал сам навесить вас.

— Вы были заняты. — Она произнесла это неподражаемым тоном и слегка нажала на руку, о которую оперлась. — Покажите мне все. Я так любопытна.

— Подождите немного! Лет этак двадцать. Джунгли еще слишком густы и выделяют еще слишком много двуокиси углерода. Но подождите. Будет лучше.

Она медленно шла рядом с ним, края ее плаща волочились по белой мостовой.

— Я верю вам, Сэм, — говорила она. — Я уверена, что вы согласитесь работать вместе с нами.

— Не так говорили вы сорок лет назад. Я еще не поблагодарил вас за сонный порошок, Кедр. Или за то, что вы присматривали за мной, пока я... спал. — Он не смотрел на нее, но по внезапной дрожи пальцев, по тому, как она подняла голову, он понял, что его догадка неверна.

— Не я, Сэм. Я пыталась помочь вам, но вы исчезли. Вы хотите сказать, что не знаете, где находились все это время? Я прикажу своим людям поработать. Может быть, мы вместе доберемся до истины.

— Как хотите. Сомневаюсь, что они могут узнать что-либо, помимо того, что узнали мои люди.

— Но Сэм, это... это страшно! Ведь кто-то же заботился о вас. Вы не могли просто исчезнуть на сорок лет. Кто это, Сэм?

— Забудьте об этом. Смотрите, вот джунгли. Настоящие, а не на экране.

Они поднимались по белым ступеням наружной лестницы, ведущей на укрепления. Сэм остановился и, облокотившись о парапет, посмотрел на полосу чистой белой земли, окружавшей форт, и на сплошную зеленую стену за ней.

Кедр бросила взгляд и отвернулась.

— Я вообще не думаю о джунглях. Вы проделали огромную работу, Сэм. Я знаю, Робин Хейл участвовал в работе, но... А мы накопили большой опыт руководства людьми...

Сэм рассмеялся.

— Вы думаете, я поверю кому-нибудь из вас?

— Конечно нет. Мы тоже не доверяем вам. Но, работая вместе, мы не спустим друг с друга глаз. Нам нужна поддержка, а вам необходим толчок. Так как же, Сэм?

Он молча смотрел на нее. Ему вспомнился момент, когда

сонный порошок отрезал его от мира. Слишком горек был полученный урок.

Он сказал:

— Не выйдет. Наши мотивы слишком различны.

— Мы работаем ради одной цели.

— Нет. Я всегда действовал в одиночку. Я не верю вам, Кедр.

— Я и не надеялась. Идите своим путем, но помните: мы хотим одного и того же. И если через несколько лет вы убедитесь, что наши цели совпадают, то помните, Сэм, что это вы, а не мы отказались от сотрудничества.

— Итак, прошло пять лет, — сказал Бен Кроувелл. — Все, как я рассчитывал.

— Вы хотите сказать — мы?

Кроувелл пожал плечами и неопределенно махнул рукой. Возможно, он указал на тьму за стеной, по которой они шли, — расчищенные, усеянные прямоугольными зданиями земли, по которым человек мог безопасно идти три дня.

Нельзя было рассмотреть ничего. Прожектора освещали заградительные проволочные сети от насекомых и часть территории за стеной, но дальше все тонуло во мгле. Форт тоже изменился. Он вырос и сейчас возвышался на берегу точно вооруженное чудовище, такое огромное, что, будучи живым, не смогло бы двигаться по земле Венеры.

Любопытно — земля Венеры. Парадокс. Человечество всегда будет носить в себе земное наследство. Старый мир, старые мысли...

Командир взвода Френч коснулся руки Кроувелла, и они повернули мимо замаскированных стволов ужасающих орудий. Френч указал на них.

— Видите?

— Что это?

— Не узнаете? Пошли.

Во дворе, залитом ярким светом, кипела жизнь. Кроувелл и Френч беспрепятственно пробирались сквозь толчею, их открытые действия ни у кого не вызывали подозрения. Они вошли во флигель. Френч шел впереди.

Форт представлял собой лабиринт. Комната, в которую они вошли, была кладовой, но в данный момент служила другим целям. Здесь собрались почти пятьдесят человек — представители всех групп населения колоний. Кто-то негромко произнес пароль.

Френч сказал:

— Привет, Курт. Это Бен Кроувелл. Я за него ручаюсь. Садитесь сюда, Кроувелл, и слушайте.

Сам он вышел на середину комнаты, подняв руку для приветствия.

— Все в сборе? Закройте дверь. Охрана на месте?

Кто-то сказал:

— Побыстрее, Френч! Некоторым скоро на дежурство.

— Много времени нам не потребуется. Слушайте. Сегодня с нами десяток новеньких, верно? Поднимите руки.

Кроувелл тоже поднял руку.

— Хорошо, — сказал Френч. — Я буду говорить для новичков. Вы все уже сагитированы, иначе вас бы сейчас не было здесь. И после выхода из этой комнаты вы не поведете неосторожных разговоров: мы тщательно проверили вас!

Он поколебался, осматриваясь.

— Главное — верит ли еще здесь кто-то в блеф Рида о бес-
смертии? В этот обман вечной юности?

Послышался голос:

— Однако доказательств нет, командир.

Френч ответил:

— Я прибыл сюда пять лет назад. Мне было двадцать. Тогда только что расчистили Пятый остров. Все строили большие планы на будущее. Предполагалось, что облучение должно продолжаться 6 — 7 лет.

— Но ведь прошло только пять.

— Не нужно ждать сто лет, чтобы убедиться. Нас осматривали доктора башен. Все мы стареем. Есть возможность проверить, например, количество кальция в кровеносных сосудах. Пять лет я потею здесь, а мог бы приятно провести время в башнях.

— Мне нравится на поверхности, — сказал Бен Кроувелл, набивая трубку.

— Возможно, — сказал Френч, — но не в таких условиях. Мы знаем только работу. И ради чего? Ради Сэма Рида и Робина Хейла — строить, строить и строить! Кому понравится такая жизнь?

— Я с вами согласен, — раздался голос из толпы присутствующих. — Но у Рида есть и заслуги: он укрепил форт. Вы помните, каким он был пять лет назад?

— Рид слишком торопится, — горячо возразил ему Френч. — Дисциплина слишком уж строгая. И к чему эти секретные работы? Предполагается, что никто не знает о новых орудиях, об электробластерах, о газовых установках — они уже смонтированы. Против кого? Кто нам угрожает? Джунгли? Они отсюда за семьдесят пять миль. Тогда кто? Календар, скажите вы!

Встал Календар, низкорослый, приземистый человек в ак-
куратном синем мундире.

— Они нужны для обороны от живой силы противника, могут отразить танковую атаку. Но их мощность намного превышает ту, какая требуется для борьбы с ящерами. К тому же здесь устанавливаются дальнобойные орудия с новейшей сложной техникой — от радаров до видеореакторов. Радиус их действия — пятьсот миль. Против кого они могут быть использованы? Чьи орудия направлены на наш форт? А чего стоят планы производства военных самолетов? Для колонизации они не нужны!

— Верно! Чего боится Рид? — спросил Френч. — Нападения из башен? Но они не сражаются. Люди там живут в свое удовольствие, а мы здесь работаем до полусмерти!

Послышался гул возмущения. Эти люди не любили жителей башен. Этот гул говорил о чем-то новом на Венере. Такого результата Сэм Рид не ожидал. Сэм привык иметь дело с людьми из башен, а это были люди нового типа.

Бен Кроувелл пускал дым и внимательно слушал.

Разгорался яростный и гневный спор. Они горячились. Это был естественный выход для эмоций в горячем споре, а не в действии. Когда они перестанут говорить, вулкан, вероятно, взорвется.

Бен Кроувелл уселся поудобнее, опираясь спиной на упаковочный ящик.

— ... что бы ни планировал Рид...

— ... пусть и люди башен поработают...

— ... сколько еще времени мы дадим Риду?..

— ... долго ли еще будем ждать?..

Френч постучал, требуя тишины.

— Есть несколько путей, но все нужно как следует рассчитать. Допустим, что мы убьем Рида...

— Это нелегко. Он очень осторожен.

— Он ничего не сможет сделать, если большинство колонии будет против него. Мы расширим нашу организацию. Избавившись от Рида и Хейла, мы захватим власть и сможем оставаться здесь. Нам будет принадлежать этот неприступный форт.

— Хейл не дурак. И Рид тоже. Если они что-нибудь узнают про нас...

Френч сказал:

— Каждый уходящий с наших встреч проходит проверку на детекторе лжи. Ни один изменник не останется в живых.

— Я не зря прожил тысячу лет, — сказал Логист Хейлу. — А уж детектор лжи я обдурить смогу.

Хейл отвернулся от решетчатого окна, смотревшего вниз, на

стены, которые когда-то казались всем такими высокими. Он холодно сказал:

— Я знаю, что вы были на встрече. У меня есть свои шпионы.

— Ваш шпион узнал меня?

— Он никого не узнал — он побывал в комнате позже. Он учуял табачный дым и определил ваш сорт табака. Во всяком случае, я кое-что знаю о происходящем.

— Что, например?

— Я знаю, что дисциплина начала падать. Честь отдают небрежно, не полируют пряжки. Я научился дисциплине в вольных компаниях. Я видел, как началось падение дисциплины в компании Мендеса, прежде чем его люди убили его. Тревожные признаки я заметил уже несколько месяцев назад.

Тогда я и завел своих шпионов. Я знал, чего можно ожидать, и оказался прав. Началось...

— Что?

— Мятеж. Я знаю некоторых зачинщиков...

— А Сэм Рид?

— Я обсуждал с ним этот вопрос. Но мне кажется, Сэм недооценивает опасность. Он так охраняет себя, что считает безопасность всей колонии своим личным делом. Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что происходит. Я знаю: вы можете это. Я могу получить информацию и другим путем, но мне хотелось бы обсудить ее с вами.

— Я знаю, что вы можете получить информацию, — сказал Кроувелл. — Буду рад поговорить с вами. Я знал, что вы подозреваете меня, но сам не хотел навязываться, чтобы не влиять на ход событий. Я предпочитаю пассивность. Вероятно, я кажусь недовольным. Бог знает почему... Нет, я знаю.

— У Сэма есть свои причины, — проговорил Хейл, глядя вниз. — Не знаю, каковы они, но могу догадываться. Его время кончается. Люди начинают утрачивать веру в бессмертие и начинают задавать вопросы. Сэм знает, что равновесие нарушено, но думаю, не понимает, что его нарушило. Люди. И не жители башен.

— Верно, — Кроувелл улыбнулся. — Люди башен хотят, чтобы за них думали их лидеры. Но люди поверхности в таких условиях просто не выживут. Возвращается время пионеров, сынок, и мне это нравится.

— Да, грядут волнения. И серьезные, если мы вовремя не примем мер.

— Сейчас? — Кроувелл проницательно посмотрел на Вольного товарища.

— Еще нет, — сказал Хейл. Улыбка Логиста была слабой, но

удовлетворенной. — Мне хочется посмотреть, далеко ли они зайдут. Кроме того, я и сам не знаю, почему, но у меня такое чувство, будто в заговорах и мятежах есть нечто такое, что не должно быть уничтожено. Пионерский дух. Я понимаю вас. Мятеж не выход, но он добрый знак.

— Вы позволите им победить?

— Нет. Я не могу этого сделать. Пока они еще нуждаются в Сэме и во мне, что бы они ни думали. Если мятежники возьмут верх, они вернутся в башни и погрязнут в прежней апатии. Это критический период. И у Сэма есть определенный план, которого я еще не вижу, но готов поручиться, Сэм будет на коне. Он сумеет позаботиться о себе. Его реакция на мятеж, если он воспримет его серьезно, будет заключаться в стремлении растоптать его. Но это означало бы растоптать дух независимости. Мне нужно подумать, Кроувелл. Бесплезно просить вас о совете, не так ли?

Кроувелл внимательно изучал свою погасшую трубку. Потом покопался в ней заскорузлыми пальцами.

— Что ж, — сказал он с расстановкой. — Не думаю, чтобы вы нуждались в моем совете, мой мальчик. Вы на правильном пути. На вашем месте я бы доверился естественному ходу событий. Как вы говорите, Сэм Рид сумеет позаботиться о себе?

— Я предоставлю ему эту возможность, — сказал Хейл. — Значит, вы присмотрите за этими встречами? Я знаю, они обсуждают много планов, но нет ничего конкретного. Пока.

— Пока они выпускают пар. Действовать начнут еще не скоро.

— Следите за ними. Я пока ничего не буду делать. Подожду. Пусть Сэм начнет первым.

И Сэм начал первым.

Как обычно, он тщательно рассчитал время и учел каждую мелочь. Его действия были великолепны. Гамбит был подготовлен исключительно эффектный. Кто же противник? Харкеры? Венера? Часть самого Сэма?

Он был готов.

Пробил час. Тайная подготовка была завершена. Он сидел в своем кабинете в большой башне, которую он облюбовал для себя. В этой башне находились его главные тайны. Окна выходили на море. В них виднелся архипелаг, теперь покрытый небольшими поселками под защитными куполами.

Избегая взгляда Хейла, он рассматривал небольшой плоский ящик на столе, похожий на раму картины. В нем находилась сирена, медленно вспыхивающая от розового к темно-красному. Сэм достал из серебряной коробочки живое насекомое и через

небольшую дверцу отдал его сирене. В воздухе разнесся слабый аромат и донеслось резкое электрическое гудение.

— Уберите, — сказал Хейл. — Я слишком часто вдыхал этот запах! Как же насчет Кроувелла?

Сэм отодвинул клетку с сиреной в сторону.

— Я не знал, что он работает на вас. Поэтому я и арестовал его вместе с остальными, как мятежника.

— Почему вы ничего не сказали мне? Почему ждали, пока я уеду из форта?

— Вас не было целых полчаса, — сказал Сэм. — Мне пришлось действовать быстро. Я знаю о заговоре больше, чем вы, судя по вашим словам. Возможно, Кроувелл ваш человек, но он плохой шпион.

— Я требую, чтобы вы его освободили.

Сэм пожал плечами:

— Как вам будет угодно, губернатор. Но он теперь вам бесполезен.

— Не думаю.

— Мы могли бы переговорить об этом по визору. Совсем не обязательно было вам возвращаться.

— Я хочу исключить возможность ошибки, — сказал Хейл. — Мало ли что могло случиться: неточный приказ, неправильно понятый охранниками...

— Я никогда еще не видел, чтобы вы так пеклись о ком бы то ни было. Почему вам так дорог Кроувелл?

Хейл заколебался.

— Я... Я верю ему, — сказал он наконец.

— И поверили бы, увидев его с пистолетом за вашей спиной?

Хейл кивнул утвердительно.

— Может быть, когда-нибудь и я найду такого человека, — сухо заметил Сэм. — Что ж, придется, видно, освободить его — до суда.

— Вы проведете суд сегодня?

— Да. Я раскрыл заговор. Наши враги опаснее, чем мы думали. Возможно, их поддерживают башни. Но у меня еще не было времени рассказать вам об этом. Я организовал трансляцию суда для башен, они включатся с минуты на минуту. Идемте. Вы поймете, в чем дело.

Но он задержался, чтобы скормить сирене еще одно насекомое. Хейл с явным нетерпением сказал:

— Где вы раздобыли ее?

— О, это трофей.

— Еще молодая. Хотите держать ее? Она вырастет...

— Я знаю.

— ... и станет опасной, эта сирена.

Сэм сказал:

— Представьте ее в двадцать футов диаметром. На этой стене.

— И вы идете к ней в пасть...

— Я не подвержен гипнозу, как вы помните, и, во всяком случае, я приму меры предосторожности, когда она вырастет. Поляризованное стекло или стробоскопическое устройство, специальный фильтрующий тонометр для ее песни, приспособление для того, чтобы удерживать ее запах на безопасном уровне. Идемте же. Суд начинается.

Они вышли вместе.

Хейл спросил:

— Сколько мятежников вы задержали?

— Около семидесяти. Некоторые из них пригодятся в других местах. Других опасно оставлять в живых... — Сэм неожиданно остановился: он и так сказал уже слишком много.

Вначале они освободили Кроувелла, потом отправились в помещение, где должен был проходить суд. Там были установлены ряды видеозэкранов, была поставлена усиленная охрана. Более семидесяти арестованных загнали, сняв наручники, в отгороженную часть помещения.

Послышался резкий голос Сэма. Он обращался ко всем сразу — к мятежникам, ко всей колонии, к башням. Говорил о деятельности недовольных, о своих подозрениях. В колонии, растущей, успешно отвоевывающей все новые земли, появилась подпольная организация. Он не мог допустить, чтобы она мешала людям Венеры жить под открытым небом. Он арестовал заговорщиков. Однако существует множество ответвлений организации, имеют место хищения — оборудования, материалов, оружия. Зачем это делается?

Экраны дали лица мятежников крупным планом.

— Вы начали мятеж, но за вами кто-то стоит. Кто-то, скрывающийся в абсолютной тайне. Либо вы его не знаете, либо не хотите говорить. А вас уже допрашивали. Кто ваш предводитель?

Молчание.

— У нас есть доказательства. Мы найдем и его, и оставшуюся на воле часть его отряда. Он представляет собой угрозу не только колонии, но и башням. И если такой человек захватит власть...

Невысказанная угроза повисла над Венерой.

— Мы найдем его, это дело времени. Мы просим содействия башен. А вы обвиняетесь в измене. Вы хотели свергнуть правительство колонии и захватить власть. После этого вы намереваетесь установить контроль над башнями.

Из толпы узников выступил человек. Голос его резко прозвучал с экрана.

— Я старший! Мы все старшие! Где обещанное бессмертие? Сэм презрительно сказал:

— Я не дурак. Зачем мне было давать вам бессмертие? Чтобы вы и дальше организовывали заговоры? Ни один из вас не подвергался радиационному облучению уже много месяцев. Минимальное облучение много месяцев назад было дано вам, чтобы у вас раньше времени не возникло подозрения, но бессмертие не для вас, не для предателей! — лицо Сэма затвердело. — Губернатор Хейл и я ждали, надеясь определить руководителей вашей организации. Известные события вынудили нас действовать. Мы по-прежнему намерены найти руководителя и обезвредить его, а пока нужно решить вопрос, что делать с предателями.

Я приговариваю вас к смерти.

Ответом было молчание, более напряженное на поверхности, чем в башнях. Люди колонии знали теперь, что такое время.

Сэм сделал указующий жест.

— Вас под охраной повезут в любую, выбранную вами башню. Никто из вас не вернется на поверхность. Колония для вас отныне закрыта. Бессмертие не для вас. У вас была возможность прожить тысячу лет, но вы сами лишили себя ее!

Вам не причинят вреда. Вас отвезут в башни и отпустят. Там вы умрете — не через тысячу лет, а через тридцать, сорок, может быть, пятьдесят. Я лишаю вас благ бессмертия и таким образом приговариваю к естественной смерти.

Возвращайтесь в башни. Вы нам больше не нужны. Суд окончен!

“Всем башням! Вы больше не должны платить дань кориюмом колонии Плимут. Вы должны платить ее правительству Венеры. Мы берем на себя контроль за планетой. У нас есть средства подкрепить наши требования... Колонии Плимут: приземлите все ваши самолеты, иначе они будут уничтожены в воздухе!”

Триангуляция не смогла установить источник сообщения. Он передвигался. Очевидно, передача шла из различных пунктов в море или в воздухе, хотя и радары не смогли найти в атмосфере Венеры ни одного неопознанного объекта.

Ответ Сэма был краток:

— Сдавайтесь!

— У нас есть средство подкрепить наши требования...

На всех экранах башен и колонии появилось лицо Сэма.

— Колония Плимут организовала прочную оборону. Впервые мятежники выступили открыто. Теперь мы можем найти их и уничтожить. Мы найдем их. Смотрите наши телевизионные

репортажи. Отправлены специальные корабли для охраны моря над всеми башнями. Неопознанный самолет, приблизившийся к колонии Плимут, был обстрелян и отступил на юг. Мы принимаем все возможные меры предосторожности. Я вынужден заняться своими обязанностями. Один из наших офицеров будет постоянно информировать вас.

Сэм был в своей башне один. Уже много месяцев он управлял аппаратурой в одиночестве. Кое-что можно было наладить, но главное зависело только от него самого. Задача будет легкой.

С моря пришло очередное послание:

— Приземляйте свои самолеты, колония Плимут! Вы не выдержите атомного нападения!

В сознании всех слушателей в башнях возник один и тот же образ: черный пластиковый шар, символизирующий погибшую Землю. Атомная война на Венере?! Ведь атомная энергия так легко выходит из-под контроля!

На экране виднелись джунгли. Самолеты Сэма обыскивали поверхность Венеры в поисках убийц, назвавших себя “правительством Венеры”.

— Это ультиматум. Вам дается сорок восемь часов. После этого одна из башен будет уничтожена.

Атомная бомба?!

Это был старый, ужасающий кошмар, постигший расу семьсот лет назад.

Сорок восемь часов?

Время снова вернулось в башни.

Два самолета, подлетевшие слишком близко, были сбиты. Взрыва не последовало. Но угроза, заключенная в атомной боеголовке, приближалась.

Сэм сказал:

— Мы отзываем своих людей, занятых расширением колонии. — Его усталое напряженное лицо исчезло с экрана, сменившись изображением обширного расчищенного пространства на морском берегу со знакомой стеной джунглей на заднем плане. Виднелось несколько строений, незаконченных строителями.

— Мятежники еще не найдены, наши самолеты продолжают поиск...

На экране появились синие джунгли, видимые сверху.

— Сорок семь часов. У вас сорок семь часов. Колония Плимут, посадите свои самолеты.

Время...

— У вас сорок шесть часов...

Страх охватил башни. Толпы заполняли все Пути, собира-

лись на перекрестках, где стояли большие общественные экраны. Захария Харкер сказал Кедра:

— Политика похожа на организм. Пути — кровеносная система. Когда собираются слишком большие толпы, возникает опасность... как это?... невризмы...

Он взял ее за руку.

— Не волнуйся, моя дорогая. Что-нибудь придумаем. У нас еще сорок пять часов.

И Господь сказал...

“Идите в землю, которую дал я Аврааму...

в землю, текущую молоком и медом... И сыны

Израиля прошли по дну моря, как по сухой земле, и вода стеной стояла справа и слева от них.

(Исход.)

Семьсот лет назад происходил последний исход человеческой расы. Сегодня он начался вновь. Перемещение огромных масс было слишком сложным, чтобы мог руководить один человек, и впоследствии люди, оглядываясь назад, могли вспомнить лишь страшное смятение, истерию, близкую к панике, слепой протест против судьбы и в то же время сосредоточенное движение, подчиненное общему замыслу. Люди башен научились послушанию. Теперь они делали то, что им приказывали, неохотно, испуганно, но подчиняясь приказам тех, кто приказывал достаточно властно.

Кедра в последний раз осмотрела свою прекрасную комнату. Взгляд ее был долгим и спокойным, как сама комната.

— Мы не вернемся, — сказала она. Захария Харкер, ожидавший ее у выхода, спросил:

— Почему?

— Вы знаете, что мы не вернемся. И это хорошо. Я ненавижу Сэма Рида. Он всегда заставлял меня глядеть в лицо неприятной правде.

— Интересно, сможем ли мы доказать, что он лжет?

Кедра покачала головой:

— Сейчас это уже не имеет значения. Мы знаем методы Сэма.

— Вы готовы, дорогая? Лифт ждет.

— Да, — она вздохнула, поворачиваясь к двери. — Я не верю, что отправляюсь на смерть. Я отстою свое существование.

Он засмеялся.

— Я испытываю то же самое. Человечество снова выходит из моря на сушу, но даже Сэм Рид не может заставить нас полюбить этот переход.

— Он пожалеет об этом. — Она заколола плащ у горла и пересекла комнату, ступая по мягко пружинящему полу, по которому никогда не пройдет больше, разве что из любопытства — лет через сто.

Захария поглядел ей в лицо и ничего не сказал.

— Я знал, что вы что-то задумали, когда позволили уйти этим мятежникам, — сказал Хейл. — Не в вашем характере отпускать кого-либо просто так, если вы можете его использовать.

Сэм взглянул на него из-под сдвинутых бровей.

— Вы хотели колонизировать поверхность, теперь она колонизирована, — сказал он.

— Подводные лодки без экипажей, самолеты с автопилотами, управляемые на расстоянии, — и все это заготовлено заранее, — сказал Хейл и покачал головой. — Ну что ж, вам это удалось.

— Через двенадцать лет, — спокойно ответил Сэм, — они хорошо акклиматизируются... Еще через двенадцать им здесь так понравится, что невозможно будет их выгнать.

Хейл с минуту смотрел на Сэма своим пристальным взглядом, который уже так много видел на Венере. Наконец он заговорил:

— Помните, что случилось с Моисеем, Сэм Рид? — спросил он негромко и, как классический протоголист, не дожидаясь ответа, повернулся и вышел.

Толстые стены дрожали от грохота бомбардировки. Перо в руках Сэма вздрогнуло. Ритмично качнулись стол и кресло, в котором он сидел.

Сэм нахмурился. Шел третий день бомбардировки, и он старался отключиться от всех внешних раздражителей.

Молодая женщина в строгом коричневом костюме наклонилась вперед, глядя, как он пишет. От этого движения черные короткие волосы прямыми прядями упали по обе стороны лица. Она взяла лист, как только перо остановилось, и пошла с ним по дрожащему полу к собственному столу. Она включила телевизор и произнесла в передатчик несколько слов ясным чистым голосом.

— Хорошо, — устало сказал Сэм, когда она кончила. — Хорошо, Сигма, пошлите теперь ко мне Захарию.

Она встала, двигаясь с совершенной грацией, и быстро пошла к двери. Дверь вела не в соседнюю комнату, а в небольшое контрольное помещение, освещенное лучами, которые должны

были обнаружить у входящего оружие. Сэм не хотел никаких неожиданностей. Впрочем, сейчас это не имело особого значения. По сигналу Сигмы появились два охранника с пленными и остановились, подвергаясь действию проверочных лучей. За ними вошли еще два охранника.

— Захария, — усталым голосом сказал Сэм, — я хочу, чтобы вы отозвали своих людей.

Захария не без симпатии взглянул на него, стараясь, как он часто это делал, найти сходство с Харкерами, чья кровь текла в них обоих.

— Почему я должен это сделать, Сэм? — спросил он.

— Вы сейчас не в таком положении, чтобы задавать вопросы. Я вас расстреляю, если до полудня атака не прекратится. Идите сюда, можете использовать мой передатчик.

— Нет, Сэм. Вам конец. На этот раз вы проиграли.

— Раньше я всегда выигрывал. Выиграю и на этот раз.

— Нет, — сказал Захария и остановился, чтобы подсчитать, сколько раз выигрывал Сэм — легко, презрительно, из-за своей неуязвимости.

— Мы не повстанцы, — спокойно сказал Захария. — Мы готовили это нападение с того самого дня, как вы вырвали у нас кориум угрозой применения бомб. Помните, Сэм? Вы не делали ошибок в стратегии, но вам следовало бы проверить, какое оборудование мы увозим с собой из башен. Сейчас мы его используем...

— Вы кое-что забыли, — голова Сэма болела от непрерывной вибрации. Это затрудняло разговор. — Вы забыли о себе. Под угрозой расстрела вы предпочитаете прекратить нападение, не так ли?

— Вам этого не понять.

Сэм нетерпеливо покачал головой.

— Вы бы напали на меня двадцать лет назад, если бы были так сильны. Вам не удастся меня одурачить, Харкер.

— Мы нуждались в вас тогда. Вы жили с нашего молчаливого согласия, Сэм. Теперь оно кончилось. Бомбардировка — это не только пушки. Это... взрыв человеческих эмоций, которые вы так долго угнетали.

Сэм гневно ударил кулаком по дрожащему столу.

— Заткнитесь! — сказал он. — Я болен от разрывов. Даю вам шестьдесят секунд на принятие решения, Харкер. После этого вы — конченный человек.

Говоря это, он, однако, ощущал в мозгу какую-то неуверенность, источник которой он не мог определить. Подсознательно он знал ответ: подозрительно легко удалось захватить Захарию.

Он нервно осмотрел комнату. Глаза его на мгновение, как и

тысячу раз до этого, остановились на голубоглазой девушке за столом в противоположном углу. Она внимательно следила за всем происходящим и старалась ничего не упустить. Сэм знал, что может доверять ей. Эта уверенность согревала сердце.

Когда она впервые появилась в форте, ей было восемнадцать лет. Родилась она в башне, но выросла на поверхности. Все, вновь поступившие, разумеется, тщательно проверялись. Всех их подвергали внушению со стороны лучших психологов. Но Сигма росла быстрее остальных. Через год она была помощником секретаря в административном управлении. Еще через шесть месяцев она стала секретарем с собственным кабинетом. И вот однажды Сэм, подбирая свой личный персонал, обнаружил среди прошедших самый строгий отбор, женское имя. При первой же встрече он выбрал именно ее.

Теперь ей было двадцать пять лет. Она не была наложницей Сэма, хотя кое-кто в форте поверил бы в это...

Он видел, что ее что-то беспокоит. Он знал ее лицо так хорошо, что мог замечать на нем малейший оттенок. Когда она смотрела на Захарию, на лбу ее пролегла складка, а лицо приобрело выражение тревоги.

Сэм взглянул на часы.

— Сорок секунд, — сказал он и оттолкнул кресло. Все, находившиеся в комнате, следили за ним.

Сэм потянулся к крышке ящичка, установленного в стене рядом с экраном, но его остановило гудение телевизора Сигмы.

— Это вас, Сэм, — сказала она. — Хейл.

Он закрыл экран и пошел через комнату.

— Вы один, Сэм?

— Нет, подождите, я переключусь на наушники.

Лицо на экране темпераментно дернулось. Затем по сигналу Сэма оно исчезло, а в ушах его зазвучал голос Хейла, больше никому не слышимый.

— Прорыв, — резко сказал Хейл.

— Большой?

— Очень. Вибрация. Я уже говорил вам, что пластик слишком жесток. Они уже захватили несколько наших орудий и уже поворачивают их. Через пять минут будет захвачен верхний двор. Сэм, я думаю, где-то предатель. Они не должны были знать, как действуют эти игольчатые орудия. Но они знают.

— У меня здесь Захария, — сказал он в передатчик. — Приходите. — Он снял наушники и сказал пленнику: — Ваша минута истекла.

Захария как будто заколебался. Потом сказал:

— Я буду говорить с вами, Сэм, но только наедине. Никого не должно быть в комнате.

Сэм открыл ящик стола, достал плоский пистолет и положил на дрожащий стол.

— Вы будете говорить сейчас, Захария Харкер, или я застрелю вас! — Он поднял пистолет и прицелился в лицо бессмертного.

Тишина. Затем издалека, приглушенный стенами, донесся пронзительный вопль игольчатой пушки. Удар, гром, долгий треск. За спиной Сэма образовалась щель.

Захария сказал:

— Лучше позвольте мне поговорить с вами наедине, Сэм.

Колебания Сэма были недолгими, он понял, что потрясен больше, чем подозревал, иначе он никогда не поддался бы на блеф. Но вот он медленно спустил пистолет и кивнул.

Сигма встала.

— Вы свободны, — сказала она охранникам.

Те повернулись и вышли. Сигма вопросительно взглянула на Сэма:

— Мне тоже уйти?

— Нет, — твердо ответил Сэм.

— Сэм, я лучше пойду, — голос ее звучал неуверенно. Но тут заговорил Захария.

— Оставайтесь, пожалуйста, — сказал он. Она бросила на него беспокойный взгляд.

Сэм следил за ними, опираясь руками о стол, и ощущал непрерывное дрожание от бомбардировки. Время от времени воздух раздирали вопли снарядов игольчатых орудий.

— Хорошо, — сказал он. — Говорите быстрее, Харкер, я тороплюсь!

Захария, руки которого были по-прежнему в наручниках, пересек комнату и посмотрел в окно на отдаленное море.

— Идите сюда, — сказал он. — Я вам покажу.

Сэм нетерпеливо прошел по дрожащему полу.

— Что покажете? — Он остановился рядом с бессмертным, но на безопасном от него расстоянии — осторожность стала его второй натурой, и посмотрел в окно

— Я ничего не вижу.

Захария просвистел начальные такты "Лили булеро". И тут... комната взорвалась громом.

Сэм почувствовал головокружение, задышавшись и широко раскрывая рот, не мог понять, что происходит. Игольчатый луч, подумал он. Но тогда вся комната должна была расколоться.

Он поднял голову. Захария по-прежнему стоял у окна, глядя на него со сдерживаемой жалостью. Комната не изменилась. Но что-то произошло с плечом Сэма.

В него пришелся удар. Тронув рукой пораженное место, он

недоуменно взглянул на ладонь. Она была красной. Что-то текло по его груди. Склонив голову, он увидел кровь. Пуля попала в район ключицы.

Ясный, чистый голос Сигмы повторял:

— Сэм... Сэм!

— Все в порядке... — Он успокаивал ее, не поднимая головы. Потом увидел ее. Она стояла и держала двумя трясущимися руками пистолет. Большими глазами, в которых был испуг, она смотрела на него, напряженно сжав рот. Взгляд ее перешел от Сэма к Захарии, потом обратно.

Выражение ее голубых глаз было близко к безумию.

— Я... я это сделала, Сэм, — сказала она хриплым шепотом. — Не знаю, почему, должна быть причина. Я не понимаю.

Харкер мягко прервал ее:

— Этого недостаточно, Сигма. Вы знаете, что нужно попытаться снова. Быстро, прежде чем он вам помешает.

— Я знаю... я знаю... — голос ее прерывался. Обычно она стреляла очень хорошо и быстро, но тут она поднимала пистолет двумя руками, как школьница. Сэм видел, как ее палец тронул курок.

Он не стал ждать. Опустив руку, он через ткань костюма нащупал в кармане игольчатый пистолет и выстрелил.

Он не промахнулся.

Еще какое-то мгновение ее широко раскрытые глаза удивленно смотрели на него. Сэм услышал звук упавшего пистолета. Он смотрел ей в глаза и вспомнил другую девушку с голубыми глазами, которая когда-то давно бросила ему в лицо сонный порошок.

— Розата, — сказал он, будто впервые вспомнив ее имя. Потом он повернулся к Захарии. Все тот же треугольник: Захария, Розата, Сэм Рид — шестьдесят лет назад — и сейчас. Разницы нет.

Но на этот раз...

Пальцы его вновь сомкнулись на игольчатом пистолете. Прозвучал выстрел. Захария не двинулся. Но когда луч коснулся его груди, он как будто взорвался. Послышался гул высвободившейся энергии, вспыхнуло пламя, подобное миниатюрной, новой звезде, и Захария, невредимый, улыбался в лицо Сэму.

То, что он сказал, не имело смысла. По-прежнему глядя на Сэма, он позвал:

— Хейл, теперь ваша очередь.

В его словах был вызов. У Сэма не было времени удивляться. Он сжал челюсти и, достав пистолет из сожженного кармана, направил его в лицо Захарии. Теперь у бессмертного не может быть защиты.

Но курок нажать он не успел. Откуда-то послышался усталый голос.

— Харкер, вы выиграли.

И в глаза Сэму ослепительно сверкнула молния.

Он знал, что это такое. Они с Хейлом носили с собой мощные вспышки, наводящие дисциплину лучше любого оружия. Они не могли ослепить насовсем, но долгое время после человек не мог видеть.

В неожиданной тьме, поглотившей комнату, Сэм услышал голос Захарии:

— Спасибо, Хейл. Я был уверен в вас, но все же... Смерть была совсем близко.

Вольный товарищ произнес:

— Простите, Сэм.

И это было последнее, что услышал Сэм в колонии Плимут.

И Моисей ушел на
равнины Моав...
И Господь сказал ему:
“Вот земля... ты
увидишь ее своими
глазами, но не войдешь
в нее...” И Моисей
умер в земле Моав, и
ни один человек не
знает, где его могила.
(Второзаконие)

Полутьма, рев ветра. Светлое пятно, постепенно превратившееся в лицо... голова и туловище старика, пронизательное морщинистое лицо. Сэм узнал его. За ним была голая металлическая стена, откуда-то пробивался тусклый свет.

Сэм попытался сесть и не смог.... попытался снова. Он не мог двинуться. Ужас охватил его. Старик улыбнулся...

— Полегче, сынок, так и должно быть. — Говоря, он набивал трубку табаком. Поднес огонь, закурил, выпустил дым. Его взгляд сосредоточился на Сэме.

— Я кое-что расскажу тебе, сынок, — сказал он. — Как раз время. Сейчас ты вполне здоров, пробыл здесь несколько недель, подлечился, отдохнул. Никто, кроме меня, не знает...

— Где я? — Сэм попытался повернуть голову, чтобы рассмотреть источник света, комнату. Не смог.

— Я уже давно подготовил это убежище, — продолжал Кроуелл, попыхивая трубкой. — Решил, что может понадобится

для чего-нибудь такого. Оно под моим картофельным полем. Я уже много лет выращиваю картошку. Да, я бессмертный. Не похоже, а? Я родился на Земле.

Он выпустил облако голубого дыма.

— На Земле было много хорошего. Но даже и тогда я видел то, что приближается. Я видел тебя, Сэм. О, не твое имя и лицо, но я знал, что ты будешь. Человек, подобный тебе, всегда появляется в нужное время. Я могу предсказывать будущее, Сэм. Есть у меня такая редкая способность. Но я не могу вмешиваться, иначе изменю будущее на что-либо непредсказуемое... да, о чем это я?

Сэм делал яростное усилие, пытаясь пошевелить пальцами. Цветные пятна висели у него перед глазами. Он едва слышал бормотание старика.

— Легче, легче, — спокойно сказал Кроувелл. — Постарайся дослушать. Я — Логист, Сэм. Помнишь храм Истины? Ты вначале не поверил оракулу, не правда ли? А я был прав. Я был этой машиной, а я не делаю ошибок.

Ты был в этом храме в течение сорока лет, Сэм. Но ничего не помнишь. Ты спал под воздействием сонного порошка.

Сонный порошок? Сознание вернулось к Сэму Риду. Он напряженно слушал. Неужели это ответ на вопрос, который он так долго искал? Кроувелл — его неизвестный хранитель? Но почему... почему?

— Захария хотел убить тебя. Я видел это. Я знал, что это ему не удастся, если я вмешаюсь. Поэтому я вмешался — и это спутало карты. После этого я уже не мог точно предсказывать будущее, пока линии событий не выровняются. Поэтому я разбудил тебя в переулке, без денег, ничего не знающего. Чтобы выровнять ход событий.

У тебя были свои затруднения, было трудно снова вырваться на поверхность, но когда это удалось, все снова пошло как надо. Я смог видеть будущее.

Сэма это не интересовало. Если бы только он мог избавиться от паралича. Он должен... должен! Раньше у него всегда находились источники силы, которыми не обладал ни один человек. И сейчас у него должно получиться.

Но не получилось.

— Ты не Сэм Рид, — говорил Логист. — Помнишь Блейза Харкера? У него был сын. Уже тогда Блейз начал сходить с ума, иначе он никогда не возненавидел бы своего ребенка настолько, чтобы так поступить с ним. И знаешь, что он сделал? Ты вырос похожим на короткоживущего, но твое настоящее имя не Рид.

Блейз Харкер, Блейз Харкер, с искаженным лицом, бьющийся в смиренной рубашке...

Блейз Харкер!

Харкер!

Сэм — Харкер!

— Я не мог сказать тебе раньше, — говорил Кроувелл. — Это изменило бы будущее, а я этого не хотел. До сих пор мы нуждались в тебе, Сэм. Время от времени должен появляться такой сильный парень, как ты, чтобы двинуть мир вперед. Другие годятся для этого меньше. Например, Робин Хейл не смог бы. Он сделал часть, но не все.

Тебя ничто не могло остановить, если бы ты только сам не захотел остановиться.

Если бы ты не родился, если бы Блейз не сделал того, что он сделал, все люди еще жили бы в башнях. И через несколько столетий или через тысячу лет человечество вымерло бы. Я ясно видел это. Но теперь мы вышли на поверхность. Мы закончили колонизацию Венеры. А после этого мы колонизируем Вселенную.

Только ты мог это сделать, Сэм. И мы тебе очень обязаны. Ты — великий человек. Но твои дни кончились. Ты действовал силой, ты сам — разрушительная сила. Ты мог повторять лишь то, что принесло тебе успех — еще борьба, еще больше ярости. Мы больше не можем использовать тебя, Сэм.

Ярость ослепительным пламенем горела в Сэме, она была так сильна, что путы его паралича едва не порвались. Казалось странным, что такой накал ярости не бросает его на Кроувелла. Выбраться наружу, уничтожить Хейла, уничтожить Харкеров...

Харкеры... Но он тоже Харкер.

Кроувелл сказал:

— Люди, подобные тебе, исключительно редки, Сэм. В нужное время и в нужных обстоятельствах они — спасение для человечества. Но это должно быть время уничтожения. В вас никогда не затухает ярость. Вы должны находиться наверху. Либо ты выберешься туда, либо умрешь.

Если у тебя не будет врагов, ты начнешь бороться с друзьями. До сих пор твоим врагом была Венера, и ты победил ее. С кем же ты будешь сражаться сейчас?

— С людьми.

— Теперь наступает долгое время мира. Бессмертные берут руководство на себя. Они правят хорошо. Ты оставил им хороший фундамент. Но тебе пора уйти.

Неожиданно Кроувелл захихикал.

— Ты думал, что обманываешь, когда говорил, что на поверхности люди приобретут бессмертие? Но это правда. Они получают бессмертие. Понимаешь?

Человечество умирало в башнях. Здесь, наверху, оно будет жить... не вечно, но все же долго... очень долго. Раса получит бессмертие, Сэм, и передаст его человечеству.

Он снова затанулся, выпустил дым и задумчиво посмотрел сквозь него.

— Я редко вмешиваюсь в ход вещей, — сказа он. — Только один раз я убил человека. Пришлось. Я достаточно ясно видел, что произойдет, если тот человек останется жить. Это было так плохо, что хуже и представить себе нельзя. Поэтому я убил его.

Я снова обязан вмешаться, потому что знаю, каким будет будущее с тобой. Снова я не смогу заглядывать вперед, но потом ход событий выровняется, и я смогу предвидеть.

На этот раз я не убиваю. Став старше, я многое узнал. К тому же ты бессмертный и сможешь без вреда для себя спать долгое время. Вот это тебе и придется делать, сынок, спать.

Надеюсь, ты умрешь во сне. Надеюсь, мне не придется тебя будить. Потому что если я сделаю это — это будет значить, что дела опять очень и очень плохи. Мы с тобой долгожители, мы проживем долго, а за это время может случиться многое.

Я кое-что вижу. Смутно, но далеко вижу впереди. Я вижу возможности. Джунгли могут вернуться. Могут появиться первые мутированные формы жизни — сознание Венеры коварно. И мы не останемся на Венере навсегда. Это только первая колония. Мы отправимся к звездам и другим планетам. Там тоже могут быть опасности, и скорее, чем ты думаешь. Может, кто-нибудь попытается колонизировать наш мир. Так было всегда и так будет.

Может быть, нам еще понадобится такой человек, как ты, Сэм. Тогда я разбужу тебя.

Мудрое коричневое лицо смотрело на Сэма сквозь белое облако дыма.

— Отныне, — сказал Кроувелл, — ты будешь спать. Ты сделал свою работу. Спи спокойно, сынок. Спокойной ночи.

Сэм лежал неподвижно. Свет потускнел. Он не был уверен, так ли это. Может, просто у него потемнело в глазах.

Ему о многом нужно подумать, а времени мало. Он — бессмертный. Он должен жить.

Сэм Харкер, бессмертный. Харкер. Харкер.

В голове у него прозвучала музыка карнавала в башне Делавэр, он увидел яркие ленты на движущихся Путях, вдыхал плывущие запахи, улыбнулся Кедре.

Какую-то секунду он отчаянно цеплялся за край обламывающегося утеса, а жизнь и сознание раскалывались на куски под его руками.

Тьма и тишина заполнили погребенную комнату. Подземный Человек, глубоко погрузив корни, наконец уснул.

ЭПИЛОГ

СЭМ ПРОСНУЛСЯ.

ИСТОЧНИК МИРОВ

РОМАН



Из окна отеля Клиффорд Сойер мог видеть огни Фортуны, горящие в полярной мгле: мелкую россыпь огней шахтерского лагеря, голубые огни больницы, ярко-желтые огни домов и офисов. Отсюда он не мог видеть шахту, но ощущал ее присутствие. Глубокие, равномерные, почти не воспринимаемые органами чувств удары никогда не прекращались. И днем, и ночью, вот уже семнадцать лет, с тех пор как в 1958 году открылась шахта, под полярной шапкой работали насосы. Урановая руда нужна была многим, и правительство тоже хотело получить свою долю.

Он взглянул на отраженную в стекле девушку, которая сделала нетерпеливое движение. Он повернулся к ней с мыслью, что никогда не видел глаз такой формы и цвета, как у Клей Форд. В ней было что-то экзотическое, и сейчас он пытался вспомнить, что же он прочел о любопытном прошлом этой девушки, когда копался в архивах Королевской комиссии по атомной энергии в Торонто. Это она два месяца назад получила в наследство половину урановой шахты.

У нее были блестящие волосы цвета жженого сахара, гладкий лоб, круглые глаза глубокого голубого цвета. Сойеру очень нравилось, что передние зубы у нее чуть виднелись из-под вздернутой губы. В этом было что-то манящее, соблазнительное, что заставляло его вспоминать о Лизе Болконской из "Войны и мира", у которой прелестная маленькая губка тоже была коротка и не прикрывала передних зубов. Форма скул Клей Форд и то, как были посажены на ее лице глаза, завораживали его. Он еще никогда не видел таких лиц, а опыт у него в этой области был большой.

Сойер улыбнулся ей. У него были ослепительно белые зубы, бронзовое от загара лицо, а волосы и глаза были чуть светлее

кожи. Он излучал ауру человека, находящегося в полном согласии с жизнью и знающего, что он всегда сможет приспособиться к новым условиям, если таковые возникнут.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он, пытаюсь уловить странный акцент, с которым говорила эта необычная девушка.

— Правда, у меня нет даже пистолета. Обычно я работаю с вычислительными машинами, а не с револьверами. Может быть, вы расскажете мне об этом побольше. Председатель Комиссии не послал бы меня сюда, если бы не был уверен, что я сумею разрешить эту проблему по-своему. Вы сказали — привидения?

— Да, привидения, — твердо сказала девушка с тем же еле заметным акцентом, который действовал на Сойера так, как действует старая мелодия, которую не можешь вспомнить. — Они уменьшают наши доходы. На некоторых уровнях шахтеры отказываются работать. Наши химики докладывают об уменьшении процентного содержания урана в руде.

Она шевельнула пальцами, в ее круглых глазах застыла тревога.

— Шахта заколдована. Я не сошла с ума, мистер Сойер, но я уверена, что мой партнер очень хотел бы, чтобы вы так подумали. Этот человек хочет закрыть шахту. Я думаю... — она сжала ладони и испытующе посмотрела на Сойера. — Я знаю, что говорю, как сумасшедшая, — сказала она, — но кто-то хочет убить меня.

— Вы можете это доказать?

— Могу.

— Хорошо. А что касается закрытия шахты, то я не думаю, что Комиссия позволит это. Так что если вы беспокоитесь о...

— У Комиссии не будет выбора, если в руде не будет урана. — Девушка помолчала. — В конце концов правительство финансирует шахты только до тех пор, пока они дают прибыль. А Альпер... — она глубоко вздохнула и смолкла, встретив спокойный взгляд Сойера.

— Я боюсь его, — сказала она. — Он очень странный старик, полусумасшедший. Он что-то нашел в шахте. Вернее, кого-то...

Она неуверенно улыбнулась.

— Это бессмысленные слова. Но ведь пленка не солжет, верно? Пленка, снятая в шахте, может быть свидетельством? Вот почему я и вызвала вас, мистер Сойер. Я хочу прекратить все до того, как мы с Альпером сойдем с ума. На Восьмом уровне есть женщина или тень женщины. О, я понимаю, как это звучит! Но я могу показать вам ее.

— Привидение? — поинтересовался Сойер.

Он внимательно смотрел на нее, стараясь вникнуть в ее

слова. Верить или не верить словам было еще не время.

— Нет. Она похожа на... — она задумалась, потом нерешительно произнесла, — она похожа на колос.

— Колос, — задумчиво повторил Сойер. — Понимаю. А вы не думаете, что он встретил в шахте одну из женщин Фортуны?

— О нет. Я знаю всех женщин Фортуны. Кроме того, это не реальная женщина. Вы сейчас поймете, что я имею в виду. Альпер запретил мне спускаться на Восьмой уровень. Шахтеры тоже там не работают. Но сам он спускается туда и говорит с этой... тенью женщины. А когда он возвращается, он... он пугает меня. Теперь я боюсь ходить одна. Я взяла с собой двух мужчин, когда проверяла камеру на Восьмом уровне. Может, это смешно — бояться такого старика, как Альпер. Ведь он даже не может ходить без трости. Но...

— Нет, — осторожно сказал Сойер. — Вы совершенно правы относительно Уильяма Альпера. Он может быть опасен. У нас на него большое досье. Раньше ему бы не позволили появляться возле шахты, даже если она принадлежит ему. Альпер все еще находится в списке потенциально опасных людей. Этот опытный инженер не лишен странностей.

— Я знаю, — девушка кивнула. — Он странный человек. Я не думаю, что он когда-нибудь проиграл в чем-либо за всю свою жизнь. Он убежден, что он единственный человек в мире, который всегда во всем прав. Он решил закрыть шахту, и когда я говорю “нет”, это сводит его с ума. У него навязчивая идея власти, мистер Сойер. Сейчас его воле подчиняется столько людей, что он считает себя таким же твердым и непреклонным, как закон всемирного тяготения.

— Он стал стар, — сказал Сойер. — И это его страшит. Людям свойственно примиряться с возрастом, но я сомневаюсь, что Альпер сможет это сделать.

— Он вовсе не такой старый, — сказала Клей Форд. — Просто он изнурял себя всю жизнь. Это же самое он сейчас делает с другими. Теперь он расплачивается за это, что приводит его в ярость. Я думаю, он сделал бы все, что угодно, лишь бы вернуть себе молодость. И кажется, он думает, что у него есть возможность для этого, мистер Сойер. Эта женщина... тень... с которой он встречается в шахте, играет на этой струнке. Она может заставить его сделать все. И кажется, она хочет избавиться от меня.

Сойер смотрел на девушку немигающим взглядом.

— Эта женщина в шахте, — сказал он, — заставляет меня задать вам один личный вопрос, мисс Форд. Странная женщина, появившаяся ниоткуда в шахте... Именно это вы имели в виду, когда говорили, что что-то произошло?

— О боже! — сказала Клей Форд несчастным голосом.

— Я пытаюсь понять ваш акцент, — продолжал Сойер с холодной решимостью. — Не можете ли вы сказать мне, мисс Форд, в какой стране вы родились?

Она резко вскочила, оставив в кресле свое меховое пальто с капюшоном, и начала расхаживать по комнате. Затем резко повернулась к нему.

— Вы все великолепно знаете, — сказала она. — Не нужно валять дурака.

Сойер улыбнулся и покачал головой.

— Я знаю, но не верю в это, — сказал он. — Естественно, Председатель Комиссии приказал провести полное расследование, когда вы... появились здесь, но...

— Я не знаю, кто я, — сердито сказала девушка. — Я не знаю, откуда я. Что я могу сделать, если у меня акцент? Я же не специально говорю так. Как бы вам понравилось, если бы вы однажды утром проснулись с полной амнезией в урановой шахте, о которой вы никогда раньше не слышали, и не имели понятия, кто вы и как сюда попали? — Она обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. — Мне это очень не нравится, но я ничего не могу с этим поделать.

— Если бы вы исчезли с урановой шахты, чтобы появиться в... — начал Сойер.

— Я здесь ни при чем!

— ... мы бы сейчас не ощущали растерянности, — невозмутимо продолжал Сойер. — Мы бы тогда не очень старались найти какое-нибудь объяснение тому, что произошло с вами. Но мы до сих пор ничего не знаем о вас и боюсь, что никогда не узнаем.

Она покачала головой.

— Все, что я помню, это пробуждение в сырой шахте. Я знала только свое имя — Клей. Старый Сэм Форд нашел меня, заботился обо мне и даже удочерил меня, хотя тоже не имел понятия, кто я и откуда. — Голос ее смягчился. — Сэм был очень добрый, мистер Сойер. И такой одинокий. Он ведь один занимался шахтой. Альпер финансировал ее, но никогда не появлялся здесь, пока старый Сэм не умер.

— Может быть, мисс Форд, — предположил Сойер, — вы связываете ваше собственное появление в шахте с появлением этой странной женщины? Другая женщина, подобная вам...

— О, она совершенно на меня не похожая! — мгновенно возразила девушка. — Она из Извергов, а они боги.

Увидев изумленный взгляд Сойера, она спохватилась и закрыла себе рот ладонью.

— Почему я так сказала? Откуда я это знаю? Постойте, по-

стойте, я, кажется, начала вспоминать. Это слово — Извер... Оно что-нибудь означает на английском?

— Я никогда не слышал его. Постарайтесь вспомнить.

— Я не могу. — Клей замотала головой. — Оно исчезло. Когда я появилась здесь, я изучала английский. Во сне, с помощью магнитных лент. Но этого слова я не знаю, оно не английское. Оно часть моих слов... О, это чепуха. Перейдем к фактам. Я могу кое-что доказать.

Она закатала рукав блузки, морщась, отклеила от кожи липкую ленту, которая держала магнитную кассету с пленкой.

— Вы не представляете себе, как это было трудно, — сказала она. — Я спрятала камеру в Восьмом уровне, тщательно замаскировала ее и заэкранировала от радиации. Но даже это не помогало, когда приходили привидения. Кажется, они сделаны из радиации. Пленка чернела полностью. Но... впрочем, по-дождите.

Она прошла через комнату, достала из шкафа маленький проектор.

— Поверните ту картину. На обратной стороне — экран. Вы видите, что я все приготовила. С тех пор, как я вытащила пленку из камеры, я ни разу не выпустила ее из рук. Я все делаю сама. Благодарю Бога, что Альпер ничего не знает. Я не хочу, чтобы он знал о том, что я обращалась к вам, пока я не предоставлю достаточно доказательств, чтобы защитить себя.

Она щелкнула выключателем. Белый луч скользнул по стене и заплясал на экране. На белом квадрате появились темные стены. Внезапно Клей спросила почти истерически:

— Мистер Сойер, вы ни разу не спросили меня о привидениях!

— Верно, — ответил Сойер. — Не спросил.

— Потому что вы не верите мне? Но это правда! Они выходят из камней. Я думаю, что именно поэтому мы их редко видим. — Теперь она говорила торопливо, как безумная. — Неужели вы не понимаете? Сколько под землей шахт? Они попадают в шахты по чистой случайности. И люди видят их, как... вспышки пламени...

На экране что-то сверкнуло.

Девушка нервно засмеялась.

— Это не привидения. Просто вспышка. Смотрите. Начинается.

Луч двигался по камню, по его влажной и сверкающей поверхности, испещренной следами буров и отбойных молотков. Вот к мерному жужжанию насоса прибавился другой звук — звук тяжелых шагов человека и звяканье трости о камни. На экране

появилась фигура, еле различимая во мраке. Соьер насторожился. Маленький квадрат экрана вдруг стал для него реальностью. Он услышал знакомый грубый голос Альпера, который повелительно звал кого-то:

— Нете! Нете! — и весь туннель наполнился многократно отраженными звуками его голоса.

— Смотрите! — прошептала девушка. — Слева... видите?

Это было похоже на отражение от камня. Только на те камни свет не падал и отражаться было нечему. Это было похоже на женщину, очень высокую и стройную, с нечеловеческой грацией и гибкостью, склонившуюся к Альперу, которого почти не было видно. Но вот зазвенела вода, закапала, заструилась по камням — нет, это был смех женщины — чистое серебро, холодный, нечеловеческий, как и ее движения.

Послышался голос. Но не голос Альпера. Голос был похож на музыку. Он говорил на английском, но со странным акцентом. Точно таким же, как у Клей. Соьер искоса взглянул на девушку, но она не отрывала взгляда от экрана. Губы ее открылись и стали видны прелестные зубки.

Слова были неразличимы. Эхо и смех мешали воспринимать их. Кроме того, сама женщина то появлялась, то пропадала, и голос пропадал вместе с нею.

Но вот заговорил Альпер. Он почти кричал, и отчаяние слышалось в его голосе.

— Нете? Ты здесь?

Смех, как музыка, чистый и звенящий.

— Нете! Ты опоздала! Ты опоздала на целых три дня. Ты думаешь, я могу так долго обходиться без энергии?

Мягкий мелодичный голос беззаботно ответил:

— Кто думает о тебе, старик? Кому интересно, сколько ты проживешь? Ты убил девушку?

— Я не могу убить ее, — сердито ответил Альпер. Луч камеры следовал за ним, когда он передвигался. — Ты ничего не понимаешь. Если я сделаю это, у меня будут большие неприятности. И кто тогда будет поставлять вам руду? Если она умрет, я даже могу потерять шахту. У меня есть хорошая идея, и я сейчас работаю над ней. Еще несколько дней...

— Кому дело до того, что умрет Хом? — перебил музыкальный голос. — Она только Хом. Она ничего не стоит, как и ты, старик. Почему я трачу на тебя время?

— Я же говорю, что у меня есть идея! Дай мне неделю! Дай мне наконец энергию, и я установлю контроль над шахтой. Я закрою ее. Я клянусь, что закрою ее насовсем и продам ее вам. Только дай мне энергию, Нете! Я говорю тебе, что я почти...

— Нет, — ответил музыкальный голос. — Хватит. Я устала от тебя, старик Хом. Я сама покончу с девчонкой.

Альпер рванулся вперед, и теперь на экране была видна только его широкая спина. Ноги его шаркали, трость звенела по камням. В его голосе появились нотки отчаяния.

— Мне нужна энергия! — кричал он. Стены отражали его голос, и создавалось впечатление, что они сами кричат:

— Энергия! Энергия! — хвастались тем, что находится в них. — Мне нужна энергия, Нете!

— Хватит, — безжалостно отрезала Нете. — Пока ты не убьешь девушку, ничего не получишь.

— Если бы ты понимала! — горько сказал Альпер. — Если бы ты когда-нибудь вышла на поверхность, ты поняла бы меня. Кто ты, Нете? Что ты такое?

Холодный звенящий смех наполнил туннель.

— Спроси меня об этом через три дня, — сказала тень. — Богиня, богиня... Возвращайся, старик, и делай, что хочешь, но не получишь энергию, пока не убьешь девушку.

— Нет! — закричал Альпер. — Нете, мне нужна энергия! Без нее я не могу ничего сделать! Нете!

Высокая тень склонилась над ним, нечеловечески грациозная, расплывчатая во мраке, со смехом, похожим на звук падающей воды, стекающей с камней.

— Гуд бай, старик, — сказала она. — Ты больше ничего не получишь.

Тень растаяла, и Альпер бросился туда, где она только что стояла. Его отчаянный крик бесконечным эхом разнесся по туннелю. Луч фонаря прыгал по стенам, отыскивая тень женщины.

Пленка кончилась. Изображение погасло, и остался только белый квадрат на стене.

Сойеру понадобилось время, чтобы вернуться в реальность. Еще несколько секунд он оставался в туннеле, слыша уханье нососа и звон капель воды. Впечатление было настолько полным, что он не сразу осознал, что находится в комнате отеля и на него смотрит девушка по имени Клей Форд. Смотрит встревоженными голубыми глазами.

— Ну? — спросила она нетерпеливо. — Что вы скажете?

Сойер бросил на нее быстрый взгляд, затем подошел к окну и стал смотреть на огни Фортуны, сияющие в полярной ночи. Он достал сигарету, закурил ее, выпустил голубой дым в окно.

— Я вам скажу, что думаю об этом. Совсем не то, что ожидаете вы. Я не думаю, что какое-то таинственное создание из другого мира уговаривает Альпера продать душу. Пленка действительно интересна, и Председатель Комиссии будет заинтригован. Но

вполне возможно, мисс Форд, что нас кто-то дурачит.

— Этого не может быть, — горячо заговорила девушка. — Я ни разу не выпустила пленку из рук. Но... хватит об этом. Кто такая Нете? Что вы думаете?

— Я думаю, что кто-то хочет получить контроль над шахтой. Это очевидно. Есть страны, которые хотели бы заполучить больше урановой руды. Это просто хитроумная инсценировка, чтобы сыграть на навязчивой идее старика. Вы помните, что говорил Альпер об энергии?

Девушка задумчиво кивнула:

— Я кое-что вспоминаю. Это происходит краткими вспышками, как будто на мгновение какой-то экран у меня в мозгу. Но Нете... — она вздрогнула. — Нете меня пугает.

— Это единственная из пленок, которую вы засняли и на которой что-то получилось? — спросил Сойер. — Я хочу вернуться в Торонто со всеми материалами. Я верю, что вы в опасности. Значит, я должен действовать, чтобы обеспечить вашу безопасность. В данном деле мне видится много интересных возможностей.

— У меня заряжена и установлена еще одна пленка, — сказала девушка. — Может, мне забрать ее?

— Это было бы очень интересно. Но... там, на Восьмом уровне, не опасно для вас?

— Я никогда не хожу одна, — сказала она, заворачиваясь в меха.

Сойер помог ей накинуть пальто.

— Я пойду, — сказала она. — Мне хотелось бы взглянуть на...

Дверь вдруг затряслась под градом ударов, и чей-то грубый голос прокричал:

— Открывайте!

2

Сойер бесшумно подошел к проектору, вытащил пленку, смотал ее в кассету и сунул в карман.

— Это Альпер! — сказала Клей, безумным взглядом обшаривая комнату. — Он не должен видеть меня здесь! Он не должен знать!

— Успокойтесь, — сказал Сойер. Он достал ключи на кольце. — Я не люблю помещений с одним входом. Я выпущу вас отсюда незаметно. Подождите меня. Я не хочу, чтобы вы пошли в шахту одна. Вы понимаете?

— Да, да, — сказала она, натягивая капюшон. — Быстрее!

Снова раздался стук, от которого задрожали стекла.

— Сойер! -- раздался грубый голос. — Вы дома?

— Иду, — спокойно ответил Сойер. Шепотом он добавил, — А сейчас уходите и помните, что я вам сказал.

Он запер за ней дверь, улыбаясь поспешности, с которой она покинула его номер. Затем он не спеша повернулся и открыл дверь, когда она уже сотрясалась от непрерывных ударов.

— Входите, Альпер, — сказал он вежливо и невозмутимо, хотя лицо его выражало напряженное ожидание.

Человек за дверью заполнил собой весь дверной проем. Мгновение он стоял на пороге, опираясь на трость и обследуя комнату острым насупленным взглядом. Он похож на тролля, подумал Сойер. Крепкая приземистая фигура старого великана, которого годы придавили так, что теперь он не мог обходиться без трости. Массивное лицо прорезали глубокие морщины и складки. Маленькие холодные глаза с неприязнью оглядели Сойера из-под густых лохматых бровей. Громоподобный голос спросил:

— Вы помните меня, мистер Сойер?

Не ожидая ответа, он шагнул вперед, так что Сойеру поневоле пришлось посторониться. Он шел как таран, казалось, сам воздух сжимается перед ним. Стального цвета глаза сверкнули, когда он увидел экран на стене.

— Дайте мне стул, мистер Сойер, — сказал Альпер, опираясь на трость. — Мне трудно стоять и ходить. Я старый человек, мистер Сойер. Благодарю. — Он тяжело опустился на стул, поставив трость между колен. — Я вижу, вы смотрели очень интересный фильм, — сказал Альпер и оглядел Сойера безразличным взглядом.

— Да-а... — неопределенно протянул Сойер.

— Я тоже, — сказал Альпер. — Вас это не удивляет? Отель был построен еще в то время, когда уран был материалом в высшей степени секретным. Сэм Форд и незримо присутствовали на многих тайных конференциях, которые проходили здесь. Но ни одна из них не была столь важной, как то, что я видел сейчас.

Он перевел дыхание и остановил на Сойере свой тяжелый взгляд.

— Я пришел сюда, мистер Сойер, чтобы сделать вам предложение.

Сойер вежливо улыбнулся.

— Боюсь, что вы недооцениваете мои слова, — сказал Альпер. — Позвольте ввести вас в курс дела. Я готов предложить вам...

И он стал подробно излагать свое предложение. Это заняло шестьдесят секунд. Когда он кончил, Сойер рассмеялся и вежливо покачал головой, выжидая, что будет дальше.

Альпер испустил тяжелый вздох.

— Молодые люди так глупы, — сказал он. — Вы сейчас можете исповедовать идеализм. Но когда вы достигнете моего возраста, для вас многое изменится.

Казалось, он над чем-то задумался. Затем тряхнул головой.

— Мне не хотелось бы делать это, но... — Он полез в карман, достал какой-то предмет и протянул Союеру. — Вот, взгляните.

Союер осторожно взял пальцами маленький, размером с таблетку аспирина, металлический диск, с закругленной нижней частью и внимательно его рассмотрел.

— Это мое изобретение, — сказал самодовольно Альпер. — Это передатчик, трансивер. Он излучает и принимает звук. Но звук не простой. Я не знаю, насколько вы знакомы с системами коммуникации. Основным ограничением в таких системах являются собственные шумы. Например, мозг человека — это тоже система коммуникации. Биение сердца, шум от тока крови по артериям и сосудам, шум от дыхания... Обычно мы не замечаем этих звуков, но их можно услышать...

Альпер откинулся на спинку кресла и рассмеялся. Союер уловил неприязнь в этом смехе. Может, старик ревнует к молодости?

— ... с помощью вот такого усилителя, — закончил старик.

Диск начал вибрировать в руке Союера. Тот посмотрел на руку Альпера — она была в кармане.

— Это вы заставляете диск вибрировать? — спросил он.

Старик кивнул.

— А почему, — осторожно спросил Союер, — вы показываете мне это?

— Честно говоря, — с неожиданной усмешкой сказал Альпер, — я могу сказать вам правду. Я сделал это для головы Клей Форд. Мне немного не по себе от того, что вы видели ту унижительную роль, которую я только что играл на этой пленке. Вы видели, что я выпрашивал то, что мне необходимо. Вы видели, что я получил отказ. Отлично. Вы также слышали мое заявление о том, что у меня есть способ поставить Клей Форд на колени. Это не пустая похвальба, мистер Союер. Мой передатчик сможет сделать это.

Союер посмотрел на него заинтересованный и встревоженный.

— Я могу доверять вам, — с сардонической улыбкой сказал Альпер. — Больше, чем вы предполагаете. Единственное, чем я рискую, это сделкой с тем... с той, с кем я говорил в шахте.

— Неужели она вас действительно убедила, — сказал Союер, — что владеет источником молодости?

— Вы идиот! — неожиданно резко сказал Альпер. — Что вы знаете о молодости? Неужели вы думаете, что всякие мумбо-

юмбо могут одурачить меня? Как вы думаете, откуда приходит энергия, которой вы брызжете, все молодые?! От солнца! С помощью фотосинтеза энергия превращается в горючее для ваших организмов. Эта энергия может передаваться от одного организма к другому. Ты поверишь мне... позже. Есть нечто, во что человечество не может поверить. Мефистофель не покупал душу Фауста. Я это знаю. Это Фауст убедил дьявола, что его душа представляет ценность, это он заставил купить свою душу. И я хочу убедить Нете, что могу быть полезен ей. Я знаю, что она требует взамен энергии, которая мне необходима. Жизнь Клей в моих руках, и я могу устранить ее так, что Нете вовсе не будет нужно убивать ее. Но я не хочу смерти Клей. Тогда начнется расследование... Это будет ужасно! И вот я разработал для Клей этот передатчик. Но я вижу, что теперь передо мной встало другое препятствие, и я приготовился к этому. — Он рассмеялся. — Ну что ж, начнем!

Альпер был неуклюжим человеком, старым и слабым, и то, что он сделал сейчас, было совершенно невероятно. Он встал, выпрямился и резко отбросил трость, которая со звоном прокатилась по полу. Тролль все еще оставался медлительным и неуклюжим, но он уже не был сгорбленным и старым. Какая-то могучая энергия преобразовала его, пройдя через него подобно электрическому току. Он не стал молодым. Это было что-то другое, менее естественное, менее объяснимое, что внезапно восстановило его физические силы.

Сойер услышал звон трости, но не понял, что же произошло. Он был молод, силен, с хорошей реакцией, но его реакция не могла сравниться с противоестественной реакцией старика. Прыжок Альпера через пространство, разделяющее их, был подобен скачку электрической искры между двумя электродами, к которым подали высокое напряжение. Этот прыжок не мог быть вызван силами мышц. Никакие мышцы не могли бы сделать такое. Огромное, тяжелое тело Альпера привели в движение не мышцы и суставы, а нечто другое.

Тяжелое тело Альпера обрушилось на Сойера, отбросив его на несколько футов и припечатав к стене. Руки сомкнулись вокруг его горла. Комната поплыла перед глазами Сойера. Он смутно ощутил, как что-то давит на его череп.

И вдруг все прекратилось.

Давление на череп исчезло, и он уже мог собраться с мыслями. Как только зазвенела трость, мозг Сойера послал приказ телу приготовиться, но неожиданный прыжок Альпера произошел до того, как мышцы Сойера приготовились встретить нападение. Теперь эта доля секунды прошла, и Сойер нанес

страшный удар по животу Альпера в тот самый момент, когда силы покинули старика.

Все произошло мгновенно. И кончилось тоже мгновенно. И этого было достаточно.

Альпер согнулся от удара Сойера, беспомощный, как мешок с мукой. Он тяжело спустился на пол, оперся на одну руку и посмотрел из-под опущенных ресниц на Сойера. Странная улыбка гуляла по его побледневшему лицу.

— Подай мне трость, — сказал Альпер.

Сойер массировал горло одной рукой, а второй осторожно ощупывал свою голову, самую макушку. Он не смотрел на Альпера. Его беспокоило странное пощипывающее давление на голову, на верхушку черепа.

— Подай мне трость, Сойер! — снова сказал Альпер. — Иначе я научу тебя прыгать. Ну!

Как только прозвучало “Ну!”, череп Сойера как будто раскололся на две части. Молния проникла в череп, в самую глубину мозга. И через пересечение голубых молний Сойер увидел зловеще улыбающееся лицо Альпера. Он сжал ладонями голову, чтобы расколотый череп не развалился на две части. И пока молнии сверкали перед его глазами, он не мог ничего делать, кроме как терпеть и сжимать руками виски.

Наконец это кончилось. И тогда Сойер поднял старика на ноги. Ярость душила его.

— Спокойнее! — сказал Альпер. — Спокойнее! Ты опять хочешь этого? Подай мне трость!

Сойер испустил долгий нервный вздох.

— Нет, — сказал он.

Альпер вздохнул.

— Ты нужный человек, — сказал он. — Мне не составит труда убить тебя. Я могу превратить твой мозг в такое желе, что ты вечно будешь повиноваться мне. Но тогда ты не сможешь приносить пользу ни мне, ни кому-нибудь другому. Будь благодарен, Сойер. Почему бы нам не сотрудничать? Или ты предпочитаешь умереть?

— Скорее я убью тебя, — сказал Сойер, все еще сжимая голову руками и глядя на старика с ненавистью. — Я убью, как только смогу.

— Ты никогда не сможешь, — сказал Альпер. — Хочешь, я докажу тебе это еще раз? Все произойдет мгновенно, как удар молнии, и ты не успеешь притронуться ко мне. Ты ведешь себя глупо, Сойер. Я хочу поговорить с тобой, но сначала подай мне трость. Считаю до трех. И если ты не дашь мне трость, ты получишь еще один урок, мой мальчик.

Сойер стиснул зубы.

— Нет! — сказал он и тут же на него обрушился удар грома. Он потерял разум, сейчас им управляла только глупая решимость животного — не подчиняться, пусть даже он погибнет. Он знал, что если сейчас поддастся Альперу, то навсегда станет его слугой, и ни молнии, ни дикая боль, ни разрывающийся мозг не могли заставить его отказаться от своего намерения.

— Нет! — сказал он Альперу и приготовился ко всему, что может с ним случиться.

— Раз, — сказал Альпер.

— Нет!

— Два...

Сойер бессмысленно улыбнулся и неожиданно для себя самого бросился на Альпера, стараясь схватить его за горло.

Молния расколола его голову, и в ее пронзительном броске растаяла комната. Последнее, что он видел, это летящий на него пол.

Когда зрение снова вернулось к нему, он увидел в нескольких футах от себя Альпера, который тянулся к трости, тяжело дыша и глядя на Сойера блестящими спокойными глазами.

— Ол райт, — сказал Альпер. — Ты совершенный болван, Сойер. Я сам взял трость. Ты уже пришел в себя? Я немного перестарался. Вставай, бери стул и садись. Нам нужно поговорить. Прежде всего я хочу сжечь пленку. — Он осмотрел комнату. — Вот эта металлическая корзина мне подойдет. Итак, дай мне пленку, Сойер.

Сойер с трудом выговорил:

— Подойди и возьми сам...

Альпер улыбнулся.

Легкий дым от сгоревшей пленки растаял в комнате. Сойер в изнеможении откинулся на спинку кресла и смотрел на старика. Любопытно, что после таких адских мучений у него не осталось никаких последствий. Он чувствовал себя совершенно нормально. Но мозг его начинал мучительно болеть, как только он вспоминал о том, что ему пришлось пережить, — Альпер опять может сделать то же самое. О чем это он сейчас говорит?

— Ты должен понять, что с тобой произошло. Если ты откажешься сделать то, что я скажу, ты умрешь. Мне бы хотелось сотрудничать с тобой, ты хороший парень. Ты лучше, чем я предполагал. Я восхищаюсь тобой. Но если ты откажешься, я убью тебя. Ясно?

— Нет, — сказал Сойер и поднял руку к голове. — Неужели ты хочешь оставить меня с этим?

— Конечно, — ответил Альпер. — Давай попытайся убрать передатчик. Ты не сможешь сделать этого, не убив себя. Танталовые электроды контактируют с твоим мозгом — через от-

верстие в твоём черепе, которое с возрастом зарастает. К счастью, ты ещё достаточно молод, и твоё отверстие ещё не заросло. К счастью для меня.

Сойер опустил руку. Он всё ещё думал, что, если бы смог убить Альпера, он мог бы избавиться от мучений или, по крайней мере, умер бы сам. Но он решил подождать и послушать — может быть, перед ним откроется лучший путь. Тем более что Альпер был настроен говорить.

— Может быть, я сам не смогу удалить передатчик, — сказал Сойер. — Но врачи смогут это сделать.

— Возможно. Согласись, что это первоклассный прибор.

— Да, — угрюмо ответил Сойер. — Откуда ты его выкрал?

— Я и сам неплохой инженер, — хмыкнул Альпер. — Правда, должен признаться, что идея не моя. Я просто немного усовершенствовал его. Я увидел возможности, которых не увидел изобретатель. Миниатюрное электростриктивное устройство, которое преобразует давление звука в электрические сигналы и наоборот. О, я сразу увидел возможность для усовершенствования. Я просто предположил, что звук, как и свет, может отражаться, может усиливаться... Да, мой друг, передатчик воспринимает звуки, которых обычно не слышишь. Принимает, усиливает и излучает прямо в височную кость, в твой слуховой аппарат. И ты слышишь звуки, по сравнению с которыми Иерихонская труба всего лишь шепот.

Он рассмеялся.

— Ты знаешь, как действуют ультразвуковые сигналы? Разбивают стекло вдребезги. Сжигают дерево, разрывают человеческий мозг на части. Мистер Сойер! Ты ещё должен помнить об альфа- и каппа-волнах, которые распространяются в мозгу. Я уверен, что мой передатчик усиливает и их.

Самое главное, что ты не сможешь избавиться от этого. Теперь это твоё, так же, как дыхание, ток крови, мысли. И никто, кроме тебя, не будет слышать сигналов. Так что это безумие для тебя, мой мальчик. В конце концов ты согласишься делать то, что я прикажу.

Старик посмотрел на Сойера не без участия, и рука Сойера невольно сжалась в примитивный кулак.

— Ещё одно, — быстро сказал Альпер. — Не сомневаюсь, что тебе очень хочется убить меня. Не надо. Это ничего не решит. Теперь мы связаны с тобой. Если ты удалишь передатчик или убьёшь меня, ты умрёшь.

Кровожадная улыбка скользнула по его лицу.

— Мой прибор не только передатчик. Он может действовать как микрофон. А у меня приёмник. — Он похлопал по карману. — Он настроен так, что принимает сигналы микрофона. Для

тебя, конечно, это не очень удобно, но зато я буду знать все твои разговоры. Так что, когда ты пойдешь с Клей Форд в шахту и заберешь пленку, я буду в точности знать, что будет на пленке. Правда, я думаю, что на этот раз там ничего не будет.

Итак, — сказал Альпер, показывая всем своим видом, что разговор заканчивается. — Ты будешь сообщать мне о том, как будут разворачиваться дела. А пока ты сообщишь по радио в Комиссию, что здесь просто ложная тревога. Что касается этой девушки — Клей, то для нее самое безопасное — уехать отсюда. Если удастся доказать, что у нее были галлюцинации, то ей необходим годовой отдых где-нибудь в санатории. И у Нете уже не будет необходимости убивать ее. А она убьет без сожаления, если Клей будет совать голову в пасть льва. Убьет бесстрастно, без злобы. Безразличие Нете к проблемам людей иногда ужасает.

— Кто она? — спросил Сойер.

Альпер нахмурился и покачал головой, показывая этим, что он знает не больше Сойера.

— Хватит вопросов, — сказал он. — Надо действовать. В моих руках кнут, и я воспользуюсь им. Если ты сбежишь от меня и найдешь возможность удалить передатчик, — то, что сделал один человек, другой может сломать, — я убью тебя. Я везде найду тебя. Сейчас у меня мало энергии: я слишком много израсходовал ее на тебя. Мне нужно очень много энергии, и я получу ее. Но для этого нужно закрыть шахту, как этого хочет Нете. Тогда она выполнит свое обещание. Итак...

Его холодный взгляд испытующе скользнул по Сойеру.

— Ты молод. Ты хочешь жить. Верно? Я повторяю свое предложение. Думаю, что ты снова скажешь “нет”. Но ты должен понять, что работаешь на меня — за свою жизнь. Что ты скажешь теперь, молодой человек?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Меня послали сюда делать дело, — спокойно сказал Сойер. — Может быть, я проиграл. Я и раньше проигрывал. Все проигрывают когда-нибудь.

— Не все, — с внезапной гордостью сказал Альпер.

Сойер пожал плечами.

— О'кей, — сказал он. — Пусть будет так. Мне не стыдно проигрывать, если дело мне не по зубам. Но когда такое случается со мной, я знаю, что есть кто-то, кто выиграл бы на моем месте. Комиссия получит от меня ответ, что я провел обычную проверку. Однако дело не обычное. Так что я должен...

— Интересно знать, как ты намереваешься сообщить обо всем Председателю и остаться при этом в живых, — ухмыль-

нулся Альпер. — Если у тебя хватит ума, то ты сможешь получить деньги с обеих сторон. И те, что буду платить я, много больше тех, что ты получишь от Комиссии.

— Это, должно быть, очень большие деньги, чтобы компенсировать вот это, — и Сойер показал на свою голову.

— Я могу удалить передатчик, — сказал Альпер.

Он явно ждал согласия Сойера и, не получив его, разочарованно продолжил:

— Даже если я удалю передатчик, я все равно буду чувствовать себя в безопасности. Кто поверит твоему рассказу. Однако я уверен, что мы с тобой будем сотрудничать.

Сойер задумчиво произнес:

— Как же ты удалишь передатчик? Ты же сказал, что он прирастает к кости.

— О, это займет не одну неделю. А если я отключу энергию, то ты можешь удалить передатчик, не совершив самоубийства. Да, я могу отключить энергию. Выключатель у меня в кармане. Но на его изготовление я потратил больше времени, чем на изготовление передатчика. Так что не надейся, что, если тебе удастся завладеть моим контрольным устройством, ты легко разгадаешь секрет выключателя. Самому Гудини не удалось бы это. Так что, я полагаю, ты будешь во всем подчиняться мне. Тебе придется подчиниться, — Альпер улыбнулся, — или ты умрешь.

Они смотрели друг на друга, как бы выжидая, что дальше предпримет противник. И вдруг на улице завывла сирена, от звука которой задребезжали стекла.

Оба повернулись к окну. Сирена выла, не переставая, чей-то голос разносился по всему поселку, тысячекратно усиленный громкоговорителями.

— Тревога на Восьмом уровне! — гремело в морозном воздухе полярной ночи. — Тревога на Восьмом уровне!

Альпер фыркнул, повернувшись к Сойеру.

— Вот дурочка! — сказал он. — Она спустилась в шахту! Несмотря на все мои предупреждения, она спустилась, и теперь Нете разделалась с ней!

3

Будто во сне пробирался Сойер сквозь сумятицу улиц Фортуну вслед за сгорбленной, закутанной в меха фигурой Альпера по направлению к шахте. Вдали он видел ледяную гладь озера Литл Слейв, в которой отражались вечные огни Фортуны. Поселок был маленьким населенным островком, посаженным на

верхушку Земного шара, — такое же инородное тело, как передатчик на макушке Сойера.

Они шли, спотыкаясь и скользя, по деревянным мостовым. В Фортуне не было улиц. Все дома и учреждения в поселке были связаны между собой деревянными мостками. Здесь не было земли. Здесь ничего не было кроме поселка. Ни одна дорога не вела сюда. Здесь был конец мира, и вечное молчание сомкнулось над ним. Иногда голоса людей нарушали это молчание, но затем тишина снова смыкалась над поселком.

Скользя, захлебываясь ледяным ветром, Сойер спешил за Альпером. Со всех сторон к шахте спешили люди. Альпер бесцеремонно распахивал их, не отвечая на тревожные вопросы. Они прошли мимо дизельной станции, которая давала энергию поселку: освещала дома, приводила в действие насосы, качала воду из озера Литл Слейв, поднимала руду из шахт.

Наконец они прошли мимо последних барачков, где жили шахтеры, и подошли к стволу шахты.

Альпер протолкался через беспокойную толпу. Сирена уже умолкла, и голос из громкоговорителя перестал разносить по улицам поселка тревожную весть, но здесь шум не прекращался. Люди возбужденно переговаривались, предсказывая катастрофу на шахте.

— Снова привидения! — услышал Сойер чьи-то слова. — Они выходят из стен в шахте!

— Мисс Форд спустилась вниз, — сказал кто-то. — Привидения утащили мисс Форд.

Альпер пробрался мимо них. У него была одна-единственная цель — туда, вниз! Сойер, войдя вместе с ним в лифт, внезапно подумал, что сейчас они заодно: ни тот, ни другой не хотели, чтобы мисс Форд погибла.

В шахте всегда было шумно. Буры, отбойные молотки, вагонетки... Голоса людей, разносящиеся по туннелям. Однако сейчас работы прекратились. Лифт спускался вниз, проходя мимо уровней, и каждый раз Сойер видел встревоженные лица под лампами, горящими на касках. Буры и отбойные молотки были забыты. Они стояли возле стен, где поблескивали прожилки руды, богатой руды, подумалось Сойеру, если бы привидения не воровали из нее уран.

— На Восьмом уровне привидения роятся, как пчелы, — крикнул кто-то, когда лифт проходил мимо очередного уровня. Альпер только хмыкнул. Он ухватился за руку Сойера и всем своим телом повис на нем. Когда лифт остановился, он прошептал Сойеру, нервно и взволнованно дыша:

— Не пытайтесь что-либо сделать, я предупреждаю, Сойер. Помогите мне, у меня совсем не осталось энергии.

— Как ты выкрутишься из этого? — спросил Сойер. — Ты сделал ошибку, Альпер. Если что-нибудь случится с мисс Форд, начнется расследование. Тебе будут задавать щекотливые вопросы. Моя смерть тебе не поможет. Она не спасет тебя.

— Предоставь это мне, — прошипел Альпер. — Делай, как тебе сказано. Идем!

Они вышли на Восьмой уровень, в толпу бледных, возбужденных людей. Голоса здесь звучали глухо, давление воздуха было слишком сильным, и барабанные перепонки чувствовали это. Неожиданно Сойер ощутил запах озона.

— Что здесь случилось? — резко спросил Сойер.

Шахтеры заволновались. Лучи их фонарей запрыгали по мокрым стенам шахты. Один из шахтеров вышел вперед.

— Я и Эдди спустились вместе с мисс Форд, — сказал он. — Она ждала здесь. Вокруг никого не было. Мы не работаем на Восьмом уровне, потому что... мы не работаем здесь. Мисс Форд послала Эдди за камерой.

Сзади послышался звук, заставивший всех оглянуться. Туннель уходил во тьму и затем поворачивал. Из-за поворота были видны вспышки света, которые то появлялись, то пропадали. Казалось, что сам воздух в шахте зазвенел тысячью невидимых колокольчиков. Запах озона стал сильнее.

— Продолжай, — сказал Альпер. — Продолжай, я тебя слушаю.

Шахтеры расступились перед ним. Сойер почувствовал, что рука Альпера крепче сжимает его локоть. Нервы его были напряжены до предела.

— Эдди скрылся за тем поворотом, — говорил шахтер. — Простите, мистер Альпер, дальше я не пойду.

Он встал на месте, и было видно, что никакая сила не заставит его продолжить путь туда, во тьму.

— Рассказывать больше нечего. Эдди вдруг закричал. Затем появились привидения... Вернее, сначала появились вспышки, потом закричал Эдди. Мисс Форд сказала, что нужно идти и забрать пленку и камеру. Мы... она пошла впереди. И тут Эдди испустил ужасный крик и замолк. Мисс Форд была уже у поворота. Я побежал обратно и поднял тревогу, — голос шахтера был виноватым.

— Мисс Форд кричала? — спросил Сойер.

— Нет, сэр. Ни звука.

Альпер хмыкнул и пошел вперед к повороту туда, где во тьме вспыхивали и гасли огни. Наступила тишина. Шахта поглотила Клей Форд и шахтера по имени Эдди. Казалось, только огни были видимы в этом подземелье. Шахтеры со страхом смотрели

на двух человек, которые шли по туннелю, а затем скрылись за поворотом. Никто не пошел за ними.

— Сойер, — прохрипел Альпер, всем телом опираясь на его руку, когда они медленно шли вперед. — Предоставь все мне, ничего не предпринимай сам. Я запрещаю тебе! Понял? Я все время буду держать руку на блоке управления передатчиком. Одно нажатие, и я убью тебя! Я думаю, что девушка в руках Нете. Мне хотелось бы сохранить ей жизнь, если удастся, но...

Он не договорил. Было и так ясно, что Нете, с ее таинственным источником энергии, убьет их, если дело дойдет до столкновения.

Они шли по туннелю. Странные огни мерцали в камнях стен. Альпер упрямо шел вперед, Сойер поддерживал его. Запах озона витал в воздухе...

Затем они увидели привидения.

Мертвый человек лежал на сыром полу туннеля сразу за поворотом. И над его телом то поднимались в воздух, то опускались крылатые мерцающие огни. Сойеру показалось, что перед ним внезапно открылся бескрайний мир. Запах озона щипал ноздри, резкий порывистый ветер гулял по туннелю.

Крылатые огни были как бы расщеплены каждый на два. Они действительно похожи на колосья, подумал Сойер. Все пространство было наполнено ими. Их слабый неверный свет едва пробивал тьму туннеля. Они были прекрасны. Они были ужасны. Они танцевали, как грифы над трупом: то ныряли вниз, то снова взмывали вверх.

Альпер остановился. Сойер почувствовал трепет этого дряхлого тела, когда тот сильнее оперся на его руку. Затем он громко позвал дрожащим голосом.

— Нете! Нете, ты здесь?

Знакомый ручеек смеха разлился во тьме туннеля. Это было единственным ответом, когда Альпер услышал его, он глубоко вздохнул и решительно пошел вперед, стараясь не поворачиваться к крыльям света.

Сойер тихо спросил:

— Что это? Ты знаешь? Они могут убить человека?

— Я не знаю. Я не хочу знать. Быстрее. Нете здесь, и я могу снова получить энергию, снова стать молодым. Быстрее!

Сойер колебался. "Это мой шанс! — думал он. — Когда он получит энергию, тогда будет поздно. А сейчас, пока я еще зачем-то нужен ему..."

И не закончив свою мысль, он резко отпрянул от Альпера, освободившись от его веса, и размахнулся правой рукой, чтобы нанести удар, который в случае успеха освободил бы его от тирании старика.

“Последний шанс, — мелькнуло у него в голове. — Может, он лжет, может, нет. В любом случае я заберу у него контрольное устройство. Может быть...”

Гром и молния возникли в самой середине его черепа, туннель закрутился перед ним в бесконечную спираль, сверкающую огнями, среди которых были не только привидения. Тяжелая рука Альпера стиснула его кисть еще до того, как он пришел в себя.

— Идем! Быстрее! И не нужно больше таких выходов. У нас нет времени!

Шатаясь и спотыкаясь, Сойер позволил тащить себя дальше. Круглые огоньки порхали вокруг них некоторое время, а затем снова вернулись к трупам шахтера и продолжили бессмысленный танец над ним. Альпер тащил его дальше, во тьму туннеля.

Постепенно туннель стал расширяться. Снова свет. Светящийся круг на стене, как от луча прожектора. И в круге света неподвижно стояла Клей Форд, повернувшись спиной к камням и глядя перед собой во тьму.

Сойер посмотрел, встряхнул головой, снова присмотрелся. Свет исходил из камня. Клей стояла неподвижно. Глаза ее были открыты, голова запрокинута, руки распростерты и прижаты к камню. Сойер внезапно понял, что она неподвижна не по собственному желанию, что она отчаянно хочет вырваться — и не может.

Она рвалась из светящегося круга, но не могла сдвинуться ни на дюйм. Только частое дыхание, сверканье глаз и блеск зубов под прелестной верхней губой говорили, что она еще жива. Она кричала, и в голосе ее было отчаяние.

— Ты не сделаешь этого! — кричала она в глубокую тьму. — Ты не имеешь права! Ты не Богиня!

Сойер автоматически повернул голову, чтобы проследить направление ее взгляда. Во тьме что-то шевельнулось. Нете! Неестественно высокая фигура, закутанная в тени и держащая их перед собой, как темную вуаль, через которую тускло просвечивало ее лицо. Сойер пытался и не мог сфокусировать свое зрение на ней, на ее фигуре и на ее лице под вуалью. Но голос ее был ясным, четким, сильным. В нем звучала музыка небесных сфер, недоступных землянам.

— Я скоро буду Богиней, — говорила Нете. — Откуда ты меня знаешь, Хом? Ты ведь Хом! Настоящая Хом, а не землянка. Как ты попала сюда?

— Я не знаю! Я не знаю! — голос Клей дрожал. — Но ты не богиня! У тебя нет Двойной Маски. О, как бы мне хотелось вспомнить...

Нете внезапно перешла на незнакомый язык, который, на

слух, состоял из любопытных звукосочетаний, скорее всего дифтонгов. Она говорила очень быстро. Затем послышался вскрик Клей.

— Я не понимаю тебя! Я не понимаю! Кто ты? Я не помню! Почему...

Альпер двинулся вперед, и Клей заметила его краешком глаза. Она замолчала и попыталась повернуть к нему голову.

— Нете, — сказал Альпер.

Голубые глаза Клей силились рассмотреть его.

— Кто это? Альпер, это вы?

— Успокойся, Клей, — сказал старик. — Если ты хочешь остаться в живых, успокойся.

— С каких это пор жизнь Хома имеет какую-то ценность? — язвительно спросила Нете. — У меня с тобой все кончено, старик Хом, девушка — моя!

— Не делай этого, Нете! — в отчаянии воскликнул Альпер. — Если ты убьешь ее, я потеряю шахту. Тогда ты совсем не получишь руды.

— Жизнь этой девушки имеет для тебя слишком большое значение, — сказала Нете. — Но на самом деле она ничего не стоит.

— Ее тело обнаружат! — кричал Альпер. — Меня обвинят в убийстве! Нете, не делай этого!

— Тело?! — презрительно сказала Нете. — Тела не будет. Но я должна задать ей один вопрос до того, как она умрет. Она — Хом. Если бы я знала это раньше... но откуда я могла узнать? Все вы, как животные, похожи друг на друга. И девчонка все время говорила на вашем языке, пока ей не пришло время умереть. Ну что же, этим она лишь отсрочила свой приговор, так как я должна понять все, должна узнать, как она прошла через Ворота. Но я не собираюсь... впрочем, это неважно. Я знаю безопасное место, где смогу допросить ее. И тогда мне, пожалуй, не будет необходимости возвращаться в ваш мир. Итак, прощай, старик Хом.

Гибкая длинная фигура наклонилась вперед, из-под вуали неожиданно вытянулась рука, невообразимо длинная и очень грациозная. В ладони вспыхнуло сияние. Она держала что-то похожее на золотую полоску, длиной шесть дюймов. Затем она прижала ее пальцами с двух сторон, и полоска расщепилась, став подобием тех крылатых огней, что порхали над трупом. Золотой огонь слепил глаза. Держа полоску перед собой, Нете стала приближаться к Клей. И чем ближе она подходила, тем ярче становился круг на стене.

Альпер с трудом перевел дыхание. Он, казалось, задышался. Когда полоска вспыхнула пламенем в руке Нете, он содрогнулся

во внезапной конвульсии. Затем отшвырнул Сойера в сторону, вероятно, затратив на это последние силы, и, как загипнотизированный, пошел к Нете. Его притягивало к ней, как магнитом, он не мог сопротивляться этому притяжению.

— Дай его мне, Нете! — крикнул он сдавленным голосом, протягивая к ней руки. — Нете, дай мне этот огонь! Позволь прикоснуться к нему! Нете! Я...

Сойер увидел, что рука старика находится далеко от рокового кармана, и прыгнул за ним, точно подброшенный пружиной. Он и сам не знал, что хотел сделать, но понимал, что Нете — прямой враг и что если ему удастся завладеть крылатым огнем, который она держит в руке, то, возможно, в руках у него будет ключ к пониманию всего происходящего, если, конечно, это возможно понять.

Все произошло с ошеломляющей внезапностью.

Его вытянутые руки обхватили высокую, закутанную в вуаль фигуру на мгновение раньше, чем до нее дотянулись руки Альпера. Под вуалью он почувствовал сверхъестественно тонкое, гибкое и очень твердое, как стальной канат, тело. Несмотря на изумление, он крепко держал ее. Он надеялся удержать ее одной рукой, в то время как другой достать до крылатого огня. Но удержать ее было так же трудно, как легендарную змею Мидгард.

Он услышал ее крик — дикий, яростный, звенящий, как удар гонга, крик, полный музыки и гнева. Стальной канат ее тела пришел в движение. Он извивался в руках Сойера, как змея. Сойер понял, что ему не удержать его. Но ничего другого ему не оставалось. Стиснув зубы, задыхаясь, он изо всех сил вцепился в свою добычу.

Альпер издал сдавленный крик. Что-то пролетело мимо лица Сойера и, рассыпая искры, упало на пол. Альпер бросился туда, толкнув на пути Сойера. Тот потерял равновесие, и Нете, подобно вихрю, вырвалась из его рук.

Альпер, схвативший пламя, преобразовывался на глазах. Пламя озаряло его сиянием, и годы стекали с него один за другим. Тело его выпрямилось, щеки стали упругими и твердыми. Глаза засверкали фанатическим торжеством. Он теперь выглядел молодым, сильным, ловким.

— Вот оно! — кричал он. — Вот откуда исходит энергия!

— Отдай это мне! — крикнула Нете, бросившись вперед. — Ты сам не знаешь, что делаешь! Ты получишь слишком много энергии, старый Хом. Смотри, Ворота уже начали открываться! Отдай!

Альпер отпрыгнул от нее, хохоча как безумный. Сойер теперь видел, что не молодость преобразила его. Старое лицо ос-

талось старым, но энергия, казалось, истекала из него золотыми струями.

Нете старалась схватить обеими руками сверкающую полосу. Увертываясь от нее, Альпер сильно ударил в стену раскрытыми огненными крыльями. Раздался дикий музыкальный звук, как будто камень ответил на удар, и светящийся круг стал таким ярким, что на него было больно смотреть. Клей казалась тенью на фоне этого бешеного сияния.

— Сожми ее, Альпер! — кричала в отчаянии Нете. — Сейчас мы все провалимся! Альпер! Сожми Огненную Птицу! Держи ее у себя, но сожми!

Сам воздух звенел вокруг них. Круг превратился во вход туннеля, круглый, излучающий сияние, ведущий в длинную, сужающуюся трубу, вырезанную во льду...

Какой-то вихрь подхватил их всех и поволок в туннель. Стены зазвенели от яростного отчаянного крика Нете. В воздухе стояло гудение и свист, крылатые огни тысячами пролетали мимо них. Многие вылетали в туннель, другие ударялись о стены и медленно угасали...

Альпер, охваченный ужасом, сжал обеими руками крылатое пламя, но было уже поздно. Их тащило, кружило, мимо проносились ледяные стены туннеля, провожая их в бесконечный полет.

4

Одно мгновение Сойер почувствовал такой холод, что ему показалось, что молекулы его тела слились и превратились в хрупкие кристаллы.

Но вот он уже стоит на твердом полу, глядя перед собой в длинный, кольцевой туннель, как будто вырезанный в зеленоватом льду. Он не один, рядом с ним Клей. Ее ноги немного дрожат. В трех шагах позади стоит Альпер, одной рукой держась за стену, а другой судорожно сжимая свою драгоценность.

Но не это привлекло внимание Сойера. Он смотрел на беспорядочную толпу других людей. Их было много, и все они быстро уходили от Сойера и остальных его спутников по длинному туннелю. Все они были очень высокие, тонкие, гибкие. Некоторые из них шли задом наперед. Слепые лица тупо улыбались Сойеру.

Сойер посмотрел на Клей. Глаза ее округлились, в них был изумленный вопрос. Он посмотрел на Альпера и увидел то же изумленное выражение. Сойер нерешительно заговорил.

— Альпер, ты слышишь меня?

Голос его глухо прозвучал в туннеле. Альпер сделал две безуспешные попытки, прежде чем смог заговорить.

— Да, я слышу тебя. Где...

— Где мы? — опередил его Соьер. Он бессмысленно улыбнулся, а Альпер собрался с силами, расправил плечи, взглянул на них с высоты своего роста и внезапно расхохотался торжествующим смехом. Двигаясь с пугающей легкостью, он отошел от стены зеленого льда. Не за этой ли стеной находится шахта Фортуны?

— Я не знаю, где мы, — сказал Альпер. — Но я знаю, как мы сюда попали. Вот.

Он разжал руку, и золотая полоска тускло засветилась в его руке. Толстые пальцы Альпера сжались. Плоские золотые крылышки пламени расправились как лепестки цветка. Языки пламени затрепетали, разгораясь все сильнее. Альпер ухмыльнулся и ударил полоской по ледяной стене. Она отозвалась слабым мелодичным звоном. Больше ничего не произошло.

Альпер растерянно улыбнулся и ударил сильнее. Снова ничего, хотя сияние вокруг него становилось все ярче.

— Сожми ее, Альпер! Сожми ее!

Они повернулись. И в первый раз ясно, без вуали увидели женщину по имени Нете.

Среди этих странных безликих фигур, удалявшихся от них по коридору, одна казалась живой. Остальные двигались, как будто в трансе. Но одна фигура повернула голову и посмотрела на них через плечо. Между ними было футов тридцать. И теперь они поняли тайну этих бессмысленно улыбающихся слепых лиц, повернутых к ним.

Эти лица оказались масками. Настоящие лица погруженных в транс людей смотрели вперед. На затылках их были одеты слепые улыбающиеся маски. Только Нете старалась повернуться к ним, борясь с какой-то силой, которая тянула ее вперед.

Они увидели ее лицо. Странное, нечеловеческое лицо, полное жизни. Оно было узкое, заостренное к подбородку и расширяющееся к огромным, блестящим, как у змеи, глазам, полузакрытым тяжелыми ресницами. Рот ее был похож на узкую алую щель. Уголки рта были загнуты вверх в полубезумной улыбке. Такие улыбки изображали у своих мраморных статуй этруски.

Ее тело, как и тела всех остальных людей, идущих с ней, были не более человеческими, чем тела людей на картинах Эль Греко. Удлиненные линии тела, непропорциональные искажения создавали впечатление уродства.

На Нете тоже была надета маска. И сейчас, когда Нете старалась повернуться к ним, Соьер увидел маску в профиль. Но

он не мог понять, были ли у Нете волосы. В ушах ее были серьги в виде сетчатых сфер, в каждой из которых светился мягкий огонек. При каждом ее движении по ее щекам пробегала россыпь огоньков — свет, проникающий сквозь отверстия сфер. Одета она была как все они — в свободно ниспадающую от плеч мантию бледно-зеленого цвета.

— Сожми ее! — кричала она, изо всех сил стараясь повернуться к ним. — Быстрее! Иначе вы не сможете вернуться обратно!

Воздух уже начал трепетать вокруг них.

— Сожми ее, Альпер, — сказал Сойер. Он повернулся и хотел приблизиться к нему, пройдя те три шага, которые их разделяли. Но не смог сделать этого. Твердый, непреодолимый воздух сопротивлялся ему. Это было не давление, а миллионы мельчайших игл, устремленных на него из пространства туннеля.

— Я уже пыталась, — сказала Клей. — Вернуться невозможно. Даже стоять на месте трудно. Смотрите, мы уже начинаем двигаться.

Сопrotивляясь увеличивающемуся давлению, Сойер пытался задержаться, но тщетно. Впереди них яростно сопротивлялась Нете. Ее странное лицо было полно ярости и тревоги. Поток тасил ее и остальные фигуры вперед. Расстояние между Нете и людьми все время увеличивалось. Она вытянула руку и крикнула:

— Альпер! Иди ко мне! У тебя Огненная Птица, и ты можешь двигаться. Отдай ее мне!

Альпер рассмеялся смехом безумца. Он сжал полоску, и свет померк, воздух успокоился. Он с подлинной страстью сжимал Огненную Птицу.

— Ты лишила меня энергии! — крикнул он удаляющейся Нете. — Теперь я буду сам черпать ее из этого источника. Ты идиотка, если думаешь, что я верну тебе его.

— Мне это необходимо! — в отчаянии кричала Нете. — Ты сам не знаешь, что делаешь! Неужели жизнь этой маленькой Хом может сравниться с моей? Я не могу уйти без Огненной Птицы.

В голосе ее послышалась угроза:

— Неужели ты думаешь, что, когда мы дойдем до конца туннеля, я не смогу убить тебя и забрать Птицу обратно? Торопись, Хом! Торопись!

По мере того, как она удалялась, ее голос становился все более гулким, так как смешивался с многократно отраженным от ледяных стен эхом.

— Отдай! — кричала она уже издалека, маленькая фигурка

со сверкающими глазами. — Отдай, и я позволю тебе жить! Но торопись, торопись, пока...

Одна из быстро удаляющихся фигур, среди которых она двигалась, метнулась в сторону и сильно задела ее плечом. Нете повернула голову, чтобы посмотреть вперед, и ее дикий, высокий, полный гнева крик гулко разнесся по туннелю. Эти слепые, погруженные в транс фигуры совершенно не обращали внимания ни на нее, ни на ее крики. Они просто увлекали ее с собой в своем движении вперед, к концу туннеля.

Там колыхались бледно-зеленые полупрозрачные шторы, похожие на утренний туман. В складках этого тумана скрывались по одному, по двое эти молчаливые, безразличные фигуры, они уходили в какой-то таинственный мир за шторами, куда вел туннель.

— Альпер! — снова послышался звенящий голос Нете. — Альпер! Теперь поздно! Слушай меня! Слушай внимательно! Меня уже увидели, и Богиня ждет, чтобы меня схватить. Я буду помогать тебе, если сумею. Но спрячь Огненную Птицу и никому ее не показывай. Если ты хочешь остаться в живых, спрячь ее, пока я не приду к тебе!

Внезапно стена тишины оборвала ее крики. Нете исчезла. В последний раз ее блестящие глаза взглянули на них с мольбой сквозь бледно-зеленый туман.

Альпер, нервно сжимавший в руке Огненную Птицу, потерял лицо и с сомнением взглянул на Клей.

— Я... я не понимаю, — сказал он. — Мы спим? Где мы? Клей, мне кажется, она думает, что ты... ты знаешь, что произошло?

Клей сжала руку Сойера. Она теперь медленно двигалась, подчиняясь мягкому, но сильному давлению воздуха. Альпер сделал три шага и догнал их.

— Это не сон, — нерешительно сказала Клей. Ее странный акцент стал заметнее. — Мне кажется, что когда мы были на полюсе, в Фортуне, то был сон, а сейчас я начинаю пробуждаться, возвращаюсь в реальный мир. Мой мир, Хомад, в конце этого туннеля, где живет мой народ. Где правят Изверы. Где...

Она внезапно замолчала, коротко ахнув. Пальцы ее впились в руку Сойера в судорогах внезапного ужаса.

— О, нет! — вскричала она. — Я не могу идти туда! Я не хочу возвращаться!

Она как безумная повернулась и побежала обратно. Но меховая шуба мешала ей, а обувь скользила по полу. Она сбросила сапоги и попыталась бежать босая — навстречу давлению воздуха. Но это ей не удавалось, она не могла сдвинуться с места.

— В чем дело? — спросил Сойер. — Скажи, что ты вспомнила. Клей? Чего ты боишься?

— Н-Нете... — пробормотала Клей.

Вся дрожа, она повернулась к туманному занавесу, за которым исчезали молчаливые фигуры в мантиях. Бесстрастные, улыбающиеся маски смотрели на нее невидящими глазами.

— Я вспомнила... Когда мой дед был рабом в замке, Нете уже стала избранницей Богини. В следующем ранге, в ранге жрицы, она уже имела бы право носить Двойную Маску. Затем я исчезла... — и девушка коснулась своего лица, своего тела, как будто они были для нее странными, как и ее воспоминания.

— Меня не было целых два года, если, конечно, у нас время такое же, как на Земле. Я сбежала отсюда и не могу теперь возвратиться обратно: меня назначили в жертву Огненной Птице. Что же теперь делать?

Она бросила обезумевший взгляд на Сойера.

— Подожди, — сказал он. — Объясни подробнее. Там, в конце туннеля, находится другой мир? Твой мир?

— Да! — отчаянно вскрикнула она. — Я знаю это! Вы видели Нете! Видели и остальных. Неужели вы думаете, что находитесь в своем мире? Похожи они на людей Земли? Там другой мир, и я знаю это!

Сойер задумчиво смотрел на нее. Затем посмотрел на слепые улыбающиеся фигуры,двигающиеся перед ними по своим отражениям в зеркальном полу. Он с трудом повернулся, чтобы посмотреть на сомкнувшуюся позади стену туннеля. Ему показалось, что кто-то ударил его в шапте по голове и что сейчас он лежит на полу и ему чудятся различные кошмары.

— Сон это или явь, — сказал он, — нам нужно действовать. Альпер, ты можешь двигаться против потока. Проверь, можешь ты остановить нас?

Альпер неохотно встал перед ними. Но из этого ничего не вышло. Плотный поток воздуха тащил их так легко, как будто никакого Альпера не было на их пути. Отойдя в сторону, он крепко взял Клей за руку и уперся изо всех сил. Но поток, который тащил Клей, увлек и его. Ноги Альпера скользили по гладкому полу.

Сойер вздохнул.

— Похоже, ничего не выйдет. Что нас ждет, Клей, по ту сторону занавеса?

— Город, — сказала она нетерпеливо, тщетно стараясь удержаться на скользком полу. — Хомад, мой мир. О, мне еще столько нужно вспомнить. Все передо мной как в тумане. Но я вижу точно — Нете опасна!

— Скажи, что ты помнишь о ней, — сказал Сойер, — и побыстрее. Времени у нас мало.

— Она — Извер, бессмертная, она из расы богов, которые

правят Хомадом. Боги не стареют. Ничто не может повредить им. Богиня может править вечно, если только не возникнут волнения и народ не прогонит ее за это.

— Богиня? — переспросил Сойер.

— Не совсем. Просто Извер, как Нете, только более могущественная и имеющая право носить Двойную Маску и Темную Мантию. Нете собирается стать такой через три дня, если она не лжет. Мне очень страшно! Вероятно, без меня произошли большие волнения, иначе Нете не смогла бы сменить Богиню.

— Волнения? — спросил Сойер. — Они отразятся на нас? Расскажи, что ты помнишь.

— Волнения среди богов, — неуверенно заметила Клей. — Откуда может простой Хом узнать об этом? Но иногда Изверы начинают исчезать, таять, как туман, и никто не понимает, почему. А иногда снизу приходит жуткий народ, и даже Изверы не могут справиться с ними, убить их. Тогда Хомов приносят в жертву. Требуется много жертв, гораздо больше, чем обычно. Когда мы придем туда, Изверы принесут меня в жертву Огненной Птице. Птица съест меня на Торжественной Церемонии.

— А может, и нет, — сказал Сойер. — Скажи, что представляют собой Огненные Птицы. Это то же, что сейчас находится в руках Альпера?

Она покачала головой в смятении.

— Вы видели Огненных Птиц. Привидения. Летающие огни, которые вынимают уран из руды. Это для меня совершенно ново. В Хомаде мы ничего не знали об Огненных Птицах — только в глубине Источника Миров, куда бросают жертвы, видны всплески огня, как взмахи крыльев. Вот почему Изверы называют их Огненными Птицами, а место это — ямой Огненных Птиц. Им приносят жертвы. Однако в самом Хомаде мы никогда не видели живых Огненных Птиц, подобных привидениям в шахте. Да и об уране мы тоже ничего не знали.

Она помолчала.

— Как все это странно. У меня в памяти все двоится. И воспоминания о Земле, и воспоминания о Хомаде.

— А это что? — спросил Альпер, показывая золотую пластинку.

— Я не знаю. Нете называет это Огненной Птицей. Я предполагаю, что это просто символ, талисман. Ведь он действительно похож на Огненную Птицу, верно? Мне кажется, что она собирает их. Мы видели, что, когда она расправляет крылья, воздух начинает сгущаться.

— И она открывает стену, через которую мы пришли, — сказал Альпер. — Я знаю, я видел это. Но мне кажется, что она открывается только в одном месте.

— Ключ? — неуверенно спросила Клей. — Между мирами? Может, именно поэтому Нете так хочет заполучить его обратно? Я должна вам сказать, что если Нете через три дня станет Богиней, то Извер, которая сейчас является Богиней, постарается убить ее. Она не отдаст Двойную Маску без борьбы. Нете нужна эта Огненная Птица, так как она является источником энергии. А энергия понадобится Нете в этой борьбе.

— Да, это источник энергии, — сказал Альпер низким басом. — И я буду хранить эту вещь. Нете что-то нужно от меня, она...

— Идиот! — сказала Клей. — Нете — Извер, полубогиня. В моем мире ты — ничто, человек, один из Хомов. Неужели ты не понимаешь этого?

Сойер внезапно усмехнулся.

— Ты вступил в сделку с дьяволом, Альпер, старый Хом. Но мне кажется, что ты получил слишком короткую ложку. Слушай меня. Сейчас нам может понадобиться помощь друг друга. Тебе следует освободить меня от своего передатчика. Лучше используй его на Нете. Может, это будет твое единственное оружие против нее. Ведь как только мы выйдем отсюда, ты будешь в ее руках. Тебе понадобится наша помощь.

— Нет, — тяжело сказал Альпер. Его маленькие глазки блеснули подозрением. — Я свободен и не буду выходить отсюда. И сохранию этот кнут, которым могу заставлять тебя подчиняться.

Сойер взглянул на туманный занавес, который колыхался в конце туннеля. Он был совсем близко. Плотный воздух гнал их вперед — все быстрее и быстрее.

— Как поток электронов в вакуумной лампе, — подумал Сойер, глядя на занавес. — Если ты электрон, то ты не можешь двигаться в обратном направлении. Этот конец туннеля — катод, и мы летим прямо к нему“.

Вот уже занавес коснулся их лица. Поток воздуха стал еще сильнее, они буквально пролетели сквозь хлопья тумана. И вот они стоят, шурясь от яркого света, на небольшой площадке, откуда ведет вниз лестница. У Сойера задрожали колени: поток воздуха внезапно кончился, и было непривычно стоять свободно.

— Вот, — тихо сказала Клей, стоящая рядом с ним. Он услышал глубокий вздох девушки. — Это Хомад. Я вернулась. Я — дома.

5

Это оказался шумный мир. Ступени вели на многолюдную площадь, где высокие Изверы, одетые в мантии цвета зеленоватого льда, величественно расхаживали среди толпы более мел-

ких людей. Один из Изверов играл на странном квадратном барабане, отбивая непривычную мелодию, и группа богов вокруг раскачивалась в такт ударам. Их бесстрастные глаза с лицами-масками смотрели на толпу, но, казалось, не видели ее.

Еще одна группа людей с двумя лицами ожесточенно спорила о чем-то прямо у подножия лестницы. Звонящие голоса далеко разносились в воздухе. Один из погруженных в транс пришельцев остановился на ступенях, потряс головой и затем, издав пронзительный звонящий крик, бросился вниз по лестнице.

Группа спорщиков расступилась перед ним.

Станным был этот мир под холодным небом и ярким солнцем. Бой барабанов, шуршание ледяных мантий, высокие крики, странная мелодия, незнакомый язык — все было непривычно и странно для Сойера.

Среди высоких, по змеиному гибких фигур робко передвигались люди — Хомы. Сойер наконец увидел расу, к которой принадлежала Клей. Те же странной формы скулы, тот же разрез глаз: все это он видел теперь в каждом лице. Они были смуглы и выглядели приземистыми по сравнению с непомерно высокими богами. Они были одеты в штаны и туники. Они все время боязливо оглядывались и уступали дорогу, когда мимо них проходили не замечающие их Изверы.

Шумная многолюдная площадь была окружена причудливыми зданиями из камня и кирпича. В промежутки между зданиями испуганно, как кролики, ныряли узкие улицы, которые моментально сворачивали и скрывались из виду за углом. В домах уже начинали зажигаться огни, наступал вечер, и на этот странный мир опускалась темнота. Где-то вдаль, над крышами домов было можно видеть шпили огромных башен, сделанных из стекла и льда. Они сверкали, как алмазы на холодном свете, лившемся из-за облаков.

— Замок, — пробормотала Клей. — Ты видишь? Во время Церемонии Открытия Источника можно видеть отблески крыльев Огненных Птиц. Они отражаются башнями и освещают почти половину города.

Просыпающиеся Изверы все еще спускались по лестнице и вливались в толпу на площади. И там же, внизу, нерешительно стояла Нете, оглядываясь назад. Ее живое злое лицо с этрусской улыбкой и огромными змеиными глазами полыхало яростью и, может быть, страхом. Она смотрела на занавес, из складок которого выглядывал Альпер. Альпер спрятался, заметив взгляд Нете, девушка прошипела что-то на своем языке, затем, изогнувшись по-змеиному, повернулась лицом к площади.

Холодная дрожащая рука Клей нашла руку Сойера.

— Смотри! — сказала она испуганным голосом. — Богиня!

Внезапно она втянула голову в плечи и накинула свой меховой капюшон.

— Может, меня никто не узнает, — сказала она. — Я попробую спрятаться. О, если бы знал мой дед!

Сойер сжал ее руку с бесполезным сочувствием и посмотрел на площадь, где двигались две колонны Извергов. Они шли быстро, и длинные их мантии развевались на ветру.

Наконец первый ряд приблизился к подножию лестницы. Изверги расступились, и вперед вышла Богиня...

На мгновение Сойер полностью потерял чувство реальности происходящего. Он не мог поверить в существование этого мира. Конечно же он находится на Фортуне, а этот мир Хомад не существует, его нет...

Когда они путешествовали по длинному ледяному коридору, он почему-то был уверен, что в конце концов они выйдут на поверхность и окажутся где-нибудь в ледяных равнинах полюса. Или, может, снова попадут в шахту. Но нет, это не шахта. Над головой небо. Изредка на нем проглядывало солнце. Какое солнце? То, что светит на Земле? Где находится этот Хомад? Где...

Богиня заговорила глубоким резонирующим голосом.

— Клей, — произнесла она.

Девушка вздрогнула и медленно стянула с головы капюшон.

Длинное гибкое тело Богини было закутано в черную мантию, контрастировавшую по цвету с бледным бесстрастным лицом, на котором выделялись два больших, как изумруд, глаза, таких ярких, что в них невозможно было смотреть. На Богине трудно было сфокусировать взгляд: черная мантия поглощала падающий на нее свет. Казалось, что там, где она стояла, образовалась дыра в пространстве, а лица у Богини нет вовсе.

На голове у нее были две маски — одна смотрела вперед, другая назад. В отверстия для глаз были вставлены две плоские линзы изумрудно-зеленого цвета, совсем не пропускавшие света. "Каким же должен восприниматься мир сквозь такие линзы?" — подумал Сойер.

Зеленые глаза, как два луча, остановились на Клей, с любопытством осмотрели ее, затем обосновались на Сойере. Тот почувствовал ожоги в тех местах, где его коснулся этот взгляд. Когда Богиня отвела от него свой взор, Нете разразилась страстной речью, тщетно стараясь привлечь к себе взгляд Богини. Но все было бесполезно. Ее взгляд был прикован к туманному занавесу, из-за которого пришли Изверги...

Сойер тоже повернулся в ту сторону. Там смутно виднелось

лицо Альпера, которому вздумалось подглядывать за тем, что происходит снаружи. Он встретился взглядом с зелеными лучами Богини, и Сойер увидел, как Альпер весь напрягся, а затем медленно двинулся вперед.

Точно загипнотизированный Альпер вышел из-за занавеса и медленно, как автомат, стал спускаться по лестнице. Дыхание Нете со свистом вырывалось между зубов. Рука Альпера была в кармане, Огненной Птицы не было видно...

Богиня заговорила во второй раз. Голос ее глухо звучал из-под маски. Ее охранники вышли вперед. И тогда Нете прыгнула вперед и встала между ними и тремя землянами на ступеньках лестницы. Она что-то повелительно крикнула охранникам. Голос ее был музыкален, несмотря на ярость, звучащую в нем. Охранники нерешительно остановились, оглядываясь на Богиню. Сойер подумал, что, если Нете действительно собирается через три дня надеть эту жуткую мантию и маску, то охранники должны призадуматься, прежде чем ослушаться ее приказа.

Снова заговорила Богиня. Нете, шелестя ледяной мантией, рванулась к ней. Они долго стояли друг против друга, раскачиваясь, как две кобры, готовые к нападению.

— Она угрожает Богине, — прошептала Клей. — Она говорит, что сделает после того, как... О, подождите! Слушайте!

Богиня заговорила, и голос ее разносился по площади. Нете с шипением отшатнулась назад. И Изверы, и Хомы в толпе возбужденно заговорили.

— В чем дело? — спросил Сойер. — Что она сказала?

— Тихо! — тревожно сказала Клей. — Не мешайте слушать. Она... она не собирается отдавать Двойную Маску без боя. А это значит, она вызывает Нете на Открытие Источника. Что, в свою очередь, означает смерть кого-то из них. Это ее право. Если она хочет использовать свой последний шанс, никто не может воспрепятствовать ей. Она...

— Я думал, что Изверы бессмертны, — сказал Сойер.

— Для пришельцев — да. Но есть одно средство, что уничтожает их. И правящая Богиня хранит его. Я не знаю, что это. Ни один Хом не знает. Если Богиня решает воспользоваться этим оружием, она рискует при этом погибнуть сама. Но она все равно бросила вызов. Она сказала, что или убьет Нете во время Открытия Источника, или погибнет сама от ее руки. — Клей глубоко вздохнула, затем невесело улыбнулась: — Зато теперь я увижу интересное зрелище, — сказала она Сойеру.

— О чем ты говоришь? — спросил Сойер, крепче сжимая ее руку. — Что такое Открытие?

— Церемония, — ответила Клей. — Она совершается тогда,

когда требуется принесение жертвы. А Богиня узнала меня. Так что мне есть, чего ждать.

Нете замерла перед величественной фигурой Богини. Затем она непроизвольно подалась назад. Клей засмеялась, и Нете услышала ее: голова ее чуть-чуть повернулась, и по маске побежали золотые огоньки из отверстий сережек. Она снова прошипела что-то Богине, затем резко повернулась к троиче, стоящей на ступеньках лестницы. Она бросила убийственный взгляд своих змеиных глаз на Клей. У девушки перехватило дыхание, и она прижалась к Сойеру. На губах Нете появилась злобная улыбка. Огромные светящиеся глаза нашли Альпера, застывшего перед Богиней.

— Тобой я займусь потом, — быстро сказала она. — Но предупреждаю, когда тебя начнут спрашивать, ни слова об Огненной Птице. Помни это, или мы все погибли. Ты слышишь меня, Альпер?

Тот тупо мотнул тяжелой головой.

Нете повернулась и пошла к Богине, а охранники бросились вверх по лестнице к людям. Станные нечеловеческие лица не смотрели на них, но их железные руки схватили Сойера и потащили его вниз. Альпер вдруг очнулся и начал сопротивляться, хотя это было заведомо бесполезно. Клей почти лишилась чувств, когда холодные руки схватили ее. Их быстро стащили вниз, на площадь.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда Изверы повели пленников по извилистым улицам к стройным башням Замка. Быстро темнело, и на улицах один за другим стали зажигаться фонари. Улицы были узкие, и пленникам пришлось идти по одному. Сойер уже не мог больше разговаривать с Клей. Девушка отбросила капюшон назад и рассматривала улицы и дома, стараясь припомнить город.

Сойер шел, как во сне. Он слышал обрывки разговоров на неизвестном языке, видел странные дома и странные тени в освещенных окнах домов. И все это был реальный мир, а не плод его воображения.

Из некоторых окон, освещенных синими или ярко-золотыми источниками света, неслась странная музыка, исполняемая на инструментах, которых Сойер никогда не слышал в свою бытность на Земле. Знакомый запах дыма смешивался с неизвестными запахами кухни. Маленькие мальчики доставали что-то из плетеных конусообразных корзин и с криками швыряли в толпу. Они делали свой собственный бизнес, хотя Сойер не мог понять, в чем он заключается.

Но в основном на улицах было тихо, и встречающиеся Хомы безмолвно исчезали при виде процессии Изверов, которые вели

своих пленников. Сойер не раз встречался глазами со спокойными взглядами людей. Было ясно, что они сочувствуют пленникам, но не испытывают никакого желания оказаться на их месте. Однажды из окна вылетел какой-то фрукт, мягкий, полугнилой. Он попал прямо в голову Извера, шагавшего впереди Сойера. Тот быстро поднял голову, зорким взглядом нашел окно и продолжал идти дальше. Сойер почувствовал холодок между лопатками.

Когда они дошли до улицы, в конце которой возвышался Замок, сильнейшие раскаты грома потрясли весь город, и струи косого дождя, окрашенные в алый цвет лучами заходящего солнца, забарабанили по крышам домов. Окна и двери всех домов поспешно захлопывались, матери звали своих детей. Пленники дошли до ворот Замка по совершенно пустой улице, заливаемой кроваво-красным дождем.

Ворота, причудливые по архитектуре и отделке, были сделаны из льда или из стекла. Обычно бесцветные, сейчас они приобретали под лучами заходящего солнца зловещую окраску. Медная сеть, свисающая складками, закрывала ворота.

Отряд остановился. Извер, шедший впереди, вытянул тонкие губы и издал звук, похожий на звук флейты, чистый и мягкий. Потом они долго стояли под дождем и ждали.

Как только медный занавес затрепетал, в аллее снова послышался шум. Из-за дождя Сойер не мог разглядеть, что там происходит. Но вот появилась целая вереница повозок. Ржанье лошадей, стук колес, крики людей — все перемешалось в сплошном гуле. Отраженное от стен домов эхо тысячекратно усиливало этот шум.

Сойер увидел, что повозки нагружены чем-то, что по запаху напоминало сырую нечесаную шерсть. Лошади, пятнистые, как леопарды, неслись вскачь по булыжной мостовой. На передней повозке сидел старый толстый человек в тунике и переднике. Он сидел, свесив ноги, подгоняя и без того несущуюся во весь опор лошадь. Его белые бакенбарды развевались на ветру. За ним на большой скорости неслись другие повозки. Ржали лошади, кричали люди, лаяли собаки, открывались окна домов, и из них высывались любопытные.

И вот вся эта шумная процессия обрушилась на них. Лошади, фыркая и лягаясь, пробивались через колонну, ожидавшую у ворот Замка. Собаки путались под ногами и оглушительно лаiali, лошади ржали, и это ржанье походило на человеческие крики. Люди обрушивали на несчастных лошадей град ударов, побуждая их бежать быстрее и ржать громче.

Даже величественные Изверы были вынуждены уступить дорогу этой сумасшедшей процессии. Сойер почувствовал, как

на его руке сомкнулись железные пальцы одного из Изверов, и он позволил увести себя к стене одного из домов. Теперь уже кричали и Изверы. Они выкрикивали высокими пронзительными голосами ругательства и приказания. С ужасающим грохотом одна из повозок перевернулась. Тюки мокрой шерсти покатались по земле.

И среди этого бедлама Сойер увидел взгляд Клей. На ее лице пылало возбуждение и надежда. Она буквально тянулась вперед, насколько ей позволяла рука охранника, вглядываясь в лица проезжавших мимо людей. Сойер видел надежду, забрезжившую на лице девушки, вспомнил несчастную Лизу Болконскую с ее немного короткой верхней губой, придававшей ей шарм, и рванулся из рук державшего его Извера.

Стараясь удержать его, Извер поскользнулся на мокрых камнях. Тогда Сойер перебросил его через бедро, и оба они покатались по земле — прямо под ноги того Извера, что держал Клей.

Это был именно тот шанс, которого она ждала. Извернувшись, она выскользнула из своего мехового пальто и одним прыжком подскочила к первой повозке.

— Клей! — старый толстяк наклонился и подхватил ее, она вмиг очутилась в повозке, которая с грохотом и лязгом, не снижая скорости, пронеслась мимо.

— Это ее дед, — догадался Сойер, когда вся процессия с торжествующими криками скрылась вдаль.

Железная рука Извера легла на его плечо, не оставляя надежды на побег. Сойер выругался и поднялся на ноги. Шум повозок и крики людей уже затихли в глубине извилистых улиц города. Два Извера молча направились туда, где исчезли повозки. Несколько собак все еще бежали по улице, заливаясь истошным лаем, но остальные уже успокоились. Все происшедшее казалось сном.

За исключением одного, подумал Сойер. Пустое пальто с капюшоном все еще было в руках изумленного Извера, который несколько мгновений назад держал Клей. Сойер ощутил внезапную тоску в душе при виде этого пальто. Девушка исчезла, как будто она никогда и не существовала. Исчезла в этом городе, который был ее родиной и вместе с тем чужим и враждебным для нее местом.

Все это случилось практически мгновенно, занавес все еще лениво поднимался, раздвигаясь, в то время как шум повозок затихал вдаль. За поблескивающей медной сеткой открылся широкий стеклянный коридор. Охранник толкнул Сойера вперед, под тяжелые складки медной сети. Сойер успел оглянуться назад и увидел пальто Клей, лежащее на мокрой земле с рас-

простертыми руками, как бы в бесконечном отчаянии. Занавес закрылся и полностью отрезал Сойера от внешнего мира, с его звуками, надеждами, тревогами.

Альпер сидел на стеклянной скамье в пустой стеклянной камере и смотрел на Сойера. Тот сидел на полу в противоположном углу, обхватив колени руками. Он смотрел на Альпера.

— Ты дурак, — сказал Альпер.

Сойер не обратил внимания на его слова.

— Ты помог ей бежать, — продолжал Альпер. — С твоей стороны это была идиотская выходка. Теперь мы оба заплатим за это.

Сойер медленно обвел стены камеры, совершенно гладкие и чуть зеленоватые. Взгляду не на чем было остановиться, и он поневоле вернулся к Альперу. Где-то здесь была дверь. Они ведь вошли сюда через дверь, но когда она закрылась, абсолютно невозможно стало определить ее местонахождение.

Свет в комнате давал какой-то невидимый светильник под самым потолком.

— Мне тоже все это не нравится, — медленно проговорил Сойер. — Совсем не нравится. Мне кажется, что теперь мы оба в одной лодке.

— Лодка! — сказал Альпер. — Это же не Земля. Я не понимаю...

— Может быть, ты понимаешь больше, чем я. Если мы хотим что-то предпринять, тебе лучше рассказать мне все, что тебе известно. Например, о Нете. Неужели она тебе никогда не говорила о существовании этого мира?

— Нет, — угрюмо сказал Альпер. — Она явилась ко мне на Фортуне. Ты сам видел как. Как тень. Но когда она коснулась меня, я почувствовал, как энергия стала проникать в меня...

Он с торжеством посмотрел на Огненную Птицу в руке.

— ... и после этого я решил дать ей все, что она хочет.

— Урановую руду?

— Да. Она хотела, чтобы урановую руду добывали и увозили. Поэтому я хотел закрыть шахту. Но об этом мире я не имел никакого понятия.

— Я думаю, нам следует сотрудничать, — сказал Сойер. — В нашем положении лучше быть друзьями, чем врагами. Ты понимаешь, что я не могу отсюда послать доклад в Торонто? Может статься, мы пробудем здесь долго.

Альпер кивнул.

— Прекрасно, — сказал Сойер. — Тогда первое, что следует сделать, это извлечь передатчик из моей головы.

— Нет.

— Почему? Ведь теперь тебе не надо контролировать меня.
— Это не позволит тебе убить меня.
Глаза Альпера светились подозрением.
— Я прекрасно знаю, что у тебя на уме, молодой человек.
— Ты идиот, — глубокомысленно заметил Сойер.
Альпер немного подумал.
— Хорошо, — сказал он. — Пожалуй, нам лучше действовать сообща, но передатчик останется в твоей голове. На всякий случай. Ты говорил о том, что мы что-то должны предпринять? Что, например?

Сойер снова обхватил колени руками.

— Единственное, что я могу предложить на данный момент, — сказал он, — это ждать.

6

Они молча сидели минут десять, изредка обмениваясь враждебными взглядами. Но вот их внимание привлек странный звук, исходивший откуда-то сверху. Оба повернули головы. В стеклянной стене появился сверкающий квадрат размером три на три дюйма. Они в изумлении смотрели, как поверхность квадрата раскаляется, стена становится прозрачной, так что уже можно было рассмотреть гексагональную структуру стекла. Затем стекло внезапно превратилось в зеленый пар, который ворвался в камеру, и лица Альпера и Сойлера обдало жаром. У них выступил пот.

Температура, однако, быстро снизилась. В воздухе медленно таяло облачко зеленоватого пара, а квадрат в стене стал отверстием. Видимо, молекулы этого стеклообразного материала мгновенно испарились, не переходя в жидкость, точно так, как это происходит с кристаллами двуокиси углерода — сухого льда. Вещество, из которого состояла стена, не исчезло, а просто перешло из твердого в газообразное.

Величественная голова Извера со стеклянной короной появилась в отверстии. Он с любопытством смотрел на землян. Видимо, так же люди наблюдают за деятельностью муравьев в муравейнике. Лоб Извера тоже был мокрым от капелек пота. Видимо, для испарения стекла потребовалось много энергии и выделилось много тепла.

Большие, полуприкрытые ресницами глаза Извера взглянули на Альпера. Видимо, Извер решил, что Альпер именно тот, кто ему нужен. Не входя в камеру, он вытянул свою длинную руку и положил на колени Альпера квадратный предмет размером около десяти дюймов. Предмет был черного цвета и слабо мерцал.

Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, голова Извера исчезла. Несколько мгновений отверстие оставалось открытым, а затем жуткий холод наполнил камеру. Молекулы зеленоватого пара мгновенно сконцентрировались и заполнили отверстие в стене. Воздух стал чистым и прозрачным, а стена — такой же монолитной, какой была до этого.

Альпер осторожно коснулся предмета на своих коленях. При этом он подозрительно взглянул на Сойера. И тут предмет вдруг шевельнулся, как будто с него спали невидимые ремни, и оказалось, что с колен Альпера свисает мерцающая черная ткань, такая черная, что она поглощала все лучи, падающие на нее. Глаз человека не мог сфокусироваться ни на чем, глядя на нее, — настолько глубока была эта чернота. Эта ткань не была запакована — ни в бумагу, ни в картон. Ее держало в сложенном состоянии ее собственное силовое поле. Приглядевшись, Сойер понял, что это не просто ткань, а что-то вроде плаща, такого огромного, что трудно было поверить, что он мог сложиться в такой маленький сверток. Из складок плаща выпал квадратик белой бумаги, который сам развернулся и лег на пол перед Альпером.

Альпер осторожно взял его за самый уголок. Там было что-то написано. Альпер быстро пробежал текст глазами, и его лицо осветилось торжеством. Он рассмеялся радостным лающим смехом, глянул на Сойера, и тут же рука его оказалась в кармане.

Громы и молнии возникли в самых глубинах мозга Сойера и ослепили его страшной болью. Пульсирующий ток крови в ушах усилился так, что, казалось, пришел конец света. Все исчезло перед его глазами.

Но на этот раз он был готов к этому. Почти готов. Готов настолько, насколько человек может подготовиться к удару молотком по обнаженному мозгу.

Он видел, как двинулась рука Альпера. Он прочел намерения в глазах старика еще до того, как рука начала движение к карману. И все мышцы и нервы без какой-либо команды успели подготовиться к тому, что его ожидало.

Прежде, чем гром расколол его череп на части, он успел прыгнуть. Внимание Альпера раздвоилось: с одной стороны, оно было привлечено к таинственно мерцающей ткани на коленях, а с другой стороны, он старался привести в действие свое оружие против Сойера. И тут на него обрушилось полубессознательное тело Сойера, совершившего прыжок через всю комнату. Все же это был тяжелый и сильный мужчина.

Альпер упал на бок. Он хотел оттолкнуть Сойера обеими руками, но, когда он отпустил кнопку управления, громы ментально прекратились в голове Сойера.

Сойеру повезло, что он не убил Альпера, хотя он стремился к этому. Удар ребром ладони, нацеленный на шею, пришелся в скулу Альпера. Другая рука тут же нанесла удар в живот, заставивший Альпера согнуться пополам, а следующий удар коленом в лицо швырнул Альпера на пол.

Сойер нагнулся над извивающимся на полу телом, готовясь нанести удар ребром ладони по основанию черепа. Этот удар должен был прикончить Альпера. Но затем осторожность взяла вверх: а не взорвется ли у него в голове передатчик, если Альпер умрет.

Сойер ударил Альпера в челюсть, и другой раз. Он подождал, желая убедиться, что Альпер без сознания. Затем он повернул его на спину и сунул руку в роковой карман. Там он нащупал маленькую коробочку, размером с наручные часы, и вытащил ее. Легкое нажатие пальцами, и в голове его послышалось гудение, как будто кровь забурлила по сосудам мозга.

Он отпустил палец, приложил коробочку к уху и, наклонившись к Альперу, позвал его.

— Альпер! Альпер! — послышался из коробочки его собственный голос. Значит, Альпер не солгал, это действительно были не только передатчик, но и микрофон, с помощью которого Альпер мог узнавать о нем все, как бы далеко он ни находился.

Сойер решил отойти от Альпера, но не успел сделать и шагу, как у него возникло гудение. Еще шаг — и гудение превратилось в раскаты грома. Сойер поспешил вернуться в прежнее положение и осторожно положил коробочку обратно в карман. Он передумал убивать Альпера.

Безнадежная ситуация. С одной стороны, он не мог больше терпеть этот передатчик у себя в голове, а с другой стороны, он не видел способа избавиться от него. Он с ненавистью посмотрел на распростертое тело своего мучителя, которого не осмеливался убить.

Альпер говорил, что там есть выключатель, но замаскированный так, что его не смог бы найти и Гудини. Сойер снова вынул коробочку.

Может, секрет выключателя в простоте маскировки? А может, подумал Сойер, Альпер солгал, и тут нет никакого выключателя. Во всяком случае, стоило попробовать найти этот секрет.

Через десять минут он осознал тщетность своих стараний, сунул коробочку в карман Альпера и взял бумагу, которую Альпер выронил из рук.

Она зашуршала под его пальцами. Письмо было написано по-английски, но почерк был таким, как будто человек, написавший это письмо, впервые пользовался английскими буква-

ми. Тем не менее письмо было безукоризненно с грамматической точки зрения.

"Альпер, я спасу тебя, если смогу. Но мне нужна твоя помощь. Я хочу получить Огненную Птицу, которую ты украл, а ты хочешь жить. Мы договоримся, если ты будешь делать то, что я скажу. Это черный плащ, который носят слуги Богини, выполняющие ее личные поручения. После наступления темноты ты не будешь виден в нем. Ты можешь открыть стену, приложив одну из пуговиц плаща к тому месту, которое начнет светиться при приближении пуговицы. Постарайся не сжечь пальцев, потому что пуговица быстро раскаляется. Когда ты накинешь капюшон, ты услышишь гудение, оно приведет тебя ко мне, если ты будешь идти так, чтобы оно не прекращалось и оставалось постоянным по громкости. Держись в тени, не разговаривай ни с кем, не отвечай на вопросы. Ты имеешь право на это, так как на тебе плащ посланца Богини". — Последняя строчка была подчеркнута.

"Я не смогу ничего сделать, если ты не сохранишь все в тайне. Постарайся сделать так, чтобы землянин, пришедший с тобой, умер. Огненная Птица даст тебе энергию, которая позволит тебе убить его. Но используй ее только тогда, когда вы будете одни, и возьми энергии ровно столько, сколько надо, чтобы убить его".

Подпись под этим сугубо деловым посланием была простой: "Нете".

Сойер взглянул на Альпера и с трудом удержался, чтобы не убить его. Он взял плащ, который был на удивление легок и такой черный, что даже на таком близком расстоянии Сойер не мог сфокусировать на нем взгляд.

Он понятия не имел, что на самом деле затевает Нете, но все же это казалось ему более предпочтительным, чем полная беспомощность в плену, в этой стеклянной коробке.

Единственным слабым звеном во всем плане был Альпер. Ведь как бы далеко не ушел Сойер, если ему удастся вырваться на свободу, Альпер всегда сможет расколоть ему череп молниями в любой момент, когда ему этого захочется.

Сойер покачал головой, уверенный, что есть выход из этого положения, нужно только его отыскать. И он нашел его.

Возможно, этому помогло то, что он потряхнул головой, приводя мысли в надлежащий порядок. Он рассмеялся, бросил плащ, перевернул Альпера и стал обыскивать его карманы. И вот Огненная Птица у него в руках.

Ручкой Альпера он написал на обороте записки Нете:

"Благодарю за плащ и Огненную Птицу. Как мне хотелось убить тебя! Но я знаю, что моя жизнь зависит от тебя. Теперь я сделал так, что и твоя жизнь, и жизнь Нете зависит от меня.

Для меня это гораздо безопаснее. Если ты включишь передатчик в моей голове еще хоть один раз, то никогда больше не увидишь Огненную Птицу. Оставь меня в покое, и если я сделаю то, что наметил, я вернусь к тебе. Это единственное, что я могу предложить. Но я предупреждаю тебя, не включай передатчик! Тебе хватит энергии до нашей следующей встречи. А получишь ли ты свою энергию, будет зависеть только от меня. Вспомни об этом, прежде чем притронуться к передатчику!”

Подписываться было не обязательно. Сойер завернул контрольное устройство в записку и сунул в карман Альпера. Затем он взял плащ, накинул его на плечи, натянул капюшон на голову и пробежал пальцами по краю плаща, отыскивая пуговицы. Вот они.

Стенка, через которую приходил Извер, засветилась в одном месте, когда Сойер приблизил к ней пуговицы. Вскоре жар стал нестерпимым, и Сойер отпрыгнул назад. Стена высветила кристаллическую структуру, затем начала испаряться. Снова появилось облако зеленоватого пара, который сгустился в атмосфере камеры. Еще мгновение, и в стене образовалось отверстие.

Сойер быстро выбрался наружу. Огненная Птица в кармане приятно грела ему бок. Он пожалел, что не воспользовался случаем и не пополнил свою энергию. Нете утверждала, что Птица не излучает энергию, если она не открыта. Сойер чувствовал себя усталым, голодным, очень хотелось пить. Но все это было неважно по сравнению с тем, что ждало его впереди. Перед ним было трудное дело, и он не знал, как к нему подступить.

Впереди забрезжил рассвет, послышался шум дождя.

Дождь длинными косыми струями падал на улицы, сверкая в свете, падающем из окон домов. Он барабанил по капюшону Сойера, стекая холодными ручьями с его плеч, и иногда заглушал монотонное гудение, которое указывало путь к Нете. Сойер медленно шел по пустынным улицам, ориентируясь по звуку, который доносился из двух пуговиц, пришитых на капюшоне — близ ушей.

Стараясь держаться в тени, он шел по улицам города, который находился в другом мире — само существование Изверов доказывало это. Насколько эта планета отличалась от Земли, Сойер еще не мог сказать, но он уже знал достаточно, чтобы идти осторожно, с опаской.

Изверы, по всей вероятности, добились больших успехов в технике. Они знакомы с электричеством, с проводимостью металлов. А мгновенное испарение материала стены камеры? Это большое достижение. Вероятно, прижатие пуговицы к стене настолько возбуждает молекулы, что они выделяют огромное количество тепла, достаточное для испарения. Правда, обрат-

ный эффект — мгновенная концентрация молекул, при которой происходит восстановление материала, — не совсем понятен.

Но что из того, что Изверы кое-что знают о химии и физике? Цивилизации могут иметь общие точки соприкосновения, но это не мешает им быть в корне различными и не понимать друг друга. Пусть здесь, как и на Земле, на закате дня загораются огни в домах, готовится ужин, кричат дети, лают собаки. Но из этого не узнаешь, каковы моральные ценности этого мира.

Во всяком случае, подумал Сойер, где-то под мокрой крышей одного из этих домов сидит возле очага Клей и рассказывает толстому старику свои впечатления о неизвестном мире под названием Земля.

Гудение в ушах внезапно стихло, а затем снова появилось, немного сместившись. Сойер вертел головой, пытаясь сориентироваться. Он повернул под прямым углом к прежнему направлению. Вероятно, Нете тоже не стоит на месте, подумал он.

Куда же он идет? Ему очень хотелось знать местный язык. Если бы он нашел Клей, ее деда, половина проблем была бы решена. Но он понимал, что шансов на это слишком мало. Пока он будет искать этот мизерный шанс, Нете или кто-нибудь из Изверов схватят его.

Однако у него есть нечто, очень важное и ценное для Нете — Огненная Птица. Сойеру казалось, что лучше всего спрятать ее где-нибудь и пойти на randevu с Нете без Птицы. Причем следует держаться подальше от Нете. Сойер почтительно вспомнил силу этого гибкого тела. Нужно с ней сторговаться повыгоднее. Например, узнать, как с помощью Огненной Птицы открыть Ворота обратно на Землю.

Однако сейчас не время, чтобы загадывать далеко вперед. Не будет ничего удивительного в том, что Нете высунется из одного из окон, стукнет его по голове и спокойно заберет Птицу, пока он будет лежать без сознания. И он шел очень осторожно, зорко вглядываясь в тени и уповая на провидение, которое всегда на стороне правды. Впрочем, так бывает далеко не всегда, даже на Земле.

Но главное — Огненная Птица. Сойер боялся держать ее при себе, но боялся и спрятать ее где-нибудь.

"Хоть бы эта Нете стояла на месте", — раздраженно подумал он, вертя головой, чтобы снова найти нужное направление. Он остановился на мокрой улице под окном, из которого доносился плач ребенка, и стал ждать, пока Нете остановится и гудение станет более устойчивым. Откуда-то из-за двери залилась истерическим лаем собака. Она яростно скребла дверь, когда Сойер проходил мимо.

Сойер прошел несколько десятков метров, и собака начала

лать снова. Он понял, что за ним кто-то идет. Тогда он вошел в глубокую тень и стал вглядываться в темноту позади себя. Но если у него и был преследователь, то он тоже был невидим в темноте, и Сойер видел лишь пустую улицу и слышал только лай собаки и скрежет ее когтей по дверной панели.

Делать было нечего, он пошел дальше. Во всяком случае, пока он остается в тени, он невидим. Однако время от времени он осторожно оглядывался назад.

Он шел и размышлял о том, что все, что он скажет Нете при встрече, он скажет и Альперу, если тот будет слушать. И что бы ни ответила Нете, ее услышит и Альпер. Так что они не смогут договориться без участия Альпера в этой сделке. Все это, конечно, будет в том случае, если Альпер позволит ему жить. Ведь он будет в ярости, когда придет время и обнаружит, что в камере нет Сойера, а у него самого нет Огненной Птицы. Но это был неизбежный риск. Сойер мог только ждать и надеяться на лучшее.

Уже минут пятнадцать сигналы от Нете приходили довольно устойчиво, и Сойер шел быстро, пытаясь приблизиться к ней настолько близко, чтобы увидеть ее и не блуждать больше по улицам, повинаясь гудению в капюшоне.

Конец путешествия оказался внезапным.

Сигнал был четким и ясным. Сойер повернул за угол и остановился так резко, что даже поскользнулся на мокрой мостовой. Он прижался к стене в какой-то нише и выглянул из нее, ругая про себя Нете. Перед ним была высокая каменная стена, в которой были проделаны ворота. Ворота были сильно укреплены и в настоящий момент закрыты. Это был конец города, и Сойер понял, что этот город опасается нападения.

Ворота были высокие, с огромными железными дверьми. На стене охранники-Хомы вглядывались вдаль, в направлении невидимой опасности. Другие охранники, тоже Хомы, одетые в окованные железом туники, охраняли ворота. В руках у них были какие-то трубки, видимо, оружие.

Один из Изверов, возвышаясь как божество над низкорослыми Хомами, что-то высокомерно говорил Хому-офицеру. Ворота, по всей видимости, тщательно охранялись, и беспокойство Сойера усилилось. Сигнал в его ушах звучал четко и ясно, и явно шел из тьмы за воротами.

Может, Изверы тоже ждут Нете? Может, ему сейчас следует выйти и отдать Огненную Птицу этому полубожеству? Или же он должен подчиняться зову Нете и пробираться к ней? Он долго размышлял над этой альтернативой. Если он сейчас сдастся, то окажется во власти неизвестно кого. Реакции же Нете он мог до некоторой степени предсказать. Поэтому он осторожно пошел

по аллее. Ему нужно было найти брешь в стене или хотя бы лазейку.

В конце концов он нашел возможность перелезть через стену и прыгнуть бесшумно на сырую траву. Он огляделся, но увидел только деревья, а в просветах между ними линию горизонта, распылавшуюся в потоках дождя.

Где-то под деревьями вспыхнул тоненький лучик света и исчез.

— Я здесь, — нетерпеливо сказала Нете. — Иди! Иди ко мне. Быстро! Иди ко мне, и все будет в порядке.

Сойер осторожно пошел на свет. Под ногами скользила мокрая трава. Плащ его был непромокаемым, но дождь бил по лицу, а ветер прижимал полы плаща к мокрым ногам. Он с трудом различил бледное пятно лица под деревьями. Между ветками он заметил яркое свечение, как будто там было огромное озеро, отражавшее от своей поверхности свет небес.

Когда он прошел футов двадцать, раздался голос Нете:

— Стой!

Он остановился.

Послышался смех Нете, мягкий, торжествующий.

— Хорошо, — сказала она. — Иди!

Было что-то в ее смехе, в тоне, каким она позвала его, что заставило Сойера насторожиться. Он пошел вперед, но медленно, осторожно. Он весь насторожился, все нервы напряглись, предчувствуя какую-то опасность, хотя он и не мог распознать ее. Он шел к деревьям и внезапно поймал себя на том, что считает шаги.

Он насчитал семь шагов по мокрой траве, а восьмой шаг пришелся в пустоту, и он рухнул в ничто. Где-то над ним раздался торжествующий смех и послышались торопливые шаги: это Нете спешила к месту падения.

7

Очень отчетливо, с одного взгляда, Сойер увидел то, что находится перед ним. Он успел разглядеть все, до мельчайших подробностей.

Светящаяся область за деревьями вовсе не была озером. Это была пустота. Высокие деревья окаймляли край твердой земли на внешней оболочке этого загадочного мира, где стоял город. Но внизу, бесконечно далеко внизу, в бесконечно широком пространстве находилась другая планета. Молочные облака плавали в бледно-серебряном небе. Некоторые из них, видимо, были грозowymi, так как имели зловеще-черный цвет.

Сойер рухнул в какую-то трещину в планете. Нете устроила ему ловушку, подзвав к себе, заставляя его идти. Все было рассчитано точно. Сойер должен был упасть вниз, и спасения не было.

Он летел вниз бесконечно долго. Затем что-то хлестнуло его по лицу, и он ухватился обеими руками за то, что показалось ему какой-то сетью.

Падение резко прекратилось. Рывок был настолько сильным, что он чуть было не сломал себе позвоночник. Далеко внизу загадочная планета раскачивалась под ним взад и вперед. Сойера стало тошнить, и он закрыл глаза, изо всех сил вцепившись в спасительную сеть, которая изредка дергалась. Это лопались нити под его тяжестью. Сойер с трудом заставил себя открыть глаза. То, за что он держался, было таким слабеньким и ненадежным, что, даже поднимая ресницы, он боялся, что это движение заставит оборваться нити, которые его держали.

Теперь он видел. Слабое сияние заполняло огромную пустоту, над которой он висел. Прямо под ним плыла незнакомая планета. То, за что он успел зацепиться, было корневой системой деревьев. Возле края слой почвы был очень тонким, и деревья, которые росли на краю, выпустили свои корни в пустоту. Сойер увидел, что не так далеко от него находятся более толстые и надежные корни. Но ему казалось, что достаточно одного движения, и он сорвется, полетит вниз.

На его голову и плечи посыпался щебень. Он осторожно поднял голову. Над краем обрыва появилось торжествующее лицо Нете. Но затем Сойер увидел, что торжество омрачено. Он еще жив!

— О! — удивленно сказала она.

Сойер промолчал. Он боялся даже говорить. Он измерил взглядом расстояние, отделяющее его от толстых корней, и прикидывал, что произойдет, если он рискнет до них дотянуться. Впрочем, что тут думать, он неминуемо сорвется.

— Альпер! — окликнула его Нете. — Альпер, это ты?

Сойер ощутил ласковое тепло Огненной Птицы в кармане и снова начал обдумывать линию поведения. Смешно было думать о будущем при таких обстоятельствах, но мозг человека — удивительное творение.

Снова посыпался град мелких камней — Нете перегнулась через край пропасти.

— Ты не Альпер, ты другой. — Она рассмеялась. — Хочешь, я помогу тебе выбраться наверх?

Он ничего не сказал даже сейчас. Он знал, что она не будет, не может помогать ему. Если он и сумеет спастись, то только сам. Все мышцы у него болели, и он знал, что долго ему не выдер-

жать. Он начал перемещаться всем телом, с тревогой прислушиваясь к треску корней, готовясь совершить прыжок через бездну.

— Если ты принес Огненную Птицу, — заговорила Нете, — я помогу тебе. Она у тебя? О, конечно. Ты не дурак. Дай ее мне, и я вытащу тебя.

Он даже не посмотрел на нее. Корни выдержали его, несмотря на рискованные движения. Наконец он напрягся и сделал безумный рывок через пустоту — к толстым корням, которые могли его спасти.

Бездна поплыла перед его глазами. Корни манили его, и вот уже обе руки ухватились за шершавую кору. Он обнял толстые грубые корни, закрыл глаза и прислонился щекой к колючей поверхности. Все внутри у него дрожало от напряжения.

Сверху раздался возглас, и посыпался щебень. Затем в пучину свалилось несколько камней, а сверху послышались звуки, как будто кто-то карабкался вверх. Нете выругалась на своем языке. Сойер сразу понял, что это ругательство, несмотря на чистый музыкальный звук. Он рассмеялся. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Хотя положение его улучшилось ненамного, теперь он по крайней мере имел твердую опору.

— Ну, как ты там? — спросила Нете. — Я повторяю, если ты дашь мне Птицу, я спасу тебя. Ты хочешь спастись? Я хотела погубить Альпера, а не тебя.

Она говорила, и в ее голосе слышалась паника, но у Сойера теперь была другая проблема, и он временно перестал слушать ее. Теперь он мог держаться за корень ногами и высвободить одну руку. Он осмотрел край обрыва, откуда торчали корни. Его внимание привлекло небольшое отверстие. Он сунул туда руку. Внутри что-то зашуршало. Он вытащил руку, и вслед за ней высунулась маленькая головка с любопытными глазами. Две маленькие лапки крепко ухватились за края отверстия. Небольшой зверек, вроде белки, с интересом смотрел на Сойера и крутил головой: видимо, животное впервые видело человека.

Сойер шикнул на него, испугав. Он быстро развернулся в узком отверстии, задев пушистым хвостом по лицу Сойера, и приготовился драться за свою жизнь. Сойер протянул руку и вытащил зверька из норы. Белка отчаянно сопротивлялась, но Сойер сунул ее в другое отверстие, поменьше. После этого он вытащил камень из отвесного обрыва и затолкал в беличью нору. Только потом он осторожно достал из кармана золотую полоску — Огненную Птицу.

Она казалась теплой. И слабо светилась на фоне зеленоватой поверхности бездны.

Сойер осторожно нажал на нее и почувствовал, как полоска

шевельнулась в его пальцах. И вот уже расправились крылья, и свет, похожий на солнечный, заструился откуда-то из глубины. Сойер ощутил, как в него вливается поток энергии.

— Огненная Птица! — закричала Нете. Она увидела сияние. Нете бросилась грудью на край обрыва. — Она у тебя! Я вижу огонь! Отдай ее мне, и я спасу тебя!

Но Сойер, несмотря на всю опасность своего положения, хорошо знал, что делать. Он не рискнул держать Птицу раскрытой более десяти секунд — время, необходимое ему для восстановления сил. Он не знал, какие опасности таит в себе Птица, но хорошо помнил, как Огненная Птица открыла Ворота в Землю, помнил, как порхали вокруг него крылатые языки пламени...

Он снова закрыл Птицу, и поток энергии медленно угас. Однако теперь он ощутил себя бодрым. Ему уже не хотелось ни пить, ни есть.

Во всяком случае, подумал он, Нете не получит Птицу. Он нашел идеальное место, где ее можно спрятать. Он спрятал золотую пластинку в нору и заложил отверстие камнями.

После этого он попытался, пользуясь полученной энергией, вскарабкаться по корню наверх. Корень угрожающе затрещал. Все же ему удалось немного подняться. Ему даже показалось, что он видит Нете.

Черт побери, не может же он висеть здесь вечно! Впрочем, место, где он спрятал Птицу, тоже ненадежно. Белка, движимая любопытством, может подкопаться под камень. Она станет самой богатой белкой — обладательницей Огненной Птицы. Но во всяком случае, Нете не получит ее. А если он упадет, у Нете не останется ни малейшей надежды.

Ну, что ж, подумал он, пора поторговаться. Он поднял голову.

— Нете, ты слышишь меня?

Ее лицо показалось над обрывом. Она раздвинула траву, и на Сойера стали падать дождевые капли.

— Если ты поднимешь меня, — сказал он, — то я смогу договориться с тобой.

Она протянула руку.

— Я не верю тебе. Дай сначала Птицу.

— Хорошо. Только протяни руку пониже. Мне не достать.

В футе от его лица появилась тонкая длинная рука. Сойер сжал ее запястье и сделал предупредительный рывок.

— Давай тщи меня, а не то мы оба рухнем вниз!

Крик ярости, раздавшийся у него над головой, заставил Сойера невольно содрогнуться. Рука начала отчаянно извиваться, пытаясь стряхнуть его. Держать эту руку было не легче, чем извивающуюся змею. Корень, на котором он висел, угро-

жающе затрещал. Сойер стиснул зубы, стараясь не выпустить руку. Он висел на одной руке, сражаясь за свою жизнь, и кричал:

— Прекрати, Нете! Прекрати! Веди себя спокойно, а не то мы оба упадем в пропасть! Тащи меня наверх!

Но она только яростно шипела и вырывалась.

— Я не могу вытащить тебя, идиот!

— Так какого же черта ты торговалась со мной? — сказал Сойер, еще крепче сжимая ее руку. — Ну? Тащи меня наверх, или мы вместе свалимся!

Он услышал, как воздух с шипением вырывается между ее зубами, увидел над собой лицо, освещенное дикой яростью, которой горели ее огромные нечеловеческие глаза. При виде этого искаженного злобой лица сердце Сойера сжалось. "Тот, у кого такое лицо, никогда не согласится пойти на уступку. Она скорее умрет", — подумал он.

— Я сейчас упаду, — сказал он спокойным и ровным голосом. — Мои руки вспотели, я не могу удержать корень. Решай быстрее, Нете.

Злобные глаза сверкнули, глядя вниз, в бездну. Его рука, цеплявшаяся за корень, скользила все быстрее и быстрее. Нете подтягивалась к обрыву и злобно шипела. Она уже была на самом краю бездны, и серьги в ушах, как маленькие лампы, освещали ее путь к гибели. И тут Сойер услышал треск: корень сломался.

— Ну что ж, — сказал он, глядя в лицо Нете. — Жизнь интересна, пока она продолжается.

Они оба повисли. Удерживал их только корень, которого не видел Сойер, но за который отчаянно цеплялась Нете. Вдруг на лице ее появилось выражение, которое он не мог разгадать. Он увидел, что она посмотрела в пучину. Увидел, как ее злобное лицо исказилось гримасой не менее злобного торжества.

Нете рассмеялась и... выпустила корень.

Какие мысли промелькнули у него в голове, когда они начали падать? Этого он осознать не успел. Время остановилось для него.

Он взглянул вверх и увидел отверстие, куда провалился сам и куда только что проскользнула Нете. Над краем обрыва среди травы он увидел темное мужское лицо, смотревшее на них. Он увидел все с фотографической точностью: и лицо, и край обрыва со свисающей травой. И все это быстро удалялось от него, уменьшалось в размерах. Лицо мужчины, лежащего на краю обрыва, запечатлелось у него в мозгу, как на фотографии. А затем это лицо скользнуло куда-то вбок и исчезло.

Они летели вниз, и их сопровождал, точно хвост кометы, громкий чистый смех Нете.

Они летели вниз, и ветер свистел у них в ушах. Они летели прямо в грозовые облака, которые проплывали под ними, и, казалось, были готовы принять их. Может, именно поэтому Нете так торжествующе рассмеялась, прежде чем бросилась с ним в бездну? Ведь она, прежде чем сделать это, посмотрела вниз. Но как могут эти облака спасти их?

И тут Сойер с удивлением увидел, что это не облака, не тучи — это кроны деревьев.

Вокруг них затрещали ветви, листья хлестали их по лицам. Сучья пружинисто согнулись, принимая их тела, затем выпрямились, подбрасывая их в воздух. Сойер подумал, что падения им не избежать, но деревья в этом мире оказались более дружелюбно настроенными к нему, чем люди. Дважды они опускались на кроны деревьев. Чем может им помочь плывущее по воздуху дерево, Сойеру было не понятно. Но приятно было чувствовать под собой опору.

“Хорошее дерево, — подумал он. — Умное, доброе дерево, держи меня”. И тут дерево стукнуло его по голове обломком сука. Впервые в своей жизни Сойер с удовольствием лишился чувств.

Ему казалось, что он лежит на твердой булыжной мостовой. Серебряно-серые тени мелькали перед его глазами. Вымощенные камнями облака были выше его понимания, и он приподнял голову, чтобы получше все рассмотреть, но тут рука Нете придала его голову к камням, и он почувствовал боль.

— Где она? — посыпалось яростное шипение Нете. Обыскивая его, она рванула за плащ с такой силой, что Сойер покатился по булыжникам, и звезды засверкали в его глазах.

— Что ты сделал с Огненной Птицей? Я знаю, что она была у тебя. Где она?

Она наклонилась к нему. Ее сверкающие глаза были в футе от него, яркие фонарики в ее ушах слепили глаза.

— Может, я выронил ее? — сказал Сойер, пытаясь подняться. — Где мы? На облаке?

— Мы на одном из плавающих островов, — нетерпеливо ответила Нете и тут же вновь яростно затрясла Сойера. — Ты выронил ее?! Отвечай!

Сойер почувствовал боль в том месте, куда его ударил сук. Он посмотрел на дерево. Обломанные ветви и сбитые листья показали ему путь, по которому они прибыли сюда. То, что он остался живы после такого падения, было чудом, хотя и не самым удивительным. Значит, темное облако маскирует плавающий остров? Плавающий остров? Сойер с силой ударил кулаком по камням.

— А это безопасно? — нервно спросил он. — На чем он держится?

— На чем держится Солнце? — злобно спросила Нете. — Откуда я знаю? Где Огненная Птица? Отвечай мне, пока я тебя не убила.

Сойер знал: если дать понять Нете, что Огненная Птица пропала для нее навсегда, то она приведет свою угрозу в исполнение.

— Обращайся со мной поосторожнее, и тогда я скажу тебе, — поспешно проговорил он. — Я выронил Птицу, когда мы падали. Но я заметил место. Ты никогда не найдешь ее без...

Она бросила вокруг себя быстрый взгляд.

— Куда она упала? Отвечай!

— Я не скажу тебе.

Нете обрушилась на него. Она схватила его за руку и начала изо всех сил выкручивать ее, шипя сквозь зубы:

— Ты ответишь мне, Хом!

Энергия, которую почерпнул Сойер из Огненной Птицы, позволила ему оказать сопротивление. Изловчившись, он нанес сильный удар ребром ладони по шее, прямо под сережкой.

Плоть Нете оказалась холодной и твердой. Удар только привел ее в бешенство. Она зашипела и еще сильнее заломила его руку. Мышцы его чуть не рвались, суставы затрещали. Пот ручьями стекал со лба. Он сжал зубы и, преодолевая боль, сказал:

— Ну, давай, ломай руку!

Она с удивлением взглянула на него.

— Я не Хом, — ровным голосом сказал он. — Ломай. Я ничего не скажу. Ты можешь убить меня, если не хочешь договориться по-доброму. Но...

Она еще дальше заломила руку. Сойер застонал от боли и повернулся вслед за рукой, стараясь спасти ее, пока не поздно. Она непременно сломала бы ему руку, если бы в конфликт не вмешалось еще что-то.

Откуда-то сверху упал камень, который попал Нете прямо в лоб. Она выпустила Сойера, и тот в изнеможении упал, массируя свою руку. Несмотря на боль, он подумал о том, что камень такой величины, брошенный с такой силой, должен был бы разнести голову Нете на части. Хотя все произошло мгновенно, он был готов поклясться, что перед тем, как камень попал в лоб Нете, из ее головы вырвалось сияние, которое смягчило удар. Да, конечно, оно вырвалось из головы. Значит, Изверы действительно неуязвимы? Тогда понятно, почему Нете рискнула броситься вниз, на этот плавающий остров. По сути, она ничем не рисковала. А вот Сойер неминуемо бы разбился, если бы листва деревьев не амортизировала удар.

Впрочем, думать об этом уже не было времени. Нете еще не успела упасть на землю, как послышался ужасный шум, доно-

сившийся с деревьев. И на них, как лавина, обрушилась орда каких-то существ.

Сойер не мог разглядеть их отчетливо. Но ему этого и не хотелось. У него вызывали отвращение эти приземистые фигуры, эти вросшие в плечи головы. Конечно, это не люди! Даже Изверы по сравнению с этими существами казались настоящими землянами.

Но эти существа ходили на двух ногах, могли кидать палки и камни. У них было и другое оружие. Сойер видел сверкание длинных ножей в толпе, окружившей его и Нете.

Эти пахнущие мускусом существа двигались с неестественной быстротой, пока Сойер безуспешно пытался привести в порядок смятенные мысли, а Нете, пошатываясь, поднималась с земли. Сойер почувствовал, как сильные руки схватили его. Он начал вырываться, но тщетно. Его легко подняли с земли, как будто он весил не более фунта.

Он огляделся вокруг. Какого же они роста? Казалось, что они все время меняют свой рост. Но затем он понял, почему ему так кажется. Их головы походили на головы черепах. Они могли вытягиваться на длинной суставчатой шее и втягиваться в плечи. Сойеру показалось, что их мускулистые руки вовсе лишены костей, так как они изгибались во всех направлениях.

Они дышали ему прямо в лицо горячим мускусом и передавали его друг другу, обмениваясь странными звуками: похрюкиванием, свистом. Сойер решил, что эти звуки не имеют ничего общего с членораздельной речью и в их маленьких головах разум находится в зачаточном состоянии. В полутьме их большие, светлые, совершенно пустые глаза, светились, как драгоценные камни.

Один из них издал звук, похожий на дробь большого барабана, и протянул к лицу Сойера обе руки. Большие, холодные, пахнущие мускусом, они ощупывали его лицо, уши, крутили его голову. Сойер подумал, что еще секунда и это чудовище свернет ему шею.

Сквозь растопыренные пальцы большой руки он увидел Нете, которая сражалась с врагами с гораздо большим успехом, чем он.

Он крикнул ей, хотя ладонь заглушала его голос:

— Нете! Нете!

Ладонь дикаря мешала Сойеру увидеть все подробно, но он разглядел, что его крик как будто вселил в Нете новую энергию. Она рванулась с такой силой, что ее враги разлетелись в стороны. Лицо ее светилось изнутри, глаза горели, как фонари, она двигалась с такой скоростью, что оставляла после себя в воздухе огненные языки.

И тут раздался ее крик, подобный удару гонга. Ни одно человеческое горло не могло бы издать такой звук, такой продолжительный, такой чистый. Сойеру показалось, что в воздухе поплыли светящиеся круги звуковых волн.

Реакция дикарей была неожиданной. Руки отпустили Сойера, и теперь он стоял, массируя больную шею, и с удивлением оглядывался вокруг. Все черепашьи головы повернулись к Нете, каждая пара пустых блестящих глаз смотрела только на нее.

Сойер воспользовался свободой, выхватил из ближайшей руки длинный нож и вонзил его по самую рукоять в грудь дикаря.

— Не надо! — крикнула ему Нете с другой стороны поляны. — Не теряй времени — слушай меня. Сбрось плащ. Избавься от него, пока ты не погиб!

Подчиняясь приказу, Сойер стал снимать плащ и краем глаза посмотрел на дикаря, которого он ударил ножом. Тот не отрывал взгляда от Нете. Он даже не взглянул на нож, торчащий у него в груди. Рука его поднялась и вытащила нож с такой небрежностью, как будто это была иголка, оцарапавшая ему кожу. На груди дикаря не оказалось никакой раны. Темная плоть мгновенно и бесследно затянулась, как только нож был вытасчен из раны. Только с лезвия ножа скатилось две капли золотой жидкости, которые тут же исчезли.

“Неуязвимы! — подумал Сойер. В нем шевельнулся страх. — Здесь все неуязвимы, кроме меня”.

Но думать ему было некогда, так как плащ раскалился в его руках.

Сойер вовремя выбросил его — в следующее мгновение плащ вспыхнул ярко-белым пламенем.

Блестящие овальные глаза дикарей проследили его полет и больше не отрывались от яркого света. Дикари смотрели на него, как загнипнотизированные. Нете была забыта. Сойер был забыт. Пламя притягивало к себе дикарей, они тянулись к нему, как мотыльки.

Сойер содрогнулся при мысли о том, какой ужасной смерти могла подвергнуть его Нете, если бы захотела, если бы его жизнь была не нужна ей. Как она это сделала, осталось для него загадкой, но он видел своими глазами, как невообразимо черный плащ превратился в невообразимо белое пламя, которое разгоралось все ярче и ярче, черпая энергию из какого-то невидимого источника. Дикари двинулись к нему, возбужденно толпились вокруг него, к ним присоединялись другие дикари, выбегавшие из леса.

Сойер увидел, что Нете пробирается к нему сквозь загнипнотизированную толпу. Фонарики на ее сережках слабо светились

в темноте. Сойер понял, что опасность приближается. Она спасла его потому, что он был нужен ей, но конец его неминуем, если Нете достигнет его.

Он резко повернулся и побежал...

8

За деревьями на фоне серебряного туманного неба вырисовывалась темная гряда холмов. Сойер с трудом бежал вверх по склону, не имея никакого четкого плана, кроме желания оставить между собой и Нете как можно большее расстояние. Он не забыл, что находится на острове, непостижимым образом плавающем в пространстве. Он внимательно смотрел на холмы перед собой и вскоре увидел клочья серебристо-серого тумана между двумя из них. Видимо, там был конец тверди.

Так и есть. Сойер взбежал на вершину и остановился, ухватившись за ствол дерева. И он, и дерево находились на самом краю бездны. Это был край острова. Клочья тумана плыли прямо у его ног. Корни дерева свисали вниз, совсем как у того дерева, за которое он уцепился наверху. Сойер заметил, что корни слегка отклонились назад. Значит, остров движется.

Держась за дерево, Сойер перегнулся через край. Он увидел: то, что он принял за темные тучи, на самом деле было островами. Их было много. Они медленно плыли между верхним миром и далеким, таинственным нижним миром. Он подумал, что эти острова, как ступеньки лестницы. Если повезет, то, перебираясь с острова на остров, по мере того, как они поднимаются и опускаются в своем медленном дрейфе, можно добраться до нижнего мира...

Так вот почему ворота города так тщательно охраняются! Они все время ждут нападения.

Он посмотрел вверх, и у него перехватило дыхание. Нижняя поверхность верхнего мира светилась алым пламенем, на фоне которого мелькали ослепительно белые молнии. Сойер решил, что так должен выглядеть конец света. Но затем он понял: это всего лишь зловещие отблески пылающего плаща. Сила его свечения была такова, что отблески пламени достигали верхнего мира.

А когда он оглянулся, то увидел, что к нему быстро приближаются две светлые точки. Нете настигала его. Сойер схватился за дерево и стал молить Провидение, чтобы оно вспомнило о нем. Ведь сейчас он находился буквально между адом и дьяволом. Нете отрезала ему путь к отступлению, и перед ним была бездна.

Нете заметила его силуэт на фоне серебряного неба и тор-

жествующе захохотала. Музыкальный ее смех разнесся по долине.

— Твой последний шанс! — крикнула она ему. — Если ты скажешь мне, где Огненная Птица до того, как я схвачу тебя, я сохраню тебе жизнь.

Сойер взглянул вниз.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Только остановись. Если ты хочешь говорить со мной, я услышу и оттуда. Стой на месте, так как я скорее спрыгну вниз, чем позволю тебе убить меня.

Нете рассмеялась, правда уже менее уверенно. Она замедлила шаг, но продолжала идти. Сойер нагнулся над бездной. Камни из-под его ног полетели вниз.

Нете остановилась.

— Осторожно, Хом. Ты можешь упасть. Я...

— Я не Хом, — настойчиво сказал Сойер. — Мною ты не можешь повелевать. Я знаю, куда упала Огненная Птица. Со всем не на этот остров.

Он посмотрел вниз, и ему показалось, что он видит движение людей на острове.

— Скажи мне, и я спасу тебе жизнь, — предложила Нете, делая еще шаг вперед.

Сойер столкнул еще один камень, и Нете сразу остановилась.

— Должен предупредить тебя, что я действительно брошусь вниз, если ты подойдешь ко мне, — сказал Сойер. — Скажи, почему ты прыгнула на этот остров? Разве ты не знала, что он кишит дикарями?

— Я вовсе не предполагала прыгать именно на этот остров. Если бы ты не зацепился за корни, мы бы спрыгнули на другой остров и...

— Так вот в чем дело... — пробормотал Сойер. — Сбросить Альпера и убить его. Такова была твоя цель. А затем ты хотела ограбить мертвеца. Но ты не на того напала. Что ты предложишь мне, если я верну тебе Огненную Птицу?

— Смерть, если ты ее не вернешь! — выкрикнула Нете и продвинулась вперед на три шага. — Она у тебя?

Сойер спихнул еще один камень в пучину.

— Представь себе, что это я — вместе с Огненной Птицей.

Она неожиданно остановилась.

— У меня ее нет, — продолжал он, — да ты и сама это знаешь. Ведь ты обыскала меня. Неужели ты думаешь, что, если бы она была у меня, я остался бы здесь? Я открыл бы Ворота и вернулся бы туда, откуда пришел.

— Идиот. Ты не смог бы открыть Ворота, — презрительно сказала Нете.

— Альпер открыл, — напомнил ей Сойер.

— Он смог открыть Ворота потому, что я отперла замок, — сказала она. — Если бы замок не был отперт, то Огненная Птица ничего бы не смогла сделать, разве что вызвать настоящих Огненных Птиц.

— А что такое настоящие Огненные Птицы?

Она не успела ответить. Новый звук потряс воздух, и они оба посмотрели вверх. Несущиеся откуда-то тяжелые глубокие удары большого колокола, казалось, сотрясали остров до самого основания.

— Это колокол тревоги, — сказала Нете, повернувшись по направлению к источнику звука. Сейчас на Сойера смотрела ее маска, которая не выражала к нему никакого интереса. — Они заметили, что острова поднимаются.

Не успели еще затихнуть звуки первого колокола, как эстафету принял другой, более удаленный, за ним третий. Сойер представил себе, что сейчас происходит возле ворот города, и от всей души пожелал защитникам, чтобы их оружие в форме трубок оказалось более эффективным в бою с дикарями, чем нож, который он вонзил в грудь одного из них.

— Они действительно неуязвимы? — спросил он у Нете. — Я имею в виду дикарей.

— Селли? Да. Как и мы.

— Но ведь против вас есть оружие?

— Не у тебя, Хом. — Она рассмеялась и снова повернулась к Сойеру. Глаза ее горели злобой. — Все живое уязвимо. Но только Богиня имеет право обнажить оружие, которое может убить Изверга. Не бойся. Селли тебе ничего не сделают. Неужели ты думаешь, что такая небольшая банда сможет устоять против Извергов?

Сойер взглянул на острова, которые плыли под ним. Возможно, маленький отряд дикарей ничего не сможет сделать с Нете. Но дикарей будет много. Он вглядывался в темноту бездны, которую сейчас прорезали отблески алого и красного цветов.

Камни содрогались под его ногами, подчиняясь неумолчиво ритму барабана тревоги. Сойер вспомнил об Иерихонских трубах, звуки которых разрушали городские стены... Может быть, это было просто совпадение, но в его мозгу вдруг возник звук, отделяющий его мозг от костей черепа...

“Альпер, — подумал он. — Проснулся. Колокол... Это он разбудил его. Он поднялся, осмотрел пустую камеру, попытался вспомнить, что с ним произошло. — Сойер представил все себе очень четко. — Вот он вспомнил обо мне. Вот его рука уже в кармане, пальцы нащупали кнопку управления...”

Сойер представил себе, как Альпер мечется по камере, бро-

сается на стеклянные стены. Лицо его темно от гнева. Но вот он нащупал в кармане листок бумаги. Сойер подумал, спасет ли его эта записка? Жизнь его была в кармане у Альпера. Альпер мог убить его простым нажатием пальца, словно они находились в одной комнате и в руке Альпера был заряженный пистолет. Если ярость заставит палец Альпера нажать кнопку до того, как он осознает смысл записки...

— Альпер, — громко сказал Сойер. — Ты слышишь меня?

Отдаленный грохот, нараставший в его мозгу, начал стихать. И вот он прекратился. Альпер слушал его.

— Что такое Огненная Птица? — спросил Сойер, тщательно выговаривая слова. Он представил себе, как передатчик в его черепе уже приготовился принять убийственные сигналы. Но Альпер хотел знать ответ на этот вопрос. Он интересовал Альпера не меньше, чем Сойера. Чтобы еще больше заинтересовать Альпера, Сойер добавил: — Что это такое, Нете?

— Ключ, — нетерпеливо ответила Нете. — Ключ между мирами. А кроме того, это линза Источника. Линза. Затвор. Я плохо знаю язык. Может быть, в нем нет эквивалента для обозначения Огненной Птицы. А какое тебе до нее дело? Тебе все равно не воспользоваться ею. Предупреждаю тебя — лучше не пытайся. Ты можешь высвободить силы, которыми не могут управлять даже Изверги. Скажи мне, где Птица, и я обещаю тебе жизнь и безопасность.

— Ха, — сказал Сойер и склонился над пропастью. — Это самое щедрое обещание, которое я получил в своей жизни.

Он рассмеялся. Ему стало немного легче. Все-таки Нете и Альпер зависят от него — пока. Нужно воспользоваться этим и выжать из них как можно больше.

Глаза Нете сверкнули:

— Слушай, Хом! Моя жизнь зависит от того, получу ли я Огненную Птицу. Богиня ненавидит меня. Через три дня она должна уступить свое место мне. Я хотела переждать эти три дня в вашем мире. Тогда Двойная Маска автоматически перешла бы ко мне. Но ты и твой друг Альпер нарушили все мои планы. Из-за вашей глупости я вернулась в Хомад без Огненной Птицы. За это я убью Альпера, когда доберусь до него. Мне сейчас опасно находиться в Хомаде, даже имея Огненную Птицу. Но с ней по крайней мере я могу скрыться, пройдя через ворота между мирами. А без нее я совсем беспомощна.

Охранники Богини следят за мной. Если она схватит меня, мне придется вступить с ней в единоборство на Церемонии. Одна из нас должна будет погибнуть. Если бы у меня была Огненная Птица, я бы победила, а теперь...

— Может, мне лучше заключить союз с Богиней? — дове-

рительно спросил Соьер. — Альпер, ты слышишь меня?

— Хом! — свирепо выкрикнула Нете. — Животное!

— Назад! — предупредил ее Соьер. — Я действительно хочу договориться с тобой. Например, можешь ты отослать меня обратно в тот мир, откуда я пришел?

И добавил поспешно:

— С Альпером, конечно, и с Клей, если она захочет.

— За Клей сейчас охотятся охранники. Она предназначена для принесения жертвы на Церемонии. Но тебя я могу отослать обратно. И Альпера тоже. А сейчас давай мне Огненную Птицу...

— Не так быстро, — посоветовал ей Соьер. — Что ты можешь сделать для меня, чего не может Богиня?

— Я могу оставить тебе жизнь! — выкрикнула Нете и сделала еще шаг вперед. — Богиня не знает ничего! Ничего! Только я могу отослать тебя обратно!

— Очень интересно, если это правда, — пробормотал Соьер и заглянул в пучину, где плавали острова. Свет уже достигал самых нижних из них, и Соьер видел какое-то движение между деревьями.

— Если ты сможешь доказать мне свои добрые намерения, то я поверю тебе, — сказал Соьер.

Он надеялся, что Альпер их слушает и сможет заметить любую фальшь в словах Нете, которую он, Соьер, может пропустить.

Нете бросила на него ненавидящий взгляд и сказала:

— Изверы — боги. Почему я говорю с тобой, животное? Нет, нет, я должна говорить. Я расскажу тебе все. Когда-то очень давно мы тоже были смертными. Конечно, мы были выше вас, людей, но все же были смертными. Так было до тех пор, пока мы не сделали величайшее открытие, которое изменило нас. Это случилось тысячу лет назад, совсем в другом мире. Мире, который ты сейчас можешь увидеть внизу. Между Хомадом и нижним миром в гравитационных потоках плавают эти острова.

Тогда наши мудрецы сделали Источник Миров, и мы стали богами. Мы полностью изменились. Наши тела изменились как внешне, так и внутренне. Но тем не менее мы оставались сами собой. В вашем мире есть аналогия тому, что произошло с нами: превращение элементов, изотопов. Именно это делает Источник с нами. Мы стали изотопами самих себя. Мы стали богами, за исключением одного — мы нуждаемся в энергии.

Мы черпаем ее из Источника. Он дает нам бессмертие. Нашим телам ничто не может повредить, мы все можем излечить мгновенно. Нам не нужно спать, пить, есть. Я попробую тебе рассказать, что такое Источник, и тогда даже такой ограниченный разум сможет понять опасность Огненной Птицы.

Во Вселенной множество миров. Множество состояний материи. Ты об этом знаешь? Ты знаешь, например, что Солнце совсем не такое, как ваша Земля? Так вот, различных состояний материи множество, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Например, миры из пара. Миры, недоступные вашим органам чувств, но тем не менее такие же реальные, как ваша Земля.

Хомад тоже мир другого состояния материи. Ваше Солнце и ваш мир невидимы для нас, как и наши миры для вас. Существуют другие элементы — легче водорода и тяжелее трансурановых.

Но хотя ваши миры невидимы для нас, они доступны благодаря Источнику. Как вы черпаете энергию от вашего Солнца, так мы получаем ее от других миров с помощью Источника.

“Трансформаторы, — пробормотал Сойер про себя. — Наверное, встроенные. Вероятно, рентгеновский снимок Извера мог многое объяснить. Может, внутри у них намотаны катушки индуктивности? Впрочем, дело не в этом”.

— Ты еще ничего не сказала об Огненной Птице, — сказал он вслух.

— Птица — это регулятор энергии в Источнике. Это часть Источника. Она должна быть там. Но ее украли... — Нете помолчала и твердо добавила: — Украли Богиня. И с тех пор начались наши беды. В последние годы мы плавали возле вашего мира, где оказались богатые залежи урана. Они находятся у вас на полюсе, на Северном полюсе. А наш полюс — это Источник. К сожалению, он у нас Южный, и это тоже усугубило наши беды.

Ваш уран оказался для нас слишком мощным источником энергии. Вы, люди, сами не понимаете, насколько опасен уран, хотя вы и делаете из него бомбы.

Обычно, когда мы приближаемся к такому мощному источнику, Огненная Птица складывает крылья и отключает наш источник на то время, пока мы не отдалимся на безопасное расстояние. В противном случае Источник поглотит столько энергии, что сгорит сам и сожрет Извергов.

— Значит, Птица — прерыватель реакции, — сказал Сойер. — Ясно. И что дальше?

— Когда ваш мир проплывал мимо нашего, Огненная Птица сложила крылья, отключив Источник. Богиня была одна. Она вытащила птицу из Источника. Ведь в этот момент было опасно взять ее, а такое случается редко. А как только контрольное устройство — Птица, была вытащена, миры притянулись друг к другу Северным и Южным полюсами. Теперь они никогда не разделятся, пока Птица не будет посажена на место.

Два мира сомкнулись между собой. Но Источник мертв. Из-

веры получают все меньше и меньше энергии. И они не понимают почему. Только я и Богиня знаем все, но она тоже не понимает смысла Огненной Птицы. И не знает, где она теперь.

Бывают времена, когда наш мир проплывает пространство, где нет источников энергии. Нам неоткуда пополнить свои запасы, и тогда мы должны приносить энергию Источнику. Благодаря этому мы восполняем энергию до тех пор, пока не приплывем туда, где есть энергия. Изверы думают, что именно это и происходит сейчас.

Но это не так. Энергия не будет поступать к нам, пока Огненная Птица не будет помещена в Источник. А пока нам приходится приносить жертвы, чтобы сохранить жизнь и бессмертие Изверов. Это дает нам энергию, но очень мало. Близится катастрофа. Если Извертратит энергии больше, чем у него есть, то в нем что-то изменится. Примерно то же происходит с изотопами.

Сойер вспомнил о превращении урана в нептуний, затем в плутоний, а затем снова в уран, но уже с другой массой и с другими свойствами.

— Это происходит потому, что они нестабильны, — пробормотал он. — Нептуний теряет электрон и... Продолжай. Во что же превращаются Изверы?

Нете бросила на него подозрительный взгляд.

— Они... они превращаются в облако пара. А потом, много позже, возвращаются так, как это ты видел в Ледяном Холле. Именно это я имела в виду, когда говорила о странных переходах из одной формы в другую. Что происходит с Изверами в этот период времени, никто не может сказать.

Она нетерпеливо шагнула вперед.

— Теперь ты знаешь все. Ты вернешь мне Огненную Птицу. Или предпочитаешь прыгнуть вниз?

— А кто эти дикари? — спросил Сойер, стараясь, чтобы Альпер узнал обо всем.

— Это нам наказание за то, что Богиня похитила Огненную Птицу. Все неприятности будут продолжаться до тех пор, пока Птица не вернется на место. Я забрала Птицу у Богини. И когда сама стану Богиней, я верну ее в Источник и избавлю свой народ от мучений.

— Ты можешь вернуть Птицу Богине, — предложил Сойер. — А почему она сделала такую глупость? Ведь она же Богиня. Или, может, это не она украла, а Нете?

— Конечно, она, — поспешно ответила Нете. — Она хотела энергии, много энергии, больше, чем мог дать ей Источник. Почему я должна вернуть ей Птицу и позволить сохранить Маску и Мантию? Когда я буду Богиней, я устраню все беды. А она пусть расплачивается за то, что совершила.

Сойер задумчиво посмотрел на нее. Ему стало ясно, кто тащил Птицу из Источника. Он надеялся, что Альпер слышит все и сможет передать весь этот разговор Богине, которая будет его допрашивать. Если, конечно, он все это слышит.

— Я все еще не понимаю, что такое настоящие Огненные Птицы? Есть ли связь между ними и этим маленьким талисманом?

— Этого я тебе не скажу, — рявкнула Нете, внезапно вспыхивая гневом. — Давай, прыгай вниз, если тебе так хочется. Единственное, что я скажу о них, это то, что они питаются энергией урана в вашей шахте на полюсе. Они могут также пить энергию из Хомов. И из тебя тоже. Надеюсь, что так и случится.

Она злобно посмотрела на него.

— А что произойдет, — спросил Сойер, — если Богиня узнает, что Птица у тебя?

— Может быть, и так знает. Но она постарается, чтобы никто больше не узнал, что Птица исчезла из Источника. Источник был доверен ей. Неужели ты думаешь, что она захочет, чтобы все узнали о том, что она позволила... что она украла Птицу?

Сойер кивнул. Он был уверен в том, что талисман украла сама Нете. Может, она прочла это по его лицу, потому что продолжала:

— А ты хочешь пойти к ней с этим рассказом? Во-первых, Богиня заставит тебя открыть, где ты прячешь Птицу. У нее есть для этого могущество, которого нет у меня. А во-вторых, она позаботится о том, чтобы ты замолчал навсегда, чтобы никто не узнал о том, что Богиня не оправдала доверия. Она носит Двойную Маску и намеревается носить ее дальше. Но для этого ей надо убить меня во время Церемонии Открытия. А если я умру, то Богиня не будет вступать в переговоры с каким-то Хомом. Как ты думаешь, почему я не ждала тебя возле самого Замка?

— Ты чего-то боишься?

— Конечно. Солдат Богини. Я не подчиняюсь вызову на Церемонию. И я буду прятаться от Богини. Но где можно укрыться от нее? Только открыв Ворота, куда Богиня не может пойти за мной.

— Ворота на Землю?

Нете была в нерешительности.

— А может быть, куда-нибудь еще? — ехидно продолжал Сойер, глядя на нее. — В урановой шахте ты хотела куда-то унести Клей, чтобы допросить ее. Я уверен, что не в Хомад. А потом нас всех засосало в... — Сойер помолчал, а затем добавил: — Скорее всего, ты собираешься туда, куда хотела забрать Клей. Но без Огненной Птицы тебе не совершить это путешествие. Ветер в туннеле тащил нас всех, кроме Альпера, у которого была Огненная Птица.

— Значит, ты теперь понимаешь, — нетерпеливо сказала Нете, — что я в отчаянном положении. Город кишит солдатами, которые хватают Хомов, чтобы принести их в жертву на Церемонии. Источник поглотил уже много жизней. У Богини много способов схватить меня, так что я должна получить Птицу. Или ты будешь прыгать? — Она сделала несколько шагов вперед. — Думай, животное, да или нет?

Сойер посмотрел вниз, в темноту бездны, пронизанную красными лучами отраженного света, плывшего за холмом. Он видел, что на поднимающихся островах что-то движется.

— Подожди, Нете, — сказал он. — Ты кое-что не учла. Я не знаю, понимаешь ли ты это, но твой огонь привлек внимание дикарей, которых ты называешь Селли. Я думаю, что в Хомаде скоро поднимется тревога. Взбирайся на камень и посмотри сама! Не приближайся, а то я спрыгну!

Она презрительно фыркнула на него и вскочила на камень, чтобы увидеть то, о чем он говорил.

В красноватом свете огня, отраженного от нижней поверхности Хомада, было видно, что поднимающиеся острова буквально кишели дикарями. Они стремились к пламени, прыгали с острова на остров, хватались за торчавшие корни, влезали наверх, ни на секунду не отводя своих пустых сверкающих глаз от притягивающего их света. Они были как в гипнозе.

В это самое время земля под ногами Сойера содрогнулась, как пришпоренная лошадь. Нете выругалась и упала с камня. Сойер инстинктивно ухватился за ствол дерева, и это спасло его от падения. Он ударился головой о ствол, из глаз посыпались искры.

Затем остров под ним вдруг накренился, снова по его лицу захлестали мокрые сучья. Он поднял голову как раз вовремя. Остров поднялся и вплотную приблизился к Хомаду. Корни деревьев Хомада сплелись с вершинами деревьев острова.

А над головой, подобно воротам Рая, сквозь тьму и дождь смутно проглядывали железные двери и каменные стены города. Двери были открыты. Удары колокола гулко разносились по всему городу.

Сойер из всех сил держался за дерево и смотрел.

9

Водопад человеческих фигур перехлестывал через край верхнего мира. Отблески света выхватывали из тьмы сверкающие, будто штыки, трубки — таинственное оружие Хомов. Они бежали вперед и кричали.

Глухой вой дикарей отозвался, как эхо. Черепашьи головы

втянулись в квадратные плечи, длинные руки извивались, ножи блестели. Дикари ринулись навстречу людям.

Перекрывая воинственные кличи Хомов и дикие завывания Селли, трижды ударил гонг. Сильный чистый воздух разнесся волнами по воздуху. И среди человеческого водопада, обрушивающегося на городские ворота, появились три богоподобные фигуры.

Трое высоких Изверов с высоко поднятыми головами и широкими плечами возвышались над человеческой массой. Они размахивали кнутах над головами Хомов, большими огненными кнутах. Раскаты грома сопровождали удары этих молний. Они кричали, и голоса их были подобны голосам разгневанных ангелов, сильные, звенящие серебром. Сойер подумал, что у Хомов есть возможность победить дикарей.

При первых же звуках голосов Изверов Нете резко повернулась, шипя с яростью и тревогой. Она бросила на Сойера злобный взгляд и нерешительно шагнула к нему. Тот отреагировал немедленно и перегнулся через край обрыва, сказав через плечо:

— Ты ничего не добьешься. Я спрыгну, и ты это знаешь.

Она разрывалась между желанием схватить Сойера и необходимостью бежать от Изверов. Сойер снова обратил внимание, что ее фигура имеет те же диспропорции, что и искаженные изображения людей на картинах Эль Греко.

— Не думай, что ты выиграл, — зашипела она. Глаза ее горели гневом. — Я сказала тебе слишком много, и теперь ты в постоянной опасности. Ты не скроешься от меня! Я... — Она не договорила, свирепо улыбнулась и одним грациозным прыжком скрылась за камнями. Она побежала по направлению к холмам, прочь от того места, где началась битва.

Сойер сделал несколько осторожных шагов от обрыва, наблюдая за сражением. Первые ряды Хомов и лавина дикарей уже столкнулись, и это их столкновение заставило остров содрогнуться.

Изверы величественно шагали вперед среди этого хаоса. Их кнуты-молнии рисовали огненные кольца в воздухе, которые разрывались со страшным грохотом. Их звенящие крики заглушали глухой вой дикарей и воинственные крики Хомов. А над всем этим стоял тревожный звон колокола, сотрясающий воздух. Полузатухшее пламя плаща подсвечивало битву снизу, подобно адскому пламени.

Сойер увидел, как передний Извер и Селли сошлись лицом к лицу в кошмаре битвы. Казалось, огромная искра ненависти проскочила между ними. Глаза дикарей сверкали, а лицо Извера вспыхивало пламенем божественного гнева. Извер взмахнул

кнутом, раскрутил молнию, и огненное кольцо захлестнуло безобразных рептилий.

Селли выли, шатались, падали... но не умирали. Сойер смотрел на них в изумлении. Он видел, как оглушенные дикари поднимались, тряся головами, и снова шли в бой.

Вдруг Сойер заметил движение между холмами, и вскоре там появилась голова человека. Тот взмахнул рукой, что-то крикнул и осторожно пошел по направлению к Сойеру. Сойер прыгнул к своему дереву, готовый броситься вниз, если это штучки Нете.

Бегущий Хом приблизился к Сойеру, тяжело дыша и махая рукой. Он что-то выкрикивал, но Сойер не мог понять, что именно. Он колебался.

И тут он узнал этого человека. Темное лицо... Он же видел, как это лицо стремительно удалялось от него, когда он сорвался в бездну...

Человек резко остановился, увидев, что Сойер стоит на самом краю обрыва. Он перевел дыхание, кивнул Сойеру и сказал:

— Клей! Клей!

Сначала Сойер ничего не понял. Это слово для него ничего не обозначало. Но затем он внезапно прыгнул вперед, схватил Хома за плечи, бессмысленно повторяя:

— Клей! Клей!

Человек широко улыбнулся и закивал. Потом взял Сойера за руку и оттащил от обрыва. Сойер не сопротивлялся, осторожно оглядываясь по сторонам. Мозг его бешено работал, стараясь составить стройную логическую картину из обломков информации. Он даже пытался говорить со своим гидом по-английски.

— Ты шел за мной, когда я вышел из тюрьмы. Ты видел, как я упал, видел, как поднимался остров. Видел дикарей на острове. Значит, это ты поднял тревогу? Теперь ты ведешь меня к Клей?

— Клей, — закивал маленький человек и потащил Сойера еще быстрее. Они остановились на вершине холма. Под ними разворачивалась битва. Было ясно, что проводнику хотелось бы пройти прямо здесь, через ряды сражающихся, к воротам города, но он понимал, что в данный момент это невозможно.

Сойер посмотрел на темную громаду Хомада, плавающего у них над головами. Остров прижался к самому дну Хомада. Две трети острова высывались из-под материка, образуя гигантскую площадку перед воротами города.

В верхнем мире все еще шел дождь. Часть острова была защищена от дождя. Но в одном месте на остров падали струи дождя. Сойер посмотрел вверх и узнал это отверстие.

— Идем, — сказал он и потащил своего проводника за руку.

Но тот неожиданно начал сопротивляться и показал куда-то вдаль.

Сойер взглянул туда и увидел среди деревьев Нете. Лицо ее пылало возбуждением и яростью. Она старалась держаться в тени, чтобы Изверы ее не видели, но глаза ее вспыхивали огнем, когда она смотрела на холм, за которым прятался Сойер.

— Она знает, что мы здесь, — сказал Сойер, хотя и знал, что человек не может понять его. — Нам нужно поскорее убраться отсюда. Идем!

Однако он не тронулся с места. Он заметил, что глаза у Нете были какими-то странными. Он стоял, охваченный изумлением, неожиданная идея начала формироваться в его мозгу.

Случайно один из дикарей повернул голову к Сойеру, и тот увидел его глаза. Такие же глаза, как у Нете. Большие, овальные, сверкающие как бриллианты и чуть-чуть раскосые. Единственная разница заключалась в том, что в ее глазах светился разум, а глаза дикарей были совершенно пустые.

Гид Сойера снова потянул его за собой. Сойер неохотно повиновался, все еще раздумывая над странной идеей, которая возникла у него в голове, хотя, казалось, она не имеет к нему самому никакого отношения. И снова ему не удалось уйти. Его внимание привлекло то, что происходило внизу.

Извер шел вперед, как карающий ангел, и гнал перед собой дикарей своим пламенным кнутом. Длинный нож, брошенный рукою дикаря, полетел в него. Извер усмехнулся с божественным презрением. Нож ударился о грудь, закутанную в ледяной плащ, и отскочил от нее, как от стальной стены. Вспышка молнии озарила Извера. Нож упал на землю.

Но Извер встал, как замороженный. Он стоял бесконечно долгие секунды, лицо его внезапно стало неподвижным, глаза остекленели. Затем вокруг него вспыхнуло пламя, озарившее поле битвы. В следующее мгновение Извера не стало.

И Селли, и Хома отскочили назад, как будто их обожгло. Они недоумевающе смотрели друг на друга, тупо качая головами, а затем их ряды вновь сомкнулись, и битва разгорелась с новой силой.

“Когда Извер расходует больше энергии, чем у него есть, он... испаряется...” — так сказала Нете.

В смятении от того, что он увидел, Сойер повернулся. Ему нужно было еще кое-что сделать, прежде чем он вернется в город. Причем сделать в строжайшей тайне, чтобы даже гид ничего не знал.

— Идем, — сказал он, уводя Хома от места боя. — Мы поднимемся там, где я упал.

Дождь хлестал через знакомое отверстие, которое находи-

лось на высоте десяти футов. Сплетенные корни деревьев достигали поверхности острова.

— Сначала ты, — сказал Сойер, делая соответствующий жест. Хом взялся за корни и в мгновение ока скрылся из виду.

Сойер последовал за ним более медленно, внимательно осматривая стены колодца. Это казалось чудом, но он увидел знакомую нору, закрытую камнем. Сойер перевел дух, вытащил камень, сунул руку в нору, и вот он уже держит эту чудесную и ужасную, пульсирующую теплом золотую полоску — Огненную Птицу.

Сойер сунул ее в карман и быстро поднялся наверх. Его встретил улыбающийся Хом и помог выбраться на твердую почву.

Дважды во время их путешествия по городу Хом замирал на месте, затем затаскивал Сойера в подворотни, где они пережидали, пока пройдет отряд солдат или патруль. Город кишел солдатами, но его гид обладал шестым чувством — чувством опасности, благодаря чему они прошли без особых приключений.

Но вот впереди они увидели слабые огоньки. Сережки Нете?!

“Вот оно что! — подумал Сойер. — Она спряталась, когда солдаты Богини начали атаку на остров. А теперь она хочет выследить меня. — Он нащупал в кармане теплую полоску и задумался. — Она не видела меня, когда я забирал Птицу. А сейчас она не может схватить меня. Она просто будет следить за мной и выжидать удобного момента”.

Гид похлопал Сойера по плечу и начал возиться с дверью. Наконец дверь открылась. В кромешной тьме они спустились по корявым ступенькам, вылезли в низкое окно и, оказавшись на узкой темной улице, пошли быстрым шагом.

На ходу Сойер подумал о том, что ему следует ублажить Альпера, в руках которого его жизнь и который может в любой момент нанести смертельный удар. И он начал шепотом уговаривать Альпера, своего невидимого врага, пока они шли по улицам незнакомого города в неизвестное место.

И вот они свернули направо, в узкую глухую улочку, где противно пахло навозом и сырой шерстью. Гид Сойера отбил пальцами какой-то сигнал на двери, мгновенно появились два Хома, заглянули им в лицо, пошептались и исчезли. Дверь открылась. Сойер и его провожатый проскользнули внутрь.

Фонарь, распространяющий запах горящего масла, висел на балке под низким потолком. Он раскачивался, и странные тени мелькали по углам. Головы пятнистых лошадей сонно склонились к кормушкам. Под самым фонарем, в круге света, сидели

куры. А вдоль стен стояли лавки, где сидели люди. Все головы мгновенно повернулись к ним, когда они вошли.

Это были Хомы. Они сидели, вытянув ноги. Глаза их поблескивали в свете фонаря. Они были готовы к любой угрозе, откуда бы она ни исходила.

А в дальнем конце этого сарая сидел на тюке сена старый толстяк Хом, держа на коленях полосатого кота. Возле него на разостланном голубом плаще лежала Клей, подложив руку под щеку. Лицо ее было испачкано в саже, из-под верхней губы трогательно выглядывали белые зубы.

Старик ласково погладил ее по голове. Ее глубокие голубые глаза открылись, она все еще не могла отойти от сна. Затем она вскочила на ноги и крикнула:

— Соьер!

Она бросилась к нему, улыбаясь и протягивая руки. Соьер обрадовался этой встрече. Было так приятно увидеть снова знакомое лицо и услышать английские слова. Но она заговорила на своем языке, оживленно, чуть задыхаясь.

— С тобой ничего не случилось? — спросила она. — А я сплю! Это я вовлекла тебя в такие неприятности, когда пришла просить помощи. Мне очень жаль... Я...

— Говори по-английски, — перебил ее Соьер. — Я не понимаю вашего языка.

Клей засмеялась, тряхнув головой, и перешла на английский язык, хотя от чрезвычайного возбуждения путала слова.

Он коснулся свежей царапины на лице девушки.

— Что это?

— Приходили охранники, — просто ответила Клей. — Мы, конечно, ждали их. Они сожгли дом, но мы успели убежать. Они ищут меня. И наверное, уже схватили бы, если не нападение на город. Ты имеешь к этому отношение? Расскажи, что произошло с тобой?

Голос сзади заставил Клей повернуться. Старик улыбался, но глаза его были тревожными и холодными. Клей вмиг сделалась серьезной и подвела Соьера к старику.

— Его зовут Затри, — сказала она. — Это мой дед. Он чудесный человек. Он говорит, что сейчас нельзя тратить время. Я рассказала ему об Огненной Птице и о том, что говорила Нете на ступенях до того, как появились стражники и Богиня. Мы ничего не знаем об Огненной Птице, но дед уверен, что это что-то очень важное. Он хотел бы услышать, что с тобой произошло, но сейчас на это нет времени. Селли уже проникают в город, и, возможно, нам придется сражаться на улицах. Дед надеется, что у тебя есть информация, которая может нам помочь.

— Что именно его интересует? — спросил Сойер.

Клей перевела вопрос, и глаза старика блеснули. Он наклонился вперед, выговаривая фразы на своем языке.

Когда он замолчал, Клей начала переводить:

— Тысячи лет назад Изверы поработили наш народ. Нас лишили всех свобод, даже свободы учиться и думать. Для Изверов мы просто животные. Дед считает, что сейчас у нас появился шанс покончить с этим.

Он хочет, чтобы ты знал, что он не стал бы рисковать жизнью людей даже ради спасения своей внучки, если бы не надеялся, что у меня есть информация, которая может помочь сбросить иго Изверов. Но у меня не оказалось такой информации. Он надеется, что она есть у тебя.

— Постой, — перебил ее Сойер. — Скажи ему, что если он против Изверов, то я с ним. Я вмешался в эту историю, чтобы прекратить разграбление урановых шахт на Фортуне. Теперь я знаю обо всем этом гораздо больше. Я хочу вернуться на Землю и закончить свою работу. Кроме того, мне хотелось бы остаться в живых.

Он улыбнулся Клей.

— Но сейчас я не хочу ввязываться в борьбу с Изверами. Без них нам не удастся победить Селли, и они уничтожат всех. У Хомов есть защита против дикарей?

Она с беспокойством посмотрела на него и покачала головой.

— Насколько я знаю, даже Изверы не могут убить их. Дикари грепещут перед Изверами, но их страх кончается, когда они приходят в ярость, как сейчас. Я не знаю, что вызвало сегодня такой взрыв ярости с их стороны.

— Я хотел бы знать немного больше об этих дикарях, — сказал Сойер. — Уверен, что вы каким-то образом сумели договориться с ними, иначе вы все уже давно были бы мертвы.

— Но все началось совсем недавно, — возразила Клей. — Они начали беспокоить нас, когда пришли Изверы. Мы, Хомы, ничего не знали о них. Но мой дед долгое время был рабом в Замке и хорошо знал, где можно подслушать разговоры Изверов. Мы даже знаем, почему Изверы боятся дикарей.

Селли на нашем языке означает “младший брат”, но в этом слове живет чувство соперничества и ненависти. Изверы говорят, что Богиня совершила страшный грех, позволив Источнику умереть. Теперь кара ждет всю расу. Изверы пришли сюда из нижнего мира. Это запретный мир. Никто не имеет права ходить туда. Но вскоре после того, как умер Источник, там начали вспыхивать огни, и Селли стали проникать на плавающие острова и нападать на нас. Они неуязвимы, как и Изверы. Утверждают, что внизу развивается новая раса богов, которая

вытеснит Изверов, когда станет достаточно сильной. Поэтому Изверы ненавидят и боятся Селли.

— Но они совершенно непохожи на Изверов, — вмешался Сойер, — как...

— Это непонятно самим Изверам, — перебила его Клей. — И тем не менее сходство есть. Вспомни: Огненные Птицы появились на Земле, когда здесь начались вторжения Селли. Здесь, в Хомеде, никто не видел Огненных Птиц. Они появляются только на Земле.

— На другом конце Источника, — заметил Сойер. — Это очень интересно. Здесь есть какая-то связь. Три формы жизни должны соответствовать трем сторонам проблемы. Но...

Крики Изверов прервали его.

На мгновение в сарае воцарилась мертвая тишина, прерываемая только фырканием лошадей и отдаленными звуками битвы. Когда Сойер пришел сюда, криков Селли не было слышно. Значит, они уже прорвались в город. “Если у Изверов есть оружие против них, — угрюмо подумал Сойер, — пора пускать его в действие”.

Тишина длилась с полминуты. Затем ее разорвали крики Изверов и среди них тот, единственный, который Сойер узнал бы среди тысячи. Он мог исходить только из одного горла.

— Нете! — сказал он и ринулся к двери.

Затри двигался быстрее, чем можно было ожидать, судя по его виду. Он был уже рядом, когда Сойер открыл двери. Старик что-то крикнул, и один из Хомов погасил лампу. В конце улицы была видна какая-то возня.

Нете была в опасности. Сойер увидел вдали ее знакомую фигуру. Фонарики сережек бешено метались, бросая отблески света на лицо. Она боролась с двумя Изверами, которые тащили ее по улице к Замку. Она извивалась в их руках, выкрикивая бешеные ругательства. Но они, казалось, их не слышали. Их маски на затылках безразлично смотрели на пустынную улицу и на нескольких человек, которые наблюдали за происходящим, прячась в тени.

— Она, должно быть, следила за нами, — сказал Сойер. — Интересно, что предпримет Богиня.

— Заставит ее появиться на Церемонии, — сказала Клей откуда-то сади. — И это будет концом той или другой. Но как бы то ни было, Изверы будут править, как раньше, если мы не найдем способа избавиться от них. Идем, нам нужно хорошо обдумать план действий.

— Хорошо. Но скажи мне одну вещь. Какого черта они носят эти двойные маски?

Откуда-то с улицы донесся спокойный голос:

— Интересный вопрос, мой мальчик. Посмотри, что я принес тебе.

Сойер сразу узнал этот голос. Эти глубокие органнне тона могли принадлежать только одному человеку. Он обернулся:

— Альпер?

Из-за угла появилась грузная фигура и направилась к ним. Альпер двинулся легко и без усилий. Видимо, энергия, которую он почерпнул от Огненной Птицы, еще не истощилась. Однако он уже немного сутулился.

В обеих руках он нес бледные, улыбающиеся, со слепыми глазами маски Извергов.

10

Затри снова опустился на свой трон, в качестве которого ему служил тюк соломы. Бдительные Хомы сидели вдоль стен, по их лицам прыгали отблески света фонаря. Альпер стоял под балкой, слегка опустив голову, расставив толстые ноги и оглядывая всех присутствующих внимательным взглядом. Шум битвы в ночи усилился. Глухой вой Селли, младших братьев, разносился по тесным улицам Города. Он смешивался с боевым кличем Хомов и звенящими голосами Извергов. Альпер повернулся в ту сторону, откуда доносились звуки боя.

— Они хотят ускорить Церемонию Открытия, — сказал он Сойеру. — Я говорил с Богиней. С этими... — и он потряс двумя смеющимися масками, — ... говорить очень просто. Пока ты и Нете беседовали на острове, я рассказал всю историю Богине. К счастью, твоего поведения она не смогла понять. И я ничего не сказал об Огненной Птице. Она не знает. — Он помолчал, зажал одну маску под мышку, а освободившуюся руку сунул в карман. Голос его стал угрюмым.

— Где она, Сойер? — спросил он. — Что ты сделал с Огненной Птицей?

Сойер лихорадочно вспоминал, не говорил ли он об этом вслух. Ведь тогда все было бы известно Альперу.

— Ничего я с ней не сделал, — ответил он. — Она там, где я ее оставил.

Легкий знакомый гул прокатился внутри его черепа. Снова передатчик! Сойер почувствовал, как гнев захлестывает его. Он двинулся к Альперу, даже не пытаясь скрыть своей ярости, которая была написана на его лице.

— Прекрати! — прошипел он. — Ты знаешь, что этим ты со мной ничего не сделаешь. Еще немного, и я сделаю так, что тебе придется убить меня!

Гул прекратился.

— Хорошо, хорошо, — сказал Альпер торопливо. — Я просто напоминаю тебе. Я знаю, что ты не лжешь. Ведь Нете тебя обыскивала. Я слышал весь ваш разговор, и у меня возникла интересная идея. Сюда меня привели сигналы передатчика. Это оказалось просто. Нападение дикарей оказалось весьма кстати для нас обоих. И ты, и я свободны, да и Клей тоже освободилась из плена. Теперь мы можем действовать, если этот старик поможет нам.

Он повернулся к Затри и начал говорить, потом пожал плечами и протянул одну из масок старику. Тот осторожно взял ее, глядя на Альпера испытывающим взглядом. Альпер одел на себя другую, смеющуюся маску и заговорил слегка приглушенным голосом.

— У меня есть план, как спасти твою внучку, ну и себя, конечно. Мне нужна твоя помощь.

Затри поднял руку, помолчал и тоже надел маску. Странно было видеть эти две смеющиеся маски Изверов, глядящие друг на друга. В овальных отверстиях одной из них виднелись голубые глаза Затри, а в другой — маленькие холодные глаза Альпера.

Альпер повторил свое предложение на английском. Затри, немного помолчав, как будто привыкая к мысли, что он понимает чужой язык благодаря маске, начал отвечать на своем языке. Хомя изумленно переглядывались между собой.

— В чем дело? — спросил Соьер у Клей.

Девушка ответила ему удивленным взглядом.

— Это маски для общения, — сказала она. — Я думаю, что Нете выучила английский язык с их помощью. Изверы используют их для общения друг с другом. Они ведь живут очень долго, тысячи лет, и каждый достигает в своей области — в науке или в искусстве — таких вершин, что другие не могут их понять без специальной подготовки. Поэтому они создали маски, чтобы все могли понимать друг друга, о чем бы они ни говорили. Хотела бы я знать, как Альперу удалось добыть маски?

— Я тоже, — задумчиво сказал Соьер. — Я не очень-то доверяю Альперу. Слушай... что говорит твой дед?

— Он хочет знать план Альпера. Он говорит, что мог бы провести нас в Замок. Но только не сейчас. Церемония Открытия, может быть, уже началась. На улицах небезопасно.

— Я посвящаю вас в свой план, — сказал Альпер приглушенным голосом. В улыбке его маски таилась коварная злоба. Может, выражение маски выдавало его истинные чувства?

— Соьер знает, где находится Огненная Птица. Я должен получить ее. После этого я заставлю Нете открыть Ворота на Землю...

— Как ты заставишь ее? — спросил Сойер. Смеющаяся маска повернулась к нему. Из-под нее послышался нетерпеливый голос Альпера.

— Ты дашь мне Птицу, а я освобожу тебя от передатчика. Разве это не справедливо? Я пойду к Нете и вмонтирую передатчик ей. После этого она будет делать то, что я скажу.

Сойер сомневался в этом, но не сказал ничего, так как Затри потребовал объяснений.

Альпер быстро изложил все. Затри что-то сказал Клей, и та подвела к нему Сойера, чтобы старик осмотрел голову англичанина. Но когда Сойер попытался заговорить, Альпер нетерпеливо перебил его.

— Не теряйте времени. Ты согласен или нет? Я заберу Птицу с собой на Землю, и тогда у меня не будет необходимости закрывать шахту. Клей может идти с нами, если захочет. Все, что нам нужно, это забрать Птицу и вмонтировать передатчик в Нете. Она откроет для нас Ворота, и мы все четверо уйдем отсюда с Огненной Птицей. Однако нужно сделать все до того, как начнется Церемония.

Затри что-то сказал. Клей не перевела, но Альпер пожал плечами и сказал:

— Ты должен довериться мне. Но... подожди!

Он стянул с себя маску и подал ее Сойеру.

— На, одень ее. Тебе он поверит. Убеди его, Сойер. Скажи ему, чтобы он повел нас к Нете.

Сойер с любопытством посмотрел на маску.

— Я уже ношу кое-что, что ты дал мне. Я получил от тебя передатчик. Может, если я надену ее, то превращусь в барана?

Альпер фыркнул.

— Чепуха! Я же надевал ее, разве нет? Это — средство общения. Она воспринимает твои слова и делает их понятными твоему собеседнику. Изверы между собой общаются телепатически, но с Хомами им приходится говорить. Маски передают последовательность представлений. Человеческий мозг работает, как телеграф, он излучает волны, которые, усиливаясь маской, действуют на другой мозг.

Излучение альфа-волн служит несущей частотой для информации, передаваемой каппа-волнами. Впрочем, я не знаю всего этого, я просто предполагаю. Речь — не единственный способ общения, ты знаешь это. Есть еще запах и многое другое. А как передается информация в самом теле человека?

Сойер ухмыльнулся и надел маску на лицо. Она была холодная, гладкая и очень хорошо подходила по размеру. Сойер открыл глаза, посмотрел через овальные отверстия...

И все перед ним мгновенно изменилось. Теперь он видел все

в четких чистых красках. Даже в детстве он не воспринимал мир таким красочным. А запахи! Запах сена привел его в состояние экстаза, а запах горящего масла показался ароматнее ладана. Сойер ощутил невероятное спокойствие, уверенность в себе. Излучение мозга? Да, наверное. Импульсы мозга обычно очень слабые и не воспринимаются органами чувств. Но маска — это и приемник, и передатчик.

Не удивительно, что Изверы, носящие такие маски, чувствуют себя богами!

Он увидел голубые глаза Затри, смотрящие на него сквозь прорези маски.

— Ты понимаешь меня? — спросил старик.

Затри говорил на языке Хомов. И то, что слышал, вернее ощущал Сойер, не было словами, а мгновенно меняющимися картинками в его мозгу. Не только картинками, но игрой света и тени, звуков, запахов... И весь этот комплекс ощущений каким-то таинственным образом воздействовал на различные области его мозга и приобретал смысл, облекался в оболочку известных Сойеру понятий. Слова Затри все еще звучали в воздухе, а в мозгу Сойера уже сформировался смысл его вопроса.

— Клей рассказала мне об Альпере. Ты лично доверяешь ему?

— Конечно нет, — ответил Сойер, — но весь вопрос в том, есть ли у нас выбор?

Он кивнул в направлении улицы, где слышался вой дикарей.

— Здесь сейчас небезопасно. Если сюда вернутся Изверы, они убьют всех нас. У вас нет оружия против них? Например, взрывчатки? — Он внимательно смотрел на Затри, чтобы оценить, понял ли он вопрос, смогла ли маска транслировать правильно смысл его слов.

— У нас есть кое-что, — сказал Затри. — Конечно, незаконно. Но насколько взрывчатка будет эффективна против дикарей, я не знаю. Неужели Изверы могут допустить, чтобы мы имели оружие против Селли? Ведь это будет оружие и против них самих. Они же одинаково неуязвимы. Но есть одно оружие, которое Изверы могут использовать. Я думаю, это скоро случится. Но оно небезопасно и для них самих, вполне естественно, что они не решаются. Они...

Послышался стук в дверь. Затем просунулась голова Хома, который что-то сказал и исчез. Затри перевел взгляд на Сойера.

— Башни замка начали светиться, — сказал он. — Значит, Церемония началась. И значит, Нете уже вошла в Холл Миров и никогда не вернется оттуда, как Нете. Богиня либо убьет ее, либо погибнет сама. Если победит Нете, она наденет мантию и маску и станет Богиней. План твоего друга потерял смысл. Теперь человек может войти в Холл Миров только в виде жертвы.

Он беспокойно посмотрел на Клей. Сойер тоже взглянул на нее и был поражен новой красотой, которая преобразила ее лицо. Тогда Сойер посмотрел на Альпера и с облегчением увидел, что маска не прибавила привлекательности лицу старика. Он передал Альперу слова Затри и тот нетерпеливо фыркнул.

— Нете нужна Огненная Птица, — сказал он. — Мы должны приблизиться так, чтобы она заметила нас и узнала, что мы принесли Птицу. Как только это произойдет, я клянусь, что она бросит всю Церемонию и прибежит к нам. Без птицы ей не победить Богиню. Только дайте мне приблизиться к Нете с Огненной Птицей. Она сделает все, что я ей скажу. Она откроет нам Ворота, и мы вернемся на Землю.

Клей переводила все это Затри, который испытующе смотрел на Альпера. Наконец он нерешительно произнес:

— Ворота, о которых ты говоришь, очень опасны. Я не...

— Клей же прошла сквозь них? — сердито спросил Альпер, когда ему перевели слова Затри. Затри заговорил, обращаясь к Сойеру:

— Я послал Клей вслед за Нете, через Ворота, хотя это было чрезвычайно опасно. У нас не было другого выхода. Я спрятал Клей поблизости от того места, куда часто ходила Нете, чтобы заниматься магией.

— И что дальше? — спросил Сойер.

— Я много раз подсматривал за Нете из укрытия, но так ничего и не понял. Я видел, как она создает огненную пружину между пальцами и затем делает спираль в воздухе. Тогда я ничего не знал об Огненной Птице. Но я знал, что Нете проходит через спираль и уходит из этого мира. Иногда она исчезала надолго. Я подумал, что есть надежда спасти Клей, если она исчезнет из этого мира, где ей спасения нет.

— Я немножко помню, — заговорила Клей. — Я помню, как дедушка подтолкнул меня за Нете, помню, как быстро шла Нете, как я упала где-то в темноте. А потом Нете снова сделала огненную спираль — теперь я знаю, что это была Огненная Птица, — и...

Девушка затрясла головой.

— ... я проснулась в урановой шахте, и в памяти моей не сохранилось ничего, кроме моего имени.

Она говорила по-английски, и Альпер быстро сказал:

— У меня большие подозрения, что темное место, где ты упала, — это Нижний Мир. Богиня мне многое рассказала. Она очень хотела знать как можно больше о Нете, и я, пользуясь этим, вытягивал из нее информацию. Я думаю, что Ворота — это кольцевой процесс, который...

— Если Богиня, — сказал Соьер, — в таком отчаянном положении, может, нам удастся столкнуться с ней?

— Нет. Я это знаю точно. Вспомни, что мы для Изверов всего лишь не представляющие интереса животные. Они бессмертны, но ключ к их бессмертию — Огненная Птица. Ты не знаешь, что это может быть, Соьер?

Он глубоко вздохнул.

— Источник Миров — это настоящее чудо. Я не представляю, как он работает, но могу предположить, что это связь между Землей и Хомадом. Он соединяет эти два мира вместе. Но кроме того, это канал, по которому Изверы получают для себя энергию из мира, находящегося в другом измерении, в другом континиуме. Это труба, сделанная из чего-то, возможно, даже не являющегося материей. И это нестабильное что-то, находящееся постоянно в движении. Здесь, в Хомаде, где находится конец трубы, она сделана из материи Хомада, а на Земле — из земной материи. Другой конец трубы можно преобразовывать в любую другую материю. Так осуществляется контакт Хомада с другими мирами, с другими типами материи. Эта труба может мгновенно перестроиться для контакта с любым другим миром. По-видимому, она сделана из какой-то магнитной суспензии, частицы которой могут перестраиваться в зависимости от природы магнитного поля другого мира.

А что такое Огненная Птица? Это идеальный преобразователь энергии и проводник ее. Она преобразует энергию и передает ее тому, кто прикасается к ней. А откуда берется энергия? Отовсюду. Птица берет ее из самого пространства, из урановой руды. Именно так с ее помощью и открываются Ворота между мирами. А может быть, Птица изменяет частоту колебаний мозга и всех тканей при переходе из одного мира в другой, так что Ворота — всего лишь метаморфоза, которая происходит в нас самих при изменении нашей внутренней энергии.

Может быть, именно поэтому только Изверы могут открыть Ворота. Как мы теперь знаем, они состоят не просто из материи. Нете говорила, что они нечто подобное изотопам в нашем мире. Они могут преобразовывать свое тело в такую форму материи, которая может непосредственно получать энергию от Источника, заряжаться, как аккумулятор.

Альпер улыбнулся.

— На Земле электричество в дома подается через предохранитель. Вот почему она отключила поступление энергии с Земли на Хомад. Ведь если бы этого не произошло, чудовищное количество энергии с урановой шахты хлынуло бы сюда через Источник, который вошел в контакт с Землей. Физическая связь Хомада с Землей существует; но энергия не поступает. Я по-

лагаю, что именно поэтому Огненные Птицы не появляются на Хомате, они не могут пройти через закрытую для энергии трубу.

Но я не знаю, что произойдет, если открытую Огненную Птицу опустить в Источник. Закрытый канал спасет нас пока что от... я не знаю от чего. Тем не менее Изверы страдают от отсутствия поступления энергии. Они спасаются только тем, что приносят жертвы Источнику. Но этого мало.

Изверы исчезают, когда потратят слишком много энергии. Куда? Где-то, как-то они пополняют свою энергию и возвращаются оттуда через ледяной туннель. Но что будет дальше? Я знаю, что и Нете, и Богиня боятся чего-то. Вот почему нам надо убедить Затри, чтобы он помог нам и чтобы мы могли убраться отсюда поскорее. Скажи ему, Соьер!

Клей быстро переводила слова Альпера. Теперь Затри внимательно смотрел на Альпера сквозь прорези маски.

— Спроси, зачем ему все это нужно? — сказал он.

— Конечно, чтобы получить Огненную Птицу, — нетерпеливо ответил Альпер. — Я хочу с ней вернуться на Землю.

— Что даст тебе Огненная Птица?

— Бессмертие, — ответил после паузы Альпер. — Что мне еще нужно? Молодость, сила, бессмертие. Разве этого мало?

Затри спокойно заговорил.

— А почему я должен помогать тому, чтобы на твоей земле появились бессмертные, появилась раса, подобная нашим Изверам? Ваш народ такой же, как и наш. Мы люди, а не боги! Нет, бессмертных не должно быть среди людей. Я и сам старик. Скажи Альперу: я считаю, что людям нужно стареть. И встречать смерть человек должен, считая ее отдыхом после трудного жизненного пути. Ни один человек не должен стремиться к вечной юности! О, нет! Я не хочу, чтобы этот землянин получил Огненную Птицу и стал бессмертным! Я не поведу его в Замок!

Соьер внезапно рассмеялся с облегчением и радостью:

— Молодец, Затри! — сказал он. — Я тоже не верю ему. И пусть он убивает меня своим передатчиком...

Он резко повернулся к Альперу и презрительно посмотрел на него сквозь овальные отверстия маски.

— ... но я не хочу тебе больше помогать! Если тебе нужна Огненная Птица, то от меня ты ее не получишь...

Альпер нетерпеливо шевельнул рукой.

— Ну, хватит, — сказал он. — Я ожидал этого. Теперь за это дело возьмусь я сам. И помните, что вы сами хотели этого.

Пока они стояли в замешательстве и смотрели на Альпера, тот крикнул громко и пронзительно. С улицы ответили звенящие голоса Изверов. Прежде чем кто-либо успел опомниться, дверь слетела с петель, сорванная сильными руками Изверов.

В дверях стояли две закутанные в мантии богоподобные фигуры. Третья фигура стояла за ними, с презрением оглядывая грязный сарай.

Одним рывком Альпер сорвал маску с лица Сойера. Мир для Сойера снова стал прежним: с белыми красками, с обычными запахами и звуками. Совсем не как в кино, подумал Сойер, как будто цветной широкоэкранный фильм стал черно-белым. Он не успел выхватить обратно маску у Альпера. Тот уже натянул ее на себя и проговорил что-то, приглушенно, но отчетливо.

Изверы, хотя их маски были не на лицах, а на затылках, прекрасно поняли его.

— Вы можете арестовать девушку, — спокойно сказал Альпер. — Богиня хочет принести ее в жертву. Этот человек и старик пойдут с нами. Остальных можете уничтожить.

Он повернулся к Сойеру. В холодных глазах его плясали огоньки торжества.

— Ну, вот, — сказал он, — это твой последний шанс, мой мальчик. Мне нужна Огненная Птица!

11

Голос Альпера еще не успел стихнуть, а в мозгу Сойера промелькнули тысячи разнообразных вариантов освобождения, большей частью невыполнимых. От дикого воя Селли дрожали стены. Крики людей и звуки битвы были уже совсем рядом.

— Быстро! — сказал Альпер и сунул руку в карман. — У меня на руках все козыри, Сойер. Не будь дураком. Я могу убить тебя. Я могу лишить тебя чувств. Изверы могут разорвать тебя на части. Дай мне Огненную Птицу, и ты получишь все, что хочешь. Если ты откажешься...

Один из Изверов издал рокошующий звук и двинулся вперед, как мраморный ангел возмездия, величественно подняв свою длинную руку. Он сказал что-то на своем языке. Что-то очень презрительное. Он обошел Сойера, схватил за руку Клей и потащил ее вдоль сарая к двум Изверам, стоящим у двери. Они расступились, чтобы дать им пройти, и Извер с Клей исчезли в темноте.

Дикий бессмысленный прыжок Сойера вслед им был остановлен сильной рукой одного из оставшихся Изверов, который схватил его за плечо. Он так тряхнул Сойера, что у того лязгнули зубы.

— Подожди! — закричал Альпер. — Извер, подожди! Дай мне поговорить с ним. Богиня обещала мне это, помни!

Извер вздохнул, но отпустил Сойера.

— Сойер, будь благоразумен, — нетерпеливо сказал Альпер.
— Слушай, я договорился с...

Он замолчал, бросил быстрый взгляд на Извера и поспешно скинул маску.

— Я не хочу, чтобы они слышали нас, так как обещал Богине добыть Огненную Птицу для нее. Она хочет получить ее обратно и скрыть факт кражи. Я думаю, что украла Огненную Птицу не Богиня, а Нете. Но самое главное то, что Птица исчезла, и Богиня готова обещать все, лишь бы вернуть ее. Если я не принесу Птицу, она убьет меня. А моя смерть, это и твоя смерть. Умру я — умрешь ты, помни! Что ты скажешь, Сойер?

Сойер слушал шум боя, такой близкий, что Альперу пришлось повышать голос, чтобы Сойер мог его расслышать. Он знал, что действовать надо быстрее. Ведь следующим шагом Альпера будет приказ обыскать его, а Птица в данный момент была у него в кармане. Нельзя было терять времени. Он бросил взгляд на Затри, у которого на лице все еще была маска.

— Хорошо, — сказал он. — Ты победил.

Он слегка шевельнулся, чтобы ощутить тепло Огненной Птицы.

— У меня нет Птицы, но я знаю, где она. Мне нужен свет.

— Не показывай ее, — быстро сказал Альпер. — Изверы не должны видеть...

Тяжело вздохнув, Сойер кивнул Альперу, тот снова натянул на себя маску. Сойер сделал три шага вперед и подошел к лампе. Все глаза смотрели на него, все лица были полны ожиданием. Голубые глаза Затри блестели сквозь прорези маски. Никто не знал, что будет дальше. Но все Хомы были готовы действовать.

Сойер внезапно расхохотался. Одним резким движением он швырнул лампу прямо в кучу соломы. Хомы, сидящие там, попрыгали в разные стороны, причем Сойер краем глаза увидел, как один из них раскидал горящее сено в стороны. Хом понятия не имел, что задумал Сойер, ему было ясно одно — землянину понадобился пожар.

Сойер тут же бросился на Альпера. Руки его стиснули кисть Альпера и заломили ее назад. Сойер крикнул:

— Затри!

Но кричать не было необходимости. Пламя еще не успело охватить сено, как Затри был уже на ногах и отдавал приказы своим людям. Один момент Хомы были в замешательстве, и Изверы, издавая угрожающие звуки, двинулись к борющимся Сойеру и Альперу. Но перед ними возникла толпа Хомов, которые быстро пришли в себя и бесстрашно бросились на вышавшихся, как башни, богов.

Изверы пошатнулись от неожиданного нападения. Но вот

они встали покрепче, широко расставив ноги, и начали отражать атаку. Каждый удар ломал кости людей. Хомы ничего не могли сделать с Изверами, но отчаяние придавало им силы и заставляло забыть страх о смерти.

Сойеру потребовались все силы, чтобы удержать огромное тело Альпера, и некоторое время он думал, что это ему не удастся. Но вот Альпер прекратил сопротивление.

Сойер подумал, что это уловка, и продолжал крепко держать его за руку. Но затем он понял: просто Альпер экономит силы, которых у него было не так много. Сойер вывернул руки Альпера и, задыхаясь, посмотрел на то, что происходит вокруг.

Дым обволакивал весь сарай. Огонь с треском пожирал сухое сено, и этот треск, усиливаясь с каждой секундой, переходил в оглушительный вой. В сарае стало очень жарко и светло. И Хомы, и Изверы поневоле отступили подальше от огня — к дверям.

Перепуганные лошади ржали и старались вырваться на свободу. Многие уже порвали привязь и перескочили через низкий барьер. Вся эта кричащая, лягающаяся, борющаяся масса людей и животных вывалилась из сарая на улицу. Сойер и Альпер волей-неволей последовали за ними. С дальнего конца улицы доносился вой дикарей. Он становился все громче. Сойер и устроил пожар специально, чтобы привлечь их внимание. Он знал, что Хомы, сколько бы их ни было, не смогут противостоять двум Изверам. Но он надеялся, что дикари задержат их.

Он сжал зубы и без предупреждения ударил Альпера в висок. Тот охнул и лишился чувств.

— Затри! — крикнул Сойер, осматриваясь вокруг.

Старик, как бульдог, вцепился в холодную руку Извера и висел на ней. Над ним склонилось надменное лицо. По нему стекал пот, но это бесстрастное лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций. Извер стряхнул со второй руки нескольких Хомов и поднял свой громадный кулак над головой старика. Сойер крикнул что-то вроде “берегись!”, но кулак уже опустился, и дни Затри должны были кончиться в эту минуту.

И вдруг, совершенно неожиданно, Извер исчез. Ослепительный свет и обжигающее тепло — вот все, что осталось от него. Облачко молекул рассеялось в воздухе. Энергия Извера кончилась, и он исчез, испарился, отправился в путешествие по таинственному кругу, куда отправляются все Изверы, когда беззвучный зов настигнет их.

Затри покачнулся и чуть не упал, когда из его рук внезапно исчезла рука, которую он держал. Он покачал головой, на которой все еще была надета маска.

Сойер наклонился, стянул маску с лица Альпера и одел ее на

себя. Снова мир преобразился перед ним, наполнился сочными красками, ароматами, волшебными звуками. Маска сидела очень плотно. Союеру стало ясно, почему даже во время драки Затри не потерял свою маску.

Внезапно Альпер пришел в себя. Он взглянул на Союера, и рука его потянулась к карману.

Союер наклонился, схватил его руку и рывком поставил старика на ноги.

— Сюда! — спокойно скомандовал Затри, и он бросились вдоль улицы, волоча за собой Альпера.

Они приблизились к какой-то двери. Затри что-то крикнул через плечо своим людям, а Союер, оглянувшись назад, увидел, что последний Извер боролся с десятком извивающихся Селли, глаза которых сверкали золотом в свете пожара.

Для такого момента Альпер берег свои силы. Он внезапно рванулся и освободился из рук Союера. Затем он бросился к стене и с торжествующим смехом сунул руку в карман.

Союер, уже собираясь прыгнуть за ним, внезапно ощутил в голове сильный гул и остановился. Альпер, держа руку на кнопке, решил говорить, диктовать условия. Он мотнул головой в сторону Затри и сказал, задышавшись:

— Прикажи ему... вести нас... в замок. Сейчас.

— На чьей ты стороне, Альпер? — едва шевеля губами, спросил Союер. — Когда ты лгал? Когда договаривался со мной или когда говорил о переговорах с Богиней?

— Я на своей стороне, на стороне Альпера, идиот! — хрипло ответил Альпер, наслаждаясь своим триумфом. — Я не лгал. Мы договорились с Богиней — моя жизнь за Огненную Птицу. Но я ей не верю. Я говорю тебе, что мы для Изверов всего лишь животные. Может, она и не убьет меня, но наверняка не отпустит нас на Землю и не отдаст мне Огненную Птицу. А мне нужна Птица — или ничего. Поэтому мой план относительно Нете остается в силе, если старик поведет нас. Он поведет?

Альпер многозначительно пошевелил рукой в кармане.

— Тебе лучше уговорить его, мой мальчик!

Для Затри весь этот разговор был лишен смысла, но общую картину происходящего он понял. В неверном свете пожара его движения были молниеносны. Рука его бросила кольцо серебряной веревки. Она захлестнула шею Альпера и стала натягиваться — все туже и туже, глубоко врезаясь в жирный загривок. Альпер стоял, будучи не в силах двинуться с места.

— Скажи, чтобы он прекратил, Союер! Это же и твоя жизнь! — прохрипел он.

— Не говори! — спокойно сказал Затри. — Я догадываюсь, что он сказал. Мне жаль, юноша, но сейчас я должен думать о

Клей. Скажи ему, чтобы он не двигался, пока я не прикажу. Я могу убить его одним движением. Я стар, но сил у меня хватит.

— Сойер, ты хочешь умереть? — в отчаянии вопил Альпер. — Скажи ему...

— Он сказал, что ты можешь убить меня, — безразличным голосом ответил Сойер, — но сам умрешь первым. Он думает о Клей. Альпер, я...

— Скажи, чтобы он вытащил руку из кармана, — заговорил Затри. — Скажи, что, если он не послушается меня, он умрет. Он боится смерти. И пусть он знает, что ни его жизнь, ни твоя, ни моя собственная — ничто не встанет между мной и тем, что могу сейчас сделать.

Сойер перевел. Медленно, неохотно Альпер вынул руку из кармана. У Сойера вспыхнула надежда, и он сказал:

— Вытащи из меня передатчик!

Альпер взорвался.

— Нет! Я не сделаю этого! Даже если вы убьете меня сейчас!

— Он не вытащит, — ответил Затри. — Я знаю. Мы оба старики, и мы понимаем друг друга.

Он усмехнулся.

— Я поведу вас в Замок. Ты знаешь, почему я передумал, почему я решил дать Альперу возможность получить Огненную Птицу и бессмертие?

— Почему?

— Чтобы человек стал богом, нужно нечто большее, чем Огненная Птица, — ответил Затри. — Я слишком стар и не могу всего этого объяснить тебе. Альпер может стать бессмертным, но никогда не сможет стать неуязвимым.

Он рассмеялся.

— Передай ему это!

— С этого момента мы должны говорить только шепотом, — тихонько сказал из-под маски Затри.

Сойер посмотрел назад, во тьму извивающегося туннеля. С тех пор, как они покинули шумные улицы, им пришлось долго идти под землей. Затри, держа веревку, захлестывающую шею Альпера, внимательно разглядывал стены. Квадратные каменные блоки, сложенные тысячу лет назад, были скреплены между собой светящимся раствором. Чистый мягкий свет струился от стен, и они шли по кажущемуся бесконечным коридору из светящихся квадратов.

Но вот Затри остановился: один из квадратов перед ним стал темнеть, как будто кто-то повернул выключатель и прервал подачу энергии. Затри нажал на угол, и каменная панель бесшумно отошла в сторону. Перед ними открылся темный проход.

— Если нам повезет, — сказал Затри, повернувшись к Сойеру, — то охранников здесь не будет. Церемония уже началась, и все Изверы, которые не дерутся на улицах, сейчас в Холле Миров. Мы сейчас прямо под ним. Камера с жертвами тоже рядом. Изверы не боятся, что они сбегут.

Затри тихо рассмеялся сардоническим смехом. Сойер не понял, почему.

— Единственный путь, открытый для бегства, Изверов не беспокоит. Идем и будь осторожен.

Сойер пошел за двумя стариками.

Ему показалось, что он внезапно оказался у водопада Ниагары. Он остановился, оглушенный, и, задрав голову, смотрел, как вверх поднимаются золотые струи, которые затем скрываются в туманной бесконечности.

Но вот они уже стоят перед длинной лестницей, ведущей вверх. Лестница зигзагами огибает золотой водопад, подобно золотой молнии среди золотых облаков. Сойер догадался, что и золотые струи и золотые облака — это всего лишь золотые занавеси, спускающиеся сверху — прямо из золотого неба.

— Нам нужно подниматься, — прошептал Затри. — Только тихо! Если кто-нибудь появится — прячьтесь за занавеси. И молчите!

Они поднимались быстро, стараясь ступать бесшумно. На третьем этаже Затри начал огибать занавеси и заглядывать за них.

За занавесом открылась маленькая шестиугольная комната, похожая на ячейку в пчелиных сотах. На стене ее переливались разные цвета, смешиваясь между собой в причудливых сочетаниях и снова распадаясь в каком-то неуловимом ритме. Взгляд не мог оторваться от игры света, она буквально зачаровывала зрителя.

— Не смотрите, — предупредил Затри. — Это гипноз. Скажи Альперу. Он нам нужен.

Сойер, не поворачиваясь, предупредил Альпера. Сам он смотрел на сонную Клей, которая сидела в углу шестигранника, уронив руки на колени, откинув голову назад и глядя остановившимся взглядом на непрерывно меняющийся цветной рисунок на стенах.

Сойер тоже смотрел на стену и перед его взором появилась комната, громадная и очень странная. Сойер с усилием отвел свой взгляд. Он не знал, верить ему своим глазам или нет.

Затри постучал по стеклянной стене шестиугольника. Клей еле заметно шевельнулась и снова села неподвижно, запрокинув голову и не отводя глаз от игры света. Затри постучал снова. Очень медленно Клей повернулась.

— Хорошо, — прошептал Затри. — Мы еще не опоздали. Ее можно спасти. Юноша...

Он повернулся, пристально глядя на Сойера.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — мягко сказал он. — Слушай внимательно. У меня разработан свой план. Но риск очень велик. Я хочу, чтобы ты знал об этом. Риска избежать нельзя. Для нас нет другого пути — либо свобода, либо жизнь в рабстве под гнетом Изверов.

Он помолчал, не сводя глаз с Сойера, затем сказал:

— Я хочу спросить тебя: Огненная Птица сейчас с тобой?

Сойер колебался, стараясь понять, что кроется за этим вопросом, за таким пристальным взглядом. Но не пришел ни к какому выводу.

— Да. Она у меня.

Затри глубоко вздохнул.

— Я рад. Значит, мы можем остаться живы, несмотря ни на что.

Альпер смотрел, как они беседуют, стараясь уловить смысл слов. Во взгляде его рождалось подозрение.

— Что он говорит! — обратился он к Сойеру. — Переведи!

— Успокойся! — Затри дернул веревку и погрозил Альперу. — Еще одно, прежде чем мы начнем действовать, — сказал он Сойеру. — Ты видишь Клей. Она в гипнозе, совершенно беспомощна. Есть только один способ освободить ее.

Он засмеялся.

— Изверы нас хорошо знают. Они могут не охранять эти камеры, так как никто не может освободить пленника, не заняв его места.

Говоря это, он резко вышел вперед и толкнул Сойера с такой силой, что тот пошатнулся и навалился плечом на стену. К своему удивлению, он почувствовал, что стена поддается под его тяжестью.

12

Это был момент полной дезориентации. Стены камеры, казалось, двигались относительно друг друга в сложном взаимодействии, как великолепно отлаженная машина. Когда Сойер упал на пол камеры, он увидел, что Клей вытолкнуло из камеры движущимися стенами. Это была ловушка. Когда он вскочил на ноги и бросился к стене в отчаянии, в тщетной попытке вырваться, он увидел лицо Затри в маске, прижавшееся к стеклу с той стороны, услышал его голос, мягкий и чистый.

— Прости меня, юноша, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы самому занять место Клей. Но лучше, если там окажешься

ты, так как для тебя не обязательно все кончится смертью. У тебя есть шанс. А для любого другого...

Он обреченно махнул рукой.

Клей упала на колени возле Затри. Дед осторожно и нежно поднял ее. Соьер смотрел на них сквозь переменчивые взоры на стекле. Они уже начали гипнотически действовать на него, так что он даже не мог сфокусировать на них свой взгляд. Сон уже затуманил его мозг. Он постучал по стеклу.

— Закрой глаза, — сказал Затри. — Не смотри на стены, пока я говорю. Нет, это не убийство. Ведь если ты умрешь, умрем и мы. Но у тебя есть шанс спастись и спасти всех нас. Может быть, и весь наш народ. Если бы у меня был хоть малейший шанс, я пошел бы в камеру сам. Но только у тебя есть амулет — передатчик. Ты один сможешь сопротивляться гипнозу, когда наступит высший момент Церемонии. Только ты.

Он взглянул на Альпера, который смотрел на все это, ничего не понимая. Затри слегка дернул веревку.

— Как твоя жизнь — в его руках, так и его жизнь — в моих. И я не пожалею ничьей жизни, чтобы достичь цели, к которой стремлюсь. Если бы Альпер согласился избавить тебя от передатчика и вмонтировать его в меня, я бы поменялся с тобой местами. Но он не сделает этого. Итак, тебе придется идти на Церемонию в качестве жертвы, но не беззащитной. У тебя есть передатчик. У тебя есть Огненная Птица. У тебя есть такой шанс, какого не может быть ни у кого.

Моя цель — сбросить иго Извергов и освободить мой народ. Я знаю, что тебе наше дело чуждо, но я не могу щадить ни тебя, ни себя. Я должен сделать все, что могу, чтобы достичь своей цели. Теперь слушай меня, потому что времени у нас мало. Ведь в любой момент ты можешь попасть на Церемонию.

Соьер, внимательно слушающий старика с закрытыми глазами, услышал тревожный шепот Клей. Он открыл глаза и сквозь переливающуюся всеми цветами стену увидел, как девушка подняла голову и стала изумленно осматриваться вокруг себя. Затри мягко встряхнул ее.

— Ты пойдешь на Церемонию не беспомощный, — продолжал он, — не загипнотизированный, не слепо повинующийся им. Каждый раз, когда ты почувствуешь, что начинаешь терять волю, ты можешь попросить Альпера тронуть слегка кнопку управления передатчиком. Я все объясню ему. Малейшего звука в твоем мозгу будет достаточно, чтобы нарушить гипноз.

Что происходит на Церемонии, никто не знает, известно только, что жертву, прежде чем ее скормят Огненным Птицам, необходимо загипнотизировать. Но еще до того, как подойдет твоя очередь, вмешаются мои Хомы. Может быть, они спасут

тебя. У нас есть взрывчатка. Я надеюсь взорвать стену Замка, чтобы туда ворвались Селли. Таков мой план. Если он сработает, ты спасен.

Перед окончанием Церемонии башни Замка начнут светиться, и все дикари соберутся вокруг него. Может, нам удастся взорвать стену самого Холла Миров и направить Селли на Изверов. Начнется драка. — Глаза старика заблестели в отверстиях маски. — Тогда у Изверов не останется выбора — им придется применить свое последнее оружие. Я надеюсь, что Селли возьмут верх над Изверами. Но если этого не произойдет, у нас останется последняя возможность. Все будет зависеть от тебя...

Он замолчал в нерешительности.

— Ты слышишь меня? — спросил он. — Открой глаза на секунду. Я хочу убедиться, что ты еще в своем уме. Слушай! Если ты увидишь, что побеждают Изверы, тогда сам выбирай момент. Когда ты решишь, что пора, прорывайся к Источнику. Ты должен бросить туда Огненную Птицу — бросить ее открытой!

— Но... Альпер говорил... — попытался возразить Соьер.

— Альпер прав, это очень опасно. Бессмертные Изверов зависят от Источника, мы не можем убить их. Но... мы можем уничтожить сам Источник. Конечно, это может погубить город, может взорваться весь Верхний Мир, Хомад. Но... — Затри сделал паузу. — Если победят Изверы, мы все погибнем. Лучше погибнуть в бою, чем быть принесенным в жертву. Лучше погибнуть, уничтожив целую расу богов, чем умереть одному. Лучше погибнуть, зная, что после тебя останутся свободными люди, которые вечно будут благодарны тебе за то, что ты сделал для них.

Затри замолчал, с трудом переводя дух. Наконец он сказал:

— У нас мало времени. Лучше будет, если ты скажешь Альперу, что он должен делать, только не упоминай об Огненной Птице. Если он поймет, что Птица для него потеряна, он может отказаться помогать нам. — Он кашлянул.

— Взгляни на меня, юноша, — сказал он. — Только на секунду открой глаза. Я не прошу у тебя прощения, но я должен сказать, что я сделал то, что должен был сделать. Если умрешь ты, умрем мы все. Если ты победишь, победим и мы. Мне было очень хотелось сделать все самому. Ты веришь мне?

Соьер встретился с ним взглядом сквозь переливающуюся радугу стекол.

— Я тебе верю. Я не говорю сейчас о прощении. Если мне удастся выбраться живым, тогда и поговорим о том, что ты сделал. Но я тебе верю. — Он повернулся к Альперу. — Альпер, я...

Он посмотрел на Альпера.

— Альпер! Затри, разбуди его!

Альпер безвольно прислонился к стеклянной стене, глядя расширенными глазами на игру света. Он уже был под гипнозом. Затри сильно встряхнул его, чтобы разбудить. Клей сонно смотрела на них. Сойер звал Альпера, не рискуя кричать громко:

— Альпер! Альпер! Ты слышишь меня? Альпер, проснись!

— Я не сплю, — внезапно сказал Альпер, вырываясь из рук Затри. — Со мной все в порядке. Но... Сойер? Ты видишь? Ты понимаешь, куда попал?

Сойер не смотрел. После первого своего ощущения бесконечности, которая таилась в этих сполохах цветного пламени, он больше не хотел смотреть. Да и времени не было.

— Слушай меня, — сказал он. — Если ты хочешь получить Огненную Птицу, то сделаешь то, что я скажу. Альпер, ты слышишь меня?

— Да, да, — рассеянно сказал Альпер. — Что ты хочешь сказать?

Сойер быстро пересказал ему разговор с Затри, умолчав об Огненной Птице. Но Альпер что-то бормотал про себя:

— Сердце атома... Танец атома... Электроны... на семи оболочках. Огненные круги в камерах, где крутятся электроны! Сойер, ты понимаешь, что это? Я и раньше предполагал это, а сейчас полностью убедился, что...

Сойер смотрел на Альпера сквозь цветное стекло, не совсем понимая, что случилось. Стеклянная стена начала вдруг вибрировать. Фигура Альпера стала расплываться, и голос его стал вибрировать. Как будто и звуковые и световые волны модулировались вибрацией стен.

— Это электрон! — сказал Альпер. — Космотрон, синхротрон, все, что ты хочешь. Что-то внутри его создает силы, которые разгоняют электроны в камере. Планетарный циклотрон! Где-то здесь находится аппаратура, фокусирующая пучок высокоэнергетических лучей. Ты видишь?

И голос, и лицо Альпера расплывались все больше. Расплывалось все: и тревожные глаза Затри в отверстиях маски, и поднимающаяся фигурка Клей. Вибрация была такой, что заставила дрожать все молекулы в его теле. Движущиеся цвета на стене вдруг двинулись на него, проникая в самый центр его мозга. И последними остатками своего сознания Сойер стал молить Альпера о помощи...

И вот в его мозгу послышался шепот. Шепот становился все громче. Вот уже прерывистый ток крови в жилах стал казаться ему отдаленным рычанием льва...

Сойер, с трудом сохраняя сознание, крикнул в золотистый туман, наступающий и затопляющий его:

— Хватит, Альпер! Хватит! — и рычание льва стало стихать, превращаясь в еле слышимый шепот, который проникал в его плоть, заполняя артерии и вены, сохраняя его разум живым и светлым.

Вокруг него больше не было стеклянных стен. Он находился внутри цветного шара, он стал его центром. Стены шара вращались вокруг него, и их вращение увлекало за собой мозг Сойера, погружая его в сладостное забвение. И только шепот в мозгу не давал подчиниться этому вращению, заставляя оставаться в сознании.

Он помнил, что говорил Альпер до того, как вращение стен скрыло его от Сойера. Атомы. Танец атомов. Циклотрон. Стеклянные стены — это электронные оболочки. А он сам ядро, вокруг которого крутятся электроны. Их вращение захватывало его.

Где-то высоко, в золотом небе, на золотых тронах сидели Изверы. Снизу они казались не больше кукол. Они плыли в необъятном пространстве по замкнутому кругу, в центре которого находился он. Но круг был настолько большой, что сознание Сойера отказывалось воспринять его. Он тщетно пытался вернуться к реальности, изгнать из своего мозга это потрясающее душу видение. Но ему оставалось только смотреть.

Вокруг него сидели на золотых тронах торжественные ангелы. Они смотрели на него, и их троны висели в воздухе, не поддерживаемые ничем. Они плавали в золотом тумане. Но у их ног что-то поблескивало. Может, невидимый помост, на котором стояли их троны? Помост из стекла?

Ангелы были не на всех тронах, многие из тронов были пусты. Где же остальные? Может, они испарились, израсходовав всю свою энергию, и отправились в таинственное путешествие, откуда они вернутся, возвратив запасы энергии.

В центре круга находился шар, такой яркий, что Сойер не мог смотреть на него. Он находился между двумя высокими фигурами, которые смотрели друг на друга, между ними вспыхивали зеленые молнии. Но он не мог сейчас сфокусировать свое зрение. Потому что теперь он сам кружился, кружился по широкой орбите. Где-то глубоко под ним он видел головы, увенчанные стеклянными коронами. На головах было по две маски, одна слепая, без выражения, смотрящая назад пустыми глазницами, другая, живая, улыбающаяся, смотрящая вперед. Одна из масок смотрит в прошлое, другая в будущее, подумалось Сойеру.

Теперь он уже кружился по снижающейся орбите, спускаясь все ниже и ниже. Вот он уже находится ниже уровня тронов, где сидели ангелы, и спускается все ниже, вглубь, туда, где кружится золотой туман. Теперь он увидел золотые троны снизу. Они

стояли на твердых площадках. Сойер видел ноги Изверов, бесчисленное количество пар ног, уходящих в бесконечность, в ничто.

Теперь он пролетал уже где-то сбоку от них. Это была самая удивительная точка орбиты. Он увидел, что троны стоят на золотой туманности, окружая ослепительно сияющий шар. Он не мог смотреть на этот шар, его глаза не выдерживали такого света.

Из стеклянного шара вырвались языки пламени, которые скрещивались, перехлестывались между собой, сворачивались в невообразимые спирали.

Он был не один в своем полете через золотое пространство, наполненное золотыми копьями света. Другие светящиеся точки кружились по своим орбитам вокруг сонма богов. Это были маленькие человеческие фигуры, заключенные в шестиугольные камеры. Они были неподвижны в своем стремительном движении вокруг ослепительного солнца. Сойер не мог сосчитать их — так их было много. Но он вспомнил, что говорил Альпер, и, закрыв глаза ладонью, сосчитал орбиты. Семь. Семь орбит, по которым бесчисленные электроны вращались вокруг ослепительного ядра, на которое невозможно смотреть.

Ядро становилось все ярче. Когда Сойер взглянул на него сквозь ресницы, он увидел, как одна из коленопреклоненных фигур, затянута неведомой силой, нырнула в самый центр шара. На мгновение темный силуэт мелькнул на ослепительно ярком фоне и исчез в самом центре, между двумя Изверами, которые стояли, глядя друг на друга сквозь шар. Сильная вспышка обожгла глаза Сойера.

И вновь между Изверами стали проскакивать зеленые молнии.

Сойер напрасно пытался привести свои мысли в относительный порядок. Слишком многое случилось, слишком многое он увидел, и все, что он видел, не поддавалось его пониманию. Непрерывное кружение по орбите действовало на него гипнотически, но слабое гудение в мозгу помогало ему держать сознание ясным.

— Чуть больше, Альпер, — сказал он, и голос его зарокотал в ушах, многократно отраженный стенами камеры. Он подумал о диске в руках Альпера, из которого слышится его голос. — Немного. Вот так, теперь хорошо.

Шум в ушах стал сильнее, но размышлять стало легче. Он пытался понять, что с ним происходит, подыскать аналогию, чтобы найти удовлетворительное объяснение.

Я — ось, вокруг которой вращается камера. Я был протоном, когда растолкал все электроны стены и оказался в камере. Но

теперь я сам электрон и вращаюсь вокруг Огненного шара. Кто знает, из чего состоят электроны? Никто. — И тут в его мозгу возникла картина — маленькие электроны на своих орбитах, и каждый из них — это шестиугольная камера со скорчившимся в ней неподвижным человеком. Громадным усилием воли он отодвинул от себя это видение.

Что это за стеклянный шар, вокруг которого крутятся электроны? Ядро этого атома имеет семь энергетических оболочек. Атом урана? Вокруг его тяжелого ядра крутятся электроны по семи орбитам. Именно уран высасывается Огненными Птицами с полюса Земли. Так, может быть, это...

“Источник! — догадался он. — Источник Миров?”

Он напряг свои глаза, стараясь рассмотреть Огненный шар, тщетно стремясь проникнуть взглядом в это ослепительное сияние и увидеть дальний конец Источника, где он совмещается с Землей.

Но он не мог. Однако теперь он видел более четко две фигуры, которые стояли друг против друга, разделенные Огненным шаром. Фигура в белой мантии и что-то колеблющееся, темное, над чем плавала белая маска.

Богиня и Нете. Нете и Богиня.

Значит, это и есть Открытие, после которого одна из них уйдет отсюда живой и торжествующей, а ее соперница останется здесь, около Источника. Интересно, подумал он, кто может заставить умереть Извера? Как смерть может победить неумирающего бога?

Электроны мчались по орбитам. Когда жертвы, одна за другой устремлялись в центр ослепительно сияющего шара, между двумя соперницами ярко вспыхивало пламя.

Электроны с внешних оболочек заменяют те электроны, которые ныряют с внутренних оболочек в белое пламя. Как только один из электронов падает, сразу происходит перераспределение на всех семи оболочках. Одну за другой они вырывают из стен камеры с жертвами и швыряют их в огонь, когда им это нужно. Мы...

Внезапный толчок смешал его мысли. Его перебросило ближе к огню. Внутренние орбиты требовали еще электронов, и одним из них оказался Соьер.

— Сейчас, — подумал он, — я нахожусь на шестой оболочке, затем окажусь на пятой. И так, шаг за шагом, я буду падать все ниже, все ближе к пламени, пока не рухну в него вслед за остальными, чтобы дать энергию двум Богиням, которые хлестают друг друга кнутами из зеленых молний. Что это за оружие? Как они черпают энергию из пылающего Источника?

И как бы для того, чтобы он получил ответ, пламя между

Богинями стало меньше, и Соьер мог видеть более ясно и четко. Один из электронов, который должен был упасть, чуть замешкался над Источником. Может, несчастная жертва от толчка пришла в себя, в то время, как она должна была падать в полном забытьи.

Зеленое пламя захирело, погасло. И Соьер одно мгновение мог видеть все неослепленными глазами. Правда, он боялся заглянуть в самую глубину Источника. Но он хорошо видел двух Извергов, которые остановились передохнуть перед тем, как продолжить битву.

Огромные, злобные, полуприкрытые ресницами глаза Нете, как глаза змеи, горели тем же адским пламенем, что бушевало в Источнике. По ее лицу стекали светлые капли пота, на широкой мантии виднелись почерневшие пятна — следы попадания молний. Она все время покачивалась из стороны в сторону, безостановочно, бесконечно. Ей нельзя останавливаться: злоба и страсть к убийству, горящие в ней, убьют ее самое, если она остановится хоть на миг.

И также покачиваясь, с такой же смертельной злобой во взгляде стояла перед ней Богиня. Она была одета в темную мантию, и там, где мантии коснулась зеленая молния, остались горящие зеленые пятна.

Но с их головами было что-то не то. И Соьер не мог рассмотреть, что за оружие держат они на уровне груди обеими руками.

Он не сразу понял, что произошло: Богини сняли маски и держали их перед собой обеими руками. Маски злобно смотрели друг на друга пустыми глазницами, извергая не меньшую ярость, чем лица. Богини раскачивались из стороны в сторону, выжидая момент.

Но вот замешкавшаяся жертва нырнула в Источник, и ожидание кончилось.

13

Пламя Источника взметнулось вверх. Языки белого пламени пронзали все пространство, искривляя орбиты, по которым неслись электроны, и те закружились по немыслимым спиральям, словно подхваченные невидимым ураганом. Они неслись все быстрее и быстрее.

Как это сказал Альпер? Циклотрон? Какие-то силы разгоняют электроны.

И это была правда. Или близко к ней. Все происходило так, как в циклотроне. Энергия выплескивалась из Источника, когда туда падала жертва. Но энергия не распространялась во все

стороны, чтобы Изверы могли воспринимать ее своими таинственными приемниками и преобразователями. Она падала в какое-то мощное силовое поле и разгоняла электроны по спирали, заставляя их двигаться все быстрее. Сойер понятия не имел, что это за силовое поле, ось которого проходит через полюс.

Теперь было понятно, зачем нужно это ускорение. В циклотроне заряженные частицы разгоняются до громадных скоростей, а затем через фокусирующую систему наружу вырывается поток частиц с высокой энергией. В этом планетарном циклотроне не было искусственной фокусирующей системы, но в нем тоже рождались высокоэнергетические частицы. В этом не было сомнения. Отражающие панели, о которые ударялись частицы, уже начали светиться.

И теперь глаза масок двух Богинь извергали зеленое пламя. Два луча из каждой маски скрещивались, как два лезвия. Взгляд Медузы Горгоны был ничто по сравнению с этими смертоносными взглядами. Хотя эти лучи имели бледно-зеленый цвет, они были такими яркими, что глаз человека не мог смотреть на них.

Но еще более ужасно было видеть эти бесстрастные улыбки на масках. Они были в вопиющем контрасте с убийственной яростью глаз, которые смотрели сквозь отверстия масок. В Источнике Миров бурлили волны энергии, в которые падали все новые и новые жертвы.

С каждым падением Сойер оказывался все ближе и ближе к Источнику. Но он забыл об опасности, которая грозила ему. Он забыл о том, что вращается по непрерывно сужающейся орбите вокруг шара, который постепенно притягивает его.

Все, что он мог видеть сейчас, о чем мог думать, это была дуэль двух Богинь, которые сражались возле Источника, в котором вместо воды бурлило пламя, над которым скрещивались бледные зеленые лучи, более смертоносные, чем любой меч, выкованный человеком.

Соперницы были достойны друг друга. Они наносили удары друг другу и отражали удары, защищая свои уязвимые тела. Да, уязвимые, ибо тела Изверов были уязвимы — только для этого оружия. Сойер теперь понимал это.

Он видел, как Нете внезапно сорвала с себя маску, высоко подняла ее и направила зеленые лучи глаз маски в левое плечо Богини.

Рана была ужасна. Богиня покачнулась. Она на мгновение опустила маску и смертоносные лучи из ее глаз ударили в пустоту. Черная мантия не выдержала удара зеленой молнии, изпод нее потекли струйки золотистой крови...

Золотистая кровь, подумал Сойер. Золотистая кровь! При

виде ее ангелы, наблюдающие за поединком, ахнули. Нете издала дикий, звенящий торжеством крик.

Но вот Соьер снова ощутил сотрясение, от которого у него закружилась голова. Его рывком перебросило на другую орбиту, и теперь он был совсем близким к ядру. Но он не обратил на это внимания. Он был раздосадован лишь тем, что в результате сотрясения на мгновение потерял из виду сражение.

Нете не рассчитала. Она слишком надеялась на смертельный удар, и теперь ее маска была поднята слишком высоко, чтобы парировать ответный удар. Золотая кровь все еще текла по руке Богини, беспомощно висящей, но другой рукой она схватила маску и очертила ею спираль. Скорость и направление движения руки совпадали со скоростью и направлением бешено вращающейся энергии в Источнике. Возможно, она хотела воспользоваться энергией самого Источника.

Ее маска снова смотрела на Нете. Лицо в лицо. Эти взгляды Горгоны извергали смертоносную энергию. Пламя колыхнулось между Богиней и Нете. Раздался жуткий крик Нете. Когда языки пламени стали слабее, горестный вздох вырвался у всех зрителей. Один глаз маски Нете стал слепым. Луч Богини сжег его.

И теперь, когда ее силы наполовину уменьшились, Нете с удвоенной яростью стала нападать на покалеченную Богиню. Ее единственный луч метался вокруг шатающейся фигуры в черной мантии, которая изо всех сил старалась парировать удары. Богиня, движения единственной руки которой были быстры, как молния, сплетала вокруг себя защитную сеть. А Источник меж тем иссякал... Электроны с внутренней орбиты сыпались в него как снег. Источник вспыхивал, когда очередная жертва давала ему новую порцию энергии, энергии, в которой нуждались обе сражающиеся Богини.

Снова сотрясение! Снова Соьер перескочил на другую орбиту. Теперь он уже на внутренней орбите, и следующее падение будет уже прямо в огонь!

Огонь! Соьер посмотрел вниз, прямо в Источник.

Источник жег глаза и мозг смотрящего в него. Но он вовсе не был ярким.

Боль в глазах внезапно исчезла, и Соьер увидел все с неожиданной ясностью. Источник оказался чем-то плоским и сверкающим, как зеркало. Он был окаймлен широким кольцом. В зеркальной плоскости отражалось золотое облачное небо, а внутри что-то кружилось, бурлило, вращалось... Расплавленный свет, выбивающийся из центра мироздания? Может, это фонтан света с полюса Земли? Соьер не мог подобрать слов. Но мозг и глаза не могли оторваться от завораживающего бурления

в Источнике. Это движение проникало в мозг, расплавляло его, влекло Сойера к себе...

Он стал падать, падать...

Он и хотел падать. Он хотел видеть все, что происходит внизу, в Источнике. Видеть все ближе и ближе... Странно, подумал он, как во сне, я так близко и все не могу сфокусировать зрение на этих пузырьках. Что это? Пузырящийся жидкий металл? Холодная блестящая ртуть? Нет, это не жидкий металл, так как Сойер видел очертания отдельных пятен, которые кружились сами по себе. Они, казалось, совершали какой-то танец, который вплетался в ткань видений Сойера, увлекая его вниз, на эту сверкающую плоскость, где все вовлечено в завораживающее движение...

— Альпер! — внезапно крикнул он, и звук его голоса, отражившийся от стен шестигранной ячейки, едва не оглушил его.

И Альпер откликнулся. Как гулкий колокол, кровь загудела в его жилах. Звук своего дыхания показался ему свистом громадной турбины.

Сойер с трудом оторвался от жуткого очарования Источника. Теперь он знал, что такое Источник. Ни один человеческий глаз не видел подобного зрелища, ни один самый изощренный ум не мог вообразить себе такого.

Это был сложный танец ядра в атоме. Один за другим, притягиваемые протонами, в ядро ныряли электроны. Его очередь близка.

Но вот его вращение приостановилось. Сойер не хотел быть жертвой. Он собрался с силами, чтобы сопротивляться падению в устрашающую красоту Источника. Удары грома раскалывали череп Сойера, и он закрыл глаза, стараясь собрать все свое отвращение к смерти, чтобы это помогло ему выстоять против колдовских чар Источника.

Падение прекратилось.

Источник снова казался ему зеркалом, на поверхности которого не отражалось ничего. Он казался огромным ртом, открытым в ожидании жертвы. Но жертва не падала, и поверхность зеркала подернуло дымкой, как будто на нее дохнуло холодом.

Зеленые молнии двух соперниц скрещивались друг с другом. Удары наносились с такой скоростью, что за ними было трудно уследить. Но вот они начали замедляться, молнии стали заметно бледнее. Шипение разрядов стало тише и слабее.

Богиня сделала шаг назад и посмотрела вверх. Нете, тяжело дыша, опустила одноглазую маску и тоже подняла голову. И тут она узнала Сойера и рассмеялась звенящим безжалостным хохотом.

Наступило время достать Огненную Птицу из кармана. Что произойдет после этого, Сойер не знал, но выбора у него не было: в любой момент он мог рухнуть в сверкающую поверхность Источника, и ему никогда больше не придется принимать решений.

Рука его нащупала Огненную Птицу. И тут он обнаружил, что он ничего не может. Какая-то сила, которой он не мог сопротивляться, сковала его члены, сделала беспомощным. Его вращение по орбите вокруг Источника возобновилось. Мозг его был ясен, но он не мог двинуть ни один мускулом, не мог даже шевельнуть пальцем.

— Альпер, — позвал он в отчаянии, — прибавь немного. Только, прошу, не перестарайся!

Глухие раскаты грома в мозгу становились все громче, как будто на Сойера надвигался нагруженный железнодорожный состав. Вот грохот стал уже непереносимым...

— Хватит! — крикнул Сойер. — Оставь так!

Где-то внизу, совсем рядом, раздался другой грохот, как от страшного взрыва. Ангелы, неотрывно следившие за дуэлью, одновременно повернули головы в направлении взрыва, который раздался в стенах Замка.

Да, что-то взорвалось в самом Замке.

Послышался второй взрыв, а вслед за ним — грохот рушащихся стен, звон стекла. Взрывы раздавались совсем рядом. Все Изверы вскочили на ноги, встревоженно переглядываясь. Что могло прервать священную Церемонию? В последний раз Сойер увидел сонм богов, стоящих в пустоте.

Но вот в золотом небе возникла трещина, на пол посыпались стекла. Стены Вселенной трещали, рушились, и через пролом в огромный стеклянный Холл хлынула толпа дикарей. Они неслись по стеклянному полу — прямо к ангелам.

Некоторое время Изверы были в ошолоблении. Невероятность происходящего потрясла их. Тысячелетиями они были уверены в покорности всего мира, и теперь не могли поверить в то, что стены их Замка разрушены, что святая святых подверглась нападению, и змееподобные дикари ворвались в зал, потрясая длинными сверкающими ножами и издавая жуткий утробный вой.

Это было для них подобно кошмару, который парализовал их волю.

Но вот Богиня выкрикнула приказ, и Изверы ожили. Беспредельное отвращение отразилось на лицах богов, когда они в шелесте ледяных мантий двинулись вперед на орду Селли. Отвращение к себе подобным, подумал Сойер, вспомнив золотистую кровь, стекавшую из раны Богини, и каплю золотистой

жидкости, повисшую на кончике ножа, которым он ударил в грудь дикаря.

Неуязвимая раса вступила в бой с другой неуязвимой расой. Сойер видел маски на затылках Изверов, которые безразлично смотрели на Сойера, на Источник, на обеих соперниц. Они смотрели так, как будто все это было уже в прошлом и теперь не представляло для них никакого интереса. Но вот Богиня вскрикнула еще раз, и из рядов Изверов послышались крики торжества. Все руки взметнулись вверх, как бы выражая неопишемую радость.

Теперь над их головами покачивались маски, те самые, что столь безразлично смотрели в прошлое. Однако они уже не были безразличными — они смотрели в будущее. Маски все еще улыбались бледными змеевидными губами, но улыбки их были устрашающими, а из глаз излучались двойные зеленые лучи — огненные мечи.

Сойер увидел, как мечи ударили первого Селли, уже протянувшего свои извивающиеся руки, чтобы схватить первого Извера. Двойной луч пронзил толстую, закрытую чешуей грудь у самого основания шеи. Сойер увидел, как луч прошел сквозь его тело, словно луч света сквозь тьму.

Огромное змееподобное существо покачнулось. Мгновение сверкающие глаза излучали тот же зеленый свирепый свет, что и глаза маски. Затем дикарь издал дикий вой и рухнул прямо на Извера. Золотистая кровь хлестала из его раны.

Извер тщетно пытался оттолкнуть от себя дикаря. Селли не был еще мертв. Он обхватил своими извивающимися руками корпус Извера и тянулся к маске, глаза которой сейчас смотрели в потолок. Два смертельных врага схватились в жестокой схватке, исполняя танец смерти на стеклянном полу. Кровь Селли уже образовала лужу возле их ног, и эта лужа все увеличивалась. Сойер увидел, что лужа достигла края стеклянной поверхности и теперь падает золотым туманом в пустоту...

Прозрачный круглый помост, на котором стояли троны, плавал в пустоте, поддерживаемый стеклянными колоннами.

Селли и Извер, обхватив друг друга, упали вниз. Вместе с ними упала и маска, пронизывая пустоту зелеными лучами своих глаз.

Это падение пробудило Сойера. Он вспомнил об опасности, которая грозила ему самому, и начал яростно бороться с парализовавшим его параличом. Он хорошо знал, что маски Изверов тратят много энергии и что вскоре источник потребует новых жертв, чтобы пополнить свои угасающие силы.

Сойер полностью сосредоточился на громовых ударах в своем

мозгу и изо всех сил постарался шевельнуть рукой. Это ему удалось — рука еле заметно шевельнулась.

Его снова тряхнуло. Он открыл глаза, и перед ним открылось поле битвы между двумя расами, столь похожими и непохожими друг на друга. Они были как бы одной расой, особи которой были пропущены через разные искажающие фильтры.

Но размышлять над этой проблемой Сойеру было некогда. Пламя в Источнике начало угасать, наступало истощение энергии. Вокруг Сойера летали шестигранные ячейки с жертвами. Они дождем сыпались в Источник. И с каждым падением из него выплескивался язык пламени. Сойер, стиснув зубы, прохрипел:

— Альпер, добавь еще! — и приготовился стойко встретить спастельные мучительные удары грома.

Он понял, что этот акт самоуничтожения жертв был добровольным. Ядро притягивало к себе электроны, но и сами электроны тянулись к ядру. И если сопротивляться этому взаимному тяготению, то можно спастись... Вероятно, начальный гипноз был неотъемлемой частью всех церемоний. И пока Сойер может сопротивляться, пока его разум ясен, его ячейка будет висеть над поверхностью Источника... Но колдовской танец теней в Источнике был настолько завораживающим, что долго противиться ему было невозможно...

Сойер из всех сил стал подтягивать руку к карману, где находилась Огненная Птица. Удастся ли ему это? Сойер не уверен в этом. Он взглянул вниз на поле битвы. Змееподобные Селли гнулись, как колосья под ударами зеленых лучей Изверов. На стеклянном полу стояли лужи золотистой крови. С края платформы по двое, по трое падали вниз Селли и Изверы. Они летели, крича, обхватив друг друга мощными руками.

Сойер вдруг понял, почему это место называется Холл Миров. Кольцо тронов, окружавших Источник, символизировало разделение мира на Хомад и Нижний Мир.

Сойер все еще боролся. И вот пальцы его рук нащупали карман. Он не был уверен, что Огненная Птица спасет его. Но и терять ему было нечего. Если он не сделает ничего, то погибнет в Источнике, притяжение которого все усиливалось. Он знал, что не должен смотреть в Источник, не должен думать о нем. Однако Сойер всем своим существом, всеми костями, нервами, мозгом чувствовал, что его тянет туда, в этот колдовской танец. Все атомы его тела валились вниз...

Вокруг него валились в Источник жертвы, пополняющие угасающую энергию. Но вот Сойер увидел внизу Нете, которая не обращала никакого внимания на битву. Резким движением

маски она наносила удар Богине, которая, забыв о поединке, следила за битвой Изверов с Селли.

Нете нанесла удар по здоровой руке Богини, в которой она держала свое оружие. Другая рука беспомощно висела, кровь стекала по кончикам пальцев и падала на стеклянный пол. Богиня развернулась, чтобы отразить удар одноглазой маски, но не успела...

Ячейку Сойера снова встряхнуло, и он повис над бурлящей поверхностью Источника. Раскаты грома в его мозгу были невыносимы, еще немного и он потеряет сознание. Сойер больше не просил Альпера усилить действие передатчика. Он чувствовал, как все атомы его тела откликаются на предательский зов Источника, нервы его принимали то, что отвергал мозг, плоть стремилась к Источнику, хотя воля и разум препятствовали этому. И жизнь, и смерть одновременно присутствовали в его сознании, в его существе...

Пока жив, он должен действовать. Неимоверным усилием воли он заставил руку подчиниться. Закрыв глаза, с трудом преодолевая раскаты грома в мозгу, он коснулся пальцами Огненной Птицы.

Под его рукой затрепетали, раскрываясь, сверкающие золотые крылья...

14

И таким же сверкающим золотым потоком в него хлынула энергия. Огненная Птица, казалось, рвалась из его рук, стремилась к Источнику, который был совсем близко и где было ее место. Если Птица вернется в Источник, единственный путь на Землю будет закрыт навсегда. Но если он не пустит туда Птицу, то как долго он сможет сопротивляться колдовскому притяжению Источника?

Выбирать ему не приходилось. Как только в его руках расправила крылья Огненная Птица, Нете на миг забыла о том, что собиралась нанести последний, смертельный удар по своей сопернице: сейчас Богиня была совершенно беспомощна перед ней. Но вот Нете встрепенулась, и луч из единственного глаза ее маски ударил в лицо Богини, закрытое маской. Раздался пронзительный крик, Богиня пошатнулась и упала...

Впрочем, нет, не упала, а наклонилась вперед, к Огненной Птице. Спотыкаясь, она пошла вокруг Источника к Сойеру и к той драгоценности, которую он держал в руках.

Нете тоже видела распростертые золотые крылья, видела Птицу в руках Сойера. Желанное было совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки...

И тут произошло нечто неожиданное для Сойера. Стены его ячейки внезапно исчезли, и он упал с высоты в шесть футов на стеклянный пол.

По-видимому, это сделала Нете, вознамерившаяся схватить Огненную Птицу. Еще не придя в себя после падения, он заковылял прочь, подальше от Нете и от Источника.

Оглянувшись через плечо, Сойер увидел Богиню, глаза которой сверкали через отверстия маски, услышал, как она выкрикнула имя Нете и в последнем усилии подняла свое грозное оружие.

Нете резко повернулась, чтобы отразить эту отчаянную атаку. Она подняла свою маску, чтобы защититься ею, как щитом. Лицо к лицу, глаза в глаза две маски смотрели друг на друга.

И маска Нете погасла.

Нете взглянула на нее с недоумением, все еще держа бесполезный щит в руках, затем внезапно расхохоталась резким и пронзительным смехом. Она отбросила маску и, как змея, рванулась к Сойеру.

С огромной силой Сойера швырнуло на пол. Он почувствовал, как Огненную Птицу вырвали у него из рук, и услышал дикий крик торжества. Это кричала Нете, наконец-то державшая в руках так необходимый ей талисман.

Этот победный клич долго висел в воздухе. Но вдруг тембр его резко изменился. Два луча из глаз маски Богини вспыхнули над головой Сойера, и крик, возвещающий победу, превратился в жуткий вопль нечеловеческой боли...

Все еще лежа на полу, Сойер увидел, как два зеленых луча пронзили, точно два меча, это высокое извивающееся тело, которое не могла возродить к жизни даже Огненная Птица, понапрасну излучающая сейчас свою энергию...

Селли умирали медленно, но Изверы умирали еще медленнее. Сойеру казалось, что она стоит над ним уже целую вечность. Он видел на ее лице нечеловеческую ярость, затем нечеловеческое отчаяние и, наконец, решимость.

Она была уже мертва и знала это, но с внезапной решимостью змеиным движением рванулась к Богине. Если уж она сама погибала, то пусть не выиграет битву никто из них. Если ей суждено погибнуть, она уничтожит всю расу. Она не могла доказать свою божественность обычным путем, путем дуэли. Тогда она докажет ее иначе...

Сойер видел блеск струящейся материи, видел сверкающую Огненную Птицу с распростертыми крыльями. Зеленые мечи еще пронизывали Нете, но она уже утратила страх перед смертью — она была мертва. Она рвалась вперед, не обращая

внимания на эти лучи. Вперед, к высокой темной фигуре своей убийцы.

Сойер видел, как они сплелись в яростном объятии возле бурлящего пламени Источника. Он слышал их звенящие яростью голоса, потом они обе покачнулись и упали.

Источник принял их в себя.

И вместе с ними принял Огненную Птицу с раскрытыми крыльями. Вместе с ней Источник принял конец расы богов.

Шатающийся, полуоглушенный, ослепленный сиянием Источника, Сойер видел их падение. Они падали и изменялись на лету.

При падении они излучали свет, который окутывал их наподобие пара. Казалось, молекулы их тела покидают их и собираются в облака пара. Вскоре оба тела исчезли. Молекулы в облаках начали вновь формироваться во что-то...

Сойер разглядел длинные змеевидные конечности, извивающиеся тела, приплюснутые уродливые головы, пустые, сверкающие глаза... Селли!

Он знал, что так будет. Он был уверен в этом. Он уже понял, что Селли и Изверы это не две расы, происходящие от одного предка, это одна раса. Изверы и Селли. Сойер вспомнил старые забытые легенды о раздвоении личности, о вселении дьявола в человека, вспомнил Джекила и Хайда, которые были одно и то же, но в разных формах...

Интересно, какой же мостик смогли перекинуть Изверы от жизни простых смертных к атомной энергии, когда они впервые превратили себя в бессмертные изотопы?

Теперь этого уже никто не узнает. Но ясно одно: Изверы подвергали себя смертельной опасности. Ведь они не могли держать под контролем стабильность изотопов во времена кризисов. Пока Источник функционировал, они были в безопасности, но когда Источник прекращал поставлять им энергию, они не могли поддерживать стабильность своего существования в форме Изверов. Энергия иссякала, и они опускались по энергетической шкале в более низкое энергетическое состояние... превращались в Селли...

Но это еще не конец. Полный цикл видоизменения на этом не завершался.

Падающие, исчезающие, изменяющиеся тела скрывались из виду в Источнике, другой конец которого, как предполагал Сойер, находился на Земле. Некоторое время стояла тишина, и только на поверхности источника возникали и исчезали тени, туманные пятна, продолжающие свой бесконечный таинственный танец.

Где-то вдаль, как будто в другом мире, между Изверами и Селли продолжалась битва. Это была самоубийственная война одной и той же расы, порожденная странной неуправляемой ненавистью подобных к подобным. Схватившиеся между собой в смертельной схватке, они один за другим падали в ничто, издавая такие же крики, какие издавали ангелы, падавшие с небес во время битвы с серафимами...

В глубине Источника, где исчезла Богиня, Сойеру почудился трепет крыльев, и вслед за этим появились вспышки света. Свет становился все ярче. Сойер прижался к стеклянному полу, впился в него, желая оказаться как можно дальше отсюда. Он знал, что это за крылья. Он уже слышал его в шахте на Фортуне. И вот эти Птицы поднимаются сюда. Не было силы, которая могла бы управлять этими адскими созданиями. Ведь Нете исчезла, и вместе с ней исчез могущественный талисман.

Источник был открыт и неуправляем. Из него бил фонтан энергии, и струи этого фонтана состояли из множества Огненных Птиц. Казалось, вся мощная энергия, концентрирующаяся в Источнике, хлынула в Хомад.

Струи фонтана поднимались высоко вверх и затем обрушивались вниз, где в смертельной схватке сшибались Изверы и Селли. Огненные Птицы падали прямо на сражающихся, как огненные копья.

Эта раса предстала теперь в третьей, совершенно новой форме. Изотоп Извера распадался не на два, а на три элемента. Теперь цикл завершился. Третьим элементом были Огненные Птицы, которые должны были уничтожить первые две формы.

Они обрушивались на сражающихся, как молнии, трескали разряды. Разуму человека было трудно воспринять все это. Сойер, распластавшийся на стеклянном полу, понимал, что сходит с ума. Никто не мог бы выдержать это и остаться в здравом рассудке.

Вокруг рвались взрывы, фонтан неукротимой энергии бил из Источника. Оставшиеся Изверы продолжали свой цикл изменения. Когда иссякала их энергия, они превращались в молекулярный пар, который неведомыми путями поступал в Нижний Мир, где из него конденсировались Селли.

Но и это был не конец. Энергия иссякала, и это нужно было как-то уравнивать. Селли тоже изменялись. Снова отворялась дверь в другое измерение. Она открывалась на Землю, на полюс, с которым Хомад был крепко-накрепко связан. На шахте в Фортуне появлялись тысячи Огненных Птиц, которые были последней, третьей ступенью превращения изотопов Изверов.

Огненные Птицы поглощали атомную энергию земного урана до тех пор, пока не насыщались и не превращались вновь в Извергов, которые через ледяной туннель возвращались в Хомад. Одна только Нете знала о том, что произошло. Она изо всех сил старалась оставить все, как есть, до тех пор, пока не станет Богиней. Тогда она вернула бы Огненную Птицу в Источник.

После кражи Огненной Птицы Источник перестал поставлять энергию, в которой нуждались Изверги. И по мере того, как они тратили свою энергию, не восстанавливая ее, они переходили в нестабильную форму и продолжали цикл трансмутации.

Этот цикл был совершенно безопасен, если, конечно, три формы одной материи не встречались между собой. При встрече же происходило взаимное уничтожение, аннигиляция.

Когда в Источнике была Огненная Птица, она регулировала поток изотопов, перемещая их по кругу и не давая им возможности встретиться. Когда ее не стало, цикл пошел по спирали. Примером можно считать превращение урана 236 в нестабильный плутоний, который вновь превращается в уран, но другой уран — 235, который может взорваться, если его масса превысит критическую.

Из Источника все еще бил фонтан Огненных Птиц, вводя последний необходимый фактор в уравнение. Планетарный циклотрон содрогнулся от всплеска титанической энергии и...

Сформировался новый изотоп. Совершенно новый, состоящий из Селли, Извера и Огненной Птицы одновременно. И масса их превышала критическую.

Одно мгновение сквозь стеклянный пол Сойер видел три взаимослившиеся фигуры — три и в то же время одну. Змеевидного дикаря, высокого статного полубога и крылатое пламя над ними. Одно лишь мгновение он наблюдал эту золотую скульптуру.

“Это Сатана перед падением в ад”, — подумал Сойер. Он буквально вдавил лицо в стеклянный пол, чтобы рассмотреть все как следует. Сверкающая фигура — полузмея, полуангел... и огненные крылья, яркость которых невыносима для его глаз.

Мгновение она стояла неподвижно в пространстве — и затем взрыв, бешеный взрыв, подобный тому, что впервые произошел в Аламагордо. Грибовидное облако повисло над Хомадом...

Эхо гигантского взрыва прокатилось над миром Хомов. Они

избавились от власти богов. Канал, из которого боги черпали энергию, закрылся навсегда.

В стеклянном полу дымился мертвый, обугленный Источник Миров. Сойер видел, как он вспыхнул в последний раз, и эта вспышка была каплей, переполнившей его разум. Сознание покинуло его.

Гром в голове вернул его к жизни. Он лежал на стеклянном полу, под которым клубилась золотая пустота. Он лежал долго, очень долго, глядя на маску, не в состоянии вспомнить, что произошло.

Нашествие дикарей через проломленную стеклянную стену, как ему казалось, произошло тысячу лет назад. Он смутно вспоминал фигуры в масках, которые приближались к нему... Но вот из-за разрушенной стены послышался шепот, затем голоса, ликующие крики. Он услышал вдали колокольный звон, возвещающий радость и торжество.

Но здесь, в святилище исчезнувших богов, еще не наступило время для радости. Вокруг лежал спасенный и счастливый мир, а к Сойеру медленно приближался человек в маске — и с ним приближалась смерть.

Альпер шел неуверенно, ноги его подгибались, последняя энергия Огненной Птицы уже иссякала в его дряхлом теле.

Он остановился в десяти футах от Сойера. Было странно видеть маску Извера, глаза которой не излучали смертоносных лучей. Вместо них в глазницах моргали маленькие серые глазки Альпера. Вероятно, он поднял эту маску на поле боя, когда шел сюда...

— Она пропала! — сказал он. — Ты позволил Огненной Птице пропасть!

— Земля тоже пропала для нас, — услышал Сойер свой голос. Он с усилием втянул в себя воздух. — Пути назад нет! Моя смерть ничего не изменит. Мы можем жить здесь, в Хомаде...

— Альпер! — послышался чей-то голос. — Альпер, подожди!

Через развалины стены пробиралась грузная фигура Затри в маске. Эхо его голоса гулко прокатилось под стеклянными сводами. Сойер не имел понятия, что произошло снаружи. Но теперь это уже не имело значения. Осталась одна, последняя битва. И в ней никто не мог помочь Сойеру, кроме него самого.

— Жить здесь?! — горько переспросил Альпер. — Без Огненной Птицы? Много ли я проживу? У тебя еще есть время. Ты можешь найти здесь дело, женишься, у тебя будет семья. А я? Как я смогу править...

— Ты не сможешь, — спокойно ответил Сойер. — У тебя не получится. Ты способен на многое, но правление не твоя стихия.

— Альпер! — крикнул Затри. — Подожди!

— Ждать?! — фыркнул Альпер. — Чего ждать? Чтобы вы опять надули меня? О, нет!

Он прыгнул к Сойеру, сжав кулаки.

— Ты выбросил Огненную Птицу! Без нее я умру! Я умру! — из-под маски раздался взрыв смеха. — Но ты умрешь раньше!

Правая рука его скользнула к карману, где находился передатчик.

Отдавая себе отчет, что он опоздал, Сойер все же прыгнул.

Вихрь молний взорвался в его мозгу, раскаты грома потрясли сознание. Его череп превратился в циклотрон, который раскручивал свою спираль все быстрее и быстрее, пока он, полуослепший, полуголушенный, летел к улыбающейся маске...

Руки его сжали череп и ощутили маску. Он совсем забыл о ней.

Он мельком видел, что Затри ведет себя как-то странно. Морщась, как от нестерпимой боли, он сжал виски обеими руками, затем сорвал с себя маску и швырнул ее на стеклянный пол.

Все это продолжалось долю секунды, пока Сойер летел к Альперу, а тот делал все, чтобы расколоть его череп пополам. Он расхохотался и еще в воздухе сорвал с себя маску, потому что все понял, когда увидел лицо Затри без маски.

Затем он обрушился на Альпера и сбил его с ног. Старик все еще нажимал кнопку управления. Но сейчас Сойеру это было на руку. Он знал, почему Затри сорвал маску, и знал, что происходит в мозгу самого Альпера.

Альпер поднял руку, чтобы сорвать свою маску, — он тоже все понял.

Маски тоже были своего рода передатчиками. Они генерировали свои несущие волны. Кроме того, они были и мощными усилителями. Зрение и слух человека, надевшего маску, усиливалось в тысячу раз. И те же ультразвуковые колебания, которые звучали в мозгу Сойера, тысячекратно усиленные, звучали в мозгу Альпера — пока на нем была маска!

Сойер свалился на старика всем телом, прижал его к полу, мешая ему сорвать маску, нащупал рукой кнопку управления и нажал ее...

Альпер закричал.

Он пытался сопротивляться, но бесполезно. Гром гремел в их головах. Он оглушал Сойера, но в голове Альпера он был страшным, почти смертельным. Он страдал гораздо сильнее Сойера.

Теперь Альпер думал только о том, как избавиться от этого грома. А Сойер, оглушенный, полуослепший, крепко прижимал пальцы старика к кнопке. Он надеялся только на то, что тот постарается найти и нажать кнопку выключения до того, как гром убьет их обоих.

Если Альпер умрет раньше, чем сделает это, Сойер тоже обречен. Пока передатчик связывает их, смерть Альпера означает смерть Сойера.

Старик лихорадочно шарил пальцами по коробке. Сойер боялся дать ему свободу действий, но...

Внезапно все кончилось.

Оглушенный внезапной пронзительной тишиной в мозгу, Сойер приподнялся на локтях и услышал, как что-то звякнуло на стеклянном полу. Сойер увидел рядом с собой тонкий блестящий металлический диск.

Передатчик!

Не смея поверить в это, он прижал руку к голове... Ничего. Он был свободен!

Когда Сойер отпустил Альпера, тот медленно перекатился на бок, выпрямился и затах. Тяжелая голова в улыбающейся маске Извера запрокинулась и смотрела прямо вверх. Стального цвета глаза в прорезях маски смотрели прямо на Сойера, но ничего не видели. Возраст был трагедией Альпера — теперь он уже никогда не будет стареть.

Сойер долго смотрел на мертвеца, затем поднял голову.

Затри шел к нему по стеклянному полу. За ним у развалин стены стояла и смотрела на Сойера Клей. Встретившись с ним взглядом, она неуверенно подняла руку, и он улыбнулся ей. Он не мог двигаться, он слишком устал.

Все было позади. Он осмотрелся вокруг. Разрушенный Источник был теперь всего лишь грудой расплавленного металла. И где-то за ним, в другом измерении, остался навсегда потерянный для него его собственный мир — Земля.

Это было неотвратимо. Сойер сделал все, что мог. Он сделал свое дело.

Где-то невообразимо далеко, в другом пространстве, некто в офисе Торонто напишет на его досье: "Закррито". Сойер покачал головой, отгоняя это видение. Теперь у него есть только Хомад. На Хомаде тоже можно жить — ему больше ничего не остается.

Сойер, с трудом поднявшись на ноги, повернулся к Клей.

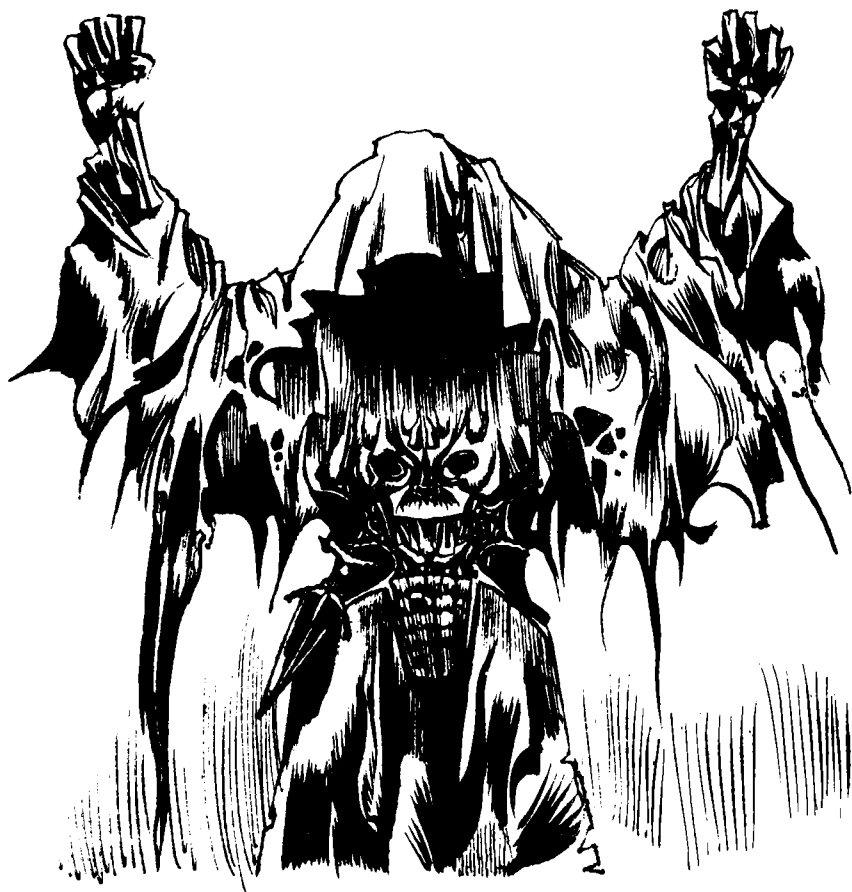
Человек должен делать свое дело в любом мире. Сойер знал, что Землю он не забудет. Каждый раз, когда он напьется, он будет говорить о ней. Если на Хомаде есть вино, подумал он, то он должен напиваться и бубнить окружающим о Земле, о ее зеленых полях, о морях... К нему снова вернется Земля, он будет долго говорить о ней, говорить нежно, гораздо нежнее, чем тогда, когда жил на ней...

Он был молод. Перед ним — долгая жизнь. Все будет хорошо, если он постарается.

Улыбающаяся маска Альпера смотрела, как он неуверенно шел вперед, над клубящимся золотым туманом бездны — к За-три и к ожидающей его Клей.

ТЕМНЫЙ МИР

РОМАН



Лениво извиваясь, тонкая струйка дыма поднималась на севере в темнеющее небо. И вновь меня охватила беспричинная тревога, неподвластное разуму желание бежать куда-то сломя голову, желание, овладевавшее всем моим существом время от времени в последние дни. Я сознавал, что для подобной тревоги не было причин. Ведь это всего лишь обычный дым, поднимающийся над заболоченной пустынной местностью не далее, как в пятидесяти милях от Чикаго, где люди давно уже похоронили суеверия под железобетонными конструкциями.

Я знал, что этот дым порожден обычным костром, и одновременно я сознавал, ЧТО ЭТО НЕ ТАК. Какое-то шестое чувство подсказывало мне, что это необычный костер, я узнавал тех, кто сейчас находился рядом с ним и рассматривал меня сквозь каменную стену, уставленную до потолка толстенными книгами моего дяди-библиофила и увешанную инкрустированными серебром трубками для курения опиума. Здесь же находились доставленные из Индии шахматы с фигурами из золота, шпага...

И вновь картины прошлого поплыли предо мною, и цепкий страх сковал мои члены.

Справившись с ним, я в два прыжка оказался у стены, сорвал с нее шпагу, сжав эфес с такой силой, что побелели фаланги пальцев. В сомнамбулическом состоянии я приблизился к окну и устремил свой взор в ту сторону, где все еще струился дым костра. Я по-прежнему сжимал в руках шпагу, но она не прибавила мне уверенности, потому что это была не та шпага.

— Успокойся, Эд, — раздался за спиной голос моего дяди. — В чем дело? Твой вид напоминает мне... дикаря.

— Это не та шпага, — ответил я, с трудом услышав собственный голос.

Туман наваждения рассеялся. Я уставился на дядю, по-дет-

ски моргая глазами и удивляясь, что подобное могло происходить именно со мною.

— Это не та шпага, — вновь заговорил я. — Та, что мне необходима, находится в Камбодже. Она из священной триады талисманов владыки Огня и владыки Воды. Они владеют тремя могущественными талисманами — неподвластным тлению фруктом Куи, раттаном с вечно благоухающими цветами и оберегающей Дух шпагой Як.

Мой дядя пристально рассматривал меня сквозь клубы напавшего дыма.

— Ты сильно изменился, Эд! — сказал он глубоким мягким голосом. — Я думаю, что это следствие войны и этого следовало ожидать. По всей видимости, ты болен. Прежде ты никогда не интересовался подобными вещами. Не слишком ли много времени проводишь ты в библиотеке над ветхими фолиантами? Я так надеялся, что за время отпуска ты восстановишь утраченные силы. Отдых...

— Отдых не входит в мои планы, — перебил я его с горячностью. — Я пожертвовал полутора годами ради отдыха на Суматре. Ничего не делал, отрешившись от всего в той маленькой паршивой деревушке в глубине джунглей и все ждал чего-то, ждал...

Я вновь увидел ее пред собой, запах ее коснулся моих ноздрей. Я вновь оказался во власти лихорадочной дрожи, которая сотрясала мое тело, когда я лежал в беспомощности в хижине, на вход в которую было наложено табу.

Мысленно я перенесся в прошлое, преодолев временной промежуток, измеряемый восемнадцатью месяцами. Я вновь летел в боевом самолете над джунглями Суматры, и все было на своих местах, и я был самым обычным, нормальным человеком. Вторая мировая война близилась к закономерному концу, я был одним из тех, кого она перемалывала в своих жерновах, и все-таки оставался нормальным человеком, уверенным в себе и в своем будущем, и не мучился от собственного бессилия осознать воспоминания, теснившие мою память.

Так было вплоть до того последнего часа, когда внезапно и в одно мгновение упорядоченная жизнь канула за черту неизвестного. Теряюсь в догадках, что послужило этому причиной. Самолет устремился вниз, ветви могучих деревьев смягчили удар, и я отделался легкими повреждениями и несколькими царапинами. Обошлось без переломов, но аспидный мрак окружил меня надолго со всех сторон, а окружающий мир казался чужим и враждебным.

Дружелюбные батаки извлекли мое бесчувственное тело из искореженного фюзеляжа. С помощью своих грубых, странных,

но весьма эффективных методов лечения они избавили меня от приступов лихорадки и припадков беспричинной ярости. До сих пор я еще ни разу не задумывался о цене той услуги, которую они оказали, спасая мне жизнь. А ведь у их шамана уже тогда зародились подозрения...

Он что-то знал, покрытый замысловатой татуировкой дикарь, он произносил своим старческим голосом загадочные заклинания над грязной веревкой с многочисленными узлами, над жменью риса и потел при этом от напряжения, природа которого была мне тогда неведома. Помню только размалеванную уродливую маску, витающую надо мной, повелительно-властные жесты распростертых надо мной рук. И странное дело, смысл его слов не был для меня тайной за семью печатями.

“Вернись в свое лоно, душа, где бы ты ни хоронилась: в лесных зарослях, в горных теснинах или на дне глубокой реки. Внемли, я призываю тебя: ”тозыба брас“ — ”яйцо истины Раджи“, меелиджа — одиннадцать целебных листьев хинного дерева...”

Поначалу все без исключения батаки относились ко мне с искренним сочувствием. Но вскоре шаман, почувствовав во мне что-то неестественное, чуждое его разуму, при общении со мною стал держаться настороженно. И мне не стоило труда наблюдать, как он все больше и больше удаляется от меня, как меняется его отношение ко мне. Следуя примеру своего священнослужителя, насторожились и батаки. Не мой беспомощный вид вызывал их первобытный страх, а... Что?

В тот день, когда мне предстояло сесть в вертолет и вернуться в цивилизованный мир, в беседе со мною шаман попытался объяснить причину своей отчужденности. Возможно, в тот час он осмелился переступить через грань допустимого...

— Ты всегда должен быть настороже, сын мой. Ты должен прятаться всю свою жизнь, ибо не поддающееся моему разумению разыскивает тебя...

И при этом старец произнес слово, смысл которого остался мне тогда непонятным.

— Оно явилось из иного мира: из страны духов, чтобы выследить тебя. Помни, отныне все магические предметы для тебя табу. Но вряд ли ты убережешься, даже не нарушив запрет, — тебе необходимо завладеть заветным оружием. Но я не могу указать, где оно находится, я пробовал узнать, но мои заклинания оказались бессильны. Отныне ты предоставлен самому себе!

Он был рад, когда я садился в вертолет. Не скрывали своей радости и остальные батаки.

С той поры я не знаю покоя, одна-единственная мысль гло-

жет меня: “Что стряслось со мною? От чего я стал совершенно иным? Лихорадка тому виной? Возможно. Так или иначе, но я не чувствую себя тем человеком, каким был прежде”.

Сновидения, расплывчатые воспоминания — они пытались воскресить давно забытое. Несомненно, где-то и когда-то я сошел с дороги, которая вела меня к цели всей моей жизни. Все эти полтора года я был страшно одинок, общество мне подобных не прельщало меня, и только со своим дядей я мог быть до конца откровенным.

В его присутствии с меня словно спадала пелена. Пелена непроницаемого тумана. Для меня становилось осознанной неизбежностью происходивших событий, казалось, я способен проникнуть в потаенную суть окружающих меня предметов, в то, что философы называют “вещью в себе”. Происходившее со мною в такие минуты в далеком прошлом было бы попросту невозможным. В далеком прошлом, но не сейчас.

— Ты ведь знаешь, дядя, я путешествовал достаточно долго. Но и путешествие не принесло мне облегчения. Каждый раз нечто увиденное заставляло течь мои мысли в прежнем направлении. Был ли это амулет в лавке старьевщика, опал, фосфоресцирующий подобно кошачьему глазу в крошечной темноте, часто встречающиеся на моем пути две странные фигуры. Кстати, в последнее время я постоянно вижу их во сне. А однажды...

Я умолк, задумавшись.

— Да, — напомнил о своем присутствии дядя.

— Это произошло в Новом Орлеане. Я проснулся среди ночи и тут же стряхнул с себя остатки сна, уверенный, что секунду назад кто-то притаившийся в темноте разглядывал меня. Он был рядом, не далее, как в двух шагах. Я всегда храню под подушкой пистолет, не совсем обычный пистолет. Когда я дотянулся до рукоятки, он... назовем его собакой, бросился в открытое окно. Только я не уверен, что это была действительно собака.

Я заколебался; дядя терпеливо ждал, когда я продолжу.

— Пистолет был заряжен серебряными пулями.

Дядя надолго погрузился в раздумья. Я знал, о чем он думает.

— А другая фигура? — нарушил он наконец молчание.

— Не знаю, была ли она тогда в комнате. Обычно она покрыта с головы до ног капюшоном и плащом из плотной материи. Но что-то в облике этой фигуры подсказывает... В общем, это особь женского пола, и она прожила много, очень много лет. А иногда со стороны их фигур исходит...

— Я слушаю!

— Голос. Очень нежный голос. Зовущий куда-то. И огонь. И

на фоне огня лицо, черты которого мне еще ни разу не удалось разглядеть.

Дядя кивнул головой. Комната погрузилась в полумрак, а дым снаружи давно уже растворился в густеющих тенях ночи. Я еще раз выглянул в окно: среди деревьев в саду угадывалось какое-то движение. И это видение было порождено моим воспаленным воображением?

Я подозревал дядю и уступил ему место у окна.

— Я видел этот огонь и раньше, — молвил я.

— Не вижу в этом ничего необычного. Бездомные всегда разводят костры.

— Нет. На этот раз это не огонь, согревающий бедняков. Это — Огонь Нужды.

— Поясни, что это такое.

— Он непреременный атрибут древнего ритуала. Подобно кострам шотландцев, разводимым в середине лета. Но Огонь Нужды разжигают только в годину несчастий. Насколько мне известно, корни этого обычая проникают в седую древность.

Дядя вернулся на прежнее место и уселся, наклонившись вперед.

— Хватит дурить, Эд! Ты отдаешь отчет своим словам?

— Я думаю, что психолог охарактеризовал бы мое состояние как манию преследования, — ответил я с некоторым промедлением. — Я... теперь я верю в то, что раньше никогда не принял бы всерьез. Мнится мне, что кто-то безуспешно пытается напасть на мой след. Нет, он уже напал. И зовет. Кто это — я не знаю. Но внутренний голос подсказывает мне, что во время встречи с ним в моих руках должна быть эта вещьца.

Я поднял шпагу и взмахнул ею над головой.

— Это совсем не то, что мне нужно, — продолжал я. — Просто в те минуты, когда мой мозг работает с особым напряжением, я начинаю осознавать, что шпага — гарант моей безопасности. Нет, это не та шпага, которая мне нужна. Необходимая мне находится в Камбодже, я уже говорил об этом. Я не знаю, какая она с виду, но все сомнения в ее подлинности рассеются, как только она попадет в мои руки.

Я засмеялся.

— И еще я знаю: стоит мне извлечь ее из нетлеющих ножен и взмахнуть над пламенем костра, и оно погаснет, как слабое пламя свечи...

Я не удивился, когда мой дядя укоризненно покачал головой. Вновь наступило молчание, длившееся с минуту.

— Ты обращался к врачам? — дядя раскурил потухшую трубку. — Способны они тебе помочь?

— Я знаю заранее, что они скажут, стоит мне к ним обра-

титься: “Вы на грани сумасшествия, молодой человек!” Убедите меня, что я сумасшедший, и мне станет легче. Прошлой ночью неподалеку от нас убили собаку, ты слышал об этом?

— И даже знаю, как ее зовут: Старый Герцог. Видимо, беднягу загрыз чей-нибудь сторожевой пес, спущенный на ночь с веревки, чтобы охранять ферму.

— Или же волк. Тот самый волк, который проник в мою комнату прошедшей ночью и поднялся надо мною, как человек, а затем вырвал клоч волос с моей головы.

За окном в глубине ночи что-то вспыхнуло на миг и вновь погасло, поглощенное темнотой. Огонь Нужды.

Дядя тяжело поднялся со своего места и приблизился ко мне.

— Ты все еще болен, Эд, — сказал он, опустив свою тяжелую ладонь на мое плечо.

— Ты уверен, что я не совсем в своем уме. Вполне возможно, что это соответствует истине. Но я уверен также, что предчувствие не обманет меня — скоро наступит конец нашим сомнениям.

Я вложил шпагу в ножны и приставил ее к колену. Дядя уселся на свой стул, и каждый из нас погрузился в свои неведомые думы. На этот раз молчание было продолжительным.

Далеко на севере в лесной чаще горел Огонь Нужды. Я не мог его увидеть, но зато чувствовал, как порожденный им жар растекается в моей крови, и вот-вот она закипит, переполняясь злобой.

ЗОВ РЫЖЕЙ ВЕДЬМЫ

Мне так и не удалось заснуть в эту ночь. Нечем было дышать — духота жаркого летнего вечера накрыла меня как одеялом. В конце концов, прекратив попытки одолеть бессонницу, я встал и направился в гостиную в поисках пачки сигарет. Из открытой двери до меня донесся голос дяди.

— Все в порядке, Эд?

— Да. Никак не могу уснуть. Попробую почитать немного.

Я взял с полки первую попавшуюся книгу, уселся поудобнее в кресле и зажег настольную лампу. Могильная тишина окружала меня. Сюда не доносился даже шорох волн, набегающих на песчаный берег озера.

Для полного комфорта мне на хватало самой малости.

В роковую минуту рука снайпера шарит вокруг в поисках отполированной поверхности ружейного ложа. И точно также моей руке хотелось сжимать нечто подобное, однако — я был в том уверен — не тяжеловесное ружье и не легкую шпагу. Я был

не в состоянии припомнить, как выглядело то оружие, которым я владел в прошлом так умело.

Мой взгляд наткнулся на кочергу у камина, и я решил, что эта кочерга именно то, что мне нужно. Но уверенность в этом длилась всего лишь мгновение и исчезла без остатка.

Книга оказалась популярным романом. Я быстро перелистывал страницы, читая по диагонали знакомый текст. Притаившееся глубоко в подсознании возбуждение проснулось и готово было, казалось, завладеть моим разумом.

Нахмурившись, я покинул кресло и поставил книгу на полку. Здесь я на мгновение задержался, пробегая глазами по корешкам книг. Повинуясь безотчетному инстинкту, я взял в руки увесистый том, к услугам которого не прибегал много лет. Это был молитвенник, реликвия нашей семьи.

Он самопроизвольно открылся в моих руках, и первое изречение, которое я прочел, гласило: "Я пришел, и чудовища окружили меня".

Я вернул молитвенник на прежнее место и вновь уселся в кресло. Свет настольной лампы действовал раздражающе, и я нажал на выключатель. Не успели мои глаза привыкнуть к полумраку, как неосознанное чувство ожидания чего-то неведомого нахлынуло на меня с удвоенной силой, как будто распахнулся невидимый занавес.

Вложенная в ножны шпага по-прежнему покоилась на моих коленях. Несколько секунд я рассматривал ее, как будто видел впервые, затем посмотрел на небо, укрытое легкими облаками, среди которых плыла полная луна, окруженная серебряным ореолом. Вдалеке угадывалось слабое сияние — Огонь Нужды все еще полыхал на болотах.

И он звал.

Золотистый квадрат окна влек к себе с гипнотической силой. Полузакрыв глаза, я в изнеможении откинулся на спинку кресла, и тут же почувствовал дуновение подступающей опасности. Затем я явственно расслышал отдаленный звон, который мне доводилось слышать и прежде. Он обычно сменялся отчетливым зовом, явственным и повелительным, но я всегда находил в себе силы сопротивляться ему.

В эту ночь я заколебался.

Отрезанный с моей головы пучок волос — не он ли дал возможность моим преследователям управлять мною? "Понятно, это из области суеверий" — подсказывал мне эту мысль рассудок, но в то же время я был глубоко внутренне убежден, что сверхъестественное воздействие на человека с помощью его волос не было досужим вымыслом впавших в детство старушек. С той поры, как я побывал на Суматре, от прежнего моего

скептицизма не осталось и следа. И с тех пор я с головой погрузился в старинные фолианты, доставая их с помощью моего дяди и его друзей.

Это были ветхие книги, посвященные белой магии, спиритизму и даже заклинаниям для вызывания демонов и духов из мира теней... Я прочел их все от корки до корки.

Во время чтения мне казалось, что я всего лишь повторяю давно изученное, освежаю в памяти то, что давным-давно знал назубок. Только одно обстоятельство тревожило меня — во всех книгах я встречался с упоминанием некой субстанции, обладающей сверхъестественными возможностями.

И эта субстанция была сама вечность. Творцы народных сказаний наделили ее множеством имен, и многие из них сохранились до наших дней: Дьявол, Люцифер, Сатана, Кутчи, Иерарх австралийских аборигенов, Тулья эскимосов Гренландии, Абенсам африканских негров, Стрателли швейцарских пастухов.

Я не пытался познать сущность дьявола, да у меня и не было в этом нужды. И все же все это время по ночам к моему изголовью нисходил один и тот же сон, который не мог быть ни чем иным, как посланием черных сил, олицетворяющих собою Зло. Проснувшись в холодном поту, я приближался к золотистому проему окна, купаясь в лунном свете, все еще не совладавший с испугом, стремящийся всеми фибрами души к неопишуемому словами совершенству. И тогда на фоне черного неба предстал предо мною мерцающий неземным светом квадрат, в бездонной глубине которого угадывалось какое-то движение. Я уже знал, что мне необходимо совершить в определенной последовательности несколько требуемых церемониалом движений, чтобы дать толчок к началу действия, но был не в состоянии сбросить с себя оцепенение, парализовавшее все мои члены.

Квадрат, похожий на залитое лунным светом окно моей комнаты, похожий, но не тот. Поэтому страха не было.

Напев, который я явственно слышал, был мелодичным, успокаивающим, как колыбельная матери, убаюкивающей ребенка.

Золотистый квадрат заколебался, подернулся туманной дымкой, и крохотные змейки света блеснули мне в глаза. Низкое пение очаровывало, лишало последних сил.

Золотые змейки сновали взад и вперед, словно охваченные удивлением. Они соприкасались с лампой, поверхностью стола, ворсом ковра и только потом окружили меня. И тут же увеличили частоту своих колебаний. Я еще не успел испугаться, а они уже окружили меня со всех сторон, сжали в своих бестелесных

объятиях, окутывая пурпурными покрывалами сна. Напев зазвучал еще громче, овладевая мною.

Так косматое тело сатира Марсия дрожало в экстазе, подвластное мелодиям родной Фригии. Я был знаком с этим напевом... Я знал это заклинание!

В проеме утонувшего в золотистом свете окна мелькнула — нечеловеческая, с янтарными глазами и лохматой лапой — тень волка.

Тень заколебалась, словно отбрасывающий ее оглянулся назад. И сразу же в комнате возникла еще одна фигура, укутанная в плащ с капюшоном, скрывавшим и голову, и тело. Фигура была крохотной, как будто под плащом прятался маленький ребенок.

Волк и укрытый капюшоном висели в золотом тумане, наблюдая за мною и чего-то дожидаясь. Пение прекратилось и тут же вновь возникло, слегка изменившись в тональности. Теперь можно было следить не только за мелодией, но и различать слова песни. Подобных слов не было в лексиконе ни одного народа Земли, и все-таки смысл их легко доходил до моего сознания.

— Ганелон! Я зову тебя, Ганелон! Печатью скрепляющей повелеваю: услышь меня!

Ганелон! Ну конечно же, это мое имя! Мне ли не знать его?!

— Но кто призывает меня?

— Я взывала к тебе и раньше, но путь был закрыт. Сейчас через разделяющую нас бездну перекинут мост. Спешу ко мне, Ганелон!

Тяжелый вздох.

Волк оглянулся через худое плечо, оскалил желтые клыки. Фигура в капюшоне наклонилась в мою сторону. Я почувствовал пронзающий взгляд, устремленный на меня из-под непроницаемой материи, ледяное дыхание достигло моего лица.

— Он забыл нас, Медея. — Эта фраза была произнесена тоненьким голосом, который мог принадлежать только ребенку.

И опять тяжелый вздох.

— Так он забыл меня?! Ганелон, Ганелон! Неужто забыты объятия Медеи, губы Медеи?

Борясь с дремотой, убаюкиваемый золотым туманом, я попытался встать на ноги.

— Он забыл, — повторила фигура в капюшоне.

— Все равно он должен вернуться ко мне, мой Ганелон! Полыхает Огонь Нужды. Врата в Темный Мир открыты настуж. Огнем и Водой, Светом и Тьмой вызываю я тебя, Ганелон!

— Он все забыл!

— Несите его! Воспользуйтесь данной вам властью!

Туманная пелена стала плотнее. Волк с горящими глазами и фигура в капюшоне направились в мою сторону. Я почувс-

твовал, как меня приподняли и понесли куда-то, даже не справившись, желаю я этого или нет. Проем окна раздвинулся, сделался шире. Я успел дотянуться до покоящейся в ножнах шпаги, прижал ее к груди, но и эта незаменимая в битве сталь не могла мне справиться со стремительным отливом, уносившим меня в неведомую даль. Волк и фигура в капюшоне плыли рядом со мною.

— Огонь, торопитесь к Огню!

— Он ничего не помнит, Медея!

— К Огню, Эдейри, торопись к Огню!

Кроны искривленных деревьев проносились под нами. Далеко впереди та часть проема, к которому нес нас прилив, осветилась пламенем костра, и оно становилось все ярче и ярче. Это полыхал Огонь Нужды.

Скорость полета нарастала, нас несло прямо в Огонь...

“Нет! В Кэр Ллур!”

Из глубины моей пробуждающейся памяти всплыли эти загадочные слова. Волк с янтарными глазами вздрогнул всем телом и пристально посмотрел на меня. Фигура в капюшоне еще плотнее закуталась в пурпурную ткань. Я почувствовал струи ледяного воздуха в окружающем нас тумане.

— Кэр Ллур, — детски-нежным голосом прошептала Эдейри, обладательница капюшона. — Он вспомнил Кэр Ллур, но помнит ли он Ллура?

— Он вспомнит! Он несет на себе клеймо Ллура! В Кэр Ллуре, дворце Ллура, он вспомнит остальное!

Пламя Огня Нужды возносилось к небу — расстояние до него значительно сократилось. Я сопротивлялся как мог влекущему меня приливу, но все попытки противостоять ему оказались тщетными. И тогда я взмахнул шпагой, откинув прочь ножны, и принялся полосовать золотистый туман, по-прежнему окутывающий нас.

Закаленная сталь полосовала космы тумана, он распадался под ее ударами, и вновь смыкался. Гармоничная мелодия прервалась на мгновение, наступила мертвая тишина, затем...

— Матолч! — вскричал кто-то совсем рядом, скрытый туманом. — Лорд Матолч!

Волк насторожился, оскалил клыки. Я направил острие шпаги в его рычащую пасть, но зверь прыгнул в сторону, легко избежав удара.

Мощные челюсти волка сомкнулись, обхватив тонкий клинок; одно движение крупной головы — и эфес шпаги выскользнул из моей руки. Золотистый туман вновь уплотнился, не выпуская меня из своих теплых объятий.

— Кэр Ллур, — шептали вокруг меня.

Огонь Нужды рвался ввысь алым фонтаном.

Из огня вышла женщина.

Волосы чернее темной ночи мягкой волной ниспадали до колен. Из-под ровных бровей бросила она на меня долгий взгляд, как бы вопрошая о чем-то. Эта женщина была воплощением красоты. Мрачной красоты.

Лилит?! Медея, ведьма Колхиса.

И...

— Врата закрываются, — предупредила Эдейри.

Волк, все еще державший в зубах мою шпагу, тревожно прижал уши. Вышедшая из огня женщина не проронила ни слова.

Золотистые облака толкали меня в ее сторону.

И тут она раскрыла мне свои объятия.

Волк и фигура в капюшоне устремились в огонь; многоголосый хор, набрав силы, превратился в громоподобный рев, способный расколоть планету.

— Это трудно, очень трудно, — сказала Медея. — Помогите мне, Эдейри и лорд Матолч!

Огонь угасал. Залитые лунным светом болота исчезли, словно испарились; вокруг меня раскинулась серая, не имеющая очертаний пустошь, уползающая в бесконечность. Даже звезд не было видно.

На этот раз голос Эдейри вибрировал от страха.

— Медея, я изнемогаю... Я слишком долго пребывала в мире Земли.

— Открой врата! — вскричала Медея. — Открой их хоть немного, иначе мы навсегда останемся между двумя мирами.

Волк припал к земле и зарычал. Я почувствовал, как из моего тела стремительно изливается поток энергии. Мозг волка не был мозгом зверя.

Золотой туман вокруг нас начал таять.

— Ганелон! — вскричала Медея. — Помоги мне, Ганелон!

— Он обладает властью! — шептала Эдейри. — Он посвящен Ллуру. Пусть Ганелон вызовет Ллура!

— Нет, нет! Я не смею! Ллур?

На повернувшемся в мою сторону лице Медеи застыло удивленное выражение. У ног моих волк зарычал и напряг свои мускулы, словно собираясь с помощью грубой физической силы распахнуть Врата между двумя Мирами.

Теперь я полностью погрузился в черное mareво. Мысль моя устремилась вдаль и пронзила пространство мрачного ужаса — бесконечного, необъятного, а затем... Наткнулась на что-то...

— Ллур... ЛЛУР!

— Врата открываются, — выдохнула с облегчением Эдейри. Исчезла и серая пустошь. Золотистые облака потускнели и растаяли. Вокруг нас поддерживали высокий потолок белые колонны. Мы очутились на нешироком помосте, разрисованном странными узорами.

Страдая от ужаса и жалости к самому себе, я упал на колени, прикрывая глаза рукою.

Я смог вызвать Ллур!

ТЕМНЫЕ МИРЫ

Проснувшись, я долго лежал неподвижно и смотрел на низкий потолок, прислушиваясь к боли, пронизывающей мое тело. Воспоминания неудержимым потоком хлынули на меня. Я лежал на мягком ложе с горю подушек в небольшой комнате, меблированной без особого вкуса. Слева от меня в стене имелась ниша с прозрачной перегородкой, через которую в комнату проникал наружный свет. Рядом со мною на трехногом стуле сидела, не нарушая молчания, крохотная фигура в плаще и капюшоне. Без сомнения, это была Эдейри.

Мне так и не довелось увидеть ее лицо, — слишком плотной была ткань ее одеяния. И все-таки я почувствовал на себе ее пронизывающе-настороженный взгляд и учуял запах чего-то незнакомого, холодного и смертельно опасного. Плащ был тяжелым, грубым, грязновато-серого цвета и неестественно-замысловатого покроя. Приглядевшись еще раз повнимательнее, я лишний раз убедился, что под таким плащом может скрываться существо не более четырех футов.

— Не желаете ли откусать, лорд Ганелон? Или пить? — произнесла сиделка нежным детским голосом. Невозможно было определить, существу какого пола он принадлежит.

Я откинул шелковое покрывало и опустил ноги на пол. Я был облачен в серебристую тунiku из тонкого мягкого материала. Эдейри не шелохнулась и оставалась неподвижной даже тогда, когда в спальню бесшумно вошел человек с накрытым подносом в руках.

Вид его действовал успокаивающе. Это был высокий человек с развитой мускулатурой, с крупной головой под этрусским шлемом с плюмажем. От его загорелого лица веяло мужеством и спокойствием, как мне показалось поначалу, но стоило мне встретиться с ним глазами, и я убедился в обратном: в глубине прекрасных голубых зрачков утонул животный страх. Странно знакомый страх, легко узнаваемый мною.

Он поставил поднос предо мною и удалился, не промолвив ни слова. Эдейри кивнула в сторону яств.

— Ешь и пей, пища поможет тебе восстановить силы, лорд Ганелон.

На подносе лежали кусок отварного мяса, странной формы лепешка, и стоял стакан бесцветной жидкости. Я отпил глоток — это была не вода, судя по вкусу.

— Значит, я вовсе не сумасшедший? — спросил я у Эдейри.

— Нет, хоть душа твоя и блуждала в потемках, а ты пребывал в ссылке. Но теперь ты опять в своих покоях.

— В Кэр Ллуре? — спросил я, сам не зная почему. В знак отрицания Эдейри затрясла своим плащом.

— Нет. Но ведь ты должен помнить...

— Я ничего не помню! Кто ты? Что произошло со мною?

— Вспомнил ли ты, что тебя зовут Ганелоном?

— Ты ошибаешься: мое имя — Эдвард Бонд!

— И все же ты многое вспомнил, например Огни Нужды, — с упором на два последних слова произнесла Эдейри. — Вспомнишь и остальное, хоть это и потребует немало времени. Ты должен знать: нас повсюду подстерегает опасность. Кто я? Я — Эдейри, и служу Совету.

— И ты...

— Женщина, — перебила меня гостья своим детским нежным голосом и тут же рассмеялась. — Очень старая женщина, самая дряхлая в Совете. Когда-то нас было ровно тринадцать, а теперь он значительно сократился. В нем, как в былые времена, Медея, лорд Матолч...

При этом имени тень волка мелькнула перед моими глазами.

— ... Гэст Райми, обладающий могуществом большим, чем у любого из нас, но который слишком стар, чтобы в нем сохранилось желание им воспользоваться. И, наконец, ты, лорд Ганелон, или Эдвард Бонд, как ты себя назвал. Нас осталось всего пятеро, а ведь когда-то подобные нам исчислялись многими сотнями. Но даже я не помню, когда это было, и только Гэст Райми способен вспомнить все, стоит ему только захотеть.

Я обхватил голову руками.

— Великие небеса, я ничего не понимаю! Все, о чем говоришь ты сейчас, для меня не больше, чем набор ничего не значащих звуков. Я даже не знаю, где нахожусь!

— Выслушай меня и пойми. — Я почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу. — Ты просто утратил на время память.

— Это неправда.

— Это правда, лорд Ганелон. Информация, накопившаяся в твоей памяти за долгие годы, была стерта и заменена новой. Все то, что ты относишь к событиям своей прежней жизни на Земле, эфемерно и не принадлежит тебе вовсе. Этих событий никогда

не было, а если они и происходили, то без твоего участия.

— Ты сказала: “на Земле”? А где мы находимся в эту минуту?

— Ты сейчас на другой планете, но это — твой родной мир. Ты здесь родился. Восставшая чернь, враги твои и мои, отправили тебя в ссылку, заменив предварительно твою память памятью Эдварда Бонда.

— Ты никогда не сможешь убедить меня в этом!

— Подойди сюда! — крохотная фигура в капюшоне направилась к оконной нише. Она дотронулась до чего-то рукой, и окно стало совсем прозрачным. Я смотрел поверх ее головы на открывшийся моему взгляду пейзаж, подобный которому мне никогда не приходилось обозревать.

Или приходилось?

Лес внизу купался в кровавом свете тусклого красного солнца. Я глядел на могучие кроны со значительной высоты и поэтому не мог разглядеть отдельных деталей. Мне показалось, что деревья двигаются, именно двигаются, а не колеблются под воздействием ветра. Здание, в котором мы находились, стояло на берегу реки, устремившей свои воды в сторону гряды холмов, прикрывающих горизонт. Над лесом возвышались несколько белых башен. Вот и все, что мне удалось разглядеть.

Полыхающий в небе огромный красный диск поведал мне о многом. Нет, это была не та Земля, на которой я родился и вырос.

— Другая планета?

— И даже более того, — ответила Эдейри. — Мы вернули тебя в Темный Мир, — так зовут твою родную планету. Она отличается от других сгустков материи, вращающихся вокруг центральных светил в необъятной Вселенной, и в чем ее необычность, знали прежде только члены Совета. К несчастью для тебя об этом узнали и другие и не преминули воспользоваться своим знанием. Во Вселенной существуют параллельные миры, дивергентные в потоке времени, почти идентичные, если, конечно, не успели разойтись слишком далеко друг от друга.

Я ничего не понял.

— Миры существующие и несуществующие в обычном Пространстве-Времени, не разделенные обычным измерением, вариацией вероятности. Мир, в котором мы сейчас находимся, мог бы быть миром Эдварда Бонда, если бы что-то не произошло в далеком прошлом. Первоначально наша планета и Земля были одним целым, неразделенным в Пространстве-Времени миром. Потом кто-то принял решение, очень важное решение, хоть я и не могу сейчас сказать точно, в чем именно оно заключалось. Так или иначе, но оно было принято, и с того мгновения

временной поток разделился, и, подобно амебе, прежний мир распался на два: Темный Мир и Землю.

И вновь я ничего не понял.

— В начале они оставались абсолютно идентичными, за тем исключением, что в одном из них не было принято ключевое решение. А это не могло не повлиять на окончательный результат. Много столетий кануло в вечность с тех пор, и все-таки оба мира сосуществуют в сравнительной близости во временном потоке. Фатальная неизбежность отдаляет их друг от друга, различия растут лавинообразно. И все же они остаются сходными настолько, что каждый человек на Земле имеет своего двойника в Темном Мире.

— Двойника?

— Человека, которым он мог бы быть, если бы ключевое решение не было принято столетия назад. Да, двойники, например лорд Ганелон и Эдвард Бонд. Теперь тебе все понятно?

Я отошел от ниши и уселся на неприбранную постель.

— Сосуществуют два мира, порожденные планетой-амебой, — это я способен понять. Но мне кажется, что в твоих словах имеется гораздо больше информации, чем ты пыталась в них вложить. Если я тебя правильно понял, то где-то здесь околачивается мой двойник. Ведь в том мире, который я покинул с вашей помощью, его не было.

— Ты родился в Темном Мире; Эдвард Бонд — твой двойник — родился от земных родителей. Среди восставшей черни имеются и обладающие достаточными знаниями, способные поменять местами переменные величины в формуле Времени. Мы вспомнили об этой возможности много позже, а ведь когда-то она была хорошо известна каждому члену Совета. — Эдейри перевела дух, слегка поправив капюшон. — Повстанцы поменяли местами переменные, и в результате лорд Ганелон оказался на Земле, а Эдвард Бонд среди повстанцев. Они...

— Но зачем? — задал я давно мучивший меня вопрос. — С какой целью они это проделали?

Эдейри повернулась в мою сторону, и я в очередной раз почувствовал необычный холод, лишь только она уставила на меня свои невидимые из-за ткани капюшона глаза.

— Для чего им это понадобилось? — произнесла она с расстановкой. — Думай, Ганелон. Посмотрим, удастся ли тебе вспомнить.

Охотно последовав ее совету, я закрыл глаза и попытался расслабиться, давая возможность моей памяти ухватиться за нить воспоминаний Ганелона. Я все еще не мог смириться с мыслью о том, что подобное могло произойти именно со мною, хоть услышанное от Эдейри объясняло многое. В том числе и

беспричинную потерю сознания в самолете, и комплекс неполноценности, развившийся во мне сразу же после падения.

Возможно, именно над джунглями Суматры произошла замена Эдварда Бонда на лорда Ганелона, замена двух близнецов, слишком испуганных и слишком беспомощных, чтобы осознать происшедшее с ними.

Но разве подобное возможно?

— Нет, не могу вспомнить! — сказал я с вызовом. — Этого не могло быть. Мне ли не знать, кто я? Я хоть сейчас могу рассказать тебе обо всем, что происходило... с Эдвардом Бондом на протяжении всей моей... его жизни. Можешь ли ты убедить меня в том, что это всего лишь иллюзии? Мои воспоминания достаточно ясны и отчетливы.

— Ганелон, Ганелон... — В голосе подошедшей ко мне Эдейри звучала укоризна. — Вспомни о черни, пытающейся низвергнуть установившийся порядок. Пошевели мозгами, Ганелон, подумай, зачем понадобилось им сыграть с тобой такую шутку?! Обитатели леса, Ганелон, непокорные ничтожные человечки в зеленых одеяниях. Ненавистные человечки, осыпающие нас угрозами. Ганелон, их, я надеюсь, ты помнишь?

Может быть, воздействие на меня Эдейри было сродни гипнозу. К мысли об этом я пришел много позже, но так или иначе, а в тот миг я увидел мысленным взором толпу облаченных в зеленые одеяния туземцев, пробиравшихся сквозь лесные заросли. Я едва не задохся от ярости, на краткий миг превратившись в Ганелона, знатного могущественного лорда, презиравшего этих ничтожных людишек, недостойных завязывать шнурки моих ботинок.

— Нет сомнений, ты ненавидел их, — прошептала Эдейри, от которой не ускользнуло выражение моего лица.

Ей не обязательно было читать мои мысли — весь мой облик красноречиво повествовал об обуревавших меня чувствах. Плечи горделиво расправлены, грудь выпячена вперед, губы искривились в презрительной усмешке.

— И, конечно же, ты карал их где и когда только мог, — продолжала Эдейри. — Это было твоим долгом и обязанностью. Но они обошли тебя, оказавшись хитрее. Обнаружили дверь, вращающуюся на временной оси, и вышвырнули тебя в иной мир. По другую сторону этой двери пребывал Эдвард Бонд, не питавший к ним ненависти. Поэтому они открыли перед ним дверь...

Эдейри повысила голос и продолжала с неприкрытой насмешкой.

— Фальшивые воспоминания, фальшивые воспоминания, Ганелон. Вместе с обликом Эдварда Бонда ты наследовал и его

прошлое, но житель Земли явился в этот мир самим собою, ничего не ведая о лорде Ганелоне. Он причинил нам много беспокойства, друг мой, доставил немало хлопот. Поначалу мы не поняли, что произошло. Тогда мы уверовали, что лорд Ганелон покинул наш Совет и влился в ряды повстанцев, воодушевляя их и сплачивая для борьбы против собственной касты.

Она мягко рассмеялась.

— Нам пришлось вывести Гэста Райми из дремотного состояния, в котором он пребывает. С его помощью мы изучили принцип поворота осей времени, затем переправились в мир, именуемый Земля, где и нашли тебя после продолжительных поисков. В конце концов нам удалось вернуть тебя в этот мир. Он твой, Ганелон, готов ли ты принять его?

Я помотал головой, словно пребывая во сне.

— Все это неправдоподобно, я — Эдвард Бонд.

— В наших силах вернуть тебе твою истинную память, и мы сделаем это, сколько бы времени нам не понадобилось. А пока что знай, ты входишь в состав Совета, возможно, самый могущественный из всех нас. Вместе с Матолчем вы были...

— Позволь мне задать вопрос, — в который раз перебил я прятавшуюся под капюшоном. — Я многое не понимаю. Матолч? Это тот самый волк, который сопровождал тебя прошедшей ночью?

— Ты не ошибся.

— Ты говоришь о нем, как о наделенном разумом.

— Род Матолча знатен не менее, чем твой, лорд Ганелон! Могу добавить, чтобы рассеять все твои сомнения. Он — л и к а н т р о п . При желании может менять свой облик.

— Оборотень? Это невозможно. Эти существа есть нечто иное, как порождение народной фантазии, персонажи мифов и наивных суеверий.

— Как зарождались мифы? — спросила Эдейри. — В далеком прошлом множество проходов соединяло Землю и Темный Мир. Воспоминания о тех днях сохранились на Земле в форме суеверий. Но корни их уходят в реальную действительность.

— И все-таки они остаются суевериями, и ничем больше, — убежденно сказал я. — Так легко утверждать, что существуют оборотни, вампиры и подобная им дребедень, но доказать их существование невозможно.

— Гэст Райми может рассказать о них больше, чем я, но стоит ли будить его из-за таких пустяков. Я попробую извлечь тебя от твоих заблуждений... Слушай меня внимательно. Человеческая плоть состоит из мириад клеток, которые в определенных пределах способны приспосабливаться к изменившимся условиям. Если заложенную в них самой природой приспосаблива-

емость увеличить, то ускорится и процесс метаболизма. Следствие этого, как ты уже мог догадаться, появление оборотней.

Наконец-то я начал понимать хоть что-то из услышанного в это утро. Во время своего обучения в колледже я прослушал полный курс биологии и не раз наблюдал через микроскоп взбесившиеся клетки, клетки-мутанты и то, чему еще не придумано названий. Да и на своем жизненном пути я неоднократно встречался с людьми, с головы до ног покрытыми таким волосатым покровом, что им позавидовал бы любой волк.

А если ускорить процесс приспособливания клеток? В таком случае могли бы происходить странные вещи!

А кости? Специфическая костная ткань, так непохожая на мягкие ткани организма. Физиологическая структура, способная изменяться таким образом, чтобы человек мог принимать облик волка? Такое даже трудно представить, настолько она уникальна!

— Конечно, здесь не обходится и без внушения, — подсказала Эдейри. — Во время своего перевоплощения Матолч обладает не такой уж звериной фигурой, как это кажется. Но тем не менее он в состоянии полностью изменить свой облик и часто делает это.

— Но как? — спросил я. — Откуда у него такая феноменальная способность?

Впервые за все время нашего разговора Эдейри несколько помедлила с ответом.

— Он мутант. В Темном Мире множество мутантов. Есть они и в Совете.

— Ты тоже мутант?

— Да.

— И тоже... способна менять свой облик?

— Нет, — тотчас же ответила Эдейри и, как мне показалось, крохотное тельце ее под плащом задрожало. — Я не способна менять свой облик, лорд Ганелон. Но ты, наверное, помнишь, на что я способна?

— Нет.

— И тем не менее я обладаю способностями, которые могут тебе пригодиться, когда повстанцы вновь предстанут перед нами во всеоружии. — Эдейри повернулась в сторону ниши. — Да, среди нас много мутантов, и может быть именно этот фактор повлиял на наше отделение от Земли много веков назад. На Земле не должно быть мутантов, по крайней мере подобных нашим. И еще, Матолч не единственный в своем роде.

— А я, я тоже мутант? — спросил я и насторожился. Эдейри покачала головой в капюшоне.

— Нет, поскольку никто из мутантов не может обладать

кровью, помеченной знаком Ллура. Ты был посвящен ему еще до своего рождения. Один из Совета должен владеть ключом к Кэр Ллуру.

Ледяные щупальца страха вновь на краткое мгновение сжали сердце. Нет, не страха, а ужаса, смертельного, перехватывающего дыхание кошмарного ужаса, в который я погружался каждый раз при упоминании имени Ллура.

Я заставил себя обратиться с вопросом к Эдейри.

— Кто такой Ллур?

Ответом послужило продолжительное молчание.

— Кто тревожит покой Ллура? — раздался позади меня властный голос. — Не прикасайся все к завесе, Эдейри!

Я оглянулся и на фоне черной портьеры разглядел стройную фигуру человека, облаченного в тунику и брюки. Его рыжая борода торчала вперед острым клинышком. Незнакомец улыбался, обнажив крепкие зубы, вид которых показался мне знакомым. В каждом движении его гибкого тела угадывалась кошачья грация.

Желтые глаза смотрели на меня с изумлением.

— Молись, чтобы не было необходимости в этом шаге, — проронил незнакомец. — Лорд Ганелон, неужели ты и меня забыл?

— Он забыл тебя, лорд Матолч, — опередила меня Эдейри. — По крайней мере в этом облике.

Матолч — волк. Способный менять обличье.

Он усмехнулся.

— Советом решено: сегодня вечером — шабаш, — громко сказал оборотень. — Лорд Ганелон должен подготовиться к тому, чтобы принять в нем участие. Однако посвятить его — забота Медеи, и она интересуется: проснулись ли вы, лорд Ганелон. Я вижу, вы бодрствуете, и ничто не может помешать нам пройти в ее покои.

— Готов ли ты отправиться с Матолчем? — спросила меня Эдейри.

— Почему бы и нет? — ответил я.

Рыжебородый вновь усмехнулся.

— А ты действительно многое забыл, лорд Ганелон. Во времена, предшествовавшие твоему исчезновению, ты никогда не допустил бы, чтобы я оказался за твоей спиной.

— Но и у тебя хватило разума, чтобы не вонзить в его спину остроотточенный кинжал! — поспешила пресечь возможную ссору Эдейри. — Стоило бы Ганелону воззвать к Ллуру, и ты тотчас же подвергся бы справедливому возмездию.

— Я пошутил, — небрежно молвил Матолч. — Мой враг должен быть достаточно силен, чтобы я стал с ним считаться.

Так что я подожду часа, когда к тебе вернется память, лорд Ганелон. А пока должен признать, что Совет оказался в незавидном положении, и мы нуждаемся в твоём содействии точно так же, как ты — в нашем. Итак, идешь ли ты к Медее?

— Иди с ним. — Эдейри сделала один шаг в мою сторону. — Опасности нет — рычание и клыки волка несопоставимы, даже если он не в Кэр Ллуре.

Мне показалось, что ее слова таили скрытую угрозу. Пожав плечами, Матолч отодвинул тяжелую портьеру и посторонился, пропуская меня вперед.

— Мало кто осмеливался угрожать оборотню, — сказал он через плечо.

— Я осмеливаюсь, — раздалось из-под капюшона.

И я вспомнил, что и она принадлежала к мутантам, хоть и не была ликантропом, подобно рыжебородому оборотню, который устремился следом за мною, лишь только я вышел в коридор.

Так кто же ты Эдейри?

МАТОЛЧ И МЕДЕЯ

Ощущения мои можно сравнить с эмоциями заблудившегося в густом тумане человека. Я так и не смог решить для себя, наяву ли все это происходит или во сне. От нервного шока притупились все мои чувства, и я потерял способность логически мыслить. Самые обыденные мысли переполняли мой мозг и ничто вокруг не вызывало во мне тревоги. И это несмотря на то, что прошло менее суток, как я покинул привычный мне мир.

Но к моему немалому удивлению что-то знакомое было в этих сводчатых залах с белыми стенами, которые я пересекал вместе с Матолчем. Знакомое точно так же, как и в простиравшемся до горизонта сумрачном лесном пейзаже — им я любовался из окна отведенной мне комнаты, ежась от холода, исходившего от плаща Эдейри.

— Эдейри — Медея — Совет.

Я чувствовал весомость этих слов, будто в иные времена они отложились в моей памяти, оставив глубокий след.

Подпрыгивающая, стремительная походка Матолча, широкий размах его мускулистых плеч, хищная улыбка на полных губах — все это было не ново для меня.

Матолч пристально наблюдал за мною, скосив слегка свои желтые глаза. Внезапно он остановился перед красной портьерой и, помедлив немного, отодвинул ее в сторону, приглашая войти.

Я сделал всего лишь один шаг и остановился, застыв в ожидании.

Матолч кивнул головой с довольным видом, лицо его при этом так и не изменило своего вопросительного выражения.

— Значит, ты кое-что помнишь, лорд Ганелон?! Достаточно, чтобы прийти к выводу: за этой портьерой не могут скрываться покои Медеи?! И все-таки войдем сюда на минуту, мне необходимо поговорить с тобою наедине.

Только оказавшись на ступеньках винтовой лестницы я осознал, что до сих пор мы общались с оборотнем на языке, ничего общего не имеющем с английским. Но я отлично понимал его.

— Проходи, Ганелон!

Мы очутились в комнате округлой формы с прозрачным потолком. В насыщенном дымом воздухе устоялся неприятный запах неостывших углей, продолжавших тлеть в самом центре комнаты на жаровне с тремя бронзовыми ножками. Матолч указал мне на кресло с красной обшивкой.

— Интересно, многое ли тебе удалось вспомнить? — спросил он.

— Совсем немного. — Я сопроводил свои слова отрицательным жестом. — Но достаточно... чтобы не доверять тебе полностью.

— Значит искусственные воспоминания землянина, наложенные на твою память, все еще сильны. Гэст Райми предупредил, что в итоге ты вспомнишь все, но на это потребуются немало времени. Фальшивая запись в нейронной оболочке твоего мозга сотрется и обнажится первоначальная, истинная. Но на это нужно время.

“Как реставрированная икона, — подумал я. — Слой краски поверх другого. Не знаю, предстоит ли мне стать Ганелоном, но пока что я остаюсь Эдвардом Бондом”.

— Интересно, — сказал Матолч, поглаживая рыжую бородку, — ты провел около двух лет вдалеке от нас. Не изменился ли ты окончательно и бесповоротно? Прежде ты всегда... ты ненавидел меня. Ганелон, ненавидишь ли ты меня по-прежнему?

— Нет, — ответил я не колеблясь. — Чувство, которое я испытываю в твоём присутствии, можно охарактеризовать как недоверие.

— И у тебя есть на то веские причины! Мы всегда были врагами, Ганелон, хотя и были повязаны заботами и постановлениями Совета. Желаете ли ты, чтобы и в дальнейшем нас разделяла вражда?

— Нет, если это зависит только от меня. Я вовсе не намерен наживать себе врагов — особенно здесь.

Рыжие брови Матолча взметнулись вверх.

— Ты неузнаваем, лорд Ганелон! В старые добрые времена тебе было бы безразлично, сколько человек числят тебя среди врагов. Боюсь, что изменения, происшедшие с тобою, неисправимы, и тогда всем нам не избежать подстерегающей нас опасности.

— Я ничего не понимаю. — Мне надоел этот бесплодный разговор. — Смысл твоих слов не доходит до меня. Все это похоже на затянувшийся сон.

— Подведем итоги. Если прежний Ганелон возродится в тебе — вражда неизбежна. Но пребывание на Земле могло изменить тебя, и как знать, мы еще можем подружиться. Признаю, друг предпочтительней врага. Медее это не понравится, но Эдейри будет в восторге. А что касается Гэста Райми... — Матолч пренебрежительно пожал плечами. — Он уже стар, очень стар. А ведь после него ты, Ганелон, станешь обладателем наивысшей власти. Но бразды правления тебе дано подхватить только в Кэр Ллуре.

Матолч умолк и несколько секунд смотрел на меня с ожиданием. Но что я мог сказать в ответ на услышанное?!

— Прежде ты знал, что ожидает тебя в Кэр Ллуре. Ты страшился и в то же время жаждал власти. Однажды ты побывал там: в день, когда тебя посвящали... Но сейчас ты изменился, и связь между тобою и Ллуrom утончилась. Но ее можно укрепить, стоит тебе только захотеть.

— Кто такой Ллур? — я все еще надеялся получить ответ на этот вопрос.

— Не советую тебе задумываться над этим! — Голос Матолча звучал вполне искренне. — Будь настороже, если во время беседы с тобою Медее заговорит о Ллуре. Не знаю, Ганелон, предстоит ли нам враждовать как прежде, но ради нашего общего благополучия, ради благополучия Темного Мира — заклинаю тебя: избегай посещения Кэр Ллура. Как бы ни умоляла тебя Медее! По крайней мере дождись, когда восстановится твоя память.

— Так кто же такой Ллур? — повторил я.

Матолч отвернулся от меня.

— Я думаю, только Гэст Райми может ответить на твой вопрос. Я не знаю, и не хочу знать. Ллур — это... это зло... постоянно испытывающее чувство голода. И его аппетит может удовлетворить лишь... лишь...

Матолч умолк и посмотрел на меня как-то странно.

— Ты забыл многое, — продолжал он через некоторое время, — и это смущает меня. Но помнишь ли ты, как вызывать Ллура?

Я отрицательно покачал головой, в которой воцарилась звенящая пустота. Как будто что-то материальное просилось наружу и никак не могло вырваться.

Ллур — Ллур?

Матолч соскреб с жаровни щепотку золы.

— Можешь ли ты вызвать Ллура? — спросил он, и голос его зазвенел от нетерпения. — Отвечай, Ганелон. Быть может, ты способен вспомнить?

Усилился неприятный запах дыма, пустота в моей голове как бы раздвинулась, освобождая путь бесформенной тени. И я узнал этот смертельный запах!

Я встал, пристально глядя на Матолча. Сделал два шага и ударом ноги опрокинул треножник. Угли рассыпались по каменному полу. Рыжебородый вздрогнул от неожиданности и отвел свой взгляд в сторону.

Вытянув руку, я схватил Матолча за ворот туники и встряхнул с такой силой, что зубы его застучали как кастаньеты. Ненависть и презрение к этому человеку помutilи мне разум.

— Чтобы Матолч пытался меня обмануть?!

Кто-то неведомый вселился в меня, повелевал мною и говорил моим языком. Я же, оттесненный на задний план, прислушивался со стороны к его словам.

— Побереги свои чародейства для рабов и иеродул! — Казалось, мои голосовые связки готовы лопнуть от напряжения. — Я скажу тебе только то, что сочту нужным сказать, и ни слова больше! Жги свои зловонные травы где угодно, но не смей это делать в моем присутствии.

Челюсти Матолча сжались, в глазах вспыхнул желтый огонь. Лицо его перекосилось, плоть потекла подобно жидкости, едва различимая в клубах дыма, порожденного рассыпанными углями.

Пара желтых зрачков угрожала мне из желтого тумана.

Из горла оборотня вырвались булькающие звуки, способные зародиться только в глотке зверя. Злобный волчий рык! Алчущий хищник глядел на меня!

Дым рассеялся, мираж растаял. Матолч — в своем первозданном обличье — подался назад, пытаюсь освободиться.

— Ты напугал меня, лорд Ганелон, — сказал он, поправляя ворот туники. — Я надеялся, что ты ответишь на мои вопросы, если эти травы, — тут он кивнул головой в сторону опрокинутого треножника, — восстановили бы твою память.

Я круто развернулся и направился к выходу из комнаты.

— погоди, — окликнул меня Матолч. — У меня сохранилась вещица, принадлежавшая Эдварду Бонду. Взгляни на нее.

Я задержался в двух шагах от тяжелой портьеры.

Рыжебородый приблизился с оружием в руках. Я узнал свою шпагу, чьи ножны остались на Земле.

— Я прихватил ее перед тем, как вступить в Огонь Нужды. Твои права на нее неоспоримы.

Приняв из его рук оружие, я вновь направился к прикрытому портьерой выходу. Но Матолч еще не успел выговориться.

— Я не желаю вражды между нами, Ганелон. — Голос оборотня звучал вполне искренне. — И если к тебе вернулась прежняя мудрость, ты не поступишь моими предупреждениями. Не ходи в Кэр Ллур!

Мы расстались. Держа перед собою шпагу, я торопливо спускался по винтовой лестнице. Завладевший моим сознанием не собирался отступать. И все-таки первоначальные краски иконы проступали наружу, как бы проявляясь под воздействием сильного растворителя.

Верхняя запись, убившая мою память. Мою индивидуальность и мои воспоминания.

Замок — каким образом мне стало известно, что это замок? — являлся лабиринтом. Дважды мне довелось проходить мимо воинов-стражников, в чьих глазах застыл животный страх, усилившийся, казалось, при моем появлении.

Я шагал — ноги сами несли меня — по каменным плитам и в конце концов добрался до светло-янтарной залы с фонтаном в середине. Дуновение легкого ветерка коснулось моей щеки, сигнализируя о наличии поблизости открытого пространства. В конце залы я обнаружил выход в виде арки, орнаментированный по периметру переплетающимися экзотическими ветвями с крупными листьями.

Я прошел под аркой. И оказался в саду, огражденном высокими стенами. В саду невиданных цветов и причудливых деревьев.

На фоне черной земли цветы казались драгоценными камнями. Рубины и аметисты, прозрачные и молочно-белые, серебряные, золотые, изумрудные, слившиеся в роскошные ковры, они казались наделенными жизнью. Да и деревья казались живыми.

Искривленные и шероховатые деревья высились могучими дубами, их толстые сучья и упругие ветви скрывались под зеленым покровом листьев.

Деревья распрямились в ожидании, зеленый занавес зашевелился, и в этом движении я почувствовал угрозу.

А затем черные сучья заколебались и медленно потянулись в мою сторону...

И тут же расслабились, застыв в неподвижности. Они узнали меня!

Над этим лютым садом темный небосвод резко контрастировал со сверкающим на нем оком дневного светила.

Деревья вновь зашевелились.

Смутное беспокойство завладело мною и зелеными кущами. Змееподобная ветвь изогнулась и быстро выпрямилась — нанесла удар и вновь приготовилась для очередного удара.

В том месте, где движение ветвей было наиболее интенсивным, я заметил фигуру человека, бегущего зигзагами, кидающегося из стороны в сторону, уворачивающегося от страшных ударов гибких ветвей ожившего леса-сторожа.

Человек в плотно обтягивающем его одеянии бежал в мою сторону.

Его суровое волевое лицо горело от возбуждения, такое выражение появляется обычно на лице одержавшего победу. В руках бегуна не было никакого оружия, только к поясу была пристегнута кобура пистолета или нечто в этом же роде.

— Эдвард! — окликнул он меня приглушенным голосом. — Эдвард Бонд!

Я узнал его. Не его именно, конечно. Но мне уже доводилось смотреть вслед убегающим, облаченным во все коричневое человеческим фигурам, и представший предо мною был одним из их племени.

Ненависть, которую я час назад испытал в присутствии Матолча, вновь окатила меня от одного вида этого человека.

Враг! Бунтарь! Представитель тех, кто использовал волшебство, чтобы погубить лорда Ганелона!

Я почувствовал, как волна гнева залила краской мое лицо, как закипевшая кровь застучала в висках с необычной, яростной силой. Мое тело напряглось, приняв позу Ганелона: плечи назад, грудь выставлена вперед, презрительная улыбка на губах, высоко поднятый подбородок. Я вслушивался, как моя гортань сыплет проклятиями, пользуясь словарным запасом языка, который я не знал вовсе. Бегун отступил назад, недоверчиво оглядывая меня. Рука его потянулась к кобуре.

— Ганелон? — произнес он с едва заметной заминкой, пытаясь перехватить мой взгляд. — Кто же ты: Эдвард Бонд или лорд Ганелон?

ВЕДЬМА В АЛОМ

Правой рукой я все еще сжимал шпагу. Моим ответом послужил молниеносный выпад, но для способного избегать хлестких ветвей живого дерева мой выпад оказался не опасным. Уклонившись, бегун окинул меня грозным взглядом и извлек из кобуры свое оружие. Перед этим он оглянулся назад, я просле-

дил за его взглядом и увидел другую фигуру, на этот раз в зеленом одеянии, скользящую между взбесившихся деревьев. Она была меньше ростом и изящнее — девушка в тунике цвета земли и сочной зелени. Ее черные распущенные волосы ниспадали до плеч. Выбравшись на свободное пространство, она перевела дыхание и обратила в мою сторону искаженное ненавистью лицо.

Человек, представший предо мною первым, поднял руку повелительным жестом.

— Даже если ты Ганелон, ты должен помнить Эдварда Бонда! Он был с нами, он верил в нас! Выслушай меня, пока не поздно. Арле сможет убедить тебя, Эдвард. Торопись к Арле. Даже если ты Ганелон, позволь мне сопроводить тебя к Арле!

— Все бесполезно, Эрту! — произнесла девушка. Она боролась с крайним из деревьев, чьи ветви обхватывали ее и пытались притянуть к стволу. Ни Эрту, ни его подруга не старались уже говорить шепотом. Они кричали, как будто не знали, что на вызванный ими шум сюда устремятся стражники, а ведь я хотел убить их сам, никому не предоставляя право на такое удовольствие. Я жаждал крови, я желал лицезреть своих врагов поверженными, и в тот момент имя Эдварда Бонда ничего мне не говорило.

— Убей его, Эрту! — вскричала девушка. — Убей его или предоставь это мне! Я знаю Ганелона!

Я вгляделся в ее лицо и крепче сжал эфес своей шпаги. Несомненно она говорила правду — она знала Ганелона, и у нее были веские причины ненавидеть его. Я видел это лицо раньше, искаженное отвращением и отчаянием. Я не помнил, где, когда и при каких обстоятельствах мне приходилось встречаться с этой девушкой, но, несомненно, в забытом мною прошлом наши пути пересекались.

Повинуясь приказу, Эрту с явной неохотой наводил на меня свое оружие. Я понимал его состояние: трудно целить в человека, некогда бывшего твоим другом. Я торжествующе рассмеялся и сделал очередной выпад — шпага со свистом рассекла воздух. На этот раз Эрту не выказал бывшего проворства, и моей шпаге удалось-таки испить его крови. Отпрянув назад с опозданием, Эрту поднял свое оружие — черное дуло смотрело мне в переносицу.

— Не вынуждай меня совершить непоправимое, — процедил он сквозь сжатые зубы. — Это пройдет. Еще вчера ты был Эдвардом Бондом — ты станешь им вновь. Зачем ты вынуждаешь меня нажать на курок, Ганелон?

Я поднял шпагу. Все плыло передо мною, как в тумане, красная пелена ярости застлала мой мозг. Все мое существо

переполнилось беспричинным торжеством. Мысленным взором видел я фонтан крови, хлынувшей из его разорванной аорты, лишь только острие моей шпаги достигнет цели.

Я изготовился для нанесения последнего, решающего удара!

И вдруг шпага ожила в моих руках. Она дернулась и задрожала, пытаясь вырваться из моей ладони.

Невозможно передать это словами, но мой удар возвратился ко мне же. Вся энергия, которая должна была повергнуть противника на землю, прокатилась по клинку, по моей руке, по всему моему телу. Острая боль и изумление: мне показалось, что сад завертелся вокруг меня. Земля встала дыбом, обрушившись на мои колени.

Туманная пелена спала с моих глаз. Я все еще оставался лордом Ганелоном, оглушенным чем-то более могущественным, чем простой удар материального тела.

Я стоял на коленях, опираясь о землю одной рукой, чувствуя непереносимую боль в мышцах правой руки, и с удивлением смотрел на шпагу, которая валялась метрах в пятнадцати от меня и светилась.

Я не сомневался: все подстроено Матолчем, и никем иным! Я слишком рано забыл, с каким плутом свела меня судьба, сколько злобы и коварства в этом скользком оборотне. Я поднял на него руку в его же апартаментах и должен был знать: он сделает все, чтобы отомстить!

Даже будучи наивным простаком Эдвардом Бондом, я должен был все хорошенько обдумать, прежде чем принять дар из рук оборотня!

Но сейчас у меня не было времени думать о Матолче. Я уставился в глаза Эрту и на дуло его пистолета и видел, что лицо моего противника все более хмурилось по мере того, как он пристальным взглядом изучал меня.

— Ганелон! — произнес он зловещим шепотом. — Душегуб!

Курок его пистолета начал вращаться, я физически ощутил это движение.

— Подожди, Эрту! — вскричала тонким голосом девушка, успевшая освободиться от объятий гибких ветвей. — Подожди, дай мне!

Все еще оглушенный, я гордо поднял голову. После перенесенного удара любая попытка оказать сопротивление была обречена на провал, и мне ничего не оставалось, как следить за ее действиями. Девушка подняла свое оружие — черное дуло пистолета казалось огромной родинкой на ее бледном лице, искаженном от ненависти.

— Позволь это сделать мне! — вновь вскричала она. — Он должен вернуть мне свой долг!

Я все еще чувствовал себя беспомощным, словно опутанный сыromятными ремнями. Расстояние, нас разделявшее, было незначительным, и она не должна была промахнуться. Ярость пылала в глазах, пистолет дрожал в руках, потому что сама лесная красавица дрожала от душившей ее ненависти. В эти мгновения причудливые видения пронесли перед моими глазами — отдельные события из жизни лорда Ганелона и Эдварда Бонда.

Затем шорох, громкое шипение, похожее на вой ветра, раздалось со всех сторон. Деревья двинулись в нашу сторону с неожиданной для них быстротой, и издаваемое ими шипение еще более усилилось. Эрту вкрикнул предостерегающе, но его напарница слишком глубоко погрузилась в обуревавшую ее ненависть, чтобы реагировать на звуки извне. Ей не суждено было узнать, что произошло. Быть может, она даже не почувствовала, как развалился ее череп от могучего удара острого сука. Смерть была мгновенной, и все-таки она успела выстрелить — раскаленная молния ударила в землю рядом с моим коленом. Я почувствовал запах испепеленной травы.

Она уже была не в состоянии вкрикнуть, когда кровожадные ветки обвились вокруг стройной фигуры. До меня отчетливо донесся хруст ломающихся костей, хорошо мне знакомый хруст, поскольку мне неоднократно доводилось слышать его в этом саду. Хребет человека то же, что обычная щепка в могучих объятиях неусыпных ветвей.

Оцепенение Эрту длилось не более двух секунд. Помутневшие было глаза вновь засверкали, и я понял, что на этот раз он спустит курок без колебаний. Но мне не суждено было умереть в этот день. За моей спиной раздался смех, нервный и презрительно-холодный. Я увидел, как неподдельный страх и яростная злоба исказили черты лица Эрту, как он отвел от меня со всей поспешностью свой пистолет и направил его поверх моей головы в исходившего издевательским смехом. Он так и не успел нажать на курок: пепельно-белый луч вырвался из-за моего плеча и ударил ему в грудь чуть выше левого соска.

Эрту рухнул на землю как подкошенный; стекленеющие глаза его исходили ненавистью.

Я оглянулся, медленно поднимаясь на ноги. В десяти шагах от меня стояла улыбающаяся Медея, стройная и прекрасная, облаченная в роскошное пурпурное платье. В правой руке моя спасительница держала черную трубку, по-прежнему направленную в сторону Эрту.

— Ганелон, — прошептала Медея бесконечно нежным голосом. — Мой Ганелон!

Не отрывая от меня сулящего все земные блага взгляда, Медея хлопнула в ладоши. Тотчас же безмолвные, как ожившие статуи, стражники проникли в сад, подняли с земли безжизненные тела Эрту и его подруги и унесли в глубь сада. Деревья зашевелились, зашумели зелеными кронами и направились к ограде.

— Память вернулась к тебе, как я рада этому! — воскликнула Медея, лишь только мы остались вдвоем. — Ты опять с нами, лорд Ганелон. Но помнишь ли ты свою Медею?

Медея, ведьма Колхиса! Черная, белая и алая, стояла она предо мною, радостно улыбаясь; обвораживающая красота моей спасительницы разбудила во мне забытые воспоминания. Еще не было такого человека, который, хоть раз увидев Медею, мог навсегда забыть о ее существовании. До тех пор, пока жизнь теплилась в нем.

Однако еще что-то очень важное, связанное с Медеей, я обязан был вспомнить. Свойственное натуре этой женщины заставляло даже лорда Ганелона быть всегда начеку в ее присутствии. Ганелона? Итак, я все-таки лорд Ганелон? Еще пару минут назад, готовый вступить в единоборство с пробравшимися сквозь живой лес, я без колебаний ответил бы утвердительно на этот вопрос, и даже тени сомнения не возникло б в моем мозгу.

Вновь воспоминания нахлынули на меня. И в то время как прекраснoliкая ведьма смотрела на меня с ожидающей улыбкой, все, что способствовало моему превращению на непродолжительное время в лорда Ганелона, спадало с моего мозга, как надрубленный плющ. Эдвард Бонд в одежде с чужого плеча глядел с ужасом и отвращением на незнакомый сад, содрогаясь при одной мысли о том, что здесь произошло.

Я боялся этой женщины, я не хотел, чтобы она догадалась, какие черные мысли бродят в моей голове, и поэтому поспешил отвести в сторону свой смущенный взгляд. Я был выведен из равновесия, и неудивительно: по моей вине погибли искавшие со мной встречи, и мне не может служить оправданием то обстоятельство, что мною, моим телом руководил чуждый мне разум Ганелона.

Впрочем, я по-прежнему находился в теле Ганелона; теперь в этом не было никакого сомнения. Эдвард Бонд возвратился на Землю, в окружение своих близких, только память его задержалась в ином мире. Впрочем, вполне возможно, что у нас на двоих одна и та же душа. А душа Ганелона не могла найти себе применения и витала поблизости, в надежде изыскать подходящий момент и вытеснить навсегда из принадлежащего ей по праву тела душу Эдварда Бонда.

Я искренне ненавидел лорда Ганелона. Я презирал и суть, и дух этого человека. И пусть моя память фальшива, представляет собою копию памяти Эдварда Бонда, она сильнее, ближе и дороже мне, чем память Ганелона, впитавшего в себя жестокость и коварство с молоком матери. Пусть недолго, но я был Эдвардом Бондом, я останусь Эдвардом Бондом навсегда!

Полный заботы мелодичный голос Медеи прервал мои размышления. Не дождавшись ответа, она повторила свой вопрос.

— Ты помнишь меня, лорд Ганелон?

Я не хотел, чтобы она догадалась о моем смущении, и попытался совладать и со своим лицом, и со своим голосом.

— Меня зовут Эдвардом! — сказал я с достаточной твердостью. — О существовании лорда Ганелона я узнал впервые от Матолча, Эдейри и от тебя.

— Будем надеяться, что заблуждение твое не затянется надолго, — вздохнула очаровательная ведьма. — Не будем подстегивать бег времени, рано или поздно, но ты сбросишь путы чуждой тебе памяти. Когда ты поживешь прежней жизнью в привычной тебе обстановке, окунешься в заботы Совета, — двери твоего рассудка раскроются сами собою. Я думаю, что это произойдет во время шабаша...

Улыбка исчезла с ее лица и вишнево-красные губы слились в тонкую линию.

— С той поры, как я отправилась на поиски в мир Земли, шабаш не проводился ни разу, — сочла нужным сообщить мне Медея. — Полтора года — это слишком много. Потому что в Кэр Ллуре есть некто, кто уже зашевелился и требует очередную жертву. Ты помнишь Кэр Ллур, Ганелон?

И вновь холодное дыхание необъяснимого страха коснулось меня при упоминании некоей загадочной местности в Темном Мире.

Ллур — Ллур! Кромешная темнота и шевелящееся за золотым окном. Что-то слишком чуждое, чтобы ступить по той же земле, по которой ступает нога человека; что-то такое, чему не должно быть места в обжитом людьми пространстве. Неспособное, по всей видимости, существовать без людей, это нечто в то же время таило в себе угрозу всему человечеству. Я не имел об этом нечто никакого представления, я испытывал к нему инстинктивное отвращение и одновременно (возможно ли такое?) ощущал прочные нити, связывающие меня с Ллуrom.

Я знал! Я вспомнил!

— Я ничего не помню, — бросил я в ответ. Потому что именно в эту минуту осознал, что мне необходимо быть предельно внимательным и осторожным. В этом мире я не должен доверять никому, и себе в том числе. Я вспомнил! Но никто не должен об

этом догадаться. Пока я не проникну во все их замыслы, не проведаю обо всех их ловушках, не стоит даже упоминать о том, что помимо шпаги, этой безобидной булавки, у меня имеется иное, более грозное оружие.

Ллур! Сама мысль о нем... о... — это значительно укрепит мои позиции. Потому что между подлинным Ганелоном и Ллуром существовала некая мистически-жуткая связь. Я знал, что Совет попытается подтолкнуть меня к полному слиянию с Ллуром, и я знал, что даже Ганелон трепетал при одной мысли об этом. Я должен притвориться более несведущим, чем являюсь на самом деле, пока все не прояснится окончательно в моей памяти.

Движимый осторожностью, я счел нужным повторить:

— Я ничего не помню.

— Даже Медею? — не без лукавства произнесла ведьма и приблизилась ко мне плавной походкой. В ней действительно было что-то колдовское. Мои руки властно притянули к груди ее податливо-страстное тело, как будто они оставались руками Ганелона, а не моими. Но губы, ответившие на жгучий поцелуй чародейки, остались губами Эдварда Бонда.

— Даже Медею?

Эдвард Бонд или Ганелон — какая мне, в сущности, разница? Если это безразлично такой красавице, то мне — тем более!

Не от поцелуя ли вишнево-красных губ произошла во мне эта перемена? Я держал в объятиях божественно-прекрасное тело, но что-то сродни отчуждению продолжало разделять нас. Мозг мой работал лихорадочно быстро, я решил, что всему виной я — то ли житель Земли, то ли Темного Мира. Разошедшиеся миры... мутанты... Быть может, я для нее то же, что демон для земной женщины?

— Ганелон!

Дрожа всем телом, она приставила ладони к моей груди, толкнула изо всех сил, желая вырваться из моих объятий. Крохотные капли пота выступили на мраморном лбу.

— Достаточно! — выдохнула она. — Или ты не знаешь?

— Что я не знаю, Медея?

И теперь непритворный ужас появился в ее раскосых глазах.

— Ты забыл?! — голос ее задрожал, казалось, она готова разрыдаться. — Ты забыл меня, Ганелон, забыл, кто я такая... Что я такое!

ПОЕЗДКА В КЭР САПНИР

В то время, как я маялся без дела в покоях, принадлежавших Ганелону, все остальные обитатели замка готовились к шабашу. Ноги Ганелона мерили шагами просторные залы Ганелона, но

человек, любовавшийся развешанными на стенах старинными картинами и боевыми доспехами, был Эдвардом Бондом. Я все еще не переставал удивляться тому, как воспоминания чуждого этому миру индивида, наложенные на мозг Ганелона, в корне изменили владельца всего этого великолепия.

Задумывался я и о том, смогу ли в конце концов разобраться, кто я таков на самом деле. Ганелон был мне неприятен, к подобным ему я никогда не питал доверия. И в то же время я должен быть во всеоружии: знать больше того, что предполагают о моих знаниях обитатели замка, — в противном случае меня ждет скорый и бесславный конец. И какая разница, с чьим сознанием я отправлюсь в потусторонний мир: лорда Ганелона или Эдварда Бонда. Предостеречь меня некому: Медея уклонилась от ответа, точно так же поступит и Эдейри; Матолч может наговорить мне много, но будет лгать при этом.

Будь на то моя воля, я не стал бы участвовать в шабаше, который — я знал об этом — будет Шабашем Ллура. О, эта ужасная связь между нами! И жертвы, ему предназначенные!

Могу ли я быть уверенным, что не окажусь в числе этих жертв, что меня не бросят на алтарь перед... перед Золотым Окном?

На краткие мгновения Ганелон завладел моим сознанием, пытаясь связать обрывки воспоминаний, слишком быстро мелькавших в моем мозгу, чтобы их можно было выстроить в логический ряд. В итоге во мне осталось только ощущение страха — страха, отращения и безысходной, безнадежной тяги.

Но могу ли я отказаться принять участие в шабаше?!

Отказываясь, я как бы заявлю во всеуслышанье, что знаю гораздо больше, чем это положено Эдварду Бонду, об опасностях, подстерегающих Ганелона. Единственным моим оружием против них остается слабое знание, которое мне удалось воскресить в своей памяти, но и его я должен оберегать как зеницу ока. Я последую за ними. Я должен идти даже в том случае, если меня ждет алтарь.

Но что представляют собою остальные обитатели Темного Мира, облюбовавшие густые леса?! Они были вне закона, и воины Совета охотились за ними, как за дикими зверями. Плен влек за собою рабство — я хорошо помнил ужас во взгляде этих живых мертвецов, являвшихся слугами Медеи. Оставаясь Эдвардом Бондом, я думал о них с искренним сочувствием, готов был принять участие в любой акции, способной освободить их от власти Совета. Подлинный Эдвард Бонд провел рядом с ними в лесной чащобе полтора года, влившись в ряды повстанцев, стал среди них заметной фигурой. Я догадывался, как мается он сейчас на Земле, не по собственной воле расставшийся с друзь-

ями и не завершивший всех планов по их освобождению от пут, наложенных с помощью черной магии.

Не исключено, что мне придется отправиться на поиски лесных жителей. Быть может, среди них я буду чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока моя память не вернется ко мне полностью. Но когда она вернется... Тогда обуянный яростью Ганелон окажется в самой гуще своих врагов, содрогаемый от унижения и приступов бешенства. Могу ли я допустить, чтобы жители леса подверглись опасности, которую воплотит в себе лорд Ганелон, когда его память завладеет моим сознанием?! И в то же время, должен ли я подвергнуть себя такой опасности — их священной мести, непредотвратимой и скорой, поскольку их великое множество, а я один?!

Я не желал принимать участие в шабаше, но посмею ли я сказать об этом вслух? Я нигде не могу чувствовать себя в безопасности, поскольку Ганелон мог вытеснить Эдварда Бонда в любую минуту. А опасности будут подстерегать меня и в замке, и за его пределами. Я должен остерегаться и лесных жителей, и каждого из членов Совета.

Она могла исходить от бесшабашного, коварного Матолча.

От Гэста Райми, кем бы он ни был. От Эдейри или от рыжей ведьмы.

“Но скорее всего от Медеи, — подумал я. — От Медеи, которую некогда любил!”

Ближе к вечеру две девушки-рабыни принесли мне пищу и новую одежду. Я торопливо поел, переоделся в простые полотняные брюки и тунику, накинул на плечи короткий голубой плащ. Я вертел в руках маску из плотной золотистой парчи, когда одна из девушек заговорила.

— Мы проводим тебя, лорд, когда ты будешь готов.

— Я уже готов, — откликнулся я, и девушки тут же направились к выходу из комнаты. Я последовал за ними, все еще крутя в руках маску, пытаясь догадаться, какую роль ей предстояло сыграть в ближайшее время. Миновав два коридора, мы очутились в покоях Медеи. Бледно-молочный, непонятно откуда проникающий свет освещал огромную залу. В своем туго обтягивающем стан алом платье Медея была ослепительно прекрасна. На ее мраморные плечи был накинут пурпурный плащ, на мои — голубой.

Повинуясь повелительному жесту госпожи, рабыни скрылись за портьерой. Медея улыбнулась мне вымученной улыбкой; она была взволнована, если судить по ее надкушенным губам и учащенному дыханию. Казалось, она ждет неприятных известий.

— Ты готов, Ганелон?

— Не знаю, — ответил я. — Все зависит от того, что ты имеешь в виду. Ты же знаешь, я ничего не помню.

— Мы надеемся, что твоя память вернется нынешней ночью, по крайней мере значительная часть ее. Но ты не должен принимать участие в ритуале, по крайней мере до тех пор, пока не будет принесена жертва. Будет лучше для всех, если ты останешься обычным наблюдателем. Ты забыл требования ритуала, так предоставь мне и остальным членам Совета вершить его без твоего участия.

— С кем, с Матолчем?

— И Эдейри, — сказала Медея. Гэст Райми не сможет присоединиться к нам. Он давно уже не покидает замок, не покинет и на этот раз. Он стар, очень стар...

Я нахмурился.

— Куда мы идем? — спросил я как можно жестче.

— В Кэр Сапнир. Я уже говорила, что давно не приносили жертвы, с тех пор, как я отправилась на Землю, надеясь отыскать тебя. Задерживать жертвоприношение опасно.

— Чего вы ждете от меня?

Медея притронулась нежными пальчиками к моему плечу.

— Ровным счетом ничего, но до определенного момента. Когда память вернется к тебе, ты не станешь задавать подобные вопросы. А сегодня тебе остается только наблюдать за нами, не более того. Надень свою маску.

Как бы подавая мне пример, она надела небольшую черную маску, оставившую открытой нижнюю часть ее лица. Когда я проделал ту же операцию, Медея направилась к выходу, пригласив меня следовать за собою. И вновь — освещенные молочно-белым светом залы и длинные коридоры.

— Старайся держаться рядом со мною, — сказала Медея, когда мы очутились вне замка. Навстречу нам двое конюхов вели под уздцы пару тонконогих скакунов. Медея с грацией амазонки вскочила в седло передней лошади, я, но совсем не с тем проворством, уселся в седло последней.

Наступил тот предзакатный час, когда все в природе готовится ко сну. Отворились массивные ворота, за ними начиналась дорога, скрывающаяся в лесных зарослях. Торжественно-сердитый диск солнца красным щитом повис над горным краем, прикрывающим горизонт. Я погрузился в раздумья, и видимо надолго — когда я очнулся, солнце успело скрыться за хребтом. Черный полог неба прикрыл замок, на небосводе зажглись мириады огоньков. В слабом свете звезд не прикрытая маской часть лица Медеи казалась выкрашенной белилами. Но глаза, ее прекрасные глаза сверкали все тем же дивным блеском.

Из сгущавшейся тьмы до нашего слуха долетел слабый звук трубы. Затем тишину нарушил усиливающийся шорох, постепенно превратившийся в ритмичный стук копыт. Около нас замаячила человеческая фигура: стражник без маски молча смотрел в сторону раскрытых настежь ворот.

Вскоре дворик заполнили скрип ремней амуниции и мелодичное цоканье подковок, прибитых к подошвам сапог. По крайней мере три взвода воинов прошли мимо нас, следом за ними группа сбившихся в кучку девушек-рабынь. Каким-то образом я догадался, что предо мною девиственницы, которых этой ночью принесут в жертву Ллуру.

На легком быстроногом скакуне подъехал Матолч, не преминувший окинуть меня изучающим взглядом. Его желтые глаза сверкнули неприязнью. С широких плеч свисал легкий плащ.

И вот наконец крохотная фигурка Эдейри, восседающая на пони. Ее сопровождал эскорт всадников. Стало слишком темно, и я не смог разглядеть их лица.

Мы выбрались на дорогу через раскрытые ворота, так и не обмолвившись ни словом, прислушиваясь к стуку лошадиных копыт. Открытое, доступное обстрелу пространство было незначительным, и вскоре нас поглотил наступающий со всех сторон лес.

Я оглянулся назад. Огромная туча, прикрывающая южную часть неба, являлась тем самым замком, из которого мы только что выбрались.

Мы ехали шагом под тяжелыми, нависающими над самой головой ветвями. Когда мы покинули тень, отбрасываемую замком, и глаза мои привыкли к темноте, я смог разглядеть подступающие к дороге деревья. Между ними и черными стражниками сада не было ничего общего, и все-таки их очертания были непривычно дики для обитателя Земли. Не могу объяснить причину тревоги, хлынувшей на меня сверху и со всех сторон.

Около часа, а то и более, длился наш переход. Из-за наших спин поднималась в небо луна. В ее золотистом свете в долине под нами виднелась башня — темная, без окон башня, с острыми шпилями, как бы вылезшая из черной земли и черного скопления старых и кроважидных деревьев.

— Кэр Сапнир!

Мне уже приходилось бывать в этом месте. Ганелон из Темного Мира мог ориентироваться здесь с закрытыми глазами.

Кэр Сапнир. Сапнир? Изучая на Земле магию, я встречался с этим именем на страницах древних фолиантов. Старинное имя в Гасконии... Ну конечно же!

Месса святого Сапнира!

Человек, которому служили эту мессу, должен был умереть, — это я тоже помнил. Будут ли сегодня служить черную мессу лорду Ганелону?

Нет, это не было Кэр Ллуром. Каким-то образом я знал это. Кэр Ллур находился совсем в другом месте, а не в башне, предназначенной для паломников. Но сюда, в Кэр Сапнир, как и в другие храмы Темного Мира, Ллура можно вызвать, чтобы он принял участие в пиршестве. И если его вызвать на поминальный пир — он непременно явится.

Умрет ли сегодня Ганелон? Я с силой натянул поводья, заставив скакуна заплесать на месте. Воздух вокруг был наэлектризован, и я не мог понять, что послужило этому причиной. Медея, державшаяся рядом со мною, была удивительно спокойна. Эдейри всегда оставалась спокойной, при любых обстоятельствах. Что касается Матолча, то этот человек вообще был лишен нервов. И все-таки в звуках ночи было что-то тревожное, заставлявшее учащенно биться сердце.

Передо мною и членами Совета безмолвной монолитной колонной шествовали воины и группа девственниц. Казалось, воины толкали перед собою клубок из человеческих тел. Движения тех и других были монотонно-механическими, как будто они заснули при выходе из замка и до сих пор не могли проснуться. Члены Совета не сочли нужным пояснить мне, с какой целью столько девственниц вели в Кэр Сапнир. Но почему никто из них не попытался скрыться в лесу? Не напряженность ли тому виной, сгущавшаяся в темноте вокруг нас?!

Я не мог ошибиться: кто-то ждал нас в ночи.

ЛЮДИ ЛЕСА

Наш отряд уже приступил к спуску в долину, как неожиданно-пугающе в глубине леса кто-то протрубил в рог. В ту же самую секунду улюлюканье и громкие воинственные клики взорвали тишину, под неудержимым напором многих сотен тел затрепцали иссохшиеся ветки, яркие вспышки выстрелов осветили придорожные кусты. Еще одна секунда, и на дорогу вырвалась беснующаяся толпа, вознамерившаяся охватить со всех сторон колонну воинов, отсесть от нее группу девушек-рабынь. Скакун подо мною испуганно заржал и замотал головой, словно отбивался от назойливых слепней. Вглядевшись в нападающих, я ощутил физически, как бешеная злоба вновь оживает в моем сердце. Вид лесных жителей придавал новых сил притаившемуся во мне Ганелону, и он в очередной раз попытался завладеть моим разумом. Огромных усилий стоила мне победа над лордом.

Выведенный из равновесия неожиданным поворотом событий, я в то же время сознавал, что в сложившейся ситуации я могу извлечь определенную пользу.

Я наблюдал, как Медея привстала на стременах и посылала молнию за молнией в зеленых человечков из своей черной трубки, которая дергалась в ее руках после каждого выстрела. Эдейри спряталась за спины воинов и не принимала участия в разыгравшемся сражении. Ее маленькая, скрюченная, закутанная в плащ фигурка казалась ворохом тряпок, но даже в этой ее неподвижности было что-то устрашающее. Почему-то я ни секунды не сомневался, что она способна в один миг уничтожить всех нападающих, стоит ей только захотеть.

Что касается Матолча, то он давно уже покинул седло. Его брошенная на произвол судьбы лошадь, одурев от громких криков, вломила в придорожные кусты и исчезла за стволами деревьев; сам Матолч бросился в битву, как одержимый. От его неистового клича мурашки побежали по моей спине. Я догадывался, что изумрудно-зеленый плащ накинут на плечи существа, ничего не имеющего общего с человеком, — недаром лесные жители отшатывались в разные стороны, когда он прорубался сквозь их ряды к началу колонны.

Нападавшие предпринимали одну отчаянную попытку за другой, надеясь выволить из плена своих соплеменниц. Было не трудно догадаться, какая цель движет ими. Я видел также, что ни в одиночку, ни скопом не осмеливаются они нападать на членов Совета. Все их усилия были направлены только на то, чтобы смять шеренги воинов, обратить их в бегство. Но ход сражения сложился не в их пользу. Девушки-рабыни вели себя как-то странно-апатично: никто из них не предпринял попытки добежать до деревьев, где цепи рабства спали бы сами собою. Если они и обладали когда-то целенаправленной волей, то давно уже лишились ее. Они уподобились роботам, не способным на самостоятельные действия и выполняющим чужие приказы.

У лесных жителей явно отсутствовал предводитель. Когда я в этом убедился, то сразу же догадался, кто тому виною. Я, и никто иной. Видимо, Эдвард Бонд задумал и составил план операции, но не смог возглавить нападение...

Битва уже затихала, хоть воинственные клики по-прежнему раздавались со всех сторон.

Молнии Медеи не знали промаха; лишенные нервов воины стреляли, как на учении; глубокое горловое рычание Матолча действовало эффективнее любого оружия — нападавшие отшатывались от него, как от лика чумы. Правильный вывод напрашивался сам собою: как только Матолч окажется среди

своих воинов, организованный ломает хребет неорганизованному.

Ганелон советовал мне принять участие в сражении рядом с оборотнем, — неукротимый инстинкт повелевал мне биться с ним плечом к плечу. Но Эдвард Бонд думал иначе; Эдвард Бонд тоже знал, где ему следует находиться.

Я сорвал с глаз и натянул на лоб золотистую маску, затем прищипорил своего скакуна, направив в сторону Матолча. Одно то, что я восседал на лошади, давало мне преимущество над всеми участниками сражения. Я поднялся на стремянах, и гор-
танный крик Ганелона едва не разорвал мне легкие.

— Бонд! Бонд! Эдвард Бонд!

Все, в том числе и повстанцы, услышали меня. Утих на мгновение шум сражения, и каждый из облаченных в зеленые одеяния обернулся в мою сторону.

— Бонд! Эдвард Бонд! — приветствовали они своего утерянного предводителя.

Не припомню, чтобы когда-либо меня приветствовала такая масса людей. В криках нападающих я уловил отвагу и возродившуюся веру в победу. Дикий яростный вопль Матолча утонул в многоголосом приветствии лесных жителей.

Память Ганелона услужливо подсказывала, что именно мне следует предпринять. Лесные жители повергали воина за воином, не обращая внимания на собственные потери. Но только я мог спасти рабынь. Только повелительный голос Ганелона мог вывести из оцепенения живых роботов. Я еще раз прищипорил лошадь и, расшвыривая стражников, устремился к голове колонны.

— В лес! — кричал я, как одержимый. — Очнитесь и бегите что есть мочи!

Легкое волнение прошло по рядам пленниц. Все еще находясь в лунатическом состоянии, не отдавая отчета в том, что происходит вокруг них, рабыни не могли послушаться приказа члена Совета. Движения их были замедленны и неторопливы, но всем им удалось скрыться за толстоствольными деревьями, благо в сумятице боя воины не обращали на них внимания.

После этого ночное сражение потеряло всякий смысл.

Это был странный побег. Скрывавшиеся в лесной чаще рабыни не издавали ни звука, словно они бежали в глубоком вакууме. Безмолвствовали и шеренги воинов, хоть и изрядно поредевших, но еще способных оказать серьезное сопротивление. Они целились и нажимали на пусковые механизмы без каких бы то ни было эмоций, не проявляя сострадания к погибшим товарищам, не радуясь смерти врагов. Но особенно жутко было наблюдать за их лишенными жизни, неподвижными, невыра-

зительными лицами — казалось, они спят и не видят при этом снов.

Каждый раз, когда я вспоминаю это зрелище, меня бьет озноб.

Я повернул свою лошадь в сторону леса. Золотая маска едва держалась на волосах. Я сорвал ее с головы и взмахнул пару раз — лунный свет легко отражался от плотной золотистой материи.

— Уходите в лес! — закричал я. — Рассыпайтесь в стороны и следуйте за мной!

И вновь я услышал за спиною яростный вой Матолча, казалось, его дыхание достигает моего затылка. Я оглянулся через плечо, когда мой скакун в мощном прыжке преодолевал придорожную канаву. Высокая фигура оборотня в изумрудно-зеленом плаще резко вырисовывалась на фоне вороненых доспехов небольшой группы воинов, стоявших за его спиной. Я зачарованно смотрел на искаженную от ярости хищную волчью морду, на то, как он поднимал черную трубку — неизвестное мне и грозное оружие Темного Мира. Еще до того, как из трубки вырвался белый луч, я резко пригнулся к холке скакуна. Воздушная волна толкнула в спину и словно подтолкнула моего коня, ринувшего в лес.

Ветви деревьев сомкнулись над моей головой, в крошечной темноте я не видел ни зги и боялся напороться на острый сук. И тут ласковый голос произнес вполне своевременно:

— Сюда, Эдвард!

И чужая рука схватилась за мою уздечку. Я позволил лесному жителю вести себя в темноту.

Предыдущая тревожная ночь, полный приключений день, бурные события первой половины этой ночи налили мое тело свинцовой усталостью. Я задремал в седле, а когда очнулся, заря уже занималась на востоке. Я спешил, чтобы размять немного затекшие ноги. Полчаса ходьбы — и мы добрались до затерявшейся в горах долины, служившей надежным убежищем повстанцам и членам их семей, вынужденных скрываться от карательных рейдов воинов Совета.

Среди шагающих рядом со мною я не заметил ни одного раненого. Тогда я решил, что они отстали от основной группы, и только позже узнал, что луч, вырвавшийся из черной трубки, разит наповал, какой бы части живого организма он ни коснулся, и смерть всегда наступает мгновенно.

В брезжущем свете утра вход в долину казался расселиной среди скал, и трудно было догадаться, что здесь скрывается многочисленное племя. Она выглядела обычной земной долиной с разбросанными там и тут булыжниками-валунами, поросшими мхом склонами и небольшим ручейком, бегущим по

каменистому ложу. Окрашенный в розовый цвет косыми лучами восходящего солнца, только он один радовал глаз среди обилия серых красок.

Я оказался в головной части колонны, как и положено предводителю. Никто не встречал нас, казалось, мы двигались по совершенно необитаемой местности. Но не это поражало меня тогда, а тишина, необычная для такого множества собравшихся вместе людей. Потерпевшие поражение или одержавшие победу земляне вели бы себя совершенно иначе.

Дно долины было усыпано галькой и крупными камнями, поэтому, боясь оступиться, я внимательно смотрел себе под ноги. Когда мы миновали очередной поворот, идущий впереди меня повстанец остановился и дождался, когда я поравняюсь с ним, сказал, выткнув руку вправо:

— Тебя ждут!

Она оседлала высокий, наполовину вросший в землю валун. Мужская одежда: бархатная зеленая туника оставляла открытыми ее стройные голени; широкий пояс обнимал ее талию, с правого и левого бока свисало по кобуре. Густые волосы ниспадали до самых лодыжек сказочной мантией, каскадом червонного золота, переливавшимся на солнце подобно речным струям. Корона-венчик из бледно-золотых листьев скрепляла их, не позволяя падать на лицо. Она смотрела в нашу сторону и улыбалась, улыбалась мне, Эдварду Бонду.

У нее было довольно-таки очаровательное личико. Оно дышало силой и нежностью, ожиданием и строгой целомудренностью святой; красные чуть-чуть пухлые губы излучали тепло и дружелюбие. Глаза ее были одного цвета с туникой: темно-зеленые. Таких глаз я никогда не видел на Земле, разве что на цветных репродукциях артисток Голливуда.

— С благополучным возвращением, Эдвард Бонд, — приветствовала она меня мягким, нежным голосом, таким тихим, что я едва расслышал. Неужто ее соплеменники общаются между собою только шепотом, если даже сейчас она не осмелилась выразить свою радость в бурном возгласе?!

Девушка покинула валун и устремилась ко мне с легкостью дикой кошки, всю жизнь проведенной среди густых зарослей, — как оно и было, наверное, на самом деле. Она неслась в мои объятия с такой стремительностью, что пышные волосы оторвались от спины, прилегая по-прежнему только к плечам. Нетрудно было догадаться, кто предо мною, к тому же на ум пришли слова Эрту, произнесенные им в саду Медеи перед тем, как его сразил светлый луч из черной трубки: “Арле сможет убедить тебя, Эдвард. Торопись к Арле. Даже если ты Ганелон, позволь мне сопроводить тебя к Арле!” Жалкий плебей! Обращаться с

подобной наивной просьбой к лорду Ганелону! К содрогающемуся от презрения к ничтожным лесным жителям! На что он рассчитывал? Неужто надеялся завлечь Ганелона в ряды повстанцев, соблазнив члена Совета красотой своей соплеменницы?!

И вот она предо мною. Это Арле, и никто иная. Неудивительно, что ей удалось завлечь в свои сети Эдварда Бонда, вряд ли землянину удалось устоять перед чарами подобной воительницы. А что касается Ганелона...

Откуда мне было знать, что предпринял бы в подобной ситуации Ганелон?

Мне не пришлось долго мучиться над этим вопросом. Не успел я вымолвить хотя бы одно слово, продумать планы своих дальнейших действий, как Арле приблизилась ко мне вплотную, словно окружавшей меня толпы вообще не существовало. Девушка опустила руки мне на плечи и поцеловала прямо в губы.

В этом поцелуе не было ничего общего с поцелуем Меден — нет! Губы Арле были живительно-прохладными в отличие от обжигающих, горячих, повелительных губ чувственной ведьмы. И не было места отравлению страстью, наступившему, когда я держал в объятиях Медею. Было нечто девственное и чистое в этой лесной фее, чистое и естественное, отчего меня с неодолимой силой потянуло назад: на родную Землю.

Арле легко отстранилась, отступила два шага. Ее зеленые глаза встретились с моими. В них было понимание и... ожидание.

— Арле, — только и мог вымолвить я после затянувшейся паузы.

Черты феи разгладились; вопрос, готовый сорваться с ее губ, так и не был задан.

— Я беспокоилась, — сказала она с нежной улыбкой. — Они не причинили тебе вреда, Эдвард?

Обострившееся чувство опасности подсказало мне слова ответа.

— Нет, мы не успели добраться до Кэр Сапнира. Лесные жители подоспели вовремя и предотвратили жертвоприношение.

Арле приподняла полу моего разорванного в нескольких местах плаща, тонкие пальчики погладили шелковую ткань.

— Голубой плащ. — Голос девушки вновь понизился до шепота. — Именно в выкрашенные в этот цвет одеяния-обряжают предназначенных в жертву. Боги этой ночью были на нашей стороне, Эдвард! От одного вида твоего плаща мое сердце сжимается от страха, не могу смотреть на него!

Глаза Арле сверкнули. Она сорвала с моих плеч плащ, разорвала его и бросила лоскутья в ручей.

— Больше ты не будешь охотиться один, — говорила она при этом. — Я ведь предупреждала тебя, что это опасно. Но ты усмехался в ответ. Готова биться об заклад, что ты смеялся, когда воины Совета окружили тебя со всех сторон. Разве я не права?

Я кивнул, не в силах произнести ни слова, — клокочущая внутри ярость подступала к гортани, душила меня. Итак, голубой цвет является цветом предназначенных в жертву?! Вот как?! Значит, мои подозрения зиждились не на песке?! Значит, направляемый столь усердно в Кэр Сапнир, я являлся не чем иным, как приношением, слепо бредущим навстречу собственной гибели?! Матолч, конечно, знал обо всем. Представляю, как мозг оборотня смаковал этот розыгрыш. Погруженная в свои думы, никогда не откидывающая своего капюшона Эдейри, несомненно и она знала об участии, мне готовящейся.

А Медея? Уведомили ли ее?

Медея?!

Она осмелилась предать меня! Меня, Ганелона!

Открывающего врата! Избранника Ллура! Лорда Ганелона! Она посмела!

Черные молнии засверкали в моем мозгу. И тогда я решил: «Клянусь Ллуром, они заплатят за отступничество! Они будут лизать мои ступни, как шелудивые псы! И молить о пощаде!»

Ярость прорвала все шлюзы моего мозга, и от Эдварда Бонда остались лишь жалкие воспоминания. Им ли устоять под напором праведного гнева, охватившего все мое существо?! И они дрогнули, расплылись на отдельные несвязные куски, унеслись прочь подобно лоскутьям голубого плаща, избранного для жертвоприношения.

Я бешено водил глазами, окруженный облаченными в зеленые туники людьми. Как я очутился среди них? Как осмелились эти парии стоять в столь вольных и непринужденных позах? Кровь стучала в моих висках, все завертелось перед глазами. Стоит мне только совладать с собою, и я извлеку свое оружие и изрублю непокорных, подобно дровосеку, прокладывающему тропинку среди густого кустарника.

Но стоит ли торопиться?!

Во-первых, неоднократно клявшиеся друг другу в самых искренних чувствах члены Совета предали меня. Но почему, что послужило этому причиной? Они так непритворно радовались, когда вырвали меня из того мира, из чужой и неведомой Земли! Лесных жителей я смогу раскидать в любую минуту, стоит только захотеть, а сейчас необходимо обмозговать более важные проблемы. Ганелон всегда возвышался над остальными бла-

годаря своей мудрости. Лесные жители понадобятся мне для осуществления лелеемой мести. И только тогда.

Я напряг свою память. Какое неосторожное слово, какой мой поступок послужил причиной того, что члены Совета ополчились против меня. Могу поклясться, что в самом начале Медея не собиралась строить против меня козни, уж слишком рьяно изливала она свой восторг во время первой встречи. Матолч, как кажется, способен воздействовать на нее, но опять-таки, зачем это ему понадобилось? А может быть, все это задумано Эдейри или же старой ружлядью Гэстом Райми?! Но, как бы там ни было, клянусь Золотым Окном, открывающимся в храме, очень скоро все они пожалеют о своем скоропалительном и подлом решении!

— Эдвард!

Нежный и переполненный тревогой голос Арле ворвался в мое сознание, опустил на грешную почву Темного Мира. Я попытался взять себя в руки, справиться с обуревавшим меня гневом и злобой. Я взгляделся в окаймленное нимбом золотистых волос бледное лицо, в зеленые, расширенные от испуга глаза. Я вспомнил.

Рядом с девушкой стоял незнакомец. Пристальный взгляд его холодных серых глаз без труда вернул меня к действительности. Он смотрел на меня так, как будто не сомневался, что перед ним член Совета лорд Ганелон. Я же и сейчас могу поручиться, что до той поры мне ни разу не доводилось встречаться с этим человеком.

Это был плотный крепыш невысокого роста, выглядевший молодо, несмотря на тронувшую бороду седину. Лицо его было покрыто таким сильным загаром, что цветом своим напоминало коричневую темную землю. Плотное прилегающее к телу зеленое одеяние было идеальным для бега среди живых деревьев, настроенных враждебно к лесным жителям. Оценив его мощный торс и хорошо развитую мускулатуру, я осознал, что даже в схватке со мною он может оказаться достойным соперником. И во взгляде, устремленном в мою сторону, и во всей его позе сквозила неприкрытая враждебность.

Белый шрам, пересекавший правую щеку и тонкие губы, уродовал лицо и, казалось, оно навечно застыло в иронично-хитрой улыбке. Серые глаза незнакомца по-прежнему оставались холодными.

И еще я успел заметить, как лесные жители отступили назад, окружая и не сводя глаз с нашей троицы, охваченной самыми противоречивыми чувствами.

Незнакомец молниеносным движением руки отодвинул Арле к себе за спину. Невооруженный резко подался вперед, значительно сократив разделявшее нас расстояние.

— Не надо, Ллорин! — громко вскрикнула фея. — Не трогай его!

— Это Ганелон! — утрюмо проронил тот, кого девушка назвала Ллорином. Стоило ему произнести вслух мое имя, как порожденный страхом и ненавистью гул многочисленных голосов пронесся над толпой. Множество рук потянулось к поясам, сотни извлеченных из кобур пистолетов сверкнули в лучах оранжевого солнца. Я успел заметить, как побледнело лицо Арле.

Но мне ли, лорду Ганелону, пасовать перед чернью?!

— Вы все ошибаетесь, — сказал я с грустью и потер лоб рукою. — Я — Эдвард Бонд. Я во власти отравы, которой напичкали меня члены Совета. Отрава действует до сих пор.

— Какая еще отрава?

— Не знаю, — ответил я небрежно Ллорину. — По всей видимости, ее всыпали в кубок вина, который мне вручила Медея. К тому же долгое пребывание в седле утомило меня.

Подкрепляя свои слова действием, я сделал несколько неуверенных шагов в сторону валуна, прислонился к его влажной шероховатой поверхности и затряс головой как пьяный, пытающийся подобным образом добиться ясности мысли. И в то же время я держался настороже, готовый к любой неожиданности. Шум подозрения потихоньку стихал.

Нежные прохладные пальчики дотронулись до моей руки.

— Дорогой мой, — ласково проворковала Арле и резко подалась в сторону Ллорина. — Неужели ты думаешь, что я не способна отличить Эдварда Бонда от Ганелона? Ллорин, ты — глупец!

— Если б между этими двумя не было такого разительного сходства, не стоило б затевать подмену! — грубо парировал Ллорин. — У тебя не должно оставаться ни капли сомнений, Арле, ни капли.

Вновь стал нарастать шум недовольных голосов.

— Ты должна быть уверенной без остатка, Арле, — раздалось со всех сторон. — Ты не вправе ошибиться. Среди нас нет места Ганелону — он должен умереть.

В который раз зеленые глаза Арле покрылись пеленой сомнения. Отпустив мою руку, девушка опустила глаза и еле слышно вздохнула.

— Что же ты скажешь, Арле? — подстегнул я девушку. Только этого мне и не хватало, чтобы моя жизнь зависела от решения, принятого глупенькой возлюбленной Эдварда Бонда.

— Этого не может быть. — Губы Арле задрожали, казалось, она вот-вот заплачет. — Мне это подсказывает сердце, однако

и Ллорин тоже прав. Ты сам прекрасно понимаешь, Эдвард, мы не вправе рисковать.

— Если этот дьявол Ганелон окажется среди нас после того, что произошло, всем нам придет быстрый конец!

“Дьявол, — подумал я. — Дьявол Ганелон. Верно, до сих пор Ганелон люто ненавидел лесных жителей, но сейчас он охвачен другой, более сильной ненавистью к предавшим его в час, когда он пытался обрести самого себя. Лесные жители могут подождать — месть Ганелона должна выплеснуться немедленно. Сам Ганелон разрушит Кэр Сапнир, и при этом так, что об этом крушении будут передавать из уст в уста в течение многих поколений. Необходимо только утихомирить толпу, направить ее гнев в нужное русло”.

— Тут сомневаться не приходится, Ллорин прав, — сказал я с безмятежным видом. — Задача ваша нелегка, да и кто может сказать, положи руку на сердце, Эдвард я или нет. Конечно, ты, Арле, нисколько в этом не сомневаешься. — Я улыбнулся девушке. Но... и я не стал бы рисковать на вашем месте. Так пусть же Ллорин испытает меня!

— Ты согласна? — спросил Ллорин, уставившись тяжелым взглядом в лицо девушки. Но девушка еще не пришла к определенному решению. Любовь и долг боролись в ней, и она была слишком хрупка для того, чтобы вместить одновременно столь сильные чувства.

— Я... хорошо, я согласна.

Ллорин рассмеялся отрывистым смехом.

— Хитер ты, лорд Ганелон, все рассчитал! Я беседовал с Эдвардом неоднократно, но заставь я тебя сейчас вспомнить суть нашего последнего разговора, и ты поспешишь сослаться на отраву. Нет, я не стану тебя испытывать, потому что есть та, для которой все тайное становится явным. Мы отведем тебя к Фрейдис.

— Пусть Фрейдис испытает меня, если тебе угодно, — сказал я с легким нажимом и был немедленно вознагражден: Ллорин явно заколебался.

— Очень хорошо, — проронил он после непродолжительного молчания, чувствуя на себе взгляды тысяч и тысяч глаз своих соплеменников. — Если я ошибся, то готов принести свои извинения, не сходя с места. Но если твои уста лживы, я убью тебя собственноручно или предприму все возможное, чтобы это сделать. Только еще одного человека я отправил бы в ад с большим удовольствием, но, к сожалению, оборотень все еще недосыгаем для меня.

Окончив тираду, Ллорин притронулся рукой к пересекавшему щеку шраму. В то мгновение, когда он упомянул оборотня,

серые глаза его засветились, загорелись неестественно и грозно. Мне и прежде приходилось наблюдать, как ослепляет людей ненависть, но никогда еще я не сталкивался с ненавистью, подобной той, которую испытывал Ллорин к лорду Матолчу.

Ну что ж, пусть он покончит с Матолчем, если сможет. Было другое, более нежное и гладкое горло, в которое я с наслаждением вонжу свои пальцы. Чары и колдовство не спасут ведьму в алом, когда Ганелон вернется в Кэр Сапнир и сломает хребет Совета, как хрупкую веточку.

Я словно провалился в бездонную мрачную бездну, волны ослепляющей разум ярости захлестнули меня с головой. Они смыли навсегда и унесли прочь Эдварда Бонда, но оказались бессильными перед хитроумным Ганелоном.

— Как решишь, так и будет, — вымолвил я. — Веди меня к Фрейдис.

Крепыш согласно кивнул круглой головой. Мы двинулись вдоль ущелья, окруженные поспитихшей толпой. Ллорин сопровождал меня с левого бока, Арле — удивленная и встревоженная — с правого. Следом за нами шествовали рабыни, их кровоточащие ступни оставляли красные пятна на гальке и булыжниках. Чем глубже проникали мы в ущелье, тем выше и круче становились склоны нависающих над нами гор. Наконец, после очередного поворота, перед нами разверзлось черное отверстие входа в пещеру.

Мы остановились, расположившись ломаным полумесяцем неподалеку от входа. Наступила томительная тишина, прерываемая только шелестом листьев и дыханием сотен людей. Красный диск дневного светила навис над нашими головами. Из мрачной глубины пещеры раздался грубый, надтреснутый, властный голос.

— Я не сплю, — с трудом удалось разобрать мне. — В чем вы нуждаетесь на этот раз?

— Мать Фрейдис, — опередила всех Арле. — Нам удалось отбить у воинов Совета рабынь, отобранных для жертвоприношения. Они рядом с нами, но мы не в силах разбудить их.

— Направьте их ко мне!

Взгляд Ллорина, направленный на Арле, был далеко не дружеским. Он сделал шаг вперед.

— Мать Фрейдис! — позвал он.

— Я слышу тебя, Ллорин!

— Окажи нам милость, мы нуждаемся в твоей помощи. Мы привели с собою человека, называющего себя Эдвардом Бондом, но я уверен, что это Ганелон, вернувшийся оттуда, куда ты его заслала.

На этот раз голос из пещеры заставил себя ждать.

— Направьте и его ко мне, — разрешила в конце концов Фрейдис. — Но первыми, как я уже сказала, пусть пройдут в мою обитель рабыни.

Ллорин взмахнул рукой, и послушные его жесту лесные жители принялись подталкивать рабынь, направляя их ко входу в пещеру. Девушки не сопротивлялись. С потухшими, подернутыми поволокой глазами семенили они друг за другом, исчезая в черном отверстии входа.

Ллорин бросил в мою сторону косой взгляд и кивком головы указал на пещеру.

Я улыбнулся, стараясь сохранить на лице беззаботное выражение.

— Когда я выйду, мы вновь будем друзьями, как и прежде.

— Будущее в руках Фрейдис!

Я повернулся к Арле. Почему-то мне захотелось приласкать, успокоить эту глупенькую лесную фею.

— Все решит Фрейдис, но мне нечего бояться, Арле. Помни и верь мне, я не Ганелон.

Быть может в интонациях моего голоса не было той теплоты и нежности, с которыми обращался Эдвард Бонд к этой девушке. Ведь влюбленные не говорят, а воркуют, как голубки. Так или иначе, но во взгляде Арле я не прочел поддержки. Толпа лесных жителей наблюдала за нами, безмолвствуя. Мужчины держали наготове свое оружие.

Я весело рассмеялся и направился ко входу в пещеру.

Тьма преисподней поглотила меня.

ФРЕЙДИС

Может быть, кого-нибудь и удивит мое заявление, но я вошел в пещеру с ровно бьющимся сердцем, абсолютно уверенный в себе. Не успели мои глаза привыкнуть к темноте, как я увидел отблески костра на задымленных стенах. Я переступил через свою гордость во время разговора с лесными обитателями, презренными бунтовщиками, держась с ними как равный с равными, и при этом прикидывался неким Эдвардом Бондом. По этой же причине мне будет трудно говорить и с колдуньей вырождающегося племени. Может ли она представлять собою опасность лорду Ганелону? Смешно даже подумать, чтобы ее знания могли сравниться со знаниями члена Совета! Несомненно, она посвящена в тайные учения, а иначе каким образом удалось бы ей переправить лорда Ганелона в пределы параллельного мира, заменив посвященного Ллору двойником-землянином. Но нет сомнений в том, что мне без труда удастся

обмануть и ее, и всех тех, кто решится вступить в полемику с могучим лордом.

За первым же поворотом я увидел стоящую на коленях у огня старуху. Я ввел себя в заблуждение, решив, что пляшущие на стенах отблески порождены костром, — огонь горел в хрустальном блюде, и сколько я ни всматривался, не увидел ни углей, ни головешек. Фрейдис была облачена в белые одеяния, седые волосы ее, сплетенные в толстые косы, тяжелыми жгутами ниспадали вдоль спины. Я остановился, чтобы свыкнуться с обстановкой, стараясь представить, как повел бы себя, что сказал бы в эту минуту Эдвард Бонд. Словно догадавшись о моем присутствии, Фрейдис поднялась на ноги.

Она была поразительно высокого роста. Лишь немногие из обитателей Темного Мира могли смотреть мне в лицо, не вскидывая при этом головы, и теперь к их числу я со спокойной совестью мог причислить хозяйку пещеры. Широкие плечи и длинные с гладкой кожей руки Фрейдис были налиты мужской силой, преклонный возраст жрицы совершенно не сказался на легкости ее движений. И только всмотревшись в ее выцветшие, но все еще голубые глаза, я осознал, что ее жизненный путь измеряется многими и многими десятилетиями, если не веками.

— Доброе утро, Ганелон, — приветствовала меня Фрейдис гортанным и безмятежным голосом.

Я вздрогнул. Она знает, кто я такой на самом деле, и при этом не испытывает ни малейших сомнений, словно способна читать мои мысли. Но я был уверен, или почти уверен, что ни один обитатель Темного Мира не обладает подобной способностью. На какое-то время я потерял дар речи, пока меня не выручила моя врожденная гордость.

— Добрый день, старуха, — ответил я. — Я явился в твою обитель, чтобы заявить: у тебя всего лишь один шанс выжить, но он осуществится лишь в том случае, если ты полностью подчинишься мне. Ты станешь моей помощницей в очень важном деле, деле чести!

— Присаживайся, член Совета, — улыбнулась мне в лицо жрица. — Мы уже мерились силами с тобою, и тогда ты был вынужден поменять один мир на другой. Или ты соскучился по Земле, лорд Ганелон?

— Ты не способна повторить свой фокус, — засмеялся я в свою очередь, — а если и способна, то не станешь предпринимать каких-либо враждебных действий, лишь только выслушаешь меня внимательно.

Пока я говорил, Фрейдис рассматривала меня пытливым взглядом своих выцветших голубых глаз.

— Ты возжелал чего-то очень сильно, до умопомрачения, —

сказала она наконец задумчиво. — Одно то, что ты снизошел до общения с лесными жителями, что ты готов выдвинуть предо мною какие-то условия нашего союза, — вот доказательства моей правоты. Никогда не предполагала, что мне доведется столкнуться лицом к лицу с лордом Ганелоном, если при этом он не будет в цепях или же не будет охвачен бешеной, ослепляющей разум яростью, способной завести его куда угодно и к кому угодно. Ты нуждаешься в моей помощи, лорд Ганелон, и именно овладевшее тобою желание набросило на тебя цепи, сделало покорным и беспомощным.

Старуха отвернулась от меня и присела перед огнем, с удивительной грацией управляя своим большим и сильным телом.

— Присяживайся, Ганелон, — сказала она негромко. — Видимо, нам придется поторговаться. Только об одном тебя прошу: не занимай свое и мое время ложью, потому что мне не составит труда разобраться, говоришь ли ты правду или мелешь вздор. Так помни об этом, член Совета.

Я пожал плечами.

— Какая необходимость прибегать к обману в разговоре с такой, как ты? — искренне удивился я. — Мне нечего скрывать от тебя. К тому же чем правдивее я буду, тем быстрее ты проникнешься искренностью моих намерений. Но сначала ответь на вопрос, который меня мучает: куда девались рабыни? Они вошли в пещеру на моих глазах, но теперь я их не вижу.

Фрейдис кивнула головой в сторону закопченного свода.

— Я послала их внутрь горы. Им необходимо выспаться. Ты же должен знать, как тяжел сон освобождения от заклятий, лорд Ганелон.

— Нет, этого я еще не вспомнил, — ответил я, присаживаясь напротив старухи. — Я... ты потребовала, чтобы я говорил правду. Тогда слушай внимательно. Я — Ганелон. Но чуждые мне воспоминания, неотъемлемая собственность памяти Бонда, все еще живы, по-прежнему затмевают мой разум. Я влился в ряды напавших на воинов Совета, сознавая себя Эдвардом Бондом, и никем иным. Но стоило Арле упомянуть об одном факте, как Эдвард Бонд стушевался, окончательно уступив место, законное место, лорду Ганелону. Арле указала мне на цвет покрывавшего мои плечи плаща, и цвет этот — голубой! В этот плащ меня облачили члены Совета незадолго до того, как все мы направились в Кэр Сапнир. Так нужно ли мне распространяться о моем сокровенном желании, старуха?

— Отомстить членам Совета! — громче обычного ответила Фрейдис, и в ее широко раскрытых глазах отразилось разделявшее нас пламя. — Ты сказал правду, член Совета. Ты хочешь,

чтобы я помогла тебе утолить жажду мщения. Но что ты можешь предложить взамен моему племени помимо огня и меча? И почему мы должны доверять тебе, нашему заклятому врагу?

И вновь ее неподвластные времени глаза жгли меня насквозь.

— У меня только одно желание: отомстить тем, кто обрек меня на заклятие наряду с низкорожденными рабынями! Какое ваше?

— Гибель Ллура, уничтожение Совета!

Голос Фрейдис задрожал от волнения, а старое мудрое лицо засветилось, когда она произнесла эти слова.

— Да, я тоже хочу уничтожить Совет, но до конца... конца Ллура.

Не знаю по какой причине, но мой язык стал заплетаться, когда я выговаривал последнюю фразу. Быть может потому, что некогда я был соединен с Ллуrom великим и жутким ритуалом?! Это мне удалось вспомнить. Но и Ллур, и я, мы были одиноки во всей Вселенной. Мы могли бы слиться в единое целое, если бы не изменился ход событий. Сейчас, однако, я задрожал при одной мысли об этом.

— Да, Фрейдис, я хочу увидеть гибель Ллура, — должен хотеть, если намерен остаться в живых.

— Возможно, все возможно в Темном Мире. — Старуха окинула меня проницательным взглядом. — Так что же ты ждешь от меня, Ганелон?

Я заговорил лихорадочно быстро.

— Я хочу, чтобы ты заверила своих соплеменников, убедила их в том, что я — Эдвард Бонд. Подожди, выслушай меня до конца! Я в состоянии сделать для вас много больше того, что сделал бы землянин. Благодарю звезды, старуха, что я вновь обрел свою память и стал Ганелоном! Кто, кроме меня, может помочь вам? Нет, выслушай меня до конца! Твои соплеменники не могут убить меня, и ты, и я знаем об этом. Ганелон бессмертен и может умереть только на алтаре Ллура. Да, лесные жители не могут меня убить, но они способны схватить меня и держать в плену до тех пор, пока ты своими заклинаниями не отправишь меня на Землю, призвав взамен Эдварда Бонда. Но это действие будет глупым, ошибочным и бессмысленным, не принесет пользы ни тебе, ни мне...

Старуха задумалась, и я воспользовался этим, чтобы перевести дыхание.

— Все, что мог сделать Эдвард Бонд, он уже сделал. Чего же вы добились за полтора года?! Немного, не правда ли? Наступила очередь Ганелона. Есть еще кто-нибудь в обоих мирах, способный указать на уязвимое место Ллура? А где хранится

секретное оружие Матолча, как справиться с Эдейри? Все это я знаю, вернее, знал когда-то. Ты обязана вернуть мне мою память, полностью и без остатка. Затем...

Доводы мои иссякли, и я замолк, хмуро улыбаясь.

Фрейдис кивнула головой, выражая согласие. Несколько минут мы сидели молча, думая каждый о своем.

— Так что же ты хочешь от меня? — спросила Фрейдис, нарушив молчание.

— Расскажи мне прежде, что представляет собою мостик, связывающий Миры. Каким образом удалось тебе заменить меня землянином?

Фрейдис лукаво улыбнулась.

— Не торопись, лорд Ганелон, у меня тоже могут быть свои тайны. Но на часть твоего вопроса я отвечу. Как ты можешь догадаться, мы предприняли этот обмен только для того, чтобы избавиться от тебя. Ты не можешь не помнить, как свирепствовали руководимые тобою воины в наших лесах, как ненавидел ты нас только за то, что мы попытались покончить с вековым рабством. Мы — гордый народ, Ганелон, мы не позволим и далее угнетать нас. Ты прав, нам ведомо, что тебе не грозит смерть, по крайней мере от наших рук. И тогда я вспомнила о мире-близнеце, именуемом Земля. Я искала в том мире и в конце концов нашла Эдварда Бонда, твоего двойника. Немало времени пришлось уделить на поиск заклинанний, с помощью которых удалось поменять вас местами.

— Я не вижу, чтобы в итоге вы получили ощутимую пользу.

— По крайней мере мы избавились от тебя, и этим самым значительно сузили возможности Совета. Правда, теперь между нами находился землянин, и вначале мои соплеменники не слишком ему доверяли. Это понятно, ведь он так похож на тебя! Но его-то мы могли убить в любую минуту. К счастью, не было необходимости прибегать к крайней мере. Он сильный и славный человек, лорд Ганелон, не чета тебе. Мы научились доверять ему и полагаться на него во всем. Он обогатил нас новыми идеями, ознакомил с такими понятиями, как военное искусство, подготовка и организация боевых операций. Кстати, именно Эдвард Бонд задумал и спланировал нападение на членов Совета и их воинов, шествовавших в Кэр Сапнир.

— Эта вылазка не имела ни одного шанса на успех, — перебил я старуху. — Она не достигла бы цели, если б я не переметнулся на вашу сторону. Эдвард Бонд обладал лишь земным знанием, а оружие, которое он вам вручил, способно всего лишь опалить наружную сторону укрепления замка, в котором обитают члены Совета. Но мы знаем, что существуют и иные силы, редко используемые и всегда безотказные.

— Я знаю, — подтвердила Фрейдис, — да, я знаю, Ганелон. Нам ничего не оставалось, как предпринять очередную попытку. Вставший на путь свободы не должен подсчитывать предстоящие потери. К тому же Совет был ослаблен. Мы знаем, что кроме тебя никто из оставшейся четверки не способен вызвать Ллура. Разве что Гэст Райми, но и он вряд ли.

Жрица задумалась, подставив огню раскрытые ладони.

— Я догадываюсь, что ты из себя представляешь, Ганелон. Представляю, какой жар в твоей груди, — это униженная гордость испепеляет тебя изнутри. Знаю достоверно, что взлелеянная тобою месть дорога твоему сердцу. Это на одной чаше весов, а на другой... Ты посвящен Ллуру и с самого рождения являешься членом Совета, избранным среди избранных. Так почему же я должна тебе доверять?!

Я не нашел слов ответа. И тогда Фрейдис повернулась к черной от копоти стене, откинула темную занавеску, которую я до сих пор не замечал. В алькове хранился символ, древний знак, много старше первой цивилизации Темного Мира, старше самой человеческой речи.

Итак, Фрейдис была в числе немногих, кто был посвящен в тайну символа, понимал его значение. Так же, как понимал его я.

Фрейдис посмотрела на меня: во взгляде ее было ожидание. Повинуясь этому взгляду, я сделал рукою требуемый ритуалом жест, который связал нас во веки веков. Это была клятва, нарушивший которую подвергался проклятию, становился изгоем как в этом мире, так и в потустороннем. Но я без колебаний принял решение. Я говорил правду.

— Я уничтожу Совет!

— И Ллура?!

— Я уничтожу Ллура!

Крупные капли пота выступили на моем лбу: произносить такие святотатственные слова нелегко.

Фрейдис задержала занавес. Она казалась вполне удовлетворенной.

— Ты смог поколебать мои сомнения, — произнесла жрица. — Ну что же, Ганелон, странные нити, определяющие судьбы людей, плетут порою Норы. Да, судьба существует, хотя не всем смертным дано осознать это. Кстати, я не заставляла тебя поклясться в вечной любви к лесному народу.

— Я это заметил.

— Ты бы никогда не поклялся, — продолжила Фрейдис. — Но в этом нет необходимости. После того как с Советом будет покончено, после того как Ллур канет в небытие, я смогу защитить свой народ даже от такого противника, как ты, Ганелон.

И быть может нам еще предстоит сразиться в поединке. Но до этого еще далеко, а пока мы союзники. Я готова назвать тебя Эдвардом Бондом.

— Мне этого мало, — сказал я, подчеркивая каждое слово, — если маскарад состоится без зрителей.

— Никто не усомнится в истинности моего заверения, — усмехнулась Фрейдис.

Сполохи огня плясали на ее большой фигуре, на пергаментной коже лица, по которому невозможно было определить ее уходящий в глубь веков возраст.

— Я не в состоянии бороться с Советом, не вернув прежнюю память. Я должен восстановить память Ганелона. Всю без остатка.

Фрейдис покачала головой.

— Видишь ли, — медленно произнесла она. — Я не в состоянии помочь тебе в этом. Кое-что попытаемся сделать, не без этого. Но работа с ячейками мозга требует ювелирного мастерства, и непросто восстановить однажды старые воспоминания. Ты все еще не избавился от воспоминаний Эдварда Бонда?

Кивком головы я подтвердил ее догадку.

— Да, они довлеют над моим разумом, а мои собственные воспоминания фрагментарны. Например, я знаю достоверно, что в свое время был посвящен Ллуру, но совершенно не помню подробностей, с какими проходила эта процедура.

— Может быть, для тебя же лучше было бы не вспоминать об этом, — торжественным тоном произнесла Фрейдис. — Но ты прав, от тупого ножа мало толку. Так слушай же.

Неподвижным сталагмитом возвышалась она надо мной и полыхающим в хрустальной чаше огнем. Голос жрицы стал еще глубже.

— Я отправила тебя в мир, называемый Землей. Я вызвала сюда твоего двойника-землянина. Он помог нам, и Арле полюбила его, — не сразу, конечно. Даже Ллорин, доверяющий немногим, открыл сердце Эдварду Бонду.

— Кто такой Ллорин?

— Теперь он полноправный член нашего племени. Но так было не всегда. Он пришел в наш лес издалека, жил один с молодой женой в дикой чащобе. Он был отличным охотником, и немногие могли выследить добычу так, как делал это Ллорин. Но однажды, вернувшись поздним вечером домой, он нашел дверь раскрытой настежь, мертвую жену и волка с окровавленной пастью. Он вступил в схватку с матерым хищником, но не смог одолеть его. Ты видел изуродованную щеку Ллорина, все его тело также в шрамах от когтей и клыков зверя...

¹¹ - Волка? — уточнил я. — А не...

— Оборотня! — подтвердила мою догадку Фрейдис. — Ликантропа, меняющего облик Матолча. У Ллорина теперь только одна цель в жизни: отомстить Матолчу, вышибить из него звериную душу.

— Пусть забирает этого рыжего пса! — бросил я с презрением. — Пусть только пожелает, и я брошу к его ногам Матолча, предварительно разрезанного на куски.

— Арле, Ллорин и землянин составили план действий, — продолжала между тем Фрейдис. — Они поклялись приложить все усилия, чтобы в будущем в Темном Море никогда не праздновали шабашей. Эдвард Бонд познакомил их с оружием, которое применяют люди Земли. Мои соплеменники изготовили достаточное количество этого оружия, и сейчас оно хранится в Арсенале, дожидаясь начала боевых операций. Ни одного шабаша не проводилось с тех пор, как Медея с Эдейри и Матолчем отправились на поиски лорда Ганелона, и нам не на кого было нападать, разве что на Гэста Райми.

— Ты забыла про воинов Совета, Фрейдис. В отсутствие членов Совета вам легче было бы взять замок и уничтожить его защитников.

— Нам нет необходимости уничтожать всех поголовно! Не забывай, лорд Ганелон, что стражники замка вскормлены грудью наших сестер! Они одурманены Советом и творят зло, не отдавая себе в этом отчета. Но вернемся к нашей теме... Сейчас все члены Совета собрались в замке, а мы готовы к решительному бою. И если ты возглавишь колонны атакующих, то чаша весов может склониться в нашу сторону.

— У членов Совета также имеется весьма грозное оружие, — счел нужным предупредить я. — Оно мне не страшно, поскольку я бессмертен, но для лесных жителей оно смертельно. Память моя подводит меня, но мне кажется, что Эдейри способна... она может...

Я покачал головой, отчаявшись вспомнить.

— Нет, не помню.

— Каким образом можно оборвать нить жизни Ллура? — спросила напоследок Фрейдис.

— Я... быть может я и знал когда-то об этом, но сейчас не помню.

В ПРЕДЕЛАХ СВЕРХСОЗНАНИЯ

Я несся со скоростью ветра. Подо мною мелькали знакомые лица: искаженная свирепая гримаса оборотня, прикрытая кашемиром маленькая головка Эдейри, с невидимым взглядом, от

которого холод пробирал до костей, неописуемая красота Медеи, которую не дано забыть человеку, даже охваченному ненавистью. Все трое устремили на меня вопрошающие взгляды, губы Медеи и Матолча шевелились, но произносимых ими слов не дано было услышать. Внимательно я всматривался в эти лица и в конце концов осознал с удивлением, что они подлинные, из плоти и крови, а не вызванные моим воображением.

Поддерживаемый волшебными заклинаниями лесной жрицы, я перемещался в надпространстве, обиталище нематериальных духов, пронизываемый мыслями помышляющих обо мне членов Совета, ловя на себе их взгляды. Они узнали меня! Они настойчиво и неустанно задавали мне вопросы, которые я не мог расслышать.

О смерти моей помышлял Матолч в миг, когда он повернул в мою сторону свое лицо. Ненависть, испытываемая ко мне, полыхала в его желтых зрачках. Неожиданно черты лица Матолча поплыли, трансформируясь в морду оборотня. Ее заслонило лицо Медеи в ореоле черных волос. Сочно-вишневые губы предавшей меня шевелились, и я скорее прочел, как это делают глухонемые, чем услышал обращенные ко мне вопросы:

— Ганелон, где ты? Ганелон, любимый мой, где же ты? Ты должен вернуться к нам, Ганелон!

Безликая головка Эдейри возникла между мною и Медеей, и я вполне отчетливо расслышал ее замогильный тихий голос, словно порожденный эхом в пустынной местности.

— Ты должен вернуться к нам, Ганелон! Твой долг вернуться и умереть!

Бешеная ярость овладела всем моим существом, красной пеленой прикрыла от меня ненавистные лица.

Предатели, коварные убийцы, растоптавшие священную клятву членов Совета! Как осмелились они угрожать лорду Ганелону, самому могущественному из всей четверки? Кто подтолкнул их к этому шагу и почему?!

— Почему?

Напрасно мой разум метался в поисках ответа. А затем осознал, что не вижу еще одного лица. Эти трое искали меня мысленно, захлестываемые волнами страха, но почему я не вижу члена Совета Гэста Райми?

Я попробовал вызвать в своем воображении образ увядшего старца, но из этой попытки ничего не получилось. И все-таки, напрягшись до изнеможения, я вспомнил. Я вспомнил Гэста Райми, с кем Эдварду Бонду никогда не приходилось видеться. Немоощный, престарелый, рассыпающийся под тяжестью веков, стоящий над добром и злом, возвышающийся над страхом и ненавистью, самый почитаемый и мудрый из всех членов Со-

вета. Пожелай он, и я услышу ответы на все волнующие меня вопросы. Но нет такой силы во всей Вселенной, способной руководить действиями и поступками ветхого пастыря, способной причинить малейший вред ровеснику Темного Мира, ибо даже жизнь в увядшем теле теплится только благодаря его воле.

Он мог в одно мгновение оборвать нить своей жизни. Он подобен пламени свечи, отклоняющемуся в сторону, когда некто попытается схватить его. Давно уже бытие в этом мире опостылело Старейшему, он не цеплялся за жизнь и не пытался продлить ее. Предстань я перед старцем, попытайся схватить его, и он выскользнул бы из рук моих, как невесомый огонь, как вода сквозь растопыренные пальцы. Для его души безразлично, где обитать: в этом мире или в потустороннем. И если Гэст Райми сам не пожелает, то никто не сможет нарушить спокойное течение его мыслей, любое постороннее воздействие способно превратить этот истончившийся сосуд могучего разума в бесчувственное тело.

Несмотря на все старания, я не смог ни погрузиться в его мысли, ни вызвать в своем воображении подлинный образ старца. Не отзывался он и на мои страстные призывы. Остальные члены Совета продолжали звать ко мне с непонятным отчаянием: "Вернись и умри, лорд Ганелон!" Но Гэста Райми как будто вообще не существовало.

Итак, я понял, что мой смертный приговор был подписан без его участия. Но я ЗНАЛ, что мне необходимо найти его и любым способом заставить повиноваться моей воле, — его, Гэста Райми, которым никто и никогда не смел помыкать, да это и невозможно, поскольку любая сила, направленная против него, превращается в бессилие. И все-таки я должен заставить старца повиноваться мне — не было у меня другого выхода!

Все, о чем я думал, когда без особых усилий скользил над платформами и залами Кэр Ллура, увлекаемый волной прилива, зародившегося в сознании избранного Ллуrom Ганелона. Избранника того, кто ждет. Кого я навещу в один прекрасный день точно так же, как навестил сейчас.

Золотое Окно полыхало предо мною. Я знал, что это то самое окно, через которое необъятный Ллур взирает на мир, через проем которого принимает он предназначенные ему жертвы. Ллур изнемогал от голода! Даже я почувствовал всю силу мучившего его голода. Мысли Ллура настигли меня точно так же, как и мысли членов Совета, и произошло это в тот момент, когда я догадался, куда меня принесло по воле прилива, когда почувствовал за золотым окном возбужденное движение.

Сознание Ллура также уловило мое бестелесное присутствие. Он узнал своего избранника и раскрыл мне свои божественные

объятия, из которых — я ЗНАЛ — не дано вырваться.

Я услышал беззвучный вопль Медеи, растворившейся в этих пластах подсознания, подобно клубу дыма в вечерних сумерках; охваченная ужасом чародейка старалась ни о чем не думать, закрыть на замок свои мысли. Тем же ужасом был наполнен улышанный мною вой Матолча, — он также оборвался резко и внезапно. В поток мыслей Эдейри мне не удалось окунуться, потому что прикрытая капюшоном исчезла заблаговременно, как будто она вообще была лишена способности мыслить. Но я знал, что предавшие меня притаились сейчас в замке, стараясь не выдавать свое присутствие, в то время как Ллур во всех пластах сознания искал пищу, в которой ему так долго отказывали.

Часть моего сознания погрузилась в ужас, охвативший членов Совета, другая все еще помнила о Ллуре. На какое-то мгновение мне удалось вспомнить состояние экстаза, охватившее меня в час, когда я и Ллур составляли одно целое, когда тревога и сладкая истома сжимали мне сердце, когда упоение неограниченной властью над всеми обитателями Темного Мира кружило мне голову.

Все бы подчинилось мне безраздельно, стоило мне только захотеть, полностью отдаться Ллuru. Только один человек в очередном поколении посвящается Ллuru, чтобы слиться с его божественным духом, вместе с ним приходить в экстаз при виде человеческих жертвоприношений, — и я, лорд Ганелон, как раз и был этим избранником. Если б только я решился полностью слиться с Ллуrom, выполнить до конца все требования ритуала! Если б я решился, если б только я осмелился!

...Вытесненный воспоминаниями гнев к членам Совета вновь овладел мною. Я не вправе расслабляться, предвкушать манящую радость слияния. К тому же я поклялся погубить Ллура. Я дал клятву над старинным Символом уничтожить и членов Совета, и заполнившего мироздание Ллура.

Медленно, рывками освобождался мой разум от обволакивающего контакта с его содрогаящимся от голода сознанием.

И в то мгновение, когда контакт полностью прервался, волна ледящего ужаса захлестнула меня. Я едва не дотронулся до НЕГО! Я едва не погрузился в нечто, в то, что не мог осознать даже наделенный сверхъестественными способностями человеческий разум. Прикосновение к нему губительно, ужасно... Ни в одном языке нет точного определения тому, чем является на самом деле Ллур. Только теперь я понял, что творилось со мною, когда воспоминания Эдварда Бонда наложились на мои собственные воспоминания. Для землянина обитать в мире, где

владычествует Ллур, — умопомрачающее наказание, делающее жизнь невыносимой... Жизнь не мила, если знать достоверно, что Ллур такая же реальность, как воздух, солнце, облака...

Я должен уничтожить его! Я вызову на единоборство нечто, именуемое Ллуром, и буду биться с ним до конца. Еще никому из наделенных разумом не доводилось сталкиваться с ним лицом к лицу — ни его жертвам, ни его избранникам. Мне предстоит это, ибо я поклялся уничтожить его.

Изнемогая и содрогаясь, выплывал я из мрачных глубин сознания Ллура. Постепенно темнота вокруг меня стала наполняться светом, навис надо мною закопченный свод пещеры. Я вернулся к огню в хрустальной чаше, встретился с голубыми глазами Фрейдис, чьи губы все еще шевелились от произносимых заклинаний.

Я возвращался к действительности, прежние воспоминания оживали во мне короткими вспышками, слишком быстрыми, чтобы я мог описать словами свои ощущения. Я вспомнил все!

Яркие картины прожитой Ганелоном жизни мелькали предо мною и навсегда оседали в моей памяти. Теперь я знал, на чем зиждилась его власть, в чем заключалась его сила, где его уязвимые места. И я восхитился его силой, врожденной гордостью. С радостным возбуждением я вновь стал Ганелоном, навсегда порвав с Эдвардом Бондом.

Остались незначительные мелочи, которые мне еще предстояло вспомнить. Слишком многое воспроизвелось в одночасье в моем мозгу, нахлынув девятым валом. Недостающие звенья воскресят попозже, и тогда я почувствую себя во всеоружии.

Рассеивалась голубая тьма. Я поглядел сквозь пламя в чистые глаза Фрейдис, улыбнулся безмятежно, проникнувшись холодной уверенностью в своих силах.

— Ты хорошо справилась со своей задачей, колдунья! — сказал я в полную силу своего голоса.

— Ты вспомнил?

— Достаточно... Да, вполне достаточно! — Я улыбнулся еще шире. — Предо мною два пути, и первый легче второго, хоть он и смертельно опасен. Но я пройду его!

— Гэст Райми? — спросила Фрейдис.

— Как ты догадалась?

— Я знаю, на что способен любой из членов Совета. Только Гэсту Райми известны все ваши тайны и возможности Ллура. Но нет смертного во всей Вселенной, способного заставить заговорить Гэста Райми.

— Я найду способ. Я могу поделиться с тобою своими ближайшими планами. Ты узнаешь обо всем точно так же, как совсем недавно узнал я. Слышала ли ты о Маске и Жезле?

Не отрывая от меня пристального взгляда, Фрейдис отрицательно покачала головой.

— Говори все, что сочтешь нужным, и тогда, быть может, я смогу тебе помочь.

Я опять рассмеялся, но на этот раз совсем по другой причине. Это было так фантастически невероятно, чтобы мы, заклятые враги, представители враждующих каст, стояли рядом и обсуждали совместные действия ради достижения одной и той же цели. И если мне удалось скрыть что-либо, то самую малость, но и Фрейдис немного удалось скрыть от меня в этот вечер.

— В покоях Медеи хранится Хрустальная Маска и Серебряный Жезл Власти, — сказал я доверительно. — Пока мне не удалось вспомнить, какая магическая сила заключена в Жезле. Но стоит мне его найти, и мои руки вспомнят! Знаю только, что обладая Жезлом, я без труда справлюсь и с Медеей, и с Матолчем. Что касается Эдейри... Кажется, именно хрустальная маска послужит мне надежной защитой при встрече с нею.

Я поперхнулся. Все-таки мне не хотелось раскрывать колдунье подлинную природу тех, кто окружал меня долгие годы.

— И Медея теперь передо мною как на ладони. Я знаю причину ее странного голода и не менее странной жажды: они доводят эту сладострастную ведьму до полного истощения. Я знаю, — тут мой голос задрожал, — почему она не убивает своих пленных, а всего лишь оглушает своими молниями.

В Темном Море мутации удивительным образом меняли физическую природу тех, кто родился самым обычным человеческим существом. Ни в одном языке Земли нет точного термина для подобных Медее, потому что там еще не рождались идентичные ей создания. Разве что жалкие приближения. Народная память зафиксировала в мифах и легендах многих и многих трансформированных порождающими мутацию силами, и называются они Вампирами.

Но в чем тайна Эдейри?! Я не мог вспомнить. А был ли посвящен в эту тайну Ганелон до того, как хозяйка пещеры отправила его на Землю?! Сейчас же я знал только одно: если Эдейри будет угрожать опасность, она непременно обнажит перед противником свое лицо.

— Фрейдис, — голос мой дрогнул, — кто такая Эдейри?

— Я никогда этого не знала! — Колдунья покачала головой из стороны в сторону, и седые косы зашевелились на ее спине. — Мне несколько раз удавалось проникать в ее мозг во время редких встреч. Мне многое доступно, лорд Ганелон, но я всегда отступала пред холодом, веющим от ее капюшона. Я не знаю, кто она такая.

Я засмеялся в который раз за этот вечер. Безудержная отвага овладела мною.

— Хватит о ней! Когда я заставлю Гэста Райми подчиниться моей воле и узнаю от него все, что необходимо узнать, мне предстоит сразиться с Ллуром. Я уничтожу его пока еще неведомым мне оружием, так стоит ли страшиться Эдейри?! Хрустальная Маска — надежная защита от нее... Пусть она предстанет предо мною любым чудовищем, каким только пожелает, лорд Ганелон не убоится ее!

— Значит, существует оружие и против Ллура?

— Меч, — ответил я после непродолжительного обдумывания. — Меч, который... Это колющее и рубящее оружие, но не совсем то, что мы понимаем под мечом. Пытаясь представить его, я словно погружаюсь в туман... Гэст Райми знает, где он находится, и я заставляю его сказать, каким образом можно овладеть мечом, чье имя Ллур!

Мне не следовало произносить вслух это имя! Пламя в хрустальной чаше заколебалось, словно черная завеса прикрыла его на какое-то мгновение. Громовое эхо прокатилось по всем ячейкам сознания и, весьма вероятно, достигло Кэр Ллура, обитатель которого зашевелился за Золотым Окном, зашевелился и выглянул наружу. Даже находясь в глубине пещеры, я почувствовал голод, навеваемый из отдаленного купола. И тогда я понял, что натворил. Ллур проснулся.

Я уставился на Фрейдис оцепеневшим взором, все еще способный наблюдать, как расширяются ее голубые глаза. Хозяйка пещеры также почувствовала не предвещавшее ничего хорошего шевеление, от которого незримая волна прокатилась по Темному Миру. Она докатилась и до замка Совета, где застигнутые врасплох Медея, Матолч и Эдейри смотрели друг на друга с тем же ужасом, от которого оцепенели я и Фрейдис.

Л л у р п р о с н у л с я !

И я разбудил его. В своем воображении я прошел по сверкающему коридору, я стоял перед Окном, за которым жил Он. Так стоит ли удивляться тому, что Ллур проснулся?!

Я задрожал от возбуждения.

— Теперь им просто необходимо что-либо предпринять! — воскликнул я радостно. — Ты добилаcь большего, чем я предполагал, воскресив мои воспоминания. Ллур проснулся и никогда еще он не был таким голодным. Истекло так много времени после последнего шабаша, и Ллур требует своей жертвы. Скажи мне, жрица, наблюдают ли твои люди сейчас за замком?

Фрейдис кивнула головой.

— Прекрасно. Тогда мы узнаем, когда предназначенных в

жертву рабов вновь поведут на шабаш. Это будет скоро. Это должно быть скоро! И Эдвард Бонд возглавит нападение на замок, когда его хозяева отправятся в Кэр Сапнир. И тогда я завладею маской и жезлом, старуха!

Мой голос звучал торжественно, словно я произносил заклинание.

— Маска и Жезл окажутся в руках Ганелона! Гэст Райми, брошенная всеми рухлядь, ответит на мои вопросы, если еще в состоянии говорить. Норы встали на нашу сторону, Фрейдис!

Фрейдис слушала меня, не произнося ни слова.

Затем подобие улыбки осветило ее лицо и, наклонившись, она протянула руку ладонью вниз вплотную к пламени. Я увидел, как огонь лижет тонкие пальцы. Не знаю, сколько мгновений это продолжалось, затем пальцы сжались, и тотчас же огонь мигнул и погас.

— Норы с нами, Ганелон! — В кромешной темноте голос жрицы звучал особенно внушительно. — Смотри, чтобы ты не вздумал предать нас, помнил о своей клятве. Или тебе придется держать ответ пред богами и мною. И клянусь богами...

Она хрипло рассмеялась.

— Клянусь богами, если ты предашь нас, мне не понадобится ничего иного, кроме моих рук, чтобы раздавить тебя.

Мне удалось разглядеть, как она подняла свои сильные руки. Ничего не скажешь, Фрейдис могучая волшебница, и я не был уверен, что смогу осилить ее в простом единоборстве, если до него дойдет дело. Ни в чем не уступала она мне, в том числе и в физической силе, и мне ничего не оставалось, как склонить голову.

— Да будет так, жрица. — Я искренне верил, что мне не придется нарушать свою клятву. Встав, я протянул к ней руку, и мы обменялись рукопожатием.

— Пошли, мои соплеменники заждались нас! — сказала Фрейдис и повела меня к выходу из пещеры.

Арле и настороженный Ллорин стояли впереди. Я остановился, уловив движение многих рук, потянувшихся к оружию. Лесных жителей явно охватила паника. Я испытывал истинное упоение от того, что внушаю этим людям такой трепетный страх, чувствуя себя господином, случайно оказавшимся в окружении готовых пресмыкаться рабов. От меня зависит их будущее, и вскоре многие из них узнают, как непомерно тяжела длань Ганелона.

За моей спиной раздался властный голос Фрейдис.

— Я выяснила, кто этот человек! Это Эдвард Бонд!

Лесные жители заулыбались: слова Фрейдис развеяли их сомнения.

Израиль-корень пробудился от зимней спячки, приосанились в ожидании моих приказов звероподобные стражники дерева судьбы. К трем Норам, властительницам судеб, обращался я с мольбою.

К Урдур, стерегущей Прошлое.

Она поведала мне шепотом всю подноготную членов Совета, об их силе и слабостях. Как на ладони предстал предо мною Матолч, припадки гнева были его самым большим недостатком, делали уязвимым для противника. Когда порыв необузданной ярости лишит оборотня вселенской хитрости, я сразу его своим неотразимым ударом. Урдур шептала мне о ведьме в алом, о более чем таинственной Эдейри, об одряхлевшем Гэсте Райми. Я узнал в одночасье все, вплоть до мелочей, о моих врагах, уверовал в то, что смогу одолеть их с помощью неких талисманов, о которых я наконец-то вспомнил.

Вердаили, повелевающая Настоящим!

Эдвард Бонд сделал все от него зависящее, на что был способен. Повстанцы продемонстрировали мне хранившееся в пещерах оружие: примитивные ружья и гранаты, начиненные удушающим газом бомбы, и в том числе несколько сосудов с самовоспламеняющимся веществом. Все это найдет применение в час схватки с рабами Совета. Но никакого толка не будет от горы железа и взрывчатки в единоборстве с членами Совета, — благо, что об этом знал только я один. Возможно, и Фрейдис.

Ллорин со своими единомышленниками готов воспользоваться жалким оружием землян, до сих пор еще неизвестным обитателям Темного Мира. И я готов был возглавить их, повести на решительный штурм замка, как только наши разведчики сообщат о приготовлениях к шабашу. Это произойдет в ближайшие часы, это должно произойти в ближайшие часы, потому что Ллур проснулся, жаждущий и алчущий взирает из-за Золотого Окна, связывающего его с мирами человеческими.

Скульд, повелевающая Будущим!

Мольба к ней была наиболее продолжительной. Я хотел, чтобы члены Совета еще до рассвета покинули замок и отправились в Кэр Сапнир. И я хотел также, чтобы повстанцы сохранили свои силы к этому часу.

Вряд ли их можно было вымуштровать лучше, чем это сделал Эдвард Бонд. Все они подчинялись жестким правилам, на которых зиждется воинская дисциплина. Каждый в совершенстве изучил свое оружие, и все они прекрасно ориентировались в лесных зарослях. С учетом всего этого мы — я, Ллорин и Арле

— составили план предстоящих действий, хоть я и не открыл все свои карты перед новоявленными союзниками.

Отряд за отрядом исчезали повстанцы за стволами деревьев, двигаясь в направлении к замку.

Я уточнил: о преждевременном нападении не могло быть и речи. Они должны были находиться вне поля зрения стражников цитадели, схорониться в густых зарослях, терпеливо дожидаясь сигнала к атаке. И когда дождутся, со всею стремительностью ринутся к двустворчатым воротам, сорвут их с петель с помощью взрывчатки и гранат.

Мне уже не казалось странным намерение Фрейдис противопоставить магии гранаты и ружья. Потому что благодаря возвращению памяти я смог понять, что Темный Мир управляется не только предписаниями волшебников и чародеев.

Для земного разума существа, подобные Матолчу и Медее, могли показаться сверхъестественными, но только не мне, обладающему памятью и жизненным опытом двух совершенно различных индивидуумов. Став самим собою, лордом Ганелоном, я сохранил возможность пользоваться воспоминаниями Эдварда Бонда, как воспользовался бы рабочим инструментом.

Я не забыл ни на йоту того, что знал о Земле. Опираясь на логику землян, я осознал многое и откинул то, что раньше принял бы как основополагающую аксиому.

Разгадка заключается в мутациях. В мозгу человека существуют области, еще никем не изученные, некогда наделявшие человека возможностями, ныне утраченными, атрофированными, подобно третьему надбровному глазу. И все-таки человеческий организм наиболее удивительное творение из плоти и крови, выпестованное природой или Создателем.

Любой хищник наделен клыками и когтями. У человека главные защитные функции возложены на серое вещество. Но также как плотоядные миллионами лет оттачивали свои клыки, точно так же шлифовался постепенно и мозг человека. Даже на Земле расплодились медиумы, телепаты, ясновидящие и им подобные. В Темном Мире мутационные процессы шли чаще и дольше, они поддерживали зыбкое равновесие, в котором не будет нужды в ближайшие миллионы лет.

Для разума, наделенного новыми возможностями, необходимы новые, необычные средства. Например, жезлы. Не будучи посвященным, я все же оказался в состоянии разобраться в их принципе действия. Земная наука опирается на незамысловатые решения: клистрон и магнето не что иное, как металлические стержни. Но даже они, снабженные энергоносителями, и при определенных условиях представляют собою могущественное оружие.

В отличие от них жезлы способны сконцентрировать огромное количество заключенной в недрах планеты электромагнитной энергии, ведь сама планета не что иное, как гигантский магнит. Что же касается того, каким образом направить сконцентрированную с помощью жезла энергию, то это не является неразрешимой задачей для тренированного мозга.

Я не знаю, происходило ли полное превращение Матолча в гока; скорее всего — нет. Многое объясняется гипнозом. У разъяренного кота спина изгибается дугой и шерсть встает дыбом, отчего он кажется чуть ли не вдвое массивнее. Кобра самым элементарным образом гипнотизирует свою добычу. Для чего?! Чтобы ослабить потенциальные возможности своей жертвы, ослабить ее волю к сопротивлению, а это так важно в любой схватке между проживающими в одной экологической нише. Так и Матолч. Скорее всего, никакого превращения в волка не происходит, но загипнотизированные им видят пред собою лесного хищника, и какая, в сущности, разница, кто вонзает в них свои клыки?!

Медея?! Все сказанное справедливо и для ведьмы в алом. Известны заболевания, для лечения которых необходимо переливание крови. Медея пила кровь, она нуждалась в ней для утоления жажды и обуревавших ее страстей. Энергия крови, питающая нервную систему, такая же реальность, как и лейкоциты, и чтобы удовлетворить свои потребности, ведьме нет необходимости прибегать к магии.

В своих знаниях о Эдейри я не был так уверен. Клочками тумана клубились смутные воспоминания в моем мозгу. Когда-то я доподлинно знал, что она представляет собою, какие ужасные леденящие душу силы таятся под ее плотным капюшоном. И они также не имели никакого отношения к магии. Хрустальная Маска защитит меня от козней Эдейри, и это было все, что я пока знал.

И Ллур — даже Ллур!

Нет, он не был богом, — в этом я был уверен. Но кем или чем он был на самом деле, я был не в силах вспомнить, ни догадаться.

Мне еще предстоит в этом разобраться, и Меч, именуемый Ллуром, должен мне помочь при встрече с необычным существом.

А пока что я должен был играть свою роль как ни в чем не бывало. Даже после заявления Фрейдис я не имел права зародить хоть искру сомнения у повстанцев. Я уже пояснял, каким образом отравы Медеи превратила меня в слабого и немощного. На нее я смогу сослаться, если мне предстоит и впредь допускать ошибки. Любопытно, что после заявления Фрейдис Ллорин без

каких бы то ни было колебаний доверился мне, в то время как Арле оказывала слабое, неуловимое сопротивление. Не думаю, чтобы она уяснила суть происходящего. А если нечто в этом роде произошло, то она явно не хотела признаться в этом даже самой себе.

И я не мог допустить, чтобы подозрение пустило ростки в ее душе.

А пока что в долине не прекращалась кипучая деятельность. Многое произошло с тех пор, как я проник сюда вместе с первыми лучами зари. Мой организм испытал такое количество эмоциональной и физической нагрузки, что любой другой человек свалился бы на неделю, но лорд Ганелон еще только вступал в битву. За то, что мы составили план нападения без каких-либо проволок, повстанцы должны быть благодарны Эдварду Бонду, и меня вполне устраивало, что конкретизация отдельных звеньев плана потребовала напряжения всех наших умственных способностей, и на выяснение отношений у нас с Арле и Ллорином попросту не было времени.

Мне удалось скрыть свое полное невежество в вопросах, не способных стать камнем преткновения для Эдварда Бонда. Неоднократно добывал я необходимые мне сведения, принимая многозначительный вид, и только изредка мне приходилось ссылаться на провалы своей памяти. В итоге даже Арле стала относиться ко мне с меньшим подозрением.

Я сознавал, что мне понадобится приложить максимум усилий, чтобы от этих подозрений не осталось и следа.

Мы встали из-за массивного стола, на котором была расстелена карта, собираясь покинуть пещеру. Неимоверная усталость навалилась на нас, и все-таки Ллорин улыбнулся мне рассеченными шрамом губами, как улыбнулся бы самому близкому человеку.

— На сей раз не должно быть осечки. — Улыбнулся я в ответ как можно доброжелательнее. — Мы победим во что бы то ни стало.

Улыбка на лице Ллорина превратилась в гримасу, его глаза засветились странным блеском.

— Помни, — процедил он сквозь зубы, — Матолч — мой!

Я обратил свой взор на карту, начерченную Эдвардом Бондом, и представил себе темно-зеленые холмы, поросшие синим лесом, журчащие ручейки с ключевой водой, стелющиеся под густыми кронами дороги и тропинки. Я притронулся к небольшой макету башни, миниатюрной копии замка Совета, чьи ворота я покинул прошлой ночью вместе с Медеей, облаченный в голубые одеяния приносимого в жертву. Жирными линиями на карте была обозначена долина, неподалеку от которой рас-

полагалась башня без окон: Кэр Сапнир, роковое место, куда пытались завлечь меня члены Совета.

На какое-то мгновение я вновь очутился на этой дороге, в крошечной темноте под мерцающими звездами, а рядом со мною гарцевала Медея в алом плаще, с мраморным лицом и черно-красными губами, с глазами, сияющими для меня. Я вспомнил жаркое излучение этого хищного тела, прильнувшего ко мне в миг, когда я держал его в своих объятиях прошлой ночью, точно так же, как держал много-много раз в прошлой жизни. Раскаленным гвоздем сверлил мой мозг один и тот же вопрос: “Медея, Медея, рыжая ведьма Колхиса, что заставило тебя предать меня?”

Резким движением руки я смахнул со стола макеты башен, ударом ноги отбросил обломки к противоположной стене пещеры.

— Нам это больше не понадобится! — заявил я решительно.

— По крайней мере, чинить не придется! — засмеялся Ллорин. — Точно так же мы разрушим и замок Совета.

Я встряхнулся, приосанился и приблизился к Арле. Она без робости смотрела на меня, и в глазах ее было ожидание.

— Нам так и не удалось поговорить наедине, — сказал я, придав голосу нежные оттенки. — Всем нам необходимо выпиться, не исключено, что уже этой ночью нас поднимут по тревоге. И все-таки у нас есть время, чтобы прогуляться немного, если ты не возражаешь.

В ответ Арле не произнесла ни слова. Затем она кивнула головой, обошла стол и взяла меня за руку. Мы направились к выходу из пещеры, спустились по вырубленным в скале ступенькам и направились вдоль долины, все еще не произнеся ни слова. Я предоставил ей право выбирать путь, и девушка уверенно вела меня вдоль ручья, с грациозностью серны перепрыгивая с валуна на валун. Пушистые волосы лесной красавицы струились туманным облачком, и мне подумалось, случайно ли Арле держала свою правую руку на кобуре с вложенным в нее пистолетом. Мне было безразлично, уверовала ли она, что перед нею истинный Эдвард Бонд, или готова удовлетвориться лордом Ганелоном. Меня совсем не интересовал ее внутренний мир, тем более, что лицо Медеи все чаще всплывало передо мною, красивое и ожесточенно-злое, неотразимо притягательное, запечатлевающееся в памяти каждого, кому довелось увидеть это лицо хоть один раз в жизни. На какой-то миг я воспылал ревностью к Эдварду Бонду, ответившему прошлой ночью на поцелуй, предназначенный лорду Ганелону.

Ну что ж, я еще успею взглянуть ей в глаза до того, как она примет смерть от моей руки.

— Эдвард! — окликнула меня Арле, вернув к действительности. Во взгляде девушки была та же настороженность, с какою смотрели на меня нынешним утром сотни повстанцев. — Скажи мне, она очень красива?

Не скрою, вопрос этот застал меня врасплох.

— О ком ты?

— Ведьма! Злая ведьма по имени Медея.

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Так вот почему держалась она так холодно в течение всего дня! Значит, она решила, что моя плебейская неловкость, неуклюжесть являются результатом лицемерия прелестей недостижимой соперницы. Рассеять ее подозрения не составит труда.

— Ни в этом мрачном мире, ни на Земле нет женщины, способной сравниться с твоей красотой, моя дорогая! — Я решительно привлек к себе девушку, все еще державшуюся настороженно.

— Когда ты будешь произносить вслух то, что лежит у тебя на сердце, Эдвард, на свете не будет человека счастливее меня. А сейчас ты так не думаешь, я это чувствую.

Я попытался протестовать, но она прижала к моим губам свои тонкие пальчики.

— Не будем больше говорить о ней. Она — колдунья. Она повелевает силами, с которыми ни ты, ни я не в состоянии бороться. Не твоя и не моя вина в том, что ты подвержен ее чарам. Посмотри, ты узнаешь это место?

Она мягко высвободилась из моих объятий и указала рукой на уходящий к горизонту ландшафт. Мы оседлали вершину небольшого холма, возвышавшегося над кронами толстоствольных деревьев. Все вокруг окрасилось в красноватый цвет лучами заходящего солнца.

— Все, что мы видели, скоро будет принадлежать нам, — произнесла убежденно Арле. — После того как мы победим ненавистный Совет, после того как канет в небытие Ллур. Мы сможем тогда выйти из-под земли и греться в лучах солнца, расчистить леса, построить города и жить так, как полагается жить людям. Это прекрасно, Эдвард! Мир, свободный от ненависти, — вот цель, ради которой мои друзья не побоялись порвать с прошлым и выступить против власти Совета. Но если мы и одержим верх, то только благодаря тебе и Фрейдис. Все мы знаем — без тебя, без знаний, которыми ты нас наделил, наше восстание обречено на бесславное поражение.

Она полуобернулась в мою сторону, и ее роскошные волосы засветились нимбом вокруг головы. Арле улыбнулась мне с такой откровенной нежностью, что у меня захватило дух. Я впервые посмотрел на нее глазами Эдварда Бонда и только

сейчас осознал, как повезло неотесанному землянину. Яркая, влекущая красота Медеи никогда не сотрется в моей памяти, я знал это доподлинно, но и эта лесная жительница полна очарования, способного опьянять и сводить с ума.

Она была рядом со мною и губы ее были полуоткрыты. Арле все еще улыбалась, нежно и застенчиво. Вновь жало ревности к Эдварду Бонду кольнуло мне прямо в сердце, и тут же я вспомнил, что я был Эдвардом Бондом. Но это лорд Ганелон неожиданно наклонился и привлек девушку в свои железные объятия. По всей видимости, Арле была непривычна к подобному обращению, так или иначе, но она предприняла попытку высвободиться, пока наши губы не слились в поцелуе.

Она была удивительно диким, застенчивым маленьким созданием. Верхом блаженства было держать ее в объятиях и целовать. По тому, как она отвечала на мои поцелуи, не трудно было догадаться, что землянин был либо дураком, либо малоискушенным в вопросах любви. Когда наши ласки кончились и мы откинулись на траве в изнеможении, я знал, к кому мне обратиться за утешением, когда коварная владелица замка поплатится за свое предательство собственной жизнью. Нет, мне не забыть Медею, но мне уже не забыть и поцелуи Арле.

На краткое мгновение она прильнула ко мне всем телом и ее невесомые волосы опутали нас обоих; я взглянул сквозь краснорозовато-золотистую паутину на окружающую нас местность, которую эта девушка в своем воображении застроила городами. Я знал, что мечта Арле никогда не сбудется.

Потому что у меня была своя мечта.

Я видел совершенно иное: как сородичи Арле строят неприступный замок здесь, на склонах этого холма; я видел, как гордый замок возвышается и над долиной, и над всеми остальными строениями. Я видел, как они, послушные приказам моих полководцев, идут в сражение ради завоевания новых земель. Я видел реющие знамена моих армий, толпы невольников на плантациях, бороздящие темные океаны планеты армады стальных кораблей.

Весь этот мир будет моей вотчиной, и Арле будет делить со мною власть, — долго, очень долго.

— Я всегда буду любить тебя, — прошептал я ей на ухо голосом землянина, но именно губы Ганелона впились в ее губы в последнем страстном поцелуе.

Вернувшись в расположение повстанцев, я попрощался с Арле и прошел в пещеру мимо стражников, неподвижными статуями застывших у арки входа. В одном из боковых ответвлений пещеры меня ожидала мягкая постель Эдварда Бонда, на которую я поспешил улечься, все еще ощущая вкус поцелуев

лесной нимфы. Думаю, что на Земле в эту ночь Эдвард Бонд не раз скрежетал зубами, видя дурные сны.

Но и мой сон нельзя назвать безмятежным. Ллур проснулся, голодный и недоумевающий, он метался в просторных покоях своего замка; холодные ищущие щупальца его нетерпеливого голода шевелились в моем мозгу. Всепроникающие щупальца ворочались в эту ночь в черепных коробках всех наделенных разумом обитателей Темного Мира. Но мне как никогда необходимо было выспаться, если я хотел выдержать предстоящее испытание.

Напряжением всех своих сил я оторнул жадные щупальца, а вместе с ними и образ доверчивой Арле. Она покинула мое сознание безропотно, чего не скажешь о Медее, не пожелавшей подчиниться моей воле. Сладострастная улыбка застыла на ее кроваво-красных губах.

В БАШНЕ ГЭСТА РАЙМИ

Стараясь не шевелиться, мы с Ллорином затаились под низко нависшей кроной подступившего к дороге дерева и пристально всматривались в очертания замка, чья громада заслоняла значительную часть усыпанного звездами неба. Десятки чадающих факелов освещали зубцы крепостной стены, не в силах разогнать ночную темноту. Это была наша ночь! Ни я, ни Ллорин ни на секунду не сомневались в этом. Напряженные и мокрые от пота, мы нетерпеливо дожидались того, что должно было начаться с минуты на минуту.

Вокруг нас в лесной чаще сосредотачивалась армия лесного народа, готовая ринуться на приступ по первому сигналу. Ллорину удалось подтянуть значительные силы. Тусклый свет звезд отражался порой от гладких стволов ружей, и я знал, что повстанцы решили в эту ночь или победить, или умереть.

Не исключено, что большинство уверовавших в победу останется здесь навсегда.

Мне была безразлична их судьба. Они надеялись захватить замок и справиться с его защитниками только с помощью своего допотопного оружия. И только я знал, какую роль им предстоит сыграть еще до рассвета. Пока они отвлекут на себя всех защитников замка, я проникну во внутренние покои и отыщу таинственное оружие, с помощью которого одолею предавших меня членов Совета. Пока та и другая стороны будут палить друг в друга, я успею проникнуть в покои Гэста Райми и вывести от него все, что мне необходимо узнать.

Что произойдет вслед за этим — мне безразлично. Если тысяча лесных жителей ляжет костями на гранитных плитах

двора и в переходах замка, значит, так тому и быть. На мой век рабов хватит, лишь бы поскорее настал мой час.

Не было в мире силы, способной остановить меня. Норы бились на моей стороне — стоило ли задумываться о возможном поражении?!

В замке явно никто не спал. Ночная тишина вздрагивала от громких гортанных команд, цокота копыт и ржання множества лошадей. Освещаемые призрачным светом факелов, маячили на крепостной стене бесформенные фигуры часовых. Затем на темном участке неба появилась розовая полоска, постепенно расширяющаяся и в конце концов принявшая форму правильного квадрата, — это с тягучим скрипом раскрылись окованные железом створы ворот, из которых не замедлила выехать на дорогу группа всадников. До моего слуха донеслось мелодичное позвякивание цепей, и тотчас же Ллорин подтвердил мне мою догадку: члены Совета велели приковать предназначенных в жертву Ллору девушек к седлам всадников, чтобы никакие голоса сирен не заманили в лес ведомых к алтарю. Я непроизвольно пожал плечами. Пусть себе идут на смерть, если так предопределено. Пока Ллур существует, его следует кормить. И это будет справедливо, если пищей ему послужат эти девушки. а не лорд Ганелон, баловень Нор. Долго мы наблюдали как длинная колонна людей двигалась по темной дороге в направлении Золотого Окна, и только звон стальных цепей сопровождал безмолвное шествие.

А вот и Матолч — впереди всех на могучем коне. Я узнал его хищную фигуру под коротким плащом. Я узнал бы оборотня в любом случае, поскольку лежавший рядом со мною Ллорин едва не вскочил на ноги и не бросился на дорогу. Втягивая носом воздух, он с трудом сдерживал рвущийся из груди крик, и все-таки в голосе его была неприкрытая угроза, когда он прошептал мне на ухо:

— Помни, Матолч — мой!

Следом поехала Эдейри, скорчившаяся, с головы до ног закутанная в плотную материю, и холодом повеяло от ее капюшона.

А вот и Медея!

Я закрыл глаза и открыл их тогда, когда ее алое платье должно было растаять в чернильной темноте. В мозгу все перепуталось, смешалось в хаотическом беспорядке, и я вознамерился отступить от тщательно отработанного и согласованного плана нападения на замок. Прихоть это или безрассудство, но я пытался противиться возникшему во мне желанию.

Не знаю, приходилось ли мне наблюдать за жертвоприношением в Кэр Сапнире, по крайней мере ничего подобного я не

помню. Такое белое пятно в моей памяти грозило мне неприятностями, и притом немалыми. Пока память Ганелона не воскресит до малейших деталей всю церемонию шабаша, пока лорд не увидит, каким образом принимает Ллур через Золотое Окно приношения, он не может рассчитывать на победу над Советом и Ллуrom. Это был провал в моей памяти, и его необходимо заполнить. Не исключено также, что все объяснялось обычным любопытством. Или же я отзывался на зов Ллура.

— Ллорин, подожди меня здесь, — бросил я через плечо. — Мы должны удостовериться, что процессия вошла в Кэр Сапнир и шабаш начался. Не будучи уверен, я не хочу начинать атаку. Подожди здесь.

Ллорин попытался задержать меня, но я скрылся в темноте раньше, чем он успел заговорить. Выбравшись на дорогу, я устремился вслед процессии к долине, торопясь успеть к началу мессы в Кэр Сапнире, их черной мессы. Я бежал, и мне казалось, что неповторимый запах тела Медеи заполнил окрестности; я вдыхал запах ведьмы и задыхался от страсти, ненависти и любви к ней.

— Она умрет первой! — пообещал я самому себе.

Я догнал хвост колонны, когда голова ее уже втягивалась в черный зев башни. Выровняв дыхание и стараясь оставаться незамеченным, я наблюдал, как проходили один за другим в Кэр Сапнир участники процессии, словно поглощаясь крошечной темнотой. Еще несколько мгновений, и тяжелые ворота закрылись с гулким грохотом.

Что-то всколыхнулось в моем подсознании, заставило свернуть налево, обойти высокую стену. Я послушно повиновался требованию инстинкта и, словно лунатик, двинулся к цели, о которой не имел никакого представления. Все тот же инстинкт подвел меня к выступу в стене, заставил опустить ладонь на его поверхность. Она была шершавой на ощупь, с выбоинами и углублениями. Первыми вспомнили мои пальцы — они начали скользить вдоль борозд, в то время как я не переставал удивляться: зачем мне это нужно?

Легкий нажим, и массивный камень поплыл под моей ладонью. Выступ являлся основным элементом хитроумной системы, выполняющей функции ключа не совсем обычной двери, или же рычагом, сдвигающим плиту, прикрывающую проем в стене. Так или иначе, но громадный каменный блок отодвинулся в сторону, явив зев прохода, и я из черной ночи вступил в чернильную темноту туннеля. Мои ноги вели меня — они ЗНАЛИ этот проход в каменной кладке.

Предо мною возникла лестница, но мои ноги были готовы к встрече со ступеньками, и я не споткнулся. Мне было крайне

интересно двигаться вслепую под низко нависшим сводом, не зная и не догадываясь, где окажусь в итоге. Казалось, я взбирался по лестнице целую вечность.

Ллур находился где-то рядом. Я чувствовал его присутствие, оно давило на мой мозг, во много раз усиливаясь из-за узкого пространства в этом гранитном мешке, ударяя по перепонкам ушей раскатами грома. Что-то во мне завибрировало в ответ, сладостная истома охватила меня, и только огромным напряжением воли я справился с нею.

Завещанная предками церемония больше не связывала меня с Ллуrom. Порвав с прошлым, мог ли я считаться избранником Ллура?! И все-таки при мысли о жертвах, прошествовавших безропотно в раскрытые ворота Кэр Сапнира, готовых склониться над алтарем, подставляя горло остроотточенному лезвию обсидианового ножа, что-то начинало дрожать во мне, и я окунался в состояние, сходное с экстазом. Помнит ли обо мне в этот миг Медея и остальные члены Совета, все те, кто собирался принести меня в жертву прошлой ночью?

Лестница кончилась, и мои ноги перестали двигаться. Трудно было что-либо разглядеть в этой темноте, но я знал, что передо мною стена, которую следует ощупать, найти слегка выступающий блок и затем изо всех сил нажать на него. И когда я проделал все это, значительная часть темноты скользнула в сторону, позволив мне вести наблюдение за начавшимся шабашем.

Кэр Сапнир — фантастический сад, сад из могучих колонн, устремившихся ввысь и теряющихся в бесконечной темноте. И вдруг над головой заструился свет, источник которого находился слишком высоко, чтобы я мог его разглядеть. Сердце мое затрепыхалось и остановилось на мгновение, лишь только я догадался, что розовое свечение исходит из Золотого Окна.

Память вернулась ко мне! Да, это Окно Ллура. Окно жертвоприношений. Я был не в состоянии разглядеть его, но подхлестнутое памятью воображение услужливо нарисовало мне его формы. Изначально светилось это окно в Кэр Ллуре, и изначально далеко за ним, в бесконечности, обитал сам Ллур. Над Кэр Сапниром и другими святилищами Темного Мира, где приносились жертвы, высились не более чем копии Золотого Окна. Они исходили светом лишь тогда, когда являвшийся из тьмы Ллур проходил сквозь них, единственный во всей Вселенной, кто мог сделать это.

В глубине небосвода голодный и разъяренный Ллур купался в золотом свечении, словно в лучах солнца, явившегося среди ночи осветить шпили храма. Я все еще не мог вспомнить, где именно находится Окно Сапнира и какой оно формы. Но я

признал этот золотистый свет всеми фибрами своей души, и когда я смотрел, как он становится все ярче и ярче, словно пытаюсь подпалить колонны храма, все внутри меня дрожало от восторга.

Далеко внизу я увидел ненавистных членов Совета; их крохотные фигурки можно было различить только благодаря расцветке их плащей: Матолч в зеленом, Эдейри в желтом и Медея в алом. За их спинами расположились стражники. Рабынь уже не было видно, кроме одной из них, слепо двигавшейся среди колонн. Я опоздал и не увидел, в какую сторону они все направились, но не трудно было догадаться, где должна была оборваться их жизненная нить. Зев Окна распахнулся в ожидании жертвы, и рано или поздно поглотит всех доставленных сюда рабынь.

Когда ниспадающий сверху Свет стал ярче, мне удалось разглядеть расположенный перед членами Совета массивный алтарь в форме чаши — черный на черном помосте. Над ним провисал огромный желоб. Я проследил взглядом вдоль желоба — он брал начало от освещенного Окна и кончался у аспидно-черного помоста. И вновь внутри меня что-то задрожало и завибрировало, подсказывая, для чего предназначены и желоб, и чаша. Я оперся о стену, дрожа как эпилептик от напряжения и возбуждения, которое частично было моим, а частично Его, купающегося в солнечном Свете.

Моего слуха достигло тихое мелодичное пение. Не трудно было узнать голос Медеи, чистый, звенящий серебром — тоненькая ниточка звука в кромешной темноте и абсолютной тишине. Голос рвался ввысь, дрожа среди глыб холодного камня.

Затянувшееся ожидание становилось невыносимым. Члены Совета и их свита все еще не двигались с места, — задрав головы, наблюдали они за сполохами негаснущего сияния. Голос Медеи тянул и тянул заунывную песню.

Медленно, слишком медленно тянулось время среди мрачных колонн Сапнира, а разгневанный Ллур так и не дождался своей добычи.

И вдруг пронзительный и страшный крик раздался с высот небосвода над нашими головами. Одинокий крик. Свет тотчас же вспыхнул, как будто сам Ллур ответил подобным образом на отчаянный крик беспомощной жертвы. Что же увидела она перед собою, если даже в ее одурманенную снадобьями Медеи голову вернулось сознание?! Прекратилось пение ведьмы Колхиса, мне так и не удалось разобрать ни одного слова ее песни. Среди колонн почуствовалось какое-то движение, что-то невидимое катилось по извилистому желобу.

Неподвижным взором уставился я в громаду алтаря, в полированное дно каменной чаши.

Членов Совета можно было принять за статуи; сбившись в кучку, они ожидали чего-то.

Из желоба начала капать рубиново-черная жидкость, и я сразу же понял, что это кровь человека.

Не знаю, как долго стоял я у проема на стене, не отрывая глаз от алтаря и желоба, как часто раздавались леденящие кровь крики и сколько раз вспыхивал жадно Свет наверху и алая кровь текла по желобу в глубокую чашу алтаря. Порою я перевоплощался в Ллур, перемещался в его Золотое Окно и вместе с ним принимал в экстазе очередную жертву, а в остальное время сливался в единое целое с членами Совета, разделяя с ними радость участия в шабаше.

Наслаждение мое длилось слишком долго!

Видимо, провидение спасло меня. Какой-то внутренний голос настойчиво и властно звучал в моем мозгу, нашептывая об опасности нахождения здесь в течение столь длительного времени, о том, что я должен пребывать в эту минуту совершенно в ином месте, а не ждать окончания шабаша. Ллорин и его люди ждут меня, в то время как я подобно удаву наслаждаюсь беспомощностью жертв, не мне предназначенных.

Напряжением всех своих сил заставил я себя оторваться от лицезрения Золотого Окна, но еще несколько долгих минут простоял в темноте, выдавливая из себя последние капли экстаза от слияния с Ллуром.

Надо было спешить, быть может, я еще не опоздал безнадежно. Сколько пробудут здесь члены Совета, один час или до рассвета? Я не знал и поэтому должен был торопиться.

Вновь окунувшись в темноту, я ринулся вниз по лестнице, миновал невидимую дверь и очутился на дороге, ведущей к замку Совета. Красная луна успела пройти значительную часть небосвода, и в скором времени должна была скрыться за горизонтом. Как на крыльях неся я к Ллорину, догадываясь, какие проклятия шлет он сейчас на мою голову. Когда я подбежал к замку, притаившиеся в кустах воины задвигались и высыпали на дорогу, готовые ринуться на приступ. Я помахал рукой Ллорину, когда до него осталось не более шести метров — при этом мне было глубоко безразлично, окажусь ли я в поле зрения караульных или нет. Пусть видят меня, пусть слышат.

— Давай сигнал, — прокричал я Ллорину. — Труби атаку.

Он поднял руку, и лунный свет заиграл на полированном серебристом рожке, поднесенного к губам. Резкий звук сигнала раскололи безмолвие ночи, вернули меня окончательно к действительности.

Громкие крики, вырвавшиеся из многих тысяч глоток, раздались со всех сторон, разбудив всю округу. Я тоже кричал во всю силу легких, но мой голос тонул в этом страшном реве. Восторг битвы охватил меня, сродни тому экстазу, который я испытывал, когда делил с Ллуром неопишемое наслаждение...

Рассыпчатый треск pistolетных и ружейных выстрелов поглотил наши крики. Взрывы гранат потрясли стены цитадели, выветив с отчетливой ясностью наружные стены. Со стороны замка раздались истошные вопли, четкие команды, невнятные сигналы рожков. Несомненно, что оставшиеся без вожаков стражники были напуганы, и сейчас не знали, что им предпринять. Но я знал: скоро все вернется на круги своя. Слишком хорошо были обучены и натасканы стражники Матолчем, да и мною. К тому же у них в руках было оружие, которое придется явно не по вкусу лесным жителям.

Лишь только паника прекратится и стражники справятся с охватившим их оцепенением, битва начнется всерьез, и немало крови прольется с обеих сторон.

Было бы глупо наблюдать за всем этим из-за кустов, ждать, когда перевес окажется на той или иной стороне. В результате первых же взрывов в стене появились рваные отверстия, и я устремился к ближайшему из них, не обращая внимания на жужжащие вокруг меня пули. Норы оберегали меня этой ночью! Они оберегали и меня, и мою плоть также — я не должен проиграть. Где-то наверху, в одной из башен сидел холодный, безразличный ко всему Гэст Райми, с отрешенностью божества наблюдавший за разгоревшимся сражением. Я назначил ему свидание, хоть он даже и не догадывался об этом!

Вихрем вырвался я из отверстия, не вступая в схватку с суесящимися беспорядочно стражниками. Никто из них не узнал меня в темноте и сумятице, но по моей осанке догадались, что я не отношусь к числу лесных жителей. Они молча расступались, склоняя головы, не выдерживая моего властного взгляда. Отбрасывая в стороны замешкавшихся, я ринулся к черной громаде башни, возвышавшейся над левой половиной двора.

Внутри башня освещалась желтовато-розовым светом, источник которого был мне неизвестен. Через две ступеньки на третью взбежал я по широкой лестнице.

АРФА САТАНЫ

Замок Совета! Непривычными и странными казались мне его безлюдно огромные залы. Известные до малейшего закуточка и в то же время странно незнакомые, как будто я обозревал их сквозь туман, наложенный памятью Эдварда Бонда.

Когда я шел быстро, мне ничто не угрожало, ноги сами несли меня, куда следовало, но стоило мне поддаться колебаниям, попытаться подвергнуть контролю мои движения, как тут же останавливался в растерянности. Я шагал под сводчатыми потолками, по мозаичным полам залов и гранитным плитам переходов. Я вышагивал мимо стен, разрисованных кентаврами и сатирами, так хорошо известных Ганелону, и диких для Эдварда Бонда. Ему не приходилось встречаться с порождениями мутации, он знал о них только понаслышке, благодаря легендам, сложенным в глубокой древности обитателями Земли.

Как подсказывала мне моя память, покои Гэста Райми находились под самым шпилем башни. Там же находилась и сокровищница, в ней хранились Маска и Жезл, так же надежно, как и секрет уязвимости Ллура, захороненный в глубинах памяти Гэста Райми.

Как бы не было мне трудно, но я должен овладеть и этими предметами, и этим секретом. Да, сокровищница не могла оставаться без соответствующего надзора, поскольку там хранились вещи, с помощью которых можно было уничтожить всех членов Совета. Там же хранился и предмет, обладая которым, можно было уничтожить и меня, лорда Ганелона, — в этом отношении я ничем не отличался от других обитателей замка. Потому что ни один член Совета, ни один колдун и ни одна чародейка не в состоянии заниматься волшебством и черной магией, не создав собственного предмета, способного уничтожить своего хозяина.

Таков непреложный закон.

Во всем этом заключается тайна, о которой не время сейчас распространяться, но суть сказанного ясна, по-моему, каждому. Фольклор землян пронизан подобными мотивами: могущественные колдуны и колдуньи обязаны сконцентрировать собственную погибель в предмете, которым они не вправе обладать.

Легенды, сказания и мифы о злых и добрых героях, чьи души заключены в самые неожиданные предметы, бытуют у всех народов Земли, но причина этой кажущейся несурзности таится в реалиях Темного Мира. Об этом я могу сказать, поскольку не раскрою никакой тайны: всему должен быть баланс, всему реально существующему должен существовать свой антипод или противовес. К примеру — Земля и Темный Мир.

Если существует отрицательное, то с необходимостью наличествует и положительное, ибо все познается в сравнении. И мы, члены Совета, не могли достичь такого могущества, такой безраздельной власти, не будучи в чем-то и перед чем-то беспомощно слабыми.

Даже члены Совета не знали, в каком предмете хранится мой

слабость и как им воспользоваться, попади он им в руки. Я же был посвящен в тайну Медеи и частично в тайну Эдейри, а что касается Матолча — для того, чтобы сравниться с ним, мне достаточно сил и возможностей, заложенных с самого рождения. Гэста Райми я не брал в расчет — он никогда не обеспокоит себя объявлением враждебных действий. Он и пальцем не пошевелит даже в том случае, если ему будет грозить смертельная опасность. Бессмертный, он накопил в своей дряхлой плоти безмерную усталость от бесцельного и никчемного существования.

Но как быть с Ллуром?

Где-то покоится тщательно припрятанный меч, овладевший этим мечом окажется в состоянии в любой миг прервать нить жизни Ллура. Но решившийся овладеть волшебным клинком подвергал себя грозной опасности, потому что власть Ллура распространялась на все сущее в Темном Мире, поэтому нетрудно представить заложенное в клинке, долженствующее сыграть роль балансира. Даже простое приближение к нему может повлечь фатальный исход. А если взять клинок в руки... Но мне придется взять его в руки, так имеет ли смысл задумываться о возможных последствиях?

Я взбирался по лестнице все выше и выше.

Сюда не долетал шум битвы, но я знал, что во дворе замка по-прежнему бьются не на жизнь, а на смерть люди Ллорина и стражники — рабы Совета. Еще во время обсуждения в пещере плана ночного нападения я обговорил с повстанцами, чтобы были приняты все профилактические меры, дабы ни один стражник не прорвался в Кэр Сапнир и не всполошил участвующих в шабаше. Я не сомневался, что Ллорин выполнит мой наказ, несмотря на жгучее желание схватиться в поединке с Матолчем и сразить его собственной рукою. Но в замке находился некто, кто мог предупредить Медею, и пальцем не пошевелил при этом.

Но он никого не предупредил. Я понял это, лишь только откинул белую портьеру и проник в помещение, облюбованное Гэстом Райми. Полукруглая маленькая комната. Потолок, стены и пол — цвета слоновой кости. Окна закрыты наглухо, но Гэст Райми не нуждался в окнах, чтобы наблюдать за происходящим в любом уголке Темного Мира.

Этот странный дряхлый старик сидел чучело чучелом на подушках изъеденного древоточцами кресла; белоснежные волосы и борода Гэста Райми струились по льняным одеяниям. Лежащие на подлокотниках кресла обнаженные до плеч руки были бледными, как воск, и такими прозрачными, что мне удалось разглядеть, как течет алая кровь по взбухшим венам.

Таял воск и догорал фитиль... Пламя жизни еще мигало, но любое дуновение ветерка способно было погасить его, погрузив в вечную темноту. Передо мною сидел самый древний и мудрый из обитателей Темного Мира, и голубые глаза старца, обращенные внутрь, не видели меня.

Воспоминания хлынули на меня с неожиданностью и неотвратимостью муссонного ливня в тропиках. В свои юные годы я много узнал от Гэста Райми, и уже тогда он был стар, как заплесневевший пень. А сейчас он сдал окончательно — течение времени подточило его организм, как волны точат морскую гальку, пока от нее ничего не останется, кроме тонкой пластины, прозрачной, как мутное стекло.

Я видел, как догорает жизненный огонь Гэста Райми, оставляя холодный пепел.

Он не замечал меня. Не так-то просто вывести сознание мудреца из тех глубин, в которые оно погрузилось.

Я заговорил с ним, но он не отреагировал.

И тогда я прошел к стене, которая, как я сказал, разделяла этот этаж на две равные части. Стена была гладкой, без каких-либо признаков двери, но стоило ли этому удивляться? Я сделал несколько пасов раскрытыми ладонями, рисуя в воздухе замысловатые, но вполне определенные фигуры. Участок каменной кладки растаял передо мною, как будто его и не существовало вовсе. Я прошел в потайное помещение.

Именно здесь хранились священные предметы Совета.

Я окинул сокровищницу нетерпеливым взглядом — любопытство Эдварда Бонда превалировало над хладнокровием лорда Ганелона. Вот бинокль, янтарные линзы которого горели тусклым светом. Он покоился в овальной нише, на покрытой пепельной пылью полке. Никогда до сих пор не задумывался я над его предназначением. Знал только, что он способен убить мгновенно любое существо. Знания, приобретенные мною при продолжительном изучении земных наук, помогли мне сейчас понять принцип его действия. Волшебство тут было ни при чем, результат достигался мгновенным высвобождением заключенной в мозгу электрической энергии. И этот конический черный аппарат, он также представляет собою орудие убийства. Он оставляет от живого существа только мокрое место, действуя со скоростью электрона, движущегося в статическом поле между катодом и анодом.

Но меня мало интересовали сейчас все эти орудия убийства. Я стремился сюда ради иных сокровищ, не страшась хитроумных ловушек. Они не были предусмотрены при закладке этой башни. Да и никто, кроме членов Совета, не имел доступа

сокровищнице, не знал, где она располагается. И вообще, ни один раб, ни один стражник никогда бы не осмелился войти в покои Гэста Райми.

Мой взгляд остановился на мече, но этот меч оказался совсем не тем, который мне был нужен. Затем мне попалась на глаза арфа... Я узнал эту арфу!

Множество легенд было сложено на Земле о ее двойнике: арфе Орфея. Слагавшие легенды не ошибались, когда наделяли эту арфу способностью вызывать души людей из царства мертвых. Не знаю, кем был Орфей, скорее всего также мутантом, ибо сладкозвучные струны не поют под перстами смертных. И я еще не был готов к игре на этой арфе — пока не готов!

Была ли на Земле одна такая арфа или их было несколько?! Легенды воспевали ее поющие струны так же, как и загадочные колдовские ночи. Лира Орфея обладала сказочной силой, и чтобы не вводить смертных в соблазн, Юпитер поместил ее между мерцающих звезд. Известна арфа англичанина Гвидона, которая очаровывала души людей. И арфа Альфреда, вдохновившего воинов перед битвой с датчанами. Кто не слышал об арфе Давида, чьи струны он перебирал, играя перед Саулом?! В музыке скрыта огромная, непознанная сила. Кто сегодня воспримет серьезно утверждение, будто звуки трубы способны разрушать крепостные стены, но в древности люди из уст в уста передавали впечатления очевидца, наблюдавшего, как с помощью трубы разрушали стены Иерихона.

И в Темном Мире среди простолюдинов легенды об этой арфе оказались весьма живучи. Предки Ллорина и Арле утверждали, будто на ней играл сам сатана, будто ее струны перебирали эльфы и духи. Не совсем так, но доля истины в их утверждениях имеется. Потому что эту арфу творили с невероятной научной точностью. Она не что иное, как сотворенный руками человека механизм. Рожденная ею вибрация воздуха совпадала по фазе и частоте с мыслеволнами мозга, частично гипнотизируя, частично действуя на электромагнитное поле. Воздействие ее основывалось на постулате: мозг — это система, а любую систему можно контролировать и воздействовать на нее...

То, ради чего я явился сюда, покоилось на полке, в запечатанном цилиндрическом футляре. Сломав печать, я вынул тонкий черный стержень с удлиненной рукояткой.

Жезл Власти. Жезл, способный использовать электромагнитное поле планеты также, как и другие жезлы подобного типа, но этот Жезл не был наделен ограничителем, а поэтому мощность его была беспредельной. Взявший в руки это оружие не в последнюю очередь должен был заботиться о собственной безопасности.

В другом футляре я обнаружил Хрустальную Маску — изогнутую прозрачную пластинку, способную прикрывать лицо, оставляя только глаза, как маска домино. Именно эта маска защитит меня от таинственных чар Эдейри.

И вновь я обвел взглядом комнату и вновь не обнаружил следа меча Ллуга.

Время, мне отпущенное, истекало. Сюда не долетали звуки битвы, но она, несомненно, еще продолжалась. С минуты на минуту в замок вернутся члены Совета, и тогда я скрещу с ними свое оружие. Я уже достаточно экипирован для борьбы с ними, но к поединку с Ллугом пока не готов. А ведь не в моих правилах рисковать, если я не уверен в стопроцентном успехе.

Покинув сокровищницу, я устоял в убоженную сединой голову Гэста Райми. Каким бы ни было непредсказуемым его поведение, он знал, что мне дано право в любое время проникать в сокровищницу. И вновь он даже не пошевелился. Его мысли витали в необозримых просторах, и вернуть его на грешную землю было весьма затруднительно, ведь на любое давление со стороны он обладал идеальной защитой: готовностью умереть без сожаления.

Но у меня был ход, сродни тому, каким объявляют мат в шахматах, — от него не существует защиты.

Я вернулся в сокровищницу и вынес оттуда арфу. Установил у ног старца. Пока что в его глазах не появилось ни проблеска мысли.

Но эта арфа, способная вызвать из небытия, наделяла меня неодолимыми преимуществами.

Приглушенные закрытыми окнами в комнату доносились вопли и крики сражающихся, скрежет клинков и бряцание доспехов. Но должитель не слышал этих звуков, его мысли витали в пространстве, чьи измерения доступны только наделенным абстрактным мышлением.

Мои пальцы коснулись туго натянутых струн, вначале с неуклюжестью новичка, но затем они задвигались с нарастающей уверенностью — по мере того, как возвращались утраченные по вине Эдварда Бонда навыки.

Музыка текла широкой рекой, ее холодные, чистые хрустальные струи растекались, вспучиваясь, способные достичь снежных вершин самых высоких гор. В этой музыке угадывался рев ураганных ветров, грохот падающих скал, гул внезапных землетрясений, мощный напор наводнения, поглощающего поля и леса.

Тяжелый, как удар божественной десницы, гулкий и неземной аккорд, и передо мною разверзлось пространство между

мирами, где властвует вечная ночь космоса, безжизненная, как пустыня, на которой не остается следов.

И вслед за ним легкая игривая мелодия, напомнившая мне залитые солнцем нивы.

Гэст Райми пошевелился.

На мгновение сознание оживило его голубые глаза. Он увидел меня.

Я же увидел, как погас огонь жизни в этом дряхлом теле.

Я понял: Гэст Райми умер оттого, что я потревожил его покой, и он предпочел прервать всякий контакт с этим миром.

Я вновь тронул струны.

Гэст Райми сидел передо мною мертвый, и последняя искра жизни угасала в его мозгу.

И тогда волшебные вздохи арфы подули могучим ветром на утасяющую искру жизни возжелавшего вечного покоя.

Орфею удалось вырвать из царства Плутона свою возлюбленную Эвридику; подобно ему я опутал тенетами музыки душу Гэста Райми, не позволяя ей покинуть тело.

Вначале он бешено сопротивлялся, я чувствовал, как пытается вырваться его мозг, но арфа уже нашла ключ к этому мозгу и не позволяла ему вырваться. Цепко и неумолимо удерживала она его в лучах жизни.

Искорка заколебалась, пропала перед тем, как вспыхнуть еще ярче.

Громче запели струны. Рев волнующихся вод рвал перепонки.

Еще выше зазвучала резкая нота, чистая, как ледяной свет далекой звезды.

Музыка ткала и ткала тенета, заполнившие собою всю комнату.

Тенета зашевелились, обернулись вокруг Гэста Райми.

И вновь его глаза осветились проблесками разума. Он устал бороться. Он сдался. Ему было легче вернуться обратно к жизни, дать мне возможность расспросить его, чем бороться с поющими струнами...

Бесцветные губы над белоснежной бородой скривились в улыбке.

— Ганелон, — с трудом произнес Гэст Райми. — Ты хитер, раз решил прибегнуть к помощи арфы. Что ж поделаешь, задавай свои вопросы. А затем позволь мне уйти в мир иной. У меня нет никакого желания наблюдать из своей башни за тем, что произойдет здесь в ближайшие часы и дни. Ты мнишь себя победителем, Ганелон, и тем не менее ты тоже умрешь, — ты знаешь, будущее доступно моему взору.

Большая седая голова наклонилась, Гэст Райми прислушивался к тому, что творилось снаружи.

Сквозь закрытые окна доносились звуки выстрелов и стоны умирающих.

Жалость захлестнула меня. Исчез окутывающий Гэста Райми ореол величия. Передо мною сидел изможденный, сморщенный старик, и на какое-то мгновение я оказался во власти неодолимого желания покинуть эту комнату, дать возможность старцу вернуться в безмятежные просторы мысли. Вспомнилось, что когда-то Гэст Райми казался мне высоким, могучим человеком, хоть он и не был никогда таким на самом деле на всем протяжении моей сознательной жизни. Вспомнил, как восторженным мальчишкой сидел я у ног члена Совета, глядя с обожанием на его величественное бородатое лицо.

Возможно, тогда в его лице было больше жизни, тепла и человечности... Сейчас же оно казалось ледяной маской. Оно скорее приличествовало богу или человеку, общавшемуся с богами.

— Учитель, — выдохнул я, — прости меня!

Голубые глаза оставались по-прежнему тусклыми, и все же я почувствовал, как что-то дрогнуло в этой умирающей плоти.

— Ты назвал меня учителем? — В голосе его звучало неподдельное удивление. — Ты — лорд Ганелон? Как много воды утекло с тех пор, как ты склонялся перед кем бы то ни было!

Победа, одержанная мною, оказалась бессмысленной. Я склонил голову, сожалея о содеянном. Да, я одержал верх над Гэстом Райми, но это не принесло мне радости.

— Все наши деяния в итоге замыкаются в круг, — продолжал, не дождавшись моего ответа, старец. — Мы с тобою ближе друг другу, чем все остальные. И я, и ты — люди, а не мутанты. Я позволял Медее, Матолчу и Эдейри пользоваться своей мудростью только потому, что я — предводитель. Но, но...

Он заколебался на мгновение, а затем продолжил тем же тоном.

— Уже около двух столетий мысли мои уносятся вдаль, прочь от этого мира. Туда, где нет понятия о добре и зле, где нет и проблеска жизни, как нет ничтожных тварей, топчущих эту самую жизнь. Порою я пробуждался, чтобы дать ответ на задаваемые мне вопросы. Для меня уже ничто не имело никакого значения, мною утеряны все связи с реальной действительностью. И мне было безразлично, унесет ли смерть одним мужчиной или одной женщиной больше из этого мира.

Я не в силах был произнести ни одного слова под неотрывным взглядом голубых глаз.

— Когда во мне укоренилось убеждение, что это действи-

тельно не имеет никакого значения?! В твоих венах течет вовсе не моя кровь, и все-таки мы сродни друг другу. Я учил тебя так, как учил бы собственного сына, с единственной целью: чтобы ты исполнил свое предназначение, заменив меня со временем и возглавив Совет. А сейчас я о многом сожалею, и в первую очередь о рекомендации членам Совета в тот день, когда они вернулись с тобою из мира, называемого Земля.

— Ты велел им убить меня! — произнес я вслух то, о чем давно догадывался. Гэст Райми согласно кивнул головой.

— Что-то испугало Матолча, и Эдейри без колебаний встала на его сторону. Вдвоем они принудили Медею принять угодное им решение. Матолч твердил одно и то же: "Ганелон изменился, и это опасно для всех нас. Пусть старец заглянет в будущее и поведаст нам, какие последствия следует ожидать из-за происшедших в нем перемен". Затем они явились сюда и упростили меня дать ответ на волнующий их вопрос. Я поддался их уговорам, освободил свою мысль, пустив по ветру времени в необозримое будущее.

— И что...

— Гибель Совета, — откровенно и хладнокровно произнес Гэст Райми. — Это в том случае, если б ты остался жив. Я увидел Темный Мир в объятиях Ллура и мертвого Матолча в потаенном месте, я увидел смерть, следующую по пятам Эдейри и Медеи. Но будущие события вероятностны, их можно целенаправленно изменять... Отправленный в мир Земли, ты пребывал Ганелоном, но возвратился обратно с двойной памятью. В тебе по-прежнему пребывают остатки памяти Эдварда Бонда, и ты с успехом можешь воспользоваться ею в предстоящей борьбе. Медее следовало оставить тебя на Земле, но она любит тебя и допустила ошибку.

— Разве не она присоединилась к тем, кто возжелал моей смерти? — воскликнул я.

— А знаешь ли ты, что было у нее на уме? — спросил Гэст Райми. — Она знала, что в Кэр Сапнир во время жертвоприношения явится Ллур. А ты посвящен Ллуру! Медее знала, что в пределах владычества Ллура ты неподвластен смерти.

Старец посеял в моей душе семена сомнений. Но ведь именно Медее вела меня по дороге в Кэр Сапнир, как овцу на бойню! Если она способна убедить меня в своей невинности, так и быть, я прощу ее, но ни Матолч, ни Эдейри не избежат моей мести.

— Быть может, я прощу Медею, но с оборотнем и Эдейри у меня иные счеты. И я уже успел подарить жизнь Матолча одному лесному жителю.

Я протянул к глазам Гэста Райми Хрустальную Маску. Старец кивнул с пониманием.

— А как же Ллур?

— Я был посвящен ему, пребывая Ганелоном, — предупредил я последующие вопросы. — Теперь же, как ты сам уверяешь, у меня два мозга. Или же две памяти, даже если одна из них искусственная. И теперь я не желаю быть подданным Ллура. Ллура! На Земле я обогатил себя новыми знаниями: Л л у р н е б о г!

Склонилась седая голова, поднялась прозрачная рука и дотронулась до завитков бороды. Из-под опущенных век Гэст Райми взглянул на меня и улыбнулся.

— Значит, ты знаешь и это, я не ошибся? — проговорил он устало. — Так и быть, я поведаю тебе о том, о чем не догадывается ни один человек. Ты не первый, перебравшийся с Земли в Темный Мир, — первым был я!

Удивление мое было безгранично.

— Но при этом ты уроженец Темного Мира, я — нет, — продолжил старец. — Я плоть от плоти чистокровных землян. Прошло слишком много времени с тех пор, как я пересек границу миров, и при всем желании мне не удастся вернуться обратно, потому что я давно уже пережил положенный мне срок. Только здесь я способен поддерживать тлеющую во мне искру жизни, хотя и она давно уже не приносит мне радости. Да, я родился на чудесной планете Земля, и когда посещал Вертигем, общался с королями Уэльса. У меня был собственный замок, в Кэр Мердик, и вовсе не красное солнце вставало над этим замком! Голубое небо, изумрудные нивы Англии, серые камни алтарей друидов в дубовых лесах — все это было моей отчизной, Ганелон. Но затем я увлекся наукой, и в результате оказался здесь. Мне помогла женщина, дочь Темного Мира, и звали ее Вивиан...

— Ты родился на Земле? — более глупого вопроса я не мог задать.

— Да, поверь мне. Текли десятилетия, я старел все больше и больше, и в конце концов тоска по родине завладела каждой клеточкой моего тела. Все, чем владел и владею, отдал бы без сожаления за один глоток прохладного пряного воздуха, за дуновение ветерка, веющего с безграничных просторов моря. Юные годы — они были прекрасны. Но ничего нельзя вернуть в этой жизни. На Земле мое тело тотчас же превратилось бы в прах, и мне ничего не оставалось, как мечтать о лугах Альбиона, о моем доме, Ганелон.

Его голубые глаза покрылись дымкой воспоминаний. Голос старца окреп, и я отчетливо разбирал все сказанное им.

— Я грезил наяву о годах, прожитых в Кэр Мердике. Я вновь бродил вдоль берегов холодных рек Уэльса, наблюдая, как выпрыгивает лосось из-под старого Уска. Я вновь беседовал с Артомиусом и его отцом Утаром. Я вдыхал запахи Англии в период ее молодости. Но все это были только грезы... Они не могли удовлетворить истерзанный ностальгией разум. Во имя любви, которая еще живет в моем сердце, во имя ветра, обдувающего берега древней Ирландии, я помогу тебе сейчас, Ганелон. Не думал в течение последних лет, что чья-то жизнь будет дорога мне. Но чтобы эти жалкие подобию человека вели на казнь землянина? Нет! Ты для меня сейчас человек, землянин, хоть и родился в Темном Мире, перенасыщенном радиацией.

Гэст Райми подался слегка вперед, осмотрел меня с головы до ног.

— Ты прав: Ллур — не бог. Скорее, он чудовище, и не более того. К тому же, ему начертан предел жизни. Его можно убить.

— Мечом, называемым Ллуром?

— Слушай, Ганелон, постарайся освободить свое сознание от романтической шелухи. На суеверия опирается вся мощь Ллура и Темного Мира. Они окутаны мистикой и внушают панический страх. Но за всеми этими легендами и повериями скрывается простая истина: вампир, оборотень, живые деревья, всевозможные биологические недоноски, мутанты, которым нет места на Земле. И плодом самой первой мутации был именно Ллур. В результате его рождения мир раскололся на две части, и каждый из них стал развиваться по своей вероятностной линии. Ллур стал ведущим фактором во временных процессах энтропии.

А теперь слушай меня внимательно. Когда Ллур родился, он был самым обыкновенным ребенком. Разве что только мозг его отличался от “серого вещества” других младенцев. И благодаря этому отличию в нем была заложена потенциальная возможность овладеть некими силами, чего не было дано другим поколениям, сменявшим друг друга в течение миллионов лет до нас. Из-за того, что эти возможности были заложены в нем изначально, они развивались неуправляемо и искаженно, принимая противоестественные, не свойственные божественной душе человека формы. В будущем мире, мире науки, разума и логики, его ментальные силы пришлось бы как раз ко двору. В темные времена суеверий он направил свои силы на совершенно другое. И в итоге со своими колоссальными знаниями и ментальными возможностями Ллур превратился в неопишное чудовище, становясь год от года все менее и менее похожим на человека. Каков он сейчас, впитавший в себя все знания и мудрость веков, не знает никто на свете. Нет, он не сотворил собственноручно талисман, с помощью которого его можно

уничтожить, и в то же время он беспомощен для того, кто знает о том, что поддерживает его силы. В Кэр Ллуре смонтированы и тщательно скрыты механизмы, долженствующие поддерживать определенную радиацию, ту, которая способна продлевать существование Ллура. Но часть этой радиации покидает пределы Кэр Ллура, пронизывает Темный Мир. А следствие этого, как ты догадываешься, такие мутанты, как Матолч, Эдейри, Медея...

Останови механизмы, и ты убьешь Ллура. И тогда уменьшится число мутаций до естественных размеров, запрограммированных природой. Роковая тень, нависшая над этой планетой, исчезнет навсегда.

— Так скажи мне, каким образом можно убить Ллура? — воскликнул я.

— Ты знаешь: мечом, называемым Ллур. Жизнь его связана с этим мечом так же, как и части создающих радиацию механизмов. Ллур — неподдающийся разуму симбиоз из механизмов, чистой энергии и чего-то вообще невообразимого. Да, он не создавал своего талисмана, но как и все рожденные во плоти, должен поддерживать контакт с Темным Миром. Либо умереть. Его “пуповина” — меч Ллур.

— Где этот меч?

— В Кэр Ллуре, — не задумываясь ответил Гэст Райми. — Спешу туда. У алтаря, за хрустальным стеклом. Ты помнишь?

— Помню.

— Разбей стекло, там ты и обнаружишь меч.

Старец беспомощно откинулся на спинку кресла. Глаза его закрылись, и, казалось, вот-вот порвется последняя нить, соединяющая его с этим миром. Я поспешно встал перед ним на колени, и его иссохшая рука простерлась над моей головой в благословляющем жесте.

— Странно, — прошептал он бесцветными губами, — я вновь посылаю на битву человека так же, как делал это много-много лет тому назад.

Белая голова наклонилась вперед, льняные волосы легли на белоснежный плащ.

— Ради того ветерка, который овеивал меня в Ирландии, — прошептал старик. Я открыл окно настежь, и струи свежего воздуха всколыхнули завитки волос. Ветры Темного Мира прощались по безмолвной комнате, затаились и исчезли!

На этот раз я действительно остался один.

Я покинул комнату Гэста Райми и, сбегав по ступенькам, вышел во двор.

Битва приближалась к концу. Лишь немногие из защитников остались в живых. Плотным кольцом окружили их воины

Ллорина, исходя истошными криками. Спина к спине, в угрюмом молчании, с бездумным выражением мертвых глаз стражники отбивались красными от крови мечами от наседавших на них повстанцев.

Выискивая взглядом в толпе Ллорина, я протиснулся к нему, расталкивая разгоряченные тела. Предводитель повстанцев оскалил зубы в победной улыбке.

— Наша взяла, Бонд!

— И потеряли на это слишком много времени. Этих собак следует уничтожить безжалостно и быстро! — С этими словами я выхватил меч из рук ближайшего воина. Неведомая сила стала вливаться в этот меч извне, а через рукоятку меча и в мои мышцы. Не мешкая, я врезался в гущу битвы, повстанцы поспешно уступали мне дорогу, а Ллорин громко смеялся за моей спиной до тех пор, пока я не столкнулся лицом к лицу с первым стражником. Его клинок взлетел вверх, чтобы обрушиться на мое темя, но я резким движением отстранился в сторону, и смертоносное железо скользнуло в дюйме от моего плеча. Жалом змеи метнулся мой меч к горлу стражника, и удар, словно от поражения электрическим током, пришелся по моей кисти. Крутнув для верности, я извлек меч из горла и встретился взглядом со все еще улыбающимся Ллорином, только что раздевавшимся с другим стражником.

— Убивайте их! — вскричал я. — Убивайте!

Не дожидаясь ответа, я вновь окунулся в кровавое побоище, принялся колоть и рубить солдат Медеи, как будто они были членами Совета. Лютая ненависть вскипала во мне от отсутствующего выражения бездумных глаз. Красные волны отнимающей разум злобы поглотили меня, и я ничего не замечал вокруг, не соображал, что делаю, опьяненный жадой убийств.

— Бонд! Бонд!

Туман рассеялся. Я огляделся вокруг. Ни одного стражника не осталось в живых. Истекающие кровью, изрубленные трупы на серых камнях двора. Повстанцы, тяжело дыша, вытирали клинки своих мечей.

— Ускользнул ли кто-нибудь, чтобы предупредить Матолча? — бросил я в толпу. Все еще улыбающийся Ллорин выглядел абсолютно спокойным.

— Не могу сказать ни да, ни нет, ведь в этом замке наверняка тысяча потаенных входов и выходов.

— Это плохо. — Я не стал скрывать своего раздражения. — У нас недостаточно людей, чтобы поставить часовых вокруг всего замка.

— Предупреждены они или нет, нас все равно много больше! — На этот раз улыбка Ллорина была той, которую принято

называть презрительной. — Мы точно так же уложим членов Совета, как уложили их стражников.

— Мы отправляемся в Кэр Ллур! — произнес я тоном, не допускающим возражений. И тут я увидел, как обесцветились от страха холодные серые глаза Ллорина. Он заворчал, запустив руку в густую бороду.

— Я не понимаю, зачем это надо. Лучше здесь устроить им засаду.

— Необходимо убить Ллура!

Изумление и атаквистический суеверный ужас сделали его лицо белым, как полотно.

— Убить — это?

— Я говорил с Гэстом Райми, и он научил меня, как действовать дальше.

Повстанцы теснились вокруг нас, прислушиваясь к нашему разговору и наблюдая за нами. И Ллорин дрогнул, осознав, что ему грозит потеря авторитета среди этих бесхитростных и готовых ради свободы на все людей.

— Но ведь ты ни слова не говорил об этом раньше! Клянусь богами, убить Ллура?!

И тут же приподнялся на носки, набрал в легкие воздух и принялся громким голосом отдавать приказания. Повстанцы попрятали оружие и покинули замок в поисках своих стреноженных лошадей. Через несколько минут мы уже все восседали в седлах, двигаясь в направлении Кэр Ллура.

Я поднялся на стременах и оглянулся на черную громаду замка, в одной из башен которого восседал в кресле мертвый Гэст Райми, первый из членов Совета, умерший от моей руки. Я стал его убийцей, разве что только не пронзил мечом его сердце.

Я вновь опустил в седло, дав шпоры своему скакуну. Не желая отставать, Ллорин также пришпорил своего коня. Неровной растянутой линией следовали за нами лесные жители. Преодолевая холмы и овраги, двигался наш отряд в направлении далеких гор. Следовало достичь стен Кэр Ллура до наступления рассвета, и поэтому нам надо было спешить изо всех сил...

Медея! Эдейри! Матолч! Эти три имени звучали в моих ушах так, что были готовы лопнуть барабанные перепонки. Предатели, и Медея повинна менее остальных. Разве смогли бы Эдейри и Матолч уговорить ее, если б она сама не вознамерилась принести меня в жертву?! И Эдейри и оборотень должны умереть, и они умрут, а что касается Медей, то я смогу пощадить ее, если она согласится стать моей рабыней.

Со смертью Гэста Райми я стал предводителем Совета! В башне, где хранились сокровища и обитал землянин, меня

чуть-чуть не подвела постыдная сентиментальная слабость. Я не сомневался: в этом проявилось влияние чуждого мне Эдварда Бонда. Это его воспоминания ослабили на время мою волю, размягчили в разгаре решающих событий.

Сейчас мне ни к чему было его воспоминания. К моему поясу был прикреплен Жезл Власти и Хрустальная Маска, я знал, где таится столь желанный для меня меч. Благодаря им я, лорд Ганелон, стану владыкой Темного Мира, а не какой-то пентюх Эдвард Бонд.

Я впервые задумался, что поделывает в эти минуты Эдвард Бонд. В тот миг, когда Медея несла меня сквозь Огонь Нужды в Темный Мир, в тот же самый миг Эдвард Бонд с необходимостью должен был вернуться на Землю. Представляю, какое удивление он испытал при столь внезапном перемещении. Наверняка он пытался да и сейчас пытается вернуться в Темный Мир, к своей возлюбленной Арле, но все его попытки окажутся тщетны, не окажи ему помощь Фрейдис, а ведь колдунья помогает сейчас мне, а не напичканному сентиментами Бонду.

Ему суждено прозябать на Земле, и поскольку это будет зависеть от меня, подобная замена больше не повторится. Быть может Фрейдис воистину непревзойденная чародейка, но ей ли превзойти человека, от чьей руки падет Ллур? Ответ однозначен.

Я осмотрел Ллорина с головы до ног. Глупец! Да и Арле той же породы. Только у Фрейдис хватило ума не доверять мне до конца.

Первым должен умереть самый сильный из моих врагов — Ллур. За ним последуют члены Совета. И вот тогда-то лесные жители на собственной шкуре почувствуют мою власть. Тогда они узнают, что я Ганелон, а не размазня Эдвард Бонд!

Усилив воли я выкинул из своей памяти воспоминания Эдварда Бонда. Я извлек их из глубины моего сознания, я стер их без остатка.

Будучи Ганелоном и никем другим, я сразу Ллура!

И будучи Ганелоном стану я править Темным Миром.

Править с помощью Огня и Меча!

ОГОНЬ ЖИЗНИ

Кэр Ллур высился на фоне светлеющего неба, подобно исполину, вышедшему навстречу утру.

Он был огромным и отталкивающе чужим. Он казался бесформенным, будто некий титан строил себе жилище из массивных скал, нагромождая их небрежно друг на друга. И в то же время в этой необычной архитектонике угадывался точный расчет и искусственный вкус опытного зодчего.

Две колонны, каждая высотой в пятьдесят футов, стремились вверх подобно ногам Колосса, а между ними находился вход, никем не охраняемый. И только здесь во всем Кэре можно было любоваться странным светом.

Подобно вуали из тонких металлических нитей, переливалась всеми цветами радуги невесомая завеса. Она колебалась зримо и дрожала, как будто ветер играл легкими складками нежного шелка. Пятьдесят футов высоты и двадцать футов ширины — таковы были размеры переливающейся завесы, достигающей вершин колонн. А за нею и над ней нависал Кэр, словно стесанная гора, и не верилось, что это творение рук человеческих. Он казался еще мрачнее из-за рассвеченного зарей неба. От него веяло холодом и ужасом, даже у меня перехватило дыхание, а лесные жители дрожали, как листья под резкими порывами осеннего света.

— Никто из нас и наших предков не приближался так близко к стенам Кэр Ллура, — сказал вполголоса Ллорин. — Никто из повстанцев не последует за нами дальше. Эдвард, приказывать им бессмысленно. Они ослушаются меня, разве только ты сможешь уговорить их.

— И как далеко они готовы следовать за мною? — спросил я с неприкрытой иронией, и в это время один из воинов, сохранивших самообладание, крикнул предупреждающе. Приподнявшись на стременах, он вытянул правую руку в южном направлении. Там из-за холмов тянулось облачко пыли, в котором угадывались контуры торопящихся изо всех сил всадников, чьи доспехи сверкали в лучах красного солнца.

— Значит, я был прав, и кто-то из стражников смог прорваться сквозь наши ряды, — процедил я сквозь стиснутые зубы. Гнев душил меня. — Члены Совета предупреждены!

Ллорин ухмыльнулся легкомысленно и пожал плечами.

— Не так уж их и много, чтобы ударяться в панику!

— Достаточно, чтобы задержать нас. Ллорин, ты не должен пропустить их в Кэр Ллур, даже если среди них члены Совета. Уложи всех своих людей, погибни сам, но не пропусти их в Кэр Ллур до тех пор, пока...

— Пока?

— Я не могу тебе ничего объяснить толком, слишком много времени это потребует. Я должен проникнуть в Кэр Ллур один, и сколько мне придется там пробыть, не знаю. Я должен сразиться с Ллуrom, а на это потребуется не одна минута.

— Разве это по силам одному человеку, — засомневался Ллорин. — Если б я был рядом с тобою...

— Я знаю, где хранится оружие против Ллура, и для того, чтобы воспользоваться им, мне нет нужды в помощниках. Ты

должен во что бы то ни стало сдерживать натиск стражников, а если с ними спешат сюда и члены Совета... Дай мне время, Ллорин!

— Не думаю, что это будет очень сложно! — Глаза Ллорина блеснули отвагой, от его бывлой нерешительности не осталось и следа. — Гляди!

Огибая покатый склон холма, на дорогу вынеслись три припоривающих своих скакунов всадника в зеленых одеяниях, вслед за ними неслись не менее сотни стражников.

Огибая покатый склон холма, следом за стражниками на дороге вырвалась группа всадников в зеленом одеянии. Это были жены, сестры и подруги тех, кто этой ночью штурмовал замок Совета. Лесные амазонки неслись во весь опор, размахивая мечами и ружьями. Вскоре с той стороны раздался треск частых выстрелов, и несколько всадников, упустив из рук поводья, упали по копыта лошадей.

Эдвард Бонд изготовил неплохие ружья, а лесные жители научились ими пользоваться!

Во главе преследовательниц я без труда различил две знакомые мне фигуры. Одна худенькая, с золотой гривой развевающихся волос, — Арле, возлюбленная Бонда. Рядом с нею на тонконогом белом скакуне седая женщина, чьи гигантские формы я не мог спутать ни с чьими другими даже на таком расстоянии. Подобно Валькирии неслась в битву Фрейдис!

— Наконец-то они попались нам в руки, Эдвард! — Голос Ллорина дрожал от возбуждения. — Наши сестры преследуют их по пятам, а мы ударим по ним с флангов и таким образом сотрем всех в порошок! О, боги, сделайте так, чтобы среди стражников оказался оборотень, дайте мне схлестнуться с ним в честном поединке!

— Так поспешай! — грубо сказал я. — Хватит болтовни! Скачи им навстречу и сокруши их! Хоть ляг костями, но не пропусти в Кэр членов Совета!

Понукая лошадь ударами пяток, я устремился в сторону замка. Сознавал ли Ллорин, каким опасностям подвергнет он своих соплеменников, стараясь выполнить мое поручение? Вполне возможно, что им удастся сразить Матолча и Медею, но если рядом со стражниками скачет Эдейри, и если она хоть на одну секунду обнажит свое лицо, приподняв полу капюшона...

Тогда ни мечи, ни пули не спасут лесных жителей!

Пусть их, ведь чашу весов может перевесить всего лишь одна лишняя минута! И тем лучше для меня, если ряды лесных жителей поредеют, и при этом значительно. К чему падать охваченных безумием свободолубия? А что касается Эдейри, мы еще сочтемся с нею!

Впереди высились черные колонны, за спиною раздался крики и частая ружейная пальба, но я не стал оглядываться, догадываясь, что послужило причиной переполоха. Соскочив с лошади, я устремился к колоннам и встал между ними. Передо мною возвышался Кэр — чудовищный сгусток зла, распространяющийся по всему Темному Миру.

И он был обиталищем Ллура — моего врага.

Я все еще держал в руках меч, с которым вступил в схватку со стражниками, но вряд ли он мог пригодиться мне в пределах Кэра. И все-таки перед тем, как покинуть пространство между колоннами, я убедился, что меч надежно укреплен к моему поясу.

Завеса свисала передо мною и переливалась, как снежное молоко. Я ворвался в нее не задумываясь о последствиях. На протяжении двадцати шагов было темно как в подземелье, затем забрезжил мягкий свет, но это был свет, который можно наблюдать только высоко в горах, яркий и чарующий, способный ослепить человека. Я встал как вкопанный — весь ожидание. Свет становился все ярче и ярче.

Я погружался во влажно-душную атмосферу тропиков.

Сверкающие снежинки посыпались сверху. Они падали на мое лицо и руки. Они проникали сквозь одежду, впивались разгоряченной кожей, не причиняя мне ни малейшего вреда. Наоборот, тело мое впивало с жадностью этот снежный шквал энергии, пополняя запас жизненных сил.

Я увидел впереди на белом фоне три серые тени. Две длинные и одну короткую, словно ее отбрасывал ребенок.

Я догадался, кому они принадлежат еще до того, как раздался голос Матолча.

— Убей его! Сейчас же!

И ответ Медеи.

— Нет, ему не следует умирать. Он не должен!

— Он должен умереть! — проревел Матолч, и тут же визгливый голосок Эдейри присоединился к его реву.

— Он уже успел принести нам много неприятностей, Медея, и уже поэтому должен умереть. Его можно убить только на алтаре Ллура, поскольку он посвящен Ллуру. Не забывайте об этом!

— Не следует ему умирать, — упрямо твердила Медея. — Мы обезоружим, обезвредим его, и пусть живет себе под нашим несусыпным оком.

— Каким образом? — спросила Эдейри. Вместо ответа ведьма в алом сделала шаг вперед, выступила из слепящего молочного марева.

Уже не тень, не безликая серая маска, — Медея, ведьма Колхиса, предстала передо мною. Ее темные волосы ниспадали

до колен, темные глаза смотрели на меня неотрывно. Она была само зло, изменчивая, как Лилит.

Я опустил руку на рукоять своего меча, готовый выхватить его из ножен.

Нет, я не сделал это!

Я и пальцем не мог пошевелить. Белые снежинки закружились вокруг меня в диком хороводе, облепляя с головы до ног и впитываясь в тело, чтобы оно предало меня в роковую минуту.

А я не мог шевельнуться!

Тени, большая и маленькая, зашевелились за спиной Медеи.

— Его поддерживает власть Ллура, — проворковала Эдейри, — вот в чем секрет неодолимости Ганелона. Если он совладает с твоими чарами, мы все погибли!

— Но к этому времени у него не останется никакого оружия, — откликнулась Медея, ласково улыбаясь мне.

И только теперь я проникся всей той опасностью, которая грозила мне. С какой легкостью я мог перерезать своей шпагой горло Медеи и от всей души я жалел сейчас, что не сделал это своевременно. Какие жуткие и противоестественные силы заключены в ней! Она особое творение мутации, и из-за этой особенности обитатели замка Совета называли ее не иначе как вампиром.

Я вспомнил ее жертвы, тех, кого мне довелось видеть. Стражников с ничего не выражающими глазами, рабов замка, — ма-некены, а не люди. Оживленные мертвецы, утратившие душу и жизненные силы.

Руки Медеи обвилились вокруг моей шеи, губы ее протянулись к моим.

Она держала в руке свой черный жезл. Она коснулась им моей головы, и мягкая вибрация отнюдь не неприятная, всколыхнула мою черепную коробку. Я знал, что в ее руках обычный проводник, и при виде этого пустяшного оружия безумный смех овладел мною.

Нет, волшебство здесь было ни при чем. Все дело в науке, высокоразвитой точной науке, способной служить лишь тем, кто изучил ее основательно, как это сделали мутанты. Верно, Медея питалась чистой энергией, но не с помощью волшебства. Мне приходилось наблюдать, и неоднократно, какую роль играет при этом жезл, так что для меня в нем не было ничего сверхъестественного.

Мозг скомпонован из замкнутых сфер, при раскрытии их с помощью жезла освобождается значительная энергия.

Вот и весь секрет.

Снежинки закружились в бешеном вихре, окутав нас сверкающей пеленой. Эдейри и Матолч, еще совсем недавно бывшие

не более чем расплывчатыми тенями выплыли вперед. Карлица и стройный ухмыляющийся оборотень, они стояли рядом в разноцветных одеяниях и молча наблюдали за Медеей.

Сомнамбулическое оцепенение сковывало мои члены. Губы Медеи стали горячими, как уголь, а мои губы уподобились ледышкам. Отчаяние пронзило меня электрическим током, я попытался тронуться с места, дотянуться рукою до рукояти меча...

И не смог.

Яркая завеса принялась таять, становясь прозрачной. За спинами Матолча и Эдейри я увидел огромное пространство, такое огромное, что взгляд мой не смог достигнуть его фиолетовых глубин. Гигантская лестница вела наверх.

Наверху, высоко-высоко пылал золотистый огонь.

Левее Матолча и Эдейри возвышался пьедестал причудливой формы, передняя часть которого была изготовлена из цельной пластины прозрачного стекла. Пьедестал искрился огромным бриллиантом, испуская потоки холодного голубого света.

Гэст Райми упоминал об этой пластине. За нею покоился столь необходимый мне меч.

— Он слабее, и это то, что нужно! — Услышал я удовлетворенный возглас Матолча.

— Любовь моя, Ганелон, не сопротивляйся, — прошептала Медей, не отрывая своих губ от моих: — Я хочу и могу тебя спасти. Когда твой разум восстановится, мы вернемся в наш замок.

Конечно, ведь тогда я не буду представлять для вас угрозу! Матолч даже не станет затруднять себя, чтобы навредить мне. Без души и памяти, рабом Медеи, возвращусь я в замок.

Я, наследный лорд Совета, единственный из всех обитателей Темного Мира, посвященный Ллуру!

Золотистое сияние наверху стало ярче, словно вспыхнула Сверхновая. Быстрые молнии полоснули сверху и растаяли в фиолетовой мгле.

Мои глаза обратились к золотому свету, льющемуся из окна Ллура. Медленно я обратился к нему.

Пусть Медей была ведьмой, вампиром и даже колдуньей, но она не посвящалась Ллуру. Темные хищные силы не бились при каждом ударе сердца в ее ее крови, как они бились в моей. А между мною и Ллуrom была незримая связь. Ллур имел над мною власть, но и я мог воспользоваться его силой.

Так же, как я это сделаю сейчас!

Золотое Окно пылало невыносимо. Вновь яркие молнии вырвались из него и тут же пропали. Тяжелый, приглушенный расстоянием барабанный вой донесся до моего слуха.

То бьется сердце пробуждающегося ото сна Ллура.

Все мои члены пронзал мощный поток энергии, разбудив мой мозг, залив мышцы силой. Я впитывал в себя энергию Ллур, не задумываясь о последствиях. Лицо Матолча перекошилось от страха, а Эдейри резко махнула рукой.

— Медея! — позвала она.

Ее оклик был излишним — Медея раньше всех заметила мое изменение. Тело ее задрожало, как в припадке эпилепсии. С жадностью припала она к моим губам, стараясь перехватить и выпить всю энергию, возвращающую меня к жизни.

Но не ей вместить всю энергию, изливаемую Ллуrom! Раскаты грома сотрясали древнее строение. Золотое Окно ослепляло, выбрасывая потоки света. Порхающие снежинки побледнели, сморщились и несколько мгновений спустя растаяли.

— Убейте его! — яростно заревел Матолч. — Он призвал Ллура!

И прыгнул вперед, как запущенный катапультай.

Путь ему преградила фигура в окровавленных, иссеченных доспехах. Я успел заметить, как перекошилось от изумления лицо Ллорина в тот миг, когда он бросил мимолетный взгляд в мою сторону.

Он увидел Эдварда Бонда и прильнувшую, обвившую его руками Медею!

Он увидел впервые в жизни Эдейри.

И наконец-то он повстречался с Матолчем!

Сдавленный крик, а скорее беззвучный хрип вырвался из гортани Ллорина. Он поднял высоко над головою свой окровавленный меч.

К тому времени, когда я вырвался из объятий Медеи, оттолкнув ведьму с такой силой, что она отлетела в сторону, Матолч успел поднять свой жезл. Я последовал его примеру и выхватил свой, но в нем уже не было нужды.

Клинок Ллорина со свистом рассек воздух и все еще сжимающая жезл кисть Матолча была отсечена в одно мгновение. Кровь фонтаном хлынула из перерезанных вен.

Оборотень рухнул на землю, кривясь от боли. Затем он принялся менять обличья, одно неожиданнее другого. Было ли это гипнозом, мутацией или волшебством, — по этому поводу я не могу сказать ни слова. Но создание, рванувшееся к горлу Ллорина, не имело ничего общего с человеком.

Весело рассмеялся Ллорин, отбросив в сторону меч. Он встретил нападение оборотня, широко расставив мускулистые ноги, изловчившись схватить зверя за горло и переднюю лапу. Хищно лязгнули волчьи клыки.

Мускулы Ллорина, взметнувшего чудовище высоко над головой, напряглись от нечеловеческого напряжения. Это длилось

не более секунды: Ллорин, стоявший как вкопанный, взметнувшийся высоко вверх своего врага, и лязгающие волчьи челюсти, стремящиеся добраться до незащищенного горла.

Затем удар о каменные плиты брошенного могучими руками тела!

Я услышал, как затрещали, подобно тонким веточкам, кости оборотня. Я услышал ужасный предсмертный вой, вырвавшийся из окровавленной пасти.

А в итоге Матолч в своем истинном облике, с переломанным позвоночником, валялся, как падаль, у наших ног.

КОНЕЦ СОВЕТА И ЛЛУРА

Слабость, охватившая меня в результате поцелуев Медеи, отступила. Силы Ллура бурлили во мне. Я выхватил из ножен меч и перешагнул через труп Матолча, не обращая внимание на Ллорина, застывшего в изнеможении. Я побежал к пьедесталу, светившемуся голубым светом.

Изо всех сил сжав клинок, я ударил рукояткой меча по хрустальной пластине. В ответ музыкальное пиццикато, тонкие голоса смеющихся эльфов. С жалобным стоном упали осколки к моим ногам.

На каменную плиту вывалился меч. Хрустальный меч пяти футов в длину, клинок и рукоятка которого были сделаны из горного хрусталя.

Он был неотъемлемой частью пластины, поскольку внутри пустого пьедестала вообще ничего не было. Тонкое лезвие испускало голубые лучи, а внутри рукояти пылал голубой огонь. Наклонившись, я поднял заветное оружие. Рукоятка меча была теплой и гладкой.

Меч Ллур в моей левой руке, обычный меч из кованой стали — в правой. Я выпрямился неимоверно гордый...

Холодом преисподней повеяло на меня.

Я узнал этот холод.

И поэтому не обернулся. Бросив стальной меч в ножны, выхватил из-за пазухи Хрустальную Маску, надел ее на лицо. Вынул из-за пояса Жезл Власти. И только тогда обернулся.

Странное сверканье и сияние достигло моих глаз даже сквозь маску, искажая то, что я видел. Маска необычным образом преломляла световые лучи и вообще потоки энергии, ибо для этого она и была предназначена. Она была фильтром.

Матолч давно уже лежал без движения. Неподалеку от него пыталась подняться на ноги Медея, — ее черные волосы развевались в беспорядке. Лицом ко мне стоял Ллорин, превра-

тившись в гранитное изваяние — только глаза его оставались живыми под каменными веками.

Не способный отвернуться, смотрел он на Эдейри, чью изящную маленькую головку и я увидел впервые. Она стояла спиной ко мне, и капюшон ее был откинут на худенькие плечи.

Ллорин погибал на моих глазах, капля за каплей уходила из него жизнь.

Он упал.

Отомстивший Матолчу был мертв.

Затем медленно повернулась в мою сторону Эдейри.

Она была крохотной, как недоразвитый подросток, даже лицо ее было детским, наивным и округлым. Но я не стал разглядывать ее черты, потому что даже сквозь хрустальную маску сжигал меня взгляд Горгоны.

Кровь леденела в моих жилах. Вздыхающийся вал ледяной воды накатывался на меня, заставляя цепенеть мозг, сковывая мышцы.

Только в глазах Горгоны полыхал огонь.

Радацию, излучаемую этими глазами, ученые Земли охарактеризовали бы не иначе, как смертельной. Только неизмеренные мутации, сотворившие Эдейри, способны вызвать к жизни подобный кошмарный нонсенс.

Но я не упал, не испустил дух. Проходя через фильтр, радиация становилась безвредной, как излучение обычного костра. Уничтожаемая вибрационными биотоками маски, радиация могла разве что согреть меня.

Я поднял над головой Жезл Власти.

Он тотчас же вспыхнул, как иссушенная ветка. Ликующие алые языки потянулись к Эдейри. Они упали на нее гибкими кнутами, хлеща по горлу, выжигая черные пятна на холодно-наивном детском лице. Эдейри отшатнулась назад, все еще надеясь превратить меня в камень. Следом за нею кинулась Медея — к подножию гигантской лестницы, ведущей к Окну Ллура.

Но огненные языки настигли Эдейри, хлестнули по глазам.

И тут она не выдержала и повернулась ко мне спиной, побежала вверх по лестнице. Медея задержалась немного, с отчаянной мольбой взметнув вверх руки. Но выражение моего лица не сулило ей пощады.

И тогда она устремилась следом за обладательницей капюшона.

Я отбросил далеко в сторону бесполезный стальной меч. С Жезлом в левой руке, с мечом Ллура в правой последовал я за ними.

Когда моя нога вступила на первую ступеньку, фиолетовый воздух вокруг меня совершенно неожиданно задрожал. В ту секунду я искренне жалел, что прибег к помощи Ллура, будучи не в состоянии самостоятельно избавиться от смертельных объятий Медеи. Но в результате Ллур проснулся и теперь наблюдал на нами, и значит, МНЕ НЕ УДАСТЯ ЗАСТАТЬ ЕГО ВРАСПЛОХ.

В огромном Кэре бился пульс Ллура. Вспышки молний освещали высоко наверху Золотое Окно. На короткое время два черных силуэта взбиравшихся все выше и выше, показались на фоне ослепляющего сияния. Я спешил следом, но каждый шаг давался мне все труднее и труднее. Казалось, я преодолеваю сопротивление сгущающегося прозрачного потока, напоминающего то ли порывы ураганного ветра, то ли струи ниспадающего сверху водопада, пытающегося скинуть меня со ступенек, вырвать из моих рук хрустальный меч.

Я поднимался все выше и выше. Контуры Окна, охваченного ослепительно желтым пламенем, исчезли. Бесперывно сверкали молнии, раскаты грома гремели, не умолкая, порождая это под необозримыми сводами Кэра. Я шел вперед, я полз по ступенькам, ибо нельзя назвать иначе это восхождение.

И вдруг я почувствовал, что кто-то появился за моей спиной!

Я не обернулся. Мне не позволил сделать это древний инстинкт, подсказавший, что сделай я это, и прозрачный поток собьет меня с ног и сбросит вниз с головокружительной высоты на каменные плиты. Прислушиваясь к учащенному дыханию находившегося за моей спиной, я преодолел последние ступеньки и очутился на розовой площадке дискообразной формы. На ней стоял десятифутовый куб, три грани которого были чернее сажи, а обращенная в мою сторону ослепляла ярким светом. Это и было Окно Ллура!

Эдейри затаилась слева от него, Медея — справа. А в самом центре...

Извивались, клубились, уплотнялись, неслись, как при шторме, сверкающие золотые облака, и целые гроздья молний вспарывали их внутренности. Гром не умолкал теперь даже на мгновение. Но в этом грохоте угадывалась определенная закономерность — так прослушиваются удары пульса. Он то затихал, слегка удаляясь, то гремел совсем рядом. В унисон с пульсом самого Ллура.

Когда-то человек, а ныне трансформированное мутацией чудовище, Ллур за последние века стал еще могущественнее. Гэст Райми предупредил меня об этом.

Вся мощь Ллура изливалась на меня из золотых облаков!

Жезл Власти выпал из моей руки. Взметнув вверх хрустальный меч, я с трудом сделал еще один шаг вперед. И тут же неимоверный напор воздушных масс заставил меня остановиться. Гром гремел не умолкая, молнии озарили все небо.

Пристальный взгляд Эдейри леденил мою кровь. В лице Медеи не осталось ничего человеческого. Желтые облака кипели в Окне, покрывая Медею и Эдейри золотистым налетом.

Затем они вырвались из Окна и устремились ко мне.

Я попытался продвинуться вперед хотя бы на полшага, но меня влекло назад, к краю платформы. Еще немного, и...

Сильные руки уперлись в мою спину. Все, что я успел заметить, оглянувшись, это развевающиеся от ветра седые локоны. Титаническая сила Фрейдис послужила мне заслоном, помогла удержаться между Окном и краем платформы.

Я заметил также, что колдунья успела оторвать кусок своего плаща и прикрыть им глаза, чтобы защититься от смертельного взгляда Горгоны. Слепая, подталкиваемая непонятным мне инстинктом, несгибаемая Валькирия толкала меня к Окну. Вокруг нас клубились желтые облака, разрываемые ятаганами молний, вздрагивающие от раскатов грома. Я изогнулся как лук, борясь с потоком. Я уже мог двигаться вперед — Фрейдис направляла меня. Непоколебимой горой стояла она за моей спиной. Я слышал ее учащенное дыхание, хриплые вздохи, и мне показалось, что силы колдуны на исходе.

Но я уже стоял перед Окном Ллура.

Рука моя поднялась без каких-либо усилий с моей стороны. Мне осталось только опустить меч на сияющую плоскость Окна.

Меч в моей руке сломался.

Звенящими осколками рассыпался он у моих ног, и тогда я запустил в Окно ненужной, обжигающей кисть рукоятью.

Массу облаков потянуло назад. Невероятная, неопишуемая словами дрожь потрясла Кэр, и платформа закачалась, подобно соломенной крыше. Золотые облака исчезли за проемом Окна, а вместе с ними Медея и Эдейри. Я успел увидеть — в последний раз — красные пятна вместо глаз на лице-маске Эдейри, и искаженное отчаянием и неопишуемым ужасом лицо Медеи, ее глаза, устремленные на меня с безмолвной мольбой.

Движимый любопытством, я заглянул в Окно. Я увидел нечто вне Пространства, Времени и Измерений, мерно колыхавшееся желе, пожирившее Ллура, Эдейри и Медею.

А в итоге все поглотилось хаосом.

Затих гром.

Я стоял перед алтарем Ллура. Но в нем не было больше Окна. А его четыре стороны были из черного мертвого камня.

Черные грани были последними, что я увидел перед тем, как вокруг меня сомкнулась непроглядная ночь, как бы обернув аспидными иглами. И я упал без сил у алтаря, словно единственное, что удерживало меня до сих пор, было то самое отчаянное сопротивление Ллура во время моего восхождения и пребывания на платформе.

Не знаю, как долго пролежал я без сознания. Медленно, часть за частью, стал вырисовываться перед моим взором Кэр Ллур. Мне потребовались значительные усилия, чтобы сесть, упершись спиной о грань алтаря, которая еще совсем недавно была Окном. Все тело мое ныло, я чувствовал себя бесконечно усталым, как будто не спал вовсе, ибо усталость моя была результатом утомительной борьбы. Я поискал взглядом Фрейдис. Она лежала на ступеньках лестницы, и только седая голова покоилась на платформе. По всей видимости, она вознамерилась вернуться к своему народу перед тем, как пасть в изнеможении. Глаза ее все еще были завязаны, сильные руки раскинуты в разные стороны. Почему-то эта распластанная фигура напомнила мне фигуру другой могущественной женщины Земли в белых одеяниях, с завязанными глазами и поднятыми руками — слепую Богиню Правосудия с весами. Я криво усмехнулся от подобной ассоциации. В Темном Мире, моем мире (!), вершителем правосудия является Ганелон, и при этом отнюдь не слепой.

Фрейдис пошевелилась. Правая рука ее потянулась к появке на глазах. Я не мешал ей прогнать остатки сна. Пока еще мы продолжали биться бок о бок — Правосудие и я. Но я не сомневался, кто в итоге окажется победителем.

Я поднялся, опершись на алтарь, и услышал серебряный звон — что-то упало с моего плеча. Маска, расколовшаяся пополам при моем падении. Ее хрустальные осколки ничем не отличались от осколков меча, с помощью которого я навсегда освободил Темный Мир от Ллура.

Он слишком далеко отошел от этого мира, чтобы вернуться в него обратно. Он приближался к нему, и то ненадолго, только на период церемонии жертвоприношения — человек, демон, бог, мутация — кем бы он ни был, у него осталось только одно связующее звено с породившим его Темным Миром. И этой связью было не что иное, как меч Ллур. Благодаря этому талисману он мог являться за жертвами на пышные церемонии посвящения, подобные той, которая сделала меня его частью, неотъемлемой половиной. Единственное звено...

Поэтому талисман, мостик, связующее звено — что бы это ни было, но оно должно было быть надежно упрятано. И он хра-

нился в надежном месте! Кто, не обладающий знаниями Гэста Райми, мог найти его? Разве смог бы кто-нибудь, не наделенный силой мышц Ганелона, великого лорда, приблизиться достаточно близко к Окну (не следует забывать, что без помощи Фрэйдис даже я не смог бы сделать это!) чтобы превратить меч в осколок ударом об алтарь, об единственный предмет во всей Вселенной, при ударе о который рассыпался на осколки запрограммированный меч? Да, Ллур оградил свой меч достаточно надежно, поскольку сознавал, что окажется беззащитным перед тем, кто окажется в состоянии поднять меч.

И когда клинок разлетелся на куски, сломался мост между мирами, и Ллур провалился в бездну хаоса, откуда ему уже не будет возврата.

А вместе с ним и Медея, прекрасная ведьма, любовь-воспоминание, утерянная любовь, поющая жизнь... Она ушла туда, откуда ее не вызовет даже лира Орфея.

— Ты жив, Ганелон?

Я открыл глаза. Фрэйдис стояла в двух шагах от меня, и выжидающее выражение застыло на ее лице. Я высокомерно вскинул голову, ликующий, торжествующий, гордясь одержанной победой. Мир, который я вернул к жизни несколько часов тому назад, был моим до мельчайшей пылинки, и ни эта женщина, и ни кто иной не смогли бы сбить меня с намеченной цели. Разве не я победил Ллура, уничтожил членов Совета? Разве не был я изощреннее в колдовстве любой женщины и любого мужчины в Темной Море? Я рассмеялся, не в силах владеть своими чувствами.

— Отныне это место станет именоваться Кэр Ганелон! — заявил я уверенно и громко, прислушиваясь, как порожденное высокими стенами эхо многократно повторило мое имя. Это сам замок отвечал мне с покорностью: — Да, да, да!

— Ганелон! — Во мне все пело. — Кэр Ганелон!

И вновь я рассмеялся, возвысившийся над всеми, прислушиваясь, как необъемлемое пространство подобострастно повторяет мое имя.

— Да слышат все: у лесных жителей появился новый господин! И тебя, оказавшую мне помощь в трудную минуту, я награжу с щедростью, достойной владыки Темного Мира. Достойной лорда Ганелона!

И вновь стены на замедлили отзываться.

— Ганелон! Ганелон!

— Ты больно прыток, член Совета! — Прищуренные глаза Фрэйдис метали молнии. — Неужели ты уверовал, что я доверилась тебе до конца?

— А что ты можешь изменить, старуха? — бросил я с пре-

небрежением. — Единственный, кто мог убить меня до сегодняшнего дня, это Ллур. Но его нет, его поглотил хаос, и поэтому Ганелон бессмертен! Кумир ниспровергнут, да здравствует новый кумир! Ты бессильна что-либо изменить, старуха.

Фрейдис гордо выпрямилась, глаза зажглись уверенностью, от которой мне стало слегка не по себе. И все же сказанное мною было чистой правдой: ни один человек в Темном Мире не в состоянии навредить мне. Так почему же ироническая улыбка не сходит с губ Фрейдис.

— Когда-то я отправила тебя на Землю, прорвав пространство потустороннего мира, — сказала она поучающим тоном. — Сможешь ли ты помешать мне, если я решусь вновь отправить тебя подальше отсюда?

На смену зарождавшейся было тревоге пришло облегчение. Смехотворная угроза Фрейдис не вызвала во мне даже раздражения.

— Завтра или послезавтра я сделаю это без особых усилий. Не уверен, что смогу сделать это сегодня. Но я, лорд Ганелон, уже побывал там и знаю, как выбраться оттуда. И даже сейчас меня, предупрежденного и настороженного, не так-то легко отправить на Землю лишенным собственной памяти и снабженным воспоминаниями другого человека. Я буду помнить все и с легкостью вернусь обратно. Ты только зря потратишь и свое, и мое время, Фрейдис. Если ты решилась на это, то не медли, но хочу предупредить тебя, что вернись сюда еще до того, как ты прекратишь бормотать свои заклинания.

Она по-прежнему улыбалась, скрестив руки и спрятав кисти в широкие рукава своего длиннополого платья, способная смутить кого угодно своей уверенностью.

— Не думаешь ли ты, что уподобился богам, Ганелон? — Насмешка колдуньи была слишком явной. — И что никто из смертных не сможет противостоять тебе?! Об одном ты забыл! Точно так же, как был уязвим Ллур, как были уязвимы Эдейри, Медея и Матолч, точно так же уязвим и ты, член Совета. Ты прав, нет в этом мире человека, способного сразиться с тобою. Но ты забыл об Эдварде Бонде. Он ни в чем не уступает тебе, и я вызову его сюда для последней битвы за свободу Темного Мира. Ты падешь от руки Эдварда Бонда, Ганелон!

Меня обдало холодом, как от ледяного дыхания Эдейри. Я забыл! Никто в этом мире не может достигнуть полного могущества, и я действительно могу пасть от руки своего двойника!

— Глупая. — Я постарался, чтобы ни один мускул не дрогнул на моем лице. — Тупица! Ты упустила одну деталь: мы с Бондом никогда не сможем оказаться в одной и той же точке пространства. Когда я вернулся сюда, он тотчас же отправился на Землю,

точно так же, как должен исчезнуть я, если ты перенесешь его сюда. Каким образом могут оказаться рядом человек и его отображение? Как он может тронуть хотя бы волос на моей голове, старуха?

— Очень просто, — заверила меня Фрейдис, — без особых затруднений. Он не может сразиться с тобою ни здесь, ни на Земле, в этом ты прав. А как же с потусторонним миром, Ганелон? Или ты забыл о нем?

Резким движением она выбросила вперед свои руки, в каждой из них сверкнула на солнце серебряная трубка. Не в состоянии предпринять что-либо, я молча наблюдал, как она скрестила трубки. Тотчас же заключенная в них энергия вкупе с льющейся с полюсов мира принялась концентрироваться в перекрестье. Эту энергию можно было использовать всего лишь долю секунды, иначе планета разлетелась бы на куски.

Я почувствовал, как вокруг меня все поплыло. Я почувствовал, как раскрылись настежь врата ада.

Серое, серое и ничего, кроме серого, вокруг. Я попятился от неожиданности, шокированный и разгневанный, готовый разорвать Фрейдис на мелкие кусочки. Подобное было недопустимо: чтобы с лордом Темного Мира поступали как с незатейливой побрякушкой. Я выберусь отсюда, и то, как я поступлю с Фрейдис, станет наглядным уроком для всех, кто решится встать на ее сторону.

На сером фоне я разглядел тусклое зеркало и в нем свое лицо, удивленно растерянное, старавшееся заглянуть мне за спину. Удивительно, но судя по отображению, на мне были не голубые одежды для церемонии жертвоприношения, а легкая пижама из тех, в каких жители Земли направляются по утрам в ванную. Нет, это было не мое отображение! Это был...

— Эдвард Бонд! — произнесла за моей спиной Фрейдис.

Невыразимое облегчение разгладило лицо моего отображения.

— Фрейдис! — вскричало оно моим собственным голосом. — Благодарение Богу, Фрейдис! Я так старался...

— погоди! — Остановила его властным жестом колдунья. — Подумай, готов ли ты к последнему испытанию. Перед тобою Ганелон, возжелавший свести на нет все то, что ты успел сделать для лесных жителей. Он победил Ллура и членов Совета. Никто не сможет встать на его пути, если он вновь туда вернется. Эдвард Бонд, только ты сможешь остановить его. Только ты, сейчас и здесь!

Я не стал дожидаться, когда она добавит еще что-нибудь в этом роде к своим словам, я знал, что мне делать. Не успел Бонд ни ответить, ни пошевелиться, как я ринулся вперед и направил

кулак в лицо, ничем не отличавшееся от моего. Мне не хотелось бить по этому лицу, мне было страшно бить по этому лицу. В последнее мгновение я чуть было не сдержал удар, не отвел его в сторону, но мускулы мои почти отказались повиноваться мне.

Бонд отпрянул назад, но и моя собственная голова также откинулась назад от отражения, так что мой первый удар потряс нас обоих.

Моему противнику удалось удержать равновесие, хоть он и пошатывался слегка, будто находился в гробе, глядя на меня с непередаваемым смущением. Затем гнев исказил хорошо знакомые мне черты, и я увидел, как потекла кровь из рассеченной губы. Я свирепо рассмеялся. Странно, но только при виде этой крови я окончательно убедился, что между нами не может быть примирения.

Бонд прыгнул и пошел на меня боком, прикрывая локтями туловище. Я страстно возжелал заполучить кинжал или пистолет, поскольку не любил драться на равных и никогда не смотрел на подобные схватки как на одну из разновидностей спортивного состязания. Ганелон всегда дрался, чтобы победить. Победить во что бы то ни стало. Но эта схватка отличалась от всех предыдущих — сошлись ужасно, невероятно равные противники.

... Бонд нырнул под мой удар правой, направив свой кулак в мою челюсть. Все поплыло передо мною, а Бонд уже отскочил назад, пританцовывая на носках вне пределов моей досягаемости.

Яростный крик вырвался из моего горла. Я не собирался боксировать, вести поединок по всем правилам кулачного боя. Ганелон вступил в схватку для того, чтобы победить! Я ревел в полную силу своих легких и, стремительно приблизившись, смял его в своих объятиях, упал вместе с ним на серую пружинистую поверхность: на то, что было почвой или полом ада. Пальцы правой руки потянулись алчно к его горлу, пальцами левой старался я выцарапать его глаза.

Он хрипел, продолжая сопротивляться, и полоснул внезапно ребрами своих ладоней по моим ребрам. Одно из них сломалось, и ослепительная вспышка боли застлала туманом мой мозг.

Бонд настолько был мной, а я им, что какое-то время я был не в состоянии разобраться, чье именно ребро сломано и от чьего удара. Я вздохнул как можно глубже и тут же едва не потерял сознание от пронзившей все мое тело боли, и только тогда понял, что сломано именно мое ребро.

И эта догадка едва не свела меня с ума.

Уже не обращая внимания на боль, отбросив всякую предосторожность, я слепо и яростно молотил по его телу, чувствуя, как трещат кости, как течет кровь по фалангам моих пальцев.

Единым целым катались мы по полу потустороннего мира, пребывая в кошмаре, не могущем быть действительностью, и только пронзающая при каждом вздохе боль была реальной.

Трудно сказать, сколько продолжалась наша схватка, но в конце ее осознал отчетливо, что хозяином положения являюсь я. И вот по какой причине. Бонд откатился в сторону, намереваясь нанести мне жестокий размашистый удар в лицо. Но прежде чем он задумал это, я начал действовать, я подготовился парировать его удар. Я з н а л . Он промахнулся, вновь вывернулся из-под меня, вновь вознамерился ударить, но за долю секунды до этого я откатился вбок. Я опять з н а л .

Ведь я когда-то был Эдвардом Бондом, точной копией его матрицы. Я жил в его мире и действовал сообразно его памяти. Я знал Эдварда Бонда лучше, чем знал самого себя. Инстинкты подсказывали мне или что-то еще, но я мог предугадать, как он поступит в том или ином случае. Он не в состоянии обмануть меня, а значит, не может надеяться на победу в этой схватке, потому что я предугадывал каждое его движение до того, как он задумал его.

И тогда я рассмеялся, не обращая внимания на боль в области поломанного ребра. Фрейдис, ты обманула саму себя! Отправив когда-то Ганелона на Землю, ты создала предпосылки для того, чтобы я победил его сегодня.

Он в моих руках, я могу прикончить его в любую секунду, и Темный Мир станет моим, лесные жители — моими рабами, и в том числе золотоволосая Арле.

Предвкушая упоение от скорой победы, нанес я три точных удара своему противнику и поверг его на землю. Всего три удара, и он лежит на моих коленях, беспомощный, как ягненок. Кровь моя капала ему на лицо и, стекая, падала на землю. Я заглянул в его помутневшие глаза, и внезапно на какое-то мгновение, возжелал, чтобы исход нашей схватки был совсем иным. В эти быстротечные мгновения я молился всем богам, чтобы Эдвард Бонд торжествовал победу, а Ганелон навсегда остался в преисподней.

Я встряхнул головою, повел вокруг налитыми кровью глазами, прислушался к острой боли в правом боку, вдохнул воздух всей грудью — этот вздох стал последним для Эдварда Бонда — и сломал его позвоночник о свое ребро.

СВОБОДА

С неизбежной нежностью холодные ладони прикоснулись к моему лбу. Я взглянул вверх, и тотчас ладони прикрыли мои глаза. Слабость окутала меня невесомым одеялом. Я все еще

стоял на коленях, чувствуя, как тело Эдварда Бонда (а может быть Ганелона?) скользит вниз.

Фрейдис толкнула меня, и я живой улегся рядом с ним, мертвым.

Колдунья приставила к моей голове все те же волшебные трубки, восстановив утерянную связь между Ганелоном и Эдвардом Бондом. Почему-то я вспомнил о жезле Медеи, с помощью которого извлекала она жизненную энергию из мозга своих жертв. Тупая немота сковала мои члены. Нервы напряглись и лопнули, как истончившиеся струны, и я перестал двигаться.

Острая и непереносимая боль пронзила меня насквозь. Моя спина! Я попытался закричать, но пересохшее горло издало всего лишь навсего еле слышимый стон. Все ссадины и раны, какие я нанес Эдварду Бонду, я ощущал как собственные.

И в этот жуткий миг, когда мысль моя билась о стены еще не познанной человечеством науки, я догадался, чем занималась, что делала Фрейдис.

Она возвращала сознание, душу и неповторимое "я" Эдварда Бонда из царства мертвых. Мы лежали с ним рядом: плоть к плоти, и наши души витали над нами. Кромешная тьма застлала все вокруг, и в этой темноте две яркие искорки испускали холодные лучи.

Одна была огнем жизни Эдварда Бонда, другая — моей жизнью.

Два язычка пламени наклонились друг к другу!

И смешались, и слились — один в другом!

Душа, разум и жизненная энергия Эдварда Бонда слились с душой, разумом и жизненной энергией Ганелона. Из двух язычков пламени боролся с наступающей темнотой только один.

И самобытная личность Ганелона дрогнула, попятилась в вязкую темноту, растаяла серой тенью, а огонь жизни Эдварда Бонда вспыхнул ярче прежнего.

Мы стали одной сущностью. Мы стали...

Эдвардом Бондом! Ганелона как не бывало! Не стало повелителя Темного Мира, повелителя Кэра.

Волшебные чары Фрейдис исторгли душу Ганелона и вдохнули в его тело огонь жизни Эдварда Бонда!

И последнее, что мне довелось увидеть, это предсмертную агонию Ганелона!

Я воспрял, я открыл глаза и увидел себя перед алтарем Ллура. Вокруг невообразимое пространство Кэра, потусторонний мир как не бывало. Исчезло, словно испарилось, бездн

ханное тело на моем колене. Улыбающаяся Фрейдис помогла мне подняться на ноги.

— Приветствую тебя в Темном Мире, Эдвард Бонд!

... Да, все сказанное ею, было чистой правдой. Я знал это. Я знал, кто я такой, хоть сознание мое и находилось в теле другого человека. Все плыло предо мною, как в тумане, я тряхнул головой и поднялся на ноги. Боль с такой силой пронзила мой бок, что я вскрикнул от неожиданности, позволив Фрейдис подбежать ко мне и поддержать меня своей могучей рукой. Нет, не было больше Ганелона. Он исчез вместе с потусторонним миром, испарился, как дым костра.

Я вновь стал Эдвардом Бондом.

— Ты наверное догадываешься, почему Ганелон смог победить тебя, Эдвард? — ласково спросила Фрейдис. — Знаешь ли ты, почему тебе не удалось взять верх над ним? Вовсе не потому, как он сам думал об этом. Ганелон решил, будто способен читать твои мысли, поскольку долгое время был тобою, но не этим все объясняется. Когда человек борется с самим собою, сын мой, то он никогда не прикладывает максимум усилий для того, чтобы победить. На это способен только тот, кто возненавидел себя, кто решил покончить жизнь самоубийством. Глубоко в подсознании Ганелона таилось понимание того, что зло превалирует в нем, и поэтому возненавидел себя, хоть до конца и не отдавал себе в этом отчета. Именно поэтому он мог бить с ожесточением своего двойника, именно ненависть обострила его реакцию.

Ты же заслужил собственное уважение, поскольку никогда не совершал недостойных поступков. Ты не способен ударить с ненавистью и ожесточением, ведь зло не смогло прижиться в твоём сердце. Ганелон выиграл, но он и проиграл. В конце схватки он прекратил всякое сопротивление. Он готов был убить самого себя, а человек, решившийся на это, уже никогда ни на что не способен.

Голос ее упал до шепота. Улыбнувшись, она подтолкнула меня слегка в спину.

— А теперь ступай, Эдвард Бонд. Многое еще предстоит сделать в Темном Мире!

Опираясь на ее сильную руку, я спустился по высокой лестнице, по которой взбирался Ганелон. Я вышел навстречу сиянию дня, к шелесту листьев, к толпе ожидающих меня людей. Я помнил все, что совершал в своей жизни Ганелон, на мою память наложились память Ганелона, и я знал, что только в таком качестве смогу управлять Темным Миром.

Два индивидуума, два антипода в одном теле, и контролирует поведение обоих Эдвард Бонд!

Мы миновали массивные колонны, и свет дня ослепил меня

после кромешной тьмы. Затем я смог рассмотреть толпы лесных жителей, сгруппировавшихся вокруг Кэра, и в переднем ряду я увидел бледную девушку в зеленой одежде и с распущенными золотыми волосами. Она стремилась мне навстречу, и лицо ее сияло от счастья.

Боли в боку как не бывало.

Волосы Арле скрыли нас от взглядов окружающих, когда мы заключили друг друга в объятия. Радостные крики мужчин и женщин всколыхнули окрестности, заставили своды Кэра откликнуться многоголосым эхом.

Темный Мир дышал воздухом свободы, и он был наш, только наш.

Но Медея, неповторимая Медея, сладкая ведьма, как бы мы правили вместе!

**ЖИЛ - БЫЛ
ГНОМ
РАССКАЗЫ**



Джерри Фостер поведал буфетчику, что его никто не любит. Буфетчик, имевший опыт в подобных делах, ему не поверил и предложил новую порцию выпивки.

— Отчего бы и нет? — ответил несчастный мистер Фостер, исследуя скудное содержимое своего бумажника. — Я возьму себе в супруги дочь вина. И пусть вдали бьют барабаны “Это Омар”.

— Ну да! — сказал удивленный буфетчик. — Но тебе нужно быть поосмотрительней, если не хочешь вылететь через ту же дверь, через которую вошел. Здесь не Пятая Восточная, приятель.

— Можешь называть меня “приятелем”, — согласился Фостер, пробуя напиток. — Я не против. Я — ничей парень. Меня никто не любит.

— А как насчет той малышки, которая была здесь с тобой прошлый раз?

Фостер был красивым молодым человеком с густыми белокурыми волосами и несколько туманным выражением голубых глаз.

— Бетти? — пробормотал он. — Неладно получилось. Некоторое время тому назад я был с Бетти в “Том-том”, а появилась эта рыженькая. Вот я и послал Бетти куда подальше. А рыженькая на меня наплевала. Теперь я одинок, и все ненавидят меня.

— Может быть, тебе не следовало посылать Бетти куда подальше? — предположил буфетчик.

— Я так непостоянен! — возразил Фостер. На его глазах заблестели слезы. — Я ничего не могу с этим поделать. Женщины — мое несчастье. Налей-ка мне еще и скажи, как тебя зовут?

— Остин.

— Так вот, Остин, я, кажется, попал в переделку. Ты знаешь, кто выиграл вчера пятые скачки в Санта-Аните?

— Поросятъя Рысца, разве нет?

— Да, — сказал Фостер. — Но я-то повесил свои денежки на нос Белой Молнии. Вот почему я здесь. Сюда скоро должен прийти Сэмми, так?

— Верно.

— Мне повезло, — сказал Фостер. — Я собрал деньги, чтобы с ним расплатиться. — Сэмми — твердый орешек, с ним шутки плохи.

— Такие дела меня не касаются, — сказал буфетчик. — Извини.

Он отошел и занялся двумя любителями водки.

— Выходит, ты тоже ненавидишь меня, — пробормотал Фостер.

Забрав свой напиток, он отошел от стойки.

Бетти сидела в кабинке одна и наблюдала за ним. Однако ее белокурые волосы, влажные глаза и бело-розовая кожа потеряли для него всякую привлекательность. Она наводила на него скуку. К тому же она продолжала болтаться без дела.

Фостер проигнорировал девушку и направился дальше, туда, где у дальней стены сверкал полихромическими красками массивный продолговатый предмет.

Производители сего предмета настаивали на термине “автоматический фонограф”, но более распространенным его названием было “меломан”.

Этот меломан был прелестен. В нем было столько красок и оттенков, а главное, он не следил за Фостером, а рот держал на запоре.

Фостер устроился подле меломана и погладил его по гладкому боку.

— Ты — моя девушка, — объявил он. — Ты прекрасна. Я безумно тебя люблю. Слышишь, безумно!

Он чувствовал на своей спине взгляды Бетти. Осушив свой бокал, он еще теснее прижался к автомату и произнес красочную речь в его честь. Потом он оглянулся.

Бетти собралась уходить.

Фостер нашарил монетку и хотел сунуть ее в щель автомата. Но тут в бар вошел коренастый темноволосый мужчина в очках в роговой оправе. Он кивнул Фостеру и быстро направился к кабине, в которой сидело толстое существо в твидовом костюме. Произошел короткий диалог, во время которого деньги перешли из одних рук в другие, и коренастый человек сделал пометку в маленькой книжечке, извлеченной им из кармана.

Фостер достал бумажник. У него уже бывали неприятности с Сэмми, и других он не хотел. Букмекер признавал только наличные. Фостер достал деньги, пересчитал их и ощутил пус-

тоту в желудке. То ли он обсчитался, то ли потерял часть денег — ему не хватало.

Такое Сэмми не понравится.

Фостер лихорадочно стал соображать, как протянуть время. Сэмми его уже видел. Никуда не денешься.

В баре стало слишком тихо, а Фостеру был нужен шум.

Он посмотрел на свою монетку, торчавшую из щели автомата, и поспешно протолкнул ее внутрь.

И тогда из отверстия для возврата монетки посыпались деньги.

Почти мгновенно Фостер подставил шляпу. Четвертаки и медяки струились бесконечным потоком. Меломан заиграл песню, игла затанцевала по черной поверхности пластинки. То была полная светлой печали мелодия “Ты мой любимый”. Она поглотила звон падавших в шляпу Фостера монет.

Через некоторое время денежный поток иссяк. Фостер остался стоять там, где был, возблагодарив Господа. Тут он увидел, что к нему направляется Сэмми. Букмекер посмотрел на шляпу и изумленно заморгал.

— Привет, Джерри! Что происходит?

— Ящик разбился, — сказал Фостер.

— Но не меломан же?

— Да нет, там, в Ониксе, — сказал Фостер.

Он назвал один частный клуб, находившийся несколькими кварталами дальше.

— Не успел еще обменять на крупные, не поможешь мне?

— Я тебе не кассир, — сказал Сэмми. — Я свое беру в зелененьких.

Меломан закончил исполнять “Ты мой любимый” и принялся за “Навсегда”. Фостер положил на фонограф позвякивающую шляпу, сосчитал банкноты и добавил к ним выложенные из шляпы четвертаки.

— Благодарю, — сказал Сэмми. — Жаль, что твоя клячонка подкачала.

— “И верная любовь навеки”, — пламенно пел меломан.

— Тут уж ничем не поможешь, — сказал Фостер. — Может быть, в следующий раз мне повезет больше.

— Ты играешь в Оуклаунде?

— “Чтобы мечты стали явью, — и вдруг, — должен рядом с тобой быть друг”.

Фостер прислонился к автомату. Последние слова поразили его, как громом. Именно они, выскочив из ниоткуда, завладели его мозгом, околдовали его. Он перестал слышать что-либо, кроме них. А они все повторялись и повторялись.

— Должен быть друг, — сказал он в прострации. — Друг!..

— О'кей, — сказал Сэмми. — “Друг” будет в Оуклаунде третьим. Обычную?

Комната начала вращаться. Но Фостер успел утвердительно кивнуть. Через некоторое время до него дошло, что Сэмми ушел. Он увидел напиток, стоявший на автомате, и тремя большими глотками осушил бокал. Потом наклонился и уставился на загадочно мерцавший аппарат.

— Невозможно, — прошептал он. — Я просто пьян. Но все же мне недостаточно. Мне нужен еще глоточек.

Из отверстия для возврата монет выкатился четвертак, и Фостер машинально подобрал его.

— Нет, — выдохнул он. — Невероятно!

Он набил карманы монетами, вытащенными из шляпы, жестом утопающего вцепился в стакан и направился к стойке. На полпути кто-то тронул его за рукав.

— Джерри, — сказала Бетти, — прошу тебя...

Он не обратил на нее внимания и заказал еще порцию спиртного.

— Послушай, Остин, — спросил он, — этот ваш меломан, он что, хорошо работает?

Остин выжимал сок из лимона и даже не поднял головы.

— Жалоб не было.

— Но...

Остин пододвинул к нему наполненный стакан.

— Извините меня, — сказал он и отошел за стойку.

Фостер украдкой бросил взгляд на автомат. Тот стоял у стены, мигая светящимся глазом.

— Просто я не знаю, что делать, — сказал Фостер, ни к кому не обращаясь.

Заиграла пластинка. Низким грудным голосом автомат запел: “Оставьте нас вдвоем перед лицом нашей любви...”

По правде говоря, дела Джерри Фостера в эти дни шли неважно. Он был консерватором по натуре, поэтому родиться в эпоху великих изменений было для него огромной ошибкой. Ему требовалась твердая почва под ногами, а сумасшедший век с тревожными газетными заголовками, обещавший все новые технические и социальные изменения, такой почвы не обещал.

Чтобы пережить эпоху этих бесконечных изменений, нужно было обладать приспособляемостью. Там, в устойчивых двадцатых, Фостер чувствовал бы себя прекрасно, но здесь, в этом мире, он не был на коне. Человек подобного склада ищет уверенности и безопасности в своем вчерашнем дне, а безопасность эта все время ускользает от него.

В результате Джерри Фостер оказался без работы, в долгах и стал пить больше обычного. Единственным преимуществом

всего происшедшего оказалось притупление алкоголем подозрительности Фостера при встрече с любящим автоматом.

На следующее утро он ни о чем не вспомнил, и не вспоминал о случившемся еще два дня, пока его не разыскал Сэмми и не передал ему выигрыш, девятьсот долларов, — Друг пришел в Оуклаунде первым.

Фостер немедленно решил выпить по этому случаю и незаметно для себя оказался в знакомом ему баре нижнего города. Остин в этот вечер не работал, Бетти тоже не было. Фостер, нагрузившись, поставил локти на полированное красное дерево и огляделся. В глубине зала стоял меломан. Фостер заморгал, пытаясь что-то вспомнить.

“Я буду помнить апрель”, — запел меломан.

Клеточка в мозгу Фостера, избегнувшая тьмы опьянения, заработала. Из его рта вырвались слова:

— Помнить апрель... помнить апрель...

— Ладно, — сказал толстый, небритый и неопрятный мужчина, сидевший подле него. — Я тебя слышал, я буду... что ты там сказал?

— Помнить апрель, — пробормотал Фостер почти автоматически.

Толстяк отпил из своего стакана.

— Сейчас не апрель, сейчас март.

Фостер неуверенно порывлся в поисках календаря.

— Сейчас третье апреля, — объявил он наконец. — А в чем, собственно, дело?

— Тогда мне пора возвращаться, — сказал толстяк.

В его голосе было отчаяние, он потер обвислые щеки.

— Уже апрель! Сколько же времени я пьян? Ты не знаешь. Но ты обязан знать! Апрель... Тогда еще порцию!

Он подозвал бармена.

Однако ему помешало появление человека с топором. Вновь прибывший буквально ворвался в помещение. Это был тощий белокурый молодой человек с дикими глазами. Он весь трясся, как в лихорадке. Прежде чем его успели остановить, он пролетел через весь зал и занес топор над меломаном.

— Я не могу больше этого выносить, — истерически закричал он. — Ты злобное, маленькое животное... Я разделаюсь с тобой раньше, чем ты погубишь меня.

Выкрикнув эти слова и не обращая внимания на подросшего бармена, белокурый человек изо всех сил опустил топор на меломана. Вспыхнуло голубое пламя, раздался треск, и блондин рухнул на пол.

Фостер оставался на своем месте. На стойке рядом с ним стояла бутылка, и он завладел ею. Он довольно тупо воспринял

происшедшее. Вызвали “скорую помощь”. Врач сказал, что блондин получил сильный ожог, но пока жив. У меломана была разбита панель, но в основном он, казалось, поврежден не был. Откуда-то появился Остин и соорудил себе напиток.

— Каждый убивает то, что любит, — сказал Остин.

Он обращался к Фостеру.

— Ты тот парень, что когда-то цитировал тут Омара, так?

— Что? — спросил Фостер.

— Странные дела. Этот парень часто приходил сюда только для того, чтобы заставить автомат поиграть. Он был в него просто влюблен. Часами он сидел и слушал его. Конечно, говоря, что он был в него влюблен, я употребляю это слово как оборот, улавливаешь?

— Конечно, — отозвался Фостер.

— И вдруг, пару дней назад, он вышел из себя, просто совсем помешался. Я вошел и обнаружил его на коленях перед меломаном, он вымаливал у него за что-то прощение. Не понимаю. Думаю, что некоторым просто нельзя пить! А ты как думаешь?

— Так же, — ответил Фостер.

Он наблюдал за тем, как санитары из “скорой помощи” выносили пострадавшего из зала.

— Электрошок средней тяжести, — сказал один из санитаров. — Все будет в порядке.

В меломане что-то щелкнуло, и заиграла новая пластинка. Должно быть, что-то произошло с регуляторами, потому что звук был просто оглушающим.

— Хло-о-о! — вопил меломан.

Оглушенный, борясь с ощущением, что он переживает галлюцинацию, Фостер оказался возле автомата. Он приник к нему, борясь с накатывающей волной звука. Он потряс аппарат, и звук уменьшился.

— Хло-о-о! — мягко и нежно пел меломан.

Кругом все суетились, но Фостер не обращал на это никакого внимания. Он весь был во власти обаявшей его идеи.

Сквозь стеклянную панель он заглянул внутрь фонографа. Пластинка вращалась медленно, и, когда игла поднялась, Фостер смог прочесть ее название: “Весна в горах”.

Пластинка торопливо поднялась и скользнула на свое место. Другая черная-пречерная пластинка закружилась под иглой. Это были “Сумерки в Турции”.

Через некоторое время шум суеты улегся, и Остин подошел к фонографу. Оглядев его, он сделал пометку, что надо заменить разбитую панель. Фостер совсем забыл о толстом, небритом, неопрятном мужчине, но вдруг услышал за спиной его голос:

— Не верю, что сейчас апрель.

— Что?!

— Сейчас март!

— Иди ты!.. — сказал Фостер.

Он был глубоко потрясен, хотя сам не понимал почему. Он подозревал, что истинная причина его нервозности была реальной.

— Врешь, я тебе говорю!

Толстяк дохнул перегаром в лицо Фостеру.

— Сейчас март! Или ты согласишься, что сейчас март, или...

Но с Фостера было довольно. Он оттолкнул толстяка и сделал было два шага в сторону, когда маленькая, сохранявшая холдную ясность клеточка его мозга дала знать о себе.

Меломан заиграл "Отрицай — да, выбирай — нет".

— Сейчас март! — вопил толстяк. — Ведь март же!

— Да, — тусклым голосом подтвердил Фостер. — Март.

Всю ночь название песни крутилось у него в голове. Он отправился с толстяком домой. Он пил с толстяком. Он ни разу не сказал "нет".

Утром он с удивлением узнал, что толстяк нанял его для "Саммит-студио" в качестве сочинителя песен, просто потому, что Фостер не сказал "нет", когда его спросили, умеет ли он писать песни.

— Отлично, — сказал толстяк. — Теперь мне лучше отправиться домой, не так ли? Завтра я должен отправиться на студию. Мы начинаем супермузыкальный "апрель-2" и... Сейчас ведь апрель, правда?

— Конечно.

— Давай-ка немного поспим. Нет, не в ту дверь — там бассейн. Пойдем, я покажу тебе спальню для гостей. Ты ведь хочешь спать, правда?

— Конечно, — ответил Фостер, хотя и не хотел.

Однако он заснул, а на следующее утро оказался с толстяком в "Саммит-студио" и подписал контракт. Никто не спросил у него документы, подтверждающие его квалификацию. Галиаферро, толстяк, сказал, что он подходит, и этого оказалось достаточно.

Ему выделили кабинет с фортепьяно и секретаршей, и большую часть дня он проводил, сидя за столом и размышляя над тем, как все это получилось. Постепенно кое-что начало проясняться.

Галиаферро был крупной шишкой. Очень крупной. У него была одна слабость — он не выносил противоречий. Его окружали лишь люди, говорившие "да". Те, кто окружал Галиаферро, должны были отказываться от "нет" в пользу "да".

Фостер прочитал подписанный им контракт. Романтическая любовная песня для нового фильма. Дуэт. Каждый считал собой разумеющимся, что Фостер умеет отличать одну ноту от другой. Он и умел, потому что в юности занимался фортепиано, но тайна контрапункта и ключей была ему неведома.

В эту ночь он снова отправился в маленький бар в нижней части города. Он надеялся на то, что меломан сумеет ему помочь, хотя и очень смутно представлял себе, как это будет.

Не то чтобы он верил в подобное, но попробовать было можно. Однако меломан продолжал играть одну и ту же песню.

Странно было то, что кроме него никто этой песни не слышал. Фостер обнаружил это обстоятельство чисто случайно, когда Остин сказал, что меломан исполняет свой обычный репертуар.

Тогда Фостер стал слушать внимательнее. Это был жалобный и удивительно нежный дуэт. В нем были обертоны, от которых по спине Фостера пробегала дрожь.

— Кто написал эту вещь? — спросил он Остина. — Может, Хоуги Кармикаэль?

Но они говорили о разных вещах. Внезапно меломан заиграл “Я это сделал”, а затем снова вернулся к дуэту.

— Нет, — сказал Остин, — думаю, это не Хоуги. Вещь старая, “Дарданелла”.

Фостер увидел в глубине зала пианино. Он подошел к нему и достал блокнот.

Вначале он записал стихи, потом попытался записать мелодию, но это было выше его возможностей.

Самое большее, чего он мог достичь, походило на стенографическую запись. У Фостера был чистый и верный голос, и он подумал, что, если ему удастся найти кого-то, кто записал бы ноты, он смог бы воспроизвести мелодию.

Закончив, он внимательно осматрел автомат. Разбитая панель была заменена. Он дружески похлопал его и ушел, погруженный в свои мысли. Его секретаршу звали Лоис Кеннеди. На следующий день она вошла в кабинет как раз в тот момент, когда Фостер тыкал пальцем в клавиши, тщетно пытаясь записать мелодию.

— Позвольте вам помочь, мистер Фостер, — сказала она.

Она понимающим взглядом окинула пачку исписанных листков.

— Я... нет, спасибо, — ответил Фостер.

— У вас не ладится с записью? — спросила она и улыбнулась. — Так бывает со многими композиторами. Они пишут на слух, но не могут отличить соль от ля.

— Вот как! — пробормотал Фостер.

Девушка внимательно на него посмотрела.

— Давайте сделаем так: вы мне наиграете, а я запишу.

Фостер очень старался, но у него ничего не вышло. Наконец он взял бумажку, на которой были записаны стихи, и принялся напевать их.

— Прекрасно, — сказала Лоис. — Вы просто пойте, а мелодию запишу я.

У Фостера был чистый голос, и он обнаружил, что он на удивление прекрасно помнит исполнение меломана. Он спел песню, и Лоис принялась наигрывать ее на пианино, а Фостер стал поправлять ее. По крайней мере, он мог сказать, что верно, а что неверно. Лоис же, с самого рождения жившая в мире музыки, без всякого труда перенесла песню на бумагу.

Песня привела ее в восторг.

— Просто прекрасно! — сказала она. — Это нечто поистине новое. Мистер Фостер, вы просто молодец, не хуже Моцарта, честное слово. Я прямо сейчас отнесу ее боссу. Обычно мы не торопимся, но этот ваш первый опыт очень удачен.

Галиаферро песня понравилась. Он сделал несколько метких замечаний, которые Фостер с помощью Лоис перевел на нотную бумагу. Потом шеф пригласил других песенников послушатьopus Фостера.

— Я хочу, чтобы вы слышали то, что хорошо, — сказал им Галиаферро. — Это моя новая находка. Он вам покажет, как надо работать. Я думаю, что мы должны влить в свои жилы свежую кровь, — закончил он своим мрачным голосом, обводя глазами поверженных в прах песенников.

Но у самого Фостера внутри все дрожало: он знал, что эта песня вполне могла оказаться плагиатом. Он так и ждал, что кто-нибудь из слушателей крикнет:

— Эта ваша новая находка свистнула песню у Берила!..

Или у Гершвина, или у Гармонштейна, — все было возможно.

Но никто его не уличил, песня действительно была новой. Она установила за Фостером репутацию человека, опасного вдвойне: он написал и музыку, и стихи.

Успех был полный.

Теперь каждый вечер он проделывал одно и то же: в одиночку отправлялся в бар в нижнем городе, и автомат помогал ему написать песню. Казалось, он в точности знал, что именно нужно. Взамен он просил очень мало. С непрошеной верностью он награждал его “Сигаретой” и “Двумя флагами”, а иногда играл любовные песни, звучавшие в ушах и в сердце Фостера. Это были серенады в его честь.

Иногда Фостеру казалось, что он сходит с ума.

Шли недели. Всю предварительную работу Фостер проделывал в маленьком баре, а позже заканчивал ее с помощью секретарши. Он начал замечать, что она потрясающе хорошенькая девушка с прелестными глазами и губами. Лоис, казалось, была настроена к нему дружелюбно, но пока что Фостер воздерживался от каких-либо определенных действий.

Он все еще чувствовал себя неуверенно.

Однако он цвел, как роза. Счет его быстро рос, он стал гораздо лучше выглядеть, меньше пил и каждый вечер посещал бар нижнего города. Однажды он обратился к Остину с вопросом:

— Откуда взялся этот меломан?

— Не знаю, — ответил Остин, — когда я сюда пришел, он уже здесь стоял.

— А кто заряжает его пластинками?

— Компания, полагаю.

— Ты когда-нибудь видел, как это делается?

Остин задумался.

— Не могу такого припомнить. Наверное, служащие приходят в часы работы другого бармена. Впрочем, репертуар меняется каждый день. Обслуживание на уровне.

Фостер сделал пометку в блокноте: спросить у другого бармена. Но сделать он этого не успел, ибо на следующий день поцеловал Лоис Кеннеди.

Это было ошибкой, и не просто ошибкой, а началом катастрофы. Вечером они с Лоис медленно ехали вдоль Сансет-стрит, говоря о жизни и о музыке.

— Я хочу, чтобы мы куда-нибудь пошли, — сказал Фостер, — я хочу, чтобы мы поехали куда-нибудь вместе.

— Милый, — сказала Лоис.

Фостер остановил машину и поцеловал Лоис.

— В честь этого нужно выпить еще, — сказал он. — Есть тут поблизости бар?

На землю опустилась ночь. Фостер сам не сознавал, в каком он все время находился напряжении. Теперь оно исчезло. Было так чудесно держать Лоис в объятиях, целовать ее, ощущать прикосновение ее волос к своей щеке. Все виделось ему в розовом цвете.

Сквозь розовую дымку внезапно возникло лицо Остина.

Фостер моргнул. Он сидел в кабине, а рядом с ним сидела Лоис. Его рука была обвита вокруг ее талии, и он вроде бы только что ее целовал.

— Остин, — сказал он, — сколько времени мы здесь?

— Около часа. Разве вы не помните, мистер Фостер?

— Дорогой... — прошептала Лоис, теснее прижимаясь к нему.

Фостер попытался собраться с мыслями. Это оказалось не-
легким делом.

— Лоис, — сказал наконец он, — я должен написать следу-
ющую песню.

— С этим можно подождать.

— Нет. Пламенную песню. Галиаферро хочет получить ее к
пятнице.

— Еще четыре дня...

— Но я здесь, и могу получить песню, — сказал Фостер со
свойственной пьяным настойчивостью.

Он встал.

— Поцелуй меня, — пробормотала Лоис, цепляясь за него.

Он повиновался, хотя у него было чувство, что ему следует
заняться более важными делами. Потом он направился к мело-
ману.

— Привет, — сказал он.

Он погладил его по гладкой сверкающей панели.

— Я вернулся. Пьяный вот, правда, но это ничего. Давай
сотворим песенку.

Меломан молчал. Фостер почувствовал, как Лоис коснулась
его руки.

— Идемте! Нам не нужна музыка.

— Подожди минутку, моя радость.

Меломан молчал.

— Понял! — со смехом произнес Фостер. Он вытащил при-
горшню мелочи, сунул монетку в отверстие и потянул за рычаг.

Все оставалось по-прежнему.

— Что же это с ним приключилось? — пробормотал Фос-
тер. — Мне нужна к пятнице песня.

Он подумал, что не знает многих вещей из того, что ему
необходимо знать. Немота автомата озадачила его.

Внезапно в его памяти всплыло событие, происшедшее не-
сколько недель тому назад. Блондин напал на автомат с топо-
ром, но лишь получил шок. Этот блондин, припомнил он, любил
часами сидеть тут тет-а-тет с автоматом.

— Кретин! — медленно проговорил Фостер.

Лоис поинтересовалась, в чем дело.

— Мне следовало проверить это раньше, — ответил он
ей. — Может быть, я смогу узнать... О, ничего страшного, Лоис.
Так, пустяки.

Потом он отправился за сведениями к Остину. Остин сооб-
щил ему имя блондина, и через час Фостер разыскал его в
больнице. Молодой человек лежал на белой больничной кро-
вати. Лицо его под потускневшими белокурыми волосами было
измученным.

Фостеру пришлось долго лгать, прежде чем ему разрешили пройти в эту палату. Теперь он сидел, смотрел и чувствовал, как вопросы замирают у него на губах, прежде чем он успевал их задавать.

Когда же он наконец упомянул о меломане, дело пошло легче. Ему осталось лишь сидеть и слушать.

— Меня вынесли из бара на носилках, — сказал блондин. — Потом встречную машину занесло, и она налетела прямо на меня. Я не почувствовал боли. Я и сейчас ничего не чувствую. За рулем была девушка... Она сказала, что слышала, будто кто-то выкрикнул ее имя — Хло. Это так ее удивило, что она потеряла контроль над управлением и налетела на меня... Вы знаете, кто кричал "Хло", не так ли?

Фостер откинулся на спинку стула. Где-то в глубине его мозга гнездились смутное воспоминание: меломан заиграл "Хло", и звук, должно быть, был включен на полную мощность, потому что какое-то время песня просто гремела...

— Я парализован, — сказал блондин. — Я умираю. Так мне и надо! Она мстительная и очень хитрая!

— Она?

— Шпионка. Может быть, все эти технические приспособления только маски для тех вещей, кому мы доверяем. Не знаю. Меломан в баре — лишь маска. Он живой. Нет, не он! Она! Да, да, это она!

— Кто поставил ее туда? — спросил блондин то, о чем хотел узнать и Фостер. — Кто это "они"? Люди из другого мира? Из другого времени? Марсиане? Им нужна информация о нас, держу пари, но они сами появляться не осмеливаются. Они пользуются приборами, которым мы доверяем, чтобы они шпионили за нами. Только эта несколько вышла из-под контроля. Она более ловкая, чем другие.

Он с беспокойством пошевелил головой.

Взгляд его лихорадочно горящих глаз устремился на маленький приемничек, стоявший возле кровати.

— Даже этот! — прошептал он. — Действительно ли это радио? Или это один из их замаскированных приборов, шпионящих за нами?

Голова его упала на подушку.

— Некоторое время назад я начал понимать, — слабым голосом продолжал молодой человек. — Она вкладывала мне в голову различные идеи и не раз вытаскивала меня из беды. Теперь она этого не сделает. Она мне не простит. О, она надежна женскими качествами, в этом сомнений нет. Раз я ей угодил, я человек конченый. Она хитра, слишком хитра для коробки с музыкой. Механический мозг?.. Или же... не знаю.

Теперь я уже никогда не узнаю. Очень скоро я умру, так будет лучше для меня.

Вошла сестра.

Джерри Фостера бил озноб. К тому же он был выпивши. Когда он возвращался, Мейн-стрит была яркой и шумной, но пока он решал, что ему делать, наступила ночь, и тишина разлилась по улицам бок о бок с темнотой. Свет уличных фонарей был неважным помощником.

— Будь я трезв, я бы в это не поверил, — прошептал он.

Он вслушивался в гулкий звук своих шагов.

— Но сейчас я верю... Мне нужно договориться с этой... с автоматом!

Какая-то часть его сознания привела его в переулок, какая-то — велела разбить окно, накрыв стекло пальто для смягчения звука, и та же усиленно работавшая трезвая часть мозга провела его через темную кухню во вращающиеся двери.

Он очутился в баре. Кабинки стояли пустыми. Слабый свет уличных фонарей пробивался через опущенные венецианские жалюзи.

У стены высился темный и молчаливый силуэт автомата. Таким он и оставался, молчаливым и внемлющим. Даже когда Фостер опустил в него монетку, все осталось по-прежнему.

Штепсель был в розетке, рычаг нажат, но все это не играло никакой роли.

— Послушай, — сказал Фостер. — Я был пьян. Это просто какое-то безумие. Этого не может быть. Ты ведь не живой. Или живой? Это ты уложил в больницу парня, которого я навещал?

Было темно и холодно, у зеркальной стены, за стойкой, сверкали бутылки. Фостер подошел и открыл одну из них. Он глотнул виски прямо из горлышка.

Через некоторое время ему перестало казаться таким уж чудовищным, что он стоит и спорит с меломаном.

— Значит, ты женщина, — сказал он. — Завтра я принесу тебе цветы. Я, кажется, начинаю понимать! Конечно, я понимаю! Я не могу писать песни один. Не могу! Помоги мне! Я никогда больше не посмотрю на другую девушку!

Он снова отхлебнул из бутылки.

— Ты просто в дурном настроении, — сказал он. — Хватит, перестань. Ты же любишь меня. Ты же знаешь, что это так! С ума можно сойти!

Бутылка исчезла каким-то таинственным образом, он пошел за другой.

С уверенностью, от которой кровь застывала у него в жилах, он понял, что в комнате есть кто-то еще.

Там, где он стоял, было совсем темно.

Он перевел взгляд на вновь вошедших, и это было единственное его движение.

Тех, других, было двое, и они не были людьми.

Двигаясь каким-то неопишным образом, они оказались возле меломана. Один из них вытащил из него маленький свертывающийся цилиндр.

Фостер стоял, обливаясь потом. Он мог слушать их мысли.

— Данные за последние двадцать четыре часа по земному времени. Заложите новое записывающее устройство и поменяйте пластинки.

Фостер следил за тем, как они меняют пластинки. Остин сказал, что диски заменяются ежедневно, а блондин, умирающий в больнице, говорил что-то другое. Это не могло быть явью. Существа, на которых он смотрел, не могут существовать. Они расплывались перед его глазами.

— Здесь человек, — подумал один из них. — Он нас видит. Лучше устранить его.

Распластавшиеся нечеловеческие фигуры направились к нему. Фостер силился закричать, нырнул под стойку и кинулся к автомату. Обняв его неподвижный корпус, он взмолился:

— Останови их! Не дай им меня убить!

Теперь он не мог видеть существ, но знал, что они за его спиной. Ужас обострил все его чувства. Название одной из песен всплыло перед его глазами. Он нажал на клавишу возле слов: "Люби меня вечно".

Что-то коснулось его плеча, сжало и потащило назад.

В меломане вспыхнул свет. Закрутилась пластинка, игла заплескала на ее черной поверхности.

"Ты умрешь, и я буду рада. Вот, мошенник, тебе и награда", — играл автомат.

НАЗОВИ ЕГО ДЕМОНОМ

Глава 1

Прошло много времени, прежде чем она вернулась в Лос-Анджелес и проехала мимо дома бабушки Китон. Собственно, он мало изменился, но то, что в 1920 году представлялось ее детскому взору элегантным особняком, сейчас выглядело большим нелепым сооружением, покрытым чешуйками серой краски.

По прошествии двадцати пяти лет чувство опасности исчезло, но осталось настойчивое и непонятное ощущение тревоги, как в те времена, когда Джейн Ларкин, худая и большеглазая девятилетняя девочка со столь модной тогда челкой была привезена в этот дом.

Оглядываясь назад, в те времена, она могла припомнить одновременно и слишком много, и слишком мало. Когда в тот июльский день 1920 года Джейн вошла в гостиную с зеленой стеклянной люстрой, ей пришлось обойти всех членов семьи и поцеловать каждого: бабушку Китон, чопорную тетю Бетти и четырех дядей. Она не колебалась, когда пошла к тому дяде, такому отличному от остальных.

Остальные дети внимательно наблюдали за ней. Они знали. И они поняли, что она тоже знает. Но сразу они ничего не сказали. Джейн обнаружила, что и она тоже не может упомянуть о неприятности, пока они сами не заведут с ней разговор.

Это было свойственное детям понятие об этике. Но тревога ощущалась во всем доме. Взрослые лишь смутно чувствовали, что что-то не так. Дети, как поняла Джейн, ЗНАЛИ.

Позже они собрались на заднем дворе, под большой финиковой пальмой. Джейн машинально теребила свое ожерелье и ждала.

Она видела, как другие обменивались взглядами, говорившими: "Думаете, она и в самом деле заметила?" Наконец Беатрис, старшая, предложила сыграть в прятки.

— Ты должна ей сказать, Би, — сказал маленький Чарльз.

Беатрис пристально посмотрела на Чарльза.

— Сказать ей. О чем? Ты, Чарльз, с ума сошел.

Чарльз настаивал, хотя и не очень уверенно.

— Ты знаешь.

— Держите свои тайны при себе, — сказала Джейн. — Но я все равно знаю, в чем дело. ОН — не мой дядя.

— Видите?! — вскричала Эмилия. — Она тоже заметила. Я же говорила вам, что она заметила.

— Смешно, — сказала Джейн.

Она прекрасно знала, что тот человек в гостиной не был ее дядей, никогда не был, и что он усиленно притворялся, — достаточно умело для того, чтобы убедить взрослых, — будто он всегда им был. Ясным, лишенным предвзятости глазом не достигшего зрелости существа Джейн могла видеть то, что было недоступно любому взрослому. Он был каким-то... пустым.

— Он только что приехал, — сказала Эмилия, — недели три назад.

— Три дня, — уточнил Чарльз.

Однако его измерение времени не зависело от календаря. Он измерял время, сообразуясь со значительностью событий, и понятие "день" не служило для него стандартом. Когда он был болен или когда шел дождь, время для него тянулось медленно, когда же он совершал веселые прогулки в Океанском Парке или играл на заднем дворе, время бежало гораздо быстрее.

— Это было три недели назад, — сказала Беатрис.
— Откуда он приехал? — спросила Джейн.
Снова обмен взглядами.
— Не знаю, — осторожно ответила Беатрис.
— Он пришел из большого дупла, — сказал Чарльз. — Оно такое круглое и сверкает, как рождественская елка.
— Не ври, — сказала Эмилия. — Разве ты сам это видел, Чарльз?
— Нет. Только что-то подобное.
— И они не заметили?
Джейн имела в виду взрослых.
— Нет, — ответила Беатрис.
Все дети посмотрели в сторону дома, думая о непостижимости поведения взрослых.
— Они ведут себя так, как будто он всегда был здесь. Даже бабушка. Тетя Бетти сказала, что он пришел раньше, чем я, но я-то знаю, что это неправда.
— Три недели, — поправил себя Чарльз.
— Они все болеют из-за него, — сказала Эмилия. — Тетя Бетти все время пьет аспирин.
Джейн размышляла. Дядя трех недель от роду? Здесь было над чем подумать. Возможно, взрослые всего лишь притворялись, как они иногда это делали, руководствуясь своими непонятными взрослыми мотивами. Но почему-то такое предположение не казалось убедительным. Дети не любят думать над такими вещами подолгу.
Теперь, когда лед растаял и Джейн не была уже чужой, Чарльз пришел в большое волнение.
— Скажи ей, Би! Настоящую тайну, ты же знаешь. Можно мне показать ей Дорогу из Желтых Камней? Пожалуйста, Би! А?
Снова установилось молчание. Чарльз слишком много выболтал. Джейн, конечно, знала Дорогу из Желтых Камней, она вела из Страны Оз через Мертвую Пустыню прямо к Изумрудному Городу.
Продолжительное молчание нарушила Эмилия:
— Мы должны ей сказать. Только она может напугаться. Там так темно...
— Это ты трусиха, — поддразнил ее Бобби. — В первый раз ты заплакала.
— И вовсе нет. Все равно она должна знать.
— В последний раз я протянул руку и коснулся короны, — сказал Чарльз.
— Это не корона, — сказала Эмилия. — Это ОН, Руггедо.
Джейн подумала о дяде, который не был настоящим дядей, и вообще был ненастоящим.

— ОН — Рутгедо? — спросила она.

Дети поняли.

— О нет, — сказал Чарльз. — Рутгедо живет в погребке. Мы даем ему мясо. Красное и мокрое. Оно ему нравится. Он жрет!

Беатрис смотрела на Джейн. Она кивнула в сторону домика, маленькой сторожки с хитроумным замком. Потом она умело перевела разговор на другую тему. Началась игра в ковбоев и индейцев, и Бобби, с ужасными воплями, помчался вокруг дома.

В хижине приятно пахло акацией, запах которой сочился сквозь щели. Беатрис и Джейн, тесно прижавшись друг к другу, слушали затихающие вдали индейские кличи. Беатрис выглядела на удивление взрослой.

— Я рада, что ты приехала, Джейн, — сказала она. — Малыши не понимают, как это ужасно.

— Кто он?

Беатрис содрогнулась.

— Не знаю. Думаю, он живет в погребке.

Она колебалась.

— Но до него вполне можно добраться и через чердак. Я бы просто жутко боялась, если бы малыши не были такими... Они как будто вообще не придают этому значения.

— Но, Би, кто ОН?

Беатрис повернула голову и посмотрела на Джейн. Было ясно, что она не может или не хочет сказать. Был какой-то барьер, но поскольку это было важно, она попыталась. Она назвала Неправильного Дядю.

— Я думаю, Рутгедо и он — одно и то же. Чарльз и Бобби так говорят, а они знают лучше, чем я. Они младше. Трудно объяснить, но, в общем, это нечто вроде скудлеров. Помнишь?

Скудлеры. Раса неприятных существ, живущих в пещере, на пути к стране Оз. Они обладали способностями отделять головы от туловища и кидаться ими в прохожих. Через мгновение подобное сравнение сделалось очевидным.

Скудлеры могли существовать при том, что голова их находилась в одном месте, а туловище в другом. Но обе части принадлежали одному и тому же скудлеру.

Конечно, дядя-фантом имел и голову, и тело. Но Джейн могла смутно понять возможность двойственности его натуры — одна из них уверенно двигалась по дому, являясь источником странной злобы, а другая, безымянная, гнездилась в погребке и ждала красного мяса.

— Чарльз знает об этом больше остальных, — сказала Беатрис. — Это он обнаружил, что мы должны кормить Рутгедо. Мы испробовали и другую пищу, но оказалось, что необходимо

именно сырое мясо. А если мы прекратим, должно произойти что-то ужасное. Мы, дети, это понимаем.

Замечательно было то, что Джейн не спрашивала почему. Дети понимали подобное проявление телепатии как само собой разумеющееся.

— Они не знают, — сказала Беатрис. — Мы не можем им сказать.

— Не можем, — согласилась Джейн.

Две девочки посмотрели друг на друга, беспомощные перед лицом известной проблемы не достигших зрелости существ — той проблемы, что мир взрослых слишком сложен, чтобы можно было его понять, из-за чего детям приходится быть осторожными.

Взрослые всегда правы. Они — раса чужих.

К счастью для детей, они выступали перед лицом врага сплоченной группой. Случись это с одним ребенком, он мог впасть в дикую истерику. Но Чарльзу, которому принадлежала честь открытия, было только шесть лет. Он был еще мал, обычный процесс перехода в психически неустойчивое состояние был для него невозможен.

— И они болеют с тех пор, как он появился, — сказала Беатрис.

Джейн это уже заметила. Волк может спрятаться среди стада овец незамеченным, но овцы будут нервничать, хоть и не понимая, в чем источник этой нервозности.

Дело тут было в настроении. Даже он поддался этому настроению, чувству тревоги, ожидания, ощущению того, что что-то не так, хотя и не понятно, что именно. Но для него это был только камуфляж. Джейн считала, что он не хотел привлекать внимание отличием от избранного им эталона, заключенного в человекообразную оболочку.

Джейн приняла версию. Дядя был... пустым. Того, кто сидел в погребѣ, звали Рутгедо, и его следовало регулярно кормить сырым мясом, что бы ни случилось Нечто...

Переодетый, взявшийся неизвестно откуда, он обладал властью. Очевидные доказательства его власти принимались безоговорочно.

Дети — реалисты. Им не казалось невероятным, что среди них появился странный и голодный нечеловек — ведь он был!

Он пришел откуда-то. Из времени, из пространства или из некоего укрытия. Он никогда не обладал человеческими чувствами — дети легко распознают подобные вещи. Он очень ловко притворялся, будто он человек, и разум взрослых создал искусственное воспоминание о его прежнем существовании. Взрослые думали, будто помнят его. Взрослые распознают мираж,

ребенок обманывается. Но мираж, интеллектуальный, обманет взрослого, а не ребенка.

Власть Рутгедо не могла распространяться на их разум, ибо, с точки зрения взрослого, они не были ни достаточно зрелыми, ни достаточно нормальными. Беатрис, самая старшая, боялась. У нее начало развиваться воображение.

Маленький Чарли испытывал состояние, близкое к восторгу. Бобби, самый младший, начал уже утомляться.

Возможно, позже Би могла смутно припомнить, как выглядел Рутгедо, но остальные не помнили ничего. Ибо они шли по очень странной дороге и, возможно, каким-то образом менялись на то время, что были с ним. Он принимал или отвергал еду, и это было все. Наверху тело скудлера притворялось человеческим, в то время как голова его лежала в маленьком ужасном гнезде, сделанном из свернутого пространства, так что он был невидим и недостижим для любого, кто не знал, как отыскать Дорогу из Желтых Камней.

Кем же он был? Не прибегая к стандартным сравнениям — а в этом мире их нет — сущность его определить нельзя. Дети думали о нем как о Рутгедо. Но он не был толстым, комичным, вечно странствующим королем Гномов.

Он никогда им не был.

Назовем его демоном.

Как имя-символ, оно включает в себя слишком много и слишком мало. Но оно подойдет. По своим физическим качествам он был чудовищем, чужим суперсуществом.

Но, не следуя его поступкам и желаниям, — назовем его демоном.

Глава 2

Сырое красное мясо

Однажды, несколькими днями позже, Беатрис спросила у Джейн:

— Сколько у тебя с собой денег?

— Четыре доллара тридцать пять центов, — ответила Джейн, исследовав содержимое своего кошелька. — Папа дал мне пять долларов на вокзале. Я купила жареной кукурузы и... ну, еще разное.

— Послушай, до чего же я рада, что ты приехала.

Беатрис глубоко вздохнула. Само собой разумелось, что столь свойственные детским кружкам принципы социализма будут применены и данным тесным кружком. Маленький капитал

Джейн был нужен не одному из его членов, а всем, вместе взятым.

— Нам страшно нужны деньги, — сказала Беатрис. — Бабушка поймала нас, когда мы брали мясо из холодильника, и больше мы этого делать не можем. Но на твои деньги мы можем купить много мяса.

Ни один из них не подумал о том неизбежном моменте, когда капитал этот должен был истощиться. Четыре доллара тридцать пять центов казались по тем временам крупной суммой. И потом, им не нужно было покупать дорогое мясо — достаточно того, что оно будет сырым и красным.

Все вместе они шли по затененным акациями улицам. Кое-где акации уступали место пальмам и перечным лианам. Они купили два фунта мяса и еще двадцать центов промотали на содовую.

Когда они вернулись домой, то застали там обычное воскресное сонное царство.

Дяди Симон и Джеймс пошли за сигаретами, дяди Лью и Берт читали газеты, тетя Бетти вязала крючком. Бабушка Китон читала "Журнал для молодежи", не пропуская пикантные места. Девочки остановились за расшитыми портьерами и заглянули в комнату.

— Входите, малышки, — сказал Лью.

У него был глубокий густой голос.

— Картинки видели? Матт и Джеф хороши. И Спартак Плаг...

— Для меня достаточно хорош мистер Гибсон, — сказала бабушка Китон. — Он настоящий художник. Его люди похожи на людей.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился дядя Джеймс — толстый, улыбающийся, явно довольный жизнью после нескольких кружек пива. За ним, подобно олицетворению честности, вышагивал дядя Симон.

— Во всяком случае, хоть тихо, — сказал он.

Он бросил кислый взгляд в сторону Джейн и Беатрис.

— Иногда дети устраивают такой шум и гам, что я не слышу даже собственных мыслей.

— Бабушка, — спросила Джейн, — а где малыши?

— Думаю, на кухне, дорогая. Им для чего-то понадобилась вода.

— Спасибо.

Две девочки пересекли комнату, в которой ощущались первые признаки неосознанного смятения. Овцы чувствовали присутствие волка, но довольствовались ощущением покалывания под шкурами.

Они не знали...

Младшие были в кухне, увлеченно обрабатывая водой и кистями секцию космических картинок. Одна газетная страница была покрыта специальным составом, а влага выявляла на свет различные краски — пастельные, но удивительно чистые, подобные тем, что можно найти на японских цветах, растущих в воде, или на китайских бумажных коробочках с крошечными призмами внутри.

Беатрис показала им свой пакет от мясника.

— Два фунта, — сказала она. — У Джейн были деньги, а Мертон сегодня как раз открыт. Вот я и подумала, что нам лучше...

Эмилия с увлечением продолжала свое занятие. Чарльз вскочил.

— Пойдем сейчас, да?

Джейн встревожилась.

— Не знаю, стоит ли мне идти. Я...

— Я тоже не хочу, — сказал Бобби.

Это было уже предательством. Чарльз сказал, что Бобби боится.

— Вовсе нет. Просто мне не интересно. Я хочу играть во что-нибудь другое.

— Эмилия, — мягко проговорила Беатрис, — на этот раз тебе не придется идти.

— Нет, я пойду.

Эмилия подняла взгляд от рисунков.

— Я не боюсь.

— Я хочу посмотреть на огни, — сказал Чарльз.

Беатрис повернулась к нему.

— Ты говоришь неправду, Чарльз. Никаких огней нет.

— Есть. По крайней мере, иногда.

— Нет.

— Есть. Просто ты глупая и не можешь их увидеть. Пойдем его кормить.

Само собой разумеется, что сейчас командовала Беатрис. Она была старше, и она, почувствовала Джейн, боялась больше всех, даже больше Эмилии.

Они пошли вверх. Беатрис несла пакет с мясом. Она уже разрешила бечевку. Очутившись в верхнем коридоре, они сгруппировались у двери.

— Вот он, путь, Джейн, — с оттенком гордости сообщил Чарльз. — Мы должны подняться на чердак. В потолке ванной есть спускающаяся лестница. Нужно взобраться на ванну и дотянуться до нее.

— Но мое платье, — с сомнением в голосе сказала Джейн.

— Ты не испачкаешься. Идем.

Чарльз хотел быть первым, однако он был слишком мал. Беатрис вскарабкалась на край ванны и потянула за кольцо в потолке. Круглая дверь люка заскрипела, и медленно, с некоей величавостью, сверху спустилась лестница и встала возле ванны. Наверху было темно. Слабый свет едва пробивался сквозь чердачные окна.

— Идем, Джейн, — странным шелестящим шепотом сказала Беатрис.

Они, как отважные акробаты, принялись карабкаться вверх.

На чердаке было тепло, тихо и пыльно. В лучах света танцевали пылинки.

Беатрис прошла по одной из балок. Джейн следовала за ней.

Беатрис не оглядывалась и ничего не говорила. Один раз она провела рукой, как будто что-то искала. Чарльз, шедший за ней следом, взял ее за руку. Потом Беатрис достигла планки, положенной через другое стропило. Она прошла по ней дальше, остановилась и вместе с Чарльзом вернулась назад.

— Ты все делала не так, — разочарованно сказал Чарльз. — Ты думала неправильно.

Лицо Беатрис казалось странно-белым в слабо-золотистом свете.

Джейн встретила взглядом с кузиной.

— Би...

— Он прав, нужно думать о чем-нибудь другом, — быстро проговорила Беатрис. — Идем.

Она прошла по планке. Чарльз шел за ней по пятам. Она бормотала что-то ритмически-механическое, монотонное:

— Раз-два, вот халва.

Три-четыре, заплатили.

Пять-шесть, можно есть...

Беатрис исчезла.

— Семь-восемь, пить попросим...

Чарльз исчез.

Бобби, всем своим видом выражая недовольствие, последовал за ними.

Эмилия слабо пискнула.

— О, Эмилия! — сказала Джейн.

Ее младшая кузина только сказала:

— Я не хочу туда идти, Джейн.

— И не нужно.

— Нет, нужно, — вскрикнула Эмилия. — Я не буду бояться, если ты пойдешь следом за мной. Мне всегда кажется, будто кто-то крадется за мной и сейчас схватит. Но, если ты обещаешь идти следом, я не буду бояться.

— Обещаю, — сказала Джейн.

Повеселевшая Эмилия пошла по мостику.

На этот раз Джейн наблюдала особенно внимательно. И все же она не видела, как Эмилия исчезла.

Джейн шагнула вперед, но голос, доносившийся снизу, заставил ее остановиться:

— Джейн!

Голос принадлежал тете Бетти.

— Джейн!

На этот раз окрик был более громким и повелительным:

— Джейн, ты где? Иди сюда.

Джейн стояла, не шевелясь, и смотрела на планку-мостик. Он был пуст. Не было видно и следа Эмилии и других детей.

Чердак внезапно превратился в место, полное странной угрозы. Но все равно нужно было идти, потому что она обещала, если...

— Джейн!

Джейн покорно спустилась и пошла на зов тети Бетти. Женщина с суровым ртом недовольно поджала губы.

— Где, скажи на милость, ты была Джейн? Почему тебя не дозовешься?

— Мы играли, — ответила Джейн. — Я нужна, тетя Бетти? — Я бы не стала утверждать обратного, — сказала тетя Бетти. — Я вяжу воротник. Это же для твоего платья. Иди сюда, мне нужно примерить. Как ты выросла, девочка!

После этого началась бесконечная возня с булавками, повороты туда-сюда, а Джейн думала, не переставая, об Эмилии — одной, боящейся чего-то страшного на чердаке.

Джейн испытывала почти ненависть к тете Бетти, но мысль о побеге даже не мелькнула у нее в голове. Взрослые обладают правом абсолютной власти.

С точки зрения поддержания родственных связей в этот момент не было ничего важнее возни с воротничком. По крайней мере, с точки зрения взрослых, правящих этим миром.

А Эмилия, одна, испуганная, шла по мостику, который вел куда-то...

Дяди играли в покер. Тетя Гертруда, водевильная актриса, неожиданно приехавшая на несколько дней, болтала с бабушкой Китон и тетей Бетти в гостиной. Тетя Гертруда была маленькая, в высшей степени очаровательная женщина.

Она была полна хрупкости, а ее вкус к жизни наполнял Джейн восхищением. Но сейчас и она казалась подавленной.

— В этом доме у меня все время бегают мурашки по коже.

Она сделала вид, будто хочет хлопнуть Джейн по носу сложенным веером.

— Привет, милое личико. Ты почему не с другими детьми?

— О, я устала, — ответила Джейн.

Она не переставала думать об Эмили.

Прошел почти час с тех пор, как...

— Я в твоём возрасте никогда не уставала, — сказала тетя Гертруда. — Ну-ка, посмотри на меня. Три дня, и ещё этот ужасный человек... Мы, я тебе говорила...

Голоса понизились.

Джейн следила за тем, как худые пальцы тети Бетти методично цеплялись крючком за шелк.

— Это не дом, а просто морг какой-то, — сказала тетя Гертруда. — Да что с вами со всеми случилось? Кто умер?

— Все дело в воздухе, — отозвалась тетя Бетти. — Здесь слишком жарко — круглый год.

— Если бы тебе пришлось поиграть зимой в Рочестере, Бетти, моя девочка, ты бы радовалась теплому климату. Но все равно, дело не в этом. Я чувствую себя так, будто стою на сцене после поднятия занавеса.

— Это все твои фантазии, — сказала ей мать.

— Духи, — сказала тетя Гертруда.

Она замолчала. Бабушка Китон внимательно посмотрела на Джейн.

— Подойди ко мне, малышка, — сказала она.

Мягкие, уютные колени, державшие на себе столько детей. Джейн окунулась в это надежное тепло и попыталась забыть обо всем, оставить все заботы бабушке Китон. Но ничего не вышло. Что-то не так было в доме, и тяжелые волны чего-то неверного и ненужного исходили от источника тревоги, находившегося совсем рядом.

Неправильный дядя. Голод и алчность, требующие пищи. Близость кровавого мяса дразнила его, когда он лежал в укрытии в своем страшном гнезде, где-то там, где-то в другом мире, в том удивительном месте, куда отправились дети.

Он притаился там в ожидании еды, и он был здесь пустой, алчный, готовый сунуться в водоворот голода.

Он был двойственным дядей, замаскированным, но ужасно понятным.

Джейн закрыла глаза и теснее прижалась к плечу бабушки Китон.

Тетя Гертруда болтала странно-напряженным голосом, как будто ее смущало присутствие чужого под обычной внешней оболочкой, и это неосознанно пугало ее.

— Через пару дней у меня премьера в Санта-Барбаре, — говорила она. — Я... Да что же такое с этим домом, в конце концов? Я сегодня нервная, как кошка! Так вот, я хочу, чтобы

вы все приехали на первое представление. Это музыкальная комедия. Меня повысили.

— Я видела “Принца Нильсена” раньше, — сказала бабушка Китон.

— Но не со мной же. Я уже забронировала комнаты в отеле. Ребятишки тоже поедут. Хочешь посмотреть, как играет твоя тетя, Джейн?

Джейн кивнула из-за бабушкиного плеча.

— Тетя, — внезапно сказала Джейн, — ты всех дядей видишь?

— Конечно.

— Всех-всех? Дядю Джеймса, дядю Берта, дядю Симона и дядю Лью?

— Всю компанию. А в чем дело?

— Это я просто так спросила.

“Значит, тетя Гертруда тоже не заметила неправильного дядю. Она не слишком наблюдательна”, — подумала Джейн.

— А вот ребятишек я не вижу. Если они не поторопятся, то они не получат подарков, которые я им привезла. Ни за что не догадаешься, что у меня для тебя есть, Дженни.

Но даже эти многообещающие слова едва достигли ушей Джейн. Ибо внезапно напряжение в воздухе разрядилось. Неверный дядя, мгновение назад бывший эпицентром голода, стал теперь эпицентром экстаза.

Где-то каким-то образом последний Руггедо был накормлен. Где-то каким-то образом другая половина двойного дяди пожирала кровавую пищу.

Джейн больше не была на коленях у бабушки Китон. В это мгновение она каким-то непостижимым образом оказалась очень близко от других детей, стоящих, должно быть, возле вращающегося фокуса тьмы. Она почти ощущала их присутствие, почти касалась их рукой.

Потом темнота содрогнулась, и крошечные огоньки соединились в одно свечение, и в сознании ее закружились невозможные воспоминания. Она была совсем рядом с НИМ. А он был безопасным, когда его кормили. Он не руководил своими мыслями, они лились бесформенные, как у животного, и наполняли темноту. Мысли о красной еде и других временах и местах, где такую же красную еду протягивали ему другие руки.

Неслыханно. Воспоминания не касались Земли, они не касались этого времени и пространства. Он много путешествовал, этот Руггедо, и под многими личинами. Он вспоминал теперь, в потоке бесформенного расщепления, он вспоминал, как разрывал меховые бока, пищавшие под его пальцами, вспоминал поток горячей красной жидкости, струившейся сквозь эти шкурки.

Ничего подобного Джейн не могла раньше даже вообразить.

Он вспоминал огромный двор, мощный чем-то странным, и что-то яркое в цепях, в центре двора, и кольцо наблюдающих глаз, когда он вышел и направился к жертве.

Когда он вырывал свою долю из гладких боков, цепь клацкала в такт его жевавшему рту.

Джейн попыталась закрыть глаза и не смотреть. Но видела она не глазами. Она испытывала чувство стыда и легкого отвращения, ибо тоже присутствовала на этом пиршестве, вместе с Руггедо, ощущая сладкий вкус красного вещества, и луч экстаза пронзил ее голову так же, как и его.

— Вот и ребятишки идут, — донесся откуда-то издалека голос тети Гертруды.

Вначале Джейн не понимала смысла ее слов, потом поняла, и вдруг она снова ощутила мягкость бабушки Китон, снова очутилась в знакомой обстановке.

— Не стадо ли слонов мчится по лестнице? — говорила тетя Гертруда.

Они бежали. Теперь и Джейн слышала их.

Собственно, они создавали гораздо меньше шума, чем обычно. На полпути они замедлили бег, и до слуха Джейн донесся взрыв голосов.

Дети вошли. Беатрис была немного бледной, Эмилия — розовой, с припухшими глазами, Чарльз что-то взволнованно бормотал, но у Бобби, самого младшего, вид был угрюмый и скучный. При виде тети Гертруды их оживление удвоилось, хотя Беатрис обменялась с Джейн быстрыми значительными взглядами.

Шум, возгласы, приветствия. Вернулись дяди. Началось обсуждение поездки в Санта-Барбару, но напряженное это веселье каким-то образом разбивалось о тяжелое молчание.

Ни один из взрослых не оглядывался, но всех томило тяжелое предчувствие.

Только дети — и даже тетя Гертруда не примыкала к их числу — сознавали полную ПУСТОТУ неверного дяди — ленивого, вялого, полубессознательного существа. Внешне он имел убедительный человеческий облик, как будто никогда не сосредоточивал свой голод под этой крышей, никогда не позволял своим мыслям крутиться в сознании детей, никогда не вспоминал о красных, влажных празднествах, происходивших в другие времена и в других местах.

Теперь он испытывал чувство насыщения. Переваривая, он стал излучать медленные дремотные волны, и все взрослые зевали и удивлялись этому. Но даже теперь он был пустым,

ненастоящим. Чувство, что он здесь никто, не покидало маленькие, острые, во все проникающие сознания, которые видели его таким, каков он был.

Глава 3

Насытившийся едок

Позже, когда пришла пора ложиться спать, один только Чарльз пожелал говорить о дяде.

У Джейн было такое чувство, будто Беатрис выросла за этот день. Бобби читал “Джунгли” или притворялся, что читает, увлеченно рассматривая картинки с изображением тигра Шер-Хана. Эмилия отвернулась к стене и сделала вид, что спит. Джейн чувствовала молчаливый упрек.

— Меня позвала тетя Бетти, — сказала она. — Я пыталась ускользнуть от нее так быстро, как только могла. Она хотела примерить на мне новый воротничок.

— О!

Извинение было принято, но Беатрис по-прежнему отказывалась говорить.

Джейн подошла к кровати Эмилии и обняла малышку.

— Ты сердись на меня, Эмилия?

— Нет.

— Сердишься, я знаю. Но я ничего не могла сделать, поверь.

— Я не сержусь, — сказала Эмилия.

— Все сверкает и сияет, — сонным голосом сказал Чарльз, — как рождественская елка.

Беатрис круто повернулась к нему.

— Замолчи, Чарльз! — крикнула она.

Тетя Бетти просунула голову в комнату.

— В чем дело, дети? — спросила она.

— Ничего, тетя, — ответила Беатрис. — Просто мы играем.

Сытый, удовлетворенный, он лежал в своем гнезде. Дом стих, обитатели его заснули. Даже неверный дядя спал, ибо Рутгедо был хорошим мимом.

Неверный дядя не был фантомом, не был всего лишь проекцией Рутгедо. Как амеба тянет к еде псевдоподии, так и Рутгедо увеличился и создал неверного дядю. Но на этом параллель кончалась. Ибо неверный дядя не был эластичным расширением, которое можно было бы изъять по желанию.

Скорее он — оно — было перманентной конечностью, как рука у человека. Мозг с помощью нервной системы посылает сигнал, рука протягивается, и пальцы хватают еду.

Но расширение Рутгедо имело меньше ограничений. Оно не было постоянно связано законами человеческой плоти. Руку

можно было отдернуть назад, а неверный дядя выглядел и действовал как человек, лишь глаза выдавали его.

Существуют законы, подчиняться которым должен был даже Рутгедо. Естественные законы мира связывают его — до известных пределов. Существуют циклы.

Жизнь мотылька-гусеницы подчинена циклам, и, прежде чем кокон распадется и произойдет метаморфоза, гусеница должна есть.

Изменение может произойти не раньше, чем придет время. И Рутгедо не мог измениться теперь, раньше, чем закончится цикл.

Потом произойдет другая метаморфоза, как это уже бывало в немыслимой вечности его прошлого — миллионы удивительных мутаций.

Но в настоящее время он был связан законами идущего цикла. Расширение не могло быть изъято. И неверный дядя был его частью, а оно было частью неверного дяди.

Тело скудлера и голова скудлера.

По темному дому гуляли непрекращающиеся, незатихающие волны насыщения, медленно, почти незаметно ускорявшиеся и переходящие в нервную пульсацию алчности, что всегда следует за процессом пищеварения, завершая его.

Тетя Бетти повернулась на другой бок и начала посапывать. В другой комнате неверный дядя, не просыпаясь, тоже повернулся на спину и тоже засопел.

Искусство подражания было развито у него великолепно...

И снова был день. Пульс дома изменился и по темпу, и по наполнению.

— Если мы едем в Санта-Барбару, — сказала бабушка Китон, — то сегодня я хочу отвести детей к дантисту. Нужно привести в порядок их зубы, а с доктором Гувером трудно договориться и насчет одного ребенка, не говоря уже о четырех. Джейн, твоя мама писала мне, что ты была у дантиста месяц тому назад, так что тебе идти не нужно.

После этих слов детей обуяла невысказанная ими тревога. Ни один из них не сказал ничего по этому поводу. Лишь когда бабушка Китон повела детей за ворота, Беатрис немного задержалась. Джейн стояла у дверей, наблюдая. Беатрис, не оглядываясь, протянула руку, схватила руку Джейн и пожала ее. И это было все.

Слова были не нужны. Беатрис дала понять, что теперь заботы передавались Джейн. Ответственность лежала на ней.

Джейн не осмелилась надолго откладывать дело. Она слишком хорошо сознавала, каким тонким показателем процесса является все увеличивающаяся депрессия взрослых.

Рутгедо снова начинал испытывать голод.

Она наблюдала за своими двоюродными братьями и сестрами, пока они не исчезли за перечными лианами. Через некоторое время шум троллейбусных колес сообщил о том, что надеяться на их возвращение нечего.

Тогда Джейн пошла к мяснику и купила два фунта мяса. Потом она выпила содовой и вернулась домой.

Она почувствовала, как пульс ее ускорил свой бег.

Взяв на кухне кувшин, она положила в него мясо и проскользнула в ванную. С ее ношей добраться до чердака было трудно, но она все же добралась. В теплом молчании, царившем под крышей, она остановилась и подождала, надеясь на то, что тетя Бетти снова позовет ее. Но ничьих голосов не было слышно внизу.

Простота механизма предстоящих ей действий делала страх не таким острым. Но ей едва исполнилось девять. И на чердаке было темно.

Балансируя, она прошла по балке, пока не достигла планки-мостика. Ступив на него, она ощутила вибрацию под ногами.

Раз-два, вот халва,
Три-четыре, заплатили,
Пять-шесть, можно есть,
Семь-восемь...

Два раза у нее не получалось, на третий раз удалось. Нужно было освободить мозг от конкретных мыслей. Она пересекла мостик, свернула и...

В этом месте было сумрачно, почти темно... Здесь пахло холодом и сыростью подземелья. Безо всякого удивления она поняла, что находится глубоко внизу, возможно, под домом, а может быть, и очень далеко от него. Но она принимала такую возможность, как и все остальные чудеса.

Ничто ее не удивляло.

Странно, но она как будто знала путь.

Она шла в крошечное, замкнутое пространство, блуждая в бесконечных, пахнущих холодом и сыростью переходах. О таких местах — полых, с низкими нависшими потолками — даже думать неприятно, не то что блуждать по ним, имея при себе только кувшин с мясом.

ОНО нашло мясо приемлемым.

Позже, пытаясь вспомнить, Джейн не смогла определить, что же это было за "оно". Она не знала, как предложить еду, но оно ее приняло, где-то в этом месте парадоксального пространства и запаха, где оно лежало, грезя о других мирах и запахах.

Она лишь знала, что темнота снова закружилась вокруг нее, подмигивая маленькими огоньками, когда оно пожирало еду.

Воспоминания перебегали из его разума в ее разум, как будто два разума были сделаны из единой ткани. Но в этот раз она видела все яснее. Она видела огромное крылатое существо в блестящей клетке, она прыгнула вместе с Рутгедо, ощутила биение крыльев, почувствовала взметнувшуюся в теле волну голода, живо вкусила жар, сладость, солоноватость упруго бившей струи.

Это было смешанное воспоминание. Смешанные в нем другие жертвы бились, схваченные им, извивались, роняли перья.

Когда он ел, все его жертвы сливались в воспоминаниях в одну огромную жертву.

Самое сильное воспоминание было и последним. Джейн увидела сад, полный цветов, каждый из которых был выше ее роста. Фигуры, скрытые одеяниями с капюшонами, скрыто двигались среди цветов, а в чашечке гигантского цветка лежала жертва со светлыми волосами, и цепи на ней сверкали. Джейн показалось, будто она сама крадется среди этих молчаливых фигур и что он — оно — Рутгедо — в другой личине идет рядом с ней к обреченной жертве.

Это было первое его воспоминание о человеческой жертве. Джейн хотела бы побольше узнать об этом. Моральные критерии не играли для нее роли. Еда есть еда. Но это воспоминание перешло в другую картину, и она так и не узнала окончания. Впрочем, оно было и не нужно. У всех подобных воспоминаний конец был один. Рутгедо не задерживался на этом моменте своих кровавых пиршеств, и для Джейн это было к лучшему.

Семнадцать-восемнадцать, пора собираться.

Девятнадцать-двадцать...

Она осторожно балансировала на балке, неся пустой кувшин. На чердаке пахло пылью. Это помогло ей отогнать прочь красивые пары, клубившиеся в ее воспоминаниях.

Когда дети вернулись, Беатрис просто спросила:

— Сделала?

Джейн кивнула. Табу по-прежнему было в силе. Вопрос этот обсуждался ими лишь в случае крайней необходимости. А томительный, расслабляющий жар дома, психическая пустота неверного дяди ясно показывали, что опасность снова на время отступила.

— Почитай мне о Маугли, бабушка, — сказал Бобби.

Бабушка Китон села, надела очки и взяла Киплинга. Остальные дети, довольные, устроились рядом с ней. Бабушка читала о гибели Шер-Хана, о том, как животные отправились в глубокое, узкое ущелье ловить тигра, и о сотрясающем землю паническом бегстве, превратившем убийцу в кровавую кашу.

— Ну вот, — сказала бабушка Китон.

Она закрыла книгу.

— Вот вам и конец Шер-Хана. Теперь он мертв.

— Нет, — сонным голосом возразил Бобби.

— Конечно же да, сотрясение убило его.

— Только в конце, бабушка. Если ты начнешь сначала, Шер-Хан снова будет здесь.

Бобби был слишком мал, чтобы понять, что такое смерть. Ведь убивают же тебя иногда при игре в ковбоев и индейцев, и в этом нет ничего ни плохого, ни печального. Смерть — просто один из необходимых для выражения своих мыслей терминов.

Дядя Лью курил трубку и, морща коричневую кожу под глазами, смотрел на дядю Берта, который, прикусив губу, долго колебался, прежде чем сделать ход. Но дядя Лью все равно выиграл партию в шахматы. Дядя Джеймс подмигнул тете Гертруде и сказал, что ему бы хотелось пройтись и не составит ли она ему компанию. Она согласилась.

После их ухода тетя Бетти подняла голову и презрительно фыркнула.

— Когда они вернутся, мы посмотрим, как от них будет пахнуть. И почему только ты это допускаешь?

Бабушка Китон лишь усмехнулась и потрепала Бобби по волосам. Он уснул у нее на коленях, сжав руки в кулачки. Щеки его зарумянились.

У окна горбилась тощая фигура дяди Симона.

Он смотрел в окно и молчал.

— Если мы едем завтра утром в Санта-Барбару, дети, — сказала тетя Бетти, — то нужно сегодня пораньше лечь спать.

Так они сделали.

Г л а в а 4

Конец игры

К утру у Бобби поднялась температура, и бабушка Китон отказалась рисковать ради поездки в Санта-Барбару. Это ввергло Бобби в утрюмое состояние, но послужило решением проблемы, многие часы не дававшей детям покоя. Потом раздался телефонный звонок, и отец Джейн сообщил, что сегодня приедет за ней и что у нее появился маленький братик. Джейн, не имевшая на этот счет иллюзий, была довольна и надеялась, что теперь ее мама перестанет болеть.

Перед завтраком в комнате Бобби состоялось совещание.

— Ты знаешь, что делать, Бобби? — спросила Беатрис. — Обещаешь, что сделаешь?

— Угу. Обещаю.

— Ты можешь сделать это сегодня, Дженни, до того, как придет твой папа? Тебе лучше купить побольше мяса и оставить его Бобби.

— Я не могу купить мясо без денег, — сказал Бобби.

Не слишком охотно Беатрис пересчитала то, что осталось от маленького капитала Джейн, и вручила ему. Бобби спрятал деньги под подушку и поправил красную фланелевую повязку, обматывающую его шею.

— Кусается, — сказал он. — Все равно я не болен.

— Это все от тех зеленых груш, которые ты вчера ел, — язвительно сказала Эмилия. — Думаешь, никто тебя не видел?

Снизу прибежал запыхавшийся Чарльз.

— Знаете, что случилось? — проговорил он. — ОН ушиб ногу. Теперь он не может ехать в Санта-Барбару. Держу пари, он сделал это нарочно.

— Черт возьми! — сказала Джейн. — Как?

— Он сказал, что подвернул ее на лестнице. Держу пари, что он врет. Просто не хочет ехать.

— Может быть, он не может, — сказала Беатрис.

Она руководствовалась своей интуицией. Больше они об этом не говорили. Но в общем-то Беатрис, Эмилия и Чарльз были довольны, что он не поедет с ними в Санта-Барбару.

Чтобы разместить всех и разместить багаж, понадобилось два такси.

Бабушка Китон, неверный дядя и Джейн стояли на крыльце, махая отъезжающим. Автомобили исчезли в облаке пыли. Джейн решительно взяла у Бобби часть денег и пошла к мяснику. Вернулась она тяжело нагруженная.

Неверный дядя приковывался, опираясь на палку, и сел на террасе. Бабушка Китон приготовила для Бобби омерзительное, но полезное питье, а Джейн решила отложить то, что ей предстояло сделать, до дневных часов. Бобби читал “Джунгли”, спотыкаясь на трудных словах.

На некоторое время установилось перемирие.

Джейн долго не могла забыть тот день.

Все запахи были особенно отчетливыми: запах пекущегося хлеба с кухни, густой аромат цветов, слегка отдающий пылью густо-коричневый запах, источаемый нагретыми солнцем коврами и мебелью. Бабушка Китон поднялась к себе в спальню намазать кольд-кремом руки и лицо. Джейн примостилась у дверей и наблюдала.

Это была уютная комнатка, милая на свой, особый лад. Туго накрахмаленные занавески сверкали особой белизной, а стол был уставлен всякими завораживающими взор предметами: подушечки для булавок, сделанные в форме куколок, крошеч-

ные китайские красные башмачки, еще более крошечные серые китайские мышки, брошь-камень с портретом бабушки в детстве.

Медленно, но настойчиво биение пульса нарастало и здесь, в этой спальне, где вторжение не могло иметь места.

Сразу после ленча зазвонил звонок. Это был отец Джейн, приехавший за ней из Сан-Франциско. Он торопился на поезд, такси стояло у дома, и оставалось лишь время для короткого разговора. Но все же Джейн улучила минутку, чтобы побежать наверх попрощаться с Бобби и сказать ему, где спрятано мясо.

— Хорошо, Джейн, — сказал Бобби, — до свидания.

Она знала, что ей не следовало бы оставлять дело на Бобби. Чувство вины мучило ее всю дорогу до самой станции.

Как сквозь какую-то завесу до нее доносились голоса взрослых, обсуждающих задержку поезда. Говорили, что он будет очень поздно. Потом отец сказал, что в город приехал цирк, и они пошли посмотреть представление.

Цирк был хорош. Она почти забыла о Бобби и о том, что может произойти, если он не выполнит своего обещания. Голубел ранний вечер, когда они вместе с другими людьми выходили из-под тента. А потом она увидела в толпе маленькую знакомую фигурку, и внутри у нее все оборвалось. Она ЗНАЛА.

Мистер Ларкин увидел Бобби почти одновременно. Он громко окликнул его, и через мгновение дети смотрели друг на друга.

Пухлое лицо Бобби было угрюмым.

— Твоя бабушка знает о том, что ты здесь? — спросил мистер Ларкин.

— Думаю, что нет, — ответил Бобби.

— Тебя следовало бы отшлепать, молодой человек. А ну-ка идёмте. Нужно немедленно ей позвонить. Она будет смертельно беспокоиться.

В аптеке, когда он звонил, Джейн смотрела на своего двоюродного брата. Она страдала от гнета первой тяжелой ноши зрелости, сознавая свою ответственность.

— Бобби, — сказала она тихо, — ты сделал?

— Ты оставила меня одного, — мрачно ответил Бобби.

Наступило молчание.

Мистер Ларкин вернулся.

— Никто не отвечает. Я вызвал такси. Мы успеем завезти Бобби домой до отхода поезда.

Почти всю дорогу они молчали. Что бы ни случилось в доме, Джейн не думала об этом. Такова была автоматическая защитная реакция мозга. Как бы там ни было, теперь слишком поздно что-либо предпринимать.

Когда такси подъехало к дому, тот оказался ярко освещен-

ным. На крыльце стояли люди. Свет блистал на значке полицейского офицера.

— Подождите здесь, ребяташки, — сказал мистер Ларкин. В его голосе звучала тревога. — Не выходите из машины.

Шофер такси пожал плечами и развернул газету. Мистер Ларкин торопливо направился к крыльцу. Джейн тихо сказала Бобби:

— Ты не сделал!

Это даже не было обвинением.

— А мне все равно, — прошептал в ответ Бобби. — Мне надоела эта игра. Я хотел играть во что-нибудь другое.

Он хихикнул.

— А вообще, я победил, — объявил он. — Приехала полиция! Я знал, что они придут, а он об этом даже не подумал. Вот и выходит, что я победил.

— Но как?

— Это похоже на “Джунгли”. Помнишь, как убивают тигра? Привязывают к стволу ребенка, а когда появляется тигр, бух! Только все дети уехали в Санта-Барбару, и ты тоже уехала. И тогда я заменил их бабушкой. Я думал, что она не стала бы возражать. Она же много с нами играет. И потом, ведь все равно никого не было кроме нее.

— Но, Бобби, “ребенок” вовсе не означает такого ребенка, как мы. Имеется в виду ребенок козы, и поэтому...

— Ну да, конечно, — прошептал Бобби. — Но я подумал, что бабушка подойдет. Она слишком толстая, чтобы быстро бегать.

Он мрачно усмехнулся.

— ОН дурак, — сказал он. — Ему нужно было знать, что когда для тигра привязывают детеныша, приходит охотник. А он ничего не знает. Когда я сказал ему, что запер бабушку в ее комнате, а больше никого нет, я подумал, что он догадается.

У Бобби был довольный вид.

— Я хитрый. Я ему через окно сказал, чтобы он не подумал, что я и есть детеныш. Но он не подумал. Он сразу пошел наверх. Он даже забыл, что ему нужно хромать. Думаю, в это время он уже здорово хотел есть.

Бобби посмотрел в сторону крыльца, на котором царил оживление.

— Может быть, полицейские уже схватили его, — бросил он безразличным тоном. — Это же самое простое. Я победил.

Джейн не могла следовать его мыслям.

— Она умерла? — очень тихо спросила она.

Бобби посмотрел на нее. Это слово имело для него совсем другой смысл. Оно что-то значило лишь постольку, поскольку

подходило для игры. А потом, для него тигр никогда не успевал добраться до детеныша.

Мистер Ларкин возвращался к такси. Он шел очень медленно и ступал не очень уверенно.

Джейн не могла видеть его лица.

Дело, конечно, замяли, дети, знаящие гораздо больше, чем опекавшие их взрослые, с бесполезным упорством оградялись от подробностей случившегося. С тем же бесполезным упорством, с каким дети пытались раньше защитить взрослых. Но кроме двух старших девочек, остальных это не особенно заботило. Игра была окончена, бабушка уехала в долгое путешествие, из которого ей не суждено было вернуться.

Они достаточно хорошо понимали, что это означает.

Неверному дяде тоже пришлось уехать, как было им сказано, в большую больницу, где о нем станут заботиться всю оставшуюся жизнь.

Это тоже не слишком их озадачило, ибо было вне границ их опыта. Их понимание смерти было очень несовершенным, а все остальное вообще являлось для них полной тайной. Сейчас, когда их интерес потух, они вообще мало вспоминали о прошлом. Лишь Бобби иногда слушал “Джунгли” с необычным вниманием, ожидая, не уведут ли на этот раз тигра вместо того, чтобы убить на месте. Конечно, этого ни разу не произошло. Очевидно, в реальной жизни тигры были другими.

Долгое время после этого в ночных кошмарах Джейн устремлялась к таким вещам, которые она не позволяла себе помнить наяву. Она видела бабушкину спальню такой, какой видела ее в тот последний раз, — с белыми занавесками, с солнечным светом, красным китайским башмачком и куколкой-булавницей. Бабушка втирала кольд-крем в морщинистые руки и выглядела все более нервной по мере того, как алчные волны голода наполняли дом, исходя от ужасного пустого места где-то внизу.

Должно быть, ОНО было очень голодным.

Неверный дядя притворился, будто у него болит лодыжка, должно быть, он крутился и ворочался на кушетке, этот полый человек, пустой и слепой ко всему, кроме потребности в красной еде, без которой он не мог жить. Хищное существо внизу пульсировало от голода, алча пищи.

Со стороны Бобби было очень мудро говорить через окно, когда он передавал свое сообщение-приманку.

Запертая в комнате наверху бабушка, должно быть, уже обнаружила к этому времени, что не может выйти. Ее толстые, испещренные крапинками пальцы, скользкие от кольд-крема, должно быть, тщетно пытались повернуть ручку.

Джейн много раз слышала во сне звук шагов. Эти шаги, которые она не слышала никогда, были для нее более громкими и реальными, чем те, которые ей приходилось слышать наяву. Она с уверенностью знала, какими они должны быть: топ-топ, топ-топ — две ступени за шаг. Бабушка прислушивается с тревогой, зная, что дядя с его больной ногой не может так ходить. Тогда-то она и вскочила с бьющимся сердцем, подумав о ворах.

Все это длилось недолго: всего несколько секунд потребовалось на то, чтобы шаги протопали через коридор. К тому времени весь дом, должно быть, дрожал и пульсировал от торжествующего голодного рева. Шаги, должно быть, попадали в такт этому биению. С ужасающей нацеленностью они звучали в коридоре все ближе. Потом повернулся ключ в двери...

А потом...

Здесь Джейн, обычно, просыпалась...

“Маленькие дети не могут нести ответственности”, — много раз говорила себе Джейн и тогда, и позже. После этого она долго не видела Бобби, а когда увидела, он успел обо всем забыть — слишком много было новых впечатлений. Он получил на Рождество игрушки и пошел в школу.

Когда он узнал о том, что неверный дядя умер в психиатрической лечебнице, то с трудом понял, о ком идет речь, ибо для младших детей неверный дядя никогда не был членом семьи. Он был только частью игры, в которую они играли и выиграли.

Мало-помалу непонятная депрессия, некогда угнетавшая домочадцев, сделалась менее явной, потом исчезла совсем. После смерти бабушки она на какое-то время сделалась более сильной, но все отнесли это обстоятельство за счет шока. Когда она исчезла, это только подтвердило предположение.

Как это ни странно, но холодная, ограниченная логика Бобби сработала точно. Руггедо не играл бы честно, если бы ввел в игру нового неверного дядю, и Бобби верил, что он будет соблюдать правила. Он и соблюдал их, ибо они были законом, нарушить который он не мог. Руггедо и неверный дядя были частью единого целого, связанного основным циклом. Связь этих двух частей не могла оборваться, прежде чем закончится цикл. Поэтому Руггедо остался в конце концов беспомощным.

В сумасшедшем доме неверный дядя голодал: он не желал притрагиваться к тому, что ему предлагали. Голова и тело умерли вместе, и дом бабушки Китон снова стал спокойным местом.

Вспоминал ли Бобби когда-нибудь о случившемся, об этом никто не знал. Его действия направлялись превосходной логикой, ограниченной только его опытом: если ты совершил

что-либо потенциально плохое, придет полицейский и заберет тебя.

Он устал от игры. Лишь тонкий инстинкт мешал ему бросить ее и начать играть во что-то другое.

Он хотел победить, и он победил.

Ни один взрослый не сделал бы того, что сделал Бобби, — но ребенок совсем другое существо. По стандартам взрослых ребенка нельзя назвать здравомыслящим из-за путей, которыми движутся его мысли, из-за того, что он делает и чего хочет.

Назовем его демоном.

СЫН НЕСУЩЕГО РАСХОДЫ

Зеленый Человек взбирался на гладкую гору, волосатые мордочки гномов смотрели на него из трещин. Это был лишь один шаг бесконечной, волнующей одиссеи Зеленого Человека. Он пережил уже так много приключений — в Огненной Стране, среди Измерительных Изменений, в Городе Обезьян, не перестававших глумливо улыбаться, пока их волосатые пальцы неумело обращались со смертоносными лучами. Тролли знали толк в магии и пытались остановить Зеленого Человека заклинаниями. Маленькие силовые вихри крутились под ногами, пытаясь заставить споткнуться Зеленого Человека, высокого, с превосходно развитой мускулатурой, красивого, как Бог, безволосого с головы до ног, сверкающего бледно-зеленым. Вихри образовывали завораживающие фигуры.

Если двигаться осторожно и медленно, особенно тщательно избегая бледно-желтых, то пройти среди них можно.

А волосатые гномы следили из поросших травой трещин злыми и завистливыми глазами.

Эл Букхалтер, недавно достигший солидного возраста, вырвавшегося в полных восьми годах, разлегся под деревом, жуя травинку. Он был так глубоко погружен в свои мечты, что его отцу пришлось слегка подтолкнуть его в бок, прежде чем в полуоткрытых глазах отразилось понимание.

День очень подходил для мечтаний — горячее солнце и прохладный ветерок, дующий с востока, с белых пиков Сьерры. Потоки воздуха несли с собой характерный запах травы. Эд Букхалтер был рад тому, что его сын принадлежит ко второму поколению со времени Взрыва. Сам он был рожден через десять лет после того, как упала последняя бомба, но и воспоминания, полученные из вторых рук, тоже могут быть достаточно страшными.

— Хелло, Эл, — сказал он.

Мальчик одарил его кротко-терпеливым взглядом из-под полуоткрытых век.

— Привет, папа.

— Хочешь поехать со мной в нижний город?

— Нет, — ответил Эл, выйдя на миг из своего ступора.

Эд Букхалтер поднял красиво очерченные брови и хотел уйти, но вдруг у него появился импульс сделать то, что он редко позволял себе делать, без разрешения другой стороны: воспользоваться своей телепатической силой, чтобы заглянуть в сознание Эла. Он отметил, что там царит некоторое колебание, отражающее его неуверенность, несмотря на то что Эл уже почти преодолел злобную нечеловеческую бесформенность младенческой психики. Было время, когда эта чуждость шокировала разум Эда. Букхалтер припомнил несколько неудавшихся экспериментов, проделанных им еще до рождения Эла.

Некоторые будущие отцы смогли устоять перед искушением эксперимента с эмбриональным мозгом, но Букхалтеру они вернули кошмары, не виденные им с юности. В них присутствовали огромные перекачивающиеся массы, взвившаяся пустота и прочее. Предродовые воспоминания были бессмысленны, и лучше было оставлять их на рассмотрение мнемонических психологов.

Но теперь Эл повзрослел, и мечты его, как и следовало ожидать, имели яркую окраску. Воспрянувший духом Букхалтер решил, что он выполнил свою миссию наставника, и оставил своего сына мечтать и жевать травинку.

Все же он ощутил легкую печаль и боль, бесполезное сожаление о том, что все это безнадежно, потому что сама жизнь бесконечно сложна. Конфликт, конкуренция — эти понятия не исчезли и после окончания войны. Попытка приспособиться к кому-либо из окружающих влекла за собой конфликт, спор, дуэль. Проблема контакта с Элом представляла двойную трудность — ведь между мозгом Болди не было стен.

Шагая по каучуковой дороге, ведущей к центру города, Букхалтер невесело улыбался и часто проводил рукой по хорошо сидевшему парикю. Незнакомые люди удивлялись, когда узнавали, что он Болди* — телепат. На него смотрели с любопытством, но вежливость не позволяла им расспрашивать, как он стал уродом, хотя они явно думали именно об этом.

Букхалтеру, знакомому с тонкостями дипломатии, приходилось самому заговаривать об этом:

— Мои родные жили после Взрыва под Чикаго.

— О!

Болди — лысый (англ.)

Пауза.

— Я слышал, именно поэтому многие...

Пауза.

— ... стали уродами или мутантами. Да, это так. И я все еще не знаю, к какой категории принадлежу, — добавлял он с обезоруживающей откровенностью.

— Вы не урод! — протестовали слушатели, впрочем, не слишком энергично.

— Из зон, подвергшихся радиации, вышли самые странные образцы. Со спермоплазмой произошли удивительные вещи. Большая их часть вымерла: они были не способны к воспроизведению. Но некоторые и сейчас еще встречаются в санаториях и интернатах. Двухголовые, например.

— Вы хотите сказать, что можете читать у меня в мозгу... прямо сейчас? — взволнованно допытывался слушатель.

— Могу, но не делаю этого, это тяжелая работа, кроме тех случаев, когда имеешь дело с другим телепатом. А мы, Болди, просто этого не делаем, и все. Человек, обладающий развитой мускулатурой, превышающей нормальное развитие, не станет ходить повсюду и сбивать людей с ног. Он не будет нападать, если только его не вынудят к этому обстоятельства. Болди всегда чувствует скрытую опасность: закон Линча. А умные Болди не позволяют себе даже намекнуть на то, что обладают экстрасъёмом. Они просто говорят, что отличаются от других, и это достаточно.

Но всегда возникал — хотя и не всегда высказывался — один вопрос:

— Если бы я был телепатом, то... Сколько вы получаете в год?

Ответ удивлял их. Умеющий читать в умах наверняка мог бы составить себе состояние, если бы захотел. Так почему же тогда Эд Букхалтер оставался экспертом по семантике в Моддок Паблিশ Таун, если поездка в один из научных городов могла бы позволить ему овладеть тайнами, которые могли принести состояние.

Этому была веская причина. Частью ее являлся инстинкт самосохранения. Потому-то Букхалтер и многие подобные ему носили парики. Впрочем, было много Болди, которые этого не делали.

Моддок и Пуэблто были города-близнецы, располагавшиеся за горным хребтом, к югу от равнины, на которой находился Денвер. Пуэблто имел в своем распоряжении фотоавтоматы и печатные машины, которые превращали рукописи в книги, после того как с ними заканчивали работать специалисты по семантике из Моддока.

Олфилд, директор издательства, уже неделю требовал рукопись “Психоистории”, подготовленную неким Кейли из Нью-Йорка, который слишком увлекался эмоциональной стороной в ущерб ясности изложения. Трудность состояла в том, что автор не доверял Букхалтеру, и тот, не будучи ни психологом, ни священником, вынужден был сделаться на время тем и другим — по секрету от сбитого с толку автора “Психоистории”.

Неуклюжее здание издательства располагалось в нижней части города и более походило на якорь спасения, чем на что-либо более утилитарное. Но это было оправданно: среди авторов попадались странные люди, и их часто приходилось подталкивать к тому, чтобы они прошли курс гидротерапии, прежде чем они смогут начать работу с семантическим экспертом и войти в надлежащую форму. Никто не собирался их кусать, но они этого не понимали и либо забивались в страхе в угол, либо шли напролом, отстаивая язык, которого почти никто не понимал. Джим Кейли, автор “Психоистории”, не подходил ни к одной из указанных групп. Просто он был поставлен в тупик натиском собственного исследования. Его личная история определяла его эмоциональную включенность в прошлое, а когда имеешь дело с человеком подобного типа, такое обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов.

Доктор Мун, сидевший в правлении, расположился возле южного входа и ел яблоко, аккуратно отрезая от него кусочки кинжалом с серебряной рукояткой. Мун был толстым, маленьким и бесформенным. Волос у него было немного, но он не был телепатом (у Болди волос не было совсем). Проглотив кусочек яблока, Мун махнул рукой Букхалтеру.

— Эд, я хочу с тобой поговорить.

Букхалтер послушно остановился и присел. Твердо выработанная привычка заставила его сделать это: Болди по очевидным причинам никогда не стоят, когда сидят нетелепаты. Глаза их встретились на одном уровне.

— Что случилось? — спросил Букхалтер.

— Вчера в магазин привезли яблоки “шаста”. Вот, попробуй. Нужно сказать Этель, чтобы она купила, пока их не разобрали.

Мун наблюдал за тем, как его собеседник пробует и одобритительно кивает.

— Хорошо. Я ей скажу. Впрочем, сегодня наш ковтер не работает — Этель нажала не на ту кнопку.

— Вот вам и гарантия, — с горечью сказал Мун. — Сейчас Хурон выпускает неплохие модели. Я получаю новый из Мичигана. Послушай, сегодня утром мне звонили из Пуэбло насчет книги Кейли. Олфилд просит прислать хотя бы несколько глав.

Букхалтер покачал головой.

— Не думаю, что это возможно. Как раз в самом начале есть такие абстрактные куски, на которые необходимо пролить свет, а Кейли...

Он колебался.

— Что?

Букхалтер подумал об эдиповом комплексе, обнаруженном им в разуме Кейли. Это было свято, хотя и мешало Кейли интерпретировать Дариуса с холодной логикой.

— Процесс мышления сводит его с ума. Я не могу это игнорировать. Вчера я пробовал почитать книгу трем различным слушателям и получил три разные реакции. Пока что “Психистория” — все для всех. Критики разнесут нас, если мы выпустим книгу в таком виде. Не мог бы ты еще немного попридержаться Олфилда?

— Попробую, — с сомнением проговорил Мун. — У меня есть субъективный роман, с которым я мог бы быстро разобраться. Слегка прикрытый эротизм, но безобидный. Кроме того, с семантической точки зрения он о’кей. Мы придерживали его для художника, но можно пустить на это дело Дьюмена. Пожалуй, я это сделаю: перепасую рукопись в Пуэбло, потом займемся оформлением. Веселенькая у вас жизнь, Эд.

— Даже чересчур, — ответил Букхалтер.

Он попрощался и отправился на поиски Кейли, который отдыхал в одном из солириев.

Это был высокий худощавый человек с озабоченным лицом и растерянным видом черепахи, потерявшей свой панцирь. Он лежал на эластичной и упругой кушетке, прямые лучи солнца поливали его сверху, в то время как отраженные лучи грели его снизу — через отражающее зеркало. Букхалтер стянул с себя шорты и опустился на сватер подле Кейли. Автор бросил взгляд на безволосую грудь, и в мозгу у него возникли обрывки фраз: “Болди... никакого уединения. Не его дело... фальшивые брови и ресницы... он еще...” Далее шло нечто вовсе невразумительное.

Букхалтер дипломатично нажал кнопку, и на экране над ним появилась страница “Психистории”, увеличенная и легко читаемая.

Кейли изучил страницу. Она была исчеркана пометками, сделанными читателями, которые Букхалтер определил как различные реакции на то, что должно было восприниматься однозначно.

Трое читателей предлагали три различные интерпретации одного и того же параграфа. Оставалось выяснить, что имел в виду автор. Букхалтер осторожно прикоснулся к его сознанию, ощутив присутствие ненужных барьеров, выставленных против

возможного вторжения, безумных баррикад, через которые его мысленный взор перемахнул, подобно легкому ветру: ни один обычный человек не мог выставить против Болди эффективную преграду. Сам же он мог легко защититься от вторжения других телесатов.

Существовало психическое селекторное кольцо... Вот оно! Но какое сложное, запутанное... "Дариус" — это было не просто слово, не просто картина. Это была поистине вторая жизнь, но рассеянная, фрагментарная. Запахи и звуки, воспоминания и эмоциональные реакции, восхищение и ненависть — черный торнадо, пахнувший сосной, рвущийся через континенты Европы и Азии. Вот запах сосны стал сильнее... чувство унижения, воспоминание о боли, горящие бессилием глаза...

В о н !

Букхалтер выключил диктофон и лег на спину, глядя вверх сквозь темные защитные очки.

— Я вышел сразу, как только вы меня предупредили, — сказал он. — Я сейчас вне.

— Спасибо, — сказал Кейли, тяжело дыша. — Извините меня, пожалуйста! Почему вы не вызываете меня на поединок?

— Я не хочу поединка, — сказал Букхалтер. — Я никогда в жизни не обгарил кровью кинжал. Кроме того, я вас понимаю. Видите ли, это моя работа, мистер Кейли, я узнаю про вас множество вещей... которые снова забыл.

— Я полагаю, что ваше вторжение... Сколько бы я ни убеждал себя, что все это неважно, но мой внутренний мир...

— Мы должны испробовать разные подходы, — прервал его Букхалтер, пока не найдем такой, который не являлся бы слишком личным. К примеру, я хочу вас спросить, как вы относитесь к Дариусу?

Восхищение и запах сосны...

— Я вне, — спохватился Букхалтер.

— Спасибо, — пробормотал Кейли, отвернувшись от собеседника. Некоторое время спустя он сказал:

— Смешно! Я имею в виду, смешно отворачиваться. Но вы не должны видеть мое лицо и знать, о чем я думаю.

— Вам следовало бы настроиться на дружественный лад ко мне, — заметил Букхалтер.

— Я тоже так думаю. Но мне приходилось встречать Болди, которые были... которые мне не нравились.

— Да, такие есть. Я знаю. Те, что не носят париков.

Кейли сказал:

— Они читают в сознании и ошеломляют просто ради забавы. Их следует... лучше учить.

Букхалтер моргнул.

— Так получается, мистер Кейли. У Болди тоже есть свои проблемы. Нужно уметь ориентироваться в мире, который не является телепатическим. Я думаю, многие Болди считают, что их возможности используются недостаточно. Есть работы, которые люди, подобные мне... используют для...

— “Люди!” — он уловил эту мыслительную реакцию Кейли, но проигнорировал ее, и его лицо сохранило обычное выражение. Он продолжал:

— Семантика всегда была проблемой, даже в странах, где говорят на одном языке. Квалифицированный Болди — хороший переводчик. И хотя Болди не служат в сыскной полиции, но вместе с полицией они работают часто. Это все равно как быть машиной, которая может выполнять лишь несколько операций.

— На несколько операций больше, чем может человек, — сказал Кейли.

“Конечно, — подумал Букхалтер, — если бы мы могли соревноваться на равных с нетелепатическим человечеством. Но стал бы слепой доверять зрячему? Сел бы играть с ним в покер?” Чувство горечи внезапно стало так сильно, что Букхалтер даже почувствовал во рту его привкус. Где же выход? Резервация для Болди? Стала бы нация слепых доверять нации зрячих? Или попыталась бы централизовать — лечение, системы контроля, — что сделало бы неизбежной войну.

Он вспомнил и нейтрализацию Рэд Вэнк.

Город рос, и вместе с ним росло личное достоинство. Невозможно было поднять голову, чтобы не схватиться при этом за рукоять кинжала у пояса. Таким же образом тысячи маленьких городков неустойчивой цивилизации в Хуроне и Мичигане, сельскохозяйственное производство в Ханое и Диго, текстильная промышленность и образование, искусство и медицина — каждый маленький городок держал под прицелом остальные. Научные и исследовательские центры были немного больше. Никто не возражал против этого, ибо технический персонал никогда не ввязывался в войну, кроме как под нажимом. Но в некоторых городах было не более нескольких сотен семей. Едва лишь городок выказывал признаки того, что собирается перерасти в город — от него, вдруг, к столице, а от нее — к Империи, — он сразу расформировывался. Может, Рэд Вэнк был просто ошибкой?

Гипотетически такое устройство было совершенным. С точки зрения социологии оно было возможным, но требовало необходимых изменений. Существовали подсознательные головорезы. По мере увеличения децентрализации нужно было все более пристально следить за соблюдением прав граждан. И люди узнавали.

Они узнавали, что валютная система базируется лучше всего на товарообмене.

Они узнавали, что такое полет. Никто больше не пользовался наземными машинами. Они узнали много нового, но они не забыли Взрыв, и в тайниках возле каждого города были спря-таны бомбы, которые могли полностью и самым фантастическим образом истребить город, как истребляли их во времена Взрыва.

Каждый знал, как делать эти бомбы. Устройство их было великолепным и простым.

Ингредиенты можно было найти везде и подвергнуть не-сложной обработке. Потом нужно было подняться на геликопте-ре, бросить вниз гигантских размеров яйцо — и дело сделано.

Кроме кучки недовольных, плохо приспособляющихся людей, которые имеются в каждой расе, никто не сопротив-лялся.

Кочевые племена никогда не устраивали набегов и никогда не объединялись в большие группы перед страхом уничтожения.

Ремесленники до определенной степени тоже приспособ-бились, правда, не слишком хорошо, но они не являлись ан-тисоциальным слоем и поэтому жили там, где хотели, и писали, рисовали, сочиняли музыку, уходили в свои собственные, ими же созданные миры. Ученые, чья приспособленность тоже не являлась полной, удалились в более крупные города, органи-зовав маленькие, изолированные мирки и полностью погру-зившись в науку.

А Болди — они находили работу там, где могли.

Нетелепаты видели мир почти таким же, каким его видел Букхалтер. Он был сверхнормально чувствителен ко всему, что касалось нормальных людей, он был очень тесно связан с цен-ностями человеческой расы — и это, несомненно, потому, что он видел человека не только в обычных измерениях. В какой-то степени — и это было неизбежным — он смотрел на людей извне.

И все же он был человеком. Барьер, воздвигнутый телепа-тией между ним и обычными людьми, делал их подозритель-ными по отношению к нему — даже более подозрительными, чем если бы он был существом с двумя головами — тогда бы они могли хотя бы испытывать к нему жалость. А так...

Он перестроил сканнер, и над ним возникла новая страница рукописи.

— Скажите, когда, — обратился он к Кейли.

Кейли пригладил седые волосы.

— Я чувствую себя сплошным комком нервов, — сказал он. — В конце концов, правя материал, я все время нахожусь в непреодолимом напряжении.

— Мы всегда можем отложить публикацию.

Букхалтер бросил это замечание нарочно небрежным тоном и обрадовался, что Кейли не клюнул на него. Самому ему вовсе не хотелось промедления.

— Нет, я хотел бы закончить сейчас.

— Психологическое освобождение?..

— Лучше быть психологом, но не...

— Вы хотите сказать “не Болди”. Вы же знаете, что у многих психологов Болди служат в качестве помощников, и результаты получаются неплохие.

Кейли выпустил клуб табачного дыма и медленно затянулся вновь.

— Я полагаю... у меня было не очень много контактов с Болди. Хотя в некотором смысле — излишне много. Мне приходилось встречаться с ними в лечебнице. Я не обидел вас?

— Нет, — ответил Букхалтер. — Каждая мутация совершается слишком близко от пределов разумного. Бывает множество неудач. Жестокая радиация дала лишь один вид истинной мутации: безволосых телепатов. Но не все из них пошли по верному пути. Мозг — прибор странный, как вам известно. Фигурально выражаясь, он подобен коллоидному балансированию на острие булавки. Если есть хоть какой-то прок, телепатия непременно должна увеличить его до гигантских размеров. Поэтому Взрыв стал причиной такого огромного количества изменений психики. И не только среди Болди, но и среди других мутаций, возникших позднее. Исключение составляет тот факт, что у Болди почти всегда развивалась паранойя.

— И дементиа проекус, — сказал Кейли.

Он находил облегчение в том, что теперь центром внимания стал Букхалтер, а не он.

— Да, и дементиа проекус. Когда смущенный разум приобретает телепатический инстинкт, он не может справиться с ним полностью. Имеет место дезориентация. Параноическая группа удалась в свой собственный мир, и дементиа проекус просто не подозревают о том, что этот мир существует. Есть отклонения, но я думаю, что основа такова.

— Это звучит пугающе, — задумчиво проговорил Букхалтер. — Я думаю, мы должны ассимилироваться. Просто было еще мало времени. Мы специализируемся определенным образом, и в некоторых работах мы можем быть полезны.

— Если пребывание здесь удовлетворяет вас. Болди, которые не носят париков...

— У них такой плохой характер, что все они неизбежно будут убиты на дуэлях, — улыбнулся Букхалтер. — Впрочем, не велика

потеря. Мы, оставшиеся, получим то, что нам так необходимо: признание. Ни рога, ни копыта никому не нужны.

Кейли покачал головой.

— Я рад тому, что не являюсь телепатом. Тайн мозга достаточно и так, и новые аспекты нам не нужны. Спасибо за то, что позволили мне поговорить. Я выговорился, хотя бы частично. Займемся рукописью?

— Конечно, — сказал Букхалтер.

Снова над ними замелькали страницы.

Кейли теперь казался менее напряженным, мысли его стали более связными, а Букхалтер смог узнать истинный смысл многих безумных утверждений. Работа пошла легко, телепат диктовал исправления в диктофон, и лишь дважды им пришлось распутывать эмоциональные узлы.

В полдень они расстались, и Букхалтер, дружески кивнув автору, отправился в свой кабинет, где обнаружил на визоре несколько сообщений. Он прочитал их, и в его глазах появилось озабоченное выражение.

Он разговаривал с доктором Муном в кабинке для ленча. Разговор длился так долго, что только индукционные чашки поддерживали теплоту кофе. Но Букхалтер должен был обсудить не одну проблему. И он знал Муна уже давно. Толстяк был одним из немногих, у кого даже подсознательно не вызывал отвращения тот факт, что Букхалтер — Болди.

— Я никогда в жизни не дрался на дуэлях, Док. Я не могу этого допустить

— Ты не можешь допустить обратного, Эд. Нужно ответить на вызов. Он сделан.

— Но этот парень, Рейли... Я его даже не знаю...

— Я знаю его, — сказал Мун. — У него плохой характер. Заядлый дуэлист.

Букхалтер хлопнул ладонью по столу.

— Просто смехотворно! Что же делать? Я не стану этого делать!

— Но ведь твоя жена не может с ним драться, — заметил Мун.

Он строго придерживался сути дела.

— Этель прочитала мысли миссис Рейли, разболтала об этом, и Рейли попал в переделку.

— Неужели ты думаешь, что мы не понимаем опасности подобных поступков? — Тихо сказал Букхалтер. — Этель разгуливает по округе, читая чужие мысли, не больше, чем это делаю я. Это было бы фатально для нас и для других Болди.

— Только не для тех безволосых, кто не хочет носить парики. Они...

— Они идиоты, и из-за них все Болди пользуются дурной славой. Пункт первый: Этель не читает мыслей, и она не читала мыслей миссис Рейли. Пункт второй: она не болтает.

— Миссис Рейли — истеричка, в этом сомнений нет, — сказал Мун. — Об этом скандале начали говорить, и в чем бы там ни было дело, миссис Рейли вспомнила, что недавно видела Этель. Она из тех, кому непременно нужен козел отпущения. Я скорее готов предположить, что она сама и разболтала и теперь боится, что ее муж узнает об этом и обвинит ее.

— Я не собираюсь принимать вызов Рейли, — упрямо сказал Букхалтер.

— Ты должен.

— Послушай, Док, может быть...

— Что?

— Ничего. Забудь об этом. Я думаю, что у меня есть нужный ответ. И все равно выход только один: я не могу допустить дуэли. Это все.

— Ты не трус.

— Есть одно, чего бояться Болди, — сказал Букхалтер. — Это — общественное мнение. Случилось так, что я узнал, что я убью Рейли. Вот почему я ни за что на свете не соглашусь на дуэль.

Мун отпил кофе.

— Как знаешь...

— У меня другая печаль. Я размышляю над тем, не следует ли мне перевести Эла в специальную школу.

— А что с парнишкой?

— Он превращается в потенциального правонарушителя. Его учитель вызывал меня сегодня утром. Было что послушать. Эл странно себя ведет. Он позволяет себе мерзкие выходки по отношению к друзьям, если только они у него еще остались...

— Все дети жестоки.

— Дети не знают, что называется жестокостью, вот почему они жестоки. Им неведомо проникновение. Но Эл становится...

Букхалтер безнадежно махнул рукой.

— Он превращается в юного тирана. Он, похоже, ни с кем не считается, включая и учителя.

— И все же это еще нельзя считать ненормальным.

— Я не сказал тебе самого худшего. Он становится слишком эгоистичным. Я не хочу, чтобы из него получился один из Болди, не носящих париков, о которых ты только что упоминал.

Букхалтер не сказал о другой возможности — паранойе, психическом расстройстве.

— Должно быть, он набрался этих вещей где-то еще, Эд. Дома? Едва ли. Где он бывает?

— Как обычно. У него нормальное окружение.

— Я думаю, — проговорил Мун, — что у Болди больше возможностей в деле обучения молодежи. Мысленные отчеты... а?

— Да. Но... Не знаю. Беда в том, — едва слышно продолжал

Букхалтер, — что я не хотел бы отличаться от других. Мы не просили, чтобы нас превращали в телепатов, может быть, все это кажется удивительным, но я личность, и у меня свой собственный микрокосмос. Люди, имеющие дело с социологией, склонны забывать об этом. Они умеют отвечать на общие вопросы, но ведь дело каждого конкретного человека — или Болди — вести свою собственную, личную битву, пока он живет. Это самое худшее: необходимость наблюдать за собой каждую секунду, приспособливать себя к миру, который тебя не приемлет.

Мун явно чувствовал себя не слишком удобно.

— Тебе немного жаль себя, Эд?

Букхалтер покачал головой.

— Да, Док, но я с этим справлюсь.

— Мы справимся вместе, — сказал Мун.

Но Букхалтер не ожидал от него особой помощи. Мун с радостью оказал бы ее, но он слишком отличался от обычного человека, чтобы понять, что Болди тоже отличаются от людей. Ведь именно разницу искали люди — и находили ее.

Так или иначе, ему следовало найти решение проблемы раньше, чем он увидится с Этель. Он мог легко скрыть то, что знал, но Этель обнаружит барьер и насторожится. Их брак был почти совершенным из-за добавочного понимания, и именно оно компенсировало неизбежное, полуощутимое отчуждение от остального мира.

— Хорошо. Как насчет “Психоистории”? — спросил Мун, немного погодя.

— Лучше, чем я ожидал. Я нашел к Кейли новый подход. Когда я говорю ему о себе, то он как будто чувствует себя лучше. У него появляется больше доверия. И это позволяет ему открывать передо мной свой разум. Несмотря ни на что, мы можем подготовить для Олфилда первые главы.

— Хорошо. Все равно подгонять нас он не может. Если нас вынудят так быстро выпускать книги, то мы вполне можем вернуться к семантической неразберихе, чего мы вовсе не желаем.

— Ну ладно, — сказал Букхалтер и встал. — Я пошел. Увидимся.

— Насчет Рейли.

— Оставь это, — попросил Букхалтер.

Он отправился по адресу, указанному на визоре.

Он тронул висевший на поясе кинжал.

Дуэль не для Болди, но...

Мысль-приветствие возникла у него в мозгу, и он остановился перед аркой, ведущей на школьный двор, и улыбнулся

Сэму Шейни, Болди из Нью-Орлеана, носившему ярко-огненный парик. Им не пришлось в голову заговорить.

“Личный вопрос, касающийся психической, моральной и физической приспособленности к окружающим”, — прочел Эд.

“Дело не слишком срочное. А у тебя, Букхалтер?”

На мгновение перед Букхалтером полувозник символ определения для Шейни:

“Тень беды”.

“Теплое дружеское желание помочь”.

“Связь между Болди”.

Букхалтер подумал:

“Но куда бы я ни пошел, везде будут возникать те же подозрения. Мы — уроды”.

“Больше, чем где-либо еще, — подумал Шейни. — В Моддок Тауне нас много. Люди становятся гораздо более подозрительными, когда ежедневно встречаются с нами”.

“Мальчик...”

“У меня тоже неприятности, — подумал Шейни. — Это беспокоит меня. Две мои девочки...”

“Нарушают правила?”

“Да”.

“Обычное неподчинение?”

“Не знаю. Многие из нас имеют осложнения такого рода со своими детьми”.

“Вторичная характеристика мутации? Нужды второго поколения?”

“Сомнительно”, — подумал Шейни.

Он мысленно нахмурился, затеяв свою концепцию неопределенным вопросом.

“Обдумаем все позже. Сейчас нужно идти”.

Букхалтер вздохнул и пошел своей дорогой. Дома сосредотачивались вокруг центральных предприятий Моддока, и он пошел через парк, чтобы сократить путь.

Рейли не было дома, поэтому Букхалтер оставил это дело на потом и, бросив взгляд на часы, направился к школе. Как он и ожидал, было время перемены, и он увидел Эла, лежавшего под деревом, в то время как его товарищи играли в игру под названием “Взрыв”.

Букхалтер послал свои мысли вперед.

“Зеленый Человек почти достиг вершины горы. Волосатые гномы продолжали мешать ему, но Зеленый Человек избегал всех их ловушек. Скалы были наклонены...”

— Эл!

“... Вперед. Гномы готовились...”

— Эл!

Букхалтер послал мысль вместе со словом. К такому методу прибегали очень редко, потому что ребенок практически беззащитен перед такими вторжениями.

— Хэлло, папа! — сказал Эл.

Он был ничуть не обеспокоен.

— В чем дело?

— Сообщение от твоего учителя.

— Я ничего не сделал.

— Он мне все объяснил. Послушай, мальчуган, не забивай себе голову всяческими нелепостями.

— Я не забиваю.

— Ты считаешь, Болди лучше или хуже, чем не-Болди?

Эл тревожно шевельнулся, но не ответил.

— Что ж, — сказал Букхалтер, — ответ двоякий: и да, и нет. И вот почему. Болди могут общаться мысленно, и они живут в мире, обитатели которого не могут этого делать.

— Они дураки, — заметил Эл.

— Не такие уж дураки, если сумели приспособиться к своему миру лучше, чем это сделал ты. Ты с таким же успехом мог сказать, что лягушки лучше рыбы, потому что они амфибии.

Букхалтер замолчал и перевел сказанное на язык телепатии.

— Ну... Я все понимаю.

— Может быть, — медленно проговорил Букхалтер, — тебе нужен хороший шлепок. О чем ты думаешь?

Эл попытался скрыть свою мысль, но Букхалтер убрал барьер, что для него было нетрудным делом. Потом он внезапно остановился. Во взгляде, которым смотрел на него Эл, не было ничего сыновьего, какой-то рыбий взгляд. Все было ясно.

— Если ты настолько эгоист, — заметил Букхалтер, — то может быть, тебе следует посмотреть на дело вот с какой стороны. Как ты думаешь, почему Болди не занимают ключевых позиций?

— Конечно, я это знаю, — выпалил Эл, — потому что они боятся.

— Чего же?

Картина была очень ясной, смесь чего-то смутно знакомого Букхалтеру.

— Не-Болди...

— Итак, если бы мы заняли положение, используя которое мы могли бы применять свои телепатические способности, не-Болди испытывали бы к нам страшную зависть, в особенности в том случае, если бы мы добились успеха. Если бы Болди изобрели когда-нибудь лучшую машину, многие сказали бы, что они украли идею из головы не-Болди. Тебе понятна мысль?

— Да, папа.

Но это было не так. Букхалтер вздохнул и отвел взгляд. Он увидел на ближайшем холме одну из девочек Шейни.

Она сидела одна. Тут и там виднелись одинокие фигуры. Далеко на востоке снежные гряды скалистых гор прочерчивали небо неровными штрихами.

— Эл, — сказал Букхалтер, — я не хочу, чтобы на твоих плечах лежала непосильная ноша. Этот мир совсем не так плох, и люди, живущие в нем, в целом милые люди. Существует закон среднего, и с нашей стороны неразумно стремиться к большему богатству или силе, потому что это вызвало бы стремление бороться с нами, что нам совсем не нужно. Никто из нас не беден. Мы находим себе работу, мы выполняем ее, мы разумно счастливы. У нас есть преимущества, которых нет у не-Болди, например в браке. Психическая интимность не менее важна, чем физическая. Но я не хочу, чтобы ты считал, будто то, что ты Болди, делает тебя Богом. Это не так. Я еще не могу, — задумчиво добавил он, — изъять из тебя эту мысль, потому что в данный момент ты слишком цепляешься за нее...

Эл глотнул и торопливо проговорил:

— Мне очень жаль. Я больше не буду.

— И, пожалуйста, не снимай парика в классе.

— Да, но... Мистер Беннинг парика не носит...

— Напомни мне, чтобы мы вместе с тобой изучили историю ношения длинных пиджаков и узких брюк, — сказал Букхалтер. — Если ты хорошенько подумаешь, то, может быть, придешь к выводу о том, что это не такое уж большое достоинство.

— Он делает деньги.

— Все их делают в этом его Главном универмаге. Но, заметь, люди, когда это возможно, не покупают у него. Именно это я и имел в виду, когда говорил о ноше. У него она есть. Имеются Болди, подобные Беннингу, Эл, но что бы он ответил тебе, если бы ты мог спросить у него, счастлив ли он? А я такую информацию получал. И не от одного из них. Во всяком случае, не только у Беннинга. Улавливаешь?

— Да, папа.

Эл казался покорным, но не более того. Букхалтер, по-прежнему взволнованный, кивнул и отошел. Проходя мимо дочки Шейни, он поймал обрывок ее мысли: "На вершине Стеклоанной горы, катя камни на гномов, пока..."

Он мысленно отпрянул. То была бессознательная привычка прикасаться к чувствительному разуму. Но с детьми это было в высшей степени нечестно. В общении со взрослыми Болди такой прием означал обычное приветствие, как если бы ты прикасался к шляпе: кто отвечал, кто и нет. Мог быть установлен барьер,

как преграда к дальнейшим контактам. Или же навстречу посылаясь сильная и ясная мысль.

С юга появился ковтер. Это был грузовой корабль, привезший замороженные продукты из Южной Америки. Букхалтер сделал пометку: купить аргентинского мяса. Он получил новый рецепт и хотел его испробовать — мясо, жаренное на шампурах, подается с соусом. Это должно было быть приятным разнообразием после приготовленной на скорую руку еды, которой они питались всю неделю. Помидоры, красный стручковый перец... м-м-м... что еще? Ах, да!

Дуэль с Рейли. Букхалтер коснулся рукоятки кинжала и насмешливо фыркнул. Трудно было думать о дуэли серьезно, несмотря даже на то, что именно так о ней думают остальные, когда в голове у него крутилась мысль о нестандартном обеде.

Вот так оно и бывает. Истоки цивилизации катили свои волны-столетия через континенты, и каждая волна, невзирая на свою долю в общем потоке, несла в себе информацию о еде. Пусть даже ваш рост равняется тысяче футов, пусть у вас разум Бога и возможности Бога — какая разница?

Люди допускают много промахов — люди, подобные Беннингу, у которого, конечно, не все дома, однако не настолько, чтобы он мог сделаться клиентом психиатрической лечебницы. Человек, отказывающийся носить парик, закрепляет за собой мнение не только как об индивидуалисте, но и эксбиционисте. Если его безволосость не вызывает в нем стыда, зачем ему беспокоиться о том, чтобы ее скрыть?..

Кроме того, у этого человека плохой характер, и если окружающие пинают его, то это потому, что он сам напрашивается на пинки.

Что касается Эла, то малый идет по пути начинающего правонарушителя. "Такое развитие не может быть нормальным для ребенка", — подумал Букхалтер. Он не претендовал на роль эксперта, однако был сам достаточно молод, чтобы помнить годы своего формирования, и в его жизни было больше трудностей, чем в жизни Эла.

В те времена Болди были еще более непривычны и казались еще большим уродством. Не один и не два человека высказывались за то, что мутантов следует изолировать, стерилизовать или даже уничтожить.

Букхалтер вздохнул. Если бы он родился до Взрыва, все могло бы быть иным. Но можно ли об этом говорить? Можно читать об истории, но жить в ней нельзя. В будущем, возможно, будут развиты телепатические библиотеки, в которых такое станет возможным. Да, существует так много возможностей и так мало таких, какие их мир готов принять.

“Люди не делают историю, — подумал Букхалтер. — Ее делает народ, а не индивидуумы”.

Он снова остановился у дома Рейли. На этот раз тот оказался дома. Это был дородный, веснушчатый, косоглазый парень с огромными ручищами и, как отметил Букхалтер, прекрасной мускульной координацией. Не снимая руки с ручки голландской двери, он спросил:

— Вам кого?

— Меня зовут Букхалтер.

В глазах Рейли отразилась тревога.

— А, понимаю. Вы получили мой вызов?

— Да, — ответил Букхалтер. — Я пришел поговорить с вами об этом. Могу я войти?

— О'кей!

Он отступил в сторону, давая гостю дорогу, и через холл провел его в большую гостиную. Свет в гостиной был рассеянным, так как пробивался через мозаичное стекло.

— Хотите оттянуть время?

— Я хочу сказать вам, что вы не правы.

— Постойте! — прервал его Рейли и хлопнул в ладоши. — Моей жены сейчас нет дома, но она мне все рассказала. Мне не нравятся эти фокусы с влезанием в чужие мысли. Это как воровство. Вам бы следовало сказать своей жене, чтобы она занималась СВОИМИ делами — или держала язык за зубами.

Букхалтер терпеливо продолжил:

— Даю вам слово, Рейли, что Этель не читала мыслей вашей жены.

— Она так говорит?

— Я ее не спрашивал.

— Угу, — с торжествующим видом сказал Рейли.

— Мне это просто не нужно. Я достаточно хорошо ее знаю. Видите ли, я сам Болди.

— Я это знаю, — сказал Рейли. — Судя по тому, что мне известно, вы тоже можете сейчас читать мои мысли.

Он поколебался.

— Уходите из моего дома. Я хочу, чтобы все мое оставалось при мне. Встретимся завтра, на рассвете, если вам это подходит, а теперь уходите.

Казалось, у него было что-то на уме, какое-то странное воспоминание, о котором он не хотел говорить.

Букхалтер разумно не поддался искушению уточнить, что это было.

— Ни один Болди не стал бы...

— Уходите!

— Послушайте! В дуэли со мной у вас не будет шанса!

— Вы знаете, сколько побед я одержал? Завтра я продолжу свой счет. А теперь проваливайтесь. Слышите?

Букхалтер прикусил губу.

— Дружище, — сказал он, неужели вы не понимаете, что во время дуэли я мог бы читать ваши мысли?

— А мне все равно... И что?

— То, что я опередил бы любое ваше движение. Какими бы ловкими ни были ваши движения, мысленно вы будете выполнять их на долю секунды раньше, чем физически, и я узнаю обо всех ваших фокусах и слабостях. Ваша техника будет для меня открытой книгой.

Рейли покачал головой.

— Вы очень хитры, но этот трюк не пройдет.

Букхалтер поколебался, принимая решение, потом отодвинул мешавший им стул.

— Вынимайте кинжал, — сказал он. — Ножны долой. Я покажу вам, что я имею в виду.

Глаза Рейли расширились.

— Вы хотите сейчас...

— Не хочу.

Букхалтер убрал еще один стул. Он вытащил свой кинжал, проверил, на месте ли безопасный зажим.

— Места здесь достаточно. Начинайте.

Нахмурившись, Рейли извлек из ножен кинжал, неуверенно подержал его в руке и внезапно сделал выпад. Но Букхалтера уже не было на том месте, где он только что стоял. Он успел отскочить и сделать ответный выпад. Его кинжал был приставлен к животу Рейли.

— Вот так и кончилась бы борьба, — сказал Букхалтер.

Вместо ответа Рейли неожиданным движением выбросил руку с кинжалом, так что острое того должно было оказаться у самого горла его противника. Но свободная рука Букхалтера уже была у горла. Другой рукой Букхалтер символически дважды ткнул Рейли в сердце. Веснушки ярче выступили на побледневшем лице мужчины. Но он все еще не был расположен к отступлению. Он попробовал еще несколько приемов, умных, хорошо отработанных, но потерпел неудачу — Букхалтер обезвреживал их. Левая рука Букхалтера неизменно оказывалась на месте, куда был направлен удар, раньше.

Рейли медленно опустил руку. Он облизнул губы и глотнул. Букхалтер убрал кинжал.

— Букхалтер, — сказал Рейли. — Вы сущий дьявол!

— Совсем нет. Просто я не хочу пользоваться преимуществом. Вы действительно думали, что Болди так легко вам сдастся?

— Но если вы умеете читать мысли?..

— Как вы думаете, сколько бы я протянул, если бы участвовал во всех дуэлях? Я бы только этим и занимался. Такого никто не выдержит. Я не могу участвовать в дуэлях, потому что это было бы убийством, и люди знали бы это. Я принял на себя много тумачков, проглотил множество оскорблений — только из-за этого. Теперь, если вам угодно, я готов проглотить еще одно и извиниться. Я соглашусь со всем, что вы скажете, но драться с вами на дуэле, Рейли, я не могу.

— Да, теперь я это понимаю. Я рад, что вы пришли. — Рейли все еще был бледен. — Я мог бы попасть в ловушку.

— Но не в мою, — сказал Букхалтер. — Я ни за что не стал бы драться на дуэли. Болди, да будет вам известно, не такие уж счастливчики. Они живут с наручниками на руках. Потому-то они не могут пользоваться случаем и вызывать антагонизмы у людей. Они никогда не читают мыслей, если только их не просят об этом.

— Звучит более или менее разумно. — Рейли колебался. — Послушайте, я заберу свой вызов назад. О'кей?

— Спасибо, — сказал Букхалтер.

Он протянул руку, она была принята не слишком охотно. Рейли хотелось поскорее спроводить гостя.

Тихонько насвистывая, Букхалтер отправился в издательский центр. Он не мог сказать Этель сейчас. Собственно говоря, он должен был это сделать, потому что возникавшие между ними недомолвки нарушали их телепатическую интимность. Дело было не в том, что их разумы были доступны друг другу, как открытые книги, но скорее в том, что ни один из них не ощущал барьера в сознании другого. Любопытно, что, несмотря на полную интимность, муж и жена уважали право друг друга на уединение.

Этель могла, конечно, беспокоиться, но беда уже пронеслась, и потом, она ведь тоже была Болди. В своем парике красно-каштанового цвета и со своими каштановыми ресницами она не была похожа на Болди, но ее родители жили к востоку от Сизтла и во время Взрыва и после него — до тех пор, пока не началось тщательное исследование последствий жестокой радиации.

Ветер, несший снег, дул над Моддоком и уносился к югу по долине Ута. Букхалтер пожалел, что он не в ковтере, не плавает в огромной пустоте неба. Там, наверху, царил такой странный покой, какого ни один, даже самый тренированный, Болди не мог достичь, не погружаясь при этом в глубины хаоса. Отдельные обрывки мыслей, фрагменты подсознания всегда давали знать о себе, но в то же время, подобно шелесту иглы фонографа, не были достаточно отчетливы. Именно поэтому почти все

Болди так любили летать и были превосходными пилотами. Высокие и огромные воздушные пространства были их голубыми отшельническими хижинами.

Он по-прежнему был в Моддоке и вновь переживал встречу с Кейли. Букхалтер ускорил шаги. В главном холле он встретил Муна, кратко сообщил ему о том, что насчет дуэли он уладил, и отправился своим путем, оставив толстяка смотреть ему вслед. Единственный вызов визора был от Этель. Она беспокоилась насчет Эла и хотела знать, побывал ли Букхалтер в школе. Что же, он уже побеспокоился об этом, если только мальчуган не успеет натворить с тех пор чего-нибудь еще. Букхалтер послал вызов — пока что с Элом было все в порядке.

Он нашел Кейли в солярии. Автор снова был печален. Букхалтер велел принести им бодрящие напитки, потому что в его намерения не входило поощрять подобное настроение своего собеседника. Седовласый автор был погружен в изучение селекционного исторического глобуса, в котором каждая эра освещалась по выбору.

— Посмотрите на это, — сказал он и пробежался пальцами по клавишам. — Видите, как неустойчивы границы Германии?

Они колебались, а потом полностью исчезали по мере приближения к современности.

— А Португалия? Заметили вы зоны ее влияния? Нет...

Зоны уверенно сокращались от 1600 года, в то время как другие страны испускали блестящие лучи и наращивали морскую мощь.

Букхалтер отпил из стакана.

— Не многое осталось от этого могущества.

— Нет, с тех пор как... Что случилось?

— О чем вы?

— Вы, кажется, взволнованы?

— Я не знал, что это заметно, — сухо сказал Букхалтер. — Я только что нашел способ избавиться от дуэли.

— Вот обычай, всегда казавшийся мне бессмысленным, — сказал Кейли. — Как вам это удалось?

Букхалтер объяснил, и писатель возмущенно фыркнул:

— Какой позор для нас! В конце концов, быть Болди не такое уж большое преимущество.

— Напротив, все время возникают осложнения.

Повинуясь импульсу, Букхалтер рассказал о своем сыне.

— Вы понимаете мою точку зрения? Я не знаю в конечном итоге, какой стандарт применим к юному Болди. Он продукт мутации, а мутация телепатов еще не завершилась. Мы не можем найти способа контроля, потому что гвинейские поросята и кролики не будут превосходить телепатов. Вы же знаете, что

это уже пробовали. И... Дело в том, что дети Болди нуждаются в особом обучении, чтобы они могли сами справляться с собой, когда достигнут зрелости.

— Вы, похоже, приспособились очень хорошо.

— Я учился. Все экстрасенсорные Болди должны это делать. Мы покупаем для своих соплеменников безопасность тем, что забываем о некоторых своих преимуществах. Мы заложники судьбы. Но некоторым образом мы получаем удовлетворение. Мы участвуем в создании благ будущего — негативных благ, собственно говоря, ибо мы просим только о том, чтобы нас поняли и приняли такими, какие мы есть. Поэтому мы вынуждены отвергать многие блага, которые предлагает нам настоящее. Пусть судьба примет от нас эту дань и принесет нам умиротворение.

— Вы несете расходы и распоряжаетесь собой, — сказал Кейли.

— Да, мы все несем расходы. Болди, как группа, я имею в виду. И наши дети. Вот таким образом все и балансируется: мы, по сути дела, платим сами себе. Если бы я захотел извлечь нечестные преимущества из моих телепатических возможностей, мой сын не прожил бы долго. Болди были бы стерты с лица Земли. Эл должен это знать, а он становится очень антагонистичным.

— Все дети антисоциальны, — сказал Кейли. — Они индивидуалисты в высшей степени. Я думаю, что единственная причина для беспокойства могла бы возникнуть в том случае, если бы отклонения мальчика от нормы были бы связаны с его телепатическими ощущениями.

— В этом что-то есть...

Букхалтер осторожно коснулся разума своего собеседника и обнаружил, что антагонизм значительно ослабел. Он улыбнулся про себя и продолжал говорить о собственных сложностях.

— Отец остается отцом. А взрослый Болди должен быть очень приспособлен к окружающему, иначе он погибнет.

— Окружение так же важно, как и наследственность. Одно зависит от другого. Если ребенок правильно воспитан, у него не будет много неприятностей — если только в дело не вмешается наследственность.

— А что может случиться? О телепатической мутации известно очень мало. Если лысение является характеристикой второго поколения, то, может быть, в третьем или четвертом поколении проявятся еще какие-либо черты. Я часто думаю, действительно ли телепатия так уж характерна для разума.

Кейли сказал:

— Если говорить лично о себе, то у меня такой дар вызывает нервозность...

— Как у Рейли?

— Да, — сказал Кейли, но сравнение это не слишком его заинтересовало. — Во всяком случае, если мутация является ошибкой, она умрет. Она не даст значительного потомства.

— А как насчет гемофилии?

— Какое количество людей страдает гемофилией? — спросил Кейли. — Я пытаюсь посмотреть на это дело глазами психонисторика. Если бы в прошлом существовали телепаты, многое могло бы обернуться по-другому.

— Откуда вы знаете, что их не было? — спросил Букхалтер.

Кейли моргнул.

— Тоже верно! В средние века их называли бы колдунами или святыми. Эксперименты герцога Райна были преждевременными. Природа смотрит, как бы ей вытянуть выигрышный билет, но с первой попытки ей не всегда это удается.

— Может быть, она и сейчас этого не достигла. Возможно, телепатия лишь ступень к чему-то более значительному, например к четырехмерному сенсору.

— Для меня все это звучит слишком абстрактно.

Кейли был заинтересован и почти забыл о собственных колебаниях. Приняв Букхалтера как телепата, он преодолел свои предубеждения против телепатии, как таковой.

— В старые времена немцы тешили себя тем, что они не такие, как остальные. То же самое происходило с... Как называлась эта восточная раса? Они жили на островах, за китайским побережьем.

— Японцы, — ответил Букхалтер, у которого была хорошая память на всякие пустяки.

— Да. Они твердо знали, что являются высшей расой, потому что они — потомки богов. Они были невелики ростом, наследственность сделала их неловкими в обращении с представителями более крупных рас. Но китайцы тоже были невысокие — южные китайцы, а у них подобного барьера не было.

— Значит, окружение?

— Окружение, бывшее причиной пропаганды. Японцы взяли буддизм и переделали его в синто, приспособив к собственным нуждам. Самураи, воины-рыцари были идеалом, кодекс чести был завораживающе бестолковым. Принципом синто была война с вышестоящими и подчинение нижестоящим. Вы видели когда-нибудь ювелирные японские деревья?

— Не помню. Как они выглядели?

— Маленькие копии шпалерника, выполненные из драгоценного камня, с безделушками, свисающими с ветвей. И непременно зеркальце. Первое драгоценное дерево было сделано для того, чтобы выманивать богиню Луны из пещеры, в которой

она сидела, мрачная. Похоже, что леди была так заинтригована видом безделушки и своим лицом, отражавшимся в зеркальце, что вышла из укрытия. Все принципы японцев были одеты в прелестные одеяния, такова была цель. Древние немцы делали нечто похожее. Последний немецкий диктатор — его называли Бедный Гитлер, я только забыл почему, но какая-то причина была — возродил легенду о Зигфриде. Это была рациональная паранойя. Немцы почитали домашнюю тиранию, нематеринскую, и у них были чрезвычайно крепкие семейные связи. Это перешло и на государство. Они символизировали Бедного Гитлера, как их общего Отца, вследствие чего мы неизбежно пришли к Взрыву. И, в конечном счете, к мутации.

— В результате чего появился я, — пробормотал Букхалтер.

Он допил напиток. Кейли смотрел куда-то невидящим взглядом.

— Забавно, — сказал он через некоторое время. — Эта история с общим Отцом... Интересно, знаете ли вы, насколько эффективно это может влиять на людей?

Букхалтер ничего не ответил. Кейли бросил на него острый взгляд.

— В конце концов, вы — человек, и я должен извиниться перед вами, — спокойно сказал писатель.

Букхалтер улыбнулся:

— Забудьте об этом.

— Я предпочел бы не забывать, — возразил Кейли. — Я вдруг обнаружил, совершенно внезапно, что телепатическая сила не так важна. Я хочу сказать, что дело не в ней...

— Иногда людям нужны годы на то, чтобы понять то, что поняли вы, — заметил Букхалтер. — Годы жизни и работы с существом, о котором они думают лишь как о Болди.

— Знаете, что я скрывал в мыслях? — спросил Кейли.

— Нет, не знаю.

— Вы лжете, как джентльмен. Спасибо. Но я хочу сказать вам сам. Мне не важно, получили ли вы уже от моего мозга эту информацию. Я просто хочу сказать вам, повинаясь собственной воле. Мой отец — мне кажется, я его ненавижу — он был тираном, и я помню одно время, когда я был совсем ребенком, и мы жили в горах, он бил меня, и много людей видели это, — Кейли пожал плечами. — Теперь это уже не так важно.

— Я не психолог, — сказал Букхалтер. — Если вас интересует моя первая реакция, то я могу сказать, что это не важно. Вы больше не маленький мальчик, а взрослый Кейли.

— Гм. Мне кажется, я и раньше это чувствовал... насколько в самом деле это не важно. Думаю, я лишь мешаю сам себе. Что же, теперь я узнал вас лучше, Букхалтер. Вы можете... войти...

— Мы будем работать вместе, — сказал Букхалтер. Он улыбнулся.

— И вместе с Дариусом.

— Я попытаюсь сделать все свои мысли абсолютно свободными. Честно говоря, я не возражаю против того, чтобы говорить вам... ответы. Даже когда они носят чисто личный характер, — сказал Кейли.

— Проверим это. Хотите взяться за Дариуса прямо сейчас?

— О'кей, — сказал Кейли. — Взгляд его был полностью свободен от подозрений и тревог. — О Дариусе я узнал от моего отца...

Все было очень легко, эффективно. За этот день они успели сделать больше, чем за две предыдущие недели. Испытывая приятное чувство удовлетворения, Букхалтер остановился сказать доктору Муну, что лед тронулся, после чего направился к дому, обмениваясь мыслями с парой Болди, своих коллег. Скалы были залиты кровавым светом западной зари, и прохладный воздух приятно охлаждал щеки.

Он чувствовал себя прекрасно. Он получил доказательство того, что то, что он хотел сделать, было возможно. Кейли был твердым орешком, но... Букхалтер улыбнулся.

Этель будет довольна. В некотором смысле, ей пришлось тяжелее, чем ему. С женщинами так всегда. Мужчины страшно озабочены тем, чтобы сохранить свою независимость, которая частично исчезает, когда появляется женщина. Что же касается женщин не-Болди — что же, то обстоятельство, что Этель в конце концов была принята в клубы и женские кружки Моддока, говорит в пользу ее блестящих личных данных. Только Букхалтер знал, какое горе причиняло Этель то обстоятельство, что она была лысой. Даже ее муж никогда не видел ее без парика.

Его мысли устремились вперед, обгоняя его, в низкий, с двумя крыльями дом на холме и встретились с ее теплой мыслью.

Это было нечто большее, чем поцелуй.

Как всегда, в мысли этой присутствовало волнующее чувство ожидания, все усиливающееся, пока не раздастся звук открываемой входной двери и они не коснутся друг друга физически. "Вот, — подумал он, — ради чего я родился Болди. Это стоит потери миров".

За обедом это чувство распространилось и на Эла и сделало еду еще более вкусной, а воде придала вкус вина. Слово "дом" для телепатов имело смысл, который не-Болди не могли до конца понять, ибо он включал в себя неведомые им связи. То были мелкие, едва заметные ласки.

"Зеленый Человек спускался по Огромной Красной Ледяной

Горе. Волосатые гномы пытались загарпунить его”.

— Эл, — сказала Этель, — ты снова думаешь о Зеленом Человеке?

Что-то холодное, полное ненависти и вызывающее дрожь ужаса, промелькнуло в воздухе — как будто град ударил по зеленой траве. Букхалтер уронил салфетку и поднял голову, совершенно сбитый с толку. Он ощутил, как мысль Этель отпрянула, и быстро коснулся ее разума, чтобы хоть немного ободрить ее.

Но на другой стороне стола сидел мальчик, еще сохраняющий детскую припухлость щек, но молчаливый и настороженный. Он понял, что совершил грубую ошибку, и искал защиты в полной неподвижности. Его разум был слишком слаб, чтобы сопротивляться опробованию. Понимая это, он сидел спокойно, ожидая, пока эхо мысли разобьется о молчание.

Букхалтер сказал:

— Продолжай, Эл.

Он встал. Этель начала было что-то говорить.

— Подожди, дорогая. Поставь барьер. Не слушай.

Он мягко и нежно коснулся ее разума, потом взял Эла за руку и повел его во двор. Эл наблюдал за отцом краешком испуганного глаза.

Букхалтер сел на скамью и посадил рядом с собой Эла. Вначале он говорил особенно отчетливо, чтобы смысл его слов был ясен, и по другим причинам. Было неприятно убирать слабый заслон мальчика, но ничего не поделаешь.

— Странно думать так о своей матери, — сказал он. — Странно думать так обо мне. — Для разума телепата характерны упрямство и непосвященность более, но тут речь не шла ни о том, ни о другом.

Присутствовала лишь холодность и злоба.

“И это плоть от плоти моей”, — подумал Букхалтер.

Он глядел на мальчика и вспомнил свои собственные мысли в восемь лет.

“Мутация ли поведет его по дьявольскому пути?”

Эл молчал.

Букхалтер коснулся разума мальчика. Эл попытался вырваться и убежать, но отец держал его крепко. Это был инстинкт, а не разумная мысль — ведь телепаты могли ощущать разум друг друга даже через большие расстояния.

Ему не хотелось этого делать, потому что этот процесс уносил с собой чувство, а насилие всегда остается насилием. Но здесь жестокость была необходима.

Букхалтер искал. Иногда он бросал в Эла ключевое слово — и получал в ответ волну воспоминаний.

Наконец, больной и разбитый, Букхалтер позволил Элу уйти и остался сидеть один на скамье, наблюдая за тем, как красный свет умирает на снежных пиках.

Было еще не поздно. Обучение Эла было только начато. Можно было в корне изменить этот процесс.

Так оно и будет. Но еще не сейчас, не раньше, чем жаркий гнев настоящего уступит место симпатии и пониманию.

Еще не сейчас.

Он вошел в дом, коротко переговорил с Этель и связался с дюжиной Болди, которые работали вместе с ним в издательстве. Не все из них имели семьи, но никто не пропустил встречи, когда получасом позже они встретились в задней комнате "Паден Таверн", в нижнем городе. Сэм Шейни поймал отрывок знания Букхалтера, и все они прочли его эмоции.

Собранные узами симпатии в единое телепатическое целое, они ждали, пока Букхалтер захочет им рассказать.

Он рассказал им. Поскольку разговор велся на языке мысли, он не занял много времени. Он рассказал им о японском ювелирном дереве со сверкающими безделушками, о сияющем соблазне. Он рассказал им о рациональной паранойе и о пропаганде, и о том, что самая эффективная пропаганда всегда спрятана в сахарную оболочку, и всегда форма ее бывает изменена до такой степени, что мотив скрыт.

Зеленый Человек, безволосый, героический, — символ Болди.

И дикие, волнующие приключения, соблазн поймать юную рыбу, чей гибкий разум был достаточно впечатлительным, чтобы ступить на дорогу опасного безумия.

Взрослые Болди могли слушать, но они не слушали. Иные телепаты имеют более высокий порог мысленного восприятия. Взрослые не читают книг своих детей, если только не хотят убедиться в том, что в их сграницах нет ничего, что могло бы причинить явный вред. И ни один взрослый не беспокоится о том, чтобы верно квалифицировать Зеленого Человека. Большая их часть считает его оригинальной мечтой собственного детства.

— Я тоже так считал, — сказала Шейн, — Мои девочки...

— Оставьте, — сказала Букхалтер. — И я не являюсь исключением.

Дюжина разумов распространила свою чувствительность далеко за пределы комнаты, стараясь уловить мысли своих детей. Что-то отпрянуло от них, настороженное и полное тревоги.

— Это он, — сказал Шейни.

Им не нужно было говорить. Тесной сплоченной группой вышли они из “Паден Таверн” и, перейдя улицу, подошли к Центральному универмагу. Дверь была заперта.

Двое мужчин налегли на нее плечами и открыли.

Они прошли через темный магазин и заднюю комнату, где подле опрокинутого стула стоял человек. Его непокрытая лысина блестела в потоках яркого верхнего света. Рот его беспомощно открывался, но с губ не слетело ни слова. Умоляющая мысль, кинувшаяся к ним, была безжалостно отброшена.

Букхалтер выхватил кинжал. Тут же засверкало серебром и оружие остальных.

И это свершилось.

Давно уже замер крик Беннинга, а его умирающая мысль все еще билась в мозгу Букхалтера, когда он шел домой. Болди, который не носил парика, не был безумцем, но параноиком он был.

То, что он пытался скрыть, поражало.

Невероятных размеров тиранический эгоизм и яростная ненависть к нетелепатам. “Мы — будущее! Бог создал Болди для того, чтобы мы правили низшими людьми! Будущее — за нами!”

Букхалтер прервал дыхание и вздрогнул. Мутацию нельзя было считать удавшейся полностью. С одной группой все было в порядке. Ее составляли те Болди, которые носили парики и приспособились к окружающему миру, в котором они жили. Другая группа состояла из душевнобольных, и ее можно было не принимать в расчет, потому что эти люди находились в психиатрических лечебницах.

Но средняя группа состояла только из параноиков. Их нельзя было считать душевнобольными, но психика их была расстроена. Те, кто входил в эту группу, не носили париков.

Как Беннинг.

Беннинг искал последователей. Его попытка была обречена, и он действовал в одиночку. Болди — параноик.

Были и другие — много других.

Впереди на темной стороне холма пряталась сверкающая точка, отмечающая, где находился дом Букхалтера. Он послал свои мысли вперед, они коснулись Этель и ободрили ее.

Потом он перенес их к тому месту, где спал маленький мальчик, смущенный и несчастный, долго плакавший, прежде чем уснуть. Теперь в его голове были только они, мысли отца, немного беспорядочные, немного напряженные. Но можно было прояснить их.

И нужно было.

Тиму Крокетту не следовало бы лезть в шахту на Дорнсет Маунтин. То, что обещает удачу в Калифорнии, может привести к самым отвратительным результатам в угольных шахтах Пенсильвании. Особенно в том случае, если дело не обходится без гномов.

Нельзя сказать, чтобы Тиму Крокетту было что-то известно о гномах. Просто он занимался исследованием условий, в которых живут представители низших классов, используя для этой цели собственные, довольно неудачные слова. Он принадлежал к той южнокалифорнийской группе, члены которой пришли к заключению, что нужны рабочему. Они ошиблись. Это им был нужен рабочий — по крайней мере, восемь часов в день.

Крокетт, подобно своим коллегам, считал рабочего комбинацией Гориллы и Человека с Мотыгой, насчитывающей, вероятно, в числе своих предков некоторое количество Калликэк. Он произносил пламенные речи о задавленном меньшинстве, писал зажигательные статьи для печатного органа группы "Земля" и ловко уклонился от работы в качестве клерка в конторе своего отца. Он говорил, что ему предназначена миссия. К несчастью, как рабочие, так и предприниматели не питали к нему большой симпатии.

Психолог квалифицировал бы Крокетта достаточно легко. Это был высокий, худой молодой человек с пристальным взглядом маленьких паучьих глаз, неплохо разбирающийся в галстуках. Все, что ему было нужно, — это энергичный пинок под одно место.

Но уж, конечно, не нанесенный гномами!

На деньги отца он рыскал по стране, исследуя жизнь пролетариев, к великой досаде тех рабочих, условия жизни которых он исследовал. Одержимый этой идеей, он отправился в Айяксские шахты — или, по крайней мере, в одну из них, переодевшись шахтером и тщательно натерев лицо черной угольной пылью. Спустившись на лифте, он почувствовал себя несколько неуверенно среди людей с чисто выбритыми лицами. Шахтеры становились грязными лишь после рабочего дня.

Дорнсет Маунтин — настоящие медовые соты, кроме шахт Айякс Компани. Гномы знают, как блокировать свои туннели, когда люди подходят к ним слишком близко.

Крокетт почувствовал себя совершенно сбитым с толку. Вместе с остальными он направлялся то туда, то сюда, пока они не начали работать. Наполненные вагонетки, ворча, покатились по рельсам. Крокетт поколебался, потом обратился к рослому субъекту, чье лицо, казалось, хранило следы великой печали.

— Послушай, — сказал он, — я хотел бы поговорить с тобой!

— Инглишский? — вопросительно отозвался тот. — Вишки.
Джин. Вино. Ад.

Продемонстрировав свой несколько неполный набор английских слов, он разразился хриплым смехом и вернулся к работе, не обращая больше внимания на сбитого с толку Крокетта. Тот повернулся прочь, ища другой объект для опроса. Но этот отрезок шахты оказался пустынным. Еще одна нагруженная вагонетка, урча, проехала мимо, и Крокетт решил посмотреть, откуда она выехала. Он нашел это место после того, как пре-
большо стукнулся головой и несколько раз шлепнулся на живот.

Она появилась из дыры в стене. Крокетт вошел в нее и тут же услышал рядом с собой хриплый крик. Незнакомец приглашал Крокетта подойти поближе.

— Чтобы я мог свернуть твою цыплячью шейку! — пообещал он, извергая поток непечатных выражений. — Убирайся отсюда!

Крокетт бросил взгляд в сторону кричавшего и увидел маячившую над ним гориллообразную фигуру. Он мгновенно пришел к выводу, что владельцы айякской шахты пронюхали о его миссии и подослали к нему наемного убийцу — или, по крайней мере, парня, который мог бы избить его до полусмерти. Страх наполнил силой ноги Крокетта. Он бросился вон, лихорадочно ища хоть намек на боковой туннель, в который он мог бы нырнуть. Рык, несшийся ему вдогонку, отдавался от стен. Внезапно Крокетт ухватил смысл последней фразы:

— ... пока не взорвался динамит!

Именно в это мгновение динамит и взорвался.

Однако Крокетт этого не понял. Очень скоро он обнаружил, что летит.

После этого он перестал вообще что-либо соображать, а когда эта способность вернулась к нему, он обнаружил, что на него внимательно смотрит чья-то голова.

Вид этой головы не приносил особого утешения — вряд ли вы решились бы взять себе в друзья ее владельца. Голова была странная, если не сказать — безобразная.

Крокетт был настолько увлечен ее видом, что даже и не сообразил сразу, что видит в темноте.

Сколько времени он находился без сознания? Крокетт вряд ли почувствовал бы себя намного лучше, знай он, что находится в неиспользованной шахте, давно уже заброшенной. Шахтеры, изрывом открывшие проход к новой шахте, понимали, что проход к старой закроется, но это их не беспокоило. Другое дело — Тим Крокетт.

Он зажмурился, а когда снова открыл глаза, то обнаружил, что голова исчезла.

Это обстоятельство принесло ему облегчение.

Крокетт немедленно заключил, что неприятное видение было галлюцинацией. Он, собственно, даже не мог толком вспомнить, как она выглядела. Оставалось лишь смутное воспоминание о форме, напоминающей часы-луковицу, больших, блестящих глазах и неправдоподобно широкой щели рта.

Крокетт застонал. Откуда исходило это странное, серебряное сияние? Оно напоминало дневной свет в туманный день, не имело определенного источника и не давало тени. “Радий”, — подумал Крокетт, очень неважно разбирающийся в минералогии.

Он находился в шахте, уходившей в полумрак впереди до тех пор, пока футов через пятьдесят она не делала резкий поворот, за которым грудились обломки упавшего свода. Крокетту стало трудно дышать. Он кинулся к завалу и принялся лихорадочно разбирать его, задыхаясь и произнося хриплые, нечленораздельные звуки.

Тут ему в глаза бросились собственные руки. Его движения все замедлялись и замедлялись до тех пор, пока он не перешел к полной неподвижности.

Замерев в неудобной позе, он тупо созерцал два широких и шишковатых предмета, которыми заканчивались кисти его рук. Может, он в период своего беспамятства надел рукавицы? — мелькнуло у него в голове. Но тут он осознал, что никакие рукавицы не вызовут сходства с тем, что он имел полное право считать своими руками: они были искривлены.

Может быть, они испачканы? Нет! Дело совсем не в этом. Его руки изменены. Они превратились в два массивных шишковатых коричневых предмета, похожих на узловатые корни дуба. Тыльная сторона поросла густой черной шерстью. Ногти явно нуждались в маникюре — причем в качестве инструмента лучше всего было употреблять зубило.

Крокетт оглядел себя всего, и из груди у него вырвался слабый цыплячий писк. Он не верил собственным глазам. У него были короткие кривые ноги, толстые и сильные. Ступни не превышали длины двух футов, а может быть, и того меньше. Все еще не веря себе, Крокетт изучил свое тело. Оно тоже изменилось — и явно не к лучшему.

Рост его равнялся немногим более четырех футов. Толщина составляла примерно три фута. При этом он обладал выгнутой грудью, удивительно неуклюжими ногами, косолапыми ступнями, а шеи не имел вовсе.

Одет он был в красные сандалии, голубые шорты и красную тунику, оставляющую голыми его худые, но сильные руки.

Его голова... Она имела форму часов-луковицы. А рот... Ой!

Крокетт инстинктивно поднес к нему руку, но тут же отдернул ее, беспомощно огляделся и рухнул на землю. Галлюцинация! Он умирает от кислородной недостаточности, и перед смертью его посещают галлюцинации.

Крокетт закрыл глаза, убежденный, что его легкие беспомощно работают на пределе сил, добывая себе воздух.

— Я умираю, — сказал он. — Я не могу дышать.

Чей-то голос презрительно произнес:

— Надеюсь, ты не воображаешь, будто дышишь воздухом.

— Я не... — начал Крокетт.

Он не закончил предложения. Его глаза округлились. Теперь он еще и слышал.

— До чего же вшивый экземпляр гнома, — сказал голос. — Но согласно закону Нида, выбирать не приходится. Все равно копать твердые металлы тебе не позволят, пойдешь на антрацит. Ну, что уставился? Ты куда уродливее, чем я.

Крокетт, собиравшийся провести языком по пересохшим губам, с ужасом обнаружил, что кончик его влажного языка достает до лба. Он вобрал его назад, громко причмокнув, и с трудом принял сидячее положение. После этого он застыл в неподвижности, продолжая глядеть.

Снова появилась голова, а за нею и тело.

— Я Гру Магру, — продолжала болтать голова. — Тебе, конечно, дадут гномье имя, если только твое собственное не окажется удобоваримым. Как оно звучит?

— Крокетт, — ответил он механически.

— А?

— Крокетт.

— Перестань квакать, как лягушка. Крокетт так Крокетт! А теперь вставай и следуй за мной, а не то получишь хорошего пинка.

Гру Магру явно был гномом. Короткий, приземистый и плотный он напоминал маленький стеклянный баллончик, накрытый опрокинутой луковицей. Лицо-луковица было широким, с огромной щелью рта, пуговицей носа и двумя большими глазами.

— Вставай! — сказал Гру Магру.

На сей раз Крокетт хотел повиноваться, но это усилие полностью истощило запас его сил. Если он сделает хотя бы один шаг, подумал он, он просто сойдет с ума. Ну и пусть! Гномы...

Гру Магру поставил большую косолапую ногу в наиболее удобную позицию, и Крокетт, описав дугу, упал со своего валуна.

— Вставай! — сказал гном. Его настроение явно ухудшилось, — А то я тебе нападдам. Я не хочу, чтобы нас застукал патруль. Вставай сейчас же!

Крокетт встал. Гру Магру взял его за руку и увлек в глубину туннеля.

— Ну вот, теперь ты — гном, — сказал он. — Таков закон Нида. Иногда я спрашиваю себя, стоит ли овчинка выделки. Думаю, стоит, потому что гномы не могут воспроизводиться, а численность населения должна ведь поддерживаться на постоянном уровне.

— Я хочу умереть, — с яростью бросил Крокетт.

Гру Магру рассмеялся.

— Гномы не могут умереть. Они бессмертны до самого Судного дня.

— Вы не логичны, — сказал Крокетт, как будто исправляя один фактор, он мог автоматически исправить и все дело. — Или же вы состоите из плоти и крови и можете умереть в любой момент, или же у вас их нет, и тогда вы нереальны.

— У нас есть и плоть, и кровь, — сказал Гру Магру. — Но мы бессмертны. В этом все дело. Не могу сказать, чтобы я имел что-нибудь против смертных, — поторопился объяснить он. — Летучие мыши и совы — тут все о'кей. Но человек!

Он содрогнулся.

— Ни один гном не может вынести вида человека.

Крокетт ухватился за соломинку.

— Я — человек.

— Был, ты хочешь сказать, — возразил Гру. — Не слишком хороший образец, по-моему. Но теперь ты гном: таков закон Нида.

— Ты все время говоришь о законе Нида, — пожаловался Крокетт. — Что это такое?

— Конечно, ты не понимаешь, — с покровительственным видом заметил Гру Магру. — Дело вот в чем. Еще в древние времена было установлено, что если какой-либо человек попадет под землю, одна десятая часть этого человека преобразуется в гнома. Первый Император Гномов Подгран Третий установил этот закон. Он знал, что человеческих детей похищают и оставляют, и поговорил об этом с властями. Он сказал, что это нечестно. Поэтому, когда шахтеры и тому подобные остаются под землей, их десятая часть превращается в гномов и присоединяется к нам. Так получилось и с тобой. Понятно?

— Нет, — слабым голосом ответил Крокетт. — Послушай! Ты сказал, что Подгран был Первым Императором Гномов. Почему же его тогда называли Подграном Третьим?

— У нас нет времени для вопросов, — сказал Гру Магру. — Поторопись.

Теперь он почти бежал, таща за собой упавшего духом Крокетта. Новый гном не научился еще управлять своими не-

обычными конечностями. Сандалии его были удивительно широки, руки мешали. Скоро, однако, он научился держать их согнутыми и прижатыми к бокам.

Стены, освещенные странным серебряным светом, проплывали мимо них.

— Что это за свет? — выдавил из себя Крокетт. — Откуда он исходит?

— Свет? — переспросил Гру Магру. — Это не свет.

— Но ведь здесь не темно...

— Конечно — темно, — фыркнул гном. — Как бы мы могли видеть, если бы здесь не было темно?

Ответом на это был дикий вопль.

Крокетт едва успевал переводить дыхание, так быстро они двигались. Теперь они были в лабиринте, поворачиваясь и двигаясь по бесконечным туннелям, и Крокетт понимал, что ему никогда не удалось бы найти обратный путь. Он жалел, что ушел из пещеры. Но что он мог поделать?

— Торопись! — подгонял его Гру Магру.

— Почему? — едва слышно прошептал Крокетт.

— Битва продолжается, — ответил гном.

Завернув за угол, они едва не врезались в самую гущу битвы. Целая толпа гномов заполняла туннель, и все они яростно дрались. Красные и голубые шорты и туники быстро двигались туда и сюда. Луковичные головы то выныривали из толпы, то исчезали в ней. Здесь явно годились любые приемы.

— Видишь! — ликующе крикнул Гру. — Битва! Я учуял ее за шесть туннелей! Как прекрасно!

Он пригнулся, потому что злобного вида маленький гном поднял над его головой камень и что-то угрожающе завопил.

Камень отлетел в темноту, и Гру, бросив своего пленника, немедленно устремился к маленькому гному, повалил его на пол пещеры и принялся колотить головой об пол. Оба они страшно вопили. Впрочем, их голоса терялись в общем реве, от которого дрожали стены.

— О, Господи, — прошептал Крокетт.

Он отошел и стал смотреть со стороны. Это было ошибкой. Огромный гном появился из-за груды камней, схватил Крокетта за ноги и отшвырнул его прочь. Через туннель прокатился жуткий клубок. Он ударился о стену. "Бум!" В воздухе замелькали руки и ноги.

Вставая, Крокетт обнаружил, что подмял под себя злобного вида гнома с огненно-рыжими волосами и четырьмя большими бриллиантовыми пуговицами на тунике.

Отталкивающего вида существо лежало неподвижно, рас-

пластавшись на полу. Крокетт оглядел себя и не нашел ни одной раны. По крайней мере, тело его было крепким.

— Вы спасли меня, — слышался незнакомый голос.

Он принадлежал гному-женщине. Крокетт решил, что если в природе и существует нечто более уродливое, чем гномы, то это представительницы их женского пола. Существо стояло, пригнувшись за его спиной, сжимая в одной руке огромных размеров камень.

Крокетт отпрянул.

— Я не причиню вам вреда! — закричало существо, стараясь перекрыть гул, наполнявший коридор. — Вы меня спасли. Мугза пытался оторвать мне уши от... Ой! Он встает!

Действительно, рыжеволосый гном пришел в себя. Первым его побуждением было поднять ногу и отправить с ее помощью Крокетта в другой конец туннеля. Гном-женщина тотчас села Мугзе на грудь и принялась колотить его головой об пол, пока он не потерял сознание.

— Вы не ушиблись?! — вскричала она, поднимаясь на ноги. — Я — Броки Бун! Ой, смотрите! Сейчас он оторвет ему голову!

Крокетт оглянулся и увидел, что его проводник Гру Магру изо всех сил тянет за голову незнакомое существо, пытаясь, очевидно, открутить ее.

— Да в чем же дело? — взмолился Крокетт. — Броки Бун!

Она нехотя оторвалась от захватывающей сцены.

— Что?

— С чего началась драка?

— Ее начала я, — объяснила она. — Просто так. Потом подключились остальные. Тебя как зовут?

— Крокетт.

— Ты ведь новенький? Ах, да, помню — ты был человеком!

Внезапно ее выпуклые глаза зажглись ярким светом.

— Крокетт, может быть, ты кое-что мне объяснишь? Что такое поцелуй?

— Поцелуй? — непонимающе переспросил Крокетт.

— Да. Однажды я сидела в пещере и слышала, как говорили два человека, мужчина и женщина, судя по голосам. Я, конечно, не осмелилась подглядывать, но мужчина просил у женщины поцелуй.

— Просил поцелуй, — тупо повторил Крокетт. — Это надо же!

— А потом слышался чмокающий звук, и женщина сказала, что это восхитительно. С тех самых пор меня мучает любопытство. Что, если какой-нибудь гном попросит у меня поцелуй, а я даже не буду знать, что это такое.

— Гномы не целуются, — несколько невпопад ответил Крокетт.

— Гномы копают, — ответила Броки Бун, — и едят. Я люблю есть. Поцелуй не похож на суп из тины?

— Нет, не совсем.

Кое-как Крокетту удалось объяснить механику поцелуя.

Гномица молчала, размышляя. Наконец, с видом гнома, предлагающего суп из тины голодному, она сказала:

— Я дам тебе поцелуй.

Перед глазами Крокетта промелькнуло кошмарное видение. Он представил себе, как его голова исчезает в бездонном провале ее рта.

Он отпрянул.

— Нет, — сказал он, — я бы не хотел...

— Тогда давай драться! — безо всякого перехода предложила Броки Бун.

Она со всего маха дала Крокетту в ухо своим узловатым кулаком.

— Ой, нет!

Она с сожалением опустила руку и отвернулась.

— Драка окончилась. Она была не слишком долгой, правда?

Потирая ушибленное ухо, он видел, что тут и там гномы встают с пола и торопливо расходятся по свои делам. Казалось, они уже забыли о последних событиях. В туннеле снова царила тишина, нарушаемая лишь топотом гномьих ног по камню. Счастливо улыбаясь, к ним подошел Гру Магру.

— Хелло, Броки Бун, — приветствовал он ее. — Знатная драка! Кто это?

Он посмотрел на распростертое тело Мугзы, рыжеволосого гнома.

— Мугза, — ответила Броки Бун. — Он еще без сознания. Давай его тузить!

Они принялись за это дело с огромным энтузиазмом. Крокетт наблюдал за ними, думая о том, что он ни за что не позволил бы, чтобы его избили до беспамятства. Наконец Гру Магру устал.

— Пошли, — сказал он Крокетту, беря его под руку.

Они двинулись вдоль туннеля, оставив Броки Бун прыгать на животе бесчувственного Мугзы.

— Как вы можете бить людей, когда они без сознания! — возмутился Крокетт.

— А так гораздо забавнее, — радостно сказал Гру. — Можно бить куда захочешь. Идем. Нужно тебя посвятить. Новый день, новый гном. Нужно поддерживать стабильность населения.

Он принялся напевать какую-то песню.

— Послушай, — сказал Крокетт. — Мне в голову пришла одна мысль. Ты говоришь, что люди превращаются в гномов для поддержания стабильности населения. Но если гномы не умира-

ют, разве это не означает, что теперь гномов больше, чем раньше? Ведь население растет.

— Не мешай! — приказал Гру Магру. — Я пою.

Это была песня, начисто лишенная мелодии. Крокетт, чьи мысли метались яростными скачками, вдруг подумал о том, есть ли у гномов национальный гимн. Может быть, “Убаюкай меня”?

— Мы должны увидеться с Императором, — сказал наконец Гру. — Он всегда видится с новыми гномами. Постарайся произвести на него хорошее впечатление, или я тебя брошу в лаву под приисками.

Крокетт с сомнением оглядел свою одежду.

— Мне надо привести себя в порядок. В этой драке я весь перепачкался.

— Это была вовсе не драка, а битва, — оскорбительно возразил Гру. — Ты все понимаешь не так!

— Но моя одежда... Она грязная!

— Ну и что? — перебил его гном. — Отличная грязная одежда. Нам сюда.

Он наклонился, набрал пригоршню песка и принялся натирать им лицо и волосы Крокетта.

— Вот так-то лучше!

— Я... Тьфу! Спасибо... тьфу! — отплевывался новообращенный гном.

— Кажется, я сплю...

Они прошли через лабиринт, находящийся глубоко под Дорнсет Маунтин, и углубились в большую каменную пещеру, в конце которой стоял каменный трон. На троне сидел маленький гном и созерцал свои ногти.

— Пусть никогда не кончится твой день! — витиевато приветствовал его Гру. — А где Император?

— Ванну принимает, — ответил тот. — Чтоб ему утонуть! Тина, тина и тина — три раза в день. То слишком горячо, то холодно, то густо! У меня все пальцы размокли. А вместо благодарности одни пинки.

Голос маленького гнома звучал жалобно.

— Существует такое понятие: чересчур грязно. Три грязевые ванны в день — это уже слишком. И некогда даже подумать обо мне! Я — грязевая кукла, вот кто я такой. Так он меня сегодня назвал. Он сказал, что в грязи попался комок. Ну а почему бы и нет?! Проклятая глина, которую мы собираем, даже червя перевернет желудок. Вы найдете Его Величество там, — закончил маленький гном.

Он ткнул ногой в направлении полукруглого свода в стене. Крокетта потащили в соседнюю комнату, где, погруженный в ванну, полную жирной коричневой грязи, сидел толстый гном.

Лишь глаза сверкали через покрывавшую его плотную корку грязи. Он брал грязь пригоршнями и бросал ее на голову так, чтобы она стекала каплями. Когда это ему удавалось, он был счастлив.

— Грязь, — довольно заметил он Гру Магру. Голос его был подобен львиному рыку.

— Ничто не может с ней сравниться. Добрая, жирная грязь.

Гру бухнул головой об пол, его широкая, сильная рука обвилась вокруг шеи Крокетта, увлекая его за собой.

— Встаньте, — сказал Император. — Кто это? Для чего здесь этот гном?

— Он новенький, — объяснил Гру. — Я нашел его наверху. Закон Нида. Вы же знаете...

— Да, конечно. Давай-ка, я на него посмотрю. Уф! Я — Подгран Второй, Император Гномов. Что ты можешь на это сказать?

— Как вы можете быть Подграном Вторым, когда ваш Первый Император был Подграном Третьим? — это все, что мог придумать Крокетт.

— Болтун! — сказал Подгран.

Он исчез под поверхностью грязи так же внезапно, как и появился оттуда.

— Позаботься о нем, Гру. Вначале поставь на легкую работу, на добычу антрацита. И смотри, не смей ничего есть, когда копаешь, — предупредил он Крокетта. — После того как пробудешь здесь сто лет, тебе будет разрешена одна грязевая ванна в день. Ничего нет лучше этого, — добавил он, натирая лицо грязью.

Внезапно он замер. Потом послышалось его рычание:

— Друк!

Поспешно приковылял маленький гном, которого Крокетт видел сидевшим на троне.

— Ваше Величество, разве грязь недостаточно теплая?

— Ты — ползающий нуль! — зарокотал Подгран Второй. — Ты — слюнявый отпрыск шести тысяч различных зловоний. Ты — мышиноглазый, бесполезный, вислоухий, извивающийся прыщ на добром имени гномов! Ты — геологическая ошибка! Ты...

Друк воспользовался временным перерывом в обвинительной речи своего хозяина:

— Это лучшая грязь, Ваше Величество, я сам ее отбирал. О, Ваше Величество, что случилось?

— В ней червяк!

Его Величество заколотил по грязи кулаками. Поднялась такая буря, что Его Величество исчез с головой. У Крокетта

задрожали уши. Он позволил Гру Магру увлечь его прочь.

— Я хотел бы встретиться со стариком в битве, — заметил Гру, когда они очутились в безопасной глубине туннеля, — но он, конечно, прибегнул бы к помощи колдовства. Таков уж он есть. Самый лучший Император из тех, кто когда-либо был у нас. Ни одной чистой клеточки на всем теле.

— О, — тупо сказал Крокетт. — А что дальше?

— Ты же слышал, что сказал Подгран? Будешь копать антрацит. И если ты съешь хоть маленький кусочек, я вобью в тебя зубы!

Размышляя над особенностями явно плохих характеров гномов, Крокетт послушно дал ввести себя в галерею, где дюжины гномов как женского, так и мужского пола яростно тыкали во что-то кирками и мотыгами.

— Становись здесь, — сказал Гру. — Будешь копать антрацит. Двадцать часов будешь работать, шесть спать.

— А потом что?

— Потом снова начнешь копать, — объяснил Гру. — Каждые десять часов у тебя будет короткий отдых, а между ними ты не должен прерывать работу, разве только для борьбы. Ты умеешь определять, где лежит уголь? Подумай хорошенько.

— А?

— Как, ты думаешь, я тебя нашел? — нетерпеливо спросил Гру. — Гном обладает некоторыми чувствами. Существует легенда, будто честные люди могут определить местонахождение воды с помощью раздвоенной палки. А мы связаны с полезными ископаемыми. Подумай об антраците! — приказал он.

Крокетт повиновался и мгновенно повернулся к стене ближайшего туннеля.

Гру усмехнулся.

— Полагаю, это естественная эволюция, функциональная. Нам нужно знать, где сосредоточены подземные запасы, потому нас и наградили особым чутьем. Стоит тебе подумать о золоте или любом другом подземном залегающем, и ты его почувствуешь. Это так же сильно в гномах, как отвращение к дневному свету.

— А... — сказал Крокетт. — Как это?

— Негативное и позитивное. Нам нужна руда, и мы ее чувствуем. Дневной свет причиняет нам вред, поэтому, когда нам кажется, что мы слишком приближаемся к поверхности, мы дуем о свете, и он отталкивает нас. Попробуй!

Крокетт повиновался. Что-то как будто надавило на его голову.

— Прямо над нами.

Гру кивнул.

— Но далеко. Я однажды видел дневной свет. И человека. Он посмотрел на остальных.

— Я забыл объяснить. Гномы не выдерживают вида человека. Они... Видишь ли, есть предел уродливости, которую может вынести гном. Теперь, когда ты один из нас, ты тоже будешь чувствовать то же самое. Держись подальше от дневного света и никогда не смотри на людей. Твое здоровье этого стоит.

В голове Крокетта закопошились мысли.

Значит, он может найти выход из этой путаницы туннелей, просто руководствуясь своими ощущениями. Они выведут его к дневному свету. И он окажется на поверхности земли.

Гру Магру отвел Крокетта на место между двумя занятыми работой гномами и сунул ему в руку кирку.

— Вот здесь. Приступай к работе.

— Спасибо за... — начал было Крокетт.

Но Гру внезапно пнул его и повернулся прочь, что-то довольно напевая.

Появился другой гном. Увидев, что Крокетт стоит без движения, он велел ему браться за дело, подтвердив свое распоряжение тычком в ухо, и так уже распухшее.

Крокетту волей-неволей пришлось взять кирку и начать отколупывать антрацит со стены.

— Крокетт! — позвал громкий голос. — Это ты? Я так и думала, что тебя pošлут сюда.

Это была Броки Бун, гном-женщина, с которой Крокетт уже встречался. Она тоже работала вместе с остальными, но теперь опустила свою кирку и улыбалась ему как старому знакомому.

— Ты здесь долго не пробудешь, — утешила она его. — Лет десять или около того, пока не попадешь в беду, после чего тебя поставят на действительно тяжелую работу.

У Крокетта уже болели руки.

— Тяжелая работа? Да у меня сейчас руки отвалятся.

Он облокотился на кирку.

— Это что, твоя обычная работа?

— Да, но я здесь редко бываю. Обычно меня наказывают. Я всегда причиняю много неприятностей. Такая уж я есть. Я ем антрацит.

Она продемонстрировала. Громкий хруст заставил Крокетта содрогнуться.

Тут же подошел надсмотрщик.

— Почему вы не работаете? — рявкнул он. — Что это такое?

— Мы как раз собирались бороться, — объяснила Броки Бун.

— Только вдвоем? Или мне тоже можно присоединиться?

— О, каждый, кто хочет, — предложила такая неженственная женщина-гном.

Она ударила киркой по голове ничего не подозревавшего Крокетта. Свет померк в его глазах.

Очнувшись через некоторое время, он ощутил жесткие толчки под ребра и решил, что это Броки Бун, должно быть, толкает его, пока он лежит без сознания.

Ну и гном! Крокетт сел. Он обнаружил, что находится в том же самом туннеле, а вокруг него дюжина гномов занята складыванием антрацита.

К нему подошел надсмотрщик:

— Очнулся? Принимайся за работу!

Крокетт автоматически повиновался.

— Ты пропустил самое интересное. Я получила в ухо!.. Видишь? — Броки Бун с торжеством показала ему синяк. Крокетт поспешно поднял руку с киркой. Рука была как не своя.

Ползли часы. Крокетт никогда в жизни так усердно не трудился. Никто из гномов не жаловался. Двадцать часов тяжелого труда с одним лишь коротким перерывом для отдыха. И копать... копать... копать...

Не прерывая работы, Броки Бун сказала:

— Я думаю, из тебя получится хороший гром, Крокетт. Ты уже здорово привык. Никто бы никогда не подумал, что ты когда-то был человеком.

— В самом деле?

— Ты кем был, шахтером?

— Я был... — Внезапно Крокетт замолчал. Странный свет зажегся в его глазах.

— Я был рабочим организатором, — закончил он.

— Что это такое?

— Ты слышала когда-нибудь о профсоюзах? — спросил Крокетт вместо ответа и пристально посмотрел на нее.

Броки Бун покачала головой.

— Нет, никогда не слышала. Это что, руда?

Крокетт объяснил. Ни один рабочий организатор никогда бы не принял такого объяснения. Оно, скажем так, было несколько упрощенным.

У Броки Бун был озадаченный вид.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду на самом деле, но думаю, что это здорово.

— И еще один пункт, — сказал Крокетт. — Неужели ты никогда не устаешь от 20-часового рабочего дня?

— Конечно. Кто же тут не устанет?

— Тогда зачем так работать?

— Да мы все так работаем, — терпеливо объяснила она. — Мы не можем остановиться.

— А что, если остановишься?
— Меня накажут. Побьют сталактитами или как-нибудь еще.
— А что, если бы все остановились? — настаивал Крокетт. — Каждый распроклятый гном. Что, если бы они все устроили сидячую забастовку?

— Ты ненормальный, — сказала Броки Бун. — У нас такого никогда не было, это только у людей.

— Поцелуев под землей тоже никогда не было, — возразил Крокетт. — Да нет, он мне не нужен! И драться я тоже не хочу. Не мешай мне работать. Видишь ли, большую часть времени гномы работают на привилегированные классы.

— Нет, мы просто работаем.

— Но почему?

— Всегда так было. И Император хочет, чтобы мы это делали!

— А Император когда-нибудь сам работал? — требовательно спросил Крокетт с торжествующим видом. — Нет! Он только ванны грязевые принимает. — Броки Бун слушала его со все увеличивающимся интересом. — Почему бы каждому гному не воспользоваться подобной привилегией? Почему...

Он все громче и громче говорил, не переставая работать. Броки Бун клюнула на приманку, схватила ее и проглотила.

Через час она уже согласно кивала.

— Вечером после работы я расскажу об этом другим гномам в Ревущей Пещере.

— Сколько мы сможем собрать гномов? — спросил Крокетт.

— Ну, не очень много. Может быть, тридцать.

— Вначале нужно все подготовить, составить четкий план.

Броки Бун, похоже, потеряла интерес.

— Давай лучше драться.

— Ты слушай! Нам нужно создать Совет. Кто здесь самый главный нарушитель спокойствия?

— Мугза, я думаю. Тот рыжеволосый гном, которого ты сбил, когда он меня ударил.

Крокетт нахмурился. Может, Мугза еще зол на него? Но, возможно, и нет. Скорее всего, он должен быть по характеру не более трудным, чем остальные гномы. Он может попытаться задушить Крокетта на виду у всех, но то же самое он сделает и с любым другим гномом. Кроме того, как объяснила Броки Бун, Мугза, с точки зрения гномов, эквивалентен герцогу, его поддержка могла бы оказаться очень ценной.

— И Гру Магру! — добавила она. — Он любит все новое, особенно если это связано с беспорядком.

Крокетт этих двоих гномов не выбрал бы, но сам он не мог предложить других кандидатур.

— Если бы мы могли заполучить кого-нибудь, приближен-

ного к Императору... Как насчет Друка, того парня, который готовит для Подграна грязевые ванны?

— А почему бы и нет? Я это устрою.

Броки Бун потеряла интерес к разговору и начала с жадностью уплетать антрацит. Поскольку надсмотрщик наблюдал за ней, результатом этого была жесткая ссора, из которой Крокетт вышел с подбитым глазом. Тихонько чертыхаясь, он вернулся к работе.

У него не было времени на то, чтобы перекинуться с Броки Бун еще несколькими словами. Она взялась сама все устроить.

Этой ночью должно было состояться тайное собрание заговорщиков. Крокетту страшно хотелось спать, но нельзя было упускать такую возможность. Он не собирался и впредь заниматься такой тяжелой работой, как добыча угля, от которой ныло все тело. Кроме того, если забастовка будет успешной, он мог бы оказать давление на Подграна Второго. По словам Магру, Император — колдун. Он мог бы обратить его обратно в человека...

— Император никогда еще этого не делал, — проговорила Броки Бун, и Крокетт понял, что высказал свои тайные мысли вслух.

— Но он мог бы, если бы захотел!

Броки Бун лишь пожала плечами. А перед Крокеттом замаячил крохотный огонек надежды снова стать человеком. А пока — копать... копать... копать. Монотонно, размеренно...

Если только ему не удастся подбить гномов на забастовку, его ожидает бесконечный изнуряющий труд. Он едва помнил, как оторвался от работы, как Броки Бун вела его под руку к крошечному закутку, который был отныне его домом. Гномица оставила его там, он повалился на каменный выступ и заснул.

Грубый толчок заставил его проснуться. Крокетт сел и инстинктивно увернулся от удара Гру Магру, направленного ему в голову.

У него было четыре гостя — Гру Магру, Броки Бун, Друк и рыжеволосый Мугза.

— Жаль, что я так быстро проснулся, — с неприятным сожалением произнес Крокетт. — Вы могли бы пнуть меня еще раз.

— Еще будет время, — ответил Гру. — Ну, так в чем дело? Я хотел лечь спать, но Броки Бун сказала, что нужно идти драться. На большую драку, да?

— Вначале — поесть! — решительно отрезала Броки Бун. — Я приготовлю для всех грязевой суп.

Она отошла в угол и занялась хлопотами. Остальные гномы расселись на корточки, Крокетт встал на краю выступа. Он все еще не совсем проснулся. Однако ему удалось объяснить свою

мысль о союзе относительно сносно. Она была принята с интересом: впереди маячила перспектива крупной схватки.

— Ты хочешь сказать, что каждый Дорнсетский гном кинется на Императора? — спросил Гру.

— Нет! Мирное сопротивление. Мы просто отказываемся работать. Все вместе.

— Я не смогу, — сказал Друк. — Подгран, этот старый болотный слизняк, все время принимает грязевые ванны. Хочу я или не хочу, он заставит меня отправиться за грязью.

— Кто заставит тебя послушаться? — спросил Крокетт.

— Охрана.

— Но она тоже будет бастовать. Никто не станет повиноваться Подграну, пока он не сдастся.

— Тогда он меня заколдует, — сказал Друк.

— Всех он заколдовать не сможет! — сказал Крокетт.

— Но меня он заколдует, — твердо сказал Друк. — Кроме того, он может произнести заклинание, и все Дорнсетские гномы превратятся в сталактиты или во что-нибудь еще.

— Ну и что тогда будет? Не может же он оставаться совсем без гномов! Половина добычи лучше, чем ничего. Мы просто применим против него логику. Разве не лучше иметь несколько меньшие результаты работы, чем вообще их не иметь?

— Для него — нет, — убежденно сказал Гру. — Он предпочтет нас заколдовать.

Но Крокетт не мог поверить в подобное утверждение. Оно было несовместимо с его пониманием психологии, человеческой психологии, разумеется. Он повернулся к Мугзе, кидавшему на него яростные взгляды.

— А ты что об этом думаешь?

— Я хочу сражаться, — враждебно ответил тот. — Я хочу кого-нибудь пнуть.

— А не предпочел бы ты этому три грязевые ванны в день?

Мугза проворчал:

— Еще бы! Но Император мне не позволит.

— Почему?

— Потому что я этого хочу.

— Вас ничем не проймешь, — в отчаянии сказал Крокетт. — В жизни есть кое-что получше, чем добыча угля.

— Драка, например! Подгран разрешает нам драться, когда мы только захотим.

Внезапно Крокетта осенило!

— Но ведь в этом-то все и дело! Он собирается ввести новый закон, запрещающий борьбу всем, кроме него.

Ход оказался очень эффективным. Гномы повскакали с мест.

— Прекратить БОРЬБУ?!

Это был Гру, разъяренный и неверящий.

— Но почему?! Мы же всегда дрались?

— А теперь придется это прекратить, — невозмутимо сказал Крокетт.

— Нет!

— Конечно, да! Каждый гном, которому будет подарена жизнь, станет освобождаться от склонности к спорам.

— Пойдем и побьем Подгрانا! — предложил Мугза, принимая от Броки Бун горшок с горячим супом.

— Нет, это не годится... Спасибо, Броки Бун. Забастовка, вот что нам нужно. Мы мирными средствами вынудим Подграна дать нам то, что мы хотим.

— Что будет делать Подгран, если мы все сядем и откажемся работать?

— Он будет ругаться. Меня двинет в ухо, — ответил, подумав маленький гном.

— А потом?

— Потом пойдет и станет каждого заколдовывать, туннель за туннелем.

Крокетт кивнул.

— Солидарность — вот что нам нужно. Если Подгран обнаружит несколько гномов, сидящих вместе, он сможет их заколдовать, но если мы все будем держаться вместе, он ничего нам не делает. Когда о забастовке будет объявлено, нам нужно будет собраться всем вместе в самой большой пещере.

— Это Пещера Совета, — сказал Гру. — Она находится за тронной комнатой Подграна.

— О'кей, там мы и соберемся. Сколько гномов присоединятся к нам?

— Все, — пробурчал Мугза и швырнул горшком из-под супа в голову Друка. — Мы покажем Императору, как прекращать борьбу!

— А какое оружие использует Подгран, а, Друк?

— Он может воспользоваться яйцами Кокатрис, — неуверенно ответил тот.

— Что это такое?

— Это не настоящие яйца, — объяснил Друк. — Это — волшебный талисман для заклятия. Зеленые, я думаю, служат для превращения гномов в дождевых червей. Однажды Подгран разбил одно, и заклинание подействовало на расстоянии двадцать футов. А красные... дайте припомнить... Они превращают гномов в людей, хотя это и трудновато. Голубые... Да, кажется так... Голубые...

У Крокетта расширились глаза.

— Как ты сказал? В людей?! — А где спрятаны эти яйца?

— Давай драться, — меланхолично предложил Мугза и устремился на Друка, который дико взвизгнул и принялся отбиваться горшком. Горшок разбился. Броки Бун усиливала шум, пиная то того, то другого. Потом вмешался Гру Магру. Через несколько минут вся комната гудела от возбужденных воплей. Крокетт волей-неволей тоже оказался втянутым в драку.

Из всех извращенных, невероятных форм жизни, которые существовали когда-нибудь, гномы были чуть ли не самой старой. Невозможно было понять их философию. Их разум слишком отличался от человеческого.

Самосохранение и выживание расы — два основных человеческих инстинкта — были неведомы гномам. Они никогда не умирали и не рождались. Они только работали и дрались. Маленькие чудовища с ужасными характерами, с раздражением думал о них Крокетт. И все же они существовали века, может быть, с самого начала мироздания. Их социальный организм был результатом гораздо более древней, чем человеческая, эволюции. Возможно, что гномов он вполне устраивал, и тогда Крокетт, можно сказать, носил воду решетом.

Он не собирался проводить вечность с киркой. Но ему вспоминалось странное чувство удовольствия, испытанного им, когда он работал. Возможно, для гномов копанье и является процессом самодостаточным? Это ведь смысл их существования. Со временем и Крокетту предстояло распрощаться с человеческими чувствами и полностью превратиться в гнома. Что случилось с остальными из тех, кто пережил превращение, которое пережил он? Все гномы казались похожими. Но, может быть, Гру Магру был когда-то человеком, или Друк, или Броки Бун?

Во всяком случае, сейчас они были гномами. Они мыслили и существовали сейчас только как гномы. Со временем он превратился бы в точное их подобие. Он уже чувствовал в себе странную тягу к металлам и отвращение к дневному свету. Но копать ему не нравилось.

Он попытался припомнить то небольшое, что знал о гномах — шахтеры, умеют находить металлы, живут под землей. Существует какая-то легенда о Пиктах, маленьких людях, которые ушли под землю, когда столетия назад в Англию вторгся неприятель. По-видимому, это обстоятельство имело какие-то связи с ужасом, испытываемым гномами перед людьми. Но сами гномы явно не были потомками Пиктов. Скорее всего, они были двумя различными расами, и роднило их только похожее место жительства.

Что ж, с этой стороны помощи ждать нельзя. А как насчет Императора? Он явно не был гномом с высоким коэффициентом интеллекта, но был колдуном.

Те драгоценности — яйца Кокатрис — были очень важны. Если бы ему удалось завладеть теми из них, с помощью которых можно было превращаться в человека...

Но в данный момент такое было невозможно. Лучше подождать, пока не будет объявлена забастовка...

Крокетт уснул.

Броки Бун разбудила его — бесцеремонными ударами. Она, казалось, очень привыкла к нему. Возможно, тут дело было в ее интересе к поцелуям. Время от времени она предлагала Крокетту один поцелуй и он неизменно отказывался. Тогда она стала предлагать завтраки.

Крокетт мрачно подумал о том, что, по крайней мере, он вводит в свой организм достаточное количество железа: заржавленные его обломки очень напоминали кукурузные хлопья. На десерт Броки Бун предложила особую смесь угольной пыли.

Вне всякого сомнения, его пищеварительная система тоже изменилась. Крокетт хотел бы получить рентгеновский снимок внутренних органов. Впрочем, лучше ничего не знать. Но не думать об этом он не мог. Может быть, у него в желудке зубчатая передача или маленький жернов? Что бы произошло, если бы он проглотил немного наждаку? Может быть, он сможет подобным образом вывести из строя Императора?

Крокетт проглотил остаток еды и последовал за Броки Бун по антрацитовому туннелю.

— Как идут дела с забастовкой?

— Прекрасно!

Она улыбнулась Крокетту, и он содрогнулся при виде этой улыбки. — Сегодня все гномы встретятся в Ревущей Пещере сразу после работы.

Для дальнейших разговоров времени не было. Появился надсмотрщик, и гномы схватились за кирки. Копать... копать... копать... Один и тот же ритм. Крокетт потел и работал. Ничего, теперь уж недолго...

Его разум задавал нужный ритм, а мускулы автоматически отвечали потребностям этого темпа. Копать, копать. Иногда подражаться. Короткий отдых. И снова копать.

Через пять столетий кончился день.

Пора было спать.

Но имелось и нечто более важное: собрание в Ревущей Пещере. Броки Бун отвела туда Крокетта. Это была большая пещера, полная блестящих зеленых сталактитов. В нее вливался поток гномов. Повсюду гномы. Куда ни глянь — головы в форме часов-луковиц. Драки завязывались на каждом шагу.

Гру Магру, Мугза и Друк заняли места возле Крокетта. Тут же на полу примостилась и Броки Бун.

— Ну вот, — шепнула она, — они обо всем знают. Скажи им сам, что ты хочешь.

Крокетт оглядел ряды круглых голов, красные и голубые пятна одежды, залитые сверхъестественным серебристым сиянием.

— Товарищи гномы! — негромко начал он.

“Товарищи гномы!” — слова эти, усиленные стенами пещеры, прокатились по ней как гром. Этот звук придал Крокетту смелости. Он продолжал:

— Почему мы должны работать по двадцать часов в день? Почему мы не смеем есть антрацит, который сами же и выкапываем, в то время как Подгран сидит в своей ванне и потешается над нами? Товарищи гномы — Император только один, а вас много! Он не может заставить вас работать! Кому понравится есть суп из тины три раза в день? Если вы откажетесь работать — все, как один, императору придется отступить! Придется!

Крокетт помолчал. Теперь о драках, столь дорогих сердцу каждого гнома.

— Знайте же, что Подгран станет притворяться будто ничего не случилось! Он будет делать вид, будто не запрещал борьбы. И это доказательство того, что он нас боится! Кнут у нас в руках. Мы нанесем удар, и Император ничего не сможет сделать! Когда он лишится грязи для своих ванн, ему не останется ничего другого, как капитулировать!

— Он нас заколдует, — печально пробормотал Друк.

— Не посмеет! Что это ему даст? Без нас он ничто! Подгран поступил с гномами нечестно. Это наше последнее слово!

Все, конечно, закончилось дракой. Но Крокетт был доволен. Завтра гномы не станут работать. Вместо этого они встретятся в Пещере Совета, войдут к Подграну и сядут.

Эту ночь он спал хорошо.

Утром, вместе с Броки Бун, Крокетт отправился в Пещеру Совета. Эта пещера была такой большой, что могла вместить в себя тысячи гномов. В серебряном свете их красные и голубые одежды казались сказочными. Может быть, подумалось Крокетту, так и должно было быть.

Вошел Друк.

— Сегодня я не приготовил Подграну грязевой ванны, — хриплым голосом произнес он. — Он разъярен. Вот послушайте!

Действительно, сквозь проход в одной из стен пещеры до них донесли отдаленные странные звуки.

Подошли Мугза и Гру Магру.

— Он будет совсем один, — сказал Гру. — Вот это драка!

— Давайте пока подеремся, — предложил Мугза. — Мне хочется вмазать кому-нибудь как следует.

— Там один гном спит, — сказал Крокетт, — если ты сможешь до него добраться, то отвесишь хорошую затрепину.

Мугза, слегка пригнувшись, отправился было на поиски, но в это время в пещеру вошел Подгран Второй, Император Дорнсетских гномов.

Крокетт первый раз видел его, не покрытого коркой грязи, и теперь уставился на него, забыв обо всем. Подгран был очень уродлив. Он соединял в себе самые отвратительные черты каждого из ранее виденных Крокеттом гномов. Результат даже не поддавался описанию.

— А, — сказал Подгран, покачиваясь на коротких, кривых ногах. — У меня гости! Друк! Где, ради девяти испаряющихся адов, моя ванна?

Но Друк исчез из поля его зрения.

Император кивнул.

— Понятно! Что же, я не стану выходить из себя.

Он замолчал, потому что с крыши сорвался сталактит и упал вниз. В наступившей тишине Крокетт шагнул вперед и несколько раболепно поклонился.

— Мы бастуем! — объявил он. — Это сидячая забастовка. Мы не будем работать до тех пор, пока...

— Вот как! — заорал разъяренный Император. — Вы не хотите работать! Ах ты, пучеглазый, плоскоязычный отпрыск ноздреватой летучей мыши! Пятно проказы на ее теле! Паразит, живущий в земляном черве!

— Драться! — нетерпеливо завопил Мугза.

Он ринулся на Подграну, но был отброшен назад умело нанесенным ударом.

Крокетт почувствовал сухость в горле.

Он повысил голос, пытаясь придать ему твердость:

— Ваше Величество, если вы уделите минуту...

— Ты — гриб-паразит на теле дегенеративной летучей мыши, — что было мочи заорал Император. — Я вас всех заколдую! Я превращу вас в моллюсков. Я вам покажу забастовку! Хотите помешать мне принимать грязевые ванны! Клянусь Кроноссом, Пидом, Намиром и Локки, вы об этом пожалеете! А-а! — закончил он, дрожа от ярости.

— Быстро, — прошептал Крокетт Гру и Броки Бун. — Встаньте, чтобы он не мог добраться до яиц Кокатрис!

— Они не в тронной, с унылым видом объяснил ему Гру Марру. — Подгран вытаскивает их прямо из воздуха.

— Ох! — прошептал ошеломленный Крокетт.

В этот важный стратегический момент Броки Бун проявила самые худшие свои инстинкты. С громким воплем восторга она

сбила Крокетта с ног, два раза стукнула его и рванулась к Императору.

Она нанесла ему увесистый удар, прежде чем Император со всего маху вдавил свой узловатый кулак в ее макушку, так что голова ее, казалось, буквально утонула в туловище. Пурпурный от ярости, Император протянул руку — и на его ладони заискрилось желтое яйцо.

Яйцо Кокатрис.

Рева, как взбесившийся слон, Подгран швырнул его в толпу гномов. Там, где оно упало, мгновенно очистилось кольцо двадцати футов диаметром.

Взамен исчезнувших гномов в воздух поднялась дюжина летучих мышей. Они хлопали крыльями, еще больше увеличивая суматоху. С криками восторженной ярости гномы бросились на своего правителя.

— Бей! — выкрикивали сотни голосов, эхом отдаваясь от свода.

Подгран выхватил из ниоткуда еще один кристалл — на этот раз зеленый. Двадцать семь гномов мгновенно превратились в земляных червей и были растоптаны. В образовавшуюся брешь Император ринулся на новую порцию атакующих, и те мгновенно исчезли, превращенные в мышей еще одним яйцом Кокатрис.

Крокетт увидел, что один из кристаллов направляется к нему, и бросился бежать, как безумный. Он нашел укрытие за сталагмитом и оттуда стал наблюдать за происходящим. Зрелище стоило того, чтобы его созерцать, но нервным его рекомендовать не стоило.

Яйца Кокатрис взрывались нескончаемым потоком. Там, где это случалось, получался круг в двадцать футов диаметром. Те, кто оказались на его границе, изменялись лишь частично. Например, Крокетт видел одного гнома с головой моли, другой стал червем от середины туловища и ниже. Еще один... Уф! Даже сказочный фольклор, наверное, не смог бы дать ответ на то, во что он превратился.

Жуткий грохот, наполнявший пещеру, нарушил покой сталагмитов, и они посыпались вниз. Все новые порции гномов устремлялись в атаку — лишь для того, чтобы подвергнуться изменениям. Мыши, моли, летучие мыши и другие существа наполняли комнату Совета. Крокетт закрыл глаза и начал молиться.

Он открыл их как раз тогда, когда Подгран выхватил из воздуха красный кристалл. Он помедлил и осторожно положил его рядом с собой. На свет появилось пурпурное яйцо, оно с треском ударилось о пол, и тридцать гномов превратились в жаб.

Очевидно, только Подгран имел иммунитет против своего волшебства. Ряды нападавших быстро редели, потому что источник яиц Кокатрис был, казалось, неиссякаем.

Сколько пройдет времени, прежде чем очередь дойдет и до Крокетта? Он не мог прятаться в своем тайнике вечно.

Крокетт остановил взгляд на красном кристалле, который Подгран с такой заботливостью отложил в сторону. Что-то такое вертелось в его памяти... Не это ли яйцо может превращать гнома в человека? Ну конечно! Подгран не пользуется этим яйцом, потому что сам вид человека ненавистен гному. Если бы только Крокетт смог добраться до красного кристалла...

Крокетт начал красться вдоль стен, пока не оказался неподалеку от того места, где стоял Подгран. На Императора налетела еще одна волна гномов, мгновенно превращенная в сов, и тут Крокетт добрался до красного кристалла. Он казался нормально холодным на ощупь.

Он уже собирался бросить его у своих ног, но остановился. Ему вдруг сделалось холодно. Он находился глубоко в Дорнсет Маунтин, в лабиринте пещер. Ни одно человеческое существо не смогло бы выбраться отсюда, только гном с его чутьем на дневной свет.

У самого лица Крокетта пролетела летучая мышь. Он был почти уверен, что она пискнула голосом Броки Бун: "Ну и драка!" Однако полной уверенности у него не было. Прежде чем бежать, он обвел пещеру взглядом.

В ней царила полная неразбериха. Летучие мыши, моли, черви, утки и дюжины других существ летали, бегали, кусались, визжали, фыркали, рычали, бились и кричали повсюду. И повсюду оставались гномы — теперь их было немного, не больше тысячи, продолжая превращаться во что попало по воле Императора.

Пока Крокетт наблюдал за этой сценой, несколько ящериц пробежали в поисках укрытия.

— Бастовать!! — ревел Подгран. — Я вам покажу!

Крокетт повернулся и побежал. Тронная комната была пуста, и он нырнул в первый же туннель. Там он сконцентрировался на дневном свете. Его левое ухо ощутило давление. Он кинулся в этом направлении и бежал до тех пор, пока не увидел слева боковой проход. Нырнув в него, он побежал еще быстрее. Шум битвы становился все более отдаленным.

Крокетт крепко сжимал в руках яйцо Кокатрис.

Что же было не так? Подграну следовало остановиться и начать переговоры. Только он этого не сделал. Мерзкий, злобный и глупый гном. Он, наверно, не остановится, пока не

уничтожит все свое королевство. Эта мысль заставила Крокетта прибавить скорость.

Реакция на свет продолжала вести его вперед. Иногда он ошибался туннелем, но всегда, стоило ему лишь подумать о дневном свете, он чувствовал, как нужное направление давит на него.

Его короткие кривые ноги оказались на удивление быстрыми.

Потом он услышал, что за ним кто-то бежит. Крокетт не стал оборачиваться: поток ругательств, достигший его ушей, и так указывал ему имя преследователя. Вне всякого сомнения, Подгран очистил комнату Совета от последних гномов и теперь намеревался разорвать на части Крокетта. И это было лишь одно из его многочисленных обещаний.

Крокетт мчался вперед. Он пролетел по туннелю, как пуля. Реакция на свет вела его. Он страшно боялся, что не успеет добежать. Топот за его спиной делался все громче. Если бы Крокетт не знал преследователя достаточно хорошо, он решил бы, что его догоняет целая армия гномов.

Быстрее! Быстрее! Подгран был уже близко. Его рев сотрясал стены.

Крокетт подпрыгнул, свернул за угол и увидел поток света вдали. Это был дневной свет, каким он выглядит для глаз гнома.

Он не успеет добраться до него вовремя. Подгран уже за спиной. Еще несколько секунд, и корявая, страшная рука вцепится Крокетту в горло.

Крокетт вспомнил о яйце Кокатрис. Если он превратится в человека сейчас, Подгран не сможет до него дотронуться. А он почти у входа в туннель.

Крокетт остановился и бросил яйцо. Император при виде этого немедленно протянул обе руки и выхватил из воздуха шесть-семь кристаллов. Он швырнул их прямо в Крокетта — целую радугу.

Но Крокетт уже успел бросить у своих ног красный кристалл. Раздался взрыв, вокруг Крокетта замелькали красные искры. На него упала разрушенная кровля. Крокетт с трудом выбрался из-под обломков. Путь во внешний мир был по-прежнему открыт, и — благодарение Богу! — дневной свет снова выглядел нормальным, а не сверкающей белой дымкой.

Крокетт посмотрел назад и замер. Оттуда, с трудом переставляя ноги, выбирался Подгран. Его ругательства, однако, не переставали быть такими же яростными.

Крокетт повернулся и побежал, спотыкаясь о камни и падая. На бегу он успел увидеть, что Подгран смотрит на него. Некоторое время гном стоял, как громом пораженный. Потом издал

громкий вопль и ринулся обратно в темноту. Звук его быстрых шагов замер вдали.

Крокетт с трудом перевел дыхание.

Гномы боятся людей... вот оно! Теперь...

Он почувствовал большое облегчение. Подсознательно он сомневался, сработает ли заклинание, поскольку Подгран швырнул в него шесть или семь яиц Кокатрис. Но он успел разбить красный кристалл раньше. Станный серебристый свет, сопутствующий гномам, исчез. Глубины пещер были темными и молчаливыми.

Крокетт направился к выходу. Выбравшись наружу, он растянулся под теплым предвечерним солнцем. Он находился недалеко от подножия Дорнсет Маунтин, среди зарослей ежевики. Сотней футов дальше он увидел фермера с плугом.

Крокетт поковылял к нему. При его приближении человек обернулся.

Некоторое время он стоял, как будто примерзший, потом заорал и бросился бежать. Его крики замерли вдали, когда Крокетт, вспомнив о яйцах Кокатрис, заставил себя оглядеть собственное тело.

Потом закричал он.

Звук этот не был похож на те, которые издает человеческое горло.

И все же он был вполне естествен при данных обстоятельствах.

БОЛЬШАЯ НОЧЬ

Глава 1

Последний из гипер-кораблей

Неуклюже, подобно тяжело переваливающемуся с ноги на ногу животному, она оторвалась от эллиптической равнины планеты.

Ее реактивные двигатели были испещрены рубцами и пятнами, среднюю часть опоясывала шершавая лента — память о столкновении с неласковой атмосферой Венеры, каждое из ее подвергшихся когда-то сварке мест на теле угрожало распасться при новом напряжении.

Капитан пил в своей каюте, его плаксивый писклявый голос раздавался за пределами его каюты — он давал нелестную характеристику Межпланетной Торговой Палате.

Команда являла собой дикую смесь из дюжины миров. Половина ее была законтрактована нечестными путями. Логгер Хильтон, помощник капитана, пытался разобраться в разо-

дранных картах, а “Ла Кукарача”, чьи моторы дрожали, наводя на мысли о самоубийстве, направлялась через космос к Большой Ночи.

В контрольной загорелся сигнальный огонь. Хильтон схватил за руку какого-то матроса.

— Ремонтную бригаду! — закричал он. — Пусть выбирают на ее шкуру и проверят двигатель А-6. Шевелись!

Он снова повернулся к картам, покусывая губу и поглядывая на пилота, крошечного негуманоида селенита, обладавшего многочисленными паукообразными конечностями и хрупким с виду телом. Те’сс — таким или близким к этому было его имя — носил аудиоконверторную маску, которая делала его субсонический голос различимым для человеческих ушей, но в отличие от Хильтона он не носил космического костюма.

Ни один лунерианин никогда не нуждался в защите от глубокого космоса. За миллионы лет, проведенных на Луне, они привыкли к отсутствию воздуха. Атмосфера корабля тоже не беспокоила Те’сса. Он просто не вдыхал воздух, вот и все.

— Черт побери, нельзя ли полегче! — сказал Хильтон. — Хочешь нас на части разорвать?

Глаза селенита блеснули в прорезях маски.

— Нет, сэр. Я поднимался так медленно, как только можно на реактивном горючем. Когда я буду знать формулу деформации, все пойдет легче.

— Давай вперед — без реактивных двигателей!

— Нам нужно ускорение, чтобы перейти на кривую, сэр.

— Неважно, — сказал Хильтон. — Я нашел координаты. Должно быть, на этой карте кто-то разводил пчел. Вот в чем весь фокус.

Он продиктовал несколько уравнений, сразу же переработанных фотографической памятью Те’сса.

Издаലെка послышалось унылое завывание.

— Это капитан, — сказал Хильтон. — Я сейчас вернусь. Как только сможешь, ложись в гипер, иначе нас сомнет, сплющит в гармошку.

— Да, сэр. Э... мистер Хильтон.

— Что?

— Вам бы нужно посмотреть, есть ли в комнате капитана огнетушитель.

— Зачем? — спросил Хильтон.

Несколько из многочисленных конечностей селенита изобразили процесс выпивки.

Хильтон сморщился, встал и направил ускоритель вниз по трапу. Бросив взгляд на видеоэкран, он отметил, что они проходят уже около Юпитера, и это принесло ему облегчение. Гра-

витация гигантской планеты не уменьшит боль в ноющих костях, но зато теперь они в безопасности.

Безопасность! Он сухо усмехнулся, открыл дверь капитанской каюты и вошел.

Капитан Стен Денверс стоял на своей койке, обращаясь с речью к Межпланетной Торговой Палате. Это был крупный человек, вернее, он был им раньше, потому что теперь его плоть начала поддаваться старению, и он начал немного сутулиться. Кожа его морщинистого лица была почти коричневой от космического загара, щетка седых волос сердито топорщилась.

Но чем-то он был неуловимо похож на Логгера Хильтона. Оба они были людьми глубокого космоса. Хильтон был на тридцать лет моложе, но у него тоже была темная кожа и тот же взгляд голубых глаз. Существует старая поговорка, что когдаходишь в Большую Ночь за орбитой Плутона, на тебя надвигается огромная пустота и смотрит из твоих глаз. Так было с Хильтоном. Так было и с капитаном Денверсом.

Ну а в остальном они были разные — Хильтон был плотным гигантом, в то время как Денверс стал несколько хрупок. Белый китель помощника капитана плотно облегал мощную выпуклую грудь. У него еще не было времени на то, чтоб сменить форму на другую одежду, хотя он и знал, что даже эта целлюлозная ткань не перенесет бесследно грязи космического путешествия. Особенно совершенного на “Ла Кукараче”.

Но это будет его последним путешествием на старой посудине.

Капитан Денверс прервал речь, чтобы спросить у Хильтона, какого дьявола ему нужно. Помощник отдал честь.

— Обычная инспекция, сэр, — ответил он.

Он снял со стены огнетушитель. Денверс спрыгнул с койки, но Хильтон оказался проворнее. Прежде чем капитан успел его догнать, Хильтон вылил содержимое огнетушителя в ближайшее вентиляционное отверстие.

— Выдохлась, — невозмутимо объяснил он. — Я налью свежей.

— Послушайте, мистер Хильтон! — сказал Денверс.

Он слегка покачивался, нацеливая палец в лицо помощника.

— Если вы думаете, что у меня там виски, то вы просто сошли с ума.

— Ну конечно, — сказал Хильтон. — Я помешался, как настоящий сумасшедший. Как насчет кофеина?

Денверс подошел к бесполезному теперь тайнику и рассеянно заглянул внутрь.

— Кофеин? Послушайте, если у вас нет достаточно здравого смысла, чтобы отправить “Ла Кукарачу” в гипер, вам лучше подать прошение об отставке.

— Еще бы! Но мы пролежим в гипере до самой Фреи. Нам понадобится не слишком много времени, чтобы попасть туда. И вам придется улаживать дела с тамошним агентом.

— Кристи? Я... Да, конечно.

Денверс опустил на койку.

— Я просто вне себя, Логгер. МТП — что они обо всем этом знают? Ведь это мы открыли торговый пост на Сириусе Тридцать!

— Послушайте, капитан, когда вы поднялись на борт, то так высоко витали в облаках, что ничего мне об этом не сказали, — заметил Хильтон. — Вы сказали только, что мы меняем курс в направлении к Фрее. Что произошло?

— Межпланетная Торговая Палата, — пробурчал Денверс. — Их команда обшарила “Ла Кукарачу”.

— Я знаю. Обычная инспекция.

— Так вот, эти слюнтяи имели наглость сказать мне, что мой корабль недостаточно безопасен! Что гравитация Сириуса слишком сильна, и что мы не можем идти на Сириус Тридцать.

— Может быть, они и правы, — задумчиво сказал Хильтон. — Мы с таким трудом сели на Венере.

— Он старый. — В голосе Денверса звучала обида. — Но что из этого? Я водил “Ла Кукарачу” вокруг Бетельгейзе и близко к Сириусу Тридцать. Старушка делала, что могла. Сейчас не строят атомные двигатели.

— Сейчас их уже не строят, — сказал помощник.

Капитан побагровел.

— Трансмиссия вещества!

Он фыркнул.

— Что это еще за дурь? Забираетесь в маленькую машину на Земле, нажимаете рукоятку рубильника, и вы уже на Венере, или на Бар Канопус, или на Парготоре, если вам этого хочется. Я сел на гипер-корабль, когда мне было тринадцать, Логгер. Я вырос на гипер-кораблях. Они крепкие. Они защищены. Они доставляют тебя туда, куда ты хочешь. Черт возьми, ведь космическое путешествие не может быть безопасным, когда на тебе только скафандр, а кругом безвоздушное пространство.

— Кстати, о скафандрах, — сказал Хильтон. — Где ваш?

— Мне было слишком жарко. Охлаждающая система бахлаит.

Помощник разыскал в шкафу костюм и молча принялся исправлять повреждение.

— Совсем не обязательно шлем, но костюм лучше надеть, — сказал он безразличным тоном. — Я передал приказ команде. Всем, кроме Те’сс, он в защите не нуждается.

Денверс поднял на него взгляд.

— Как у нее с ходом? — быстро спросил он.

— Ну, скорость она развивать может, — ответил Хильтон. — Мне хочется побыстрее достичь гипер-пространства, а то мы находимся в постоянном напряжении. Кроме того, я боюсь за посадку.

— О'кей! Перед обратной дорогой произведем ремонт, если он нам вообще понадобится. Вы же знаете, сколько мы сделали за этот последний маршрут. Я вот что вам скажу: присматривайте за ней получше и повнимательнее.

Палец Хильтона замер на кнопке. Он не обернулся.

— Я буду искать новое место, — сказал он. — Мне очень жаль, капитан, но это путешествие для меня последнее.

В каюте воцарилось молчание. Хильтон сморщился и снова взялся за работу. Он услышал, как Денверс сказал:

— Не многим гипер-кораблям требуются в наше время помощники капитана.

— Я знаю. Но у меня инженерное образование. Быть может, меня смогут использовать на передатчиках материи или в качестве сторожевика-торговца.

— Святой Петр! Логгер, что вы такое болтаете! Торговца! Грязного сторожевика! Вы же с гипер-корабля!

— Через двадцать лет гипер-корабли перестанут летать, — сказал Хильтон.

— Вы лжете. — Этого не может быть!

— А наш корабль разлетится на куски через пару месяцев! — сердито бросил Хильтон. — Я не собираюсь спорить с вами! Зачем мы летим на Фрею? За поганками?

Помолчав, Денверс сказал:

— А что еще делать на Фрее? За поганками, конечно. Это немного поторопит их с открытием сезона! Нас не ожидают раньше, чем через три недели по земному времени, но у Кристи всегда есть запас на руках. А этот отель с филиалом заплатит нам как обычно. Пусть меня разорвет, если я понимаю, зачем люди едят эти отбросы, но они платят за тарелку с ними по двадцать монет.

— Тогда смысл есть, — сказал Хильтон. — Нужно принять меры, чтобы мы сели на Фрею, не разлетевшись на куски.

Он кинул на койку починенный костюм.

— Ну вот, капитан. Мне лучше вернуться к приборам. Скоро войдем в гипер.

Денверс нажал на кнопку глухого иллюминатора и посмотрел на усыпанный звездами экран.

— На передатчике вещества этого не получить, — медленно проговорил он. — Смотрите, Логгер.

Хильтон подался вперед и заглянул через плечо капитана.

Пустота сверкала. С одной стороны ярким холодным светом сияла огромная дуга Юпитера. В поле зрения попало несколько лун. Несколько астероидов поймали свет разреженной атмосферы Юпитера и сияющими таинственными маленькими мирами висели на фоне яркого занавеса. Здесь и там яркие звезды и луны планеты указывали на присутствие Большой Ночи, черной пустоты, что, подобно океану, билась о кромки Солнечной Системы.

— Да, красиво, — сказал Хильтон. — Но холодно.

— Может быть. Но мне эта картина нравится. Что же, переходите на работу торговца, осел вы этакий. Я останусь на “Ла Кукараче”. Я знаю, что я могу доверять старушке.

Как бы отвечая ему, старушка сделала яростный скачок и завалилась на бок.

Глава 2

Плохие новости

Хильтон мгновенно выскочил из каюты.

Корабль встал надбы. За своей спиной Хильтон слышал крики капитана по поводу некомпетентности пилота, но сам он понимал, что селенит тут, вероятно, ни при чем. Он был в апаратной, когда “Ла Кукарача” все еще содрогалась в нижней амплитуде последнего скачка. Те’сс являл собой целый клубок движений. Его многочисленные конечности мелькали над инструментами.

— Я сделаю вызов, — сказал Хильтон.

Те’сс мгновенно сконцентрировался на невероятно сложном упражнении, которое должно было ввести корабль в гипер.

Помощник был у запасного пульта. Он рывком отвел рычаги.

— Гипер-станция! — крикнул он. — Застегните костюмы! Схватитесь за скобы, прыгуны. Начинается!

Игла скакала по измерительному прибору, как безумная. Хильтон бросился на сиденье, сунул руки в ремни и закрутил их вокруг локтей. Ноги его сами нашли опоры.

Видеоэкран вспыхивал и мерцал различными красками, изображение менялось туда-сюда.

“Ла Кукарачу” кидало, как в бурю, между гипером и нормальной скоростью.

Хильтон попробовал другой микрофон.

— Капитан Денверс. Гипер-станция. Все в порядке?

— Да, я в скафандре, — ответил голос Денверса. — Вы справитесь? Я нужен? Что там такое, Те’сс?

— В управлении вышел из строя вскоре, — ответил Те'сс. — Я мог бы добраться до запасного.

— Да, ремонт нам необходим, — сказал Денверс.

Он прервал связь.

Хильтон усмехнулся.

— Перестройка, вот что нам нужно, — пробормотал он.

Он нацелил пальцы на клавиши — на тот случай, если у Те'сса что-нибудь пойдет не так.

Но селенит походил на отлаженную машину: у него все всегда шло так. Старушка “Кукарача” сотрясалась каждой своей частью. Атомные двигатели бросили в измерительную брешь невероятное количество энергии. Потом внезапно качка на мгновение прекратилась, и в эту долю секунды корабль скользнул по силовому мосту и перестал быть материей. В трехмерной системе он больше не существовал.

Для наблюдателя он просто исчез, но для наблюдателя в гипер-пространстве он, напротив, явился явно из ниоткуда.

Но дело было в том, что в гипер-пространстве никаких наблюдателей не было.

Собственно, в гипере вообще ничего не было — он был, как определил однажды некий ученый, всего лишь веществом, и никто не знал, что это было за вещество.

Кое-какие качества гипера можно было обнаружить, но это ничего не давало. Он был белым и был, вероятно, какого-то вида энергией, ибо летел подобно невероятно мощному потоку, неся с собой корабль на такой скорости, которая в нормальном пространстве уничтожила бы корабль.

Теперь подхваченная гипер-течением “Ла Кукарача” мчалась в Большой Ночи на скорости, при которой время по достижению орбиты Плутона измерялось в секундах.

Но разглядеть Плутон было невозможно.

Приходилось работать вслепую, полагаясь на приборы. Если будет выбран неверный уровень, плохо придется тому, кто его выбрал.

Хильтон торопливо проверил показания.

Гипер С-75 ВГ. Верно. На различных измерительных уровнях гипера поток бежит в различных направлениях. При возвращении не придется изменять атомную структуру и мчаться на гипере М-75-1, который идет от реи к Земле и дальше.

— Вот так, — сказал Хильтон.

Он освободился от напряжения и протянул руку за сигаретой.

— Никаких тебе метеоритов, никаких головоломных проблем — плыви себе и плыви до реи. Потом выйдем из гипера и, возможно, разлетимся на куски.

Щелкнул коммуникатор. Кто-то сказал:

— Мистер Хильтон, есть неполадки.
— Вот как? О'кей, Уиггинз. В чем дело?
— Один из новеньких. Он был снаружи, делал ремонт.
— У него была куча времени для того, чтобы вернуться на корабль, — рывкнул Хильтон.

Он не был особенно уверен, что это так.

— Я вызвал гипер-станцию.

— Да, сэр, но этот паренек новичок. Похоже, что он раньше никогда не летал на гипер-кораблях. В общем, у него сломана нога, и он в больничном отсеке.

Хильтон немного подумал. Людей на “Ла Кукараче” не хватало. Не многие хорошие специалисты добровольно шли работать на этот музейный экспонат.

— Я спущусь, — сказал он.

Он кивнул Те'сс, потом прошел по мостику и заглянул по пути в капитанскую каюту. Капитан спал. Хильтону приходилось подтягиваться с помощью поручней, потому что ускорительного гравитатора для гипера не было. В больничном отсеке он нашел хирурга, выполняющего по совместительству обязанности повара. Тот заканчивал накладывать лубок на ногу больному, бледному, мокрому от пота юнцу, который временами принимался тихонько стонать.

— Что с ним? — спросил Хильтон.

Бруно, костоправ, сделал движение, лишь отдаленно напоминающее приветствие.

— Простой перелом. Я дам ему палку, и он сможет ходить. В гипере его использовать будет нельзя.

— Похоже, что так, — согласился Хильтон.

Он изучал пациента. Юноша открыл глаза и посмотрел на Хильтона.

— Меня завербовали обманом! — крикнул он. — Я подам на вас в суд, на все ваши деньги.

Первый офицер остался невозмутимым.

— Я не капитан, я помощник, — сказал он. — Я могу сказать вам прямо сейчас, что стоим мы немного. О дисциплине когда-нибудь слышали?

— Меня обманули.

— Знаю. Это — единственный способ, дающий нам возможность набирать на “Ла Кукарачу” столько людей, сколько полагается по списку. Я говорю о дисциплине. Мы здесь придаем ей не слишком большое значение, но все равно тебе лучше называть меня “мистер”, когда поблизости есть люди. А теперь перестань кричать и успокойся. Дай ему успокоительное, Бруно.

— Нет! Я хочу послать сеймограмму.

— Это невозможно. Мы в гипере. Как вас зовут?

— Сексон. Лютер Сексон. Я — один из консультирующих инженеров Трансмита.

— Шайки, передающей материю? Что же вы делали у космических доков?

Сексон глотнул.

— Ну, я пошел с членами технической команды на осмотр новых установок. Мы как раз заканчивали венерианскую передаточную станцию. Потом я пошел выпить — и все! Несколько порций и...

— ... и вы отправились не в то место, — сказал Хильтон.

Он забавлялся.

— Какой-то вербовщик задурил вам голову. Но, поскольку ваша подпись стоит на документе, ничего не поделаешь — если только вы не решите прыгнуть с корабля. Вы можете послать сообщение с Фрей, но ему понадобится тысяча лет на то, чтобы достичь Венеры или Земли. Оставайтесь-ка лучше здесь, и вы сможете вернуться вместе с нами.

— В этой корзине? Да на ней же опасно. Она такая старая, что я дрожу каждый раз, когда делаю вдох.

— Ну, тогда не дышите, — отрезал Хильтон.

Да, конечно, “Ла Кукарача” старая рухлядь, но он летал на ней много лет. Хорошо говорить этому передатчику: передающие никогда не рисковали.

— Вы бывали когда-нибудь раньше на гипер-корабле?

— Конечно, — ответил Сексон. — Как пассажир. Нам ведь приходится достичь планеты прежде, чем мы сможем установить передающую станцию.

— Угу, — Хильтон изучал мрачное лицо на подушке. — Но сейчас вы не пассажир.

— У меня сломана нога.

— У вас есть инженерная степень?

Поколебавшись, Сексон кивнул.

— Отлично. Будете помощником пилота. Для того чтобы выполнять эту работу, вам не придется много ходить. Пилот скажет вам, что делать. Сможете зарабатывать себе на хлеб подобным образом.

— И еще одно, — продолжал Хильтон, не обращая внимания на протесты Сексона. — Советую вам не говорить капитану, что вы состоите на службе у Передающих. Он повесит вас на переборке. Когда он заведется, с ним лучше не связываться. Верно я говорю, Бруно?

— Да, сэр! — усмехнулся хирург, который и сам недолго любил Трансмита.

Хильтон вернулся в аппаратную и стал наблюдать за белыми

видеоэкранами. Теперь все шло нормально, большая часть конечностей Те'сс бездействовала.

— У вас будет помощник, — сказал ему Хильтон. — Обучите его побыстрее. Только не говорите капитану, что он из Трансмита.

— Все пройдет, — сказал Те'сс. — Мы старая раса, мистер Хильтон. Земляне — младенцы по сравнению с селенитами. Гипер-корабли потеряли свое значение, и Трансмит тоже, конечно, потеряет свое значение, когда появится что-то новое.

— Мы не исчезнем! — Хильтон и сам был удивлен горячностью, с которой защищает философию капитана. — Ведь вы, селениты, не исчезли.

— Некоторые из нас остались — это так, — негромко проговорил Те'сс. — Не много. Великие Дни Селенитской Империи миновали давным-давно, но какое-то количество селенитов, подобных мне, осталось.

— И вы продолжаете держаться, не так ли? Невозможно убить расу.

— Нелегко, и не сразу, но в конечном итоге — можно. Можно убить и традицию, хотя на это требуется долгое время. Но нужно знать, что конец неизбежен.

— Хватит! — сказал Хильтон. — Вы слишком много говорите. Те'сс снова склонился над приборами.

“Ла Кукарача” летела по белому гипер-поток, и бег ее был таким же ровным, как и в день ее первого полета.

Но когда они достигнут Фрей, им придется иметь дело с безжалостным космосом и высокой гравитацией. Хильтон сморщился.

Он подумал: “Ну и что? Это всего лишь один из полетов. Судьба вселенной ни в коей мере от него не зависит. И вообще, неважно все, кроме того, быть может, удастся ли нам отремонтировать старушку. А для меня это не имеет значения, потому что это мое последнее путешествие в Большую Ночь”. Он наблюдал за экраном. Он не мог ее видеть, но он знал, что она стелется за белой завесой, невидимая для его глаз. Маленькие царапины миров и солнц сверкали среди ее безбрежности, но никогда не освещали ее. Она была слишком обширной, слишком неумолимой. И даже гигантские солнца охладятся в конце концов ее океаном. И все остынет, все погрузится в поток времени, исчезнет в этой всеобъемлющей темноте.

Таков прогресс. Волна рождается, набирает силу, растет и разбивается. За ней идет новая волна. А старая откатывается назад и исчезает навсегда. Остается только пена и пузыри, как Те'сс остался обломком великой волны древней Селенитской Империи.

Империя исчезла. Она боролась и правила сотней миров. Но в конце концов Большая Ночь закрыла ее и поглотила.

Так же будет проглочен и последний гипер-корабль...

Они достигли Фрей через шесть дней по земному времени.

Вернее, не достигли, а буквально налетели на нее. Один из толчков откусил одну из конечностей Те'сс, но он, казалось, не обратил на это внимания. Боли он не чувствовал, а другую конечность мог отрастить в течение недели. Членам команды, прикрепленным к своим местам ремнями, достались более мелкие повреждения.

Лютер Сексон, помощник пилота, сидел на предназначенном ему месте. Полученное им образование давало ему возможность достаточно быстро сориентироваться в новой специальности. Во время толчка он набил себе на лбу порядочную шишку, но в остальном все сошло благополучно. "Ла Кукарача" вышла из гипера толчком, который заставил напрячься до последних пределов ее старое тело. Атмосфера Фрей была для нее болезненной. Двигатели работали на полную мощность, на раскаленном каркасе появились новые шрамы.

Команда ожидала отдыха, но на это не было времени. Хильтон велел рабочим команды сменять друг друга через шесть часов и как бы мимоходом обронил, что в "Мерцающий свет" ходить незачем. Он знал, что команда не обратит особого внимания на это его распоряжение.

Невозможно было удержать людей на борту, когда в "Мерцающем свете" продавались спиртные напитки и еще кое-что даже более притягательное и подбивающее на побег. Но женщин на Фрее было мало, и Хильтон надеялся, что хотя бы это обстоятельство поможет удержать на борту рабочие команды с тем, чтобы "Ла Кукарача" была отремонтирована и готова к полету раньше, чем на ее борт будут погружены поганки.

Он знал, что Уиггинз, второй помощник, сделает все, на что он способен. Сам он отправился на поиски Кристи, агента с Фрей. С ним пошел капитан. Их путь лежал через "Мерцающий свет", небольшой район, защищенный навесом от жары жестокого солнца. Он был невелик. Но сама Фрея была промежуточным местом с постоянно меняющимся населением, общее количество которого насчитывало несколько сотен человек.

Они прилетали и улетали в жаркие сезоны.

"В случае необходимости, — подумал Хильтон, — можно будет обманом затянуть на борт несколько матросов. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из членов команды решится на побег — им заплатят не раньше, чем они вернутся в Солнечную Систему".

Он обнаружил Кристи в его пластиковой кабине. Это был тучный, лысый, обливающийся потом человек. Он курил пень-

ковую трубку. Подняв голову, он вгляделся во вновь вошедших, потом откинулся на спинку стула и жестом пригласил их сесть.

— Хелло, Крис, — сказал Денверс. — Что новенького?

— Хелло, капитан, привет, Логгер. Как посадка?

— Посадка была не слишком удачной, — сказал Хильтон.

— Угу, я об этом слышал. Выпьете чего-нибудь?

— Потом, — ответил Денверс.

В его глазах мелькнул огонек.

— Сначала давайте о деле. Груз готов?

Кристи потер толстые, лоснящиеся щеки.

— Вы прилетели на пару недель раньше.

— У вас же есть запас.

Торговец хмыкнул.

— Дело в том... Послушайте, разве вы не получили сообщение от меня? Не успели, наверное. На той неделе я послал для вас сообщение с "Голубым небом", капитан.

Хильтон и Денверс обменялись взглядами.

— Похоже, что у вас есть для нас плохие новости, Кристи, — сказал капитан. — Что там такое?

Кристи неохотно сказал:

— Я ничего не могу поделать. Вы не можете конкурировать с такой организацией, как Трансмит. Вы не можете платить их цену. У "Ла Кукарачи" расходы горючего выше. Горючее стоит денег, и... в общем, Трансмит строит передающую станцию, платит за нее, и... дело сделано. Расходы только на мощность. Во сколько бы это обошлось с атомными?

Денверс начал багроветь.

— Трансмит устанавливает здесь станцию? — хриплым голосом спросил Хильтон.

— Да. Я не могу им помешать. Она будет готова через пару месяцев.

— Но почему? Поганки этого не стоят. Рынок сбыта слишком мал. Вы нас водите за нос, Кристи. Чего вы хотите? Большой прибыли?

Кристи обозревал свою трубку.

— Ничего подобного. Помните испытание руды двадцать лет назад? На Фрее есть ценная руда, Логгер. Только ее нужно тщательно очищать. Как бы там ни было, для корабля такой груз слишком велик. И оборудование для фрахтовки стоило бы слишком дорого. Груз очень велик... Да, велик.

Хильтон посмотрел на Денверса. Теперь капитан сидел багровый, но рот его по-прежнему был властно сжат.

— Продолжайте, Кристи. Как Трансмит собирается с этим справиться? Станет посылать порции руды на Землю, прямо из их глотки?

— Насколько я знаю, — ответил Кристи, — они собираются прислать сюда очистительные машины и установить их прямо на Фрее. Все, что нужно для этого, это один из передатчиков. Поле может быть расширено и подберет почти все, как вам известно. Если есть необходимая мощность, можно передвинуть целую планету. Очистка будет производиться здесь, а очищенная руда будет передаваться на Землю.

— Значит, им нужна руда, — тихо проговорил Денверс. — Поганки им не нужны, не так ли?

Кристи кивнул.

— Похоже, что так. Мне предложили сделку, большую сделку. Я не могу от нее отказаться, и вы не можете не согласиться с тем, что я прав. Вы же понимаете все не хуже меня. Тринадцать за фунт.

Денверс фыркнул. Хильтон присвистнул.

— Да, мы не можем не согласиться, — сказал он. — Но как они собираются платить?

— По количеству. Все будет передаваться по трансмиттеру. Его устанавливают в одном из миров, или на Земле или на любой другой планете, откуда ведет дверца. Одна работа не принесет им выгоды, но миллионы их... А они прибирают к своим рукам все. Так что же я могу поделаться, Логгер?

Хильтон пожал плечами. Капитан резко встал.

Кристи снова принялся раскуривать трубку.

— Послушайте, капитан, почему бы вам не попробовать связаться с Ориэном Вторым? Я слышал, что у них там небывалый урожай резины с голубого дерева.

— Я слышал об этом месяц назад, — ответил Денверс. — И все остальные тоже. Сейчас там все уже чисто. Кроме того, старушка не вынесла бы подобного путешествия. Нам нужен ремонт, и хороший ремонт, чтобы вернуться назад, в Систему.

Воцарилось молчание. Кристи потел сильнее, чем когда-либо.

— Как насчет выпивки? — предложил он.

— Я все еще не в состоянии заплатить за порцию, — бросил Денверс.

Он круто повернулся и вышел.

— Иеосафт, Логгер! — взмолился Кристи. — Что я могу сделать?

— Это не твоя вина, Крис, — сказал Хильтон. — Увидимся позже, если только... Как бы там ни было, мне лучше поспешить за капитаном. Похоже, что он отправился в “Мерцающий свет”.

Он последовал за Денверсом.

Денверс ложится на курс...

Двумя днями позже капитан все еще был пьян.

В “Мерцающем свете” Хильтон прошел в огромное холодное помещение, похожее на сарай, где огромные вентиляторы препятствовали циркуляции горячего воздуха, и нашел Денверса, как обычно, за черным столом и со стаканом в руке. Он беседовал с крошечноголовым канопианином, представителем одной из тех рас, что лишь на несколько градусов поднялись выше уровня морозов. Канопианин казался покрытым черным плюшем, и его красные глаза настороженно смотрели сквозь мех. У него тоже был стакан.

— Капитан, — сказал Хильтон, подходя к ним.

— Испарись! — буркнул Денверс. — Я беседую с этим парнем.

Хильтон бросил на канопианина суровый взгляд и поднял большой палец. Красноглазая тень подхватила свой стакан и быстро исчезла. Хильтон сел.

— Мы готовы к отходу, — сказал он.

Денверс яростно смотрел на него, моргая глазами.

— Вы мне помешали, сэр. Я занят.

— Возьмите свои дела с собой и закончите их на борту, — возразил Хильтон. — Если мы не отойдем сейчас же, команда разбежится.

— Ну и пусть.

— О’кей. Кто же тогда ответит “Ла Кукарачу” обратно на Землю?

— Когда мы вернемся на Землю, старушка отправится на свалку, — со злостью бросил Денверс. — МТП не позволит начать новое путешествие без капитального ремонта.

— Вы можете занять денег.

— Ха!

Хильтон издал резкий, сердитый звук.

— Вы достаточно трезвы для того, чтобы меня понять. Тогда слушайте! Я разговаривал с Сексоном.

— Кто такой Сексон?

— Он был обманом законтрактован на Венере. Он инженер Трансмита, — быстро продолжал Хильтон, прежде чем капитан успел заговорить. — Это была ошибка агента и наша. Трансмит защищает своих людей. Сексон сходил к уполномоченному Трансмита на Фрее, и их представитель нанес нам визит. Мы стоим перед крупными неприятностями. Возможен большой штраф. Но есть еще один выход. В ближайшие месяцы на Фрею не сядет ни один гипер-корабль, а трансмитторный передатчик

будет готов к работе только через два месяца. Трансмит, похоже, испытывает недостаток в инженерах. Если мы быстро сможем доставить Сексона обратно на Венеру или на Землю, то будем с ним в расчете. Тогда он не будет жаловаться.

— Может, он и не будет? А как насчет Трансмита?

— Если Сексон не подпишет жалобу, то что они могут сделать?

Хильтон пожал плечами.

— Сейчас это наше личное дело.

Коричневые пальцы Денверса играли со стаканом.

— Человек Трансмита, — пробормотал он. — Ага. Значит, мы возвращаемся на Землю. И что дальше? Нас загнали в угол?

Из-под тяжелых век он бросил взгляд на Хильтона.

— Я хочу сказать, МЕНЯ загнали в угол. Я забыл о том, что после конца полета вы отчаливаете.

— Я не отчаливаю. Я подписываю контракт на каждое отдельное путешествие. А что вы от меня ожидаете?

— Делайте как хотите. Сбегайте со старушки. Вы не человек глубокого космоса.

Денверс встал.

— Когда я терплю поражение, то отдаю себе в этом отчет, — сказал Хильтон. — Тогда нужно активно бороться, а не ждать, пока тебя выкинут вон. Вы — инженер по образованию. Вы тоже могли бы работать на Трансмит.

На секунду Хильтону показалось, что капитан собирается швырнуть стакан ему в лицо. Потом Денверс снова опустился на стул, пытаясь изобразить улыбку.

— Я не пытаюсь прыгнуть выше головы, — сказал он с видимым усилием. — Это правда.

— Итак, вы идете?

— Старушка готова к прыжку? — сказал Денверс. — Тогда я иду. Но сначала выпейте со мной.

— У нас нет времени.

Денверс встал с подчеркнутым достоинством пьяного.

— Не залетайте слишком высоко, сэр. Рейс еще не кончен. Я сказал, выпьем! Это приказ!

— О'кей, — согласился Хильтон. — По порции. Потом пойдем?

— Конечно.

Хильтон проглотил свою порцию, даже не распробовав вкуса. Слишком поздно он ощутил вяжущую боль на языке. Прежде чем он успел вскочить на ноги, огромная тусклая комната закружилась перед ним, как падающий зонт, и он потерял сознание, успев с горечью подумать о том, что его купили, как самого зеленого новичка. Но ему наливал капитан...

Сны его были беспокойны. Он где-то дрался, но не знал, где и с кем. Иногда оно меняло форму. Иногда его вообще не было, но всегда оно было огромным и ужасно мощным.

Он тоже был разным. Иногда он был большеглазым ребенком, таким, каким он был пять лет тому назад, поднимаясь на борт “Прыжка”, чтобы совершить свой первый прыжок в Большую Ночь. Потом он был несколько старше и изучал сквозь дымку неизменных дней и ночей гипер-пространство, путаницу логарифмов, которые обязан знать каждый умелый пилот.

Он как будто шел по тропе к цели, а цель ускользала, и невозможно было ее достичь. Но он не знал, что это за цель.

Она сияла, как успех. Может быть, это и был успех. Но прежде чем он успевал ее рассмотреть, она снова приходила в движение. Из Большой Ночи тонким голосом кричало бестелесное:

— Ты играешь не в ту игру, Логгер. Тридцать лет тому назад гипер-корабли дали тебе будущее. Теперь — нет. Надвигается новая волна. Выбирай — или тони.

Красноглазая тень склонилась над ним.

Хильтон боролся со своим сном. Он неуверенным движением поднял руку и отбросил стакан от своих губ. Канопианин испустил резкий, хриплый крик. Жидкость, бывшая в стакане, соединилась где-то в воздухе в сверкающий шар.

Стакан поплыл — и канопианин поплыл. Они были в гипере. Несколько креплений держали Хильтона на койке, но каюта была его, и он это сознавал. Кружилась голова, цепкая слабость вошла в его мозг.

Канопианин отлетел в сторону, сильно ударился о стену, и этот удар отшвырнул его назад, к Хильтону. Старший помощник освободился от крепления. Он протянул руку и сгреб канопианина за черную шерсть.

Канопианин нацелил на него когтистую лапу.

— Капитан! — закричал он.

Боль обожгла щеку Хильтона, а когти его противника обарились кровью. Хильтон взревел от ярости. Он ударил канопианина в челюсть, но теперь они свободно парили в воздухе, и удар оказался бесполезным. Оказавшись возле шара пылающей жидкости, они сцепились. Канопианин не переставал вопить высоким безумным голосом.

Дверная ручка дважды повернулась. За дверью послышался голос Уиггинза, второго помощника. В дверь забарабанили. Хильтон, все еще чувствовавший слабость, пытался оторвать от себя канопианина.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату ввалился Уиггинз.

— Дзани! — сказал он. — Прекрати!

Он выхватил реактивный пистолет и направил его на канопианина.

На пороге появилось несколько человек. Хильтон узнал Сексона и других членов команды, колебавшихся, неуверенных. Позади других маячило напряженное лицо капитана Денверса.

Канопианин забился в угол и сидел там, издавая мяукающие, испуганные звуки.

— Что случилось, мистер Хильтон? — спросил Уиггинз. — Этот кот на вас напал?

Хильтон так привык к скафандру глубокого космоса, что до сих пор едва ощущал его на себе. Шлем его был опущен, как у Уиггинза и у остальных. Он ощутил тяжесть пояса и отбросил его в сторону. Это движение отшвырнуло его к стене, где он схватился за скобу.

— Он вошел в комнату? — спросил Уиггинз.

— Ладно, ребята, — спокойно проговорил Денверс. — Пропустите-ка меня.

Он протиснулся в каюту Хильтона.

На него были устремлены недовольные и недоверчивые взгляды, но он не обращал на это никакого внимания.

— Дзани! — сказал он. — Почему на тебе нет костюма? Надень немедленно! Остальных прошу разойтись по местам. И вы тоже, мистер Уиггинз. Я сам с этим разберусь.

Уиггинз начал было что-то говорить.

— Чего вы ждете? — спросил его Хильтон. — Ступайте и скажите Бруно, чтобы принес кофе!

Он подобрался к койке и сел.

Краешком глаза он увидел, что Уиггинз и остальные вышли. Дзани нашел в углу костюм и неловко влез в него.

Денверс тщательно закрыл дверь и опробовал замок.

— Нужно исправить, — пробормотал он. — Так не годится.

Он взялся за скобу и остановился напротив старшего помощника, глядя на него холодно и внимательно. Следы напряжения все еще виднелись на его усталом лице. Хильтон потянулся за сигаретой.

— В следующий раз, когда эта ваша кошка прыгнет на меня, я прожгу в ней дыру, — пообещал он.

— Я оставил его здесь охранять вас на случай, если бы возникла опасность, — сказал Денверс, — чтобы он позаботился о вас, если бы корабль вышел из строя. Я показал ему, как закрывается ваш шлем и подается кислород.

— Разве идиот канопианин может все это запомнить? — сказал Хильтон. — Вы еще велели ему держать меня в наркотическом опьянении.

Он дотянулся до плавающего поблизости сгустка жидкости и ткнул его указательным пальцем. Потом лизнул палец.

— Это вакхиш. Вот что вы добавили в мой напиток на Фрее. Как насчет откровенного разговора, капитан? Может быть, вы скажете мне, что делает на борту судна этот канопианин?

— Я подписал с ним контракт, — ответил капитан.

— Зачем? Чтобы был лишний груз?

Денверс продолжал наблюдать за Хильтоном ничего не выражающими глазами.

— Он юнга.

— Угу. А что вы сказали Уиггинзу насчет меня?

— Я сказал ему, что вы приняли наркотики, — ответил Денверс. — Он усмехнулся: — Так оно и есть!

— Но теперь я не нахожусь под их действием, — сказал Хильтон жестко. — Может быть, вы скажете мне, где мы теперь находимся? Я могу и сам это выяснить. Я могу узнать данные у Те'сс, изучить карты. Мы в М-70-5-1?

— Нет, мы летим по другому уровню.

— Куда?

Канопианин задрожал.

— Я не знаю названия. Названия нет. Есть двойное солнце.

— Вы сумасшедший!

Хильтон в ярости смотрел на капитана.

— Неужели вы ведете нас к планете, вращающейся вокруг двойного солнца?

Денверс все еще усмехался.

— Да, но это еще не все. Мы должны сесть на планету, находящуюся приблизительно в тридцати тысячах миль от Солнца.

Хильтон опустил заслоны иллюминатора и посмотрел в белую пустоту.

— Меньше, чем расстояние от Меркурия до Солнца! Вы этого не сделаете! Какова величина планеты, вращающейся вокруг двойного солнца?

Денверс сообщил ему.

— Это самоубийство, и вы прекрасно это понимаете. “Ла Кукарача” такого не вынесет.

— Старушка вынесет все, что предложит ей Большая Ночь.

— Все, но не это! Не обманывайте себя. Она могла бы сделать это при возвращении к Земле — с посадкой на Луне, — но вы направили ее в мясорубку.

— Я не забыл, чему меня учили, — возразил Денверс. — Когда мы выйдем из гипера, между нами и планетами с двойным солнцем окажется еще одна планета. Притяжение поможет нам сесть.

— Маленькими кусочками, — согласился Хильтон. — Очень жаль, что вы держали меня под наркотиками. Если бы вы не заткнули мне рот, мы бы снова легли на земной курс, и никто бы не пострадал. Если вы хотите что-то начать, я буду это рассматривать как мятеж и воспользуюсь своими правами командира корабля.

Капитан издал звук, долженствующий обозначать смех.

— Давайте, — сказал он. — Если я вам понадобится, я в своей каюте. Идем, Дзанн.

Он стал подтягиваться по трапу. Канопианин последовал за ним подобно молчаливой тени.

Хильтон пошел было за Денверсом, но по пути встретил Бруно, несущего кофе. Помощник улыбнулся, взял закрытую чашку и принялся посасывать жидкость с приобретенной за долгие годы жизни в антигравитации практикой. Бруно наблюдал за ним.

— У нас все в порядке, сэр? — спросил кок-хирург.

— Да. А почему ты спрашиваешь?

— Люди говорят всякое...

— Насчет чего?

— Не знаю, сэр. Вы никогда... Вы всегда сами распоряжались посадкой, сэр. А этот канопианин... Людям он не нравится. Они считают, что тут что-то не так.

— Вот как? — резко сказал Хильтон. — Они считают. Может, мне пойти и поддержать их за ручку, когда они будут отходить ко сну? Они слишком много болтают.

Он кивнул Бруно и двинулся к аппаратной. Хотя он и упомянул о мятеже, но приструнить капитана было нелегко, разве что возникнет чрезвычайная ситуация.

Нужно было во что бы то ни стало поддерживать дисциплину, хотя Денверс явно сошел с ума.

Те'сс и Сексон сидели у приборной доски. Селенит бросил на него быстрый взгляд, но не заметил на лице Хильтона никаких эмоций. Оно было совершенно бесстрастно.

Сексон же, наоборот, обернулся и взволнованно заговорил:

— Что случилось, мистер Хильтон? Что-то не так? Мы должны быть готовы к посадке на Землю, но мы не готовы. Я плохо разбираюсь в этих картах, а Те'сс ничего не желает мне говорить.

— Говорить нечего, — заметил Те'сс.

Хильтон протянул руку и взял бумагу с зашифрованными цифрами. Он коротко бросил Сексону:

— Успокойтесь. Мне нужно сосредоточиться.

Он изучил вычисления.

И прочел в них смертный приговор.

Игра со смертью

Логгер Хильтон вошел в каюту капитана, встал у стены и преспокойно устался на Денверса. Постояв так некоторое время, он так же спокойно обрушил на капитана поток ругательств.

Когда он кончил, Денверс улыбнулся.

— И что дальше? — спросил он.

Хильтон перевел взгляд на канопианина, примостившегося в углу.

— Это и тебя касается, кошка, — сказал он.

— Дзани тут ни при чем, — возразил Денверс. — Он недостаточно умен, чтобы строить подобные планы. А мне, когда я добьюсь своего, все станет безразлично. Вы все еще собираетесь поднять бунт и вернуться на Землю?

— Нет, не собираюсь, — ответил Хильтон тоном сердитого терпения. — Нельзя перескакивать с уровня на уровень, не спускаясь при этом в определенное пространство. Если же мы войдем в обычный космос, толчок может разорвать “Ла Кукарачу” на части. Мы окажемся плавающими в космосе, за сотни миллионов миль от ближайшей планеты. Теперь же мы быстро движемся в гипер-потоке, ведущем нас, вероятно, к краю Вселенной.

— Одна планета в пределах нашей досягаемости есть, — возразил Денверс.

— Конечно. Та, что расположена в тридцати тысячах миль от мира с двойным солнцем. И ничего больше.

— Вот как? Полагаете, мы действительно потеряем крушение? Если бы нам удалось сесть на планету, мы могли бы произвести ремонт. Мы могли бы достать необходимый нам материал. В глубоком космосе мы этого сделать не можем. Я знаю, что посадка на эту планету будет нелегким делом. Но теперь уже нужно идти ва-банк.

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

Денверс начал объяснять:

— Канопианин Дзани совершил однажды путешествие на гипер-корабле — шесть лет тому назад. Из-за аварии им пришлось выйти в космос на спасательной шлюпке. Они совершили посадку как раз вовремя и оказались на планете, которая была исследована и нанесена на карту, но необитаема. Там они произвели ремонт и снова вышли на торговые магистрали. На борту был один парень, землянин, который подружился с Дзани. Этот парень — большой ловкач, как я думаю, был связан с тор-

говлей наркотиками. Не многие люди знают, как выглядит необработанный параин, а этот парень знал, но никому не говорил. Он забирал с собой образцы, намереваясь организовать добычу — с деньгами, картами и кораблем — позже, с тем чтобы взять груз. Но в каком-то притоне на Каллисто его ударили ножом. Он умер не сразу. Вот и успел передать Дзанну информацию.

— Этому слабоумному? — проговорил Хильтон. — Как он может помнить курс?

— Именно это канопиане и способны помнить. Они могут быть баранами, но математики они прекрасные. Это — их стихия. Он показал мне образцы. Я немного говорю на его наречии, он посвятил меня в свою тайну еще на Фрее. Теперь дальше. Мы садимся на этой планете — названия у нее нет — и берем груз параина. Мы ремонтируем старушку, если она будет в этом нуждаться...

— Да уж будет...

— ... и возвращаемся назад.

— На Землю?

— Я думаю, на Селану. Там легче сесть.

— Теперь вы беспокоитесь насчет посадки, — с горечью сказал Хильтон. — Что ж, тут я ничего не могу поделать. После этого путешествия я ухожу. Какова рыночная цена на параин?

— Пятьдесят за фунт. В Медицинском Центре, если вы это имеете в виду.

— Деньги немалые, — сказал старший помощник. — На прибыль вы можете купить новый корабль и жить с надеждой на будущее.

— Я возьму вас в долю.

— Я собираюсь уходить.

— Но не раньше, чем окончите это путешествие, — сказал Денверс. — Вы — старший помощник на “Ла Кукараче”. — Он ухмыльнулся. — У человека глубокого космоса много трюков в запасе — а я пробыл в нем дольше, чем вы.

— Конечно, — согласился Хильтон. — Но вы забываете о Сексоне. За его спиной стоит Трансмит, он подаст на вас в суд. Денверс пожал плечами.

— Мне хватает и своих забот. У вас в запасе двести часов до того, как мы выйдем из гипера. Думайте, сэр!

Хильтон расхохотался.

За двести часов могло произойти многое. Хильтону предстояло сделать так, чтобы не произошло ничего. К счастью, его появление успокоило команду. Все, включая второго помощника Уиггинза, почувствовали себя увереннее, видя, как Хильтон

расхаживает по кораблю с обычным невозмутимым видом. Когда начальство в ссоре, не миновать беды.

Всех, однако, тревожило, что путешествие так затянулось. Никто не был уверен, что “Ла Кукарача” держит курс на Землю.

Помимо всего, предстояло уладить дело с инженером. Хильтон побеседовал с ним с глазу на глаз.

— Я сделаю для вас все, что смогу, Сексон, — сказал он доверительным тоном. — Но сейчас мы находимся среди Большой Ночи. Это — космос, здесь нет цивилизации. Капитану известно о ваших связях с Трансмитом, он вас ненавидит. На гипер-корабле слово Старика — закон! Ради вашего же блага, следите за каждым своим шагом...

Сексон побледнел. После этого разговора он старался не попадаться капитану на глаза.

Хильтон не перестал проверять и перепроверять “Ла Кукарачу”. Внешний ремонт в гипере был невозможен — из-за отсутствия гравитации не действовали обычные физические законы. Например, не действовала магнитная колодка. Они могли чувствовать себя в безопасности только внутри корабля. Но и эта их безопасность была иллюзорна, потому что вибрация стремительно несшихся пространственных волн могла дезинтегрировать “Ла Кукарачу” за несколько секунд.

Хильтон вызвал Сексона. Дело было не только в том, что ему была нужна техническая помощь: он хотел, чтобы инженер был постоянно занят. Вдвоем они лихорадочно работали над системами, от которых зависела возможная дополнительная защита корабля. Они изучали данные смещения и натяжения, анализировали конструкцию корабля, опробовали примеси к X-лучам.

“Ла Кукарача” была изношена, но в меньшей степени, чем опасался Хильтон. В конце концов они сошлись в том, что старушку можно укрепить за счет снятых переборок и перекрытий. Когда этого оказалось недостаточно, оставался один выход — пожертвовать кормовой частью корабля. Рабочие команды безжалостно отодрали балки от кормы, сварили их и отгородили носовую часть от кормы воздухонепроницаемыми перегородками. А заднюю часть Хильтон приказал наполнить искусственно созданной водой, с тем чтобы смягчить удар при неизбежном падении корабля и смягчить посадку.

Денверс этого не одобрял, но не вмешивался. В конце концов Хильтон вел “Ла Кукарачу” по курсу, смелому до безрассудства. Капитан заперся в своей каюте, храня угрюмое молчание.

В конце приготовлений Хильтон и Те’сс остались в аппаратной одни. Сексон был занят совершенствованием системы креплений. Хильтон пытался вычислить верный уровень гипер-пространства, который привел бы их обратно к Земле, когда

они возьмут на борт груз. Он поместил одно из данных не туда, куда следует, и зло выругался.

— Что тут смешного? — спросил Хильтон, услышав тихий смех Те'сс.

— Да нет, сэр! Я подумал о капитане Денверсе. Не сердитесь на меня, сэр.

— О чем это вы? — с любопытством спросил его старший помощник.

— Я — селенит, сэр. Вот почему я продолжаю летать на “Ла Кукараче”. Планеты больше не годятся для селенитов. Мы потеряли свой собственный мир, он давным-давно умер. Но я все еще помню древние традиции нашей Империи. Если традиция когда-либо становилась великой, то только благодаря человеку, который посвятил ей всего себя. Потому-то и гипер-корабли стали тем, чем они стали, мистер Хильтон. Были люди, которые жили этим. Люди, которые поклонялись Богам. Боги пали, но люди по-прежнему поклоняются древним алтарям. Они не могут измениться. Если бы они могли меняться, они бы не были сами собой. Не принадлежали бы к одержимым, способным сделать своих Богов великими...

— Куря параин? — иронически вставил Хильтон. У него болела голова, и ему не хотелось слушать резоны, извиняющие поведение капитана.

— Это — не наркотический сон! — возразил Те'сс. — Это традиции рыцарства. У селенитов был Император Чира, который боролся за...

— Я читал о нем, — перебил его Хильтон. — Это — то же, что наш король Артур.

Те'сс меланхолически кивнул, не отрывая от Хильтона своих огромных глаз.

— Именно так, сэр. Он служил своей цели с неослабевающей преданностью. Но когда цель умерла, не осталось для Чир, как и для Артура, ничего другого, как умереть. Но до того, как он умер, он продолжал служить поверженному Богу, не веря в то, что он пал. Капитан Денверс никогда не поверит в то, что время гипер-кораблей миновало. Он останется слугой гипер-корабля до самой смерти. Такие люди состоят на службе у Великого. Когда они утрачивают цель, то становятся трагическими фигурами.

— Ну, я не настолько безумен, — сказал Хильтон. — Я собираюсь сыграть в другую игру. В Трансмит или во что-нибудь еще. А вы — инженер. Почему бы вам не уйти со мной после этого путешествия.

— Мне нравится Большая Ночь, — ответил Те'сс. — У меня нет собственного мира, в котором я мог бы жить. Нет ничего, что

заставило бы меня желать успеха, мистер Хильтон. На “Ла Кукараче” я могу делать то, что хочу. Но вне корабля я постоянно узнаю о том, что люди не похожи на селенитов. Нас осталось слишком мало для того, чтобы мы могли рассчитывать на уважение или дружеские узы. И потом, знаете, я слишком стар.

Удивленный Хильтон внимательно посмотрел на селенита. Невозможно было отличить следы возраста в этом паукообразном существе. Но они всегда знали, и очень точно, сколько времени им осталось жить, и могли предсказать с уверенностью момент своей смерти.

Да, но он не был старым, и он не был, подобно Денверсу, человеком глубокого космоса. Он не был одержимым. Ничто не держало его на гипер-корабле после окончания путешествия — если, конечно, он выживет.

Послышался звук сигнала. Желудок Хильтона сделал скачок к горлу и превратился в кусок льда, несмотря на то что он ожидал этого события в течение многих часов. Он потянулся к микрофону.

— Гипер-станция! Застегнуть шлемы! Сексон — отчет!

— Все работы закончены, мистер Хильтон, — сказал Сексон напряженным, но уверенным голосом.

— Поднимайтесь сюда. Вы можете здесь понадобиться. Приказ для всех: встать, пристегнуться. Мы выходим!

Они рванулись вперед.

Г л а в а 5

Выбор Хильтона

Вне всяких сомнений, она была твердым орешком, эта старушка. Она облетела вокруг тысячи миров и сделала в гипере столько миль, что человеку просто не под силу их сосчитать. И в нее вселилось нечто от Большой Ночи — нечто такое, что сильнее металлических скоб и твердых сплавов. Можно назвать это духом, хотя никогда не существовало машины, наделенной этими качествами. Но с тех самых пор, как первый плот был спущен на воду, люди знали о том, что у каждого корабля есть душа, неведомо откуда взявшаяся.

Она скакала, как блоха. Она брыкалась, как норовистая лошадь. Подпорки и балки гремели и гнулись, вторивший им трап добавлял шуму в общий содом. Слишком много энергии струилось сквозь моторы. Но громыхавшая старушка каким-то образом поглотила ее и, сотрясаясь, кренясь и ворча, как-то удерживала свои части в единстве.

Между двумя пространствами возникла брешь, и “Ла Кука-

рача” рухнула в нее и с достоинством, которое требовалось от леди ее возраста, перешла было на свободное падение. Однако сперва она была гипер-кораблем, а потом уже леди. Он скакнула в нормальное пространство. Расчеты капитана оказались верными. Двойное солнце не было видно, поскольку оно затмевалось одиночной планетой, но притяжение чудовищного близнеца обрушилось на “Ла Кукарачу” подобно гигантскому кулаку и погнало ее вперед.

Не было времени ни для чего, кроме нажимания кнопок. Мощные ракетные двигатели выбрасывали яркое пламя.

Толчок оглушил всех находившихся на борту. Лишь автоматические наблюдатели стали свидетелями происходящего.

“Ла Кукарача” пробилась то, что можно было сравнить лишь с каменной стеной. И даже это не могло бы остановить ее, но скорость ее была замедлена до минимально безопасной, и она прекратила полет и рухнула на безымянную планету, яростно пылая всеми своими двигателями. Наполненные водой отсеки смягчили удар и помогли не рассыпаться каркасу.

Воздух со свистом вошел в разреженную атмосферу и затерялся в ней. Корпус был полурасплавлен. Реактивные трубки расплавились в дюжине мест. Корма представляла собой невообразимую мешанину.

Но все же она осталась кораблем.

Перегрузка была делом обычным. Люди видели столько чужих планет, что не обратили особого внимания на эту. Воздуха, пригодного для дыхания, не было, поэтому люди работали в костюмах. Работали все, кроме трех человек, пострадавших во время падения. Их поместили в больничный отсек, куда был вновь накачан воздух, и они находились там в изоляции. Но лишь несколько отсеков были так хорошо изолированы. “Ла Кукарача” была больной старушкой и могла оказать только первую помощь.

Теперь распоряжался сам Денверс. “Ла Кукарача” была его собственностью, и он занял половину команды обследованием и ремонтом двигателей, с тем чтобы корабль был готов к дальнейшему путешествию. Сексону, учитывая его инженерно-техническое образование, он позволил действовать в качестве своего неофициального помощника, хотя каждый раз, когда человек Трансмита попадался ему на глаза, взгляд капитана становился ледяным.

Что же касается Хильтона, то он вместе со второй половиной команды занимался сбором параина. Они использовали мощность вакуумных уборочных машин, соединив их с “Ла Кукарачей” длинными гибкими трубами, и через две недели упорного труда весь груз был на борту. К тому времени когда погрузка

была закончена, закончился и ремонт, и Денверс проложил курс к Селене.

Хильтон сидел в аппаратной с Те'сс и Сексоном. Он открыл настенное отделение, заглянул туда и снова закрыл. Потом он кивнул Сексону.

— Капитан не переменит своего решения, — сказал он. — Следующим нашим портом будет Селена. Я там никогда не был.

— Я был, — сказал Те'сс. — Позже я расскажу вам об этом.

Сексон раздраженно фыркнул:

— Вам известно, что такое гравитация, Те'сс. Я тоже никогда там не был, но читал об этом в книгах. Тот мир состоит главным образом из гигантских планет, и после достижения радиуса невозможно выйти из гипера в нормальное пространство. Для эклиптики уровня в этой системе нет. Это безумие! Придется прокладывать на карте неустойчивый курс к Селене, все время борясь с различными гравитациями дюжины планет, а потом окажется, что притяжение планеты, на которую ты собираешься сесть, таково, что нужно еще хорошенько подумать. Вы же знаете, что "Ла Кукарача" этого не перенесет, мистер Хильтон!

— Да, я это знаю, — сказал Хильтон. — Пока нам везло, но продолжение было бы просто самоубийством. Она просто не выдержит еще одного перелета. Мы выброшены здесь на мель, но капитан не хочет в это верить.

— Он безумец, — сказал Сексон. — Я знаю, каковы пределы выносливости машины. Это можно рассчитать математически. А этот корабль — всего лишь машина. Или же вы согласны с капитаном Денверсом? Может быть, вы считаете корабль живым?

Сексон забыл о дисциплине, но Хильтон понимал, в каком он сейчас напряжении.

— Нет, он действительно лишь машина, — сказал он. — И мы оба знаем, что его использовали выше его возможностей. Если мы полетим к Селене, то...

Он жестом показал остальное.

— Капитан Денверс говорит "Селена", — пробормотал Те'сс. — Мы не можем бунтовать, мистер Хильтон.

— Мы можем сделать нечто лучшее, — сказал Хильтон. — Войти в гипер, каким-то образом лететь в его потоке, а потом каким-то образом снова выйти из него. Но тогда мы окажемся в трудном положении. Любая планета или солнце раздавит нас своим притяжением. Беда в том, что "Ла Кукарача" могла бы получить нужную помощь только в больших мирах. А если мы не получим эту помощь, притом быстро, то с нами все кончено. Но, Сексон, один выход все же есть — мы можем сесть на астероид. Это могло бы нам удасться. Гравитация, о которой бы

стоило говорить, нам не помешает. Мы, конечно, могли бы радировать о помощи, но сигналам понадобятся годы, чтобы достичь кого-нибудь. Лишь гипер может перенести нас достаточно быстро. А теперь вот что: у Трансмита есть какие-либо станции на астероидах?

Сексон открыл рот и снова его закрыл.

— Да, есть одна, которая подошла бы. В системе Ригеля, далеко от планеты. Но я думаю, капитан Денверс ни за что не согласится.

Хильтон открыл настенное отделение. Показались клубы серого дыма.

— Это параин, — сказал он. — Дым идет в каюту капитана через вентилятор. Капитан Денверс будет блаженствовать в его парах до тех пор, пока мы не сядем на этот астероид в системе Ригеля.

Наступила тишина. Хильтон с громким стуком захлопнул панель.

— Давайте сделаем несколько вычислений, — сказал он. — Чем скорее мы достигнем порта Ригеля, тем скорее вернемся на Землю через Трансмит.

Как это ни странно, заколебался Сексон.

— Мистер Хильтон, подождите минутку. Трансмит... Да, я работаю на эту организацию, но с ней не так-то легко иметь дело. Там работают деловые люди. Для того чтобы пользоваться их передатчиками, вам придется очень много заплатить.

— Они могут передать гипер-корабль или нет? Может быть, такая работа им не по зубам?

— Нет, они могут расширять поле до огромных размеров. Я не это имел в виду. Я говорил, что они потребуют платы, и платы немалой. Вам придется отдать им по крайней мере половину груза.

— Все равно останется достаточно, чтобы заплатить за ремонт.

— Кроме того, они захотят узнать, откуда появился параин. У вас не останется выбора. Вам придется сказать им, это неизбежно. А это означает, что передаточные станции будут установлены прямо в этом мире.

— Я тоже так думаю, — спокойно проговорил Хильтон. — Но к тому времени старушка снова будет готова к полету. Когда капитан увидит ее после ремонта, он поймет, что это был единственный возможный выход. Так что давайте братья за дело.

— Напомните мне, чтобы я рассказал вам о Селене, — сказал Те'сс.

Лунная ремонтная станция огромна.

Целый кратер был покрыт прозрачным куполом, и под ним

отдыхали в своих колыбелях гипер-корабли. Они приходили побитыми и уставшими, а уходили чистыми, красивыми и сильными, готовыми к встрече с Большой Ночью. “Ла Кукарача” тоже стояла там. Это был уже не стонущий обломок, каким она села на Ригеле, а прекрасная леди, сверкающая и очаровательная.

Высоко наверху стояли, облокотившись о перила, Денверс и Хильтон.

— Она готова к полету, — сказал Хильтон. — И вид у нее великолепный.

— Я не собираюсь благодарить вас, сэр.

— Оставьте вы это! — бросил Хильтон. — Если бы я не одурманил вас параином, мы были бы мертвы, а “Ла Кукарача” плавала бы в космосе, разбитая на кусочки. А теперь — вы только взгляните на нее!

— Угу. Выглядит она хорошо. Но еще одну порцию параина она не повезет. А это месторождение было моим. Если бы вы не сказали о нем Трансмиту, оно бы так и осталось нашим.

Денверс страдальчески сморщился.

— А теперь они устанавливают там передаточную станцию. Гипер-корабль не может с ней конкурировать.

— В Галактике есть и другие планеты.

— Конечно, — отозвался Денверс. Глаза у него подозрительно повлажнели.

— Куда вы направляетесь, капитан? — спросил Хильтон.

— Вам-то что? Вы же уходите на работу в Трансмит.

— Готов держать пари, что это так. Через пять минут у меня встреча с Сексоном. Собственно говоря, мы должны подписать контракт. Я покончил с глубоким космосом. Но... куда вы направляетесь?

— Не знаю, — ответил Денверс. — Думаю, может быть, скакнуть к Арктусу и посмотреть, что делается там.

Долгое время Хильтон не шевелился, потом, не глядя на капитана, заговорил:

— Вы не думаете остановиться после этого у Каниуса?

— Нет.

— Вы лжец!

— Идите подписывайте свое соглашение, — сказал Денверс.

Хильтон, не отрываясь, смотрел на стоявший внизу корабль.

— Старушка всегда была милым чистеньким кораблем. Она никогда не выходила из повиновения и всегда брала верный курс. Очень жаль, если ей придется возить рабов из Арктуса на рынок Каниуса. Это, конечно, легально, но все равно не годится. Это дело грязное, нечестное.

— Я не просил вашего совета, сэр! — вспылил Денверс. —

Никто не говорил о работоторговле. С чего вы это взяли?

— Я полагаю, что вы не рассчитывали выгрузить парайн на Селене? Вы могли бы получить хорошую цену за него в Медицинском Центре, но наркоманы Селены заплатили бы вам в шесть раз больше. Да. Те'сс мне рассказал. Он бывал на Селене.

— Заткнитесь вы! — сказал Денверс.

Хильтон запрокинул голову и посмотрел сквозь купол на огромную черную бездну над ними.

— Даже если проигрываешь битву, лучше сражаться честно, — сказал он. — Знаете, чем это кончится?

Денверс посмотрел наверх и, очевидно, увидел что-то, что ему не понравилось.

— Как вам удалось растряссти Трансмита? — требовательно спросил он. — Ведь нужно же как-то выколачивать прибыль?

— Есть легкий и грязный путь, а есть чистый и тяжелый. У старушки прекрасный послужной список.

— Вы не человек глубокого космоса. Вы — никогда им не были. Плевать! Я сколочу отличную команду.

— Послушайте, — начал Хильтон. И замолчал. — Ладно, черт с вами, я кончил.

Он повернулся и пошел по длинному стальному коридору.

Те'сс и Сексон сидели за коктейлем "Четверть Луны". Из окон им была видна дорога, ведущая к ремонтной станции, а за ней — отвесные края кратера и нависшая над ним наподобие гигантской черной капли звездная темнота. Сексон посмотрел на часы.

— Он не придет, — сказал Те'сс.

Человек из Трансмита нетерпеливо пожал плечами.

— Нет, вы ошибаетесь. Конечно, я могу понять, что ваше желание остаться на "Ла Кукараче"...

— Да, я стар, это одна из причин.

— Но Хильтон молод и ловок. Перед ним большое будущее. Этот разговор насчет достижения идеала... Может быть, Денверс и является человеком такого сорта, но не Хильтон. Он не влюблен в гипер-корабли.

Те'сс медленно вращал в пальцах бокал.

— Вы ошиблись в одном, Сексон. Я не лечу на "Ла Кукараче".

Сексон недоуменно уставился на него.

— Но я думал... почему же?

— Через тысячу земных часов я умру, — негромко проговорил Те'сс. — Когда придет это время, я спущусь в пещеры Селенита. Не многим известно, что они существуют, лишь немногие из нас знают тайну пещер, священных мест нашей расы. Но я ее знаю. Я отправлюсь туда умирать, Сексон. Каждый человек имеет что-то такое, что является для него самой сильной

привязанностью. Так же и со мной: я должен умереть в моем собственном мире. Что же касается капитана Денверса, он следует своим курсом, как это сделал наш Император Чира, как сделал ваш король Артур. Люди, подобные Денверсу, делают гипер-корабли великими. Теперь цель мертва, но тип человека, который однажды сделал ее великой, не может измениться. Если бы было иначе, Галактику не наводнили бы их корабли. Так что Денверс останется с “Ла Кукарачей”. А Хильтон...

— Он не фанатик. Он не останется! Зачем ему все это нужно?

— В нашей легенде Император Чира потерпел поражение, а его Империя была разрушена, — сказал Те’сс. — Но он боролся. И был еще один, боровшийся вместе с ним, хотя он и не верил в цель Чиры. На селенитском его имя было Дженлира. А разве в вашей легенде не было сэра Ланселота? Он тоже не верил в цель Артура, но остался с ним, ведь он был другом Артура. Да, Сексон, есть фанатики, дерущиеся за то, во что они верят, но есть другие, которые не верят, но дерутся во имя меньшей цели. Иногда она называется дружбой.

Сексон рассмеялся и указал на окно.

— Вы ошибаетесь, Те’сс, — проговорил он. В его голосе звучало торжество. — Хильтон не дурак, вон он идет.

Высокая фигура Хильтона быстро двигалась по дороге. Он прошел мимо окон и исчез. Сексон обернулся к дверям.

Наступила пауза.

— А может быть, дело не в меньшей цели, — сказал Те’сс. — Ибо времена селенитской Империи миновали, как миновали времена короля Артура, и как прошла эра гипер-кораблей. В конце концов, их забрала Большая Ночь. Но с самого начала...

— Что?

На этот раз в окно указал Те’сс.

Сексон подался вперед, чтобы лучше видеть. Он увидел, что Хильтон неподвижно стоит у кромки дороги. Поток прохожих струился мимо, но он никого не замечал. Его толкали, но он, казалось, не замечал и этого.

Лицо его выражало глубокое смятение. Потом оно внезапно прояснилось. Хильтон сухо усмехнулся сам себе — решение было принято. Он повернулся и быстро зашагал обратно. Хильтон уходил туда, где его ожидал Денверс и “Ла Кукарача”.

Сексон смотрел ему вслед. Человек уходил туда, откуда он пришел, возвращался в то место, которое он никогда по-настоящему не покидал.

— Сумасшедший — сказал Сексон. — Он не может это сделать! Никто не отказывается от работы в Трансмите!

Те’сс бросил на него мудрый, бесстрастный взгляд.

— Трансмит слишком много для вас значит. Трансмиту

нужны люди, подобные вам, чтобы сделать его великим, чтобы он мог расти. Вы — счастливый человек, Сексон. Вы плаваете вместе с течением. Через сотню лет, через две сотни лет вы могли бы оказаться на месте Хильтона. Тогда бы вы поняли.

Сексон непонимающе смотрел на него.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас Трансмит растет, — тихо проговорил Те'сс. — Он велик благодаря людям, подобным вам. Но Трансмит тоже придет к своему концу.

Он пожал плечами, глядя нечеловеческими, гранеными глазами за кромку кратера на блестящие точки света, который лишь подчеркивал необъятность Большой Ночи.

А ТЕПЕРЬ — НЕ СМОТРИТЕ...

Человек в коричневом костюме смотрелся в зеркальную стену бара. Свое отражение, казалось, интересовало его куда больше, нежели бокал, который он сжимал в руке. Он проявлял почти полное равнодушие ко всем попыткам Лаймана заговорить с ним. Такое положение вещей продолжалось минут пятнадцать, после чего он наконец поднял бокал и сделал основательный глоток.

— А теперь — не смотрите! — сказал Лайман.

Коричневый человек скосил на Лаймана глаза, поднял бокал повыше и сделал еще один глоток. Кубики льда скользнули по его губам. Он поставил бокал на красно-коричневую стойку и знаком велел наполнить его снова. Потом, глубоко вздохнув, он обернулся к Лайману.

— На что не смотреть? — поинтересовался он.

— Как раз за вами сидит один тип, — сказал Лайман, моргая тусклыми глазами. — Он только что вошел. Вы что, не видите его?

Коричневый человек расплатился за вторую порцию и только после этого ответил:

— Кого не вижу?

Тон его являл собой великолепную смесь скуки, неудовольствия и вынужденного интереса.

— Кто вошел?

— О чем я твердил вам в течение последних десяти минут? Вы что, не слушали?

— Конечно, слушал. Это... Ну конечно! Вы говорили о ванных. Радио. Орсоне.

— Не об Орсоне, а о Х.Герберте Джордже. Насчет Орсона — это просто так, для затравки. Х.Г. знал или подозревал. Потрясающая интуиция! Он не может привести никаких доказа-

тельств, но писать научную фантастику он прекратил так же внезапно, как и начал. Держу пари, что именно тогда он узнал.

— О чем узнал?

— О марсианах. Наш разговор ни к чему нас не приведет, если вы не слушали. Весь фокус в том, чтобы вовремя принять меры, имея доказательства, убедительные доказательства. До сих пор их никому не удавалось получить. Ведь вы репортер, не так ли?

Держа в руке стакан, человек в коричневом костюме неохотно кивнул.

— Тогда вам следует потолковать обо всем этом на листке сложенной бумаги. Я хочу, чтобы все знали, весь мир. Это ужасно важно. Я все объясню. Моя жизнь не будет больше в такой опасности, как только я передам информацию и заставлю людей в нее поверить.

— А почему ваша жизнь сейчас в опасности?

— Из-за марсиан. Как вы не понимаете? Они владеют миром.

Коричневый человек вздохнул.

— Тогда, значит, они владеют и моей газетой, — возразил он. — И, значит, мне не удастся напечатать ничего такого, что бы им не понравилось.

— Я об этом как-то не думал, — сказал Лайман.

Он созерцал дно своего бокала, где два кубика льда спаялись в единое целое в холодном нерушимом союзе.

— Впрочем, они не всемогущи. Я уверен, у них есть уязвимые места, иначе зачем бы им все время держаться в тени? Они боятся, что их могут обнаружить. Если бы мир получил убедительные доказательства... Послушайте, люди всегда верят в то, о чем читают в газетах, не могли бы вы...

— Ха! — выразительно ухмыльнулся коричневый человек.

Лайман грустно забарабанил пальцем по стойке и пробормотал:

— Должен же быть какой-то выход. Может быть, если бы я выпил еще порцию...

Человек в коричневом костюме отпил из бокала. Казалось, это несколько взбодрило его.

— Что это за история, насчет марсиан? — спросил он. — Предположим, вы начнете сначала и расскажете мне все по порядку. Или вы не можете вспомнить?

— Конечно, могу. Я отдаю себе полный отчет. Это нечто новое, совершенно новое. Раньше я ничего подобного и представить себе не мог. Я даже помню свой последний разговор с марсианами.

Лайман бросил на коричневого человека торжествующий взгляд.

— Когда это было?

— Сегодня утром.

— А я могу припомнить разговоры, которые вел на последней неделе, — холодно отозвался коричневый человек. — Ну и что?

— Вы не понимаете. Они заставляют нас забывать, в этом все дело. Они говорят нам, что мы должны делать, и мы забываем о разговоре — постгипнотическое внушение, я думаю. Мы следуем их приказам. Это принуждение, хотя мы и думаем, что действуем самостоятельно. Они правят миром, но никто об этом не знает. Никто, кроме меня.

— А как узнали вы?

— Потому что мои мозги находились в особом состоянии. Я экспериментировал со сверхзвуковыми моющими средствами, пытаясь создать что-нибудь путное и получить патент. При-
способление оказалось неисправным — волны высокой частоты проходили сквозь меня. Они должны были быть неразличимыми, но я их слышал, вернее, видел. Вот это я и имел в виду, когда говорил о том, что мои мозги находятся в особом состоянии. После этого я смог видеть и слышать марсиан. У них такие механизмы, которые позволяют им успешно работать с обычным мозгом, но мой-то больше не является обычным. Они не могли меня загипнотизировать. Они могли сделать мне распоряжение, но я могу им не повиноваться — теперь могу. Надеюсь, они ничего не заподозрили, а может быть, и заподозрили. Да, пожалуй, так...

— Как вы можете это утверждать?

— Судя по тому, как они на меня смотрят.

— А как они на вас смотрят? — спросил коричневый человек.

Он начал было доставать карандаш, но передумал. И вместо этого глотнул из бокала.

— Ну, так как они на вас смотрели?

— Я не уверен. Я могу их видеть, и ясно, но только, когда они одеты.

— О'кей, — терпеливо произнес коричневый человек. — Как они выглядят, когда одеты?

— Почти так же, как и все остальные. Они одеваются в человеческую кожу. О, не в настоящую, а в имитацию. Подобно тому как Катценджангир Кидз вошел в крокодила. А раздетые... я не знаю. Я их никогда такими не видел. Может быть, тогда они становятся для меня невидимыми, а может быть, они просто маскируются под ос, или сов, или крыс, или летучих мышей, или...

— ... еще подо что-нибудь, — поспешил закончить за него коричневый человек.

— Спасибо. Или еще подо что-нибудь. Но когда они одеты

как люди, как вон тот, кто сидел рядом с вами, когда я сказал, чтобы вы не смотрели...

— Тот, насколько я понимаю, был невидимкой.

— Каждый из них невидим большую часть времени. Но время от времени по каким-то причинам они...

— Подождите, — заметил коричневый человек. — Давайте по порядку, хорошо? Они одеваются в человеческую кожу, а потом сидят невидимыми?

— Только время от времени. — Очень хорошая имитация человеческой кожи. Никто бы не различил разницы. Их выдает только третий глаз. Когда они держат его закрытым, никто ни за что не догадается, что он вообще есть. А когда они хотят его открыть, то сразу становятся невидимыми. Как тот субъект. Когда я вижу кого-нибудь с третьим глазом, расположенным прямо посреди лба, я понимаю, что это марсианин, причем невидимый, и я делаю вид, что не вижу его.

— Тогда выходит, что я — видимый марсианин? — засмеялся коричневый человек.

— О, надеюсь, что нет!

Лайман бросил на него беспокойный взгляд.

— Хотя я и пьян, но этого не думаю. Я весь день за вами следил, будьте уверены. Конечно, мне пришлось пойти на риск. Они идут абсолютно на все, чтоб заставить человека себя выдать. Я это понимаю. И я не могу доверять. Но мне нужно было найти кого-то, с кем я мог бы поговорить, и я...

Он замолчал. На некоторое время установилась тишина.

— Я мог и ошибиться, — сказал он наконец. — Когда третий глаз закрыт, я не могу сказать, находится ли это существо здесь. Вы не возражаете против того, чтобы открыть для меня третий глаз?

Он устремил пристальный взгляд на лоб коричневого человека.

— Прошу извинить, — ответил репортер. — Как-нибудь в другой раз. Кроме того, я вас не знаю. Итак, вы хотите, чтобы я тиснул это на первой странице, как я понимаю? Почему бы вам не повидаться с самим издателем? Мои истории должны пройти еще несколько инстанций.

— Я хочу выдать мою тайну миру, — упрямо проговорил Лайман. — Вопрос в том, как далеко я зайду. Может статься, что они убьют меня в ту минуту, как я открою рот, если только я скажу что-нибудь в их присутствии. Но я верю в то, что они не примут все всерьез. Должно быть, они действуют с самого начала нашей истории и успели стать достаточно беспечными. Они позволили Форту зайти слишком далеко, прежде чем занялись им. Однако следует отметить, что они так и не позволили

Форту заполучить разумное доказательство, которое могло бы убедить людей.

Коричневый человек пробормотал какое-то замечание насчет интереса людей.

Он спросил:

— А чем занимаются эти марсиане? Кроме того, что посещают бары — одетыми?

— Я продолжаю над этим работать, — ответил Лайман. — Это нелегко понять. Они, конечно, правят миром. Но вот зачем?

Он наморщил брови и умоляюще уставился на коричневого человека.

— Если они им правят, то у них есть на это какие-то основания.

— Вот и я это говорю. С нашей точки зрения это бессмысленно. Мы поступаем нелогично, но только потому, что они нам так велят. Все, что мы делаем, почти все, лишено логики. “Упрямый чертенок”. Но я думаю, этому можно дать и другое название, начинающееся так: — М.Марсианин.

— Никто не может даже под гипнозом вынудить человека на такое действие, которое противоречит его моральным принципам, — веско сказал коричневый человек.

Лайман нахмурился.

— Никто другой. Но не марсианин. Для них нет ничего невозможного. Сколько бы психологи ни объясняли, почему убийца открывает душу первому встречному, все равно эта реакция нелогична. Если только марсиане не велят им так поступать. Я думаю, они были на высоте еще тогда, когда у нас были обезьяньи мозги, с тех пор все так и пошло. Они тоже эволюционировали, но всегда шли впереди, подобно воробью, сидящему на спине орла. Когда орел достигает своего потолка, воробей подпрыгивает и набирает нужную ему высоту. Они завоевали мир, но никто ничего об этом не знал. И они продолжают править...

— Но...

— Возьмите, например, дома. Неудобная вещь. Уродливые, несовершенные, грязные, все в них не так. Но когда люди, подобные Франку Ллойду Райту, выходят из повиновения марсиан настолько, что успевают предложить нечто получше, вы только посмотрите, как реагируют люди. Им ненавистна сама мысль о перемене. А всему виной марсиане.

— Какое дело марсианам до того, в каких домах мы живем? Объясните мне.

Лайман нахмурился.

— Мне не нравится нотка скептицизма, которая слышится в вашем тоне, — объяснил он. — Им есть дело до всего. Насчет

этого нет никаких сомнений! Они живут в наших домах! Мы строим не по собственным убеждениям. Мы строим, повинаясь приказам марсиан, так, как они этого хотят. Их касается все, что мы делаем. Чем бессмысленнее наши действия, тем лучше для них. Возьмите, к примеру, войну. С точки зрения человека войны бессмысленны, но мы все равно их ведем. С точки зрения марсиан они полезны. Они дают нам рывок в техническом развитии и препятствуют увеличению населения. И возьмите, например, колонизацию, развитие техники. В мирное время, если изобретается реактивный двигатель, их производство кажется слишком дорогим для того, чтоб его развивать. Но в военное время оно должно быть развито. Тогда марсиане смогут использовать его по своему усмотрению. Они используют нас, как использовали бы инструменты — или конечности. Никто никогда не выигрывает от войны, кроме марсиан.

Человек в коричневом костюме усмехнулся.

— Звучит разумно, — сказал он. — Должно быть, хорошо быть марсианином.

— Почему бы и нет? До сих пор ни одна раса, завоевавшая другую, не правила ею с успехом. Непременно возникает сопротивление. Если вы знаете, что вами правят, правитель становится уязвимым. Но если мир не знает... а он не знает... Возьмите, к примеру, радио, — продолжал развивать свою мысль Лайман. — Нет такой земной причины, по которой человеку следовало бы слушать радио. Но марсиане заставляют нас это делать. Им это нравится. А возьмите ванны. Никто не борется за то, чтобы сделать их удобными для нас. Но марсианам они подходят. Все непрактичные вещи, которыми мы не перестаем пользоваться, хотя даже и сознаем их непрактичность...

— Ленты пишущих машинок, например, — подхватил в тон ему коричневый человек. — Впрочем, — сразу же спохватился он, — даже марсиане вряд ли одобряют процесс смены лент.

Лайман, казалось, нашел это замечание легкомысленным. Он заметил, что знает о марсианах все, кроме их психологии.

— Я не знаю, почему они ведут себя так, а не иначе. Иногда их поведение выглядит нелогичным, хотя я совершенно уверен, что логика в нем есть. Пока их мотивы для меня остаются скрытыми, я не могу двигаться дальше. Мне нужны конкретные доказательства. Не имея их, я должен оставаться в тени. Я так и поступаю: делаю, что они приказывают. Потому-то они и не подозревают, что я притворяюсь, будто забываю то, что они велят мне забывать.

— Тогда вам не о чем особенно беспокоиться.

Лайман не обратил внимания на эти слова и снова возобновил поток жалоб.

— Когда я слышу, как ванна наполняется водой и в ней плещется марсианин, я делаю вид, будто ничего не слышу. Моя кровать слишком коротка, и на той неделе я пытался заказать кровать нужной длины, но марсианин, который в ней спит, не велел мне этого делать. Он — коротышка, как большинство из них. Да, я думаю, они коротышки. Мне приходится лишь догадываться, потому что они никогда не показываются неодетыми. Между прочим, как поживает ваш марсианин?

Человек в коричневом костюме внезапно опустил бокал.

— Мой марсианин?!

— Послушайте-ка, может быть, я немного и пьян, но моя логика остается безупречной. Вы или знаете о марсианах, или же нет. Если вы знаете, то совершенно незачем задавать мне дурацкие вопросы типа: “Мой марсианин?!”. Я знаю, что у вас есть марсианин. Суть вот в чем: знаете ли вы его? Подумайте хорошенько, — проговорил Лайман.

В его голосе звучала мольба.

— Нет. У меня нет марсианина! — ответил репортер.

Он торопливо глотнул из бокала. Зубы его стучали о края бокала.

— Нервничаете, я вижу, — заметил Лайман. — Конечно же, у вас есть марсианин, и я подозреваю, что вам об этом известно.

— Что бы я делал с марсианином? — упрямо возразил коричневый человек.

— А что бы вы делали без него? Я думаю, это очевидно. Если бы вас застукали расхаживающим без него, то вас бы, вероятно, упрятали в каталажку или что-то в этом роде. Но он у вас, несомненно, есть, и у меня тоже, и у него, и у бармена.

Лайман поочередно тыкал указательным пальцем и перечислял.

— Конечно, есть, — сказал коричневый человек. — Но все они улетают завтра на Марс, а вам нужно будет посетить хорошего доктора. А сейчас вам лучше выпить еще...

Он повернулся к бармену, когда Лайман, очевидно случайно, нагнулся к нему и взволнованно прошептал:

— Теперь — не смотрите!

Коричневый человек бросил взгляд на белое лицо Лаймана, отраженное в зеркале перед ним.

— Все в порядке, — сказал он. — Никаких марси...

Лайман дал ему под стойкой яростный пинок.

— Заткнитесь! Один как раз вошел!

Потом, поймав взгляд коричневого человека, с подчеркнутой беззаботностью проговорил:

— ... естественно, мне не оставалось после этого ничего другого, как взобраться на крышу. Мне понадобилось десять минут

на то, чтобы спуститься оттуда по приставленной лестнице. Но как только мы достигли земли, он с воплем вырвался у меня из рук и снова оказался на крыше.

— Кто? — с пронзительным любопытством спросил коричневый человек.

— Да мой кот, кто же еще?

Лицо Лаймана повернулось к коричневому человеку, но уголок глаза он наблюдал за чем-то невидимым в кабинке, в самом дальнем углу зала.

— Почему он пришел? — пробормотал он. — Мне это не нравится. Вы его знаете?

— Кого?

— Того марсианина. Случайно, это не ваш? Впрочем, думаю, что нет. Ваш — это, наверное, тот, что вышел некоторое время назад. Интересно, ходил ли он составлять отчет, или передал его вон этому? Такое возможно. Теперь вы можете говорить, не понижая голоса, и прекратите делать эти гримасы. Хотите, чтобы я понял, что вы его видите?

— Я не могу его видеть. Не втягивайте меня в это. Сами разбирайтесь между собой, вы и ваши марсиане. Вы действуете мне на нервы. В общем, я уйду.

Но он даже не попытался встать со стула. Через плечо Лаймана он бросал взгляды в глубину бара, потом переводил их на Лаймана.

— Прекратите на меня пялиться, — сказал Лайман. — Прекратите пялиться на него. Хотите, чтобы каждый думал, что котом были вы?

— Почему котом? Почему кто-то должен?... Разве я похож на кота?

— Мы говорим о котах, разве нет? Коты могут их видеть очень ясно, даже понимают, я думаю. Они им не нравятся.

— Кто кому не нравится?

— Кому? Ни те, ни другие друг другу не нравятся. Коты могут видеть марсиан, но они притворяются, будто не могут, и это сводит марсиан с ума. Согласно одной из моих теорий, коты правили миром, пока не пришли марсиане. Неважно. Забудьте о котах. Это может быть гораздо серьезнее, чем вы думаете. Мне удалось узнать, что сегодня ночью мой марсианин передавал сообщение, и я вполне уверен в том, что некоторое время назад ваш марсианин вышел отсюда. А заметили ли вы, что больше никто из присутствующих здесь не имеет при себе марсианина. Считаете ли вы...

Тут он еще больше понизил голос:

— Считаете ли вы, что они могут наблюдать извне?

— О Господи! — пробормотал коричневый человек. — С крыши, вместе с котами, я думаю.

— Почему бы вам не прекратить свою болтовню насчет котов и не сделаться серьезным хотя бы ненадолго? — потребовал Лайман.

Потом он замолчал и слегка покачнулся на стуле. Чтобы скрыть смущение, он поспешно допил остывающую в бокале жидкость. Он был бледен.

— Ну, теперь в чем дело? — спросил коричневый человек.

— Ни в чем. — Он сделал глоток. — Просто он смотрел на меня своим... Вы сами понимаете.

— Давайте-ка, все проясним. Насколько я понял, марсианин одет в... одет так же, как и человек?

— Естественно.

— Но он невидим для всех, кроме вас?

— Да. Он не хочет, чтобы его видели именно теперь. Кроме того...

Лайман сделал паузу. Он бросил на коричневого человека взгляд и быстро отвел глаза.

— Знаете, я готов предположить, что вы можете его видеть, по крайней мере, немного.

Коричневый человек молчал в течение тридцати секунд. Он сидел неподвижно, забыв о напитке, который держал в руке. Казалось, что он не дышит.

И уж, конечно, он не мигал.

— Что вас заставляет так думать? — спросил он наконец своим обычным голосом.

Лайман быстро опустил бокал.

— Разве я что-нибудь сказал? Пожалуй, я пойду.

— Нет, вы не уйдете, — сказал коричневый человек. — Он схватил Лаймана за руку. — Оставайтесь здесь, посидите. Вот так... Куда вы собирались идти?

Лайман указал в заднюю часть бара — то ли на меломан, то ли на дверь с надписью: "Для мужчин".

— Я не слишком хорошо себя чувствую. Может быть, я слишком много выпил. Думаю, мне...

— С вами все в порядке. Я не доверяю вам и этому вашему... невидимке. Вы останетесь здесь до тех пор, пока он не уйдет.

— Он как раз уходит, — обрадованно сказал Лайман.

Его глаза двигались вслед невидимому, но быстрому движению по направлению к двери.

— Видите, ушел. А теперь отпустите меня.

Коричневый человек посмотрел в сторону кабинки.

— Нет, — сказал он. — Он не ушел. Сидите там, где сидите.

Пришла очередь Лаймана замереть на некоторое время. Лед в его бокале тихонько позвякивал о стенку. Наконец он заговорил. Голос его был мягкий и тревожный.

— Вы правы. Он еще здесь. Значит, вы его видите?

Коричневый человек сказал:

— Он повернулся к нам спиной?..

— Да, вы можете его видеть. Может быть, даже лучше, чем я. Может быть, их здесь больше, чем я думал. Они могут быть повсюду. Они могут сидеть рядом с вами везде, куда бы вы ни пришли, и вы даже не догадаетесь, если только...

Он слегка покачал головой.

— Они хотят быть уверены, — сказал он.

Он обращался в основном сам к себе.

— Они могут давать приказы и заставлять вас забывать об этом, но должен быть предел тому, что они могут заставить вас делать. Они могут заставлять человека выдать себя. Им приходится следить за ним, пока они не убедятся.

Он поднял бокал и поднес его к губам.

Кубик льда скользнул ему в рот и остался там, но он не обратил на это внимания и выцедил все до последней капли.

Поставив бокал на стойку, он посмотрел на коричневого человека.

— Итак? — спросил он.

Коричневый человек поднял голову и снова уставился на стойку.

— Становится поздно, — сказал он. — Народу уже мало. Будем ждать?

— Чего ждать?

Коричневый человек бросил взгляд в сторону кабинки и быстро отвел глаза.

— Я хочу вам кое-что показать. Я не хочу, чтобы это видел кто-нибудь еще.

Лайман обвел взглядом зал. Последний посетитель, оставшийся в зале, подошел к стойке, бросил на красное дерево несколько монет и медленно вышел из зала.

Они сидели в молчании. Бармен поглядывал на них с нарочитым безразличием.

Потом из первой кабинки вышла парочка и ушла, вполголоса споря.

— Еще кто-нибудь остался? — спросил коричневый человек с таким расчетом, чтобы звук его голоса не достиг ушей человека в куртке бармена.

— Только...

Лайман не закончил, ограничившись осторожным кивком в сторону задней части комнаты.

— Он не смотрит. Давайте и мы не обращать на него внимания. Что вы хотели мне показать?

Коричневый человек снял часы и поднял металлическую

крышку. Две маленьких, глянцевых фотографии выскользнули из-под нее. Коричневый человек ногтем отделил их одну от другой.

— Я просто хотел кое в чем убедиться, — сказал он. — Первое, почему вы выбрали меня? Некоторое время назад вы сказали, что следили за мной, чтобы увериться. Я этого не забыл. И вы сказали, что я репортер. Предположим, вы расскажете мне теперь всю правду?

Покачиваясь на табурете, Лайман нахмурился.

— Так вот как вы на это смотрите? — пробормотал он. — Сегодня утром, в метро... до этого я никогда вас не видел. Но я обратил внимание на то, как вы смотрите на вещи, на невероятные вещи, которых не должно быть. Вы смотрите на них, как смотрит кот, а потом всегда отводите глаза. И я подумал, что вы тоже можете видеть марсиан.

— Предположим, — спокойно сказал коричневый человек.

— Я последовал за вами. Я надеялся, что вы окажетесь тем, с кем я смогу говорить. Если бы я знал, что я могу не один их видеть, это было бы лучше, чем одинокие размышления. Я могу видеть их уже три года. И мне удавалось скрывать эту тайну даже от них. И каким-то образом мне удалось избежать самоубийства.

— Три года? — переспросил коричневый человек.

Он содрогнулся.

— Всегда остается маленькая надежда. Я знал, что никто не поверит мне без доказательств. А я мог найти доказательства. Именно это я и сказал себе. Я повторял себе, что, если вы тоже способны их видеть, то нас будет двое, а, может быть, есть еще и другие, достаточно много для того, чтобы мы смогли все вместе взяться за дело и доказать миру...

Палец коричневого человека шевельнулся, он молча подтолкнул фотографию к стойке. Лайман неуверенно взял ее.

— Лунный свет? — сказал он через некоторое время.

Это был ландшафт на фоне глубокого темного неба с белыми облаками.

Деревья стояли белые и неподвижные на фоне темноты. Трава была белой, как будто посеребренная лунным светом, тени неясными.

— Нет, не лунный свет, — ответил коричневый человек. — Инфракрасные лучи. Я — всего лишь любитель, но в последнее время я экспериментировал с инфракрасной пленкой и получил кое-какие странные результаты.

Лайман рассматривал фото.

— Видите ли, я живу неподалеку...

Палец коричневого человека коснулся весьма обычного

предмета, который появился на фотографии.

— Время от времени здесь появляется нечто забавное. Но только на инфракрасной пленке. Теперь я знаю, что хлорофилл настолько отражает инфракрасный свет, что трава и листья на фотографии выглядят белыми. Небо становится темным, как здесь. С помощью подобного рода пленки можно делать всякие трюки. Фотографируешь дерево на фоне неба, а на оттиске их не отличишь друг от друга. Однако можно фотографировать сквозь дымку и снимать определенные предметы, которые нельзя перенести на обычную пленку. Иногда, когда фокусируешься на чем-то, подобном этому...

Он снова постучал пальцами по изображению самого обычного предмета.

— Иногда получаются очень странные отпечатки на пленке, вроде этого. Человек с тремя глазами...

Лайман держал фотографию против света и молча изучал ее. Когда он снова положил фотографию на стол, на его лице была улыбка.

— Знаете, — доверительным шепотом сказал Лайман, — профессор астрофизики поместил в одном из известных изданий очень интересную статью. Фамилия этого человека, кажется, Шпитцер. Он пишет, что если бы на Марсе была жизнь и что если бы марсиане когда-либо посетили Землю, то это было бы невозможно доказать. Никто бы не поверил тем немногим людям, которые их увидели бы. Исключение, писал он дальше, составил бы тот случай, если бы их сфотографировали...

Лайман задумчиво посмотрел на коричневого человека.

— Вам это удалось, — сказал он. — Теперь я совершенно уверен в том, что вы их сфотографировали!

Коричневый человек кивнул. Он взял фотографии и снова убрал их туда, откуда достал.

— Я тоже так считаю. Только до сегодняшнего вечера я не был уверен. Я никогда не видел никого из них так полно, как видите вы. Но всю мою жизнь я видел их частично, так же, как любой другой. Это можно сравнить с мимолетным движением, которое удастся лишь захватить краешком глаза. Это нечто, что почти здесь, а когда смотришь на него пристально, то оно исчезает. Это фотографии показали мне способ. Узнать нелегко, но можно. У нас есть условия, которые позволят взглянуть на вещи прямо, увидеть вещь такой, какая она есть, независимо от того, о чем идет речь. Возможно, именно марсиане и предоставили нам такие условия. Ведь когда видишь движение краем глаза, почти невозможно не посмотреть на него прямо. И тогда оно исчезает.

— Значит, их может увидеть каждый?

— С тех пор, как я сделал эти фотографии, я узнал многое, — сказал коричневый человек. Нужно тренировать себя. Они похожи на трюки, к которым нужно внимательно приглядеться, и только после этого они обретают смысл. Камуфляж. Нужно научиться его распознавать. Иначе мы можем смотреть на эти существа всю свою жизнь и никогда их не увидеть.

— Но камера видит?

— Да, камера видит, удивительно, что раньше никто не снял их подобным образом. Когда видишь их на пленке, то отличаешь безошибочно по этому третьему глазу.

— Инфракрасная пленка — сравнительно новое изобретение, не так ли? И поэтому готов держать пари, вам удалось захватить их на фоне, который является совершенно определенным, иначе бы они просто не проявились. Как деревья на фоне облака. Трюк. Должно быть, в тот день у вас было нужное освещение и нужный фокус, и линзы встали как раз в нужное положение. Нечто вроде малого чуда. Такое может никогда больше не повториться. Но... Теперь не смотрите!..

Они замолчали, украдкой заглядывая в зеркало. Их глаза скашивались в направлении закрытой двери таверны.

Потом наступила долгая, ничем не нарушаемая тишина.

— Он оглянулся на нас, — очень тихо сказал Лайман. — Он оглянулся на нас... Этот третий глаз!

Коричневый человек вновь замер. Когда он наконец шевельнулся, то сделал это для того, чтобы проглотить остатки напитка.

— Я не думаю, что они уже подозревают, — сказал он. — Мы будем тщательно скрывать этот фокус до тех пор, пока не сможем выступить в открытую. Должен существовать какой-то способ, который убедит людей.

— Есть доказательства. Эти фотографии. Знающий оператор должен сразу сообразить, каким образом вы смогли заснять марсианина, и он повторит все условия. Это очевидно.

— Очевидность может быть обрезана с обоих концов, — сказал коричневый человек. — Я надеюсь на то, что марсиане не похожи на убийц, что они идут на это только в крайнем случае. Я надеюсь, что они не убивают без доказательств... Но...

Он постучал по часам.

— По крайней мере, теперь нас двое, — сказал Лайман. — Мы можем объединиться. Мы оба нарушили главное правило: теперь не смотреть!

Бармен отошел в глубь комнаты, чтобы выключить меломан. Коричневый человек сказал:

— Лучше, чтобы нас вместе не видели. Но если мы оба будем приходить в этот бар в десять часов выпить — такое не вызовет

подозрения даже у них.

— Предположим...

Лайман колебался.

— Можно мне взять одну фотографию?

— Зачем?

— Если с одним из нас что-то произойдет... несчастный случай, у другого все-таки будет доказательство. Может, этого окажется достаточным, чтобы убедить остальных людей.

Коричневый человек поколебался, потом коротко кивнул. Он снова открыл футляр и вручил Лайману одну из фотографий.

— Спрячьте, — сказал он. — Увидимся здесь завтра. А до тех пор будьте осторожны.

Они крепко пожали друг другу руки и несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Потом коричневый человек повернулся и вышел из бара.

Лайман остался там, где сидел. Между двумя морщинами на его лбу что-то зашевелилось. Открылся третий глаз и уставился вслед уходящему коричневому человеку.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯРОСТЬ

Роман

3

ИСТОЧНИК МИРОВ

Роман

141

ТЕМНЫЙ МИР

Роман

247

ЖИЛ-БЫЛ ГНОМ

Сборник

*фантастических
рассказов*

357

Каттнер ГЕНРИ
ЯРОСТЬ
*Фантастические романы,
рассказы*

Ответственный редактор *И. А. Лазарев*

Редактор *С. А. Кукуш*

Художник *А. В. Вальдман*

Технический редактор *Л. В. Гришина*

Корректор *К. И. Каревская*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 12.12.91. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 28,83. Уч.-изд. л. 30,03. Тираж 100 000 экз. Заказ 3818.

МП «Центрполиграф», 127018, Москва, Октябрьская ул., 18.

Отпечатано в ГИПП «Нижеполиграф», 603006, Н. Новгород, Варварская ул., 32.

ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

выпустит в 1991—1993 гг.

следующие книги:

Собрание избранных сочинений

ГУСТАВА ЭМАРА

в 12-ти томах

Том 1

Сурикэ

Том 2

Сакрамент

Искатель следов

Том 3

Степные разбойники

Закон Линча

Том 4

Золотая лихорадка

Флибустьеры

Том 5

Курумилла

Валентин Галуа

Том 6

Король золотых приисков

Мексиканские ночи

Том 7

Охотники за пчелами

Каменное сердце

Том 8

Арканзасские трапперы

Пограничные бродяги

Том 9

Вольные стрелки

Чистое сердце

Том 10

Следопыт

Перст Божий

Том 11

Форт Дюкен

Атласная змея

Том 12

Черная птица

Карденио

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТОМА
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ ГУСТАВА ЭМАРА**

Том 13

Черная собака

Том 14

Мас-Горка

Розас

Том 15

Поклонники змеи

Текучая вода

Том 16

Авантюристы

Морские скитальцы

Том 17

Золотая Кастилия

Медвежонок «Железная Голова»

Том 18

Лесник

Морские титаны

84×108¹/₃₂, бумвинил с тиснением (бронза);
форзац запечатанный, четырехцветный, авантитул,
титул и шмуцтитутлы рисованные, черно-белые. Тираж 100 000 экз.
Оформление отдельных томов — под собрание сочинений.

**Собрание избранных сочинений
ДЖЕЙМСА ОЛИВЕРА КЕРВУДА
в 4-х томах**

Том 1

Долина безмолвия

Золотая петля

Скованные льдом сердца

Том 2

Старая дорога

Северный цветок

Мужество капитана Плюма

Том 3

Пылающий лес

Молниеносный

У истоков реки

Том 4

Охотники на волков

Золотоискатели

Черный охотник

**Собрание избранных сочинений
ЭМИЛИО САЛЬГАРИ
в 8-ми томах**

Том 1

**Черный корсар
Ловцы трепангов**

Том 2

**Священный меч Будды
Охотница за скальпами**

Том 3

**Капитан Темпеста
В дебрях Борнео**

Том 4

**Сокровище Голубых гор
Страна чудес**

Том 5

**На Дальнем Западе
Город прокаженного короля
Талисман**

Том 6

**Гибель Карфагена
В дебрях Атласа**

Том 7

**Трон фараона
Человек огня
Сокровище президента**

Том 8

**Смертельные враги
Владыка морей**

84×108¹/₃₂, переплет — бумвинил с тиснением;
форзац запечатанный, четырехцветный; авантитул,
титул и шмуцтитуды рисованные, черно-белые.

С е р и я
МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО ДЕТЕКТИВА

Формат 60×84¹/₁₆; переплет целлофанированный 4Б;
титул и шмуцтитутлы рисованные, черно-белые.
Тираж 100 000 экз.

1.
Микки Спиллейн «Кровавый рассвет»
Я сам — суд
Долгое ожидание
Поцелуй меня страстно
Кровавый рассвет
2.
Картер Браун «Пропавшая нимфа»
Пропавшая нимфа
Необычный труп
Блондинка
Бэби ценою в миллион
3.
Чарльз Вильямс «Мертвая яхта»
Мертвая яхта
Нет ведьмы яростней
Клеймо подозрения
Слабые женские руки
4.
Микки Спиллейн «Большое убийство»
Большое убийство
Охотники за девушкой
Сладкий запах смерти
Коп выбыл из игры
5.
Реймонд Чандлер «Прощай, моя красавица»
Прощай, моя красавица
Высокое окно
Женщина в озере
Нечестная игра
6.
Дэй Кин «Моя плоть сладка»
Исчезла любимая
Моя плоть сладка
Любовь и преступная ненависть
Поцелуй или смерть
7.
Микки Спиллейн «Месть — мое личное дело»
Мой револьвер быстр
Месть — мое личное дело
Дип
Тигр на свободе

«ОСИРИС»

СЕРИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
МИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСА

60×84¹/₁₆, обл. целлоф., форзац четырехцветный;
титулы, шмуцтитуты рис., черно-белые

1.

Роджер Желязны «Этот бессмертный»
Этот бессмертный. *Роман*
Остров мертвых. *Роман*
Создания смерти, создания тьмы. *Роман*
Этот момент бури. *Рассказ*
Когда расцветают бомбы

2.

Роджер Желязны «Девять принцев Амбера»
Мастер снов. *Новелла*
Девять принцев Амбера. *Роман*
Ружья Авалона. *Роман*
Роза Экклезиаста. *Новелла*

3.

Андрэ Нортон «Королева Солнца»
Саргассы в космосе
Зачумленный корабль
Планета колдовства
Проштемпелевано звездами

4.

Клиффорд Саймак «Из их разума»
Туда и обратно
Пересадочная станция
Принцип оборотня
Из их разума

5.

Генри Каттнер «Ярость»
Ярость. *Роман*
Источник миров. *Роман*
Темный мир. *Роман*
Жил-был гном. *Сб. рассказов*

6.

Клиффорд Саймак «Космические инженеры»
Космические инженеры
Кольцо вокруг Солнца
Что может быть проще времени
Все живое





фантастические романы
рассказы

ЯРОСТЬ

РОМАН

**ИСТОЧНИК
МИРОВ**

РОМАН

**ТЕМНЫЙ
МИР**

РОМАН

**ЖИЛ - БЫЛ
ГНОМ**

РАССКАЗЫ